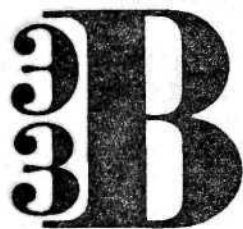

3B

Архитектура

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЗЕМЛИ ВЯТСКОЙ

**ТОМ
ПЯТЫЙ**

ОБЛАСТНАЯ ПИСАТЕЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
АДМИНИСТРАЦИЯ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ВЯТСКАЯ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ПАЛАТА

1996

КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ:
А. М. МИХЕЕВ, В. А. НИКОНОВ, В. А. СИТНИКОВ,
Н. Г. ПРОТОПОПОВ, В. В. ВТЮРИН, А. А. ГОРЕВСКИЙ,
Н. В. ПОЛЯКОВ, Ф. И. ЮШИН

РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ:
В. А. СИТНИКОВ (председатель)
Н. И. ПЕРМИНОВА (заместитель)
О. М. ЛЮБОВИКОВ, А. В. РЕВА, В. А. БЕРДИНСКИХ,
А. Г. ТИНСКИЙ, С. П. КОКУРИНА, В. А. ПОЗДЕЕВ,
Г. Г. КИСЕЛЕВА, В. К. СЕМИБРАТОВ,
А. П. СОЛОВЬЕВ, В. Ф. ПОНОМАРЕВ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЗЕМЛИ ВЯТСКОЙ

Том 5. Архитектура

Художник А. М. КОЛЧАНОВ
Составитель А. Г. ТИНСКИЙ
Редактор Н. В. ПЕРЕСТОРОНИН

ББК 92+85.11 (2 Рос—4Ки)
Я—2

ISBN 5-86645-012-7

О ЧЕМ ЭТА КНИГА

(От составителя)

На главной аллее Летнего сада в Санкт-Петербурге — аллегорическая фигура женщины, в руках которой чертеж и циркуль — инструменты зодчего. Это муза архитектуры. Начиная в 1919 году учебный курс сказкой о трех сестрах-волшебницах — Живописи, Архитектуре и Скульптуре, известный архитектор Ф. О. Шехтель заключил лекцию словами: «По праву Архитектуру считают старшей из этих трех волшебниц: когда народились Живопись и Скульптура, Архитектура уже существовала».

В те очень далекие времена, когда архитектура получила свое великое имя, она одна заключала в себе едва ли не все знания, которыми овладело человечество. Архитектор был и инженером-строителем, и механиком, и философом, и ученым, и художником. Искусство и техника обозначались тогда одним словом «технос». Знаменитый Витрувий называл астронома и механика, математика, изобретателя и строителя машин, Архимеда из Сиракуз, и д е а л ь н ы м а р х и т е к т о р о м.

Действительный член Академии архитектуры СССР Г. П. Гольц определял архитектуру как «ведущее искусство. Искусство и наука одновременно».

Крупный теоретик и практик А. И. Гегелло в 1962 году (это было время индустриализации строительства) обращал внимание еще на одну особенность: «Архитектура представляет собой одну из отраслей строительного производства, но отрасль своеобразную».

Итак — искусство, причем старшее из искусств изобразительных; искусство и наука одновременно; сво-

еобразная отрасль строительного производства. «В товарищах согласия нет», — воскликнул бы баснописец, памятник которому установлен совсем неподалеку от Архитектуры. Но вот еще один голос. Он принадлежал архитектору К. С. Мельникову, и прозвучал в двадцатых годах: «Никакие теоретические институты не пояснят архитектуры. Архитектура по-прежнему с и н о н и м т а и н с т в е н н о с т и». Что это? Утверждение непознаваемости архитектуры? Пессимизм? Да ни то и ни другое. Это признание глубокого своеобразия архитектуры. Она и искусство, она и наука, но она и результат строительного производства. Искусство, отличающееся от других, быть может, более приятных для наших органов чувств: для слуха — как музыка и поэзия, или для зрения — как живопись и скульптура, или для изоощренного ума — как искусство трагедии или комедии. Архитектура с о з и д а е т, тогда как другие искусства и з о б р а ж а ю т. Создает, с природой почти наравне, среду, в которой люди живут: работают, общаются, отдыхают.

— Вы собираетесь рассказать о вятской архитектуре. А что, на Вятке она не такая, как везде? — спросит читатель. Да, такая же, р у с с к а я и так же похожа на архитектуру других русских земель, в первую очередь соседних, как могут быть похожи друг на друга дети в одной семье или — к старости — супруги, в согласии прожившие одними и теми же заботами и привыкшие смотреть на мир как будто бы одной, общей для них парой глаз. Похожа и непохожа в одно и то же время. Настолько не похожа, что можно говорить не только о самобытности вятской архитектуры, но и о вятской архитектурной школе, в течение столетия развивавшейся в условиях взаимопроникновения с архитектурой соседних регионов. Испытывала она и сильное влияние официальной столичной архитектуры. Но это влияние отставало по времени и ослабевало, пробиваясь через многослойный фильтр традиций. На постройке Кафедрального собора и архиерейского дома в Хлынове вятские каменички проходили школу под руководством архитекторов из команды Д. В. Ухтомского, мастера русского «барокко». Но и после этой школы вятские народные зодчие не стали копировать

столичных мастеров. Вятское «барокко» оставалось вполне самобытным.

Архитектура Вятской земли — это своеобразный пласт русской культуры, пласт почти не исследованный и потому мало известный специалистам и еще меньше широкой публике. Единственной книгой, обращенной к широкому кругу читателей, стала работа Б. В. Гнедовского и Э. Д. Добровольской «Дорогами земли Вятской». Но она — о памятниках, а архитектура — это нечто большее. Особенно в историческом плане. Выражаясь языком телекомментаторов, памятник — это «стоп-кадр» истории. Один момент прошлого архитектуры. А другие ее стороны и другие времена? Откуда взялись зодчие? Каменщики, штукатуры? Заказчики? Какими были их взаимоотношения, обязанности? Памятник на такие вопросы не ответит. А без ответов на них невозможно ни понять, ни объяснить архитектуру края, «откуда мы родом».

Читателям предлагается еще одна книга из десяти томного издания Энциклопедия земли Вятской и посвящена она архитектуре. Авторский коллектив образовали специалисты, много лет отдавшие изучению архитектуры вятского края. Разные по возрасту, специальности, опыту. Архитекторы, строители, искусствоведы. Ученые и практики. Родившиеся на Вятской земле и узнавшие ее уже в зрелом возрасте.

Борис Викторович Зырин, архитектор-художник, старейший член Кировского отделения Союза архитекторов РСФСР. Среди его авторских работ — гостиница «Вятка», первый в Кирове высотный жилой дом на стрелке Октябрьского проспекта и Комсомольской улицы. В 1989 году вышла его книга о творческом пути И. А. Чарушина.

Людмила Борисовна Безверхова, архитектор-градостроитель, старший преподаватель кафедры архитектуры Вятского государственного технического университета, член СА РСФСР. Окончила аспирантуру научно-исследовательского института теории и истории градостроительства Академии наук России. Автор научно-исследовательских и проектных работ по архитектуре Вятки и ее «малых городов».

Геннадий Михайлович Безверхов, архитектор, член

СА РСФСР, кандидат архитектуры, заведующий кафедрой ВятГТУ и главный архитектор области.

Анри Юрьевич Каптиков, доцент Екатеринбургского архитектурного института, кандидат искусствоведения, автор научных работ по вятской архитектуре.

Евгений Львович Скопин, инженер-строитель, главный архитектор научно-реставрационной проектно-строительной фирмы, один из авторов проектов реконструкции комплекса Успенского Трифонова монастыря.

Галина Викторовна Титова, инженер-строитель, главный архитектор проектов реставрации памятников архитектуры Кировской области.

Лия Гелиевна Хрипунова, аспирантка Екатеринбургского университета, искусствовед.

Александр Кимович Шуклин, инженер-строитель, главный архитектор реставрационно-строительной фирмы «Арсо».

История зодчества — это сколок реальной, но давно прошедшей жизни. И авторы начинают рассказ о ней — «да ведают потомки православных земли родной минувшую судьбу». Но только говорить об архитектуре бесполезно, и в пятый том включено большое количество фотографий, рисунков, чертежей. Они не только иллюстрация текста, они сама суть рассказа, текст — пояснение. Фотография фасадного декора храма: одна из таких «картинок», содержит информацию, которую не передать словами. Просмотрит читатель такой «видеоряд» с подробными подписями — и вот уже есть первое впечатление о содержании книги и ее направленности.

Чтобы почувствовать особинку вятской культовой архитектуры XVIII века, обратите внимание на третью главу, где в статьях «Архитектурные формы храмов» автор рассматривает два периода, два пятидесятилетия: 1680—1720-е и 1730—1770-е годы. За это время архитектурные формы храмов существенно изменились, и автор показывает читателю, как и почему это произошло. Пусть не смущает читателя лавина терминов, непривычных названий. Не в названиях суть. Ведь в декоративном убранстве фасадов у вятских много своих, особенных деталей и приемов, которым и названия-то общего нет; автор может называть их

по-своему. Вот, например, строчка «плетений» на цоколе храма: в одном случае это «хомутики», в другом нечто похожее на греческую букву омега. Впрочем, почему «греческую»? В те времена букву эту часто использовали при письме, читая ее как долгое «о». В конце книги читатель найдет словарик специальных терминов. И еще — чтение этой главы следует сочетать с просмотром иллюстраций: отсылки к ним сделаны в тексте.

Фотографии и рисунки помогут читателю «одолеть» церковную архитектуру XVIII века. А вот дома обывателей (в том смысле, которое имело это слово раньше, — жителей) представить трудно, потому что только редкие из них дошли до нашего времени, да и то в сильно искаженном виде. Специально для читателей этой книги авторы впервые восстановили давний вид двух каменных строений первой половины и середины XVIII века: дом купца И. Г. Толмачева и дом секретаря Вятской провинции А. И. Перминова. Труднее показать, какими были дома жителей победнее, да еще в более раннем веке. Они давно исчезли. Помогло изображение Хлыновского кремля, Успенского монастыря и его заоградных слободок на иконе конца XVIII века «Трифон Вятский перед Богоматерью». Писал ее живой свидетель событий, хорошо знавший утвердившиеся за несколько веков до него условности изображения окружающего мира. Вятская икона — с учетом расшифровки этой особенности древней иконописи — может служить достоверным источником сведений о временах и более давних (по крайней мере, о шестнадцатом веке, о временах Ивана Грозного, когда создавался ценнейший по содержанию иллюстрированный несколькими тысячами миниатюр «Лицевой свод» о современном ему Русском государстве). В книге приведены примеры таких символических изображений, как изба, холодная клеть, простейшая связь «изба-сени-клеть», тюрьма, приказная изба, острог, храм, монастырская слободка. А сохранившиеся в архивах подробные словесные описания оборонительных сооружений Хлынова конца XVII века в сочетании с планом 1759 года позволили реконструировать план двухвальной обороны Хлынова и представить макеты ее валов и башен.

Впервые публикуются панорамы и планы исторических уездных городов, рассказ о их развитии в русле общих тенденций и законов российского градостроительства. Здесь же — планы и панорама великолепного архитектурного ансамбля на Великой реке, создание которого продолжалось более ста лет и связано с народными мастерами-зодчими, с именами известных архитекторов: Ф. М. Рослякова, Н. А. Андреевского, С. Е. Дудина, И. Д. Дюссар де Невилля, А. Е. Тимофеева, В. М. Дружинина. Впервые читателю представлен памятник каменного зодчества — Покровский храм одноименного погоста, затерявшегося в лесах современного Лузского района. Небольшую статью о нем мы поместили в разделе об архитектурных ансамблях.

Есть в книге и глава о вятских архитекторах. О творчестве Ф. М. Рослякова, А. Л. Витберга (в его вятский период), В. М. Дружинина, И. А. Чарушина и Н. И. Козлова написаны небольшие очерки. Самые краткие сведения — о тех, кто когда-либо занимал архитектурские должности на Вятке или, не занимая их, проектировал здания и сооружения, тем самым оставил материальное свидетельство о своей деятельности на благо нашего края в виде выстроенных домов, мостов, часовен, храмов. Одна из глав посвящена застройке вятских сел за длительный период — от первых попыток ее «регулирования» указами Петра I и до программ последних лет. В разделе документальных материалов («Архивная полка») помещены документы, ранее не публиковавшиеся. Одни из них тесно связаны с материалом статей, другие затрагивают новые темы, еще не освещенные вопросы. Здесь образцы подрядных договоров и паспортов подрядчика, так называемые «одобрительные письма», переписка с архитектором Д. В. Ухтомским о строительстве Кафедрального собора, автограф Витберга, телеграмма всесоюзного старосты М. И. Калинина на имя И. А. Чарушина, правила о постройке домов конца XVIII века и другие важные документы.

Как читать пятый том? Каждая из основных глав относится к определенному отрезку времени, большому или относительно малому, в пределах которого материальная основа архитектуры (строительное произ-

водство) и художественные воззрения общества не претерпевали резких изменений. Поэтому и читать книгу лучше в том порядке, в котором эти отрезки времени следовали один за другим. Но это не исключает и справочного использования тома и чтения отдельных глав или статей в порядке возникающих у читателя вопросов.

Даты везде названы по календарю соответствующего времени. Точно так же — единицы измерения (вершок, аршин, сажень). На чертежах масштаб указан масштабной линейкой. Планы (за редким исключением) ориентированы на север. Такой четкости нет, к сожалению, в указании года постройки зданий, особенно культовых, строительство которых велось в две, три и даже в четыре очереди — по приделам. Большие пробелы в сведениях об архитекторах и лицах, участвовавших в проектировании. Названо около ста человек. Первоначальный замысел — о каждом дать исчерпывающие сведения (имя и отчество, год и место рождения, смерти, период работы в Вятке, должность, образование) осуществить не удалось, но мы все-таки поместили даже отрывочные сведения в надежде, что начатая авторами работа будет продолжена. Не представилось возможным критически осмыслить застройку города Кирова в течение последних двух десятилетий, в условиях перманентных изменений генерального плана.

Совсем не отражены в томе система подготовки и комплектования архитектурских кадров, производство строительных материалов, вопросы управления строительством. Остается надежда, что и эти вопросы будут исследованы и обобщены позже.

Кончается работа над томом, наступает время иных тревог. Как встретит книгу читатель? Все замечания, критику мы примем как должное. Не можем принять только возможного упрека в отрешенности от реалий современной жизни: здания бывших храмов в критическом состоянии, а авторы, мол, спокойно рассуждают о их былом месте в вятской архитектуре. Да, с болью в сердце, но хладнокровно, без истерического плача и напрасных стенаний. Каменным храмам восемнадцатого века — за двести лет. На такую жизнь они

не были рассчитаны. Именно эти, в большинстве полуразрушенные и пока еще не упавшие храмы указали исследователям место, которое они занимали когда-то в архитектуре земли Вятской. А теперь — в нашей памяти. В память предыдущих поколений, из которых вышли многие десятки народных зодчих: Старковых, Чернятевых, Москвитиновых, Никоновых, Жуковых, Соколовых, Шутовых, Окуловых, Редниковых, Злобинных, Худербиных, Суворовых, Тупицыных, Тупасовых, Коршуновых, Спицыных, Кошкиных, Лугошких, Кудрявцевых, Цыпочкиных, Горынцевых.

Храмы строили приходами, общинами, на мирские копейки, часто отказывая себе в самом необходимом. Способны ли мы, сегодняшние, разобщенные, собраться и в добром согласии и на свои кровные восстановить падающие храмы? Восстановить и содержать их, что сложнее и многократно дороже? Содержать в прежнем качестве среди опустевших и заброшенных деревень? Если «нет», то и плакать незачем. А память сохранить мы обязаны. Книга эта и будет памятью, пока не истлеют ее страницы. Мы на это надеемся.

А. Г. Тинский.

ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО ВЯТСКОЙ ЗЕМЛИ

А. Г. ТИНСКИЙ

ОДНОКАМЕРНЫЕ ЖИЛЫЕ ПОСТРОЙКИ ПЕРВЫХ НАСЕЛЬНИКОВ НОВОГО ГОРОДА

Далеко-далеко, за непроходимыми лесами и болотами бежала полноводная Вятка. Больше шести веков прошло с той поры, когда первые новгородцы высадились и построили город на ее берегах. Каким он был, этот далекий от нас город? Живых свидетелей тому нет. Давно исчезли с лица земли и постройки тех лет: дерево не может служить так долго. О том первом городе до наших дней сохранилось только несколько написанных гусиным пером строк «Повести о стране Вятской».

«Во много бо лета во граде Хлынове, где ныне¹ кремль-город, построены жития жителей тех: кругом города храмины, друг подле друга в близости, задними стенами ко рву ставлены вместо городской стены, понеже то место окружено от северной страны ископан-ным рвом, а от западу и полудни преглубоким рвом, а с востоку от реки Вятки высокая гора».

Это сообщение — «храмины друг подле друга в близости, задними стенами ко рву ставлены вместо городской стены» — все историки приняли на веру, а Н. А. Спасский подкрепил его ссылкой на недавно еще сохранявшийся среди марийцев обычай распланировки своих селений: «ставили свои избы задними стенами ко рву или к реке вблизи друг к другу так, чтобы двор у всего селения был общий». Подобная планировка была обычной для славянских укрепленных поселений лесной зоны. Археологические исследования их, интенсивно проводившиеся на протяжении текущего века, показали, что уже в XII—XIII веках повсеместно получили распространение срубные жилища, встроенные в земляные оборонительные валы. Предназначались они поначалу *только* для жилья гарнизона и потому были до предела просты: каждое жилище состояло из одной жилой камеры-клетки. В ней была печь, глинобитная или каменная, какую жители Хлынова устраивали в своих уже наземных жилищах и через триста лет, в конце XVII века. Пол земляной, но нередко и из плах, несколько приподнятых над землей. Потолок из

---

¹ Время написания «Повести...» историки относят к концу XVII — началу XVIII века.

двух слоев плах или бревен сверху присыпан слоем утрамбованной глины: он служил боевой площадкой для защитников¹. В плане клеть была небольшой — от одной до двух — двух с половиной сажен.

По мере увеличения семей стали расширять и встроенное в вал жилье, прирубая к нему со стороны двора новые клетки. Со временем первоначальные жилые клетки стали использовать для хранения инвентаря, торговых запасов и урожая. Прирубленные хозяйственные клетки, стоявшие как бы во втором, внутреннем ряду и не имеющие печей, при опасности осады города враждебными отрядами использовались и для временного размещения окрестных жителей. По свидетельству «Дозорной книги» князя Звенигородского, в 1615 году в Хлынове было 27 пустующих в то время «осадных дворов».

Сообщение «Повести...» о внешнем виде города на Вятке косвенно подтверждается и таким графическим документом, как снятый с натуры в 1759 году план города Хлынова, на котором показаны остатки кольцевого земляного вала в том месте, где ныне начинается Московская улица. И ров, и остатки кремлевского вала можно увидеть и на снятом с натуры почти на четыре десятилетия позже плане Ф. М. Рослякова².

Итак, первоначальный город состоял из комплекса срубных жилых и хозяйственных помещений, частично встроенных в земляной вал. Ядро града — будущий кремль — при периметре около 420 сажен занимало площадь около трех с половиной гектаров.

«И на том благоизбранном месте вначале поставиша церковь во имя Воздвиженья Креста Господня и град устроиша», — продолжает рассказ автор «Повести...». Первая в городе церковь строилась как обыденка — «об один день» — всем миром, как, наверно, и все жилые постройки, и отличалась от них только прирубленным с востока алтарем, двухскатной крышей «на самцах» да завершающим ее крестом.

Но вернемся к «Повести...».

«И егда во граде умножишася людие и поселились свободно, и тогда... поставили острог кругом всего посаду³, начеише с полу-

¹ П. А. Рапопорт. Древнерусское жилище. Сб. «Древнее жилище народов восточной Европы». А. Н. СССР. М. 1975.

² План 1759 года был опубликован в Трудах Вятской ученой археологической комиссии, и его можно найти в библиотеке им. Герцена. План Ф. М. Рослякова еще сто лет назад считался утерянным, но лет двадцать назад случайно обнаружен в одном из дел Вятской городской думы и находится в ГАКО. 630-8-15; в этой книге он не приводится.

³ «Поселились свободно» означает «за пределами укреплений, за рвом». Случилось это еще в начале XV века, до ночного боя с великоустюжской ратью.

денной стороны от глубокова рва, где ныне выше винокурни словет Епихов поток, и ведоша тот острог на север до глубокова ж рва, где ныне башня троеворотна, и построиша башни на проезжих дорогах». Посад продолжал расти, и острог оказался в тылу. Бревна сгнили, ров оплыл. На месте острога образовалась кольцевая улица (черт.1). Ее можно увидеть на упоминавшемся уже росляковском «Плане губернского города Вятки, по которому развитие в натуре учинено». Однако к моменту составления плана (к 1795 году) южная часть улицы оказалась уже застроенной и на план не попала.

Сопоставление росляковского плана, где показан Вознесенский собор, рядом с которым был «земский колодезь» и описание «Повести...» позволяет уточнить место, где на берегу Засоры начинался острог: в районе современного дома № 5 по улице Герцена.

А. Г. ТИНСКИЙ

ЖИЛИЩЕ И УСАДЬБА ГОРОЖАН XVII—XVIII ВЕКОВ

Если оборонительные сооружения Хлынова XVII века и принадлежащие казне здания сохранившиеся документы описывают, по крайней мере, словесно — подробнейшим образом, то жилища и надворные постройки рядового обывателя в государственных документах отражения не находили, и только какая-нибудь дарственная или купчая крепость, случайно попавшаяся на глаза исследователю, может кое-что ему рассказать. В этих условиях изображение города на иконе «Трифон Вятский перед Богоматерью», написанной в последнем десятилетии семнадцатого века (рис. 2), приобретает особую ценность. Кроме хлыновского кремля на иконе изображен и Успенский монастырь, а за его оградой — две слободки, Большая и Малая Кикиморские. Рассматривая их, будем иметь ввиду, что иконопись всегда носила символический характер, отображая не столько подробности, детали, индивидуальные признаки рельефа или конкретного здания, сколько его обобщенный образ, характер в виде своеобразного фигурного знака, иероглифа, символа. Современники иконописцев и иллюстраторы старинных книг хорошо понимали их условный графический язык и не нуждались в пояснениях. Символы были понятны, потому что отражали самое существенное. Архитектура народного жилища совершенствовалась веками, для каждого поколения изменяясь почти незаметно, и устойчиво сохраняла *отобранные* временем улучшения. Потому на иконе конца семнадцатого века можно увидеть,

каким было жилище в шестнадцатом и каким станет в веке восемнадцатом.

В 1553—1570 годах по замыслу и при участии Ивана Грозного был издан богато иллюстрированный Летописный свод. Тысячи миниатюрных рисунков, отображающих многие стороны русского быта, помещены на его страницах, в том числе храмы, жилые и хозяйственные постройки, деревни и города.

Так, (рис. А) изографы шестнадцатого и семнадцатого веков изображали деревянное отопливаемое жилое помещение — простейшую односрубную избу, ячейку всех будущих домов. У нее нет дымовой трубы, а три окна на торцевой стене расположены на разных уровнях. Художник показал нам, что изба отопливается по-черному: верхнее окно служит для выпуска дыма. Такой тип избы — без потолка — сохранялся издревле; только при отсутствии потолка можно было третье окно расположить так высоко. Два других окна в торце — «волоковые», закрывающиеся волоком, задвижкой: они освещают помещение. Придет время, и их будут закрывать рамой с натянутым на нее паюсом крупных рыб, брюшиной или кожей, а в богатых домах закроют слюдяной окончиной. Бревенчатые стены на рисунке бревнами не расчерчены, а на углах сруба не видно «остатков»; и тем не менее это сруб, упрощенный условно. Дверной проем, закругленный вверху «для красоты», не закрыт дверью, но она есть, и все это понимают. Вот как много рассказал нам изограф об этой избе.

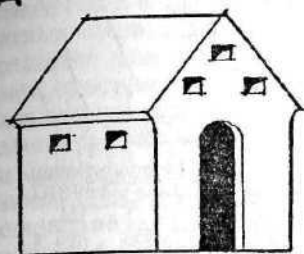
На рис. Б тоже однокамерный сруб, но холодный, неотапливаемый — клеть. Она используется для хозяйственных нужд. Об этом говорит отсутствие верхнего окна: нет очага — не нужно и окно.

Из этих двух помещений — избы да клетки — и состоял в XVI веке двор крестьянина или горожанина. Изограф ставит их рядом. Несколько таких пар — вот и деревня. Крестьянин тогда обходился двумя клетями. Помещений для скота на древних миниатюрах нет, скот держали в загородках, под навесом и только во время отела заводили в избу. Так поступали крестьяне в северных вятских деревнях даже в конце XIX века.

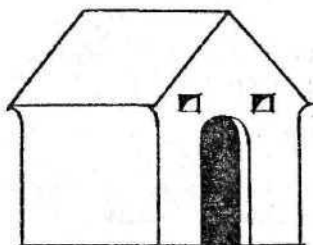
В семнадцатом веке жилище крестьянина и рядового жителя городов усложняется: между теплой и холодной клетями появляется третья клеть — сени. Появляется устойчивый — на столетия — тип трехчастного жилища: изба-сени-клеть, перенесенный в следующем веке и в каменную архитектуру. Вот тогда окончательно дверь перемещается с торца избы в сени — холодное, поначалу даже без потолка помещение. В народе такая композиция, когда три клетки вытянулись в одну линию и оказались под одной крышей, получила название «в одну связь» или «в одной стопе».

Вернемся к вятской иконе и теперь без труда найдем на ней изображение «черной» избы и холодной клетки, но увидим и нечто

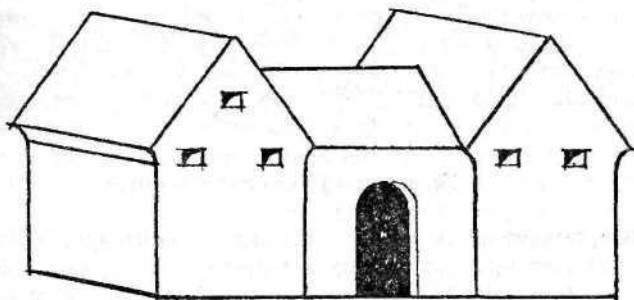
А

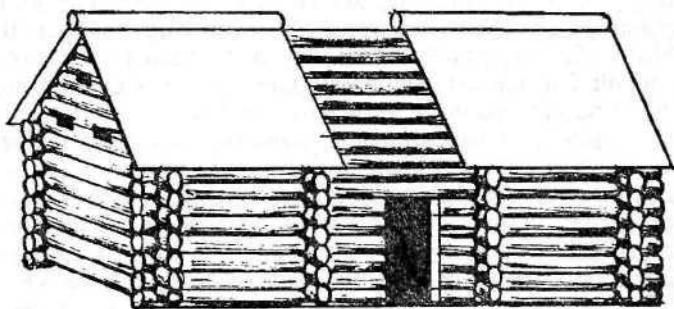
Б

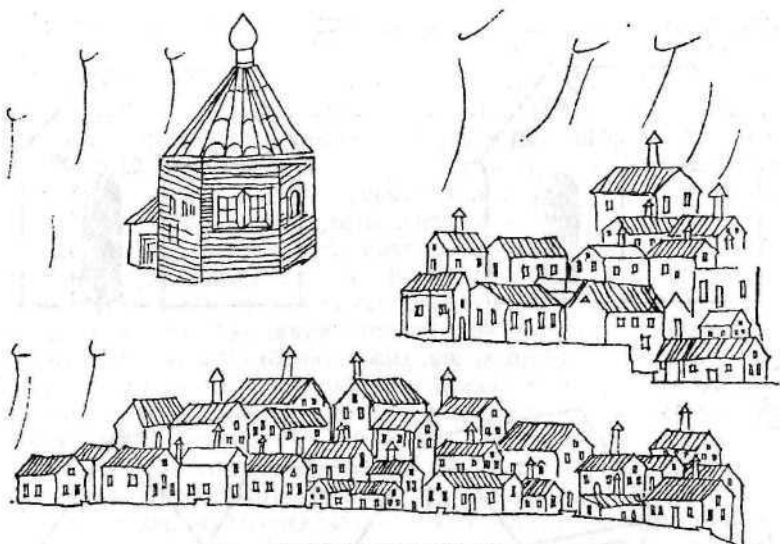
В

Г

Изба /А/, клеть /Б/ и жилая связь «изба-сени-клеть» /В и Г/.
Условное изображение на миниатюрах и иконах XVI—XVII вв.

Загородные слободки
Успенского Трифонова монастыря.

новое, появившееся в семнадцатом веке, — чего не было на миниатюрах Летописного свода. У многих односрубных жилищ над коньком крыши возвышается деревянная вытяжная труба — «дымник». Там, где есть дымник, есть и потолок. Верхнее окно при дымнике уже не играет роль вытяжки; возможно, оно превращается в световое окно дополнительного чердачного помещения, светелки. В слободках появились избы на высоком подклете, двухэтажные, северные. Входная дверь у многих изб переместилась на продольную сторону: по-видимому, это уже трехкамерная связь. В дальней (Малой Кикиморской) слободке просматривается такая связь, у которой крыша средней клетки (сеней) перпендикулярна крыше жилой части: можно думать, что это шаг к появлению холодной горницы над сенями. Конечно, имея только единственное изображение хлыновских слободок конца семнадцатого века, непростительной ошибкой был бы безоговорочный вывод о составе строений, столь разных по своему положению горожан, стоящих не только на разных ступенях, но и на разных маршах сословной лестницы. Обратимся к другим свидетельствам: купчим крепостям, дарственным, актам раздела имущества, владенным записям.

Дворовые участки хлыновцев XVII века не имели той правильной геометрической формы, которая появилась в конце следующего века после высочайшего утверждения регулярных планов вятских городов. Величина усадебных мест, как и состав помеще-

ний, соответствовала имущественному положению владельцев. Купец Алексей Кальсин имел дворовый участок площадью 1450 квадратных сажен, вятский воевода — 2400, а работный человек архиерейского дома — 84 квадратных сажени (данные 1668 года). Роспись, присланная в том году воеводе Ордин-Нащекину, предписывала отвести «для епископских людей» на посаде: двум приказным «длиннику под двор по двадцати сажен, поперешнику по двенадцати сажен; протодьякону и детям боярским и подьякону и всем дьяком ... длиннику под всякой двор по штинатцати сажен, поперечнику по осми сажен; сторожем, приказным и служебником, и ключником, приспешником, поваром, конюхом... под всякой двор длиннику по четырнатцати сажен, поперечнику по шести сажен»¹. Таким образом, под один двор отводилось (в современных мерах) от 380 до 10900 квадратных метров.

Планировка городских усадеб в своих основных чертах не изменялась в течение длительного времени, и о том, какой она была в середине семнадцатого века, мы можем судить по более поздним документам. С момента зарождения и до 1784 года застройка Хлынова происходила без плана, и его планировочную схему определяли в основном рельеф и транспортные связи с соседними землями. Эти же факторы (дороги, река, рельеф) определили и ориентацию и форму усадебных мест. Пока не изменялась планировка, не изменялись и усадьбы жителей. Они состояли из трех частей: переднего двора, заднего двора и огорода с садом. Дома ставились в глубине усадьбы, разделяя передний и задний дворы. Там, где размеры вынуждали экономить место, из двух дворов делали один, и он мог находиться и сзади, и сбоку от дома. Свои дома хлыновцы рубили из толстых бревен — диаметром до шести вершков (27 сантиметров), сруб ставили на подклетах (подъизбицах), используя их для различных хозяйственных нужд. Связь из трех клетей (изба-сени-клеть) была наиболее распространенной и в городских условиях оказалась наиболее удобной. Только поэтому трехчастную планировку получили и первые каменные здания в городе (дом заводчика И. Г. Толмачева, питейная изба). Изба бобыля, как и прежде, оставалась однокамерной — только одна отапливаемая клеть, а жилье «лутчих людей» состояло из различных сочетаний холодных и отапливаемых помещений и достигало трех-четырех этажей. Крыши разной формы — двухскатные, на четыре ската, шатровые, палаткой, епанчой — хлыновцы крыли тесом топорной работы «со скалою» (берестой), иногда «в два теса» (тогда «скала» укладывалась пластами между двумя слоями теса). Очень важным элементом жилого дома считались окна, в середине восемнадцатого века уже большие, до одного аршина по высоте, затяну-

¹ Грамоты и акты архиерейского дома. ТВУАК, 1907, вып. 2.

тые «паюсом» (прозрачная пленка икрыного мешочка крупной рыбы) или слюдой. В жилые покои второго этажа вели крытые наружные лестницы, в богатых домах с рундуками. Однако большая часть населения имела избы «черные», с глинобитными печами. Вот какие сведения сохранила купчая крепость 1662 года на хоромы и двор с яблонями на Московской улице Хлынова. Ульяна Григорьева, дочь Юферева, продала свой двор, «а на дворе изба новая на жилом подклете, а верхнее жилье внутри не делано, да сени, да клеть, да сарай ветхие... а взяла я Ульяна... 50 рублей денег серебряных московских ходячих...». Большая двухэтажная изба («на жилом подклете») в одной связи с клетью, выстроенная заново, но еще не отделанная («верхнее жилье внутри не делано») продана вдовой явно по нужде. Усадьба и дом Юферевой — типичная усадьба ремесленника среднего достатка. Мы не знаем размера этой усадьбы, но «огородец» есть и даже яблони. Большой редкостью для Хлынова яблони не были.

А вот какую характеристику дает «Владенная запись» двору купца Коршунова, только что купленному у Алексея Васильевича сына Кальсина во Всесвятской слободе на Московской дороге¹. «Место мерою длинника пятьдесят восемь, поперешника двадцать сажен, а на оном хоромного строения в одной стопе три белые избы: передняя с перегородкою, в ней три двери с замками внутренними, восемь окон с окончинами с задвижками на крюках и с винтами; задняя с одними дверьми с замком внутренним, пять окон без окончин. У всех оных белых покоев окна косячатые и в двух светлицах окончины слудные с белым железом. Ветхая черная изба, у ней одни двери на крюках, два окна косячатые, да три малых без окончин. У того всего строения трои сени... в сенях оных два подклета, крышко крыто тесом. В том же дворе конюшня о три жилья... Подвал, над ним гульбище с перилами. Погреб и наверху сушило. Баня с предбанником и людская рабочая изба с дверми, с окончины слудными, ветхие. Крытый двор. Два огородчика, в заднем огородчике житница небольшая».

В купчих крепостях и владенных росписях их современники скрупулезно отмечали все, что заслуживало их внимания, представляло особую ценность или было ново, необычно: число и размеры окон (большие, малые), дверей, устройство и материал «окончин», замков, конструкцию печей и, конечно же, взаимное расположение и связь клетей. Не упоминали вовсе или упоминали редко лишь привычное — размеры срубов, например. Видимо, это не было важным, поскольку и изба бобыля, и дом ремесленника были

¹ «Владенная запись из Вятского провинциального магистрата, данная Коршунову на купленное им после смерти Кальсина имущество». ТВУАК, 1915, вып. 1—3.

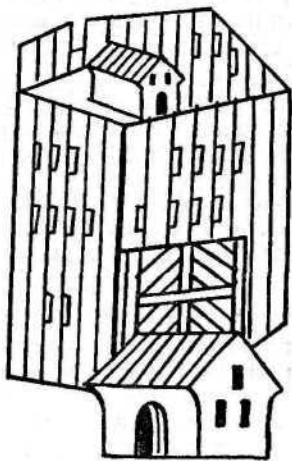

срублены из бревен одного размера; однако, если использовали четырехсаженный, так называемый «городовой» лес, то это указывали. Интересно, что н и к о г д а не называли площадь помещений, квадратные сажени. Это мы считаем сейчас квадратные метры, да еще разделенные на жилые и просто полезные.

Крупным дворовым местом в Хлынове владел воевода. Интересное описание двора воеводы, построенного в 1694—1696 годах на прежнем воеводском месте, приводит «Росписной список Вятской провинции» 1731 года:¹

«Близ площади... двор воеводский, на нем четыре светлицы в одной связи, пятая отхожая, с чердаком, на глухих подклетах. Баня ветхая. Три крыльца в оных покоях, в окошках окончины слудные. Ледник. Две избы ветхие с сенями, да изба конюшенная, другая приворотная, да поварня. Двор огорожен забором, ворота створные, у ворот караульная изба, ветхая же». Печи в «белом» доме воеводы сложены из кирпича. Такие же кирпичные печи были и во втором этаже поваренной избы; в ее подклете — большая печь с шестком, тоже кирпичная. Баня по-черному, печь в ней — «камешница, складена из камня». Во дворе, под навесом, еще одна печь, сбитая из глины, «петчи хлеб, в которое время бывают дни жаркие».

В 1628 году по государеву указу в хлыновском кремле рядом с Воскресенской церковью выстроена тюрьма. Изограф, писавший икону Трифона Вятского, поместил ее неподалеку от главной кремлевской башни, изобразив, как водится, в виде символа: высоченная ограда из поставленных вертикально и вкопанных в землю бревен (тын), скрывающая даже крышу двухэтажной избы, в которой содержатся заключенные. Снаружи у ворот — знакомый символ жилища, но отапливаемого по-черному клети. Караульная изба. Однокамерное жилище караульщиков и сторожей: 3 сажени в длину, 2 сажени и 2 аршина в ширину. Так выглядела и изба бобыля, безземельного крестьянина, захребетника и вечного батрака со случайными заработками. Изба без двора, а потому и без ограды.

Тюрьма с караульной избой в хлыновском кремле XVII века. Деталь иконы «Трифон Вятский перед Богородицею».

¹ «ВГВ», 1895, №№ 91—96. Публикация учителя Вятской гимназии В. Юрьева.

К сожалению, время не сохранило ни одного городского деревянного дома, построенного до переименования стольного града Вятской провинции Хлынова в губернскую Вятку. К сожалению потому, что именно это время было переломным для городского жилища. Конфирмованный регулярный план означал конец так называемой «стихийной» средневековой планировки города, городской усадьбы, конец и забвение народной архитектуры городского жилища. Старые дома оставили только «до изгоя», всего на несколько лет. Мы можем увидеть их только на редких рисунках современников или представлять их облик по описаниям очевидцев.

Как образец нового стиля городского жилища после введения регулярных начал в застройку и архитектуру городов мы можем указать дом посадского человека, по сословному положению помещанина из крестьян Петра Григорьевича Жгулева. Построен он по проекту Ф. М. Рослякова, первого вятского губернского архитектора, в 1795 году на бывшей Пятницкой, ныне улице Степана Халтурина, «лицом на площадь Предтеченской церкви». Тогда здесь была городская окраина, огороды. Для постройки дома на шести саженях Жгулеву был выделен участок правильной формы размером 12 на 40 сажен (около 2160 квадратных метров). К шестидесятым годам прошлого века дом приходил уже в ветхость, но вовремя был подновлен и, оставаясь еще многие десятилетия во владении наследников, сохранен ими почти в первоначальном виде. Шестистенок (на языке мастеров-плотников — дом «рублен на восемь углов»), он сохранил традиционную трехчастную планировку. Вероятно, только окраинное положение спасло его от обязательных атрибутов «примерного» проекта — обшивки тесом и окраски, имитирующей каменное строение, да балюстрады на фасадной стороне крыши. Ныне дом Жгулева — памятник архитектуры XVIII века (ул. Степана Халтурина, 17).

А. Г. ТИНСКИЙ

ПЛАНИРОВКА И ЗАСТРОЙКА ГОРОДА ХЛЫНОВА В XV—XVII ВЕКАХ

Бытует мнение, что застройка средневековых русских городов была стихийным, неуправляемым процессом. Это справедливо только в том смысле, что застраивали города «не по плану архитекторскому». Плана в современном понимании этого слова вообще не существовало. Между тем, строения или их группы располагали в строгом порядке, который определялся целым рядом объективных факторов: составом и назначением построек, рельефом местности,

ландшафтом, взаимными обязанностями таких городских образований как кремль, посад, улица, слободка, их функции. С этого важного понятия функциональной структуры мы и начнем знакомиться с планировкой Хлынова.

Город на Вятке возник как укрепленное поселение, выдвинутое далеко на северо-восток, в конце XIV века. В течение первого периода его истории именно оборонительные функции определяли его структуру. На сотни верст удаленный от русских земель, он не мог, однако, существовать только как военное поселение, и уже в начале XV века рядом с защищенным стенами ядром — кремлем — возник укрепленный острогом жилой посад и торговая площадь, торг. Торговля и ремесло с течением времени приобретали все большее значение, но... из осколков Золотой Орды в 1438 году образовалось Казанское Ханство, и оборонительные функции города еще долго оставались главными. В середине века кремль был полностью перестроен, его оборона усилена. И еще один раз, почти через столетие после взятия Казани войском Ивана Грозного, когда, казалось бы, нужда в оборонительных сооружениях вообще отпадет, правительство распорядится перестроить оборону города на современный лад: приближалась крестьянская война. Но тогда Хлынов еще оставался ближайшим тылом осваивающих Сибирь отрядов землепроходцев, через него сибирские города снабжались хлебом. По вятской земле была проложена Большая Сибирская дорога. С 1554 года Хлынов получил исключительное право торговли с Великой Пермью и караванами отправлял пермскую соль вниз по Вятке. Он становится не только административным, но и крупным торговым и ремесленным центром.

Ремесло и торговля сосредоточиваются в быстро растущем жилом посаде, складывающемся по «уличанскому» типу. Переписи тяглых дворов в семнадцатом веке всегда ведутся по улицам. Улицы Хлынова, однако, не представляют собой общину, обособленную по профессиональному признаку, характерному для новгородских «концов». Основная часть населения посада относилась к тяглым посадским, обязанным платить тягло и нести государственную службу. Дворы беломестцев — служилых людей, купцов, духовенства, освобожденных от тягла, территориально в пределах посада не обособлялись и были вкраплены между «черными» дворами. Правда, со временем становится ощутимым процесс сосредоточения беломестных дворов в начале улицы, вблизи от торгового, — беломестцы скупают опустевшие, заброшенные и сгоревшие дворы в центре. Наряду с тяглыми и беломестными дворами на посаде были и оброчные дворы, владельцы которых выплачивали оброк за использование сельских или промысловых угодий вне города, не связанных с тяглом. Дворы церковнослужителей обычно ставили вблизи храмов, и переписные книги называют их отдельно, подтверждая

обособленность от посадской общины. Слободок тяглых людей, связанных общностью профессии, например, рыбацких или ямских, в Хлынове не было. Ту или иную часть посада всегда занимали огороды; пашенные и выгонные земли находились за пределами укреплений.

Две самостоятельно управляемые единицы составляли монастыри: мужской Успенский Трифонов монастырь, возникший на городской земле, но за пределами городской стены в 1580 году, и девичий Преображенский, созданный в 1624 году в пределах Земляного города, у самых кремлевских стен. Их положение в окружении городских земель не один раз приводило к обострению отношений с городской общиной и территориальным спорам, которые разрешались только царскими указами. За монастырскими стенами существовали и сохранившие свободу от тягла монастырские слободки (Большая и Малая Кикиморские или Заоградные). Их население состояло из монастырских служителей и частично из беглых посадских, скрывающихся от государственных повинностей. В конце первой четверти XVII века оброчный двор между острогом и Малой Засорой положил начало Владимирской слободе. На Московской дороге возникла Всесвятская слобода с деревянной церковью Всех Святых. За рекой «старой Вяткой» со двора Ивашки да Матюшко Воронцовых начиналась еще одна оброчная слобода.

Внешнее кольцо населенных пунктов вокруг Хлынова составляли починки и деревни, в основном принадлежавшие Трифонову монастырю, иногда имевшие множество меняющихся со временем названий: деревня Замятня Кобылина (она же Петрушинская, Денисовская, Колобова), Митюшинская, Никольская, Богоявленская (Пескишево), Костина, Ананьевская, Пушкарская, Золотаревская, Шмаковская, тяглая Федьки Волкова, починок Луковицкий и многие другие.

В церковном отношении до середины XVII века Хлынов подчинялся непосредственно московскому патриарху (его подчинение Казанской епархии в 1553 году было, скорее всего, только формальным актом). В 1656 году Хлынов становится центром вновь учрежденной Вятской и Великопермской епархии, отвечающей за обращение в христианство коренного населения громадного по территории края: удмуртов, татар, марийцев, коми, пермяков. Место для архиерейского дома, его приказов, а также для домов церковнослужителей соборной церкви отводится в кремле; здесь же размещается духовная консистория. В конце века воевода поселяется на посаде, у торгового, и переводит на посад свою канцелярию. Постепенно из кремля на посад переводятся житницы, съезжие избы, тюрьма. По мере расширения посада переносятся на посад церкви. Кремль уже не воспринимается как административный центр края, постепенно превращаясь в «стольный град» епархии.

Так к концу XVII века изменяются функции кремля, торговой площади, посада. Мощные городовые укрепления уже не защищают власть, и в следующем веке о них забывают.

Планировку Хлынова XV—XVII веков увидеть невозможно: в натуре она не сохранилась, а о снятых в те времена планах никаких сведений нет. Но ее можно воссоздать по тем архивным сведениям, которые до нашего времени сохранились. Исходными опорными документами для реконструкции плана средневекового Хлынова послужили:

- геодезически точный план города Хлынова, снятый с натуры комиссией по межеванию земель в 1759 году;
- планы города, снятые архитектором Ф. М. Росляковым в последнем десятилетии XVIII века при перестройке города по регулярным планам, «по которым развитие в натуре учинено» и на которых показана старая планировка;
- книги отвода мест под новую застройку за 1786—1806 гг.;
- иконографический материал (икона «Трифон Вятский перед Богоматерью», написанная в последнем десятилетии XVII века);
- Переписные, Писцовые и Дозорные книги 1615—1678 годов.

Город Хлынов относился к тем сравнительно немногочисленным историческим городам России, которые на протяжении XV—XVII веков интенсивно росли, сохраняя при этом свою древнюю планировку. По-видимому, это явилось следствием территориальной обособленности Вятской земли и сохранившегося почти до конца пятнадцатого века народоправства. Позже, когда центральные русские города, оказавшись в новых условиях, остановили свое развитие, Хлынов все еще играл активную роль форпоста на крайнем северо-востоке. Укрепленное поселение (черт. 1) возникло на левом берегу Вятки, где река и глубокий Засорный овраг образуют защищенный крутостями мыс; с западной стороны это место защищал отвершек оврага, и только с северной стороны для круговой обороны ров пришлось выкопать. Поставленные вплотную друг к другу срубы жилищ («задними стенами ко рву ставлены») образовали кольцо укреплений. За рвом возник торг, а вскоре появились и первые избы посада. Их тоже защитили острогом, начинавшимся за торгом на левом берегу Засоры и оканчивающимся в вершине Раздерихинского оврага (до конца XVIII века его называли Вздерихинским: по нему «вздирались» на высокий берег от реки). Часть посада к северу от кремля заселили в первую очередь и довольно плотно; в последовавшие три столетия граница посада здесь уже не изменялась. За острогом вдоль Засоры, в юго-западном направлении стали селиться несколько позже, но так интенсивно, что в XV веке граница посада переносилась по крайней мере дважды, все

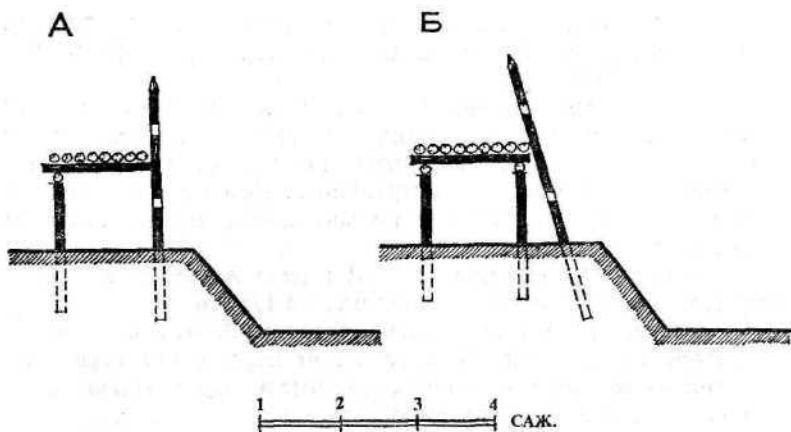

Схема тынной ограды /А/ и косого острога /Б/
по Ф. Ласковскому.

дальше и дальше от торгога. Свидетельством прошлых положений острога стали сначала Кузнецкий, а потом и Вознесенский переулки, возникшие на его месте. К концу XVI века острог находился еще западнее (современную Московскую улицу он пересекал бы в районе улицы Свободы). Стесненная несколькими оврагами, территория города могла прирастать только в западном направлении. Начинаясь от кремля или от торгога, в этом направлении и пролегали улицы хлыновского посада. Одна из них — Пятницкая — пошла к вершине Раздерихинского оврага и стоявшим там в линии острога воротам. В 1615 году к ней относилось 46 дворов разных людей. От Воскресенских ворот кремля на северо-запад вела Чернышевская улица, на которой стоял 31 двор, а с торгога в том же направлении шла Спенцынская улица с 45 дворами тяглых людей. На Бритовской улице от торгога в почти западном направлении стоял 41 двор. Короткий переулок, еще не имевший названия, соединял Пятницкую и Спенцынскую улицы; Дозорная книга 1615 года относила к нему 15 дворов. От Вознесенской церкви на торгу вел названный по церкви переулок с 10 дворами, а от него на запад, совсем немного отклоняясь к югу, шел Трапизын переулок, на который выходило 15 дворов. Дозорная книга называла еще два переулка — Копанский и Горошников; к первому из них относилось 68 дворов, ко второму — 13. Судя по большой протяженности Копанского переулка, так в начале семнадцатого века называли будущую Никитскую улицу, которая от торгога вела на юго-запад, к вершине Засорного оврага.

Сеть радиальных, направленных от центра улиц, напоминала не полностью раскрытый веер. Такую уличную сеть и называли

веерной. Особенность «хлыновского веера» в том, что он имел два центра — кремль и торг, а раскрывался всего на 120 градусов; этот угол задавали овраги.

В 1648—1649 гг. к городу был приписан ряд новых участков «под животинный выгон», а граница посада отодвинута на запад до современной Театральной площади (черт. 3). Старый острог со рвом оказался в тылу посада и, никому не нужный, догнивал. Со временем на его месте образовалась ломаная улица, соединившая все радиальные между собой и кольцом охватившая старый посад. Ее отрезки поначалу имели собственные названия, уже забытые, осталось только одно — улица Седининская. Радиальные улицы получили развитие до новых границ посада, продолжаясь дальше под названием дорог — Спенцынской, Московской, Пасеговской, Казанской. Лишь одна из них не вышла за пределы нового оборонительного пояса — Чернышевская: она оказалась излишней для северо-западного направления. Трапизцын и Безымянный переулки получили выход из города через ворота в Московской башне посада, став началом Морозовской улицы. Изменились названия улиц (их можно увидеть на плане города конца XVII века).

Длительное время планировку древних русских городов считали стихийной, случайной. Отсюда как бы сама-собой вытекала необходимость продуманной, обязательно геометрически правильной планировки, совершенно не считающейся с конкретными особенностями рельефа и ландшафта. Это и произойдет в конце XVIII века с городом на Вятке, как и со всеми русскими уездными и губернскими городами. Между тем планировка средневековых городов на Руси отнюдь не стихийна и не случайна, и это утверждает пример Хлынова. Увеличение территории в середине XVII века почти вдвое не изменило характера его первоначального плана. Оставаясь веерной, планировка получила дальнейшее развитие. Оно выразилось в появлении новых улиц и таком же естественном отмирании других, ставших ненужными. Планировка Хлынова и прочих подобных городов подчинена и определяется в первую очередь таким объективным фактором, как рельеф местности, окружающий ландшафт. Именно поэтому она органически сливается с ландшафтом и находится в гармонии с природой, как сотни и тысячи деревень русского севера, которыми так восхищаются исследователи в течение последнего столетия. Ее можно называть живописной, так как она способствовала раскрытию живописных панорам как на окружающую природу, так и на примечательные здания и ансамбли города. Она была динамичной, поскольку именно движение по ее непрямолинейным, поднимающимся на холмы или спускающимся в овраги улицам открывало зрителю все новые и новые видовые точки. Эти особенности стародавней планировки могут помочь в организации пространства и современного города.

КРЕПОСТНАЯ АРХИТЕКТУРА ХЛЫНОВА XVII ВЕКА

«Соборным Уложением» 1649 года крестьяне были окончательно закрепощены. Постоянный рост денежных и натуральных поборов привел к резкому обострению классовых противоречий и в деревне, и в городе. По Москве и ряду других городов страны в 1648—1650-х прокатился вал народных восстаний («соляные бунты»). Через 14 лет, в 1662 году в Москве городские низы вновь восстали против усиления налогового бремени. Восстания были жестоко подавлены, но причина их возникновения оставалась. Назревала крестьянская война. В этих условиях правительство отдает распоряжение об укреплении городов и усилении оборонительных сооружений. Перестройка городских укреплений началась и в городе Хлынове.

«7122 (1663) года месяца сентября в 17 день начали строить земляной город¹, а строили стольник и воевода князь Григорий Афанасьевич Козловский, а делали оба города 3 года», — сообщила местная летопись².

Укрепления второй половины и конца XVII века не сохранились до нашего времени, и только руины их, редким пунктиром разбросанные по всему периметру Большого или Земляного города, позволяют представить себе положение городской стены, башен и «выводов» того времени. Сохранившиеся в архивах «Росписные списки», по которым каждый вновь вступавший в должность воевода принимал от своего предшественника все оборонительные сооружения, оружие и казну, позволили выполнить графическую реконструкцию и частично макетирование городских укреплений.

Войдем в читальный зал Центрального Государственного архива древних актов в Москве и возьмем в руки «Росписной список Вятки приема воеводы князя П. С. Прозоровского».

«Лета 7185 (1678) года февраля в 8-й день по указу великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича, всея великия и малыя, и белыя России самодержца, стольник и воевода князь Петр Семенович Прозоровский принял у воеводы Василия Поликарповича Нарышкина на Вятке два города земляные и со всякими

¹ «Земляной город» в эти годы строили вновь по новым границам выросшего посада, крайняя западная точка которого доходила до современной Театральной площади.

² «Оба города» — укрепления кремля и укрепления посада. «Летописец старых лет, что учинилось в Московском государстве и во всей Русской земле в нынешняя и последняя времена». ТВУАК, выпуск 4, 1905.

деревянными крепостями, и городовые ключи, и на городех наряд, и великого государя в казне зелье, и свинец, и всякия пушечныя и оружейныя запасы, и в приказной избе великого государя денежную казну, и указные и о всяких делах великого государя грамоты, и Уложенную печатную и чиновную, и прежние писцовые и приходные книги, и неокладным всяким денежным доходам, и платежные новобрачные книги, и блаженной памяти к великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу... и великому князю Федору Алексеевичу, сыну ево государеву отписки, и всяких денежных доходов и судных вершенных и невершенных делов записные книги, да ссыльных людей, литовских городов белорусцев и в тюрьмах сидельцев в разных делах с ево приезду, как приехал на Вятку, и то писано в сем росписном списке порознь статьями»¹.

Описание укреплений начиналось со Спасской башни кремля:

«На старом городовом месте по отсыпи башня Спасская с проезжими ворота, ворота створные брусяные, с опускаемыми решетками, осмистенная, а над ворота Спассов Нерукотворенный образ в киоте. На среднем мосту в башне построена казенка, забрана тесом, для мушкетов и всякие оружейныя казны, на верху вышка круглая осми стен, забрана тесом, с окошки для сторожи, шатер крыт тесом. Да в той же башни построены 2 бои, третьей подошвенной. Перед башней через ров мост с перилы. Рву ширина 14 сажень, изо рву по осыпи вверх 15 сажень» (черт. 3).

Спасская башня была срублена из «городового» четырехсаженного леса. Проезд в ее нижнем ярусе («четверике») выводил из города на торговую площадь, находившуюся сразу за рвом. В казенке на втором этаже хранились мушкеты, пищали железные и медные на колесных станках, ядра к ним весом полтора-два фунта, бердыши, топорки, пики с древками и без них, багры, крючья, медные формы для отливки мушкетных пуль. Здесь же в иные годы находилась часовня. Второй ярус башни был срублен «накругло» — «восьмериком». Он завершался высоким шатром, расчлененным «вышкой» — помещением для караула с окнами на все стороны света «для сторожи». Здесь же висел набатный или сполошный колокол весом 41 пуд 18 фунтов, извещавший горожан о приближении врага или о пожарной опасности. Спасская башня кремля была самой высокой: ее флагшток поднимался над городом на двадцать сажень.

Проезд через башню закрывали тяжелые двустворчатые ворота из бруса, имевшие железный клинчатый замок; кроме ворот, проезд можно было быстро перекрыть падающей дубовой решеткой, в обычное время поднятой. Справа и слева от проезда на

¹ ЦГАДА 137-1-8.

нижнем мосту находились две медные пищали, стрелявшие через узкие бойницы «подошевного» боя ядрами весом чуть больше полутора фунтов. Еще два уровня боев — для мушкетной стрельбы — располагались выше, на перекрытиях («мостах»). В верхней части башни, где восьмерик ее ствола плавно расширялся, имелась щель для отвесного боя. Через нее можно было поражать неприятеля, подобравшегося вплотную к стенам башни. Перед башней был глубокий ров — удачно прикрывавший кремль с западной стороны отвершек Засорного оврага; его глубина, если измерять «по осыпи вверх», равнялась 15 саженим, а ширина — 14 саженим. Через ров устроен деревянный мост с перилами.

Конструктивную основу земляного вала, его «скелет» составляли «тарасы» — две параллельные бревенчатые стенки высотой в 2 сажени с аршином, срубленные из того же «городового» леса; между собой они соединяются поперечными бревенчатыми же стенками, образующими изолированные ячейки, заполненные землей. С внешней стороны тарас отсыпан и одернован крутой откос. Боевая площадка при воеводе Прозоровском по верху тарас была защищена со стороны поля турами. Это плетеные ивовые корзины диаметром и высотой по одному аршину, заполненные землей, поставленные друг от друга на расстоянии аршина, как зубцы на стене.

В начале 1680-х годов следующий воевода, сочтя туры недостаточной защитой для обороняющихся, приказал устроить заборы — саженной высоты бревенчатую стенку с узкими бойницами для стрельбы. Тогда же всю боевую площадку закрыли сверху двухскатной кровлей.

На расстоянии 75 сажен от Спасской находилась четверостенная (с квадратным основанием) Воскресенская проезжая башня, получившая свое название по ближней церкви. Относительно небольшая по высоте, она имела три уровня бойниц; медная пищаль была установлена не внизу, а на среднем мосту, откуда могла обстреливать дальние цели. Завершалась она четырехскатной кровлей, высота которой больше стороны квадрата — «колпаком».

Еще через 89 сажен к востоку, у крутого берега реки Вятки находилась третья башня — Богоявленская, названная тоже по церкви. Первоначально такая же, как и Воскресенская, при воеводе П. Д. Дорошенко она была перестроена и получила второй ярус в виде восьмерика, кровлю «по шатровому» и вышку для караула. Такой она и изображена на иконе Св. Трифона Вятского. На втором уровне боев на колесном станке стояла железная пищаль, которая могла поражать цели на воде (фото 4).

У Богоявленской башни начиналось восточное прясло малого города: через 44 сажени стены прерывалась четырехгранной Никольской башней, стоявшей на тридцатисаженной высоте над

рекой. В ее нижнем ярусе были устроены «проходные» ворота, за которыми по крутой деревянной лестнице можно было спуститься к реке и отделившемуся от нее озерку. Над воротами поставлен образ Николая Можайского (фото 5).

Еще 79 сажен городской стены, и она круто меняет направление на западное, проходит по берегу Засорного оврага. В восемнадцати саженьях — Покровская башня. Через Покровские ворота по крутому склону оврага можно было спуститься к Успенскому монастырю. Как и другие башни кремля, она имела колесную пицаль, установленную на среднем мосту. До начала восьмидесятых годов она была единственной башней на южном прясле кремлевской стены; ее усиливали два вывода — в начале и в конце стены. При воеводе Дорошенко оборону этого участка сочли недостаточной, и вместо одной Покровской башни и выводов на юго-западном и юго-восточном углах построили две: Наугольную против Успенского монастыря и Наугольную за архиепископским двором (так они названы в «Росписном списке» приема воеводы Лыкова в 1684 году). Первая из них построена восьмериком от самой земли и завершена «по шатровому». На иконе Св. Трифона Вятского она изображена с вышкой для караула. Такой, очевидно, она и была на самом деле (фото 6). Вторая башня рублена в четыре стены, перекрыта четырехскатной тесовой кровлей и снабжена караульной вышкой. Из ее первого яруса можно было пройти на боевую площадку городской стены Большого города.

От башни «за епископским двором» оставалось еще 27 сажен дерево-земляной стены до Спасской башни. Это звено замыкало кольцо крепостной стены хлыновского кремля.

Большой или Земляной город — кольцо обороны посада — начинался от башни «за епископским двором» и продолжался в западном направлении по левому берегу Засорного оврага. Его отличала не только большая протяженность, в несколько раз превышающая длину укреплений кремля (1476 сажен), не только большая разность высот рельефа, достигавшая 22—23 сажен, хотя это и весьма существенные признаки. Стена посада пересекала многочисленные и глубокие «потoki из города», которые надо было перекрыть системой «городней» — срубов, поставленных по линии обороны вплотную друг к другу и образующих крепостную стену переменной высоты. С городней от Наугольной башни, перекрывавших отвершек Засорного оврага, и началась стена Большого города:

«...до Успенской башни, что на рву, 13 сажен рубленных городень» да за башней «до земляной стены 15 сажен рубленных городень, изо рва в вышину до обломов 4 сажени с аршином, обломов сажень», — сообщает «Росписной список».

Часть клетей засыпана землей, другие предназначены для обороняющихся. В городнях устроены бои в двух уровнях, да еще и «отвесный бой» с бревенчатых выступов-обламов в уровне боевой площадки стены. Как и в кремлевской стене, на городнях устроена саженой высоты стенка с прорезями-бойницами, и все сооружение закрыто сверху двухскатной крышей. Так слабое место было надежно защищено. На протяжении Засорного оврага устроено семь таких городень; восьмая перекрывала кремлевский ров в северо-восточном углу кремля, где кончалась стена посада.

Первая башня посада — Успенская — поставлена «на городнях через тот ров». Рублена в четыре стены, проезжая, перекрыта четырехскатной кровлей.

Между Успенской и следующей, Никитской башней, 365 сажен городской стены, двумя «выводами» разделенной на три прясла; участки рубленых городень перемежаются с участками земляного вала. Рва перед валом нет.

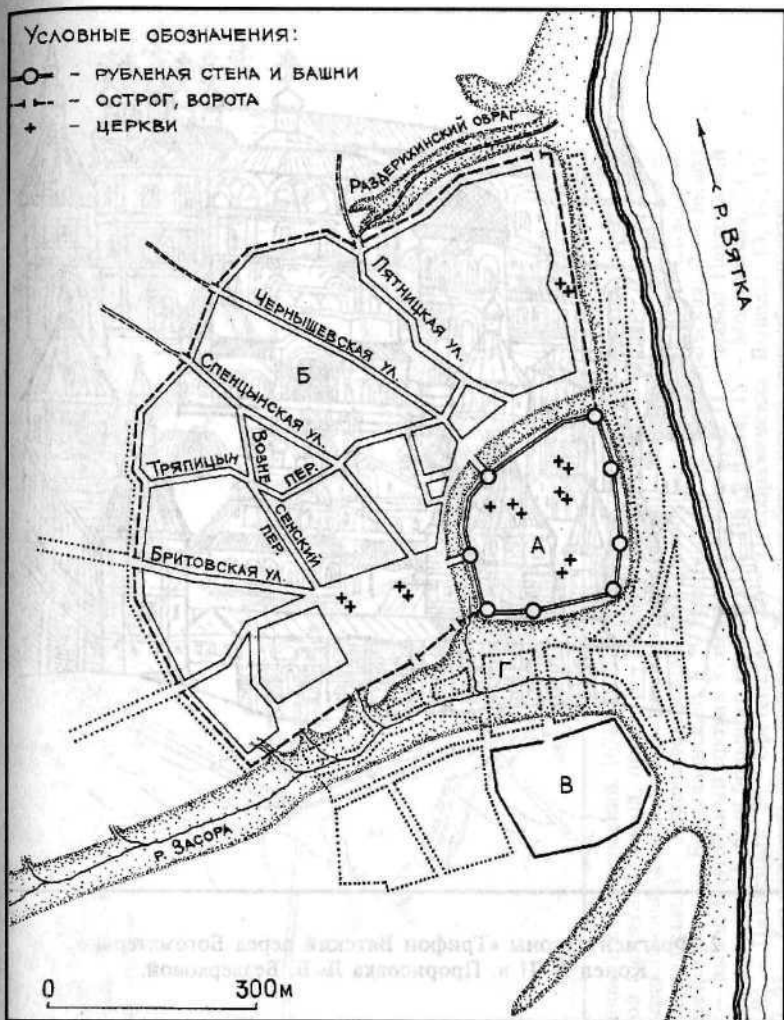
Проезжая Никитская башня поставлена на Пасеговской дороге, господствовала над Засорным оврагом и контролировала подходы по нему. Двухъярусная («восьмерик на четверике»), с тремя уровнями боев и вышкой для караула. Перекрыта «по шатровому». От нее до Московской башни, поставленной на Московской дороге, 205 сажен земляной стены с двумя «выводами».

Московская башня тоже двухъярусная, с вышкой, но выше других башен посада, да и поставлена на самом высоком месте города. Две улицы ведут к ней: Московская с торговой площади и Морозовская с северной части посада: выезжающих из города встречал установленный над воротами образ Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, московских чудотворцев, а тех, кто въезжает — образ Нерукотворенного Спаса. Поэтому некоторые старые документы и называют ее Спасской, а иной раз встречаются оба названия сразу, на одной странице. Башня имела четыре уровня бойниц. От нее на северо-восток, к Раздерихинскому оврагу, и на юго-восток — к Засоре перед валом был отрыт ров глубиной две сажени, на каждом выезде из города перекрытый мостами.

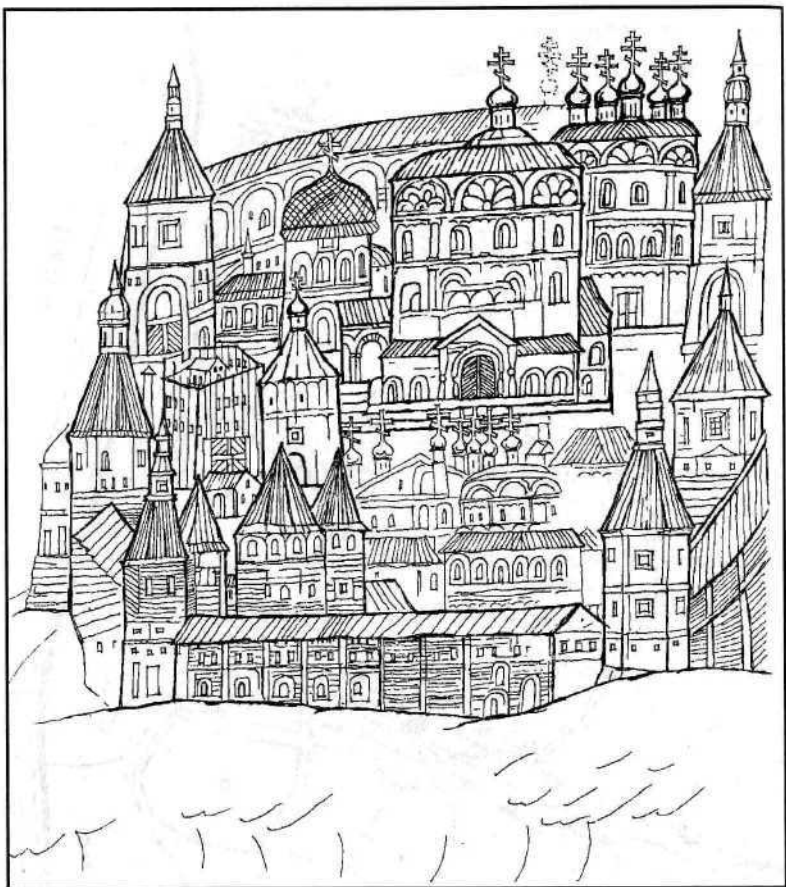
После Московской башни городовая стена принимала направление на северо-восток и шла на протяжении 231 сажени до Ильинской башни на выезде из одноименной улицы. Отсюда шла дорога в Спенцынский стан. Башня внешне напоминала Московскую. Как у всех проезжих башен, рядом стояла караульная изба. Над воротами со стороны города висел писанный на холсте образ Нерукотворенного Спаса, со стороны поля — образ пророка Илии на доске.

Дальше городовая стена еще больше отклонялась к востоку и, достигнув самой северной точки за современной улицей Труда, изменяла направление на юго-восточное и через 273 сажени под-

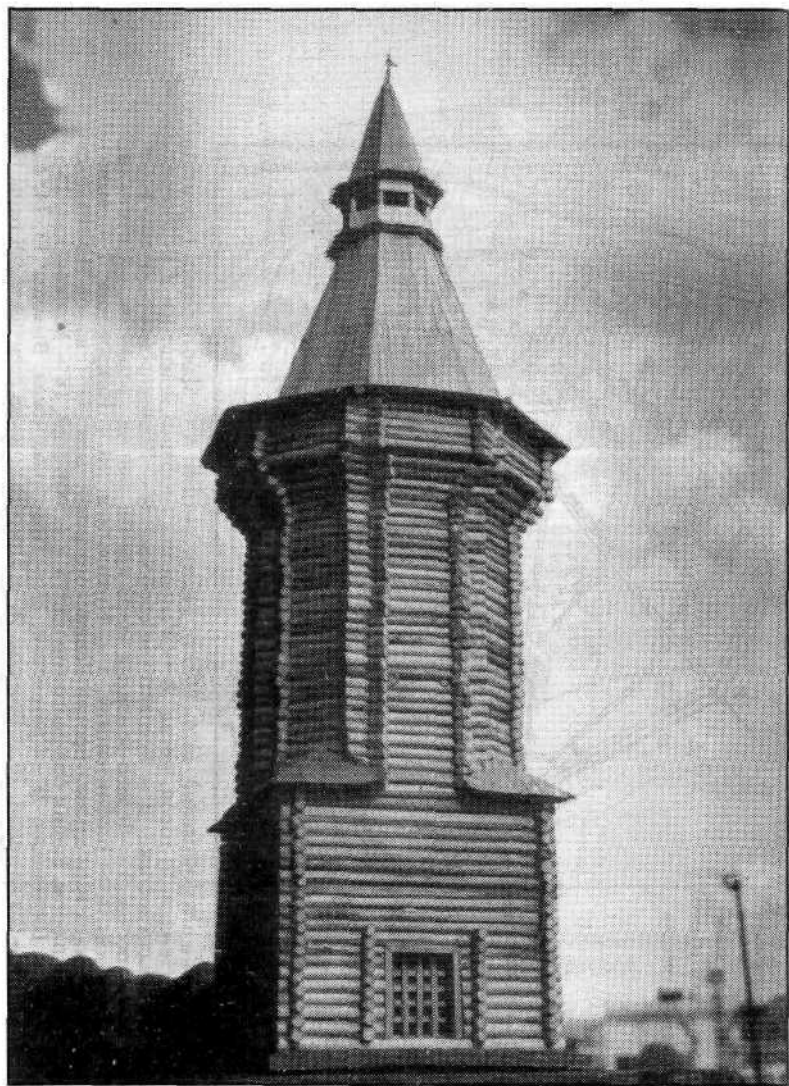

1. План города Хлынова и его укреплений XVI — начала XVII в.
Реконструкция.

2. Фрагмент иконы «Трифон Вятский перед Богоматерью».
Конец XVII в. Прорисовка Л. Б. Безверховой.

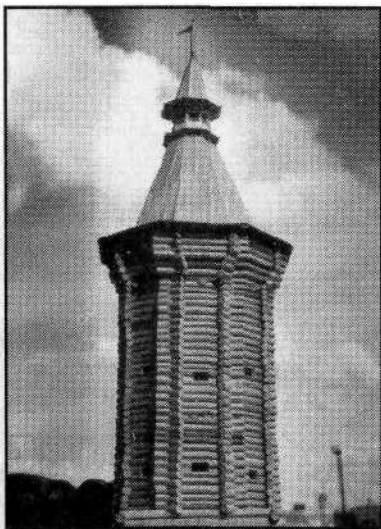

4. Богоявленская башня. 1679 г. Реконструкция (макет).

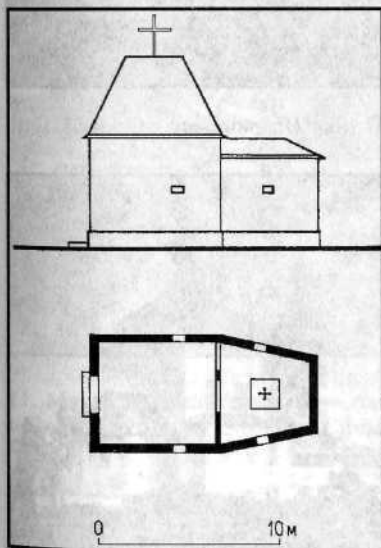

5. Никольская башня. 1679 г.
Реконструкция (макет).

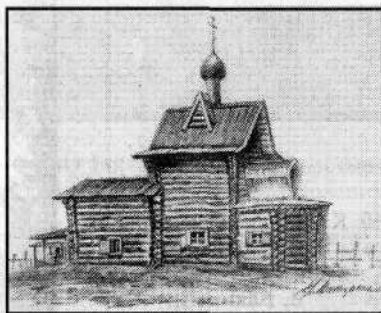

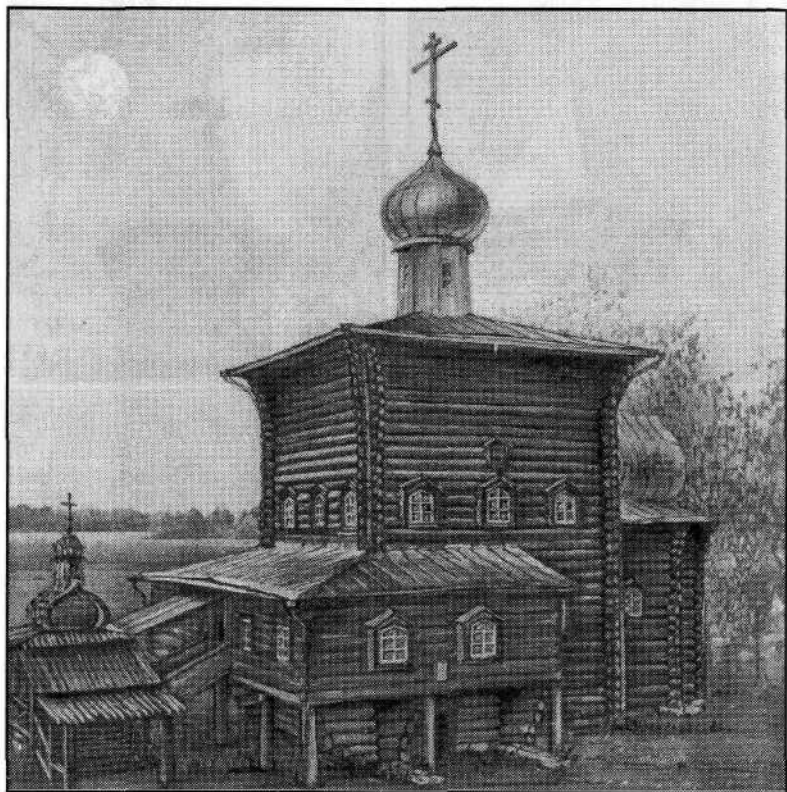
6. Наугольная башня против
Успенского монастыря. 1683 г.
Реконструкция (макет).

7. Церковь-часовня при селе
Екатерининском, 1579 г.

8. Церковь при деревне Ольков-
ской Гидаевского прихода. XVIII в.
Рисунок художника Н. Макаренко,
начало XX в.

9. Никольская церковь в Нижнем Починке Опаринского района, 1717 г.

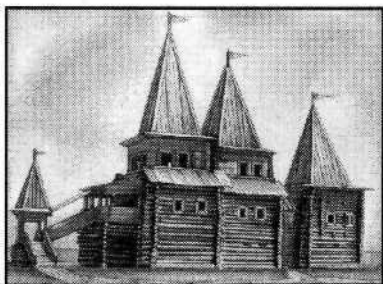

10. Кладбищенская церковь
села Великорецкого, 1691 г.
Снимок 1910 г., прислан
В. Бакиным.

11. Михайло-Архангельская часовня-башня Богоявленского монастыря в Слободском, 1610—1614 гг. Снимок сделан в 1970 г. при обследовании памятника.

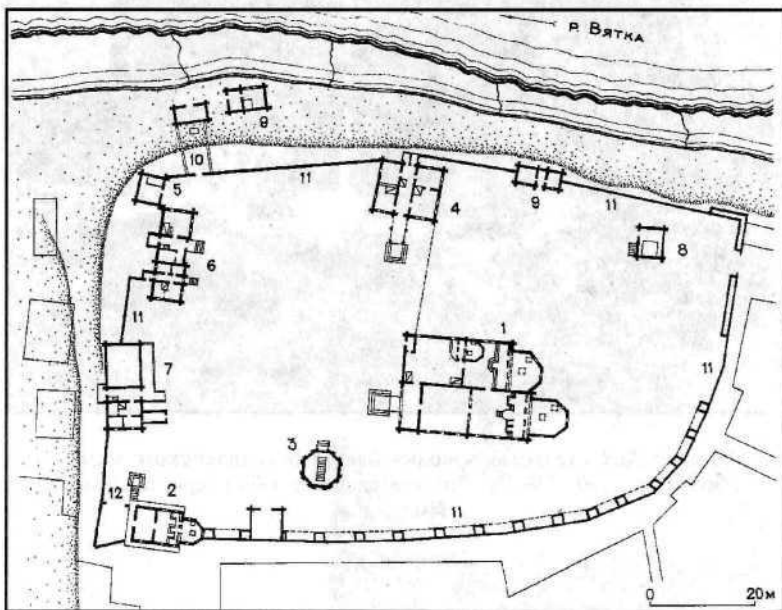

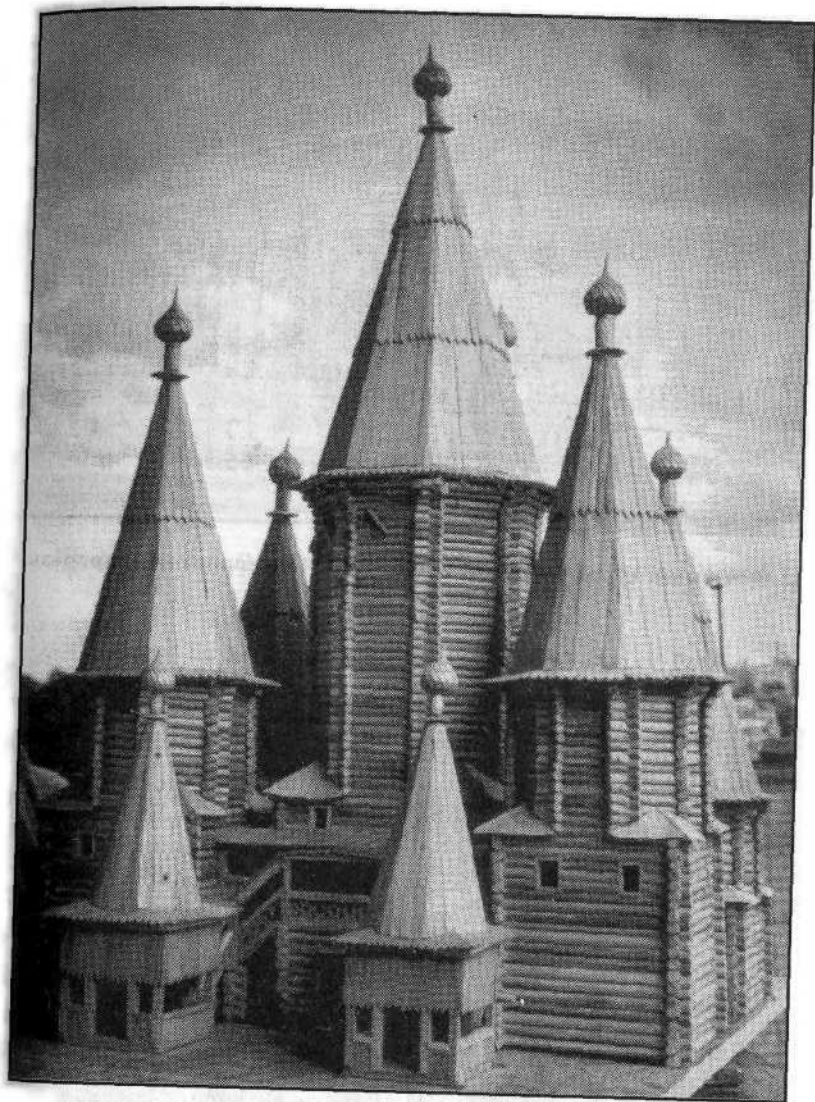
12. Хлыновская приказная изба, 1688—1692 гг. Макет.

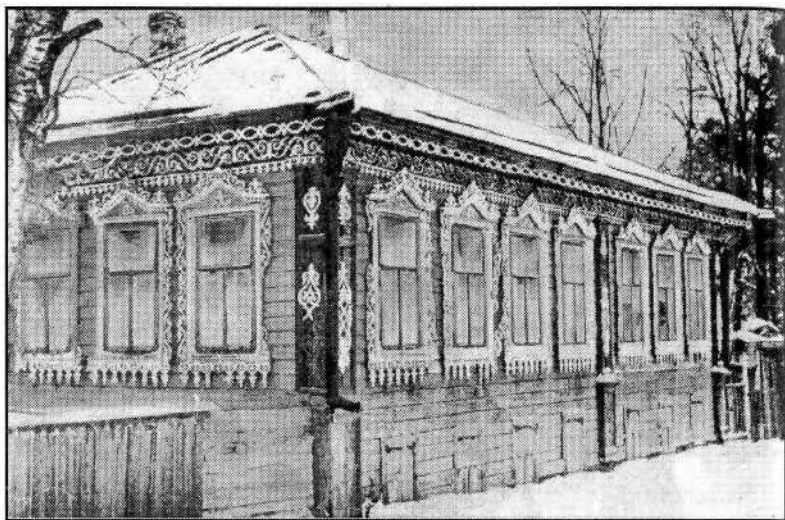
13. Крестьянская изба в городе. Улица Дерендяева, 25 в г. Кирове. Снимок 1958 г.

14. План Троицкого монастыря в селе Истобенском. Снят с натуры архитектором Ф. М. Росляковым в 1799 г.

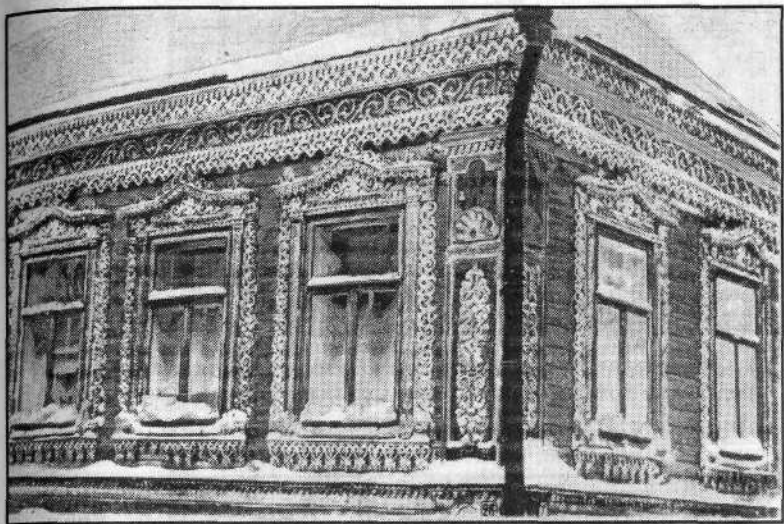
15. Успенская шатровая церковь одноименного монастыря в Хлынове, 1589 г. Макет.

16. Дом бывш. купца Быстрова в Яранске. Моделированная прорезь.
Снимок 1956 г.

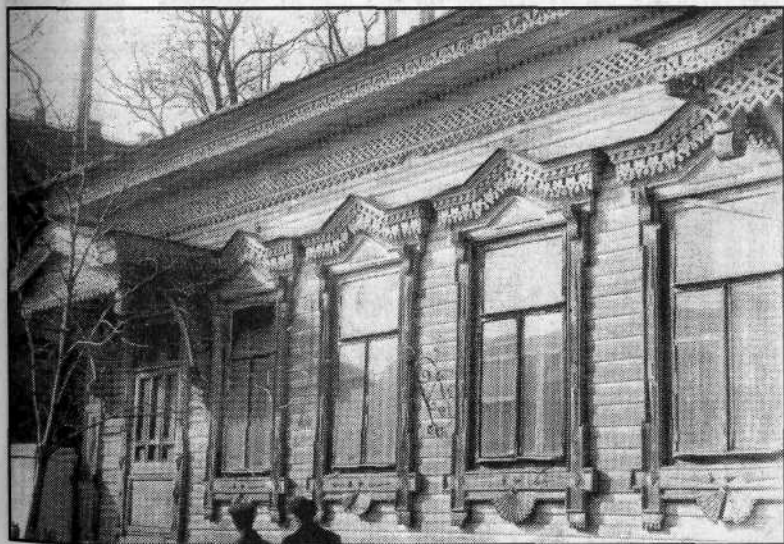

17. Соборная площадь Успенско-
го Трифонова монастыря. Фраг-
мент иконы «Трифон Вятский
перед Богородицею», прорисовка
Л. Б. Безверховой.

18. Дом № 21 по ул. Гоголя в Яранске. Моделированная прорезь.
Снимок 1956 г.

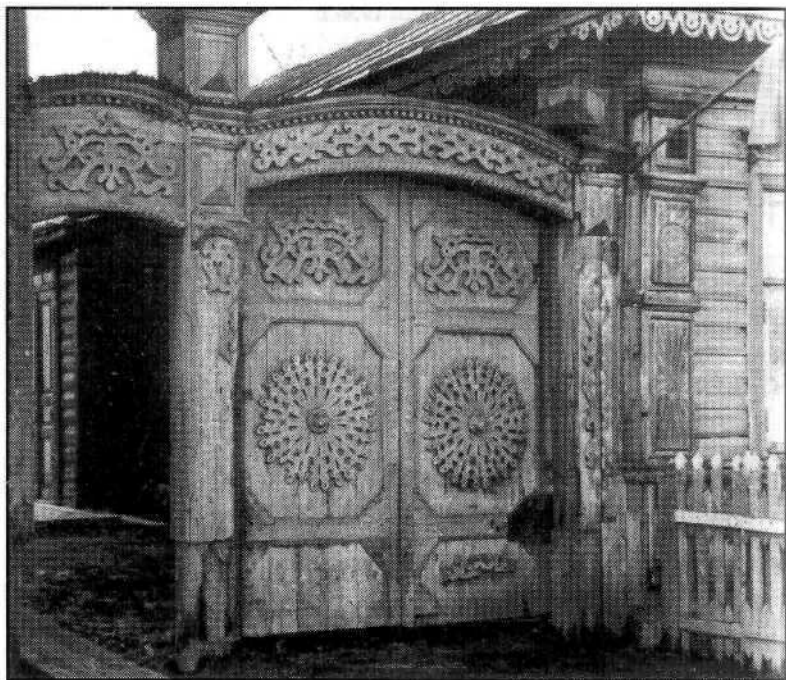
19. Прорезной орнамент начала XX в. на доме № 47-в по ул. Дрелевского
в Кирове.

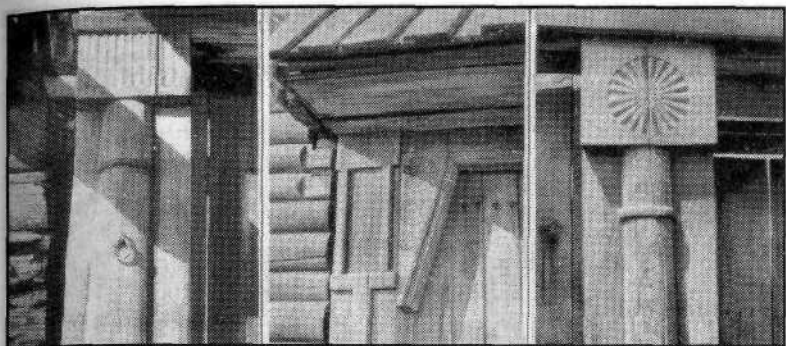

20. Совмещение резьбы двух типов (глухая резьба и моделированная прорезь) на доме № 61 по ул. Дерендяева в Кирове. Снимок 1958 г.

21. Ворота городского дома, украшенные резьбой. 1911 г. Киров, ул. Мопра, 34. Снимок 1958 г.

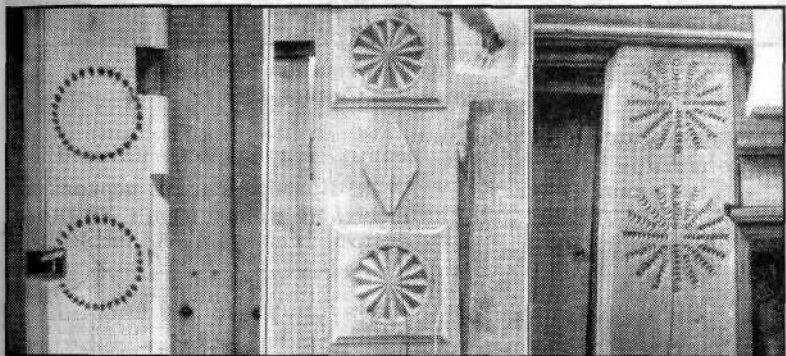

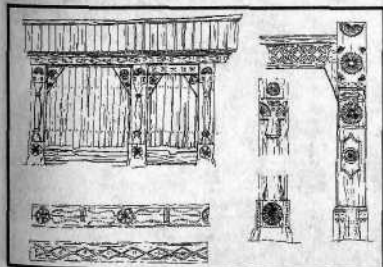

22. Рельефная (глухая) резьба в сочетании с плоской резьбой в привятских селениях. Оригинальная переработка мотивов классического ордера.
Фото И. В. Маковецкого.

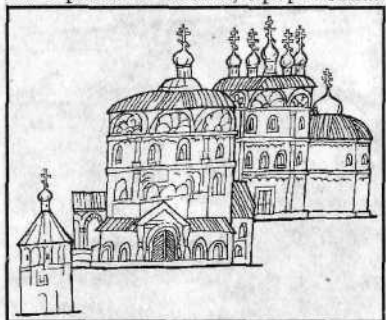
23. Плоская резьба на верях ворот в селах Старая Тушка и Воробы.
Фото И. В. Маковецкого, 1950-е гг.

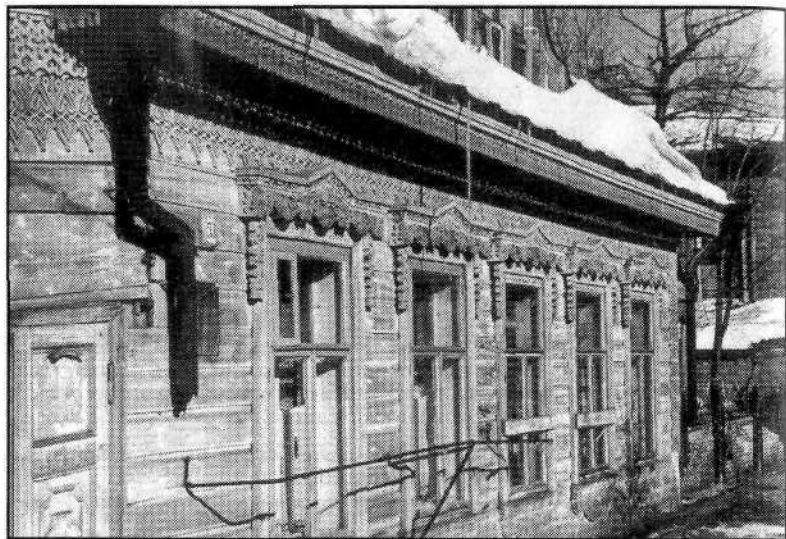

24. Сочетание плоской, рельефной и выпиловочной резьбы на верях и ригелях ворот в селениях Кировской области. Рисунок И. В. Маковецкого, 1950-е гг.

25. Каменный соборный храм Святой Троицы в Хлыновском кремле. Фрагмент иконы, прорисовка.

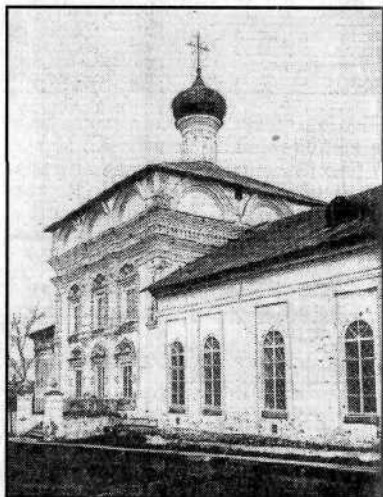

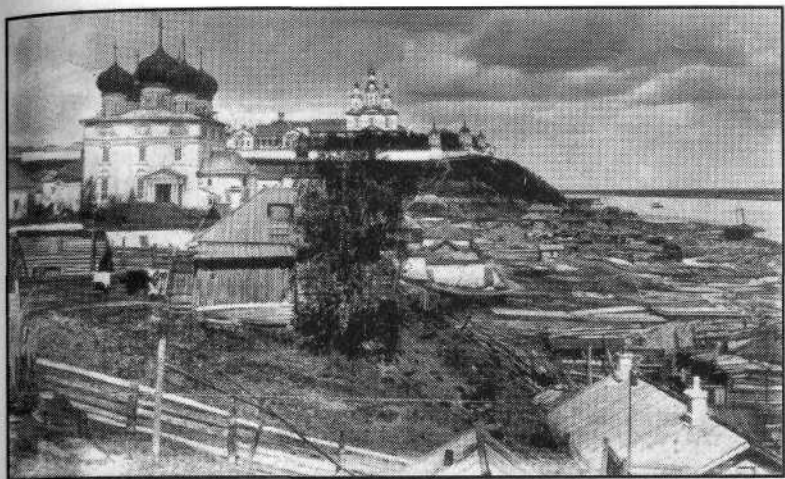
26. Накладная прорезь на одноэтажном городском доме по ул. Энгельса, 53. Снимок 1958 г.

27. Успенский собор Трифонова монастыря, вид с востока. Снимок 1992 г.

28. Преображенская церковь девичьего монастыря в Хлынове. 1696 г. Снимок С. А. Лобовикова.

29. Вид на Успенский собор с Кикиморской горы.
Снимок С. А. Лобовикова.

30. Богоявленский собор в Хлыновском кремле, 1698—1710-е годы.
С. А. Лобовиков. КХМ.

31. Екатерининская церковь в Слободском, 1699 г. Снимок 1980-х гг.

32. Воскресенский собор хлыновского посада, 1700 г.
Снимок С. А. Лобовикова. КХМ.

ходила к башне у вершины Раздерихинского оврага. Здесь стена встречалась с руинами острога пятнадцатого века и шла дальше по правому берегу оврага к Вятке по тем историческим местам, которые помнили ночную битву с четырехтысячным великоустюжским отрядом, неожиданно оказавшимся под стенами города. История сохранила два названия поставленной здесь воеводой Козловским боевой башни. «Росписные списки...» называют ее Пятницкой (здесь приход Пятницкой церкви). «Вятский летописец» называет Троеворотной. Но последнее название относится не к башне XVII века, а к месту, на котором она построена. Когда-то в башне было трое ворот: один выход вел к реке, к перевозу, второй — в ближайшие к городу уголья на горе левого берега.

От восьмистенной Пятницкой башни вал проходил 155 сажен берегом оврага до слуды — высокого мыса на берегу Вятки, где был устроен прямоугольный «вывод», получивший странное для элемента обороны название «Веселуха». Всего в нескольких саженях от него находилась четырехстенная Сретенская башня. Она была «прохожей»: через калитку в ее нижнем этаже можно было спуститься к реке. Названа башня по одному из престолов ближайшей церкви. Прежнюю башню называли Слудной. От углового «вывода» оставалось по берегу еще 120 сажен до похожей на Сретенскую четырехстенной Преображенской башни и еще 25 сажен земляной стены до последних «городень» через ров, окружающий кремль. Здесь крепостная стена Земляного города состыковывалась с кремлевской стеной.

Система укреплений города Хлынова складывалась в течение длительного периода — около трех веков. За это время она прошла путь от срубных жилищ, обращенных глухими фасадами ко рву и рассчитанных на защиту от вооруженного развее что стрелами противника, до мощных дерево-земляных стен толщиной более трех сажен, способных защитить не только от мушкетного огня, но и от каменных или чугунных ядер полевых пушек. Оборона города стала двухвальной, то есть практически эшелонированной. В ее составе появились укрепленные точки, позволяющие вести огонь во фланг штурмующего противника — «выводы», в известной степени компенсирующие и увеличенные расстояния между башнями. В XVII веке в крепостные стены были включены городни, перекрывающие потенциально опасные пути подхода по руслам ручьев и овражков. С инженерной и военной точки зрения укрепления хлыновского кремля и посада были спланированы и построены вполне на уровне своего времени.

Система обороны Хлынова была развита и усилена во второй половине XVII века, когда Вятская земля уже не являлась северо-восточной окраиной Руси, ее форпостом, и нашествие внешнего врага с этой стороны уже не угрожало Русскому государству. Она

предназначалась для защиты государства не от внешних, а от внутренних врагов и имела явную социальную направленность.

Башни, городни, выводы, валы и рвы, составляющие систему обороны города, имели не только практическое, утилитарное значение. Шел семнадцатый век. В связи с утратой бывшего оборонного значения крепостей в русской архитектуре отмечен процесс перестройки каменных крепостных башен и стен, башни и стены получали нарядное, чисто декоративное завершение. Перестройка шла в первую очередь в центре государства, но велась она и на периферии; перестраивались кремли, перестраивались монастыри. Она затронула и деревянное оборонное зодчество. Нарядный силуэт получали и вновь строившиеся деревянные башни Хлынова. Перекрывались шатрами «выводы». Зодчих горододельцев заботила уже не только функциональная сторона крепостных сооружений, но и их внешний вид, силуэт, увязка с рельефом, городской застройкой, их эстетическая оценка. Совсем не случайно сугубо официозные и потому лаконичные «Росписные списки» подчеркивают такие, казалось бы, малозначащие детали, как характер отделки свесов кровель — «в зубцы» или что кровли выполнены «по шатровому со спусками» (полицами) и завершены флюгерами или «знаками белого железа». Разнообразны силуэты, высота башен: одна рублена «в четыре стены», вторая — «восьмериком» от земли, третья, проезжая — «восьмерик на четверике». Внешний вид башен, их живописная расстановка и пропорциональность определяли портрет города. Далеко видимые высокие шатры «крутлых» башен перемежались с приземистыми и создавали выразительные силуэты, уже издали указывали центр и контуры города. Для городского жителя они создавали своеобразный фон, на котором просматривались жилые и хозяйственные постройки, город сам по себе превращался в замкнутый архитектурный ансамбль. Силуэт города приобретал объемность и с каждой точки выглядел иначе, чему немало способствовал пересеченный рельеф, свободная планировка улиц, умение так выбрать места для башен, что они удовлетворяли как функциональному (это не украшение: это оборона), так и эстетическому предназначению.

После 1700 года предпринимались попытки восстановления стареющих или поврежденных пожарами крепостных сооружений, но подкрепления Москвы они не получили. Правительство требовало отсылки мастеровых людей в Архангельск для строительства Ново-Двинской крепости, в строящийся город на Неве, на остров Котлин, в Таганрог, а восстановление башен, валов и городень в Хлынове предписывало «делать и починивать остаточным вятским жителям и уездным людям, и у того городского дела быть и ведать вятскому бурмистру». Крепость продолжала разрушаться. К 1731 году многих башен уже не стало. Еще через десять лет с вышки

Спасской башни упал и разбился сплошной колокол; после этого башню разобрали. Последней была растащена Московская башня посада. Годный материал пошел на постройку работного дома. Случилось это уже после открытия Вятского наместничества, после 1780 года.

А. Г. ТИНСКИЙ

ДЕРЕВЯННЫЕ КЛЕТСКИЕ И ШАТРОВЫЕ ЦЕРКВИ

Столь привычные сегодня каменные постройки появились на Вятской земле только во второй половине семнадцатого века. Избы и амбары, часовни, небольшие по размерам приходские и великие соборные церкви — все издавна рубили из дерева.

Каменные долговечные постройки стоили непривычно дорого, и поначалу только храмы, строившиеся всем миром по приговору прихожан, стали возводить из кирпича. И все же замена деревянных храмов, уже ветхих или новых, опасных в пожарном отношении, каменными пошла так быстро, что в конце восемнадцатого века — двести лет назад — деревянной оставалась малая толика, едва ли не четверть церковных зданий. Из их числа до наших дней сохранились лишь единицы. В их числе наиболее древние: Михайло-Архангельская надвратная церковь мужского монастыря в городе Слободском, построенная в 1610—1614 годах, Никольская церковь на реке Моломе, построенная в 1667 году, и церковь в селе Суши на юге области, освященная в 1733 году во имя защитника русского воинства Архистратига Михаила. По этим сохранившимся памятникам деревянного зодчества, по фотографиям и рисункам прошлого века, по записям историков и по архивным документам мы можем представить деревянные храмы.

На чертеже, снятом с натуры слободским уездным землемером Иваном Бехтеревым, показана церковь-часовня, срубленная, по преданию, монахом Трифоном в 144 верстах от города Слободского по Кайскому тракту у села Екатерининского. Трифон построил ее в 1579 году¹, еще до прихода в Хлынов, в виде клетки крестьянского дома в длину на шести с половиной при высоте в пять с половиной аршин. Как самые древние избы, она не имела потолка; двухскатная крыша покоилась «на самцах». Освещали ее два волоковых оконца. С восточной стороны клетки сделан небольшой четырехугольный прируб: в нем алтарь с одним слуховым

¹ Чертеж-рисунок снят землемером в 1834—1838-х гг. XIX века.

оконцем. Такими по типу были церкви лесной полосы в пору зарождения христианства, когда зодчие-плотники, не видевшие еще церковных зданий, имели перед собой только один пример — клеть крестьянского дома. От жилой клетки ее отличал лишь крест над коньком, еще без главки, да прируб алтаря. Церковь Трифона представляет тот тип, с которого начиналось несколько веков назад деревянное культовое зодчество. Видевшие ее в начале века утверждали, что это церковь-обыденка, то есть построенная «об один день». В 1838 году слободской земский исправник на запрос вятского губернатора об имеющихся в уезде древностях прислал составленный землемером план и рисунок этого архаичного здания (черт. 7). Позже его поместили даже в сруб-футляр, как реликвию.

Плотники русского севера, конечно же, не видели ни каменных византийских храмов, ни храмов суздальского времени. И свой поиск конструктивного решения православного храма, его композиции и средств украшения они начали с того, что было перед глазами: с рубленой клетки, с часовни как простейшего выражения церкви. Так появился трехчастный тип клетского храма, получивший большое распространение и ставший отправным образцом на многие годы: основная, более крупная и высокая клеть — прирубленная к ней с западной стороны вторая клеть (притвор, трапезная) — третья клеть, прирубленная к основной с востока и предназначенная для алтаря (апсиды). Третья клеть вначале имела, как и у церкви Трифона, наиболее простую для срубов прямоугольную форму. Позднее, когда зодчие-плотники увидели воочию или по рассказам узнали о круглых алтарях каменных церквей, форма этой клетки изменилась на пятистенную (половина восьмигранника), наиболее приближенную к кругу. Так возник термин «срубить накругло». «Круглый» прируб стал еще одним внешним признаком принадлежности к церкви. Его покрывали пятигранной кровлей, завершенной небольшой главкой или кровлей «бочкой», чтобы и кровля имела округлые формы; и ее украшали главкой. И главку с «шеей», и «бочку» крыли лемехом. Прямоугольный сруб основного помещения церкви за счет выпуска нескольких венцов бревен плавно уширяли и повал закрывали «полицей», устраивая двухскатную тесовую кровлю «со скалою». Концы тесин обрабатывали в «зубцы». Зодчие-древodelьцы всегда стремились к «преукрашенности» храма, наделяя его такими деталями, которые отличали его от рядовой сельской и городской застройки. Храмы такого — «клетского» — типа были наиболее многочисленными на Вятской земле.

Художник Н. Макаренко в начале XX века запечатлел клетский храм вблизи деревни Ольковской Гидаевского прихода (ныне Верхнекамский район). Построен он в первой половине XVII века

и, без сомнения, в последующие годы получил некоторые поновления: расширены окна, ранее бывшие волоковыми, перекрыта крыша, а бревенчатый охлупень (конек) заменен двумя тесинами; главка и шея вместо лемеха гладко обиты «белым железом». Появление на ближнем к зрителю скате кровли детали, не имеющей какого-либо функционального назначения, вызвано стремлением мастера-плотника украсить церковь некоторым подобием кокошника каменного храма, на которые часто ставили барабаны главок (рис. 8).

В наиболее поместительных помещениях службу отправляли в теплое время года, пока кирпичные печи с дымовыми трубами не получили повсеместного распространения. При топке печей «по черному» оседающая везде копоть портила иконы и росписи. Один из ведущих местных иконописцев Иван Яговкин в 1759 году сообщал епископу Вятскому и Великопермскому, что «некоторые церкви имеются черные на подобие черных изб». Епископ приказал учинить следующее: «Где для зимы в теплых церквях имеются печи без выводных труб, во оных для лучшего благолепия церковного, где исправиться могут, зделать печи образчатые¹, а где за скудостью не в состоянии, то хотя и кирпичатые, токмо все были б с трубами выводными, и выбелить известью, а стены и подволоки чисто скобелями выскоблить...»

Выработанный с годами и ставший уже традиционным клетский тип деревянного храма продолжал совершенствоваться и приспособляться к местным условиям. Одним из средств «преукрашенности» мастера считали повышение высоты храмов. Сруб «настоящей» церкви постепенно приобретает квадратный план со стороны от трех до шести сажен и высоту до пятнадцати сажен. Высокий сруб перекрывается на четыре ската «колпаком» или «шатром» (название говорит о высоте кровли: если она равна ширине квадрата — колпак, в полтора-два раза выше — шатер). Трапезная с ростом числа прихожан становится шире основной церкви. В них и ставили «черные» печи; после окончания топки и выпуска дыма через волоковые окна можно было открыть дверь в основное помещение и нагреть его за счет теплого воздуха из трапезной.

К церквям клетского типа относится церковь в селе Суши (ныне Вятскополянского района). Построена она в 1733 году. До наших дней дошла в значительно измененном виде: была «возобновлена» в 1839 году², а еще позднее переделывалась под зерновой склад, под клуб. Под церковью в XIX веке появился фундамент из мягкого опочного камня, давно разрушившийся, наружная обшив-

¹ Изразцовые.

² По другим источникам — в 1853 году.

ка, увеличенные окна. В текущем столетии устроено междуэтажное перекрытие, внутренняя штукатурка, железная кровля. Научная реставрация памятника не производилась.

Такого же типа была и деревянная Покровская церковь в кремле древнего Хлынова. Подрядчик Фома Лихачев при переделке ее в 1681 году должен был — по поручной записи — «подняв развод, обложить на разводе подзорные доски, покрыть его двойным тесом со скальем, на верхнем тесу сделать зубцы, сделать новую шею и маковицу и обить их лемехом»¹.

Особое место среди деревянных храмов Вятской земли занимает Никольская церковь бывшей Верхне-Моломской пустыни в селе Нижний Починок, в семидесяти километрах от районного центра Опарино (фото 9). Ее основу составляет высокий бревенчатый четверик, квадратный в плане, как у каменных храмов Суздальской эпохи. Сложенный из циклопических бревен и поднятый на высокий подклет, он оканчивается мощным повалом и четырехскатной кровлей, очень невысокой и почти не ощущаемой вблизи. Как продолжение четверика воспринимается вырастающий из него массивный барабан и единственная глава. Просторная галерея, приподнятая на бревенчатых консолях, скрывает в своей тени основание церкви, и она кажется приподнятой, парящей над изумрудным лугом. С восточной стороны к четверику прирублена высокая апсида, увенчанная граненой бочкой и главкой на шее-барабане, обитая лемехом. С западной стороны устроен вход на галерею-гульбище по двухмаршевой лестнице с промежуточным, приподнятым над землей рундуком, отмеченным шлемовидной главкой, на чересчур массивной, да еще расширяющейся книзу шее. И если вход на галерею, заново устроенный при частичной реконструкции памятника, органически вписывается в общую композицию храма, то эта массивная и конусовидная шея выглядит чужеродной. Через полвека после перестройки (в 1716 году) Никольская церковь перестраивалась. При этом помещения храма, ранее сумрачные, были залиты светом через шестнадцать больших окон. Так на памятнике отразились изменившиеся вкусы восемнадцатого столетия. Ни форма оконных проемов с их оригинальным завершением, ни характер разного декора наличников (основной мотив — перевязанный жгут) не только не нарушают, но и усиливают впечатление древности, возвращая память к образам каменной древнерусской архитектуры.

Поставлена церковь у околицы села, на вершине вытянутого берегового холма правого берега реки Моломы, изумрудно-зеленого

¹ Слова «поднять развод» в этом случае означали замену повала, уширения сруба в его верхней части и украшение ее резными подзорными досками.

летом, и западным фасадом обращена к излучине реки и роскошным замоломским лугам. И река, и холм, и храм, и шестистенные дома единственной улицы села воспринимаются как единый ансамбль, созданный природой и слегка подправленный человеком. Исследователь вятской архитектуры, архитектор-реставратор и автор книги «Дорогами земли Вятской» Б. В. Гнедовский ставит храм на Моломе в один ряд с такими шедеврами древнерусской архитектуры, как Вознесенская церковь села Коломенского (ныне в черте Москвы) и ансамбль Кижского погоста.

В числе сохранившихся памятников вятского деревянного зодчества есть одно здание, построенное в начале семнадцатого века — в 1610—1614 гг. (фото 11). Срублен тот храм из сосновых бревен диаметром 8-10 вершков. В тот год, когда устюжская рать неожиданно оказалась у стен хлыновского посада и была разбита в Раздерихинском овраге, соснам тем было уже около 10—15 лет: больше двухсот годовых колец можно насчитать на срезе бревна. Постройку древнего здания связывают с именем Преподобного Трифона. Основатель мужского монастыря в Хлынове, он был не в ладах с жителями города и в начале семнадцатого века, оставя монастырь, ушел из Хлынова. Сначала в Москву, потом в Сольвычегодск, в Соловецкий монастырь. В 1608 году он вернулся на Вятку, но остался в Слободском, где его принял только еще обустраивающийся Богоявленский монастырь. Как свидетельствуют историки церкви, Трифон «много содействовал постройке Богоявленского монастыря». При его участии в 1610 году в монастыре была заложена воротная сторожевая башня с надвратной церковью на ее втором этаже. Осветили ее во имя Архистратига Михаила уже после смерти Трифона 3 июля 1614 года¹. В качестве деревянной крепостной башни памятник является самым древним из числа сохранившихся на всей территории бывшего СССР и потому принадлежит истории не только Вятской земли, но и истории России. Во второй половине XVIII века башня была уже ветхой. В донесении иеромонаха Романа с братиею от 27 сентября 1768 года о ней сообщалось так: «Церковь деревянная над святыми враты ветхая, во имя святого Архистратига Михаила, без трапезы, только при оной церкви одна паперть».

Открытие столь древнего памятника на территории меховой фабрики «Белка» было в какой-то мере неожиданным. «Трудно

¹ Богоявленский мужской монастырь основан в 1599 году. Постройка сторожевой башни в его ограде была необходимой в связи с создавшейся угрозой продвижения яранских сторонников «тушинского вора» в сторону Котельнича, Хлынова, Слободского.

было предположить, что под уродливой обшивкой и современной железной кровлей скрывается во всей своей красе сооружение начала XVII века», — пишут исследователи, освободившие сруб от обшивки девятнадцатого века.

В семидесятых годах, после реставрации, выполненной под руководством архитектора Б. В. Гнедовского, обновленный памятник показался «во всей красе». Как и следовало ожидать, он имел два разных по характеру фасада, отразивших две его сути: восточный, внешний, принадлежал сторожевой башне и потому прорезан лишь двумя щелями-бойницами да проемом ворот, и западный, дворовый фасад часовни, украшенный приподнятой над воротами, разместившейся на выпусках бревен ажурной галереей, из которой можно было, переступив высокий порог, попасть в помещение часовни; на галерею вела одномаршевая пристенная лестница на южном фасаде. Со стороны двора башня больше походила на боярский терем, и только обитая лемехом главка и крест указывали на принадлежность его церкви.

Вскоре после окончания реставрации памятник был разобран и отправлен в Париж как экспонат выставки, с большим успехом представивший там пластику русского деревянного зодчества. После возвращения на родину для него нашли место в центре города. Это было вынужденным, далеко не лучшим решением: крепостная башня оказалась в чуждой для себя обстановке, вне крепостной стены и потеряла свою привлекательность.

Одна из древних форм деревянных церквей — шатровая. Она существовала задолго до XVI века, когда появился такой шедевр каменного зодчества, как шатровая Вознесенская церковь в Коломенском. Ее форма позаимствована из деревянного зодчества. Про каменную шатровую церковь так и говорили — «древяна верх». В Заонежье, Карелии, на Северной Двине до сих пор преобладают шатровые церкви. Академик И. Грабарь считал шатровую форму церковей русской, глубоко национальной. Мы не можем сейчас утверждать, что шатровая форма храмов преобладала и на Вятской земле, но они, несомненно, б ы л и. В селе Аксеновском на реке Лузе еще несколько лет назад можно было увидеть навес, крыша которого покоилась на нескольких восьмиугольных срубах, уцелевших при замене шатровой деревянной церкви новым каменным храмом во второй половине восемнадцатого века. Такая же шатровая церковь была построена в селе Архангельском бывшей Кырчанской волости, о чем говорят документы. 27 декабря 1700 года вятчанин Чепецкого стана Иван Михайлов сын Лихачев дал поручную запись попу Ивану Макарову: «нынешнем 208 году порядилс я Иван у него, попа ... построить церковь Божию во имя Михаила Архангела ... вышиною церковь построить по пригожству, а верх на

той церкви построить шатровой осми граней»¹. Можно утверждать, что шатровый храм был ближе и понятнее вятчанам: в начале XVIII века даже каменных дел мастера переносили форму восьмигранного храма (с восьмериком от земли) в каменное строительство. Примером этого может служить церковь Иоанна Предтечи в Хлынове, построенная в 1717 году. Еще почти на столетие раньше стояла шатровая церковь в Истобенске: «Погост Истобенский над рекою над Вяткою, а на погосте церковь холодная Чудотворца Николы древена шатром», — называет «Книга писцовая Орлова города с уездом» в 137 (1629) году.

Шатровые храмы, по своей конструкции предполагающие одноглавие, в середине XVII века были запрещены. Официальная церковь усиленно внедряла канонизированное пятиглавие. В разрешении на постройку церкви — храмозданной грамоте — непременно указывали, что «строить б тое церковь по чину правилнаго и уставнаго законоположения. А шатровой церкви отнюдь не строить». Выясняя причину того, что на территории Кировской области, по сравнению с нашими северными соседями, шатровые деревянные храмы были распространены меньше и не сохранились, будем иметь ввиду, что уже в XVIII веке около семидесяти процентов деревянных храмов заменили каменные. Надо иметь ввиду еще одно обстоятельство. Значительная часть бывшей Вятской губернии была заселена нерусским населением, среди которого православие еще только распространялось. Естественно, характерных для Русского Севера национальных строительных традиций эта часть населения не имела. И все же до последних лет кое-где в деревнях сохранялись и возобновлялись шатровые часовни, как, например, на окраине деревни Фатеево (Просница) Кирово-Чепецкого района.

К о л о к о л ь н и при деревянных, да и при каменных церквях появились не одновременно с постройкой церкви. Прихожан из близких поселений собирали ударами в «било»², как и сейчас еще где-нибудь на полевом стане. Даже в середине XVIII века многие церкви строились без колоколен, а колокола вешали на деревянных, прикрытых кровлей столбах. Количество столбов увеличили до четырех, потом до восьми, затем подняли их на устойчивый четверик, над четвериком поставили восьмерик и устроили на нем ярус звонов. Так постепенно рядом с церковью появилась

¹ По храмозданной грамоте епископа Казанского и Свияжского Венямина от 17 декабря 1780 года вместо этой и второй деревянной церкви, стоявшей рядом, построена каменная церковь во имя Архистратига Михаила, с приделом Спаса. Освящение придела состоялось 13 июня 1791 года.

² «Колотушка и деревянная доска». В. И. Даль. Толковый словарь русского языка.

шатровая колокольня. Вот интересный архивный документ. В самом начале XVIII века, 24 ноября 1702 года крестьяне Чепецкого стана поручились перед церковным старостой Ржано-Поломской Благовещенской церкви «по плотнике по Петре Григорьеве Лихачеве... в том, что ему, Петру, за нашею порукою (у тое) церкви срубить новую колоколницу... высотой 11 сажень, и всякую поделку делать против колоколницы Усть-Чепецкой Никольской церкви». Здесь речь шла об отдельно от церкви стоящей колокольне. Давно ставший традиционным трехчастный план церкви (алтарь — собственно церковь — притвор или трапезная) еще не решались нарушать. Пройдет еще немного времени, и колокольню пристроят к церковной паперти.

11 ноября 1777 года Вятская духовная консистория объявила указ о запрещении строить церкви и колокольни «без проектов архитектурских». Указ отнесли только к каменным церквям — деревянные продолжали строить «по пригожеству», по образцу, с учетом вкуса заказчика и разумению зодчего-плотника. В XIX веке мастера-древоделцы уже не могли строить на свой вкус: проект приходил из города, от ученого архитектора, над которым традиции не довели. Неоднократно отремонтированными, поновленными, приспособленными к иным условиям дошли до начала XX века многие из вятских деревянных храмов.

Пожалуй, в какой-то мере типичной оказалась судьба и кладбищенской церкви всем на Вятке известного села Великорецкого. Представленная здесь фотография (фото 10) была сделана жителем села В. И. Игнатьевым около 1910 года и прислана молодым тогда учителем Великорецкой школы Валентином Бакиным в 1973 году. Построена церковь на площади села в 1691 году, по традиции, из трех частей: граненая апсида — собственно церковь — притвор. Колокольни при ней не было. В 1846 году, когда на площади села построенная по грамоте епископа Вятского от 24 марта 1822 года уже стояла вторая каменная церковь (Николая Чудотворца), деревянную разобрали и перенесли на сельское кладбище. На фотографии начала XX века мы видим уже не первоначальную двухскатную кровлю, а более позднюю «курму», своеобразное «кубоватое» покрытие, появившееся после переноса на новое место, в середине XIX века. Перестройка не ограничилась заменой завершения четверика. На месте притвора была выстроена колокольня в виде высокого четырехугольного сруба, завершенного такой же упрощенной формы «курмой» и небольшой главкой. Открытая галерея объединила церковь и колокольню в одно целое. После чего все части были гладко обшиты тесом, а кровля, главки и шея обиты железом. Так церковь конца XVII века получила черты другого времени, другой эпохи и потеряла своеобразие и индивидуальность.

МОНАСТЫРСКИЕ АНСАМБЛИ XVII ВЕКА

Рассматривая деревянное зодчество Вятской земли, нельзя не обратить внимание на такое своеобразное явление общественной и религиозной жизни как монастырь. Совместное проживание группы христиан в форме поселения отшельников впервые возникло в Египте в III—IV вв. н. э., в России — с принятием христианства в XI в. На Вятской земле монастыри известны с конца XVI в. Монастырь — в той или иной степени всегда изолированная от мира общность людей, регламентированная уставом. Внешне это выразилось в том, что сгруппированные в том или ином порядке постройки монастыря окружались оградой. С точки зрения архитектуры комплекс монастырских построек рассматривался как архитектурный ансамбль. Сложный, развивающийся в течение многих десятилетий, с меняющимися во времени акцентом на функции — идеологическую, социальную, культурную, оборонную, но всегда — ансамбль. Одним из его постулатов была обязательная концентричность композиции, предполагавшая наличие центра, и идейного, и архитектурного, в качестве которого выступал храм. Согласно средневековым представлениям, он истолковывался как «земное небо», как «око Божье». В архитектурной композиции ансамбля храм играл роль доминанты. Вся остальная застройка подчинялась ей. В городах возникавшие монастыри во всех случаях становились важным структурным элементом города. Возникший в глуши как поселение отшельника, монастырь со временем сам становился центром поселения, города... или останавливался в своем развитии на какой-то стадии, приходил в упадок и в памяти следующих поколений оставлял только название.

В 1580 году на Вятке в Хлынове был основан первый монастырь, по соборной церкви получивший название Успенского, а по имени основателя — Трифонового. В конце XVIII века он включен в черту города и стал очень важной структурной единицей губернского центра. Подробное описание его храмов и менее подробное — жилых и хозяйственных построек содержится в «Дозоре Успенского монастыря», произведенном хлыновским городовым приказчиком Федором Рязанцевым в 1601 году. Некоторые сведения о нем можно найти в «Писцовой книге» Афанасия Толочанова (1628 г.), в «Переписных книгах» за 1646 и 1678 гг. Несомненную ценность в качестве исторического документа имеет икона «Трифон Вятский перед Богородицею», написанная иконописцем, хорошо знавшим и монастырь, и город Хлынов в последнем десятилетии XVII века (рис. 17). На ней, правда, показаны два только что построенных каменных храма — Успенская и Никольская надврат-

ная церкви, но нас будут интересовать их деревянные предшественники, находившиеся на том же месте.

Монастырь в средние века воспринимался как образ царства небесного на земле, а его планировка и композиция уподоблялась «небесному граду праведных — горнему Иерусалиму»¹. Он изображался на русских иконах как обособленный город, обнесенный стеной, с расположенными по периметру жилищами праведных. В небесном граде протекал источник, цвели сады. В центре живописцы всегда помещали престол Бога и Агнца. В русских монастырях на его месте находился собор с престолом и жертвенником, на котором совершается символический обряд заклания агнца.

В XVII веке деревянный Успенский Трифонов монастырь представлял собой ансамбль, имевший в застройке, планировке и композиции общие типологические черты с другими русскими монастырями. Можно полагать, что и выбор места — на старом городском кладбище — был далеко не делом случая: здесь уже имелось необходимое на первое время помещение — две парные (летняя и зимняя) церкви. Через год Трифон собрал припавленную из Слободского Благовещенскую, клетского типа церковь, в которой можно было отправлять службу на время постройки настоящей соборной церкви Успения. С завершением в 1589 году обширного шестिशатрового Успенского храма монастырь получил, наконец, архитектурную доминанту, приковавшую к себе все остальные здания монастыря и всего правобережья речки Засоры. Он стал и центром композиции всех построек ансамбля.

Оградой обносили монастыри уже на ранней стадии строительства. На иконе Трифона Вятского хорошо видна замыкающая территорию деревянная ограда семнадцатого века, «забранная в бабки», и все второстепенные монастырские постройки, расположенные по периметру. В центре только собор. И свободное пространство вокруг него, и Святые ворота с надвратной церковью, поставленные всегда так, чтобы именно перед собором оказывался каждый входивший в них, и масштаб построек — все подчинялось собору. Подчинялось, но не изолировалось от него. Многошатровому завершению собора соответствовал и шатер деревянной надвратной Никольской церкви. «...Да храм в монастыре над Святыми ворота на столбах, круглой, во имя Николы Чюдотворца Можайского. Соружение мирское», — указывает «Дозор ...» Федора Рязанцева. Подходивший к монастырю видел перед собой один шатер надвратной церкви, а за ним вдали шесть шатров собора. Надвратная церковь выражала мысль о божественном защитнике монастырских врат.

---

¹ Древнерусское градостроительство X—XV веков под ред. Гуляницкого Н. Ф., Москва, Стройиздат, 1993.

На втором плане и чуть правее ворот иконописец поместил колокольню: «Да в монастыре колоколна на 4 столбех с шатром, а на ней колоколов: колокол благовесник 37 пудов, розщелен, приклад вятчан хлыновцов торговых людей; другой колокол 15 пудов, жалование блаженных памяти великого государя царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси; два колокола 15 пудов, приклад старца Селиверста Чудовского; два колокола 3 пуда земские, Офонасьевские, да два колокола пуд, один розбит», — записывает Федор Рязанцев в 1601 году. Колокольня на четырех столбах была одним из ранних типов церковных колоколен.

Правее и ближе к собору иконописец изобразил еще одну деревянную церковь, а перед ней — трапезную. Это более поздняя, построенная вместо сгоревшей церкви. Вот что сообщает о ней «Переписная книга» 1646 года: «Церковь теплая с пределы во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, в пределе престол Усекновения главы Иоанна Предтечи, да в пределе ж престол преподобного Сергия Радонежского Чудотворца». Трапезная в общежительных монастырях была вторым по времени возникновения сооружением. Общее «вкушение пищи» имело символический смысл, оно ассоциировалось с Тайной вечерей. При ней всегда была особая церковь, и ее ставили ближе к собору, чем хозяйственные постройки. Церковь эта вместе с трапезной тоже сгорела в 1671 году и в дереве уже больше не возобновлялась.

«Дозор ...» Федора Рязанцева называет четвертую церковь монастыря: «...Да храм Иоанна Предтечи да преподобного Сергия древян клетки, с трапезой и с келарьскою, о два верхи, сооружење мирское...» Эта церковь существовала еще в 1580 году, но была столь ветха, что в ней не служили. Перепись 1646 года о ней не упоминает. Значительно позже, уже за пределами XVII века, в том районе монастырской территории появится больничная церковь Афанасия и Кирилла с приделом Зосимы и Савватия.

По мере роста и расширения деятельности монастыря на его территории (и вне ее) появлялись новые постройки. «А келий в монастыре, — сообщает «Дозор ...» — келья архимандрита Трифона до 13 келий братских, да два сушила на погребех, да две житницы, хлеба в них нет, да поварня с хлебнею и в ней на братью есть варят, да другая поварня, на поварне два котла медных больших квасных, да четыре котла кашеварных малых».

К необязательным, но часто встречающимся постройкам относились часовни и надкладзные постройки. Часовни отмечали памятные места. Когда в 1684 году закладывали фундамент каменного Успенского собора, наткнулись на гроб Трифона; его выкопали и перенесли в часовню, специально построенную с южной стороны собора, где он находился до переноса мощей в собор в 1690 году.

«А братья в монастыре всего 45 братов, да два попа беглых, да слуги монастырские, монастырские детеныши, наймиты монастырские летные, а всего в монастыре слуг и дячков, и детенышев, и наймитов летных 38 человек».

В конце XVII века, с началом каменного строительства в монастыре, а затем с включением монастыря в городскую черту по регулярному плану 1784 года, архитектурный облик ансамбля значительно изменился, а его роль в застройке города стала существенно более весомой.

К концу XVII в. на Вятке было 18 монастырей¹. Большая часть их в XVIII в. была упразднена или выведена за штат. Об одном из них — Троицком мужском монастыре в селе Истобенском — мы имеем возможность рассказать на основании сохранившихся в архиве документов. Он был упразднен в 1771 году, но еще четверть века спустя в его строениях проживали несколько человек монашествующих.

В 1799 году губернский архитектор Ф. М. Росляков снял на план Троицкий монастырь (черт. 14). Вот какие пояснения дал он к этому плану:

«1. Церковь во имя Живоначальная Троицы холодная с теплым приделом во имя Входа в храм Пресвятыя Богородицы...

2. Церковь во имя апостола и евангелиста Иоанна Богослова, что на вратех, холодная...

3. Колокозня осмиугольная...

4. Настоятельския кельи в два этажа, из которых в верхнем игумен того монастыря, а в нижнем монашествующие живут...

5. Поварня для братии и игумена, зделана из онбарушки, без полу и потолку, покрыта на один скат...

6. Изба пекарная с сеньми, а при ней келья с чуланами...

7. Кельи и сушила, а под ними ледник и подвал...

8. Погреб вновь построен, но ледник без потолку, одна яма с обрубом...

9. Бани братские под литерою С, а другие по литерою Д...

10. Выход под колодцом, и к нему приделан внизу рыбный садок...

11. Ограда монастырская сделана была рядами вокруг всего монастыря, покрыта кровлей...

12. Каретный сарай, сделанный на один скат...

13. Конюшенный двор...

14. Огород монастырский.

15. Крестьян экономических дворы и огороды.

---

¹ Эммаусский А. В. Исторический очерк Вятского края XVII—XVIII веков. Киров, 1956.

16. Переулки.

17. Пахотная земля вышеуказанных крестьян»¹.

Познакомившись с планом, мы убеждаемся в том, что и Троицкий монастырь, малочисленный и далеко не процветающий, построен по тем же канонам, общим для всех русских монастырей. Концентричная планировка; подчеркнутая центральным положением, свободным от застройки круговым пространством, контрастом размеров главенствующая роль храма; подчиненное положение всех остальных, кроме трапезной, отодвинутых от центра и прижатых к ограде построек монастыря; неперенное равнение Святых ворот с надвратной церковью на главный храм.

Другой, более совершенной и значимой как с точки зрения функциональной, так и по своему архитектурному облику выглядит шатровая колокольня, выстроенная восьмериком от земли; но она не становится от этого ни композиционным, ни смысловым центром ансамбля. Ее положение — на пути к храму — и ее линейный характер отводят ей роль второстепенного сооружения. Не претендует на главную роль и вознесенная на высоту Святых ворот Богословская церковь с ее усложненным галереей профилем, видимая со стороны долины за несколько верст. Приближаясь, путник проходит два издалека видимых ориентира — ворота, колокольню — и оказывается перед третьим — храмом, своей целью.

При детальном осмотре губернский архитектор Ф. М. Росляков пришел к выводу, что «оную церковь по великой ветхости в починку произвести невозможно». В 1799 году он сочинил проект каменной приходской церкви вместо прежней, монастырской, и к 1808 году она была построена на месте прежней и освящена так же — во имя Живоначальной Троицы.

А. Г. ТИНСКИЙ

УСПЕНСКАЯ МНОГОШАТРОВАЯ ЦЕРКОВЬ ТРИФОНОВА МОНАСТЫРЯ

Знакомство с деревянным культовым зодчеством Вятской земли было бы неполным без упоминания об одном уникальном храме, построенном в мужском хлыновском монастыре в конце шестнадцатого века.

В январе 1580 года в городе Хлынове появился уроженец Мезенского края, некогда наемный работник в строгановских вотчинах, пустынножитель и монах Трифон. Через несколько недель

¹ ГИАЛ 796-67-43, л. 4.

от имени всех пяти вятских городов он отправился в Москву хлопотать об основании в Хлынове мужского монастыря. В конце марта московский митрополит Антоний выдал ему храмозданную грамоту (разрешение на постройку церкви), рукоположение в сан иеромонаха и назначение строителем и настоятелем будущего монастыря. От Ивана Грозного Трифон получил царскую грамоту на земли, которые облюбовал для монастыря у самой городской межи, на месте старого кладбища.

20 июля настоятель монастыря вернулся в Хлынов с московскими дарами. Выпросив у слобожан только что построенную ими небольшую церковь, Трифон приплавил ее в Хлынов и здесь собрал. Она, однако, не отвечала его долговременным замыслам, и вскоре он заложил новый храм, обширный и доселе невиданный. Замысел возник у него еще в Москве, где он познакомился с изумительным храмом Покрова на рву, построенным в 1560 году в память о победе Ивана Грозного над Казанским ханством. Нет сомнения в том, что храм Покрова произвел на Трифона впечатление настолько громадное, что он решил нечто подобное этому поистине «восьмому чуду света» построить и в новом монастыре.

Только что назначенный на Вятку воевода Василий Овцын помог Трифону в сборе пожертвований. Денег, однако, хватило только на то, чтобы срубить само здание, и долгое время его не могли обустроить. И тогда в 1588 году Трифон вновь отправился в Москву для сбора милостыни. Он был принят царем Федором Иоановичем, получил разрешение патриарха Иова на освящение храма и вернулся в Хлынов с двенадцатью возами подарков. В 1589 году церковь была обустроена и освящена, а сам монастырь назван по ее имени — Успенским (фото 15).

В марте 1601 года по указанию царя Бориса Годунова хлыновский городской приказчик Федор Рязанцев произвел «дозор» Успенского монастыря. Вот что сообщает он о главной монастырской церкви. «На Вятке в Хлынове городе монастырь стал в 86 году, а в нем храм соборной во имя Успения Пречистые Богородицы древян, круглой, о шти приделах и о шти верхах, соружение всех вятцких пяти городов, а в нем придел Рождества Пречистые Богородицы, придел Иоанна Богослова, придел Василия Кесарийского, придел Соловетцких чудотворцев Зосимы и Саватия, придел Афанасья и Кирила Александрийских чудотворцов, придел Христовы мученицы Екатерины».

Из «Книги письма и дозору Успенского монастыря хлыновского городского приказчика Федора Рязанцева 7109 (1601) году» известно: Успенская деревянная церковь шатрового типа, с шестью приделами, построена на пожертвования жителей пяти вятских городов — Хлынова, Котельнича, Орлова, Слободского и Шестакова. По своему значению, торговле, составу и достаткам населения

они были далеко не равны, и построенные на пожертвования приделы не могли быть во всем одинаковыми. Они отличались по величине (высоте), по богатству и художественной ценности внутреннего убранства. Это подтверждается скрупулезным перечислением икон, утвари, служебных сосудов в приделах церкви в «Книге письма и дозору...»

Вторым документом является «Житие Преподобного Трифона Вятского»¹, написанное в то время, когда Успенская церковь еще существовала. Вот что можно узнать из этого источника:

«Церковь та велия и пречудна, яко и доныне всеми видима есть. От земли бо до основания здание вкупе, кверху же совершение разное, о шести верхов шатровых со главами. Имать же та церковь пять приделов, кийждо придел имать в столпу свои стены. Числом же всех служб седьм, и переводом таковы церкви нигде не обретается».

Автор сообщает, что Успенская церковь — заметим, как и большинство церквей северной стороны — поставлена на подклете, общий для всех («от земли до основания здания вкупе»), на котором поставлены, каждый отдельно, «шесть верхов шатровых со главами». В одном «столпе», центральном, основная церковь, в остальных пяти — приделы по числу вятских городов; шестой придел размещался в подклете.

На автора и на жителей города новая церковь производила большое впечатление, ее называют великой и пречудной, какой видят ее и доселе — «яко и доныне всеми видима есть». Описание заканчивается сообщением об исключительности, оригинальности композиции — такого образца «нигде не обретается».

Несмотря на то, что шатровая форма деревянных храмов исконно русская, можно думать, что шестishатровых храмов на Руси в конце пятнадцатого века не было. Известно, что в вотчине Строгановых — Сольвычегодске, в котором Трифон бывал не раз, в 1596 году (на семь лет позднее) была построена церковь Богородицы Одигитрии «с приделы». В рукописи сольвычегодского летописца имеется рисунок 1726 года строгановской постройки деревянных церквей, в том числе и церкви Одигитрии: она имела пять шатров. Все сохранившиеся на Русском Севере многошатровые церкви датируются более поздним временем — концом XVII и даже началом XVIII века. Среди них нет церкви с шестью шатрами. Будучи уже совершенно ветхой, Успенская церковь Трифонова монастыря в 1664 году была разобрана, простояв всего 75 лет.

Сам по себе факт существования в Хлынове многошатрового храма, отражающего идею единения вятских городов, подтверждает

¹ Житие Преподобного Трифона. Вятка, 1881.

высокое мастерство вятских зодчих-древоделов, даже при условии, что сама идея исходила от кого-то другого, была подсказана им кем-то — возможно, Трифоном, настоятелем монастыря и строителем церкви.

Представленная здесь фотография — снимок макета церкви, реконструированной по известным описаниям, не претендует на полную достоверность и является лишь возможным вариантом архитектурного решения храма такого типа.

Обращение основателя мужского хлыновского монастыря к формам Покровского собора в Москве не было случайным. Он увидел в новом московском храме нечто такое, что не было в полной мере оценено современниками, — возможно, связь храма с историей Вятской земли, единение столицы и провинции.

Храм Покрова — памятник Казанскому взятию, одному из важнейших событий объединения Русского государства. Пять из его девяти приделов посвящены святым, в день памяти которых московское войско одерживало победы. Казань была взята 2 октября, в день Киприяна и Устиньи, и в их память осветили северный придел. Северо-западный придел назван именем просветителя Армении епископа Григория — в день его памяти 30 сентября была взорвана Арская башня Казани. 30 августа была одержана победа над войском Епанчи на Арском поле, и юго-восточный придел посвятили святому Александру Свирскому. Северо-восточный придел назвали во имя трех патриархов, память которых приходилась на тот же день 30 августа. Девятый — южный — придел получил название в честь иконы Николая Великорецкого, Чудотворца Вятского. Сам факт этот говорит о том, что вятчане принимали участие в Казанском взятии. Какое?

В апреле 1551 года Иван Грозный, направив войска к Казани, послал Бахтеяра Зюзина «с вятчаны» занять все переправы по Каме и Вятке. Когда с приближением московского войска из Казани побежали на север, в сторону Вятки крымские татары, Бахтеяр с вятчанами и казаками перехватил и побил крымцев, а к государю привел 46 пленных татарских князей — беков, мурз и уланов.

Весной 1552 года с Вятки на Каму был послан отряд Григория Сукина «с вяцкими и с вятчаны» снова с той же целью захватить перевозы. Однако отряд ногайских татар во главе с Едигером Махметом, сыном астраханского царя, сумел перейти Каму тайно и пришел в Казань, где его посадили на царство.

Осенью 1553 года Иван Грозный стал готовить войско к походу на Астрахань, повелев князю Александру Вяземскому идти «как лед вскроется». 29 июня войско пришло «на переволоку, что к Дону с Волги» и послало «вперед себя князя Александра Вяземского с вятчаны». Встретив отряд астраханского царя, вятчане наголову разбили его. Продолжая спускаться вниз по Волге, вблизи Астраха-

ни Вяземский напал на царев стан, побил много воинов, взял пушки и пищали. Царь Енгурчей бежал в сторону Азова.

И еще раз, в 1556 году, послал государь стрельцов да казаков на Астрахань, да «с вятчаны велел идти Федору Писемскому», дав им, как бы сказали теперь, карт-бланш — «велел им идти к Астрахани в судах и промышляти своим делом, как его милосердный бог подаст». Покинутая царем Астрахань и на этот раз была взята.

Вот так в изложении Воскресенской летописи выглядели события, предшествовавшие освящению храма Покрова, что на рву в Москве. Возможно, описанных событий достаточно для того, чтобы связать историю Вятской земли и ее жителей с созданием централизованного Московского государства. Однако известно еще одно событие, в котором обе некогда враждующие стороны проявили большую заинтересованность. Расскажем о ней так, как она изложена в той же Воскресенской летописи. Начало ее совпадает по времени с годом закладки храма Покрова.

В 1555 году вятские священники и «лутчие люди земские» пришли к государю и били челом, что на Вятке «образ Николы Чюдотворца Великорецкого творит, да от многих лет не поделыван» — чтобы царь велел его «обновити». Государь указал священникам доставить образ в Москву — «Вяткою и Камою вниз, да Волгою вверх, на Казань и на Свияжский город, и на Нижний Новгород, Окою вверх до Коломны, а с Коломны Москвою рекою вверх». 29 июня 1555 года в субботу образ Николы «от Вятцких сел Велико-речья» был доставлен в Москву. Встреча ему была устроена небывалая. У монастыря св. Николы на Угреши, у судна на реке Москве его встречал брат царя князь Юрий Васильевич; на Симонове монастыре близ Москвы — великий самодержец Иван Васильевич. У Яузского моста встретили образ «со кресты владыки», а близ Фроловских ворот, «у Троицы на рве, со кресты же» встретил митрополит. «И поиде митрополит со кресты, и образ святого Чюдотворца Николы чюдотворный понесоша во град и поставиша в соборной церкви Пречистые честнаго и славнаго ея Успения, царствующаго града Москвы, против митрополичья места». На пути образа «от вятцких мест Камою, и Волгою, и Окою, и Москвою много исцеления быша с верою приходящим и всякими болезнями одержимым по обоим сторонам рек, верным и неверным; много исцеления быша приходящим и на посаде царствующаго града Москвы, и в церкви безчисленное исцеление приемлюще от образа святого Чюдотворца Николы, больнии, и слепии, и хромии; и во утрия день, в неделю, в церкви Пречистые быша неоскудная чудеса от образа великого чюдотворца Николы... И обновлял образ Николы Чюдотворца сам Макарий митрополит, бе бо иконному писанию навичен, а с ним Андрей протопоп Благовещенской, и со многим

желанием и верою, постом и молитвою. ...Много образов с него пишуще мерою и подобием... и ото всех чудотворения быша многим верным. ...Того же месяца велел поставити благоверный царь и великий государь Иван Васильевич всеа Руси, с великою верою и многим желанием церковь древяну святого Чюдотворца Николая Вятцкого, и с его образа таков же образ написати, и новописанный образ святого Чюдотворца Николы поставити в новом поставленном храме у Покрова святой Богородицы надо рвом. И свеща ю митрополит Макарий со всем собором Русския митрополии месяца июля в 29 день понедельник; бо же на освящении том благоверный царь Иван Васильевич и з братом своим со князем Юрьем Васильевичем и множество бояр и народов».

3 августа 1556 года «отпущен образ на Вятку Николы Великорецкого обновлен... И украсиша его златом, и жемчугом, и камением; а провожал царь и великий князь со своею царицею и с своим сыном, царевичем Иваном, и митрополитом, и князь Юрьи Васильевич и с своею княгинею, и бояре, и множество народа. Царь и великий князь, и царица его, и царевич Иван проводили до Пречистые, до яспу, и тут обедни слушал. От светилника ж Николы образа чудеса безпрестанно содеяшася, многими болезнями одержимых исцеляше. И оттуда государь, отпустя образ светилника Николы с великою честию и любовию, и возвратися во двор свой царской; а князь Юрьи Васильевич провожал образ до Ростокина. И отпущен образ к Вятке на Устюг, и многая милость от Николина образа изливавшаяся по градом и по селом».

А. Г. ТИНСКИЙ

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ЗДАНИЕ КОНЦА XVII ВЕКА. ХЛЫНОВСКАЯ ПРИКАЗНАЯ ИЗБА

Приказы как органы центрального управления существовали в России с XVI до начала XVIII века. Сформированные вначале по функциональному признаку (Посольский, Разбойный, Каменных дел и др. приказы), с течением времени они изменили сферу деятельности, структуру, численный состав, подчиненность. Число их к концу XVII века достигло восьмидесяти. На местах органы управления территорией подчинялись непосредственно воеводам и были многофункциональными: их деятельность касалась всех сторон жизни населения. Назывался такой орган приказной (разрядной, съезжей) избой. В Хлынове приказная изба находилась в кремле и занимала довольно крупное трехэтажное здание, вновь выстроенное в 1688—1692 годах по соседству с архиерейским дво-

ром. Во главе ее стоял дьяк, которого назначала Москва одновременно с назначением воеводы. В его подчинении находились подьячие (писцы), приставы, рассыльщики, сторожа. К 1678 году число подьячих возросло до 19, да всех прочих служителей было не менее двадцати. Это был исполнительный орган при воеводе; он отвечал за выполнение всех указов, от имени «великого государя царя и великого князя» рассылаемых центральными приказами; одной из основных задач был сбор многочисленных местных и государственных налогов и всякого рода платежей. Приказная изба от имени воеводы творила и суд и расправу на подчиненной ему территории. Не забывая и себя, она выколачивала всевозможные подношения — «въезжее пособие», «в почесть», «сошный хлеб», «харчевые деньги» и просто «подарки» в «подносные дни», которых по календарю для воеводы, например, насчитывали несколько десятков. Совсем не случайно именно в это «приказное» время сложил народ пословицу — «не бранись с тюрьмою да с приказной избою».

Почти ничто не отличало главное административное здание Хлынова от жилых построек состоятельных горожан. Разве только своеобразный вымпел, флажок «из белого железа», на спице над шатровой кровлей приказной избы — знак государственной принадлежности. Да большие по размеру затянутые слюдой «красные» окна, которые были еще редкостью: слюду привозили из Восточной Сибири, она была дорогой (фото 12). Обычная изба-двойня — две клетки, поставленные рядом на высоком подьизбице, на подклете. Сени «на режу», который в отличие от подклета никак не использовался, у передней избы; одномаршевая крытая лестница с непременно рундуком. Над каждой избой двойни — третий, холодный этаж для летнего времени — «чердак», а над ним традиционный шатер на четыре ската. Такое летнее помещение в жилых домах обычно называют повалушей, но мы сохранили за ним то название, которое дал писец — чердак. Стены его устроены тоже по-летнему — из теса, из пластин, «забранных в бабки», как это и сейчас делают у неотопливаемых помещений или у глухих оград. К задней избе двойни приставлена третья жилая клеть со своими сенями, тоже поставленная на подклет, как водится на севере. Но здесь не сидят писцы и не готовят отписки на государевы указы: здесь допрашивают взятых на правех и неделями держат безвестно тех, кому в тюрьме не место. Подклет из посада не виден, голоса узников не слышны — перед ним высокая кремлевская стена.

Когда стольник и воевода Андрей Римский-Корсаков сдавал на Вятке «два города и городовые ключи» своему преемнику, близкому окольничему Ивану Матюшкину, дьяк из хлыновцев Степан Рязанцев, ведавший всеми делами и штатом приказной избы, поместил в «Росписном списке» 7202 (1694) года справку,

которую мы приводим здесь в том виде, в каком она была тогда написана, не меняя ни орфографии, ни знаков препинания.

«Да по указу великих государей при думном дворянине и воеводе что ныне околничей при Андрее Ивановиче Леонтьеве построена вновь в кремле городе приказная изба двойня на онбарах да перед передней срублены сени на режу и учинен сход, да посторонь задние срублена изба на онбаре же для роспросу всяких нужных дел, а промеж избы учинены сени, и те сени и изба свершены доготова и на той избе поставлен шатер и покрыт тесом, а на шатре поставлен знак белого железа, да на приказной избе на двойне основан чердак и зделаны два шатра, и те шатры и чердак покрыты тесом, а на шатрах поставлен знак белого железа, а то все построено ис казны великих государей и тому строению в приказной избе книги выборного Антона Носкова за сво рукою.

Да при стольнике и воеводе при князе Михайле Яковлевиче Хилкове тое ж приказные избы построено в чердаках забрано в готовые бабки тесом и поделаны окошка и намощен пол, а то строение строено ис казны же великих государей из неокладных доходов»¹.

Осенью 1700 года в Хлынове случился пожар, при котором выгорела центральная часть города, в том числе и кремль с приказной избой. Вот как описывает этот пожар один из местных исторических источников — «Временник, еже нарицается «Летописец Российских князей...» (публикация А. Верещагина):

22 сентября 7209 (1700) года «учинился пожар в Хлынове у Засоры, у Савы Вепрева, и згорели церкви все, и иконы, и книги, и ризы, и людей 6 человек, и кремль город весь, и на посаде по Московской и Спенцынской, и Копанская улицы, и в подгорье все до земских бань, и Успенский монастырь, и девичья церковь»².

Ни один из родившихся после 1700 года людей приказную избу конца XVII века уже не видел. До наших дней сохранилось единственное изображение ее, сделанное неизвестным хлыновским иконописцем в последнем десятилетии семнадцатого века — на иконе «Трифон Вятский перед Богоматерью» (после реставрации находится в Кировском художественном музее им. В. М. и А. М. Васнецовых). Посетитель музея обнаружит три шатровые крыши приказной избы в левом нижнем углу изображения кремля, рядом

¹ «Росписной список» города Вятки приема воеводы на И. А. Матюшкина. ГИАЛ. Фонд 137, оп. 1, ед. хр. 13.

Андрей Иванович Леонтьев был воеводой на Вятке в 1686—1689 гг. Михаил Яковлевич Хилков — воевода на Вятке в 1689—1692 гг.

² ТВУАК. 1905, вып. 2, с 67.

с юго-западной угловой кремлевской башней, «что за епископлим двором».

Через много лет, при подготовке к печати сборника «100-летие Вятской губернии», ученик гимназии А. И. Кабалеров сделал рисунок кремля, каким сумел его разглядеть через потемневший от времени слой олифы на старинной иконе. Рисунок Кабалерова был помещен в первом томе «100-летия...» под названием «Стольный град Хлынов стоит над рекою Вяткою». Впоследствии рисунок использовали авторы ряда работ по истории Вятской земли, и он получил известность. На рисунке Кабалерова приказная изба изображена в виде трех шатровых построек, две из которых завершены крестами по вполне простительной ошибке художника, который принял только угадываемые на потемневшей иконе «знаки» за кресты.

Подробное описание хлыновской приказной избы в «Росписном списке» Римского-Корсакова и изображение ее на иконе использованы при постройке макета, фотография которого позволит читателю представить себе архитектуру давно утраченного административного здания конца XVII века (фото 12).

А. Г. ТИНСКИЙ

АРХИТЕКТУРНАЯ РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ

Линию пересечения двух скатов любой кровли, ее ребро люди привычно называют коньком. Почему? Какое отношение имел к этому конь? Истоки названия прячутся в истории крестьянского жилища, в той ее начальной поре, когда изба представляла собой один сруб, закрытый от дождя и снега двухскатной тесовой крышей «на самцах». Если бревна каждого венца были связаны друг с другом, то бревна треугольного фронтона — один другого меньше — такой связи не имели, лежали по одному — сами. «Сам» — один, сам по себе, без помощи, понимали в старину, и бревна такого фронтона называли «самцами». На переднем и заднем фронтонах лежали продольные жерди (слег), на которые и укладывались по скату доски кровли; наверху между скатами оставалась щель — ее надо было закрыть. Для этого использовали особое бревно с выемкой снизу, как опрокинутый желоб. Называли его по-разному: охлупень (по-сибирски), шелом (от «шелом»), конь (конек). Первые два слова связаны с понятием возвышения, высоты: хлуп, шелом — холм. Помните: «О, русская земля, ты уже за шеломянем еси!» — в «Слове о полку Игореве». А конем или коньком называли бревно, укладка которого означала окончание стройки — по той фигуре

коня, крестьянского кормильца, которую вырезали на фасадном конце охлупня; для этого и бревно подбирали с массивным корневищем. Фигура коня на самом видном месте избы, вырезанная мастером, для многих поколений стала символом благополучия и достатка. Так охлупень стал одним из первых конструктивных элементов избы, которые стали украшать символической фигурой коня (резьбой украшались еще и «курицы»). Лаконичная, скупая скульптурная фигура придавала особую выразительность рубленой крестьянской избе.

С течением времени совершенствовались конструкции, планировка, композиция избы и всего крестьянского двора. Неизменным оставался только принцип — каждая деталь избы имела всегда свое собственное назначение, свою функцию; в избе не было ни одной ненужной детали, ни одна из них не была лишь украшением. Появлялись новые виды резного декора, изменялась и совершенствовалась техника резьбы, но мастера всегда украшали ею только те элементы, которые и без того уже несли нагрузку, защищали от непогоды и осадков, сберегали тепло.

Наиболее древним видом архитектурной резьбы по дереву была так называемая «плоская» резьба. Образцы ее были обнаружены при раскопках новгородских дворов в слоях одиннадцатого века. Она отличалась тем, что ее рисунок составляли сделанные в плоскости дерева углубления. Техника такой резьбы была примитивна, инструмент прост: нож, линейка, циркуль из гвоздя и веревочки, иногда долото, коловорот. Она имела распространение до XIX века, когда была вытеснена другими видами резьбы и сохранилась только в резьбе бытового характера, резьбе предметов домашнего обихода: мебели, ткацких станков, прялок и донец, печатных досок для изготовления пряников, пасхальных форм. Плоской резьбой на досках «топорной работы» украшали причелины, колоды «косячатых» окон, ставни, верей и перекладины ворот и калиток. В Кировской области плоская домовая резьба сохранилась только в образцах девятнадцатого века (фото 23).

В двадцатых годах XIX века в соседней Нижегородской губернии появилась и к середине века получила распространение в поволжских селениях «глухая» домовая резьба. Рисунок ее выпуклый. Выпуклость создавалась после нанесения рисунка за счет срезания фона на половину толщины доски. После этого рисунок моделировался — закруглялись грани рельефа, фигурам придавалась нужная форма. Еще первые исследователи глухой резьбы, в том числе известный этнограф и диалектолог Владимир Даль, обратили внимание на то, что глухая резьба тесно связана с постройкой волжских судов (потому глухую резьбу часто называли «корабельной» или «судовой»). Один из более поздних исследователей резьбы И. А. Шубин в двадцатых годах текущего века прямо

связывал районы распространения глухой резьбы с районами развитого судостроения. В числе наиболее крупных центров судостроения XVI—XVII веков, наряду с Нижним Новгородом, Ярославлем и Владимиром он называл Вятку и Вятский край. Его вывод подтверждается и документальными материалами по истории Вятской земли. Известно, например, что в 1603 году правительство Бориса Годунова предложило Хлынову выслать в Верхотурье плотников для постройки судов под хлебные запасы для Сибири. В 1613 году туда же были посланы 13 человек «со всей плотницкой снастью». В 1614 году Хлынову был дан приказ срочно изготовить 100 судов и направить их на Волгу. В начале XIX века в Вятской губернии строилось ежегодно не менее трехсот барок. Построенные вятскими плотниками суда везли на Волгу лес, опочный камень и большей частью продавались там же; так было до конца века.

Появившаяся в нижегородском Поволжье глухая резьба не могла обойти и Вятскую губернию. На Вятке, однако, распространение глухой домовой резьбы пошло по иному пути. Во-первых, она была трудоемка, дорога. В 1880 году один погонный аршин глухой резьбы стоил 80 копеек. На богатой избе было до ста погонных метров резьбы — 142 аршина. Резное украшение избы стоило более ста рублей, в то время как постройка самой избы обходилась в сорок-пятьдесят¹. Была и вторая причина: на Вятке раньше, чем у соседей, появились и размножились лесопилки — «пильные мельницы». При «топорном» изготовлении теса из одного бревна получали только две тесины. Продольная распиловка позволяла из бревна получить 5-7 и более досок. После сенатских указов 1748 и 1749 годов, запрещавших применение топорных досок в судостроении и домовом строительстве, и особенно после введения в 1763 году льгот для владельцев, пильные мельницы в Вятской провинции стали возникать одна за другой. К концу века число их достигло 68. Самая крупная имела шесть пилорам. Ставили пильные мельницы на притоках Вятки и на притоках притоков. Доски шли на внутренний рынок, на экспорт за пределы губернии. Уже в конце XVIII века прибрежные районы были полностью обеспечены «пильным» тесом. Относительно тонкий, он не годился для глухой резьбы. Вот почему на Вятке уже тогда появились новые виды резьбы по дереву — пропильная, сквозная прорезь. Образцы сквозной прорези той поры не сохранились. Рельефная же резьба сохранялась дольше, но до нас дошла только на менее подверженных разрушению массивных конструкциях — на верях и ригелях ворот и калиток. Знаток крестьянского быта и деревянного зодчества И. В. Маковецкий, предпринявший в свое время экспедицию по Кировской

¹ Данные 1887 года по Уржумскому уезду. «Материалы по статистике Вятской губернии», том 2. Уржумский уезд, с. 72.

области, указал на распространение рельефной (глухой) резьбы в селениях по Вятке от Малмыжа до Котельнича. Крестьяне привятских деревень с любовью украшали резьбой вход в усадьбы — ворота трехстолбовой конструкции (ворота и калитка). Во многих деревнях ворота получили необычайно выразительную форму: массивные столбы-веревы, мощная перекладина (ригель), подпертая по концам подкосами, создавали впечатление особой монументальности. На фасадной плоскости столбов и на перекладине оставалось еще много места для резьбы, и мастера выполняли ее то аскетически скупой, двумя-тремя порезками, то заполняли ею всю плоскость. На фото 23 показаны образцы плоской резьбы на веревках ворот в селах Ст. Тушка и Воробы бывшего Шурминского района; на столбах только две розетки с ромбом — но они совершенно преобразили гладкую поверхность.

Длительное время рельефная резьба уживалась с соседством резьбы выпиловочной. По-разному специалисты оценивали ее появление. И. В. Маковецкий отмечал, что обработка пилой в одной плоскости не смогла и не сможет придать доске те пластические качества, которые присущи прежним видам резьбы. С этим вполне можно согласиться. Но вправе ли мы требовать от новой технологии резьбы неизменно высокую пластичность? После появления лесопиления выпиловочная резьба не могла не возникнуть, а остановить развитие деревообработки на стадии «топорного» теса невозможно. Приходилось мириться с меньшей пластичностью резьбы. Другие качества — меньшая стоимость, простота технологии, доступность для всех социальных групп населения и, наконец, сбережение лесов — способствовали быстрому распространению пропиловочной резьбы. Меньшая пластичность пропиленного узора не осталась, конечно, незамеченной, и резчики обратились к моделированию — стали закруглять, «заоваливать» грани узора. В некоторой степени им удалось избавиться от «сухости» пропиловки, возратить узору мягкость и живописность. Моделированная пропиловочная резьба нашла свою нишу в деревянном зодчестве (фото 16, 18). Однако прочность и долговечность резьбы упали еще ниже. Ажурная, легкая, работающая на просвет резьба перестала удовлетворять застройщика. И тогда практика массового строительства на рубеже XX века ответила сразу двумя «усовершенствованиями» — набором декора из отдельно вырезанных элементов и появлением пропиловки, наложенной на плоскость стены и потому сразу избавившейся от основного недостатка — ломкости.

Появление и последующее развитие резного декора крестьянской избы не превратилось в пустое украшательство. Узор не скрывал, а подчеркивал удивительную целесообразность каждой детали избы, отобранной временем наподобие того, как сама природа методом проб и ошибок совершенствовалась или отвергала

каждый новый вид живых существ на Земле. Украшали резьбой только те детали избы «на самцах», которые уже «работали» и находились к тому же на видных местах фасада. А поскольку фасад «очеловечивали», то и украшенные резьбой детали получали соответственные названия. Треугольный фронтон избы занимал место чела (лба) — и доски, закрывавшие торцы слег, при челе, называли причелинами. Впрочем, они имели и другое название — крылья. Видное место на фасаде занимало центральное, самое большое окно¹; причелину и косяки окна начали украшать плоской резьбой, отчего и само окно получило название «красного». Вскоре щель между косяками и срубом прикрыли наличником, а доску над окном называли очельником; позже ее будут называть заимствованным словом «сандрик». С появлением стропил стали лишними «самцы» на фронтоне, и его зашили досками; щель между срубом и гладким фронтоном называли лобовой доской или подзором. Стропильная конструкция крыши устранила «курицы» и желоба-водотоки. Защищали стены от стекающей с крыши воды устройством карниза с большим выносом. Карниз и подкарнизную лобовую доску — на самом виду — тоже украсили резьбой. Наши нижегородские соседи эти детали избы покрывали сплошным ковром выразительного рельефного декора. Такого обилия украшений избы вятских крестьян не знали.

На фотографии 1958 года (фото 13) — дом № 25 по улице Дрелевского, построенный около 1910 года. Примерно таким, с небольшим количеством резного декора, крестьянская изба появилась на городских улицах.

В истории распространения резьбы был один период, когда в больших и малых городах губернии резьбу перестали применять вовсе. Это первая половина XIX века. Официальная архитектура тогда признавала только высочайше конфирмованные «примерные» проекты, сочиненные столичными зодчими на основе принципов классицизма. Фасады деревянных домов предписывалось гладко обшивать тесом, а затем с помощью накладных рустов и устройства декоративных балюстрад на фасадной стороне крыши придавать им вид каменных зданий. Лишь в начале второй половины века, когда постройка по «примерным» проектам перестала быть обязательной, появилась возможность вновь вернуться к традиционному резному декору. Сошлемся на свидетельство вятского старожила из рода Прозоровых — А. А. Прозорова. В своих неизданных мемуарах «Род Прозоровых» и «Город Вятка и его обитатели», хранящихся ныне в Государственном архиве Кировской области, он пишет, что перестроил купленный им в 1884 году дом и при этом устроил окна с

---

¹ И это слово — от «око».

наличниками, которые, якобы, были «первыми наличниками в городе».

В последней четверти XIX века пропиловочная резьба уже преобладала и в деревне, и в городе. Наряду и рядом с ней можно было встретить и все ранее бытовавшие виды резьбы. Такое совмещение было характерно для Вятки. Еще И. В. Маковецкий отмечал, что в привятских селениях нет ни одного двора без резного декора, а во многих можно увидеть и плоскую, и рельефную, и сквозную, и накладную резьбу — и все это рядом, на одном и том же фасаде. Мастер-резчик не боялся сочетать их. Да резьбой и дорожили. При перестройке или постройке нового дома на старом резьбу снимали и включали ее в новую декоративную композицию. На фотографии показан фрагмент двухэтажного деревянного дома № 61 по улице Дерендяева, построенного в два приема в 1880—1902 годах. Резьба наличников глухая, с невысоким рельефом, принадлежала, несомненно, более старому дому. Пропильные сережки, богатая моделированная прорезь подоконной доски и скульптурная резьба очельников современны дому и выполнены рукой резчика-профессионала, сумевшего совместить в одном декоративном пятне разную по технике исполнения резь (фото 20).

Орнамент архитектурной резьбы на Вятской земле чрезвычайно разнообразен; здесь, как и в сохранившихся обрядах, встречаются мотивы, корнями своими уходящие в давние языческие времена. Круг с порезками-лучами в плоской технике; круг, разделенный на четыре сектора в пропиловочной резьбе; круг с накладными лучами — все это, как и блины на масленице — символы солнца. Вот одно из языческих солнц в пропиловке второго десятилетия двадцатого века (фото 21).

Все чаще и чаще резчики используют для украшения своих домов простые геометрические фигуры, хорошо знакомые им по окружающему миру: квадрат, ромб, треугольник, окружность, спираль... Орнамент из их комбинаций получил название геометрического. В последние три-четыре десятилетия его особенно часто используют в накладной резьбе.

Несколько десятилетий назад исследователь резьбы и этнограф И. В. Маковецкий отметил, что вятские резчики не использовали в своем творчестве растительные мотивы. С ним можно согласиться только отчасти. Растительный орнамент вовсе не чужд вятским мастерам, они с успехом использовали его в резьбе иконостасов, а в архитектурной резьбе он же послужил основой для великолепных образцов моделированной прорези и пропиловки. Охотно обращались к нему яранские резчики. На снимке 1956 года фасад дома, принадлежавшего когда-то купцу Быстрову. Моделированная пропиловка составляет основу декора всего дома (фото 16). На его лобовой доске резчики поместили причудливо изгиба-

ющиеся стебли с отходящими от них ветвями и листьями; тот же мотив завершает очелья, наличники. С еще большим изяществом резчики украсили растительным орнаментом дом № 26 по улице Гоголя в Яранске. Это вятская интерпретация известного еще в древности (Сирия, Палестина) мотива стелющейся ветви. Вятские резчики могли видеть подобное в рукописных книгах (фото 18).

В старой Вятке начала XX века был распространен — и вятскими мастерами, руками которых «вся Сибирь построена», занесен в далекую Сибирь, в Иркутск и на берега Байкала, — очень простой и в то же время нарядный орнамент пропиловочной резьбы (фото 19), который еще недавно украшал дом № 47-в по улице Дрелевского областного центра¹. Узор неузнаваемо преобразался, если рассматривать его с разных позиций, в движении. Казалось, что узор вполне современный. Но он был использован новгородскими мастерами для украшения сканью серебряной панагии «Св. Георгий на коне со стягом» в начале XIV века, еще до похода ушуйников 1374 года². Тот же сканный узор парных спиралей — на окладе Евангелия новгородского златокузнеца Ивана Попова (1527 год). Вятские потомки новгородцев через четыре века использовали сканный узор своих предков в выпиловочной резьбе, такой же — с учетом масштаба — ажурной, как древняя скань.

Накладная прорезь особенно распространилась в начале XX века. В руках настоящего мастера и она способна даже обычные ворота превратить в произведение художника. Здесь мы снова видим сочетание нескольких видов и мотивов резьбы: накладной прорези и выпиловки, простейшей порезки ребра ригеля и городков, заимствованных у городской каменной архитектуры³ (фото 21).

Во многих прибрежных селениях бывших Шурминского и Рожкинского районов народные мастера-резчики создали прекрасные образцы художественного оформления такой прозаически простой конструкции крестьянского двора, как въездные ворота с калиткой, используя в качестве декоративного мотива элементы архитектурного ордера. Наряду с прорезью и накладными элементами на столбах ворот в манере высокорельефной резьбы они помещали классические колонны, с базой и капителью, конечно, в своей интерпретации, в своем восприятии и трактовке классического ордера (фото 22). Это личное, авторское понимание, если хотите

¹ Дом снесен при постройке нового здания художественного музея.

² Соломина В. П. О двух памятниках новгородской мелкой пластики. «Памятники культуры. Новые открытия». Изд. «Наука». Москва, 1977, с. 202.

³ Фотография, сделанная в 1958 году, дает возможность по оставленным отпечаткам на плоскости столбов и пилястр восстановить декор 1912 года в первоначальном виде.

— изобретение. В этом изображении — душа вятского мастера, пусть и наивная, но чистая, откровенная, искренняя. И позже, уже в текущем веке, идея ордера не раз использовалась резчиками при оформлении наличников или светелки, но измельченность деталей подводила мастера — точеные колонки смотрелись как декорация.

В начале века двадцатого местные мастера, возможно, по желанию заказчиков включают в декоративную композицию новые, нетрадиционные рельефные элементы: приспущенные знамена, лиру, полуколонки, сдвоенные на углах, как у барочных храмов XVIII века. В последние годы в селах юга и севера области в орнаменте появились изображения рыб, воркующих голубей, петушков, токующих глухарей. В конце пятидесятых годов в селах южных районов области отмечено появление советской (пятиконечная звезда, размещаемая обычно в центре очелья) и олимпийской (сплетенные кольца) эмблематики.

Мастера-резчики. Документы сохранили нам имена многих профессионалов, резавших по дереву великолепные иконостасы, покрывавших резным каменным декором «красный замок» и Александро-Невский собор в Вятке, посылавших свои работы на губернские и российские выставки. Но имена резчиков-любителей, народных мастеров остаются безвестными. В последние годы XIX века, в период возрождения выпиловочной резьбы, в Вятском уезде и в городе Вятке работали 29 резчиков по дереву, в Яранском уезде — 18, в Котельниче — 1, в Орлове — 6. При переписи они сами называли себя резчиками: резьба была основным источником их существования. Часть из них (какая?) занималась и архитектурной резьбой. Но не они, профессионалы, а мастера-любители, не стесненные и не направляемые никем и ничем, кроме вкусов и потребностей народа, отражали в своем творчестве уровень его художественного сознания. Именно любители последним взмахом плотницкого топора, последним нажимом на рукоятку резца завершали формирование архитектурного образа крестьянской избы. Вятские крестьяне, как и крестьяне всех северных областей, были скупы на украшения и искали удовлетворения своих эстетических вкусов больше в целесообразности архитектурных форм, в силуэте построек, в органическом слиянии и полной подчиненности декора композиции здания. Это они, мастера-древоделы, отправляясь в сибирский обход, разносили по миру вятское узорочье.

В послевоенные годы интерес к архитектурной резьбе, никогда на селе не иссякавший, а лишь отодвинутый обстоятельствами временно на задний план, вновь начал возрождаться. В Яранске, Уржуме, Вятских Полянах, Корляках, Средней и Нижней Тойме, в Котельниче и Яхренъге, Свече и Унях, в Жерновогорье и Афанасьеве — по всей области, где строили, появлялись мастера, любители прекрасного. Такие как Илья Сенников из свечинской деревни

Самоулки, Николай Васильевич Ефремов из Жерновогорья, Иван Яковлевич и его сын Николай Коржавины из Вятских Полян, Аркадий Алексеевич Суворов из Пореза, Петр Тимофеевич Аникин из Уней, Иван Васильевич Вершинин из Малиновки — нет им числа.

Ведущие телеканала «Останкино» непременно заканчивают программу на «оптимистической ноте». «Архитектурная резьба по дереву» такого окончания не имеет. Не может иметь. Деревянные дома в городах, в свое время ставшие муниципальной собственностью, оказались без догляда. Многие сотни домов лишились прекрасной резьбы полностью или частично, что совершенно одно и то же. «Данаю» Рембрандта спасли — ни один дом с разрушенной резьбой спасти не стали. При всеобщем спокойствии мы лишились сотен произведений народных художников — потому что в примелькавшейся домовой резьбе не разглядели художественного начала и долгие-долгие годы принимали ее за ремесленные поделки. Особенно — пропиловочную, декоративную, народную. О ней пишут, о ней говорят, мастеров превозносят, но ею и не интересуются. А ведь это громаднейший пласт народной культуры. Архитектурная резьба, прежде всего современная, нуждается в квалифицированном исследовании и оценке, особенно в оценке искусствоведов. Непростительно хвалить без устали куклу Барби и забывать Але-нушку.

НАЧАЛО КАМЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ХЛЫНОВЕ. ПЕРВЫЕ КАМЕННЫЕ ХРАМЫ

А. Г. ТИНСКИЙ

СОБОРНЫЙ ХРАМ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ

Создание в 1656 году Вятской и Великопермской епархии превратило Хлынов в церковный центр обширной области в бассейне Вятки и Камы, значительная часть населения которого еще не знала христианства. Усиление влияния церкви стало заметным и по внешним признакам, по строительству новых деревянных и каменных храмов. Епископ Иона Баранов сразу же принял меры к постройке главного храма Вятской земли, но уже не в дереве, как с момента заселения бассейна Вятки строились здесь все церкви, а в камне. Через год после приезда в Хлынов, в 1675 году, будучи в Москве, он нашел артель свободных от подряда мастеров-каменщиков и подрядил ее для постройки храма.

«В 184 (1676) году апреля в 10 день, в понедельник после Фомины недели, начало о здании соборныя каменныя церкви: зачали рвы копать, июня со 12 бутить, снисканием и труды Ионы архиепископа», — записывает автор «Временника, аще нарицается Летописец Российских князей...»¹. А следующей весной те же «московские мастера» начали кладку стен: «Лета 7185 (1677) апреля в 22 день в неделю Фомину, пред литургиею, зачатие основанию соборныя каменныя церкви в Хлынове; на отпетии действия «снег велик был и мразь», — делает запись автор «Временника...».

Ни одного имени мастеров ни документы, ни легенды не сохранили. Позже, в начале XVIII века, автор рукописи, некогда хранившейся в библиотеке Царево-Константиновской церкви², запишет, что «до его архиерейского строения на Вятке каменного здания ни малого не было, потому что известного камени отнюдь никто не знали и не чаяли его»³. Да, не знали на Вятке известкового

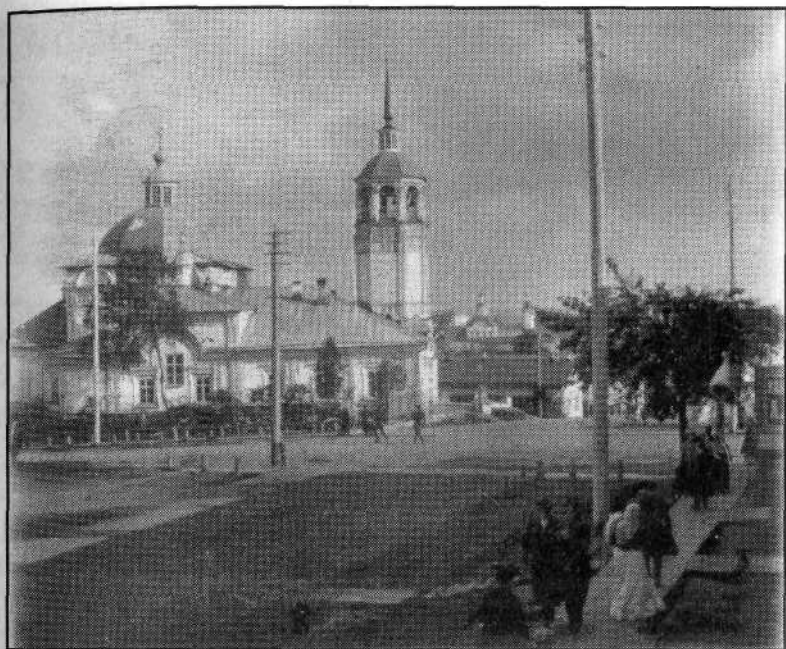
---

¹ ТВУАК, 1905, вып. 1, с. 59.

² Там же.

³ ТВУАК, 1905, вып. 2—6, с. 39.

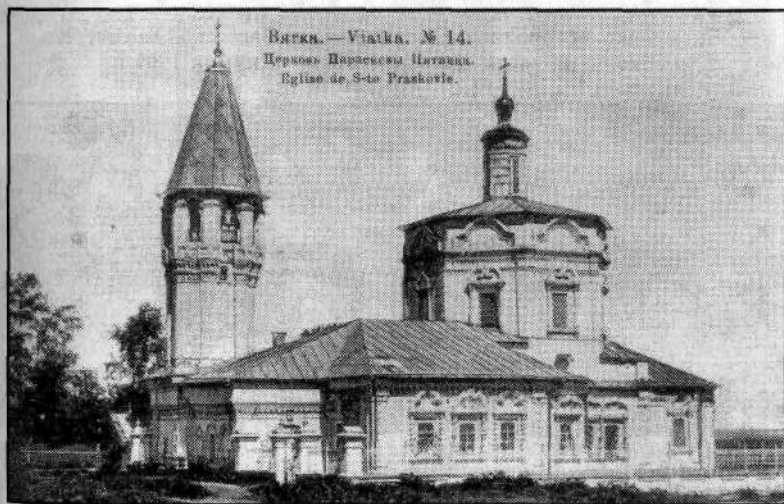

33. Покровская церковь хлыновского посада, 1705—1712 гг.

Снимок С. А. Лобовикова. КХМ.

34. Пятницкая (Сретенская) церковь посада, 1705—1712 гг. Открытка.

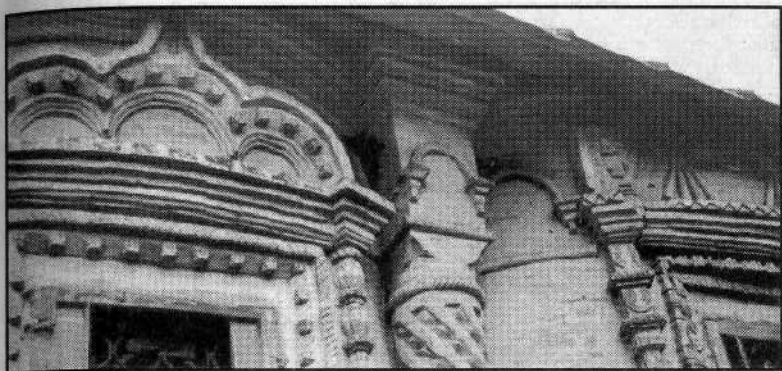

35. Иоанно-Предтеченская церковь посада. 1714—1729 гг.
Снимок конца XIX в.

36. Знаменско-Богородицкая церковь села Пасегово. Балюстрада
в цокольной части холодного храма. Снимок 1969 г.

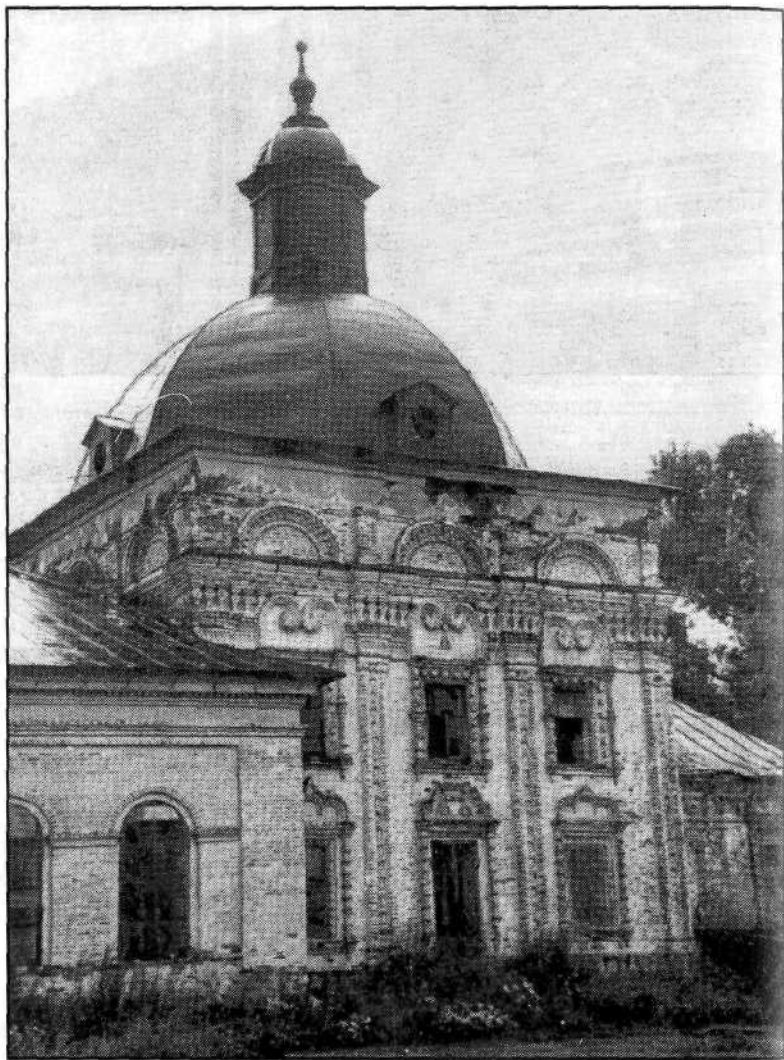

37. Знаменско-Богородицкая церковь села Пасегово. Фрагмент.
Карниз и обрамление окон апсиды. Снимок 1972 г.

38. Знаменско-Богородицкая церковь села Пасегово. Фрагмент
южного фасада. Встречные завитки в завершении наличников.
Снимок 1972 г.

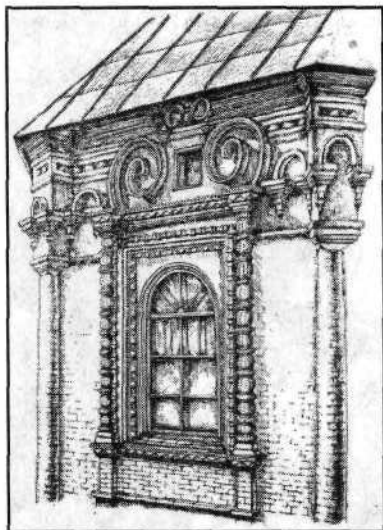

39. Знаменско-Богородицкая церковь села Пасегово, 1726 г.
Южный фасад. Снимок 1969 г.

40. Екатерининская церковь в Слободском, 1699 г. Разнообразие наличников и кокошников над оконными проемами. Снимок 1967 г.

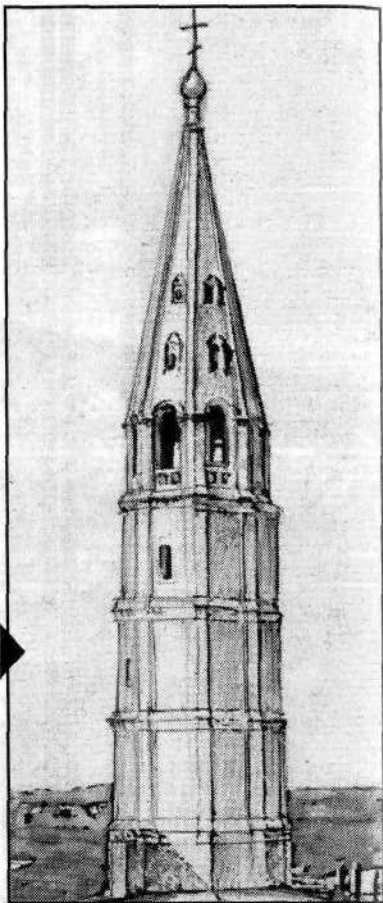
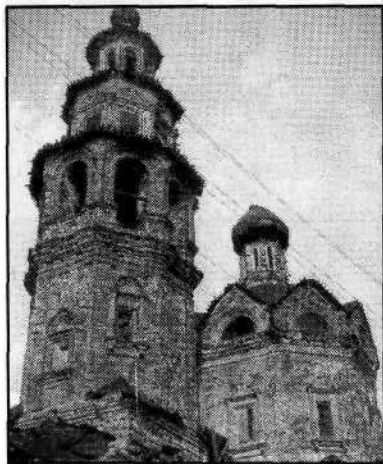

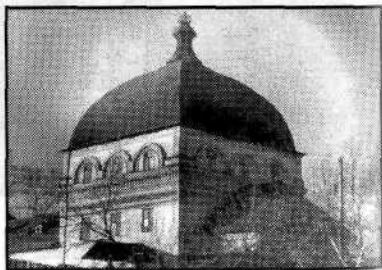
41. Никольский собор в Нолинске, 1724 г. Наличники алтарных окон.

42. Колокольня Троицкой церкви г. Яранска, 1694 г. по фотографии 1900-х гг. в «Известиях императорской археологической комиссии», 1912 г.

43. Церковь Рождества Богородицы села Шошма Яранского района, конец 1690-х гг. Снимок 1985 г.

44. Благовещенская церковь Успенского Трифонова монастыря, 1726—1728 гг. Снимок 1980-х гг.

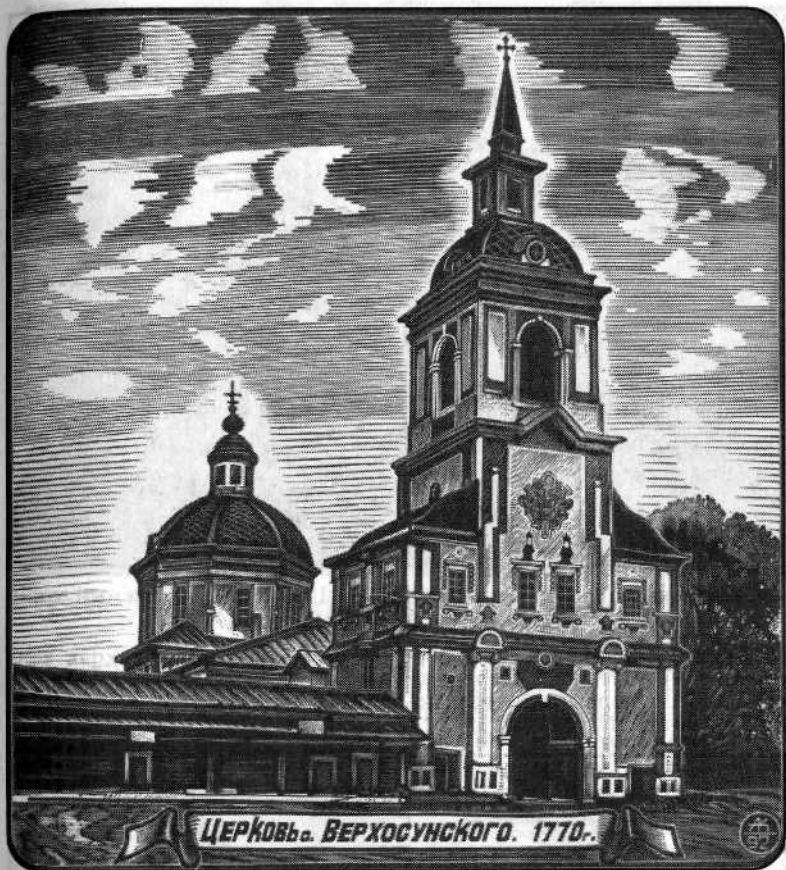
45. Иоанно-Предтеченская церковь в Хлынове. Оформление окон
холодного храма, 1714—1723 гг. Снимок 1969 г.

46. Владимирская церковь Хлынова, 1707—1718 гг. Завершение холодного храма двумя восьмериками. Снимок начала XX в.

47. Стефановская (Донская) церковь Хлынова. 1746—1764 гг. Придел Стефана Радонежского во втором этаже. 1770—1773 гг. Снимок начала XX в.

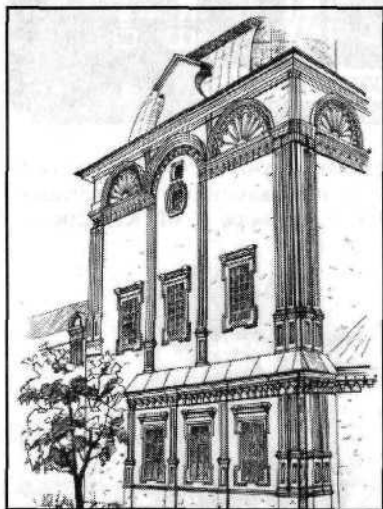

48. Казанско-Богородицкая церковь села Верхосунье, 1763—1773 гг. Первоначально деревянный восьмерик заменен каменным по чертежам Ф. М. Рослякова. Колокольня 1780-х гг. Гравюра А. М. Колчанова.

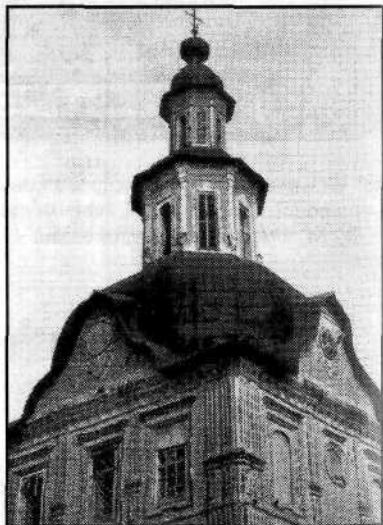

49. Спасская церковь села Вяз, 1773—1783 гг. Двухэтажный храм с асимметричным входом. Снимок 1789 г.

50. Троицкая церковь села Чудинова, 1748—1765 гг. Первоначально была перекрыта деревянной «курмой». По снимку 1972 г.

51. Богоявленская церковь села Рябиново, 1759—1771 гг. Снимок 1973 г.

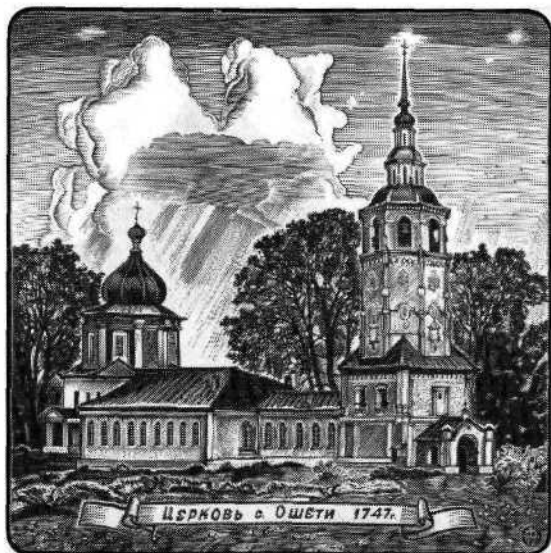
52. Церковь Всех Святых в селе Всесвятском, 1757—1777 гг.
Снимок 1976 г.

53. Прокопьевская церковь в селе Прокопье, 1767—1768 гг. Снимок 1969 г.

54. Покровский собор в Санчурске, 1770 г. Снимок начала XX в. по «Известиям императорской археологической комиссии».

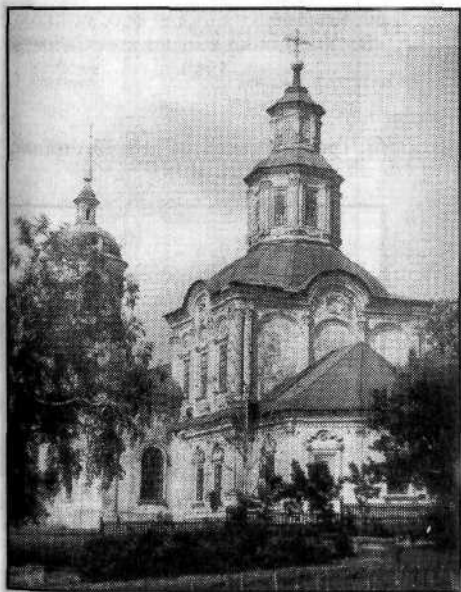
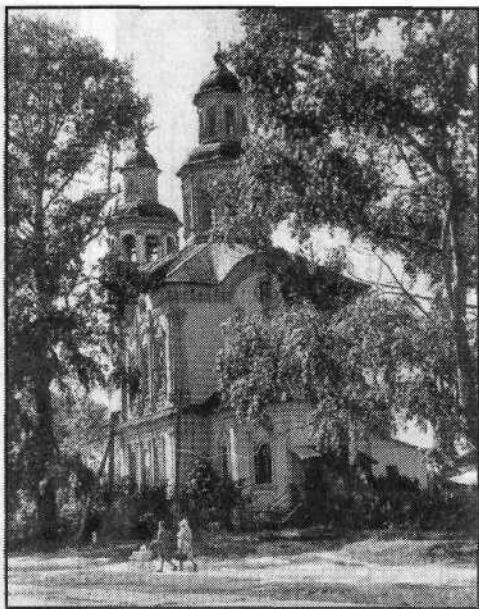
55. Спасская церковь с. Ошеть, 1747—1768 гг.
Гравюра А. М. Колчанова.

56. Вознесенская церковь села Талоключинское (Богородское). 1771—1787 гг. Колокольня построена по проекту
Ф. М. Рослякова. Гравюра А. М. Колчанова.

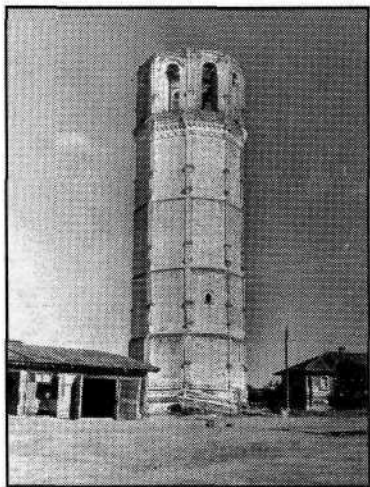

57. Троицкая церковь «за
Вяткой рекой» в селе
Макарье (ныне в черте
г. Кирова). 1770—1775 гг.
Снимок 1969 г.

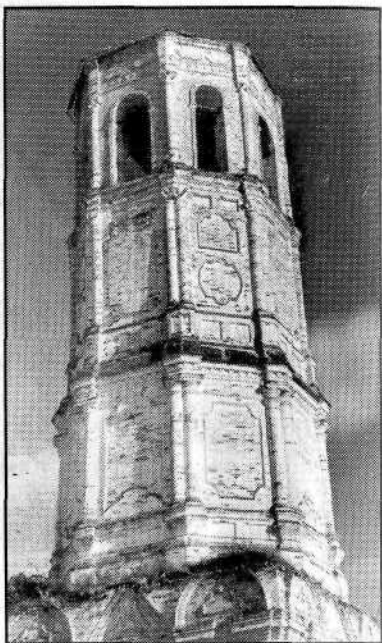
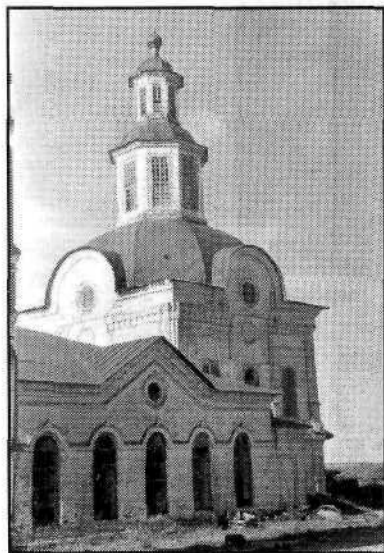

58. Ильинская церковь в
селе Юрьево Котельнич-
ского района. 1767—1778 гг.
Снимок 1986 г.

59. Колокольня церкви в селе Сырьяны. «Восьмерик от земли». Снимок 1969 г.

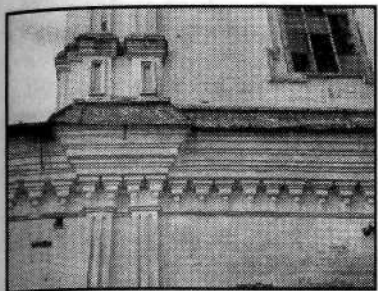
61. Николаевская церковь села Сырьяны, 1747—1754 гг. Снимок 1969 г.

60. Колокольня в селе Всесвятском. «Восьмерик на четверике». Снимок 1969 г.

62. Троицкая церковь села Быстрица, 1754—1763 гг.

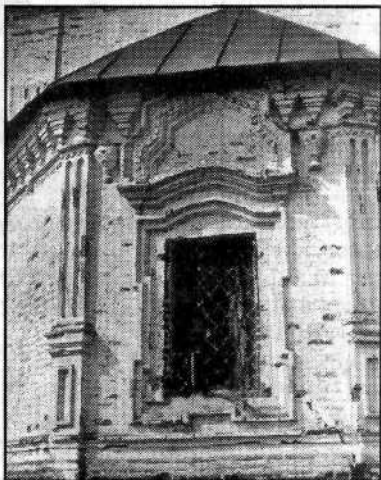
63. Фрагмент фасада Преображенской церкви села Великорецкого. 1739 г.

65. Спасская церковь села Полом Белохолуницкого района, 1751—1765 гг. «Ушастые наличники». Снимок 1969 г.

64. Преображенская церковь села Великорецкого, 1739 г. Общий вид.

66. Прокопьевская церковь села Прокопье, 1767—1768 гг. Идет новая волна возвращения к богатому декору.

67. Церковь села Всесвятского, 1757—1777 гг. Оригинальное завершение наличников (сами наличники стесаны). Снимок 1969 г.

68. Николаевская церковь семьи мастеров Горынцевых в селе Истобенском (1764- 1768 гг.) почиталась за образец многими вятскими мастерами.

раствора и потому ничего из камня не строили. Был кирпич и кирпичники: почти за полвека до этого они помогали возводить каменную крепость на западных границах России, в Вязьме. А в Вятке из кирпича складывали печи — на глине. Из порохового погреба в земляной городской стене выложили кирпичный подземный ход — и тоже на глиняном растворе.

3 августа 7187 (1679) года «в неделю в пятом часу дни... загорелось за кружечным двором близ торговой площади... и от того пожару в Хлынове церкви святые все, и монастыри оба, и весь посад згорело без остатку». Город лишился всех храмов, в числе которых был деревянный храм Николы Великорецкого. И тогда спешно у недостроенного собора «августа в 31 день (освятили) каменную теплую церковь во имя Николая Чудотворца». До окончания постройки основного (холодного) соборного храма оставалось еще долгих четыре года, и только по прошествии их автор «Временника...» запишет, что «Лета 7191 (1683) июля в 29 день в Хлынове городе освятися соборная большая каменная церковь во имя Живоначальныя Троицы Ионою, архиепископом вятским, и учреждение народу бысть довольно».

На местной иконе «Трифон Вятский перед Богоматерью» в последнем десятилетии XVII века неизвестный нам иконописец поместил изображение хлыновского кремля. В центре его единственное каменное здание — Свято-Троицкий и Николаевский собор. Никто из ныне живущих собора не видел. До нас дошло только это изображение, сделанное современником и очевидцем. Можно ли считать его абсолютно достоверным? Мы ведь знаем, что иконопись в немалой степени условна, а изографы не имели обыкновения писать с натуры. Что можно сказать об исчезнувшем соборном храме по изображению на иконе? Для этого надо увидеть его глазами иконописца, умевшего показать самые существенные особенности храма со всех четырех сторон. Попробуем перечислить все, что мы увидели на иконе. Собор скомпонован зодчим из нескольких частей — архитектурных объемов: основного холодного храма с пятиглавием, придельного храма с одной главой для службы в зимнее время, галереи, алтарных выступов — апсид, рундуков. Основной храм поставлен на высокий подклет. Придел смещен к западу. Один из входов в основной храм — с южной стороны, с рундуком и лестницей; второй вход — с запада, через галерею, лестница на нее тоже с рундуком. Вход в теплый храм из галереи (рис. 25).

Документы начала и середины XVIII века — главным образом обследования храма после пожара и описания повреждений, какими они виделись воеводе Воронцову, мастеру каменных дел Федоту Шутову, архитектору Тихону Иевскому и другим очевидцам —

содержат много разрозненных и разбросанных по разным фондам и архивам сведений о соборе. Они подтверждают все, что мы с вами «увидели глазами иконописца». Мало того, они называют даже размеры холодного храма, его алтаря, галереи, толщину стен и высоту (до сводов), общие размеры всего комплекса. И только придельный храм, на иконе помещенный впереди основного, на самом деле находился сзади, с северной стороны. Но это не ошибка иконописца, а условленность иконного письма.

Прошло 235 лет, как первого на Вятке каменного здания не стало. Почему разобрали его по кирпичику в 1759 году? Испытания на прочность начались для него с пожара 1700 года: «В нынешнем... 1700 году сентября против 22 числа в третьем часу ночи, изволением Божиим, в пожарное время в Хлынове городе на соборной Троицкой каменной церкви и на приделех... главы и кровли, святые иконы и престолы, и жертвенники, и всякая церковная утварь, и помосты церковные... и у соборной церкви колокольница, все згорело без остатку, и колокола, отгорев, попадали, разбились и ростопись...»¹

В апреле 1721 года казначей архиерейского дома Филарет доносил государственной камер-коллегии, что «соборная церковь от древности зело обетчала, в церкви и в олtare... на сводах и стенах великие розселины, и у олгара соборной церкви в южную сторону много стены отсело, понеже в церковных стенах кладены были вместо железных связей сосновые клады, и те клады в пожарное время згорели без остатку, ...и от того тое каменное здание разрушается»².

В апреле 1742 года «свидетельствовал» собор статский советник и воевода Воронцов «с товарищи». Собор трещал по всем швам, и в алтаре для продолжения службы на деревянных подпорах устроили временное перекрытие — «подволоку»: стены покрылись «розселинами» и свод от них «отставал». Составили смету на поправку только одной центральной главы и кровли. Первоочередные работы выполнили в июле, затратив 1102 рубля 45 и три четверти копейки. После многократных требований о присылке архитектора для освидетельствования собора и сочинения сметы в конце сентября 1744 года последовал указ Сената — направить от архитекторов Мичурина и Бланка в Хлынов «доброго гезеля». Приехал Тихон Иевский, бывший соученик Д. В. Ухтомского по математической и

¹ Челобитная архиепископа Дионисия в Приказ Большого Дворца от 27 октября 1700 года. «ВГВ», 1888, № 11, сс. 351—353.

² ГИАЛ. 796-1-175, лл. 1—3.

навигационной школе. Он предложил altarь соборной церкви вместе с фундаментами разобрать и построить заново, ветхий свод паперти разобрать и «вновь сделать попрежнему», тесовую кровлю заменить железной на железных же «стропилах, подкосах и подпорах», а разобрannую уже колокольню выстроить вновь. На все эти работы Иевский составил сметы и дал чертежи. В декабре 1745 года сметы были утверждены¹.

За последующие семь лет из всего перечня работ была выполнена только одна — у соборной церкви появилась железная кровля на железных стропилах. Устроена она, по-видимому, одновременно с такой же кровлей на Успенском соборе монастыря, в 1745—1746 годах. В доношении о последствиях очередного пожара 20 июня 1752 года, когда все архиерейские постройки на территории кремля сгорели и разрушились, сказано, что «в целости осталась только одна соборная церковь да вновь строящиеся для консистории и казенного приказу приходящие под крышку палаты»². На все другие работы, не менее первоочередные, у епархии не было денег. Служба в соборе продолжалась.

В ночь на 18 февраля 1756 года у холодной церкви «олтарь с правой стороны близ половины сверху донизу развалился», отошла от вертикали полуденная стена, из сводов перед алтарем начали вываливаться кирпичи. Служить в соборе стало опасно. Летом службу перенесли в Николаевскую придельную церковь, но и здесь она шла «в крайней опасности»³. Только через три года, с первого марта 1759 года 53 человека вотчинных крестьян Трифонова монастыря под началом мастеров Трофима Мыльникова и Спиридона Шустова начали разбирать разваливающийся собор. В конце августа работу закончили⁴. Здания собора не стало. С момента освящения прошло 76 лет. Меньше отведенного ему века. Так сложилась судьба первого каменного здания Хлынова. самого важного потому, что до него «каменного здания ни малого не было», н и м а л о г о, а все было п о с л е.

В литературе о первом каменном соборе Хлынова нет ничего, кроме указания о закладке, освящении и сообщении о разборке. Вот почему автор вкратце рассказывает здесь о тех фактах, которые удалось собрать по архивам. Придут еще другие исследователи, и

¹ ГИАЛ. 796-22-427, лл. 31—118.

² ГАКО. 237-2-14, лл. 489—492.

³ ГАКО. 237-2-18, л. 275.

⁴ ГАКО. 237-76-168, л. 19.

они начнут не с нуля, а пойдут дальше и ответят на многие вопросы, на которые пока еще ответов нет.

Разрушился собор преждевременно. Об этом говорят документы 1721 года — тогда на стенах и сводах уже были «великие розселины», а южная стена «отсела», накренилась. Они появились еще в 1700 году после пожара, через семнадцать лет после постройки. Эти «розселины» в 1708 году видел князь Гагарин, первый губернатор Сибири, застрявший в подчиненном ему Хлынове. Новые «розселины» и «не в одном месте» появились в 1741 году «от громового запаления»; вскоре после этого трещины стали сквозными и раскрылись до 4—4,5 вершков (18—20 сантиметров). Заметим, что при постройке собора в стены вместо железных связей были заложены «сосновые клады»; они выгорели при пожаре, что способствовало появлению трещин на сводах, но не могло быть их единственной причиной. По-видимому, причина заключалась в недостаточной квалификации «московских мастеров». Ведь первыми «отсели» и разрушились не тяжело нагруженные высокие стены холодного храма, а стены одноэтажного алтаря, свод галереи, не нагруженный ничем, кроме собственного веса и снега в зимнее время. О недостаточной опытности мастеров говорит и разрушение колокольни, которая «зделана была не на крепком основании», и разрушение всех каменных, в один-два этажа зданий архиерейского дома, построенных теми же мастерами одновременно со зданием собора, — зданий совсем с небольшими нагрузками от собственного веса. Так же, как от собора, от них не осталось ничего.

Анализ иконописного изображения Свято-Троицкого собора, документальных свидетельств, обмеров и сметных расчетов позволяет сделать вывод: первый каменный храм в Хлынове с его сложной, живописной компоновкой архитектурных объемов, отсутствием симметрии и ярко выраженной доминанты, был характерным примером культовой архитектуры второй половины XVII века. Крупный четырехстолпный пятиглавый храм с крестово-купольной системой сводов значительно отличался от московской группы храмовых зданий с их сомкнутыми сводами и ярусами кокошников. Но он имел много общего с крестово-купольными храмами ярославской группы, среди которых сохранившиеся церкви Иоанна Златоуста и Ильи Пророка в Коровниках, Воскресенская церковь в Тутаеве¹. Это сравнение дает некоторое основание предположить, что епископ Иона Баранов в 1675 году пригласил из Москвы артель ярославских «каменных дел подмастерьев», которые и построили Спасо-Троицкий собор и группу каменных зданий архиерейского дома в Хлынове.

¹ Раппопорт П. А. «Древнерусская архитектура». Москва, изд. «Наука», 1970.

УСПЕНСКИЙ СОБОР ТРИФОНОВА МОНАСТЫРЯ

28 мая 1684 года монахи Успенского Трифонова монастыря начали отрывку рвов под фундаменты главной монастырской церкви. Через пять лет строительство было завершено, и 31 мая 1689 года состоялось освящение второго каменного храма в Хлынове.

Каким же был только что выстроенный Успенский собор? Буквально через 4—5 лет после постройки собора иконописец изобразил монастырь на иконе Трифона Вятского, каким видел со стороны кремля; в центре монастыря здание Успенского собора — почти такое же, каким мы видим его сегодня. Почти такие же: перестроена лишь паперть да северный и южный входы. Оба изменения подтверждают документы начала XIX века, когда епископ Гедеон по какой-то надобности задумал перестроить паперть и входы в храм. Предложены были два проекта: один выполнил губернский архитектор М. П. Кисельников, второй — советник губернского правления А. И. Шестаков, советами которого часто пользовались и вятские архиереи. Кисельников предложил решение в духе официальной классической архитектуры, Шестаков — архаичные формы позапрошлого века. Епископ Гедеон отдал предпочтение проекту Шестакова, указав «...рундуки делать не по плану архитектора Кисельникова, а по плану Шестакова»¹.

То ли Гедеон переменял вскоре свое мнение, то ли это сделал кто-то другой, но портики были выстроены в 1808 году по проекту губернского архитектора — «сообразно Кафедральному собору», а паперть с двухэтажными палатками на западном фасаде — в 1809 году по чертежам Шестакова².

Выполнил каменные работы нижегородский крепостной мастер Федор Тюрин; последней его работой в Вятке совместно с И. Смирновым впоследствии будет Александро-Невский собор.

В середине сороковых годов восемнадцатого столетия архимандрит монастыря Иоасаф Потемкин, как будто в предчувствии приближающегося опустошительного пожара, замыслил заменить тесовую стропильную кровлю Успенского собора на железную. 12 апреля 1745 года он доносил епископу Варлааму, что для этого все железные материалы приготовлены и просил подыскать мастера в Петербурге³.

¹ Проект опубликован И. В. Беровой в книге «Ансамбль Вятского Трифонова монастыря», Киров, 1989.

² ГАКО. 247-1-13, лл. 215, 218, 239.

³ ГАКО. 237-76-39.

И на Успенском, и на Свято-Троицком соборных храмах тесовые кровли успели заменить на железные с железными же «стропилами, подкосами и подпорами» до пожара 1752 года. Только новые кровли и уберегли спасавшихся в храмах людей, иконы, богослужебные книги и утварь в то страшное «пожарное время». Заметим здесь, что тесовая четырехскатная кровля Успенского храма, показанная на иконе, тоже не была первоначальной. Декоративные валики и нижняя часть обрамления оконных проемов на барабанах ныне оказались под крышей, в пределах чердачного помещения. Они были рассчитаны только на закомарное, более низкое кровельное покрытие. Закомарное или щипцовое, оно существовало всего несколько лет и в девяностых годах заменено четырехскатным.

Успенский собор Трифонова монастыря был вторым по времени постройки, но из сохранившихся до наших дней он первый, и по нему, по его архитектуре мы можем спустя триста с лишним лет судить о том, какие архитектурные формы предпочитали наши предки в конце XVII века, как они понимали красоту, что умели, чему учились, что оставили потомкам как память о своем поколении. Этот тип крупного шестистолпного монастырского храма сохранил некоторые черты Успенского собора архитектора Фиорованти на Соборной площади московского кремля (1475—1479 гг.): деление фасада на несколько равных по величине плоскостей, метрическое построение равных по высоте закомар, круглые пилоны в помещении для молящихся. Строгая симметрия в композиции собора, не нарушенная позднейшими переделками. Скупость декоративного убранства. Большие, совершенно лишенные декора плоскости стен. Полное соответствие внешнего облика здания его конструктивной схеме. Ярусное построение декора. Эти признаки в первую очередь отличают второй хлыновский каменный храм, но они характерны больше для архитектуры предыдущего XVI века. Они говорят о том, что построившие храм были опытными мастерами, воспитанными на традициях древнерусского зодчества, даже в том случае, если эти особенности вытекали из заказа: построить храм, созвучный времени основания монастыря, времени Трифона Вятского, прославление которого начиналось в 1650—1653 гг.

Строители храма не выбирали места постройки: оно было определено в предыдущем веке, и с точки зрения современного архитектора, возможно, не было лучшим. По традиции русские монастыри ставились так, чтобы защищать город, и место в устье раскрытого в сторону судоходной реки оврага оказалось наилучшим: монастырь запирал овраг на крепкий замок. У строителей не было выбора места даже в пределах монастырской ограды: церковные каноны требовали, чтобы при перестройке или постройке новый храм занимал место алтаря сносимого храма. Строители

очень умело вышли из положения и сделали то, что могли: поставили собор на высоком (со стороны реки) подклете, открыв его могучий восточный фасад в сторону речных просторов (фото 27). Тогда широкое даже в летнее время русло Вятки проходило у самых монастырских стен.

О высоком мастерстве и опыте зодчих говорит умение, с каким они художественными средствами выявили на фасаде конструктивную сущность шестистолпного храма. Они построили собор с позакомарной кровлей, и лента закомар стала восприниматься не как верхняя часть стены, а как нижняя часть пятиглавого завершения собора. Отойдем и посмотрим на соборный храм изда-лека. Мы увидим высокие и массивные барабаны, как будто опирающиеся на полукружия сводов-закомар; сжатые колоссальной тяжестью барабанов своды передают ее на широкую ленту декорированного карниза, дальше и дальше — на выступы стены (лопатки), на фундамент, на основание. Карниз, испещренный валиками, полочками, поребриком, широкой полосой ширинок, завершает стену и как каменная балка классического ордера воспринимает нагрузку и передает ее на опоры. Все просто, все ясно, и нет, кажется, никаких секретов. Успенский соборный храм — несомненная удача зодчего (фото 29).

По общепринятой версии постройку осуществляла артель московских мастеров, только что — 29 июля 1683 года — закончившая возведение Спасо-Троицкого собора в хлыновском кремле. Ее разделяли все историки, возможно, потому, что других версий просто не было. Разделил ее и архитектор Б. В. Гнедовский, но уже с некоторой неуверенностью: «Очевидно, те же мастера Ионы Баранова заложили его...», — пишет Борис Васильевич в книге «Дорогами земли Вятской». Сомнения в том, что «те же», не беспочвенны. Уж больно различны творческие почерки мастеров, возводивших эти два собора. Очень уж велика разница в их квалификации. Один собор простоял (и стоит!) века, второй начал разваливаться через двадцать лет после постройки. Сомнения вызывают поиски, а поиск приведет к истине.

Некий восточный мудрец, якобы, говорил: «Стоять лучше, чем идти; сидеть лучше, чем стоять; лежать лучше, чем сидеть!»

Мы за то, чтобы идти.

Средневековые в русской архитектуре характерно тем, что крупные здания и комплексы строились с учетом возможности их обозрения с близких и дальних точек, и в первую очередь с мест возможного скопления людей. Так построен и Успенский собор Трифонова монастыря. Он был полностью открыт со стороны реки — на все восточное полукружие. Им можно было любоваться с высоты Кикиморской горы. Он был виден с древнего торгового места, где сейчас пустующая площадка на месте разобранного временного

цирка. Прекрасный вид на собор и монастырь открывался с левого берега Засорного оврага, где долгие годы был молочный рынок у перекрестка улиц Герцена и Ленина. Сейчас лишь с тесного пятачка у бывшего питейного дома можно увидеть часть монастырского здания. Все остальные «видовые точки» исчезли за бесконтрольно разросшимися кустарниками, за временными постройками так называемых «малых архитектурных форм». А ведь все гости города знакомятся с этой жемчужиной древней вятской архитектуры, и ее надо показать во всем великолепии, со всех четырех сторон, да так, чтобы не надо было искать щель между постройками или раздвигать руками дремучие заросли сорных кустарников. Думается, что после затраченных усилий и средств на реконструкцию сделать это будет совсем не трудно.

КАМЕННОЕ ЗОДЧЕСТВО XVIII ВЕКА

А. Ю. КАПТИКОВ

НАРОДНЫЕ МАСТЕРА-КАМЕНЩИКИ

Слова «архитектор» не знали на Руси, его не было в лексиконе русского человека. Обходились словом «хитрец». Хитрость тогда воспринималась как умение, искусство, художество. «Хитростью измыслил» — говорили об очередной придумке, изобретении, неожиданном решении. С началом строительства из камня появилось слово «зодчий». «Словарь русского языка XI—XVII веков» указывает слово «ЗОДЬ», имевшее несколько значений: глина, керамика, глиняная табличка для письма, а также и строение из кирпича и глины. Приводится и пример употребления этого слова в текстах XVI века: «Зодь кирпичь или здание камено или кирпично». Словом «зодчий» уже в XI—XIII веках называли на Руси мастеров по возведению каменных и кирпичных построек. Истинно славянское, оно родственно словам «здати» (создавать, сооружать, строить) и «здатель» (строитель). Позже слово «зодчий» получило расширенное толкование: им стали называть и мастеров строить из дерева. В одном из текстов XVI века читаем: «Зодчий — здатель храминам, сиречь каменщик или плотник». И мы начинаем главу о зодчестве с выяснения того, кто же такие русские зодчие конца XVII и всего XVIII века. Из каких слоев народа они вышли? Где и как выучились своему мастерству? Чьи заказы выполняли?

Вятка — из тех областей Древней Руси, где каменное строительство началось поздно. К середине XVII в. в центре и даже на севере сооружение каменных церковных и гражданских зданий стало чем-то обычным. Вятчане же отвечали в 1658 г.: «На Вятке каменщиков... не бывало и ныне нет... потому что на Вятке каменного дела не бывало». Впрочем, сказано это представителями родственной специальности — кирпичниками. Их ремесло в свою очередь связано с гончарным, издавна существовало у хлыновских посадских людей, да и крестьян. Как только для строек общегосударственного значения требовалось большое число кирпичников, за ними посылали и на Вятку. Так, в 1630 г. в ожидании войны с Польшей древнерусским «министерством строительства» — Приказом каменных дел — было сыскано в Хлынове, Орлове с Истобенской волостью, Слободском и Шестакове 130 кирпичников и гон-

чаров. Их направили на западный рубеж — укреплять Можайск и Вязьму. Среди местных кирпичников появились и «записные», состоящие на учете в Приказе мастера. Правда, как будет потом и с каменщиками, они всячески уклонялись от правительственных мобилизаций, надолго отрывавших от дома и не суливших хорошего заработка. Неудивительно, что в 1672 г. для работы в московских кирпичных сараях удалось отправить с Вятки лишь 13 кирпичников — из 52 «записных».

Усвоенные вятчанами навыки изготовления кирпича пригодились, когда в Хлынове, наконец, началось «каменное дело». Инициатором выступили новый епископ Вятский и Великопермский Иона (Баранов), бывший архимандрит известного Тихвинского монастыря. Именно ему довелось дать толчок развитию каменного зодчества на Вятке и в Прикамье. Еще до приезда в свою епархию Иона задумал строительство в Хлынове каменного Кафедрального собора. По пути, в Москве, он посоветовался с опытными мастерами, нанял артель каменщиков. Эта артель и выстроила в 1676—1683 гг. Троицкий Кафедральный собор, а заодно и каменный архиерейский дом.

Местные жители (не только кирпичники) внимательно присматривались к работе москвичей, а, возможно, непосредственно в ней участвовали. По крайней мере, следующий крупный объект, Успенский собор Трифонова монастыря, строили, по утверждению историка А. Вештомова, «большей частью сами монахи... их было тогда до 200 человек, из коих один, Исайя Злыгостевых... особенно пред прочими подвизался в трудах». Будучи монастырским казначеем, он обеспечивал материально-финансовую сторону строительства. Другие монахи составляли вспомогательную рабочую силу. Основные работы могла выполнить та же московская артель, в пользу чего говорит и хронология: в 1683 г. окончен Кафедральный собор, а на следующий год заложили собор в монастыре. Освящен он в 1690 г.

В 1690-х гг. о пришлых строителях уже не слышно. Значит, за период сооружения двух соборов в Хлынове подросли собственные каменщики. Кто же они? Согласно переписной книге города 1678 г. среди «дворов за кружечным двором в Никитицкой улице» был принадлежавший Ивашке Никонову. У него одиннадцатилетний сын, тоже Ивашко. Это и есть будущий глава замечательной строительной артели, Иван Иванович Никонов.

В той же книге находим у Засоры двор Старковых и их сына Мишку, трех лет, в Московской улице — двор Чернятевых, у которых восьмилетний Тишка, а в Воскресенской — Москвитиновых. Не пройдет и двадцати лет, как Михайло Нефедович Старков, Тихон Родионович Чернятев, Исак Петрович Москвитинов станут ближайшими сотрудниками Никонова.

Никонов, старший по возрасту, а, надо думать, и по мастерству, сколотил крепкую артель, немало сделавшую во второй половине 1690-х гг. В 1696 г. он заложил, а в 1700 г. вместе с товарищами подрядился строить Воскресенский собор (фото 32) в Хлынове. В 1697 г. они же заключили договор на постройку Царевоконстантиновской церкви. Им с полным основанием приписывают постройку Преображенской церкви одноименного монастыря в Хлынове (фото 28), Екатерининской церкви в Слободском (фото 31) и другие храмы обоих городов того времени.

В последующие годы деятельность никоновской артели, видимо, приостановилась. Причина — неоднократные мобилизации, участившиеся при Петре I. Под Архангельском спешно сооружалась Новодвинская крепость. Там вятчане обязаны были возвести, да еще из своих материалов, 200 сажен стены (затем на их долю добавили еще 9 сажен). Это отрывало от работ на родине, от семей и без того пока немногочисленных местных мастеров. Хлыновская ратуша сообщала в Москву: «...на Вятке каменщиков и кирпичников нет, потому что в прошлых годах каменщики все взяты на Двину и на Таганрог, иные в ссылке и многие померли. А пребыть им без тех мастеров невозможно, потому что вятчане посадские и уездные люди к каменному делу необыкновенны и делать не умеют».

Неизвестно, пришлось ли именно Никонову и его друзьям потрудиться на Двине. Для заготовки камня, извести, кирпича хлыновцы вынуждены были в 1703 г. нанять в Москве «приказу Большого дворца подмастерья Лукина сына его Алексея»; нашелся и другой поставщик — стольник А. М. Головин.

Когда затем над каменщиками нависла угроза переселения в Петербург, они предпочли попросту скрывать свою профессию. Только этим можно объяснить, что в переписи 1710 г. самые что ни на есть «профессионалы» — Никонов, Старков, Чернятев и Москвитинов каменщиками не значатся¹. Все же в Хлынове было выявлено тогда 16 каменщиков. Возраст их колеблется от 54 (Леонтий Дементьевых) до 17 лет (Прокопий Мышин). Некоторые наверняка участвовали в постройках Никонова, а кто-то и сам мог иметь подряды. Переселены ли они были или разбрелись, но в «сказках города Хлынова посадских людей» 1721 г. число каменщиков уменьшилось до 5. Из них поименно названы только ранее не упоминавшиеся Семен Жданов и Карп Левашов.

Приходится удивляться, как и в ту пору, даже после петровского указа 1714 г., запретившего каменное строительство по всей России, кроме Петербурга, сооружение каменных храмов на Вятке

¹ Никонов и Москвитинов фигурируют, опять-таки без указания профессии, и в «ландратской» переписной книге города 1717 г., сохранившейся не полностью. Это последнее упоминание о них.

не прекращалось. Достаточно назвать Пятницкую (фото 34), Покровскую (фото 33), Владимирскую (фото 46), Иоанно-Предтеченскую (фото 35), Всехсвятскую церкви в Хлынове, Преображенский собор и Сретенскую церковь в Слободском.

Каменщики уже имелись не только на хлыновском посаде, но и в монастырских вотчинах. Своими мастерами, безусловно, располагал Трифонов монастырь, постепенно перестраивавшийся в камне. Но почему-то в принадлежавшем ему селе Нолях (ныне г. Нолинск) Николаевский храм построили в 1722—1724 гг. крестьяне другого, гораздо менее значительного Цепочкина монастыря Иван Жуков, Петр Осинцев, Пркопий Соколов и Иван Москвин.

1730-е гг., период бироновщины в отношении строительства, везде были малорезультативными. Новый подъем, наступивший вслед за воцарением Елизаветы Петровны, не сразу затронул Вятку. Мешали распри светских и духовных властей, массовые волнения («отпирательство») архиерейских и монастырских крестьян. Все же число новых каменных храмов множилось с каждым десятилетием. Пик приходится на 1770-е гг., в которые было возведено или приступлено к сооружению свыше тридцати храмов.

Мы почти не располагаем данными о вятских каменщиках за 1740—1750-е гг. Как представить их состав, квалификацию? Помогают документы, относящиеся к началу сооружения в Хлынове нового Кафедрального собора. Предпринятое епископом Варфоломеем в 1760—1772 гг. строительство по своим масштабам было беспрецедентным для Вятки, настоящим смотром местных строительных сил. В 1761 г. на «бутке» фундамента было занято 153 каменщика — 25 архиерейских, 43 монастырских и 85 из хлыновских посадских людей, черносошных (государственных) крестьян и прочих. В числе их было 5 каменных дел мастеров — хлыновские посадские Федот Шутов, Дмитрий Москвитин, Алексей Окулов, Спиридон «малой» Редников и вотчинный крестьянин Успенского Трифонова монастыря Спиридон Шустов. По требованию епископа они дали справку о том, какую плату получали архиерейские и монастырские каменщики «у них, мастеров, в недавних пред сим годах при деле каменных работ». Следовательно, всем пятерым не раз приходилось брать подряды, т. е. возглавлять стройки. Какие, к сожалению, известно лишь про Окулова. Самыми высокооплачиваемыми своими сотрудниками мастера называли архиерейских каменщиков Василия Левашова, Ивана Мухачева, Обросима Предейкина, Захара Соломина, Федора Лалетина, Максима Баранова, Ефрема Чепурных, Ефима Пономарева, монастырских — Лаврентия Злобина, Зота Измествева, Дмитрия Вепрева, Кирило Милчакова. Конечно, в их артели входили также посадские и уездные каменщики. Ведь судя по оплате на стройке Кафедрального собора, «в работе против протчих искусными» считались жители хлынов-

ского посада Афанасий Санников, Анисим Праздников, Пантелей и Козьма Худербины, Андрей Елкин, Петр Лашков, Сергей Фирсов, Гаврило Столбов, Матвей Гусев и Федот Суворов, а также крестьяне Илганской волости Осип Гусельников, Быстрицкой волости Степан Созонцов, «Хлыновского уезду Филипповы слободки» Наум Смирных, «Котельницкого уезда тяглого стана» Ефим Краев. В течение нескольких лет старшим над каменщиками, возводившими собор, являлся, очевидно, Редников¹.

После относительного затишья в строительстве собора состав каменщиков существенно обновился. Из 70 человек, договорившихся в 1770 г. сооружать соборную колокольню, участников работ 1760—1761 гг. оставалось менее половины. Выбыли, в частности, все поименованные выше мастера, кроме Окулова. Зато выдвинулся в недавнем прошлом рядовой каменщик, крестьянин Великорецкого стана Данило Тупицын. В конце 1769 г. он взялся «докончить» фундамент колокольни и «с того фундамента оную колокольню под означенное в плане и фасаде показание... класть начать и в совершенное окончание под крышку превести наготово». В том же году Тупицын просил разрешения на подряд строить церковь в с. Подрелье. Позднее, в 1779—1783 гг., он возводил колокольню в с. Ишлык по проекту казанского архитектора В. Кафтырева.

Получив хорошую практику на постройке собора, стали брать самостоятельно подряды и другие. Бывший архиерейский каменщик Петр Тупасов² в 1773 г. подрядился быть «установщиком» при закладке церкви в с. Вяз, а в 1775 г. договорился в с. Пантыл «о зделании ему... строящейся... каменной церкви вместо упавшаго свода вновь одного». Крестьянин Спенцинского оброчного стана подгородней волости Иван Балезин взял в 1782 г. подряд на постройку колокольни в с. Гостино (вскоре, однако, несмотря на заключенный договор, ему было отказано). Конечно, значительное число работавших на Кафедральном соборе так и остались простыми членами тех или иных артелей. Назовем, к примеру, хлыновских мещан (как при Екатерине II переименовали посадских людей) Перфило Метелева и Родиона Золотухина, которые при перестройке в их городе Всесвятской церкви в 1783 г. были «не подрядчиками, а в числе протчих десяти человек черноработцов».

Епархиальное начальство высоко ценило мастеров, прошедших школу на строительстве Кафедрального собора. В 1765 г. епископ Варфоломей приказал, «чтоб отныне впредь к строению

¹ Спиридон Редников родился около 1721 г. и прозывался «малой» в отличие от старшего брата Спиридона «большого», тоже каменщика, но куда менее авторитетного.

² Петров Тупасовых, как и Редниковых, было двое — «большой» и «малой», оба каменщики.

вновь каменных церквей кроме находящихся при ныне строящемся здесь Кафедральном соборе каменщиков... отнюдь никого ни под каким видом не подражать». Однако заказчики во многих случаях, испрашивая разрешение на постройку храма, предлагали других, известных им кандидатов. Так, в 1766 г. жители с. Сезенево, намечая возвести каменный храм, просили у архиерея разрешения «в уставе при оном строении обращаться» не участвовавшему в сооружении собора посадскому городу Слободского Якову Котельникову, «который в строении... каменных церквей... искусство имеет». Примерно в то же время Котельников был нанят в с. Совье. В 1769 г. до консистории дошло, что в с. Всесвятском «самовольно» подрядили каменщика Григория Тебенькова, а в с. Пасегово — хлыновца И. Коршунова. Иван Дмитриевич Коршунов (родился около 1731 г.) лишь очень недолго поработал на стройке Кафедрального собора. Тем не менее сумел стать одним из крупнейших специалистов каменного дела на Вятке. Вот перечень работ Коршунова, приведенный им самим в 1783 г.: храмы в селах Верхосунье, Верхние Кумены, Холуницко-Ильинское, Бахта, Троицкая кладбищенская церковь в Слободском, верхний придел Стефановской церкви в Хлынове, колокольни в с. Пасегове и при слободском Вознесенском соборе. В этом же кругу мастеров, почти или вовсе не связанных с Кафедральным собором, стоит назвать крестьянина Юмских починков Котельничского уезда (проживал он, однако, в «заоградной монастырской слободке» Хлынова) Ермолая Спицына и крестьянина Хлыновского уезда Бритовской подгородней волости Савву Цепелева. Первый из них, Спицын, руководил сооружением церкви в с. Вяз по подряду, взятому им в 1775 г. совместно с крестьянином Слободского уезда Софроном Сунцовым. Кроме того, Спицына в 1779 г. наняли строить храм в с. Нижне-Ивкино. Второй — Цепелев — строил церковь в с. Спасо-Талица, а в 1783 г. осматривал «грунт земли места» под закладку новой Троицкой церкви в г. Орлове.

На юге Вятской земли, в прошлом административно связанном с Казанью, работали свои мастера; хлыновских каменщиков туда, по-видимому не приглашали. Богата каменщиками была Кукарская волость. Крестьянин с. Ильинского Ефим Кошкин вместе с «той же волости вверх по Белой речке новопоселенного починка» Карпом Головиным заключили в 1770 г. контракт на постройку церкви в с. Лебяжье и занимался ею по меньшей мере до 1779 г. В 1780 г. Кошкин возводил в Кукарке «при настоящей Покровской церкви по правую руку придел», в 1781 г. — храм с. Красная Изгольш. В Кукарской волости известны мастера-каменщики Ефим Южаков и Анисим Лутошкин, которые в 1775 г. составили «договорное о строении в... селе Колянуре колокольни письмо». После смерти обоих подрядчиков колокольню достраивал односельчанин

Е. Кошкина Герасим Домрачев. В городе Яранске известными мастерами были «города Яранска содержащие ландмилицию»¹ Яков Кудрявцев и Дмитрий Цырочкин, построившие в 1770 г. Покровский собор в Царевосанчурске. В 1773 году артель под их руководством по подрядной записи сооружала церковь в с. Пижанка. Помимо Кудрявцева и Цырочкина в ее составе были Степан Кузнецов, Иван Царегородцев, тоже принадлежавшие к ландмилиции, «да отставной солдат, живущий в том же городе Яранске, Павел Ситнов. (Руководил артелью на сей раз Кузнецов). В 1778 г. Кудрявцев заключил договор в с. Кичма, но затем, вероятно, отошел от дела, ибо летом следующего года «докончатъ церковное каменное строение» должны были Ситнов и Цырочкин.

Интересно отметить, что вятские мастера подчас владели второй, а то и третьей строительной профессией. Тот же Д. Цырочкин вместе с помощниками, братьями Петром, Даниилом и Иваном Семеновыми, взялся в Кичме «обжигать известь». Успенского Трифонова монастыря Суботинской слободки житель Яков Пяткин был каменщиком, первоклассным штукатуром и резчиком, выполнявшим для многих храмов иконостасы столлярной и резной работы.

Если вспомнить, что в конце XVII века артель мастера каменных дел И. И. Никонова брала подряды не только на каменное дело, но и на устройство фундаментов и забивку свай, можно сделать вывод, что знание смежных профессий было на Вятке традиционным. Ремесло каменщика сделалось на Вятке наследственным. В некоторых мастерах узнаешь потомков местных строителей конца XVII — начала XVIII вв. Так, Д. Москвитинов, видимо, приходился племянником члену никоновской артели Исаку Москвитину. На протяжении четырех поколений прослеживается «династия» Окуловых. Каменщик Григорий Окулов и его сын Макар упоминаются еще в переписи Хлынова 1710 г. Внук Григория, Алексей Макарович Окулов, родился примерно в 1722 г. Это видный, хотя и не всегда добросовестный в исполнении подрядных договоров мастер. Он строил Стефановскую церковь в Хлынове, Вознесенский собор в Слободском, храмы в селах Суна, Камешница, Каринка, Пантыл. В 1757 г. он заложил Николаевскую церковь в с. Истобенском, а в 1782 г. ему достался подряд на сооружение колокольни в с. Волчевском. У Алексея Окулова было трое сыновей. Старший, Петр, вместе с отцом участвовал в постройке колокольни Кафедрального собора; средний, Дементий, уже в четырнадцатилетнем возрасте работает в артели на стройке церкви с. Камешница, где его отец был подрядчиком.

Достоинным наследником мастера Лаврентия Злобина стал

---

¹ Ландмилиция возникла при реорганизации «старых служб» стрельцов.

его сын Макар, живший в д. Ватпинской, близ бывшей монастырской вотчины — села Кумены. В 1777 г. он строил церковь в с. Кырмыж. В 1779 г. подряжен перестроить в Куменах теплый храм и возвел восьмерик на холодной церкви. Деятельность Макара Злобина была особенно обширной в 1780—1790-е гг., когда им были выстроены церкви сел Архангельского, Петровского, успешно осуществлен ряд архитектурских проектов.

Среди целых семейств каменщиков можно назвать семьи посадских жителей Суворовых, крестьян Созонцевых и еще многих. Однако совсем особое место среди таких семей занимают Горынцевы; без них невозможно представить себе вятское зодчество второй половины XVIII века — именно Горынцевыми созданы самые выдающиеся памятники культовой архитектуры того времени¹. Родина Горынцевых — не Вятская земля, а Устюжский уезд — д. Оносова Ярокурского стана. Мы не знаем, какое положение среди строителей Устюга Великого занимал глава семьи, Никита Максимович Горынцев. Надо полагать, был он не рядовым каменщиком, а подрядчиком. Возможность найти заказы на Вятке, где почти все собственные силы были заняты на Кафедральном соборе, потянула туда устюжан. В 1785 г. сын Никиты Горынцева Данило подает в консисторию «доношение» — своеобразный послужной список. Из этого ценнейшего документа видно, что Горынцевы трудились в Вятской епархии «с двадцать два года». На состоявшихся в сентябре 1763 г. торгах Никита Горынцев с большой артелью земляков-устюжан впервые пробовал получить подряд на заложение фундамента соборной колокольни в Хлынове. Тогда подряд достался хлыновским каменщикам Петру Утину, Перфиле Метелеву и Алексею Окулову «с товарищи». Тогда же, весной 1763 г., архиерей разрешил в с. Великорецком «вновь каменную колокольницу построить». Подрядом на ее строительство и начиналась работа Горынцевых в вятских краях. Однако есть основания сомневаться, была ли завершена ими великорецкая колокольня. Ибо в феврале 1766 г. местный священник собирался ехать в город Устюг «для отиску... Никиты Максимова сына Горынцова к окончанию вновь строящейся... каменной колокольни по его обязательству и заключенному контракту... и естли оного в сыску не окажется, то для подряду такого ж другого...». К тому моменту у Никиты имелся контракт на постройку Николаевской церкви в с. Истобенском, заключенный в марте 1765 г., и он побывал в этом селе, исправив неудачно начатое предшественником (Алексеем Окуловым). Церковь была вчерне отстроена не позднее 1768 г. Еще об одной работе

---

¹ О памятниках рассказ пойдет в следующих главах. Здесь же мы будем вести речь о самих мастерах и их всегда беспокойной работе. «Уметь крутиться» приходилось подрядчикам уже тогда.

Н. Горынцева тех лет говорит «доношение» прихожан церкви с. Никулицкого, что мастер «перебрал» сверх причитавшегося ему за «бутку» фундамента. В марте 1768 г. консистория постановила: «По заключенному контракту оную церковь строить неотменно... а перебранныя помянутым мастером... деньги зачесть при той церковной работе...»

От сооружения храма в Никулицком Никиту отвлекло дело гораздо более выгодное — участие в заключительном этапе постройки Кафедрального собора. По каким-то соображениям уже выведенные своды основной части здания — холодной церкви — были сочтены слишком низкими. Их вместе с барабанами куполов в 1767—1768 гг. разобрали и сложили вновь под надзором Н. Горынцева.

Обычно Горынцевы одновременно строили несколько храмов — этому способствовала усилившаяся конкуренция подрядчиков. Естественно, встает вопрос о разделении труда внутри горынцевской семьи. Впоследствии Данило назвал среди своих построек церкви в Макарье «за Вяткою рекою» (ныне в черте г. Кирова), Юрьево и Макарье «за Моломою рекою» (под Котельничем). Несомненно, был он куда талантливее и предприимчивее других сыновей Н. Горынцева — Николая и Бориса, вряд ли когда-либо бравших на себя роли подрядчиков. И все же представляется, что продолжительное время Данило был не более чем помощником отца-зодчего. Конечно, вести параллельно до трех строек Никита Горынцев способен был, лишь постоянно перемещаясь из села в село, передав присмотр на время отсутствия сыновьям — в первую очередь Даниле¹.

Можно уловить эпизод, вероятно, предшествовавший началу вполне самостоятельной деятельности Данилы. В июле 1774 года Никита Горынцев покинул стройку церкви в с. Раменье, которую вел по подряду 1773 года, попросту забросил ради другого объекта — храма в с. Просница. Заказчик послал жалобу в консисторию. Тогда консистория распорядилась выслать Никиту Горынцева в Раменье и «пока он в том селе... строения не окончит и... от священноцерковнослужителей и старосты церковного письменного о окончании той... в совершенство церковной работы свидетельства не предъявит... Просницкого села священноцерковнослужителям его не принимать и денег ему нисколько не давать». Храмы в Раменье и Проснице — последние, над которыми отец и сыновья

¹ При этом нельзя забывать об активном участии членов артели. Если для первых построек Горынцевых на Вятке (Николаевская церковь в селе Истобенском) артель комплектовали из устюжан, то затем в нее вошли и вятчане. К примеру, на стройке в Макарье близ Хлынова находились Василий Швецов и Петр Тупасов. Позднее Данила Горынцев возглавлял артели, куда, кроме его братьев, входили только вятские каменщики.

работали совместно. После 1775 г. имя Никиты Горынцева в документах не встречается. Заканчивал просницкую церковь Данило уже без отца. Как и отец, Данило брал несколько подрядов одновременно. Конечно, и с ним случались накладки.

Несмотря на занятость в Проснице (где он показан «жительствоющим» в 1775—1777 гг.), Данило Горынцев тоже должен был отлучаться в поисках новых подрядов. В начале 1775 г. выборный от прихожан привез его в Сарапул договариваться о постройке Вознесенского собора. «По учинении договора» и получив задаток, Данило «ушел в город Хлынов». Обещания быть в Сарапуле весной 1777 г. он не исполнил. Посланный за ним консисторский пристав, возвратясь из села Просницкого, рапортовал, что «...брат ево... объявил ему письменно, что он, Данило, уехал в Сарапульскую слободу для работы каменной церкви». Осенью выяснилось, что Горынцев туда так и не явился¹. Ввиду невыполнения обязательств по сарапульскому подряду Данило Горынцев был в декабре 1777 г. доставлен в консисторию для допроса. Выйти из критической ситуации ему помогли священник и выборный села Екатерина, имевшие намерение начать постройку в селе каменного храма. Буквально через несколько дней они заключили с Даниилой Горынцевым контракт и выдали ему аванс, которым Горынцев и расплатился с сарапульцами (возвратил задаток).

В 1779 г. Данило, предоставив присмотр над стройкой церкви в с. Екатерина братьям Николаю и Борису, опять берет новые подряды. Он «забутил» храм с. Нижне-Ивкино, но вскоре был вызван на строительство хлыновского Спасского собора для «показания поверстки кирпича». В Хлынове мастер узнал, что ивкинские жители «ево Горынцева отбрасывают» и подрядили взамен Е. Спицына. Тяжбу с ними в консистории весной 1780 г. Данило проиграл. Там сочли, что «в случае ево из села в село переездов и бытия при работах, в Ивкинском над работными людьми в смотрении и наставлении их последовать может остановка, а в строении непрочность».

С 1782 г. Д. Горынцев сооружал храм в с. Сорвижи, спроектированный архитектором Кафтыревым. В 1788 г. заключил «условие» на постройку колокольни в с. Ржанополомском. К концу жизни он настолько сроднился с Вяткой, что именуется уже «котельническим крестьянином». Последний раз в документах он упомянут в 1795 г., когда вел перестройку Никольской церкви в Котельниче по проекту архитектора Ф. М. Рослякова.

Таковы основные вехи биографии этого первоклассного мастера. Его унаследованная от отца неумемая предприимчивость при-

---

¹ Не исключено, что вместо этого в сезоне 1777 г. Д. Горынцев участвовал в строительстве церкви с. Волково (не играя там руководящей роли).

чиняла много хлопот заказчикам и духовным властям. Впрочем, консистория отплатила Даниле за прежние беспокойства. Стоило ему в 1785 г. (через 22 года работы на Вятскую епархию!), оказавшись «в празности без работы» и собираясь идти на Урал¹, попросить «о даче в... ево художестве... аттестата», как он наткнулся на отказ, да еще со столь оскорбительно-лицемерной формулировкой: «...находился ли он в здешней епархии при строении каменных церквей, в консистории сведений не имеется...»

А. Ю. КАПТИКОВ

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ЗАКАЗЧИКАМИ И УСЛОВИЯ ТРУДА

Как бы ни был талантлив и энергичен мастер, он всегда зависел от заказчиков. Уже потому, что живя подрядами, перепадавшими от случая к случаю, он не имел других источников существования. Мастеру указывали, что и как делать и, следовательно, на любой постройке лежит отпечаток требований и вкусов заказчиков. Кто платит деньги, тот и заказывает музыку, говорит пословица. Мы имеем сейчас ввиду церковную архитектуру. Здесь в качестве заказчиков особо важных храмов, например, Кафедрального собора — выступала епархия, а по приходским храмам — либо отдельные лица, либо прихожане.

На Вятке единоличных заказчиков церковных зданий было немного. Можно вспомнить кое-кого из купцов: хлыновца Гаврилу Машковцева (Цареконстантиновская церковь), президента Вятского провинциального магистрата Ивана Толмачева (церковь в с. Чудиново и Спасо-Хлыновская в начальный период строительства), слобожан Алексея и Луку Анфилатовых (Благовещенская церковь в Шестакове), Леонтия Песьякова (храмы сел Лекма и Холуницко-Ильинского). В отдельных приходах роль храмоздателя брал на себя какой-нибудь разбогатевший крестьянин вроде церковного старосты с. Вяз Ивана Санникова. В 1777 г. он заявлял консистории, что «не токмо ту церковь... но и священной церковнослужителей пропитанием содержит из своего кошту». Однако подобное было,

---

¹ В этот период вятские артели не раз выходят за пределы своего региона. Путь их обычно лежал на Урал. В с. Шерья Пермской обл. сохранилась церковь, которую строили хлыновские каменщики, сперва Григорий Пенкин (с 1768 г.), затем Григорий Масленников (в 1777 г.) и Федот Суворов (1778 г.). Суворов перед этим с целой артелью земляков проработал сезон на Сысертском заводе (близ Екатеринбурга), соорудив каменный Симеоно-Аннинский храм.

конечно, исключением. Подавляющее большинство сельских храмов (а они в то время численно преобладают) сооружалось «тщанием» всех прихожан. Решение о постройке в селе каменной церкви принималось на приходском собрании. Тут же составлялся «общезаручной приговор», вместе с соответствующим «доношением» направляющийся архиерею для получения «храмозданной грамоты». На собрании выдвигался и «выборный» (иногда двое), кому вверялась организационная сторона строительства: денежные дела, прием материалов, наем подрядчика, присмотр за работами («ходить и наблюдать ежедневно»). Ему предоставлялось право «мирских людей во всем наряжать». «И нам», — продолжает приговор жителей с. Пижанка, данный ими в 1776 г. своему выборному Анисфону Звереву, — «...быть тебя во всем послушным и ни в чем с тобою не прекословить».

Однако выборному полагалось решать все вопросы совместно с причтом и церковным старостой. Между тем и он, и староста или священник иногда действовали самовольно и принимали разные решения. Например, в 1782 г. исполнявший эти функции при строении колокольни в с. Волчевском Ефим Анисимов «сам собою кроме священноцерковнослужителей» отказал опоздавшему с началом работ подрядчику Ивану Коршунову и нанял другого. В свою очередь, приходской священник зачастую не считался с выборным. В 1768 г. выборный, крестьянин Григорий Зайцев, жаловался, что протопоп сарапульского Вознесенского собора Иаков Емельянов отобрал у него выданную на строение собора «шнурованную книгу». Разногласия между выборными и духовенством выливались в острые столкновения. В 1777 г. в с. Кичма один из священников «выборному церковному Василию Евдокимову чинил совестной выговор, чего ради ты у извясного (известного — А. К.) подрядчика принимаешь необоженной камень на извесь». В ответ Евдокимов «начал из ограды церковной в шею толкать... да и при ругательстве приговаривал: кто де тебе приказал надсматривать, здесь тебе не приказано...». В том же году при возведении колокольни в с. Кырмыж «пришел священник Михаил Репин к той работе и выговаривал выборному Семену Копосову, что столбы не в препорцию ставят». Затем Копосов был привязан к столбу, пока подрядчик Макар Злобин «с мирскими людьми» не взяли его под защиту.

Раз нельзя было рассчитывать на какого-либо благотворителя, вставала финансовая проблема. Средства изыскивались, во-первых, путем уравнительных «разводок». Так, в 1773 г. крестьяне Сорвижской волости «по неимению в церковной казне денег» намеревались дать «с каждой души мужеска пола по одному рублю», крестьяне с. Лема в 1780 г. «обовязались» давать ежегодно по 50 коп. Кроме того, как правило, обращались в консисторию за «шнурозапечатанной книгой» для сбора «от доброхотных дателей». Поступ-

ления из обоих источников были скудными и неаккуратными. Увещевания духовенства, «дабы они (крестьяне — А. К.) как добровольно на строение церкви суммы подписали, так бы оную добровольно и отдали», действовали плохо. Например, сорвижане вместо того, чтобы дать обещанный рубль в течение двух лет, за целое десятилетие выплатили только по 10 коп. К тому же, по признанию духовных властей, «собираемыми с приходских людей деньгами того приходу выборные и старосты корыстуются сами». Шнурозапечатанную книгу, выдававшуюся на срок от трех до пяти лет, приходилось неоднократно продлевать (в результате по книге, данной жителям с. Истобенского в 1753 г., собирали еще в 1771 г.). В 1786 г. епископ Лаврентий на прошении священника и выборного с. Бахты написал: «должны прихожане на свой кошт церковь строить, а не на чужия деньги, а посему не следовало бы сим просителям яко нерадящим о построении церкви книгу дать», но все же дозволил выдать новую на четыре года.

В этих условиях понятны постоянно практиковавшиеся займы из церковной казны соседних сел. Вот несколько примеров. Прихожане с. Макарье близ Хлынова заняли 400 руб. в с. Волково (1770), с. Раменье — 300 руб. в с. Нижне-Ивкино (1779). На сооружение храма с. Екатерина добивались займа в селах Курино и Круглыж, где «церковная казна имеется, а строение не производится» (1779). Жители с. Лема в 1784 г. взяли «взаимообразно» 200 руб. в с. Мухино, но в том же году пришлось одалживать еще 200 руб., на сей раз в с. Мудровском. Не хватило и этого. Тогда собрались «в окольные села и жительства ходить с образом», чего, однако, епископ не позволил.

Помимо денежных затруднений на всех этапах строительства, большие хлопоты возникали с приготовлением материалов¹. Кирпич, а во многих случаях и известь, делались по подряду, но в печах и сараях, устроенных самими жителями села. В их же обязанности входила заготовка бутового камня, леса, железных связей и т. д., не говоря уже о транспортировке всех припасов. При закладке и возведении храма прихожане привлекались к разным подсобным работам.

Какой труд предстоял крестьянам с. Нижне-Ивкино, подробно записано в их приговоре: «...с прилежностью желаем кроме (за исключением — А. К.) дела кирпича и кладива церкви, на которое строение ис приходских людей мастеров не находится и на сие мастерам подряды чинить контрактами... а именно нам приходским людям при строении работы: исправлять сараи кирпичные и на дело

¹ Известны попытки одалживать и кирпич. К примеру, крестьяне с. Холуницко-Ильинского хотели взять 10 тыс. кирпичей из заготовленных для строения церкви в с. Пантыл, но там этому воспротивились.

кирпича на обжиг овины и печки, и дрова поставлять все без постановки (остановки — А. К.), сей и другие сараи на кладиво кирпича строить и закрывать и зделанной кирпич возить в сараи и класть народом же, и на бутку камня, сколько понадобится, возить и борозды под бутку копать народом же, и при кладиве церкви всякие леса, и на свод тес на дуги и на вымоски, и на крышку церкви, где найдется, лес рубить, и тесать лес и возить, сколь потребуется, без всякой постановки все народом же, и на извезь камню возить и обжигать или где готовую покупать, сколь ее потребуется на дело, поставлять без постановки ж со всяким прослежанием...»

Как видим, сбор денег и подготовительные работы ложились на крестьян тяжелым бременем. Стоит ли удивляться, что нередко они охладевали к затеянному строительству и уклонялись от своих обязательств. Подчас это перерастало в упорное неповиновение, не лишенное социального протеста.

Недовольство могло обнаружиться еще на начальной стадии постройки. В 1768 г. священник с. Подрелье доносил, что местные жители хотя и обязались «всякие материалы... готовить беспрекословно... ныне де по многократным ево, попа, прозьбам и приуждениям... те материалы не приужотвляют и ево, попа, Изергина, не слушают». Через три года в том же Подрелье староста и сотники не выполняли подписку «нарядить» крестьян «для привозу к церкви» камня и извести. В Сорвижах в 1774—1776 гг. отказывались устраивать кирпичные сараи, «да сверх того ту церковь каменным строением иметь не желают и вовсе того отреклися». Не действовал и нажим со стороны Котельничской воеводской канцелярии и экономического казначея поручика Сытина — крестьяне «для выслушивания тех приказов в мирскую избу не пошли и во всем оказались ослушны и противны».

Такую же позицию занимали в ряде мест и выборные. В с. Макарье Котельничского уезда выборные Иван Колчанов и Андрей Стариков, как сообщал священник, «нынешнего (1774 — А. К.) году по многократным ево... известиям и приказаниям никакого до церкви старания и послушания не имеют и потребных к достроению церкви материалов не исправляют».

Вятские архиереи должны были довольно крутыми мерами добиваться от крестьян выполнения обязательств и ускорения строительства. В необходимых случаях они обращались за содействием к светским властям. На доношении об упомянутом неповиновении сорвижских прихожан епископ Лаврентий наложил резолюцию: «...сообщить куда надлежит в светскую команду и требовать, чтобы крестьяне к строению церкви побуждены были». Со своей стороны архиереи объявляли ослушникам «неблагословление» и угрожали оставить тех без храма. В 1766 г. епископ Варфоломей велел жителям

с. Суны «вновь строящуюся каменную и при ней придельную церкви конечно в нынешнее лето строением и всяким церковным благолепием окончить», предупреждая, что в противном случае старые деревянные храмы в этом селе «запечатаны быть имеют». Весной 1770 г. он же потребовал от прихожан с. Макарье «за Вяткою рекою» объяснений, «чего ради они... о заготовлении к строению вновь каменной церкви потребных материалов... старосте Трушкову вспоможения не чинят и никакого о том рачения не имеют». «А если они, прихожане», говорится в том же документе, «от строения той каменной церкви и от приготовления покупкою собственным своим коштом... материалов отрекутся... то... состоящая в том селе деревянная церковь имеет быть запечатана и вовсе упразднена».

Строительство храмов по заказу отдельного лица или целого прихода еще с конца XVII столетия велось по подрядам. В середине XVIII в. подрядный способ работ почти совершенно вытеснил остальные. К нему вынуждены были прибегнуть даже те заказчики, которые могли использовать крепостной труд. Епископ Варфоломей, закладывая Кафедральный собор, рассчитывал, что «без найма посторонних домовными нашими людьми и вотчинными крестьяны исправиться будет можно». Вопреки тому уже в первый год возникла необходимость набирать черносошных крестьян и посадских за договорную плату и затем архиерейской «домовой казначейской конторе», непосредственно ведавшей сооружением собора, приходилось иметь дело не столько с «казенными людьми», сколько с подрядчиками.

Духовные власти пытались сосредоточить заключение договоров в консистории, чтобы получить возможность контролировать подрядные отношения и следить, «дабы за те работы напрасной церковным деньгам передачи происходить не могло». Даже мастеров, потрудившихся на постройке Кафедрального собора, епископ в 1765 г. предписал «к подряду требовать от оной же консистории, а самим священнослужителям и мирским людям тех подрядов не чинить».

Какое-то количество контрактов действительно «учинялось» или утверждалось в консистории. При ней же проходило «свидетельствование» мастеров — своего рода аттестация. Именно так Даниле Тупицыну, «который обращался при строении каменного Кафедрального... собора чрез семь лет и по свидетельству в каменном строении оказался исправен», было позволено соорудить колокольню в с. Вожгалы. Однако установленная форма допуска к подрядам постоянно нарушалась.

Наем того или иного подрядчика во многом зависел от его репутации, красоты и прочности созданных им ранее построек. Некоторые мастера считали необходимым заручиться определенными рекомендациями. Например, Кудрявцев перед тем, как доби-

ваться подряда в с. Кичма, выправил себе две бумаги — от своей общины и от прежних заказчиков. Староста «содержащих ландмилицию» г. Яранска удостоверял, что Кудрявцев «...уже действительно и был в подрядах настоящим мастером... почему мы ево сим и одобряем что он... каменного здания художество подлинно достаточно знает и состояния честного, никаких пороков то ж и других противных добродетелям худых поступков за ним не знаем, в кабалах и в наймах нигде не укреплен, почему... ко оному в селе Кичминском церковного строения ево... за сим нашим одобрением допускать без всякого сумнительства». Второй документ — «аттестат», выданный причтом и «первыми прихожанами» царевосанчурского Покровского собора Кудрявцеву и его товарищам «в том, что они... при вышеупомянутом соборе каменную... церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы... и на оном же фундаменте и колокольню строением достойную работою благополучно и по сие время невредно окончали».

Естественно, мастера стремились получать как можно больше подрядов. Подчас разгоралась ожесточенная конкурентная борьба. В 1767 г. «находившиеся с самого начала» на стройке Кафедрального собора хлыновец А. Праздников, черносотенные крестьяне Андрей Жданов, Никита Мальцев и Иван Кошурин просили архиерея «об отрешении подрядившихся к строению... в селе Совынском каменной... церкви посторонних, не бывших при строении предписанного... собора каменщиков и подрядчика Якова Котельникова, и о бытии вместо оных в той работе». Осенью 1782 г. И. Коршуков, нанятый для закладки колокольни в с. Волчевском, не смог приехать в село к назначенному дню и вскоре проведал, что подряд перехватили А. Окулов и Ф. Суворов. Коршунов пожаловался в консисторию, дав соперникам уничтожающую характеристику: «...Окулов в строении неискусен, а именно строения ево в селах Сунском Вознесенском и Пантылском Дмитриевском у пределов церковных пали своды, а Суворов и мастером каменного дела не бывал, к тому ж еще и подозрительной, ибо он публично наказыван был...» О себе Коршунов без ложной скромности заявлял, что «в том сведущ и достаточен». Жители села привели в ответ другие постройки Окулова, добавив, что «по вышеописанному ево... и считают они в строении быть искусным и честным человеком, а Суворова за неимением в подряде и показать не знают».

Официальные торги между подрядчиками проводились редко. С торгов подряд отдавался тому, кто запрашивал наименьшую сумму. В 1768 г. П. Утин, П. Метелев и А. Окулов «с товарищи» получили подряд на «бучение» фундамента колокольни Кафедрального собора лишь благодаря тому, что просили 430 руб., тогда как соперники — Н. Горынцев с устюжанами — 450. Когда же дошло до заключения договора, консистория сумела снизить положенную

артели плату до 400 руб. Так что торги были для мастеров невыгодны. Случалось, что на них и после троекратных «публикаций» не являлся никто.

Подрядные отношения закреплялись договором (контрактом). Когда имелось в виду, что мастер будет вести стройку «своими работными людьми» (а так чаще всего и бывало), контракт заключался с ним одним. Иногда в договор вписывались (например, наравне с И. Никоновым) и ближайшие сотрудники, также рассматривавшиеся как подрядчики.

Договоры почти всегда предусматривали строительство из готовых материалов, о которых надлежало позаботиться самим заказчикам. Они же должны были обеспечить строителей всевозможным инвентарем. «Ломы, кирки, заступы, топоры, напари и гребки, лопаты, ведра, шайки, мерники, ушаты, начевки и носилки и протчия железныя и деревянныя надобности... требовать нам, подрядчикам, от священников и старосты церковного с выборными заблаговременно», — читаем в пижанском контракте С. Кузнецова и его товарищей. Единственными своими инструментами, с какими каменщики являлись на стройки, были в большинстве случаев лопатки и молотки.

Забутив фундамент в вырытых «приходскими людьми» рвах, подрядчик приступал к кладке, причем в контрактах иногда оговаривалась и ее техника. Часто специально напоминали о бережном отношении к кирпичу. Сооружая колокольню хлыновского Кафедрального собора, каменщики обязывались «принятой... в дело из сараев кирпич... напрасно никуда не тратить, не бросать и не разбивать, а содержать завсегда на лесах в кладках и во всякой чистоте, а к ночам в случае непогоды тот кирпич в строении накрывать чем пристойно». Из кирпича же (порой из опоки) вытесывались «пося» и прочие украшения. Это делалось в процессе кладки или же, как предписывал, например, контракт с И. Коршуновым в Бахте, — «сколько ж во то строение потребно будет... заблаговременно».

Подрядчик не устранился и от необходимых при возведении стен и сводов плотничных работ. «Кружала делать, леса и вымостки... мне, подрядчику, своими работными», — условился Д. Горынцев с истобенскими выборными. Уборка лесов и кружал также возлагалась на строителей.

Некоторые договоры включают еще и побелку «с обе стороны», устройство печи в приделе или трапезной, настилку полов, подъем и установку крестов на церковные главы. Кстати, за все это дополнительной платы не причиталось.

О продолжительности рабочего дня можно судить по тому, что каменщики и «чернодельцы», занятые на колокольне Кафедрального собора, должны были «к тому строению... приходить среди

лета в начале пятого, а с работы сходить пополудни в девятом часах». Вычитая обеденное время, получается 14—15 часов напряженного труда! Строительный сезон длился обычно с конца апреля — начала мая до наступления осенних холодов. Конкретный срок окончания постройки почти не указывался, ибо ни заказчики, ни подрядчики не могли быть уверены в достаточности средств и даже в том, что «от дождей помешательства не будет». Тем не менее подрядчика обязывали «до окончания вселетнего времени никуда из села не отлучаться» и «работать с поспешностью».

С него бралось обязательство «самому не пьянствовать и работников людей от пьянства удерживать», не чинить «озорства», «частых гулянок» и т. п.

Оплата труда мастера, зафиксированная в договорах, либо представляла собой определенную сумму за весь объем работ, либо была сдельной — с каждой тысячи употребленного в строении кирпича. Членам артели, если нанимал их непосредственно заказчик, назначалась поденная или помесечная плата. Разумеется, внутри артели почти всегда была значительная разница в заработке соответственно квалификации каждого работника. Среди каменщиков, привлеченных на строительство Кафедрального собора, разграничивали «умеющих совершенно тесать теску», т. е. не просто класть, но и обрабатывать кирпич и камень, и «рядовых... не умеющих тесать теску». Более того, и первые, и вторые оплачивались дифференцированно.

Подрядчику и каменщикам, как правило, выдавался задаток. Во времена И. Никонова такой аванс достигал почти 50% предусмотренного вознаграждения. Остальные деньги предстояло «имать по работе смотря и по надобью». Есть контракты, содержащие условие строго поэтапной выдачи денег — по мере готовности отдельных частей здания.

Кроме денежной, производилась и оплата натурой. Подрядчики, строившие где-либо на селе, обычно выговаривали себе известное количество съестных припасов. Впрочем, это снижало заработок. М. Злобин по договору в с. Петровском получал самую высокую в то время плату с тысячи кирпича (2 руб. 60 коп.), но должен был «ис тех денег покупать... ис казны всякой хлеб, то есть ржаную муку, солод, толокно, крупу каждой пуд по двадцати по пяти копеек, или хотя бы он будет и дешевле, то на стороне... ни под каким видом не покупать, а брать в казне по объявленной цене безоговорочно». Только на городских стройках, тем паче если они велись местными каменщиками, принято было «ясти и пити свое».

Мастер гарантировал прочность и «нерушимость» возводимого им здания, бесплатное исправление допущенных ошибок. «А ежели... учинится какое повреждение, разсудется или свод прова-

лится, то мне, подрядчику, в десять лет починивать своим коштом», — значится в истобенском контракте Н. Горынцева. Правда, в других договорах того периода гарантия дана только на три года.

Отсутствие закреплённых договором гарантий не снимало ответственности за небрежную работу. Е. Кошкин, строя придел Покровской церкви в Кукарке, «не дав своду укрепиться (хотя ему и запрещается было)», преждевременно выбрал кружала¹, отчего «осьмерик совсем пал». Контракт не предусматривал возмещения убытка заказчиком, но консистория постановила: «...сколько он Кошкин... в ущерб церковной казне причинил... весь по тамошней цене с него взыскать». Так же поступили и с Ф. Суворовым, у которого в с. Шарья упал свод, только дело о «штрафовании» было передано духовными властями в Вятский провинциальный магистрат.

Важнейшим звеном ответственности служила круговая порука. В 1697 г., договариваясь соорудить в Хлынове Цареконстантиновскую церковь, И. Никонов, Т. Чернятев, М. Старков, И. Москвитинов заявили: «А порука в том во всем мы, Иван с товарищи, друг по другу, а кой из нас будет в лицах, на том и вся порука». Три четверти века спустя каменщики, строившие колокольню Кафедрального собора, пользуются почти той же формулировкой: «...во всем вышеписанном ручаясь друг по другу сим договором и обязуемся». Принцип круговой поруки действовал независимо от выбытия любого подрядчика или члена артели. «Если паче чаяния кто из нас во время строения церкви заболит или... помрет, в таком случае зарабатывать вместо того наличным, кто из нас в лицах будет, до самого окончания», — гласит договор артели С. Кузнецова в с. Пижанка. Насколько неукоснительно этого придерживались не только заказчики, но и сами строители, дает представление следующий пример. В 1781 г. каменщики из артели, возводившей ограду вятского архиерейского дома, при поддержке властей взыскали с вдовы своего товарища Ивана Репина 7 руб., которые тот «в заработку... на свой счет... получил и не заработав помер».

Сооружая церковь по подряду, мастеру полагалось «во всей той работе как священникам с причетники, так и выборным быть во всем послушны и ни в чем никаких отговорок и прекословия не чинить». Согласно договору заказчики обладали правом вмешиваться во все стороны производимой постройки, давая подрядчику указания. Даже в решении какого-нибудь конструктивно-технического вопроса, несмотря на некомпетентность, последнее слово оставалось за ними. Вот как это было оговорено в пижанском контракте С. Кузнецова: «...толщину и вышину (стены — А. К.)

¹ Выбрать кружала — снять опалубку свода.

вести, имея препорцпо, или по общекупному со священники согласию к лутчей пристойности, или ж по воли их безпрепядственно».

От подрядчика прежде всего хотели расторопной и тщательной работы «совершенно безостановочно, хорошим мастерством и без всякой фальшивости». Уклонение или какое-либо невыполнение взятых подрядчиком и артелью обязательств преследовалось. Если заказчикам не удавалось привлечь к ответу всех связанных договором лиц, пускалась в ход круговая порука. За артель, не окончившую церковь в с. Малая Суна, пришлось отвечать рядовому каменщику Осипу Краеву, хотя за ним лично числился незаработанным всего рубль. Краев в 1779 г. работал уже в другом селе и «из... села Екатерининского с каменной работы взят командою и отослан под караулом в то село Малое Сунское... за оной один рубль». Екатеринбургские купцы Дубровины два года задерживали у себя хлыновского каменщика Никифора Пушкарева, заставляя отрабатывать весь выданный его неявившимся товарищам задаток. Это продолжалось, покуда Пушкарев «тайным образом» не сбежал.

Оставление мастерами начатых строек, что бывало неоднократно, имело причиной не только желание найти подряды повыгоднее. Часто повинны были именно заказчики, у которых не хватало денег и припасов. Недаром и строить подчас предусматривалось «материалами, когда и сколько приготовлено будет» (с. Вяз); «на каждое лето, сколько будет материалов в казне изготовлено» (с. Петровское). «Остановки», т. е. простои, были столь постоянным явлением, что оговаривались в контракте. Мастер И. Коршунов, например, заключая контракт на постройку церкви в Бахте, поставил условие: «...а когда не будет в короткое лето в готовности кирпичю или казны, то дать... в то лето свободу».

В некоторых случаях предусматривалась компенсация мастеру за вынужденный простой. Н. Горынцев по договору имел право «ежели учинится какая остановка за кирпичем, извескою или железом» получать ежедневно «ис казны Николая Чудотворца... по три рубли», а его каменщики «быть на казенном те дни коште без вычета денег». Но это скорее исключение. Недовольство подрядчика при простое усиливалось тем, что возрастали его расходы на нанятых от себя каменщиков. В 1769 г. в Подрелье Д. Тупицын, «дожидаясь... материала, проживность имел в том селе с работниками тридцатью дву человеки». Понеся издержки «за тою остановкою, как на себя, так и на оных работников из собственного своего капитала на пропитание», он вместе с артелью покинул стройку.

Заказчики всегда склонны были перелгать вину за простои и медленное продвижение работ на строителей, обвиняя тех в пьянстве и «пороках забиячества». Хотя в этих упреках бывала доля правды, в целом они преувеличены. О каменщике Макаре Злобине

в одном документе засвидетельствовано: «...вина от роду не пивал и не пьет». Е. Кошкин в 1779 г. якобы за «чрезвычайное ево пьянство» был посажен в Лебяжскую мирскую избу под караул. Бежав вскоре из села «с работными людьми своими», он подал встречную жалобу, в которой говорилось, что «при строении де той церкви остановки происходят всегда от них священноицерковнослужительской и церковного старосты неисправностей, и по причине оных от долговременного строения почти пришел он, подрядчик, в крайнее раззорение».

Не менее частой причиной конфликтов была оплата труда. Даже на начальном этапе постройки деньги выплачивались неаккуратно. А при сдельной оплате заказчики опасались перерасхода кирпича. Причт с. Колянур утверждал, что подрядчик Е. Южаков при закладке колокольни «сам собою... прибавил в ширину аршин умышленно, чтоб кирпича пошло в стену больше, а ему б денег взять излишество».

Являлись ли, однако, тогдашние строительные подряды доходным занятием? Учитывая разные проволочки с оплатой, стоимость содержания артели, трудно ответить положительно. Е. Кошкин в Кукарке получил в 1780 г. 97 руб. 50 коп. Но из этого ушло его немногочисленным помощникам (три каменщика, водовоз, старик, «кой из творила накладывал на лотки известку», пятеро малолеток, подносивших кирпич), «со включением им пропитания», 80 руб. Выходит, чистый заработок Кошкина составил за сезон всего 17 руб. 50 коп. Не случайно ни один из вятских каменщиков так и не нажил достаточного капитала, чтобы перейти в купеческое сословие.

СЛОВЕСНОЕ ОПИСАНИЕ, «ОБРАЗЕЦ» И ЧЕРТЕЖ

Каков был творческий метод мастеров-строителей? Какие предъявлялись им требования в смысле композиционно-художественном?

О том, что заказчиков волновали чисто эстетические моменты постройки, свидетельствует ряд прямых упоминаний в документах. Жители г. Котельнича просили в 1767 г. разрешения в теплой Алексеевской церкви «для подобающей красы окна поправить». Истобяне добились от Никиты Горынцева, чтобы у колокольни «над сводом осьмерик... был в красе», Е. Кошкину надо было на приделе кукарской Покровской церкви «около окон и дверей зделать для красы фигуры, тесаные из опоки таким маниром, каковыя у старой церкви» и т. д.

Подобно тому, как в конструктивных приемах полагалось

придерживаться общепринятых норм («набутить... как водится у иных церквей»), художественная сторона во многом определялась «образцом». Им служило какое-либо существующее здание. Строительство по «образцу», весьма распространенное в Древней Руси, сохранялось в российской провинции на протяжении почти всего XVIII столетия.

Прототипов-«образцов» бывало два, а, возможно, и несколько. С одного, скажем, перенимались общие формы, с другого — украшения. Николаевский собор в Нолях мастера должны были делать «образцом и подобием... какова построена в городе Хлынове Покровская церковь», но некоторые размеры и детали брать из иного источника: «высота в церкви, и в алтарях, в трапезе и окнами против Воскресенской церкви (Воскресенский собор в том же Хлынове—А. К.)».

«Образец» присматривался заказчиками, но ими уже в процессе строительства могли вноситься коррективы. «...А та церковь делать в поясах, и окна и двери, теска класть, как в Преображенском монастыре, или по их велению», — говорится в договоре И. Никонova со старостой и прихожанами Воскресенского собора.

«Размерение» будущего здания (основные размеры обычно тоже указывались заказчиками) и его возведение велись тогда на Вятке без каких-либо чертежей. На них нет и намек в подрядных документах И. Никонova.

И позднее — в 40—70-е, а порой и в 80-е гг. XVIII в. на Вятке чертеж заменяли словесное описание и «образец». Приверженность им, очевидно, вызвана глубоко укоренившимся в сознании заказчиков и мастеров, освященным традицией неким художественным стереотипом. Это можно проиллюстрировать следующей простодушной фразой из контракта Н. Горынцева с выборными с. Истобенского: «...а може чего в сем договоре том незнанием, забытием или ошибкою и не написали, то все чинить, как у протчих таковых церквей обыкновенно, словом сказать, так все зделать, как церкве и колокольне быть надлежит».

Отдавая подряд, рассчитывали на понимание мастерами закономерностей технического и композиционного характера. Применять эти закономерности к условиям конкретного задания означало на языке подрядных записей «делать по препорции». Такое выражение чаще встречается в договорах, чьей основой служит «словесный портрет» намечаемого к сооружению храма. Оно могло относиться к способу кладки («извеску и песок класть в препорцию»), толщине стен («придел... с простенком по препорции») и т. п., но нередко касалось и объемно-планировочного решения, масштабы той или иной части здания. В с. Кичма Я. Кудрявцеву при названных длине и ширине церкви, количестве окон, объемном построении и общей высоте храмового помещения, предоставля-

лось «четверик и три осьмерика сделать по препорции», т. е. самому найти их соотношения. Для придела кукарской Покровской церкви были чрезвычайно подробно расписаны все размеры, вплоть до величины окон. Тем не менее и здесь читаем: «...в западной стене дверь по препорции», «на нем (осьмерике — А. К.) главу и под ней шею сделать по препорции».

Интуиция мастера во многих случаях опять-таки должна была уступать требованиям заказчика, которому принадлежало право окончательного решения. Установив высоту и число окон верхнего храма Николаевской церкви с. Истобенского, договор продолжает: «...а алтарь и трапеза по препорции как приказано будет».

Выбор «образца» также был по-прежнему за заказчиками. Не менее быстро, чем мастера, они подмечали новинки «каменного дела».

До нас не дошли подрядные записи 1740—1750-х гг., но в них наверняка постоянно упоминалась Спасо-Преображенская церковь в с. Великорецком — настолько часты ее отражения в храмах тех десятилетий. Свидетельством сильного впечатления, произведенного на вятчан постройками Горынцевых — Николаевской церковью в с. Истобенском и особенно Макарьевской «за Вяткою рекою» — остались не только целая группа однотипных памятников, но и ссылки в прошениях и договорах. Перестройка в 1770-е гг. хлыновской Цареконстантиновской церкви, распространение каменных малых осьмериков, казавшихся особенно эффектными на Стефановской (Донской) церкви в Хлынове, вызвали волну подражаний. Желание воспользоваться этими образцами для переделки верха своих храмов изъявили причты и прихожане хлыновских Иоанно-Предтеченской церкви (1775), Богоявленского собора (1777), церкви с. Кумен (1779), Николаевского собора в Нолинске (1783). Подчас избранный «образец» раскрывает нам особенности художественной ориентации данного ареала. Так, на юге Вятского края, более тяготевшем к Казани, нежели к Хлынову, Е. Южаков и А. Лутошкин подражались строить колокольню в с. Колянур «по... священническому нраву против казанской Петропавловской колокольни тем обрасцом... с чистою резьбою против вышеописанной колокольни». «Запись» С. Кузнецова в с. Пижанка, перечислив массу всевозможных, едва поддающихся теперь расшифровке фасадных украшений, определяла «все оное класть с лицевой стороны, как изображено в граде Казани у Ильинской церкви».

Заказчики и мастера знали основные размеры взятого «образца». Указание на него в колянурском договоре дополнено развернутым описанием, изобилующем цифрами: «...а заложить тое колокольню на пяти сажнях во все стороны, а во первом ярусе соорудить часовню, два четверика мерою восемь сажен, да осьмерiku в двух же ярусах восемь же сажен со звоном двоим слухи... а

сверху звону до креста осьмерику ж шесть сажен со слухами ж». В с. Чепецко-Ильинском в 1780 г. церковь намеревались строить «фасоном, мерою и количеством против зарешной Макарьевской церкви (окроме колокольницы)». Следовательно, практиковались какие-то обмеры, а о наличии зарисовок, как мы увидим, известно достоверно.

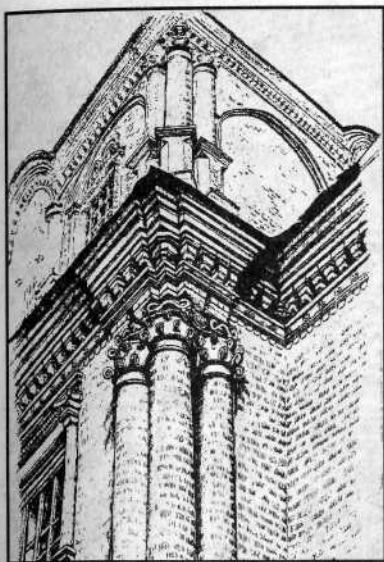
Подчеркнем, что «образец» почти никогда не воспроизводился буквально. Жители с. Петровского в 1787 г. в качестве прототипа «избрали обществом» новопостроенную церковь с. Архангельского, более того, «подрядили самого того ж майстера» — М. Злобина. Однако оба храма не вполне совпадают как по композиционной схеме, так и в деталях. Церковь с. Лебяжье, хотя Е. Кошкин и К. Головин и обязывались «оную... сделать наподобие села Истобенского Николаевской церкви во всем непременно», напоминала последнюю лишь в основных чертах, при ином декоре. Очень далек от «образца» храм с. Вяз. Он не мог походить на упоминаемый в контракте церковного старосты И. Санникова со Спицыным и Сунцовым макарьевский образец уже потому, что строиться должен был в два этажа. Здесь ссылка на «образец», видимо, была и вовсе формальной.

Вносимые изменения в первую очередь зависели от заказчика. В той же вязовской церкви подрядчикам следовало «прибавить клейма (картуши — А. К.), где какая потребны будут ему, Санникову». В с. Петровском хотели, по сравнению с «образцом», уменьшить «в храме и трапезе по одной сажени». И все же, поскольку на практике, видимо, считалось достаточным соблюдение только общего сходства, несомненен большой вклад самого мастера в переработку прототипа. Он никогда не был пассивным исполнителем воли заказчиков. Творческий опыт подрядчика внушал доверие, заставляя учитывать, а зачастую и полагаться на его мнение.

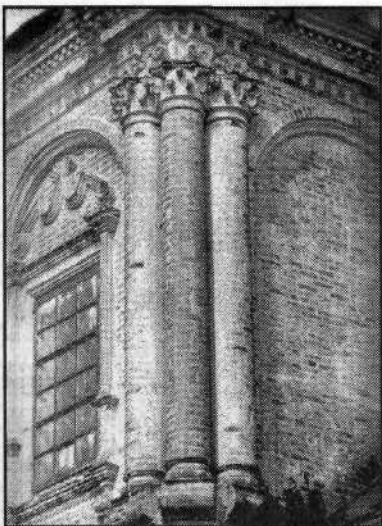
В то время в церковном строительстве обнаруживаются зачатки графического проектирования¹. Даже в подрядах, изображающих будущее здание словами, проскальзывают указания на чертеж. Если описание объемно-планировочного решения истобенской Николаевской церкви еще не считали нужным или не могли подкрепить чертежом, то детали («у всей той церкви окна..., также около окон в пристойных местах поясы и вверху шестерики») Н. Горынцеву предлагалось делать «в против прилагаемого при сем

¹ Первое известное нам в Вятском регионе упоминание о проектном чертеже относится к 1742 г., когда плотники, крестьяне «Чепецкого тяглового стана» Родион Лихачев и Спиридон Вахрушев строили деревянную церковь «в Еловской деревне» (ныне с. Елово в Удмуртии) «по выданному рисунку». Но поскольку тогда шла усиленная миссионерская деятельность среди удмуртов и этот храм должен был стать первым «в новокрещенных жилищах», его проект мог быть даже прислан из Синода.

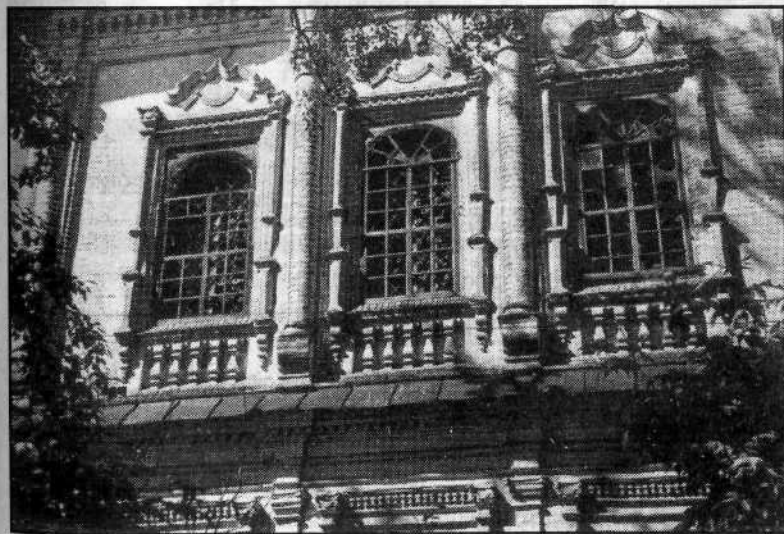

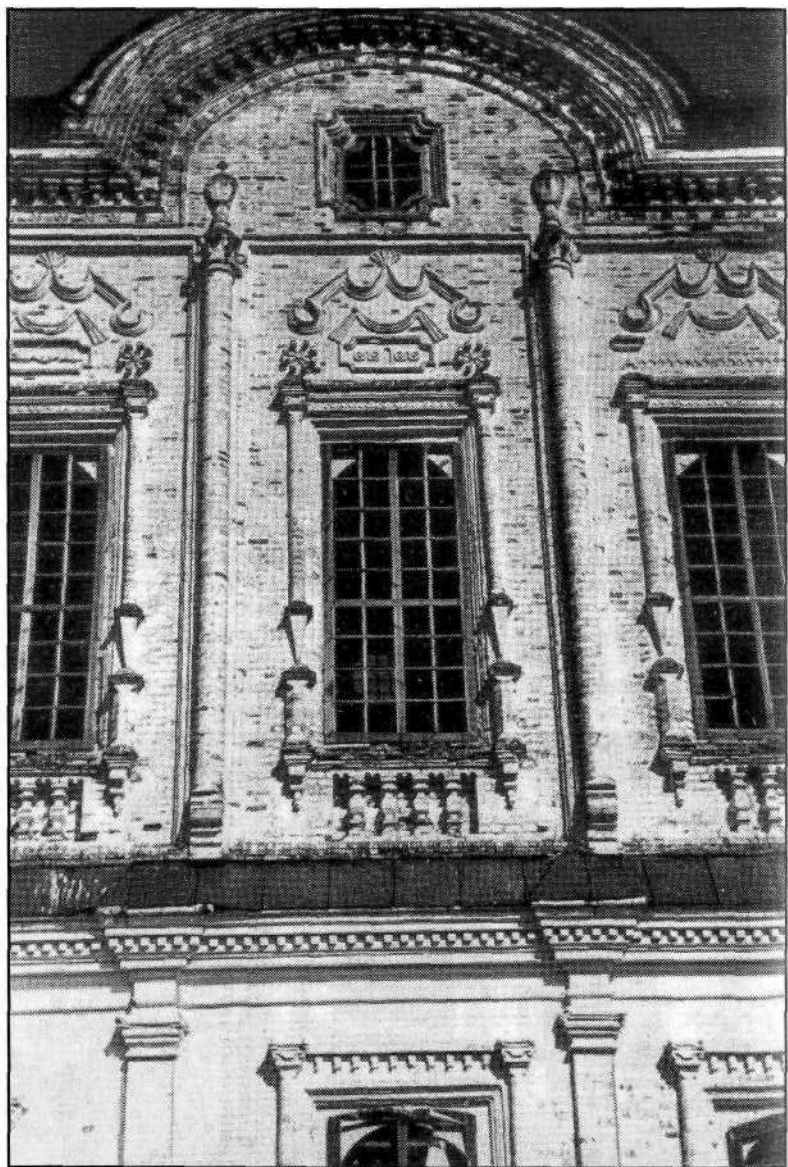
69. Деталь Николаевской церкви — пучок колонок на углах четверика холодной церкви.

70. Ильинская церковь села Юрьево, 1767—1778 гг. Колонки верхнего яруса четверика. Снимок 1986 г.

71. Троицкая церковь за «Вяткой рекой» (в черте Кирова), 1770—1775 гг. Фасадная пластика. Снимок 1969 г.

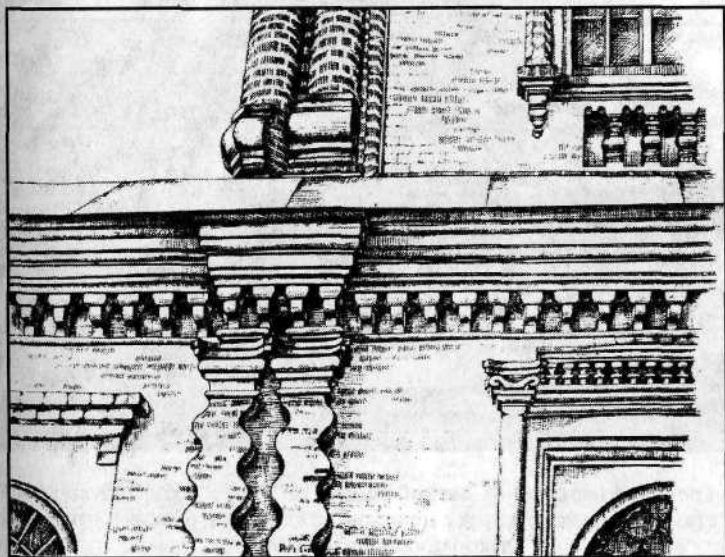

72. Дмитриевская церковь села Пантыл, 1770—1781 гг. Обновленный декор холодного храма. Снимок 1969 г.

73. Христорождественская (Спасская) церковь села Спасо-Талица, 1765—1788 гг. Снимок 1971 г.

74. Троицкая церковь села Раменье, 1770—1778 гг. «Витые» пилястры, заимствованные у Великого Устюга.

75. Троицкая церковь «за Вяткой рекой», 1770—1775 гг. Полуколонки с «султаном» во втором ярусе не несут никакой нагрузки — это только декорация. Снимок 1969 г.

76. Дмитриевская церковь села Пантыл, 1770—1781 гг. «Витые» наличники центрального окна апсиды. Снимок 1969 г.

77. Троицкая церковь «за Вяткой рекой». «Витые» наличники и «бровки» апсиды. Снимок 1969 г.

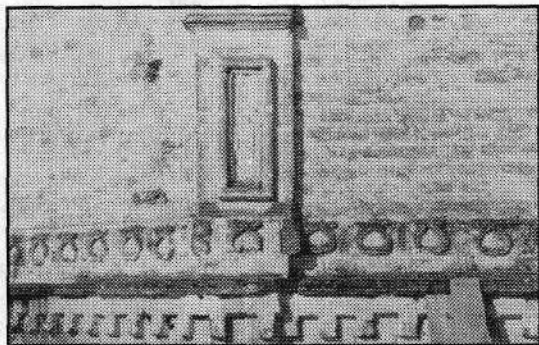

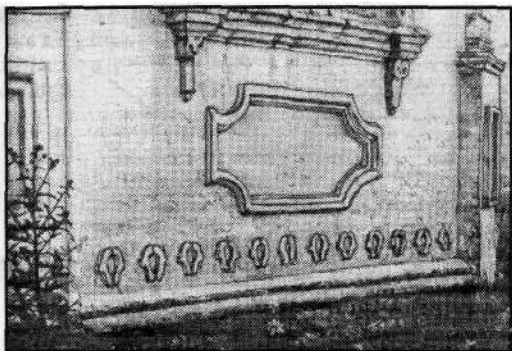

78. Зосимо-Савватиевская церковь села Коршик, 1777—1785 гг.
Фрагмент южного фасада. Снимок 1983 г.

79. Николаевская церковь села Сырьяны, 1746—1754 гг.
«Плетения» на цоколе храмов напоминают то
«сердечко», то «хомутик», то греческую букву омега.
Снимок 1969 г.

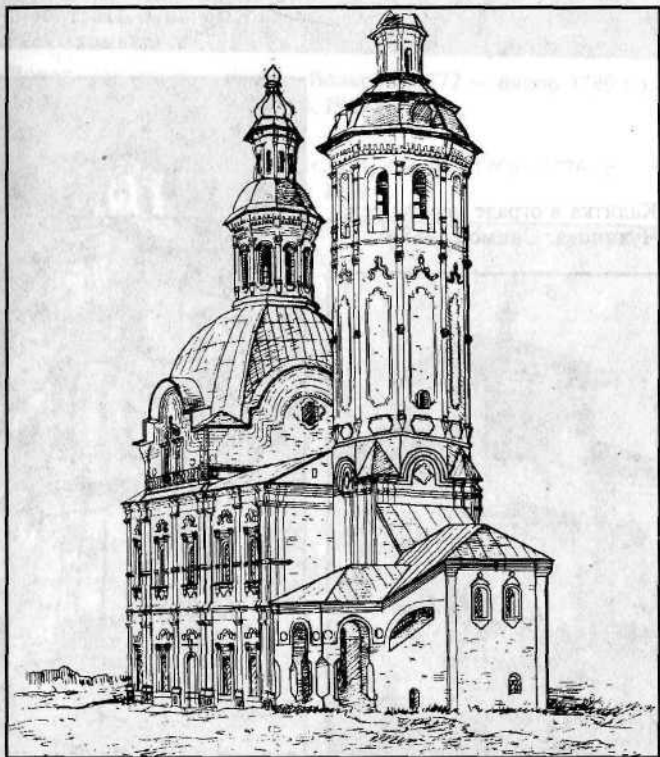

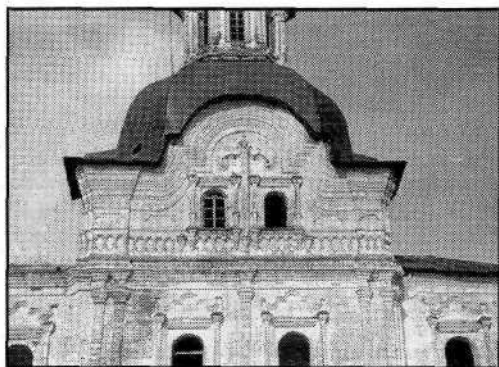

80. Троицкая церковь «Вяткой за рекой». Строчка «плетений» над покоем. Снимок 1969 г.

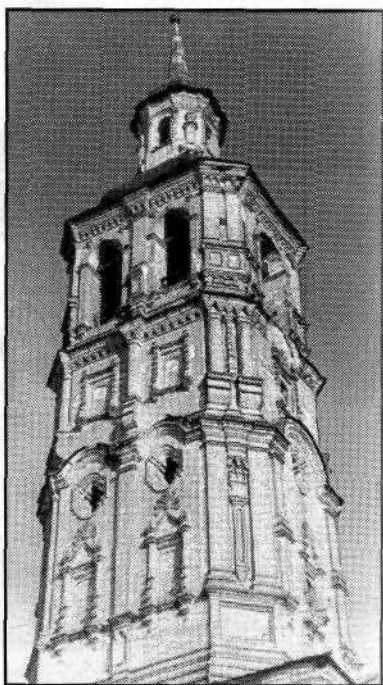
81. Спасская церковь села Вяз, 1773—1777 гг. Редкий на Вятской земле двухэтажный храм. Вид с северо-запада.

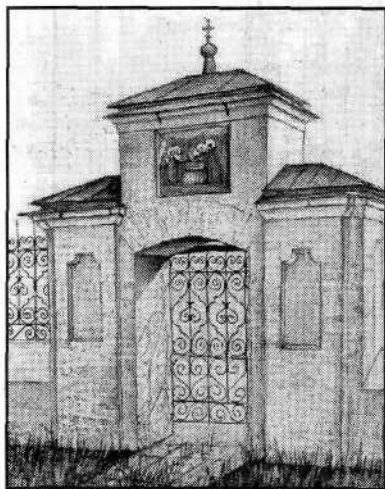

82. Фрагмент южного
фасада Спасской
церкви села Вяз.
Снимок 1969 г.

84. Колокольня
Троицкой церкви
села Кырчаны. Построена около
1773 г. Снимок 1969 г.

83. Калитка в ограде церкви села
Чудинова. Снимок 1968 г.

85. Ворота ограды церкви села Волково (1772 — около 1780 г.).
Снимок 1969 г.

86. Ворота в ограде церкви села Чудиново, 1766—1776 гг.
Снимок 1969 г.

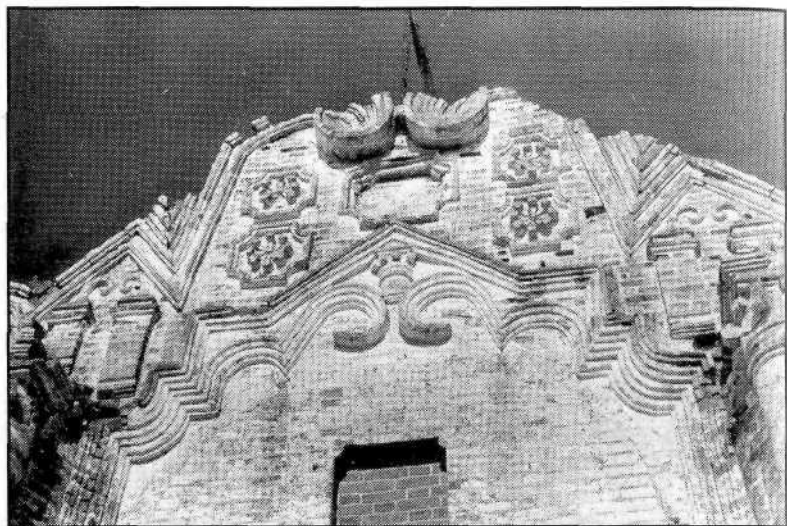

87. Ворота кладбищенской Троицкой церкви города Слободского, 1773 г. Снимок начала XX в.

88. Ворота Николаевской церкви села Сырьяны, 1748—1754 гг. Общий вид. Снимок 1969 г.

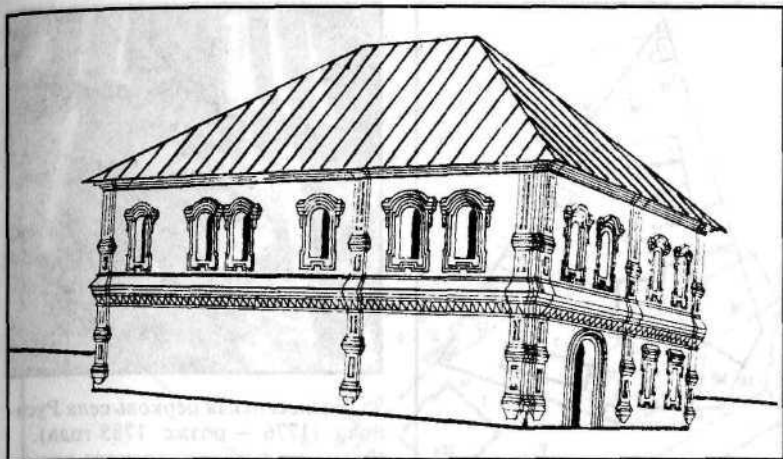

90. Фрагмент ворот церкви в селе Сырьяны. Снимок 1969 г.

91. Дом И. Г. Толмачева. Первая половина XVIII в. Снимок 1900-х гг.

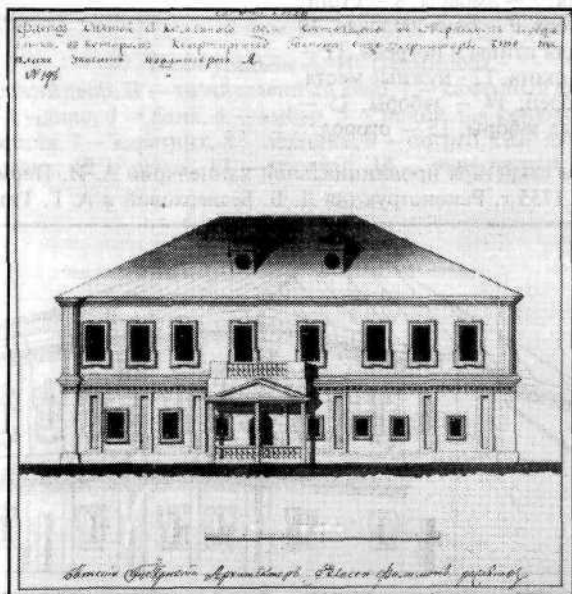

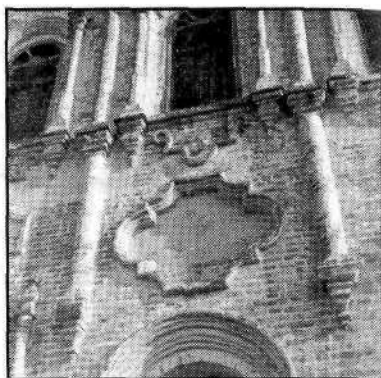
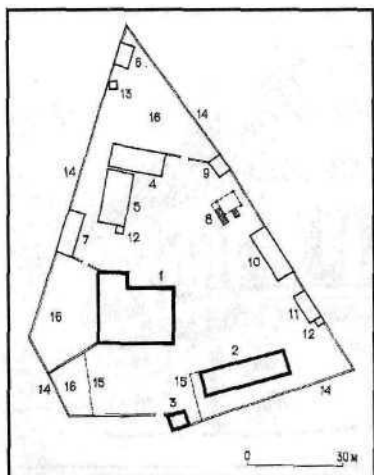

92. Дом И. Г. Толмачева в Хлынове. Первая половина XVIII в.
Реконструкция Г. В. Титовой.

93. Дом комиссара берг-коллегии медных заводов И. В. Трапицына.
Обмерный чертеж Ф. М. Рослякова, 1795 г.

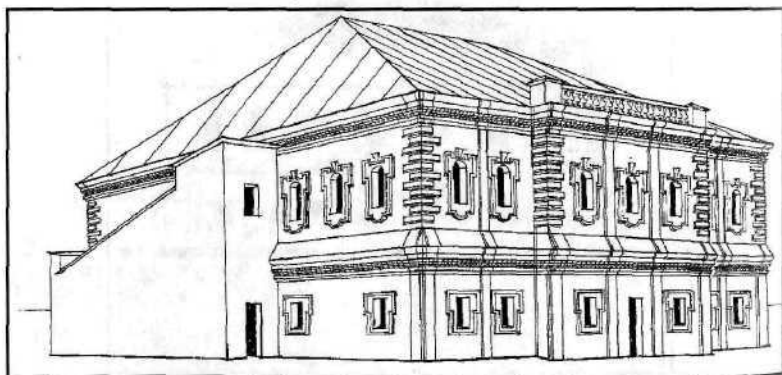

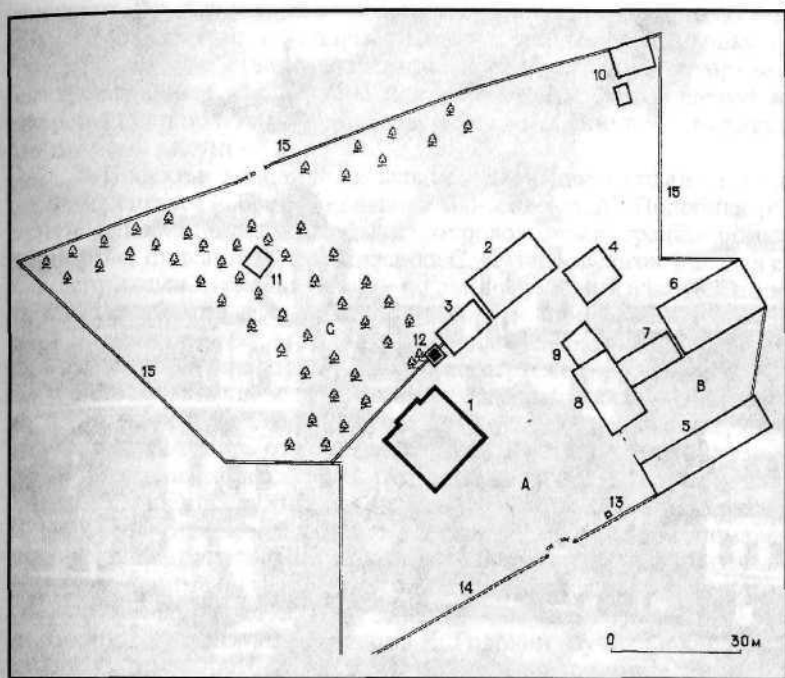
95. Вознесенская церковь села Русаново (1776 — позже 1785 года).
Фрагмент фасада холодного храма.

94. План усадьбы И. В. Трапицына по обмеру 1795 г.

1 — двухэтажный каменный дом, 2 — одноэтажный каменный флигель, 3 — караульная изба каменная, 4 — конюшня, 5 — каретник, 6 — баня господская, 7 — амбары, 8 — сушило на столбах, 9 — баня людская, 10 — хлевы для птицы и погреба, 11 — хлевы для скота, 12 — нужные места, 13 — колодец, 14 — заборы, 15 — решетчатые заборы, 16 — огород.

96. Дом секретаря провинциальной канцелярии А. И. Перминова. Около 1755 г. Реконструкция Л. Б. Безверховой и А. Г. Тинского.

97. План усадьбы А. И. Перминова.

А — передний двор, В — хозяйственный двор, 1 — каменный двухэтажный дом, 2 — сушило, 3 — баня, 4 — амбар, 5 — покои для конюхов и прачек, 6 — конюшня, 7 — каретник, 8 — ледники, 9 — погреб, 10 — людская баня, 11 — беседка, 12 — садок, 13 — колодец, 14 — решетчатый забор, 15 — забор.

98. Кафедральный собор в Хлынове, 1760—1772 гг. Из собрания Кировского объединенного краеведческого и литературного музея.

99. Лепной декор в интерьере холодного храма села Рябинова, 1758—1771 гг. Снимок 1983 г.

рисунка». В с. Кичма при сооружении храма предлагалось руководствоваться планом: «...олтарь в длину и ширину и в вышку по пропорции, а по совету священноиереховнослужителей, приходских людей, или как в плане показано будет». В отношении же дверей и окон недвусмысленно говорится: «...вышиною и шириною по данному рисунку».

«Проекты» не шли пока дальше примитивного плана, иногда дополнявшегося набросками декоративных деталей¹. Подобные рисунки неизбежно должны были сопровождаться традиционным словесным описанием. В с. Пижанка С. Кузнецов договаривался со священниками церковь «скласть по данному от них плану». Это не помешало вписать в контракт «длинник» и «поперешник» всех ее частей, из чего явствует, что план носил схематический характер, без применения масштаба. Отсутствие чертежей фасада и разреза заставило назвать число верхних окон четверика, расстояние до них от нижних, указать, сколько окон должно быть в восьмерике, «да в глубозе, поднявшись от осьмерика», т. е. в венчающем фонаре.

Исполнение нехитрого «проектного» рисунка было под силу многим священнослужителям (для декора Николаевской церкви в с. Истобенском он, как сказано в договоре, «малеван» пономарем устюжского Прокопьевского собора), да и кое-кому из прихожан. Конечно, занимались этим и строители. «Рисунок» с «образца» для сооружения церкви с. Лебяжье дан был заказчикам мастерами, а не наоборот. Возможно, Е. Кошкин и К. Головин изучили и как умели зафиксировали прототип по требованию своих нанимателей. Но не исключается и наличие у мастеров коллекции таких изображений, которые могли пригодиться при переговорах с заказчиками, служили подспорьем в работе.

Отдельные подрядчики самостоятельно достигли успехов и в роли проектантов. О Даниле Горынцеве вятский историк отзывался как о приобретшем «даже в сочинении планов немалое искусство».

А. Ю. КАПТИКОВ

АРХИТЕКТУРНЫЕ ФОРМЫ ХРАМОВ 1680—1720 ГОДОВ

В этой и следующих статьях мы выясним, как зарождалась самобытная вятская архитектурная школа, как и почему в течение

¹ В качестве примера приводим проектный чертеж Христорождественского монастыря в г. Слободском, составленный протоиереем Тимофеем во второй половине XVIII в. (рис. 103).

века менялись архитектурные формы храмов — их планировка и объемно-пространственная композиция, декоративные средства и размещение декора на фасадах.

Как мы уже знаем, первенцем каменного зодчества на Вятке стал Свято-Троицкий и Николаевский кафедральный собор. Соборный тип храма обязывал к монументальности и представительности; он издавна отличался большим консерватизмом, неизменно следуя соборам Московского кремля. Это был обычно кубический, с четырьмя или шестью внутренними столбами объем, не дополнявшийся какими-либо пристройками (кроме алтарных полукружий) и увенчанный пятью крупными куполами. Однако в XVII в., когда во всех сферах культуры церковное начало постепенно вытесняется светским, соборные храмы теряют былую аскетичность. Композиция их усложняется. Фасады затрагивает свойственное тому периоду декоративное многообразие, прозванное «узорочьем».

Все это, пусть в неодинаковой степени, проявилось и в хлыновских соборах — Кафедральном и Успенском Трифонова монастыря. Первый, известный лишь по описаниям и изображению на иконе, был асимметричен за счет примыкавшей с севера теплой Николаевской церкви и поставленной у северо-западного угла колокольни. Монастырский собор в композиционном отношении традиционнее, но строгость облика смягчается наличниками и другими деталями убранства.

Дальнейшее церковное строительство, развернувшееся в 1690-е гг. силами артели И. Никонова, придерживается уже иного, так называемого трапезного типа. Здание состоит из основного объема — четверика, бесстолпного пятиглавого, реже — одноглавого, и обширной двухстолпной трапезной, в которой обычно служили зимой. Тем самым она превращалась в теплый храм, как ее и было принято именовать. Западнее, по той же продольной оси, пристраивалась паперть с открытым арочным крыльцом на столбах. Колоколен при этих церквях первоначально не было. Их, вероятно, заменяли простейшие деревянные звонницы с подвешенными на козлах колоколами¹. Несмотря на позднейшие перестройки и искажения, в качестве примеров можно привести Преображенскую церковь в Хлынове (1696) и Екатерининскую (1699) в Слободском (фото 28, 31). Сюда же относились ныне не существующие хлыновские Богоявленский (1698) и Воскресенский (1700) храмы (фото 30, 32).

Сходная композиция нередко употреблялась и в 1700—

---

¹ Примерно такую и ныне можно видеть в г. Яранске при Успенском соборе.

1720-х гг. Такова, скажем, Покровская церковь в Хлынове (1709; ныне не существует), у которой над папертью имелась каменная колокольня, быть может, современная храму (фото 33). Вместе с тем наблюдаются новые объемные решения. Они были навеяны, с одной стороны, слегка проникшим и на Вятку «московским барокко», с другой — деревянным зодчеством.

Для «московского» (оно же — «нарышкинское») барокко характерны центрические ярусные, с тремя убывающими восьмериками на четверике, храмы вроде знаменитой церкви в Филях. Композиция «восьмерик на четверике» появляется в начале XVIII в. и в вятских памятниках, но истолкована совсем иначе. Общее построение далеко от центрического. Это, в сущности, тот же трапезный тип, подчас с привнесением асимметрии. В хлыновской Пятницкой церкви (1705—1712) трапезная с юга была расширена приделом, а к северной стене паперти примыкала колокольня (фото 34). Восьмерик как на Пятницкой церкви, так и на, увы, не сохранившемся Преображенском соборе в Слободском (1699—1717), был один, широкий и довольно грузный. На Вятке эти восьмерики вели происхождение не от «нарышкинских», а от деревянных построек. Если возведение восьмерика в камне представлялось на данный момент дорогим или технически сложным, его делали в привычном материале — дереве. Подобное сочетание рисует документ 1783 г., относящийся к Николаевскому собору в Нолинске: «... при означенной ... церкви самый материк складен четвероугольной каменной, на нем шестерик срублен деревянной». Если на каменных церквях встречалась даже редкая форма деревянного шестерика, то более реальными были деревянные восьмерики.

Совсем бесспорно влияние дерева на вятские каменные храмы «восьмериком от земли», с пятигранным алтарем. Именно так истари рубились деревянные шатровые храмы. Их композицию, исключая шатер, воспроизводит основной объем хлыновской Иоанно-Предтеченской церкви (1714—1723). Еще одним храмом «в виде восьмигранной башни» был в Хлынове Всесвятский (1723; не сохранился).

Правда, к обоим названным памятникам отыскивается аналог в Великом Устюге, где была однотипная церковь Иоанно-Предтеченского монастыря. А вот употреблявшиеся вятчанами храмовые покрытия весьма оригинальны. Речь идет о деревянных «курмах», венчавших деревянный же или каменный восьмерик, а при отсутствии такового располагавшихся непосредственно на четверике¹.

¹ Не исключено, что «курмы» были и на постройках никоновской артели. Ведь их главы, к примеру, на Екатерининской церкви в Слободском, вряд ли являются изначальными.

Родственные известным в Древней Руси «кубоватым» завершением, они имели восьмигранную луковичную форму, либо более пологую, но с изломом, четырехгранную. На Благовещенской церкви Трифонова монастыря (ок. 1726—1728), согласно описи 1764 г., была «курма осьмигранная тесовая, на коей глава обита лемехом» (фото 44). То же угадывается и на Знаменско-Богородицкой церкви (фото 39) с. Пасегово (1726). Об очертаниях «курм» в большинстве случаев можно судить даже по позднейшим железным кровлям.

Деревянные надстройки порой достигали внушительных размеров. Иначе епископ Лаврентий, осматривая в 1776 г. обветшавшую церковь пригородного хлыновского Иоанно-Богословского монастыря, не нашел бы, что «деревянное строение, имеющееся на верху церкви... излишнее и для стен в разсуждении тягости вредное».

Каменных колоколен на Вятке строилось тогда еще очень немного. Опять-таки под влиянием «московского барокко», но еще больше — деревянного зодчества они приняли восьмигранную столпообразную форму. Очень любопытна была колокольня Пятницкой церкви, имевшая при переходе к ярусу звона расширение, известное как «повал». Вместе с шатровым верхом это придавало ей уникальный силуэт.

Обратимся теперь к декоративной стороне вятских храмов. Кроме двух первых соборов, они охвачены волной «узорочья». Фасадные украшения из лекального или тесаного кирпича не только обильны. Они и калейдоскопичны: скажем, два соседних наличника часто неодинаковы либо при сходном рисунке отличаются в нюансах. На Вятке такое убранство, по справедливому замечанию Б. В. Гнедовского и Э. Д. Добровольской, «органично связано с резьбой пряничных досок, дуг и саней. Ему сродни запутанная вязь кукарских кружев, фигурное прутьяное плетение и затейливое искусство вятских гончаров».

Стены храмового четверика имеют, как правило, трехчастное деление. Оно создается спаренными, а на углах — тройными колонками¹. В одних памятниках (Преображенская церковь в Хлынове, Екатерининская в Слободском) средние колонки — «висячие», хотя и опирающиеся на полочку. В других (хлыновская Покровская церковь, храм с. Пасегово) опущены до цоколя, обведенного «балюстрадой» (фото 39). Над колонками обязательно

¹ В Иоанно-Предтеченской церкви, с ее основным восьмериковым объемом, вдоль и на стыках граней — пучки колонок в два яруса либо вертикальные ряды ширинок.

делается широкий пояс, тоже включающий фигурные столбики — балясины. Этот пояс вместе с карнизом отделяет полукружия кокошников в завершении стены. В храмах с «восьмериком на четверике» кокошниками оформлялся восьмерик.

Слагаемым декора свойственна дробность: между колонками втиснут поребрик, у кокошников — уступчатый профиль и т. д. Самыми изощренными элементами являются, однако, наличники. Тут изобретательность мастеров неистощима. Похоже, шло настоящее творческое соревнование.

Колонки в обрамлениях окон использовались редко. Чаше по сторонам проема выкладывались тяги из миниатюрных балясинок или кружков-розеток. Иногда розетки образуют вторую и даже третью внутреннюю рамку (Преображенская церковь). Немало наличников, выложенных набором бусин-жгутов, из которых составлены и их многообломные кокошники. Кокошник был трехчастным, заостренным посередине, либо ему придавался плавный, бочкообразный абрис (фото 40). Интересны пятиугольные, иногда чуть «разорванные» завершения наличников, да еще со вставкой наподобие двойной «кисти» (Трехсвятительская церковь Трифонова монастыря, ок. 1710—1717).

Все перечисленное — самобытные вариации стилистики русского зодчества середины XVII в. Между тем в центре России уже расцветало «московское барокко», вытесняя «узорочье». Свойственная «нарышкинским» памятникам упорядоченность декора оставалась чуждой вятчанам. Разве что в надвратной Никольской церкви Трифонова монастыря (ок. 1700) наблюдается повторяемость фасадов и стандартизация убранства.

Сами мотивы «московского барокко» проявляются на Вятке довольно слабо, сочетаясь все с той же декоративной витиеватостью. Это — заполнение кокошников раковинами, появляющиеся кое-где витые колонки. Но больше всего — наличники с двумя встречными завитками, известные по произведениям ведущего зодчего той эпохи Я. Г. Бухвостова и его круга. У вятских мастеров «завитковые» наличники, даже если и выделены в самостоятельный ряд (северный фасад Екатерининской церкви в Слободском; в Пасегово) уживаются со старозаветными (фото 38). К тому же они безордерные: вместо колонок, за немногими исключениями, по-прежнему выводятся тяги из знакомого нам набора, в тимпане подвешивается кисть. И все-таки в рисунке завитков ощутим барочный динамизм. В среднем алтарном наличнике Николаевского собора в Нолинске завитки, разделенные киотом, сильно закручены и превращены в «спирали» (фото 41). Еще эффектнее их форма над окнами хлыновской Иоанно-Предтеченской церкви. «Стебли» за-

витков как бы выпячиваются в стороны, не образуя прямой линии с поддерживающими их колонками, а на изгибе упираются друг в друга, как упругие «рога» (фото 45).

Итак, еще во второй половине 1690-х гг. на Вятке начала складываться региональная школа каменного зодчества с присущими ей своеобразными композиционными и декоративными приемами, окончательно сформировавшаяся в 1720-е гг. Попутно выделим — как ее особую ветвь — памятники вятского юга (разграничительную линию можно условно провести где-то около Кукарки). Отдельно стоящую шатровую колокольню собора в Яранске (ок. 1694) знаток архитектуры русской провинции Г. К. Лукомский считал даже болеестройной, чем колокольня знаменитого ансамбля Коровниковской слободы в Ярославле (фото 42). Близ Яранска, в с. Шошма находится церковь Рождества Богородицы — храм, содержащий зрелые черты «московского барокко», типа «восьмерик на четверике», с изящной восьмигранной колокольней, наделенной тремя ярусами звона. Некоторые фасадные детали (коринфские капители колонок) вытесаны из белого камня¹. Но в целом убранство церкви не сходно с Москвой и Подмосковьем. Оно либо, как в рисунке наличников, сближается с казанскими и чебоксарскими храмами, либо вообще не имеет аналогов («резные» завершения граней восьмерика). Вероятная датировка этого первоклассного памятника — конец 1690-х гг. (фото 43).

Если южный ареал поддерживал тесные контакты с Поволжьем, то Хлынов и северные уезды — с Великим Устюгом. Крайне важен вопрос, когда через Устюг пришел на Вятку тип храмового завершения в виде малых ярусных восьмериков, сопровождаемых «полуглавиями» (дугообразные выступы поверху стен четверика). Основной восьмерик в данном случае значительно уменьшен по отношению к четверику и сведен до роли светового фонаря. Подобная композиция возникла в самом начале XVIII в. в Москве (круг архитектора И. П. Зарудного) и вскоре была перенята устюжанами. Хронологически первым вятским храмом, венчавшимся такими восьмериками, вроде бы был Владимирский в Хлынове (1707—1718; ныне не существует). Но поскольку в «метрике», составленной в конце XIX в. для Археологической Комиссии, говорилось: «Нынешний храм более поздний», есть сомнение, не был ли верх результатом переделки. Ибо композиция и декор принадлежали тут уже следующему этапу развития местной архитектуры (фото 46).

---

¹ Главка храма сохранила старинную зеленую поливную черепицу.

АРХИТЕКТУРНЫЕ ФОРМЫ ХРАМОВ 1730—1770-х ГОДОВ

Середина и вторая половина XVIII в. в композицию культовых зданий на Вятке внесли немного изменений. Как и раньше, они включали основной объем («настоящую» церковь) и трапезную, выполнявшую функции теплого храма¹. С запада все так же примыкала паперть с двумя боковыми «палатками», а иногда и крыльцо (несохранившаяся Спасо-Хлыновская церковь, 1763—1770). Только алтарь вместо трех полукружий теперь почти всегда пятигранный. Колокольня сооружалась над папертью, но есть и стоящие отдельно (при Николаевской церкви с. Сырьяны, 1746—1754; Всесвятской в с. Всесвятское, 1767—1777; Троицкой в с. Кырчаны, ранее 1763—1770). Бывало, что при раздельной постановке храма и колокольни соблюдалась единая ось, что предопределяло их позднейшее соединение (Спасская церковь в с. Ошеть, 1747—1753, рис. 55).

Стали возводиться двухэтажные храмы (Николаевский в с. Истобенске, 1765—1768; Введенский в с. Макарье «за Моломою рекою», 1767—1796), но число их по сравнению с соседними школами — устюжской и уральской, очень невелико. Случалось, что задумав такую постройку, отступали перед техническими трудностями. В с. Никулицком 1775 г. решили не строить «верхнего апартамента» из опасения, что «под церковью фундамент не весьма тверд». Второй этаж мог заменяться приделом, устраиваемым наверху «между настоящим храмом и колокольницею», как это было сделано в 1770—1772 гг. на Стефановской (Донской) церкви в Хлынове (фото 47).

В вятских двухэтажных храмах нет принятого в Устюге ступенчатого подразделения алтаря. Зато входная часть Спасской церкви с. Вяз (1773—1783) своей усложненностью напоминает устюжские образцы. Здесь мы видим притвор с асимметрично выдвинутым крыльцом и ведущую на второй этаж лестницу, устроенную на арке между притвором и колокольней (фото 49).

Храмовые четверики еще долго перекрывались деревянными «курмами». Их очертания, весьма созвучные барокко, доньше ощутимы в силуэтах Троицкой церкви (рис. 50) в с. Чудиново (1748—1765), Богоявленской (фото 51) в с. Рябиново (1759—1771) и осо-

¹ Трапезные в подавляющем большинстве памятников перестроены в XIX в. Первоначальный вид сохранила у Макарьевской церкви «за Вяткою рекою» (1770—1775; ныне в черте г. Кирова), где при одной ширине с храмом вмещала два придела, Владимиро-Богородицкой в с. Верхние Кумены (1771—1776), у которой выступает к югу, и отдельных других.

бенно храма с. Всесвятского (фото 52). Порой пропорции и членения четверика указывают, что на нем был деревянный восьмерик. Такие восьмерики, лишь впоследствии замененные каменными, наверняка имели Казанская церковь в с. Верхосунье (1763—1773, рис. 48), Прокопьевская (фото 53) в с. Прокопье (1767—1768).

Что касается изначального завершения каменным восьмериком, то надо различать большой (или широкий) восьмерик, ширина которого равнялась ширине четверика в первом ярусе, и восьмерик малый. Первый встречается преимущественно на юге Вятской земли. К сожалению, не сохранились замечательнейшие примеры: Троицкая церковь с. Кырчаны и Вознесенская (фото 56) в Богородском (Талый Ключ). Восьмерик храма в Кырчанах был повышен и до переделки явно венчался луковичной «курмой»¹. У Вознесенской церкви, отличавшейся более легкими массами, над основным восьмериком стоял второй, еще сильнее вытянутый. Это придавало памятнику ярко выраженную башнеобразность. Широким восьмериком венчались все три санчурских храма: Покровский собор (1770, фото 54), Тихвинская (1761—1766) и Владимиро-Богородицкая (1787) церкви.

Приверженность вятчан к «курмам» и деревянным «малым» восьмерикам не только свела к минимуму использование каменного широкого восьмерика. Она замедлила и внедрение малого восьмерика, о чьем происхождении уже говорилось. Хотя им и увенчались в Хлынове Владимирская, Донская, Спасо-Хлыновская церкви, до Горынцевых он популярен не был. И лишь благодаря постройкам горынцевской семьи буквально за одно десятилетие (1770-е гг.) привился на Вятке. Помимо неперменного завершения малым восьмериком новых храмов, множились просьбы о возведении его на старых. В 1784 г. игуменья Таисия писала епископу, что у церкви Преображенского монастыря «свод сведен по старинному обыкновению, а осьмериков к лучшему благолепию... как ныне у протчих церквей построены, не имеется, почему для украшения ... желательно построить два осьмерика».

Восьмериков на вятских храмах обычно действительно два (на истобенском Николаевском — три). Сочетающиеся, как правило, с «полуглавиями» четверика, они весьма стройны и пластичны в смысле обработки (Истобенск; Макарье; Ильинская церковь (фото 58) в с. Юрьево, 1767—1778; Троицкая в с. Раменье, 1771—1784; Дмитриевская в с. Пантыл, 1770—1787).

Пятиглавыми на Вятке были в тот период лишь хлыновский

¹ Ее можно представить по «курме», правда, железной, на восьмерике церкви с. Ошеть.

Кафедральный собор, выстроенный по столичному проекту, и Благовещенская церковь в Шестакове (1777—1780), также чуждая местной школе (имела сходство с «сибирским барокко», а конкретно — с Захарьевской церковью г. Тобольска).

Объемное построение вятских колоколен — преимущественно восьмериковое, хотя восьмигранной от самого низа является только одна (фото 59) — в с. Сырьяны (начата не ранее 1770 г.). Но если колокольня и поставлена на четверик — над ним все равно доминирует столп-восьмерик (фото 60). В Истобенске и Верхних Куменах он поделен на два равных яруса, в других случаях — облегчен и подчеркнута высотен (Пасегово, Вяз и др.).

В начале рассматриваемого периода происходит коренная перемена фасадных декораций. Верно пишут Б. В. Гнедовский и Э. Д. Добровольская: «как по мановению волшебной палочки, в 30-х гг. XVIII в. прекращает свое существование ... народный «игрушечный» стиль хлыновских храмов». Переход действительно совершился резко, почти без промежуточных звеньев. Причиной было воздействие, опять же при посредстве Великого Устюга, петровского барокко с его несложным плоскостным убранством. Но черты большого стиля снова восприняты вятчанами по своему.

Отныне храмовый четверик приобрел на уровне трапезной и алтаря карниз на кронштейнах (фото 64). Этот карниз широкий и до того профилированный, что его выступ, как правило, защищался кровелькой (фото 63). Теперь уже оба яруса фасада разделяются на три части каннелированными пилястрами¹. Боковые членения часто шире среднего. Шаг пилястр в первом и втором ярусах мог не совпадать. Нередки и сбивающие ритм сдвиги окон.

В случае включения в объемную композицию каменного широкого восьмерика стены четверика завершались карнизом с «триглифами». Традиционные кокошники переносились на восьмерик (Ошеть, Кырчаны, Богородское). Если предполагалось иное увенчание храма («курма» на четверике), за аналогичным карнизом выводилось три кокошника. Но вскоре, вероятно, в подражание «полуглавию» — место центрального кокошника заняло скругление карниза в виде соединяющей пилястры арочки. При этом второй ярус четверика повышен, а окна его устроены низко. Стенные плоскости над ними — с единственным круглым проемом, сделанным по оси фасада, на пересечении с линией карниза.

Описанное решение было впервые найдено, по-видимому, строителями Преображенской церкви в Великорецком. Из этого, по преданию, происходила чтимая на Вятке икона, и село Велико-

¹ Такого рода пилястры известны в памятниках Архангельска, Устюга, Лальска, но лишь на Вятке могут считаться приметой местной школы зодчества.

рецкое стало местом ежегодного массового паломничества. Неудивительно, что храм сразу взяли за «образец» (Спасская церковь в с. Кумены (1738—1745), Николаевская в с. Сырьяны (фото 61), Троицкая в с. Чудиново и многие другие). Особенным вертикализмом отмечена Троицкая церковь (рис. 62) с. Быстрица (1754—1763).

Памятниками «великорецкого» типа не исчерпываются фасадные схемы вятских храмов этого времени. Продолжали употребляться и просто три кокошника в завершении четверика (Николаевская церковь в Шестакове (1758—1776), Троицкая в с. Лекма (1769—1777). Устремленность ввысь свойственна Богоявленской церкви с. Рябиново, где к тому же в верхней части стен взамен спокойной глади идет ряд окон, имеющийся и на восточной стене, над алтарем. Даже с началом распространения каменных малых восьмериков характер убранства не всегда меняется. Удаляют только кокошники, арочка же закономерно становится «полутлавием» (Спасо-Хлыновская церковь).

Касаясь состава тогдашнего фасадного декора, нельзя не заметить на некоторых памятниках необычный абрис кокошников, вытягивающихся кверху наподобие полуовала. Согласно вятской традиции, их порой украшали раковинами (Ошеть, Кырчаны — восьмерики; Чудиново).

Пилястры нижнего ряда, трапезной и алтаря мастера иногда ставили на примкнутые к цоколю своеобразные опоры-«кубышки». В иных случаях пилястры и первого, и второго ярусов ставились на постамент. У спаренных угловых пилястр постаменты объединялись общей полочкой — создавался пучок угловых пилястр. Такой визуальный эффект превосходно обыгран на рябиновской церкви с ее переходящими один в другой пилястровыми ярусами (рис. 51).

Наличники почти везде представляют собой уступчатую рамку с широкими «ушами» и сандриком. Кронштейнами по краям сандрик «скреплен» с ее углами (фото 65).

В итоге вятские мастера, только в ту пору восприняв черты петровской архитектуры, перешли от нарядности древнерусского «калейдоскопического» набора к ограниченной типологии элементов, имеющих небольшую высоту рельефа, почти плоскостных.

Воздержание от «узорочья», лаконизм не могли долго удовлетворять ни заказчиков, ни зодчих. И вот в постройках конца 1760-х гг. проступили признаки новой декоративной волны. В наличниках церкви с. Прокопье верх рамки плавно изогнут заодно с сандриком, украшенным растительного характера навершием и розеточками. Центральное окно апсиды надделено еще и многоугольным, тоже с полоской розеток, кокошником, по сторонам которого подвешены «кувшины». Кокошники прикомпонованы и к другим алтарным окнам (фото 66).

У храма в с. Всесвятском (фото 67) каннелированные пиля-

стры второго яруса продолжены парами колонок. На оконные сандрики опираются столбики-тяги, заканчивающиеся «рогами» (северный фасад) или являющиеся частью фронтона, похожего на былой кокошник. В тимпан вставлено некое сочетание «жгута» и «кисти». С такими деталями убранства, шедшими от местных построек более чем полувековой давности, хорошо гармонировали и сочные раковины.

Возвращению к богатому и рельефному декору очень способствовали произведения Горынцевых. Николаевская церковь в Истобенском (рис. 68, 69) и последующие выстроенные ими храмы — в Макарье близ Хлынова (фото 71), в Юрьеве (фото 70) и в других селах должны были привлекать не только новым увенчанием, но и фасадной пластикой. Пример понравился, немедленно возникли подражания. Спасская церковь в с. Совье (1765—1781) и Владимиро-Богородицкая в Верхних Куменах, начатые еще с прежними каннелированными пилястрами, были под свежим впечатлением от сделанного Горынцевыми достроены уже с иным оформлением верхней половины четверика. Всецело обновилось, следуя горынцевским постройкам, убранство возведенных в 70-е гг. XVIII в. церквей в Пантыле (фото 76), Холуницко-Ильинском, Малой Суне.

Как и на последних фасадах старого типа, упразднены кокошники, введено «полуглавие» (фото 72). Сетка членений серьезных изменений не претерпела, оставаясь трехчастной и поярусной. Но пропорции несколько иные, и второй ряд окон не выглядит заниженным. Деления стены выше промежуточного карниза стали снабжаться легкими углублениями — арочными (Истобенск, Юрьев), или чаще прямоугольными вроде «кассет», куда и вписывались окна. Если употреблялся колонный ордер, то, как правило, в верхнем ярусе, тогда как в нижнем — всегда пилястровый. Изредка применены только пилястры, что встречается даже у Горынцевых (Екатерининская церковь в с. Екатерина (1773—1786). При использовании пилястр вместо колонн происходили отклонения от обычного числа членящих элементов. Например, в с. Екатерина крайние пилястры четверика — тройные.

Шаг нижних пилястр и верхних колонн теперь согласуется строже. Однако есть еще несовпадения средних членений (Пантыл). Кроме того, если еще недавно, скажем, в Спасо-Хлыновской церкви, «полуглавие» было сопряжено со средними пилястрами, то сейчас его арка лишь в немногих случаях (Юрьев, Верхние Кумыны) «поддерживается» ими. Обычно же оси колонн или пилястр расходятся с пятами «полуглавия» (фото 72, 75). Капители в Раменье, Екатерине упираются в подкарнизную тягу, при отсутствии же ее не доходят до венчающего карниза даже на углах объема (Макарье). Декоративность подобного ордера очевидна.

Горынцевы принесли на Вятку многие устюжские декоратив-

ные формы. Не говоря о прямых аналогах — повторении в с. Истобенском наличников Мироносицкой церкви в Устюге, а в с. Раменье — редкостных «витых» пилястр Преображенско-Сретенской церкви (рис. 74), укажем на пилястровый ордер. Хотя Горынцевы сами однажды, на апсиде церкви в с. Макарье близ Хлынова, использовали каннелированные пилястры, прежний тип пилястр сменился на наиболее характерный для Устюга. Это пилястры с гладким стволом и «дорической» капителью, выше которой нередко добавлялась вогнутая плита.

Однако рисунок пилястр не всегда следовал устюжскому и порой был оригинален. Для угловых пилястровых пар выводились не только единый пьедестал, но и общая капитель (Рождество-Богородицкая церковь с. Нижне-Ивкино, 1776—1790). В Троицкой церкви с. Волкова (1772—1779) верхние пилястры обладают как бы двумя постаментами — широким основным и раскреповывающим его малым на кронштейне — «кубышке».

В первом после 1720-х гг. храме, фасады которого декорированы колоннами — истобенской Николаевской церкви — колонны наделены пьедесталами — либо плоскими филленчатыми, как и у пилястр, либо объемными, трех- и пятигранными. Тем и другим придана крупная консоль, благодаря чему угловые пучки колонн в ракурсе столь выразительны. В дальнейшем колонны лишаются пьедестала. Его роль стала выполнять консоль, как неотъемлемая часть местного колонного ордера. Базы колонн выражены слабо или не делались вообще, зато весьма употребительны были кольца по низу ствола и под капителью.

Капители весьма пышны. Но если взглядеться, не столько за счет «коринфских» элементов, довольно мелких и лишь ритмически составляющих целое, сколько за счет заверший — здесь имеются ввиду детали, похожие на ионическую капительку, порой в «перевернутом» виде (Юрьево, Холуницко-Ильинское и др.), а также «султаны» над средними колоннами (фото 75).

На вятских памятниках 1770-х гг. уже почти не найти плоскостных «ушастых» обрамлений окон. Даже в церкви с. Волково, где они сохранены, введено новшество — бровки (деталь устюжского происхождения).

Наличники снова обрели объемность. Их виды, разумеется, не бесконечны, как во времена артели Ивана Никонова. Устанавливалась известная дифференциация наличников по типам и месту расположения. Так, на апсиде наличники, как правило, с бровками; и только на центральном окне апсиды — одном окне на весь храм — наличник мог быть с витыми колонками (фото 76, 77).

Во втором ряду окон колонки опираются на постамент посредством дополнительного, суживающегося книзу элемента. Венчается наличник остроугольной бровкой. Пониже всегда гир-

ляндочка, в рисунке концов которой, как и наверхия бровки, узнается традиционный мотив «кисти». Под окном, в горизонтальной нише — «балюстрада» (фото 71, 72).

Мы описали лишь схему построения наличников. А каковы их всевозможные оттенки! Даже число подоконных балясин варьируется от трех до пяти. Колонки нижних окон пантыльской церкви примкнуты к грубоватой рамке. Зато над верхними, дополняя бровку, выложены изящные филеночки-картуши (некоторые еще и с заглубленным крестом), фланкированные розетками (фото 72). У второго ряда наличников храма с. Юрьево колонки походят на каннелированные пилястрочки и несут бровку, превращающуюся, по сути дела, во фронтончик. Здесь же вместо «балюстрад» помещены аппликативные картуши.

Из других мотивов убранства заслуживают внимания плетения на цоколях, идущие понизу стен ионики (скорее напоминающие «сердечки») и т. п. (фото 79, 80). Популярными были фризы из мелких розеточек, в особенности подкарнизные.

Горынцевы не были только проводниками устюжского влияния. В области убранства введенное ими являлось скорее возвратом, на очередном этапе развития, к принципам «узорочья». Глубоко постигнув характер местного зодчества, любовь вятчан к «изукрашенности», они насытили фасады деталями, родственными по духу кирпичным кружевам построек Хлынова и Слободского рубежа XVII—XVIII вв. Вероятно, не будет ошибкой рассматривать деятельность горынцевской семьи на Вятке как непрерывное творческое взаимопроникновение архитектурных направлений двух регионов.

Декоративные решения Горынцевых и их последователей не помешали появлению иных разработок. Достаточно независимы от рассмотренного круга построек фасады церкви с. Вяз (рис. 81), оформленные пилястрами. Только в завершающий ярус четверика, отделенный «балюстрадой» во всю ширину и как бы сдавленный изломом карниза, втиснута посередине колонна (фото 82). Оформление окон сводится в основном к одному типу с колонками и бровкой. Но наличники притвора явно сделаны в подобие штукатурным. Их подоконные «фартуки», как и некоторые другие фасадные элементы, сродни столичному барокко.

Следует кратко остановиться на убранстве санчурских памятников, изысканном и, быть может, наиболее выражающем вкусы заказчиков и строителей юга Вятской земли. Украшая храмы типа «восьмерик на четверике» (так и не расчлененном), применяли безордерные колонны, вытягивавшиеся по углам четверика или разделявшие грани восьмерика. Наличники, тоже с колонками, только снабженными перехватами — «дыньками», венчались чаще всего легкой «змеящейся» бровкой (Покровский собор).

Колокольни вятских храмов еще в 60-е гг. XVIII в. (при хлыновской Стефановской церкви, в Пасегове) декорировались очень скупой. У относящейся уже к следующему десятилетию колокольни в Сырьянах на стыке граней одна над другой тянутся пилястры — неканнелированные, на постаментах и треугольных консолях. Сами же грани гладкие, не считая превосходного портала цоколя, горизонтальных тяг да пояса «врезанных» кокошников под карнизом четвертого яруса.

В целом же в убранстве колоколен произошел такой же поворот, как и в оформлении фасадов храмов. Колокольня Николаевской церкви в Истобенском (рис. 68), где декор чрезвычайно «сгущен», пожалуй, еще ярче раскрывает новый принцип оформления. Всем углам приданы тройные, укороченных пропорций, «коринфские» колонки. Тесно расставлены наличники ложных окон четверика, а на первом восьмерике вся плоскость между пучками колонок занята картушами. В Макарье на основном восьмigrаннике колокольни — тоже колонны, собранные по три, только с упрощенно-плоскостным вариантом коринфских капителей. Многие детали (консоли и идущие под ними балясиночки, бровки, розетки, girляндочки) «перепевают», пусть не в тождественных сочетаниях, украшения самого храма. Однако прямоугольные филеи с картушем были сочинены специально для колокольни.

Разнообразные картуши вскоре вообще стали ходовым мотивом именно в колокольнях. На колокольне с. Ошеть (начата в 1771) с ее трехъярусными одинарными колонками, аркатурой и бровками во всю ширину каждой грани, картушам, имеющим четкую форму овала или шестиугольника, отведена роль «пятен» на массивной стене. В сооруженной на полтора десятилетия позже колокольне в с. Всесвятском они, будучи нескольких видов и заполняя ственные плоскости, своими тонкими плавными контурами контрастируют с сильным рельефом колонных пар (фото 60). Впрочем, некоторые колокольни бывали весьма нарядными и без употребления картушей. Пример — кырчанская, где эффект достигнут поярусным ритмом «полуглавий» и арок звона, чередованием пилястрового и колонного ордера (фото 84). Срезанные углы колокольни превращены в широкие постаменты, несущие колонны, выше для облегчения замененные пилястрами. Отметим и наличники, завершаемые «цветочком».

Замечательны выстроенные в ту пору у ряда церквей каменные ворота. Одни выразительны лишь изломом заостренной в вершине стенки (Волково, фото 85), другие «захватывают» пространство и богаче декорированы. Таковы ворота при Троицкой кладбищенской церкви в Слободском, построенной в 1773 г. (фото 87). Боковые части развернуты под углом к средней, подготавливая ее пологий, но динамичный волютоподобный абрис. Четыре пары

толстых приставных колонн «нагружены» лучковыми фронтонами. К числу самых барочных произведений вятского зодчества принадлежат ворота в с. Сырьяны, чьи очертания — причудливый симбиоз двускатных и круглящихся элементов. «Рывок» вверх центра композиции несколько схож с известными «рогами» вятских наличников; ниже вписан второй криволинейный шипец. Колонны и восьмиугольные картуши в окружении розеток далеко превосходили подобные детали слободских ворот (фото 88, 90).

А. Г. ТИНСКИЙ

АРХИТЕКТУРА ГРАЖДАНСКИХ ЗДАНИЙ КОНЦА XVII ВЕКА И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Архиерейский дом. «Да епискупу же в Хлынове городе отмерено под двор длиннику 85 сажен, поперешнику в переднем конце 44 сажени; да церковникам и детям боярским епископым под дворы места в длину 61 сажень, а поперешнику в первом конце 10 сажен, а в другом конце 12 сажен, опричь проезжих улиц», — записывает в сентябре 1670 года воевода Змеев. Через шесть лет приглашенная епископом Ионой Барановым артель «каменных дел подмастерьев» начала строить соборную и одновременно с ней «крестовую церковь об одном престоле, а при ней дом архиерейский». На иконе «Трифон Вятский перед Богоматерью» иконописец изобразил группу зданий архиерейского дома, занимавшего южную часть кремля. В этой плотной группе трудно различить отдельные постройки, но с уверенностью можно выделить домовую церковь с пятью главами. Мы не можем утверждать, что домовая архиерейская церковь в Хлынове была пятиглавой: пятиглавие на иконе — только символ.

Что входило в комплекс строений хлыновского архиерейского дома в конце семнадцатого века? Крестовая палата¹, палата присутствия консистории, певческая и казначейская палаты, палата казенного приказа — каменные. К крестовой палате пристроена келья для казначея, а перед нею каменное же на арках крыльцо «в два заворота», (то есть буквой «Г» — А. Т.): один длиной 6 аршин 9 вершков, второй — 12 аршин. С другой стороны к палатам

¹ Крестовая церковь — домовая церковь при патриаршем или архиерейском доме; крестовая палата — приемная комната в богатом доме для общего моления и приема посетителей. Сл. русс. яз. XI—XVII вв. Изд-во «Наука», Москва, 1981, вып. 6.

пристроены сени длиной 24 аршина при почти вдвое меньшей ширине, и крыльцо длиной 21 аршин и шириной 6 аршин. К казначейской палате пристроено и «нужное место» два на шесть с половиной аршин при высоте 8 аршин. Здание присутствия с крестовой церковью имело два этажа: нижний был невысок, всего около четырех аршин, и воспринимался как своего рода подклет. Кроме самого дома, на усадьбе находились каменные братские и служебные кельи, деревянное сушило на каменных сводах погребов из пяти покоев. Позже построили каменную кухню (почему-то в одной связи с кузницей, вытянув постройку на 17 сажень). Были и деревянные постройки: архиерейские кельи, два погреба, амбар, конюшенный двор с каретником и собственной оградой. Дом представлял собой живописно скомпонованный из разновысоких и разновеликих объемов комплекс, подобный боярским хоромам с переходами, галереями, лестницами и рундуками. Поврежденный пожарами 1700 и 1752 года, он быстро ветшал и разрушался; к приезду Тихона Иевского в 1744 году он уже был со всех сторон окружен деревянными подпорками. Для его восстановления требовалось — по смете Т. Иевского — затратить громадную сумму 15407 рублей. Таких денег не было, и в 1760 году каменное здание разобрали. Только изображение его на иконе Трифона Вятского да разрозненные сведения, по крупицам собранные в архивах, и позволяют судить о том, каким было первое в истории Хлынова каменное жилое здание.

Питейный дом. Самое раннее упоминание об этом здании в старых текстах относится к 1771 году. Городской голова Яков Машковцев, отвечая на «Вопросные пункты» Комиссии о строении городов, пишет: «А публичного строения, кроме дома архиерейского и монастыря, каменного... 2. Питейный дом»¹. На плане города, снятом с натуры Ф. М. Росляковым в 1795 году, показано это здание на юго-восточном углу перекрестка Спасской и Хлыновской (Древлевского и Большевиких) улиц с пояснением: «26. Каменный питейный дом с подвалом». На этом же месте дом показан и на плане 1759 года, снятом при межевании земель геодезистами комиссии П. И. Шувалова. А в 1746 году называл его епископ Варлаам Скамницкий, настаивая на том, чтобы «построенные от города Хлынова близ Вятского Успенского монастыря питейные избы снести в отдаленные от него места»². Поставленный на самой бровке Засорного оврага в районе Старых кузниц (черт. 89), вне пределов «земляного города», он гостеприимно встречал всех, кто входил или

¹ Юрьев В. П. Состояние города Вятки в царствование императрицы Екатерины II. «ВГВ», 1885, № 11.

² Никитников Г. Иерархия Вятской епархии. Вятка, с. 56.

въезжал на территорию торго с казанской стороны: ни обойти, не объехать. Он встречал, он и провожал. Его трехчастная планировка унаследована от традиционной крестьянской избы: изба-сени-клеть. С той только разницей, что здесь все части равнозначны и даже одинаковы по размерам. Оба этажа перекрыты сводами — «под баней», как говорили раньше на Руси. Так — баней — перекрывали и срубные жилища с крышей «на самцах», пока не вошел в обиход привычный и обязательный сейчас потолок. Поднимаясь к торгу из глубокого оврага, путник видел перед собой двухэтажный дом с высокой тесовой крышей «палаткой». Совершенно лишенная декора стена цокольного этажа с двумя дверными проемами, всегда наглухо закрытыми, говорила путнику, что за ними, в подклете, склад, подобный тому, что под палатами купца Толмачева у другого въезда в город, по Московской дороге. Покидая город, путник видел только верхний этаж и ту же крышу, из-за которой дом казался совсем низким, крыльцо под навесом, дверь, несколько окон в непривычных для сельского жителя «ушастых» наличниках. Довольно скромно, но с некоторым изяществом, этаж был украшен кирпичным карнизом на кронштейнах, тонким пояском под окнами, пилястрами с двумя желобками-каннелюрами и наличниками-рамочками, какие путник уже видел на других домах вятских купцов.

В начале семидесятых годов двадцатого века известный в России архитектор и реставратор Б. В. Гнедовский, один из авторов прекрасной книги о Вятке из серии «Дороги к прекрасному»¹, писал: «Это самое раннее из сохранившихся каменных гражданских сооружений не только в Кирове, но, пожалуй, и во всей Кировской области, заслуживает лучшей участи. Его стены, заваленные «бочкотарой», ждут своего освобождения, чтобы мастера-реставраторы смогли подарить городу еще один прекрасный памятник зодчества». В 1973—1975 годах Кировские научно-реставрационные мастерские по проекту Бориса Васильевича и Л. Д. Лапкиной выполнили реставрационные работы. Здание бывшего питейного дома продолжает служить людям в новом качестве. Сейчас в нем размещается филиал Кировского объединенного музея и экспозиция его отдела народных художественных промыслов. К сожалению, по недоразумению за ним сохраняется название «Приказной избы». Источник ошибки — одна фраза из описания, сделанного в 1895 году членом городской управы Н. Бронниковым: «Существует предание, что в доме этом была приказная изба»².

¹ Гнедовский Б. В. и Добровольская Э. Д. Дорогами земли Вятской. Изд-во «Искусство». Москва, 1971.

² ГАКО. 628-20-14, лл. 1—9.

Жилой дом купца Ивана Григорьевича Толмачева. Еще совсем недавно на Театральной площади города Кирова, чуть впереди левого крыла театра стоял старинный двухэтажный дом с запрятанным в надстройку водонапорным баком и пожарной каланчой над ним (фото 91). О том, что дом старинный, говорил большемерный кирпич, неритмичное положение окон второго этажа и их «ушастое» обрамление. Подтверждало такой вывод и положение дома, развернутого относительно направления современных улиц. После постройки здания драматического театра в 1939 году дом оказался на площади, и его снесли. Память о нем сохраняют лишь редкие фотографии да подробное описание при инвентаризации собственности городского общества 1895 года. Построил дом один из самых богатых вятских купцов XVIII века Иван Григорьевич Толмачев, род которого был известен в Хлынове с начала XVII века. Его основатели в первых двух поколениях Степанко и Савелий были толмачами-переводчиками и пушкарями. Иван Григорьевич, родившийся в 1706 году, в тридцать лет имел кожевенный завод в трех верстах от города, на речке Хлыновице, и довольно крупно торговал водкой — в 1747 году он продал в другие города 128 бочек! Торговые дела шли хорошо, и в 1758 году он взялся за постройку своим коштом каменной Спасской церкви в селе Хлыновском и построил ее — почти. Когда дело дошло до ее обустройства (в 1768 году), он не выдержал: иконостас и всю утварь устраивали уже на «кружечные деньги» всего населения. Для себя же в самом начале тридцатых годов он построил каменный дом за посадским валом, у начала старой Московской дороги, в каких-нибудь пятидесяти саженьях от Московской башни. Позже, по плану 1784 года рядом отведено было место под торговую Хлебную площадь. Неожиданное соседство оказалось как нельзя более кстати, и уже его вдова построила рядом два хлебных амбара.

Из двух этажей дома жилым был только второй. Нижний этаж поначалу вовсе не имел окон и служил только для хранения запасов: кож, зерна, водки. Как и питейный дом в Старых кузницах, двумя поперечными стенами он был разделен на три части: справа и слева от сеней было по одной большой комнате (около ста и пятидесяти квадратных метров). «Окна небольшие, узкие, расположенные несимметрично, и, главное, стены такой неимоверной толщины, что, несомненно, свидетельствует о старине», — записывает в 1895 году в описи член городской управы Н. Бронников. Окна были расширены, а в первом этаже устроены вновь в конце XVIII или в начале XIX века. Толщина стен поражала не только Бронникова: внутренние стены, разделявшие дом на три части, в первом этаже имели толщину в 2 аршина 10 вершков — один метр восемьдесят шесть сантиметров. В 1879 году, когда дом принадлежал городу и в нем размещалась общественная богадельня, он был перестроен: плани-

ровка помещений изменена, все своды выломаны и заменены балочными перекрытиями, одна из капитальных стен на втором этаже разобрана, оба первоначальных дверных проема в наружных стенах заделаны и к дому сделана пристройка с лестничной клеткой и дополнительными подсобными помещениями. Эта перестройка не коснулась фасада; не тронули тогда и кирпичные полы первого этажа. Вторая перестройка была предпринята в 1899 году, когда заканчивалось устройство городского водопровода, на толстых капитальных стенах юго-восточной половины надстроили глухой третий этаж и установили на нем водонапорный бак, а затем и деревянную пожарную каланчу по проекту городского архитектора В. М. Дружинина¹. В первых двух этажах расположилась начальная «треповская» школа. На рис. 92 представлен дом И. Г. Толмачева с его первоначальным фасадом.

Каменный дом женской богадельни. В двадцатых-тридцатых годах восемнадцатого века четверо купцов-компаньонов, дома которых стояли на одной Ильинской улице Хлыновского посада, Вонифатий Иванович Дряхлов, Лука Афанасьевич Пушкарев и братья Трофим и Фирс Кириаковичи Прозоровы «из единого человеколюбия своего и душевной пользы» решили построить двухэтажный каменный дом для нищих и убогих хлыновских женщин. Построили и долгие годы содержали женскую богадельню за свой счет. О существовании этого дома мы узнали из указа Священного Синода от июля 1739 года. Он предписывал вятской духовной консистории подвергнуть наказанию плетью «старостиху» богадельни и еще двадцать пять призреваемых в ней «нищих женок и девок» за исполнение традиционного обряда «троецыплатницы», церковью запрещенного. А вот в каком году богадельню построили, сведений не нашлось. В одном из документов провинциальной канцелярии сказано только, что она построена «в давних годах». После смерти Трофима Прозорова (1737 год), Дряхлова (1742 год), Пушкарева в 1751 году (Фирс Прозоров постригся в монахи еще раньше) богадельня обветшала, а в 1759 году еще и обгорела. Восстанавливать желающих не нашлось, прямых наследников не оказалось, и в 1779 году по приказу из консистории стоявшее «на государевой городской земле против Вознесенской церкви» здание богадельни разобрали. Кирпич пошел на Спасскую церковь.

Дом винного откупщика Голикова. Отвечая на «Вопросные пункты» Комиссии о строении городов, городской голова Яков Машковцев в числе трех каменных публичных строений указал и женскую богадельню. Разрозненные сведения о ней нашлись во многих документах последующих лет. В «Описи общественным

---

¹ Журнал Вятской городской Думы, 1899, с. 272—274.

домам и зданиям» 1839 года читаем: дом двухэтажный, каменный, «древней архитектуры». Принадлежит городу около восьмидесяти лет, был будто бы пожертвован каким-то «откупщиком Голиковым для богоугодных заведений» и находится на нижней торговой площади¹. В том же году дом был обследован исполнявшим должность губернского архитектора Иваном Соловкиным, который отметил, что на стенах второго этажа и на сводах первого есть трещина; потолки и тесовая кровля погнили; на первом этаже кирпичные полы сохранились². Показано это здание и на планах города («росляковском» плане 1795 года и на подтвержденном плане 1784 года в томе «Чертежи городов» Свода законов Российской империи) — на западном берегу кремлевского рва у «большого моста» с торговой площади к Спасскому спуску. Можно высказать предположение, что дом был выстроен Голиковым для своих нужд в сороковых годах: позднее уже не строили домов «древней архитектуры». В шестидесятых годах он был пожертвован городу «для размещения нищих мужеска и женска полу». Позже, с 1804 года он использовался как рыночная харчевня, а потом в нем находилась кухня Вятского батальона. Разобран в 1839 году.

Дом гостиной сотни купца и заводчика Григория Вяземского. Метрах в трехстах за городской стеной хлыновского посада по древней Никитской улице с разрешения преосвященного Дионисия «тщанием и иждивением гостиной сотни купца Григория Михайловича Вяземского» в 1718 году была построена каменная Владимирская церковь. Место у перекрестка современных улиц Карла Маркса и Молодой Гвардии, где стоит пятиэтажный дом с ателье «Кировчанка», с начала XVII века принадлежало роду Вяземских: Семейке (1628 год), Оске (1646 год), потом Вяземскому Мишке и его сыну Григорию. Здесь и был построен двухэтажный каменный дом. В 1729 году на речке Большая Кирса, на землях Верховятского монастыря он основал железоделательный завод. О доме Вяземского в пригородной слободке документы сохранили очень мало сведений. В 1771 году «по владенному указу» дом стал собственностью купца Семена Прозорова, через неделю куплен чиновником Ветехиным, а в 1799 году принадлежал золотых и серебряных дел мастеру Андрею Двойнишникову. В акте покупки он назван «старым». Старожил Вятки купец А. Е. Рязанцев в своих воспоминаниях указывал, что дом разобран около 1863 года. Ни чертежей, ни фотографий, ни словесных описаний. Только на подтвержденном в 1784 году плане города показан черный прямоугольник дома на площади Владимирской церкви. О времени постройки дома ника-

¹ ГАКО. 630-8-295.

² ГАКО. 582-50-4, л. 65.

ких сведений нет. Возможно, он был построен и одновременно с церковью, но более вероятно, что в период между 1718 и 1729 годами, когда постройка храма была окончена, а хлопоты, связанные с постройкой завода, еще не начинались.

В русской строительной практике издавна существовал обычай строить «по образцу», «по подобию». Начиная строительство домов из нового материала — кирпича — мастера каменных дел и заказчики вполне естественно обратились к привычному плану крестьянской избы и обычному на севере типу избы на подызбице, роль которой перешла к каменному подклету-погребу. Можно сказать, что в Хлынове строительство каменных жилых зданий начиналось с «погребов» еще в 1676—1683 гг. в кремле на архиерейском дворе, а в начале восемнадцатого века и на посаде (питейная изба, дом Толмачева). Позднее, к середине века зависимость от форм деревянного зодчества если и не исчезает совершенно, то сильно ослабевает.

А. А. Тиц в серьезном и обобщающем труде «Русское каменное зодчество XVII века» поместил карту-схему распространения каменного жилого зодчества в Русском государстве XVII века. К сожалению, мы видим на ней на месте Вятской земли только обширное белое пятно в плотном кольце городов, в которых факт каменного строительства был известен: Казань, Чебоксары, Нижний Новгород, Кострома, Ярославль, Вологда, Великий Устюг, Соликамск, Новое Усолье, Кунгур. Вятка оставалась страной неизвестной, неизведанной. Терра инкогнито. Теперь мы могли бы показать на карте кружок с надписью «Хлынов» и поставить рядом несколько значков, помеченных XVII и XVIII веками.

А. Г. ТИНСКИЙ

АРХИТЕКТУРА ГРАЖДАНСКИХ ЗДАНИЙ СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА

Дом берг-коллегии медных заводов комиссара Ивана Васильевича Трапицына. В середине XVII века почти в самом центре хлыновского посада Спенцынскую улицу и Вознесенский переулок соединяла короткая и изломанная дорожка, не определившая еще своего окончательного положения, по сторонам которой слева и справа стояли редкие дома. Позже, когда на ее южной стороне появилась деревянная Воскресенская церковь, дорожка превратилась в переулок, который хлыновцы называли Трапицыным по имени поселившегося здесь еще в давние времена многочисленного семейства. В роду Трапицыных были ремесленники и купцы, зем-

ские старосты и архиерейские служители, заводчики и протоиереи, площадные подьячие и государственные чиновники, в большинстве любители книги и ревнители православия. Один из них еще в 1689 году построил чугуно-плавильный и железоделательный завод на берегу речки Чудовой, притоке Вятки. Наибольший след в истории Вятской земли и ее «стольного града» оставил Иван Васильевич Трапицын. Подьячий канцелярских сборов, он в возрасте 39 лет становится крупным государственным чиновником — комиссаром берг-коллегии медных заводов обширного приуральского края. В 1730 году на речке Таишевке, у деревни Кукмор он ставит собственный медеплавильный завод. Владеет несколькими мельницами и винокурнями, на которых работают 56 «срочных» работников. Принимает участие в постройке и обустройстве каменного здания Воскресенского собора в Хлынове. Покупает соседнее дворовое место и передает его собору. Расширяет за счет скупки участков свое родовое место до 6500 квадратных метров и один из первых в городе строит каменный дом, в большом зале которого после 1815 года любители сцены ставят и смотрят первые спектакли.

Дом И. В. Трапицына с каменными одноэтажными службами показан на плане 1759 года в шести саженях от стены Воскресенского собора — такой была ширина Морозовской улицы, вобравшей в себя древний Трапицын переулок. Сохранилось подробное описание дома и снятые с натуры план усадьбы, планы этажей и чертеж фасада, выполненные Ф. М. Росляковым (рис. 93). Каменные постройки не сохранились — были разобраны в начале 1820-х годов. Тем ценнее для нас материалы Рослякова, подробнейшим образом рассказывающие о том, как устраивали каменные жилые дома состоятельные горожане Вятской провинции первой половины восемнадцатого века¹.

Дом двухэтажный, каменный, без подвала. Над первым этажом — своды, над вторым — балочное перекрытие. Полы дощатые везде, кроме сеней и двух комнат первого этажа, вымощенных кирпичом и опочным камнем. Крыша тесовая, в двоегес со скалою, устроена «в желобья», с навесными деревянными желобами. Двери филенчатые только в парадных и господских комнатах, в остальных — гладкие, плотничной работы. Потолки оштукатурены с карнизами только в зале, прихожей и гостиной, в остальных комнатах обтянуты холстом и побелены. Стены обтянуты шпалерами. В первом этаже везде побелка «в стенах и сводах», без штукатурки, по кирпичу, кроме одной, господской комнаты, которая оштукатурена. Второй этаж — господский, парадный. На него ведет широкая внутренняя лестница. Всю южную сторону дома занимают гостиная

---

² ГАКО. 176-76-355 и ГИАЛ. 1488-1-830.

(ее называли «аванд-гостиной») площадью около пятидесяти квадратных метров, а по сторонам ее — два зала. На этом же этаже кабинет, спальни, уборные, девичья комната, гардероб, буфет. Этаж спланирован так, что пространство комнат, составляющих короткие анфилады, как бы перетекает одно в другое; дом можно обойти по кругу.

Фасад расчленен широким поясом-карнизом на две равные по высоте части. Второй этаж (по чертежу Рослякова) декорирован только рамками наличников и угловыми пилястрами. В пределах первого этажа — кирпичные «рамочные» лопатки, только один раз встретившиеся в Хлынове; положение их не соответствует ни внутренним стенам, ни ритмическому ряду. Такие лопатки, только на два этажа, можно было встретить на каменных домах, еще недавно существующих в Вологде (ул. Пушкина, 22) и Москве (дом причта в Заяицком переулке, 4)¹. Окна в прямоугольных кирпичных рамках, разные по размерам. Парадный подъезд с балконом над ним, устроенный, вероятно, в последние годы восемнадцатого века.

Точная дата постройки дома Трапицына неизвестна. Известно только, что вдова И. В. Трапицына продала дом Вятской провинциальной канцелярии в 1749 году². Тогда кровля была уже в ветхом состоянии. По-видимому, временем постройки дома можно считать начало сороковых годов XVIII века.

Со времени покупки дома и до 1780 года в нем размещалась провинциальная канцелярия; две небольшие каменные постройки на дворе занимали «колодничьи казармы». С открытием наместничества дом и все хозяйственные постройки заняло наместническое правление. После постройки двух зданий губернских присутственных мест в бывшем доме Трапицына несколько лет жили вице-губернаторы. Дом начал разрушаться. Дожил «до изгоя» и в начале двадцатых годов девятнадцатого века был снесен. План усадьбы имеет форму многоугольника, полностью соответствующего средневековому городу (черт. 94).

Каменные палаты духовной консистории. Приехавший, наконец, в 1844 году в Хлынов по указу сената от архитекторов Мичурина и Бланка гезель архитектуры Тихон Иевский освидетельствовал состояние всех построек архиерейского дома. Определив, что следует немедленно разобрать до фундаментов и выстроить заново, а что починить, он составил необходимые проекты и сметные

¹ Белецкая Е. и др. Образцовые проекты в жилой застройке русских городов XVIII—XIX вв. Москва, Стройиздат, 1961.

² Никитников Г. Историко-статистическое описание Воскресенского собора в Вятке. Вятка, 1869, сс. 89—91. Указ государственной камер-коллегии с разрешением на покупку дома был подписан только 11 ноября 1754 года, а деньги выплачены в 1755 г.

рописи. На следующий год сенат утвердил его представление, но разрешил епархии истратить за три последующих года только 1584 рубля и 2 копейки — «к строению... каменного здания на первый случай только толикого числа покоев, без чего необходимо пробыть невозможно». На эту сумму тогда же была начата постройка двухэтажных каменных палат «о шести покоев в каждом этаже» для казенного приказа и консистории, прежние палаты которых развалились. Досмотр за постройкой вел находившийся «на пропитании» в Успенском монастыре поручик Петр Вестов, сведущий в фортификации. Дело шло медленно, растянулось на годы, поскольку «вотчинные крестьяне почти все отперлися... от послушания дому архиерейскому», и к 1752-му году успели только-только закончить кирпичную кладку. В «пожарное время» архиерейский дом выгорел. От пожара удалось отстоять только недостроенное здание консистории и казначейского приказа. К осени сумели закрыть его тесовой крышей, и в новом здании поселился архиерей, каменные палаты которого лежали в развалинах, а приказ временно разместили в мужском монастыре. В последующие годы к зданию делали пристройки, надстройки, перестраивали по частям, приспособляли под новые нужды и, увеличив его втрое, в тридцатых годах XIX века превратили в квартирный дом. Первоначальный вид консисторских палат можно представить себе только по сохранившемуся рисунку пером, который сделал семинарист Петр Анисимов в 1802 году. Под названием, которое дал ему автор, — «Вид зданий с главной торговой площади города Вятки», рисунок сохранился до сих пор. Двухэтажное здание консистории с дюжиной окон на фасаде виднеется за архиерейским выездом (рис. 117).

Здание построено из большемерного кирпича, отобранного при разборке архиерейских палат семнадцатого века. Первый этаж, как и подвал, перекрыт цилиндрическими и котловыми «на четырех парусах» сводами, второй — балочным деревянным настилом. Конструктивную основу здания составляют перекрестные каменные стены. Между кладкой первого и второго этажей — уступ, архитектурными средствами не обработанный. Первый этаж совершенно лишен декора и воспринимается не иначе, как подклет. На стенах второго этажа выявлены следы профилированных кирпичных наличников «ушастого» типа, характерных для барочной архитектуры середины века. Два пояска в виде необработанных кирпичных полочек, одна из которых на полметра выше уступа, а вторая — настолько же ниже венчающего карниза, плоские поэтажные лопатки и кирпичный карниз напуском трех рядов кладки составляют сейчас весь арсенал архитектурных деталей фасада.

После муниципализации здания, с 18 марта 1918 года палаты консистории были заняты Вятским Советом солдатских и рабочих депутатов, губернским военным комиссариатом, классами про-

мысленно-экономического техникума, а после 1933 года переоборудованы под квартиры. Это самое старое из числа сохранившихся здание на территории хлыновского кремля, живой и бесценный памятник истории.

Дом секретаря Вятской провинциальной канцелярии Аверкия Перминова. В сороковых-пятидесятых годах XVIII века город Хлынов был административным центром Вятской провинции, входившей в состав Казанской губернии. Ведал делами провинции воевода-правитель, которому подчинялась провинциальная (в просторечии — воеводская) канцелярия, во главе которой стоял секретарь. Должность эту занимал бывший солдат Вятского полка из деревни Золотухинской Великорецкого стана Аверкий Перминов. В его полном распоряжении была комиссия приказных дел, канцелярия подушных сборов, следственная комиссия, крепостные дела¹, две воинские команды в составе 36 человек — вся военная сила. Злоупотребляя служебным положением, он заставлял крестьян обрабатывать свои поля, отбирал имущество, брал взятки, за бесценок скупал или обманом отнимал крепостных людей². Брал подряды на поставку вина. Торговал в Казани. Владел угодьями, бумажной фабрикой на речке Чахловице в Вятском уезде, на которой работали крепостные. Была у него и деревня в Яранском уезде и еще одна под Казанью.

Двухэтажный каменный дом с подвалом на древней Никитской улице Перминов построил, как считалось, вскоре после пожара 20 июля 1752 года, когда выгорел почти весь город. Выстроенный почти за три десятилетия до утверждения регулярного плана города вблизи торговой площади дом и сегодня остается единственной приметой стародавной планировки городского посада. Дом отнесен от красной линии в глубину обширного усадебного места, образуя «передний двор», привычный для древнерусских городов, и несколько развернут в плане окнами в сторону фруктового сада и — вдали — Успенского собора мужского монастыря (черт. 97). Его южный фасад еще и сегодня в какой-то степени сохранил свой древний облик. В первой половине прошлого века он казался «громадным и неуклюжим... один вид которого внушал суеверный страх», подкрепленный, наверное, рассказами старожилов, что в свое время подручные воеводы пытали «воров» в его ныне засыпанном подвале, где раньше якобы видели вделанные в потолок кольца «дыбы» и ниши в стенах «для жаровенных пыток» (рис. 96).

¹ Крепость — документ, выданный судебным местом на владение собственностью.

² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Собрание сочинений в 15 томах. Том 12, сс. 101—105. Москва, 1964.

По внутренней планировке дом уже не походил на крестьянскую избу. Он был вполне городским. В начале восьмидесятых годов XVIII века, когда дом приобрел в собственность наместник Степан Жихарев, узкие окна его, закрытые слюдяными окончинами, были расширены, слюда заменена стеклом. Тогда дом не имел еще внутренней лестничной клетки — лестница была пристроена к наружной стене. К внутренней штукатурке стен и потолков прибегали редко, чаще обтягивали их сукном или беленым холстом. Двери филенчатые, столярной работы, навешивали только в парадных комнатах; остальные двери из сплоченных досок делали плотники.

Прототип дома Перминова можно найти среди «образцовых» проектов Комиссии о строении Санкт-Петербурга 1737 года. Известно, что в провинции столичные проекты подвергались основательной корректировке. В отличие от «образцового» проекта дом Перминова поднят на высокий подклет, по длине сокращен на четыре окна, а фасад дополнен плоскими пилястрочками (только для второго этажа) и наличниками «ушастого» типа, от которых остались следы.

За свой долгий век, при каждой перемене владельца дом Перминова «приспосабливали» к его новому назначению. В нем жили наместники, губернаторы, размещались убогие и инвалиды приказа общественного призрения, работала суконная фабрика, размещалась мужская гимназия, полицейская часть, детский приют, городской пожарный обоз, трактир, ломбард, телефонная станция, столовая и химчистка. Капитальной перестройке дом был подвергнут в 1903—1904 годах, когда по проекту городского архитектора инженера Э. К. Нюквиста осуществлена перепланировка второго этажа, пристроены два трехэтажных крыла, а над вторым этажом устроена мансарда. Найти дом можно в глубине участка, между улицами Дрелевского (№ 10а) и Герцена. Его древний юго-восточный фасад в ужасном состоянии и давным-давно ждет реставраторов. Это памятник архитектуры середины XVIII века.

Мы знаем сейчас, что каменное строительство жилых домов в Хлынове в середине XVIII века велось более широко, чем считалось раньше. На смену трехчастным зданиям пришли дома «городской» планировки с большим числом комнат. Мастера каменных дел перестали устраивать каменные своды над вторыми (наземными) этажами, перекрывая даже пятисаженные пролеты деревянными балками. Расположение окон на фасаде приобретает ритмику, фасады получают центр, подчеркнутый нечетным числом оконных проемов, ризалитом, мощным фронтоном. Используются впервые «образцовые» проекты. Но остается прежней планировка улиц и не сделан еще один шаг к выдвиганию домов из глубины усадьбы на красную линию улиц.

Строительство нового Кафедрального собора в 1760—1772

годах под руководством архитекторов из школы Ухтомского привело к резкому скачку в производстве кирпича, стало настоящей школой подготовки местных мастеров-каменщиков. Появление первых железоделательных заводов обеспечило строительство изделиями из чугуна и железа. Так постепенно к концу века создавались условия для массового строительства из кирпича на основе высочайше апробированных «образцовых» проектов.

А. Ю. КАПТИКОВ

КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР В ХЛЫНОВЕ

До сих пор речь шла о традиционной ситуации, когда мастера, конечно, с учетом «образцов», а подчас и примитивных планов, набросков деталей, совмещали в себе автора-зодчего и подрядчика-строителя. Однако еще в 40-х гг. XVIII в. вятские духовные власти (кстати, раньше, чем светские) ощутили потребность в специалисте-архитекторе. По просьбе епископа Варлаама, добивавшегося «из Москвы или другого какого города искусного архитектора и доброго гезеля (помощника — А. К.), сенат в 1744 г. направил в Хлынов «гезеля» Тихона Иевского¹. Осмотрев «ветхости» Кафедрального собора и архиерейского дома, он составил смету на их «возобновление».

Иевский изучал архитектуру у видного московского зодчего И. Ф. Мичурина. Его товарищем по обучению был Дмитрий Васильевич Ухтомский, который затем, после отъезда Мичурина в Киев, занял положение ведущего архитектора Москвы. Помимо ряда замечательных построек (Красные ворота, колокольня Троице-Сергиевой Лавры), заслуга Ухтомского — в организации первой в России архитектурной школы или, как ее называли, «архитекторской команды». Питомцы Ухтомского часто командировались в провинциальные города. При этом не терялся контакт с учителем. Как писал о них в 1761 г. сам Ухтомский: «... в ведомстве моем состоят и по требованиям от них... подлежащие чертежи и наставления от меня к ним посылаются». Тут имелся в виду и Хлынов, где началось сооружение нового Кафедрального собора.

В марте 1760 г. в Хлынов прибыл определенный к строительству сенатским указом «архитектурии поручик» Иван Григорьевич Кутуков. Он был принят в «команду» Ухтомского восемью годами ранее, из Морской академии. Находился на постройке Головинского дворца, наблюдал за строительством Красных ворот и здания

---

¹ Иногда неправильно именуется «Невским».

Медицинской конторы. Ездил в г. Дмитриевск (ныне Камышин), для которого исполнил проект церкви Петра и Павла.

У епископа Варфоломея уже имелись кем-то (Т. Иевским?) составленные план и фасад будущего собора, которые он незадолго до этого послал «для рассмотрения» Ухтомскому. Тем не менее, когда Кутуков, согласно инструкции, немедленно затребовал сведения, «какие строения именно производиться будут и тем строениям сочиненные планы, фасады и профиль и окуратный план положения места», ему предложили самому, «смотря по прежнему месту... план и фасад с новых кунштов сочинить, как ваше благородие за наилучшее и красивее разсудить соизволите».

По какому же проекту велось строительство собора? Документальные данные довольно противоречивы. С одной стороны, в письме Ухтомского архиерею от 12 ноября 1763 г. сообщается: «... на строение новостроящейся соборной вашей церкви господином Кутуковым сочиненной фасад и профиль разсматривал, по которому холодную церковь с алтарем с мезонином советую Вашему Преосвященству... и производить, чем оной учинить изволите наилучшее великолепие, о чем господину Кутукову от меня наставление в том и дано». Однако три года спустя в донесении соборного причта в Коллегию экономии сказано, что Кутуков «тое строение по апробованному его командиром и главным архитектором князем Дмитрием Васильевичем Ухтомским плану, фасад и профилю и производил, токмо против чертежей и прибавлен один мезонин на холодной церкви»¹. Выходит, в основу был положен вышеупомянутый первоначальный проект, лишь несколько измененный Кутуковым с одобрения своего учителя.

Есть указания на непосредственное авторство Ухтомского. В 1756 г. преемник Кутукова, обучавшийся в той же «команде», Семен Иванович Заикин, обязался «собор к совершению привести по опробованным чертежам, которые сочинены и подписаны архитектором князь Дмитрием Васильевичем Ухтомским со всем украшением, как значит в фасаде и профиле». А вот слова из другого письма Ухтомского епископу Варфоломею: «... по опробованным и данным от меня (разрядка наша — А. К.) собору и дому планам и фасадам...» Но это относится, по-видимому, к внутренней отделке собора и сооружавшемуся одновременно новому архиерейскому дому.

Так или иначе, проект собора неоднократно рассматривался Ухтомским и дорабатывался согласно его указаниям. Знаменитый архитектор был хорошо осведомлен и о ходе работ. Кутуков по меньшей мере дважды выезжал к нему в Москву. В первый раз —

---

¹ Под «мезонином», возможно, следует понимать фронтоны в завершении стен собора.

в конце 1760 г. «о некоторых одного строения сумнительствах... доложить». Вторично — по окончании сезона 1763 г., чтобы «о окончательном Святотроицкого собора строении... просить от него некоторого наставления» и заодно хлопотать о выдаче задерживаемого Штатс-конторой жалованья¹.

Возглавляя строительство, Кутуков весьма недоверчиво относился к поставляемым материалам и квалификации вятских каменщиков. Летом 1761 г., перед тем как приступить к возведению стен и столбов, он забраковал значительную часть заготовленного кирпича и выдвинул требование «заблаговременно тот весь кирпич... приказать посортно разобрать». Последовавшее распоряжение епископа, дабы строители «из сараев кирпич брали доброй, а худой откладывали в тех же сараях особо», для присмотра над чем был назначен архиерейский каменщик Василий Левашов, не удовлетворило Кутукова. Он доказывал, что «приносимый работными людьми к строению кирпич каменщикам... разбирать и прочь откладывать никак уже невозможно для того, чтобы каменщики в кирпиче качество не все знать могут».

Этот спор обострился в сезон 1762 г., поскольку духовные власти, не желая тратить время на переборку кирпича, допустили, чтобы «изнутри и снаружи край стен, а столбов все клали из нового доброго кирпича, а в середину стены употребляли б кирпич, каков в приутовлении... есть без выбору, ибо в середине стены опасности от того никакой не признавается». Подобный способ кладки, в общем-то обычный для вятских построек, казался столичному зодчему совершенно неприемлемым. Кутуков доказывал, что «в таком случае хорошей кирпич от стен отпучить может».

Встретив такую принципиальность, духовенство собора обратилось к архиерею. Главным контраргументом был местный строительный опыт: «... не только в здешнем... городе Хлынове, но и во многих епархии... местах церкви построенныя каменные из давних лет, другая же строящиеся вновь не по архитектуры, но по простым каменщиков работам, которых на строение кирпич приутоwiamy бывает против заготовленного к строению Святотроицкого собору равно, почти еще за недостатком к выжегу одного кирпича дров едва ль и не хуже, однако повреждения тем церквям никакого нигде не слышно». В итоге епископ Варфоломей велел «на строение одного собору, по примеру протчих в Вятской... епархии

---

¹ Ухтомский, тогда уже отстраненный от руководства «архитекторской командой», продолжал помогать своим воспитанникам даже в личных их нуждах: «... что же принадлежит до него, господина Кутукова, о принадлежащем до собственного его благополучия, то я в том стараюсь, но токмо ему должно взять терпение, для некоторых обстоятельств всего нашего корпуса» (письмо епископу Варфоломею от 12 ноября 1763 г.).

строившихся церквей, кроме одних у стен, снаружи и изнутри, краев и столбов, кирпич употреблять, какой в приуготовлении есть».

Перед сезоном 1763 г., когда намечалось вывести своды теплой церкви, Кутуков заявил, что «понеже здешние каменщики искусства хорошаго знать не могут и столбов, перемычек и со оных сводов, контрибунов (барабаны куполов — А. К.) строением не в каких местах не производили, для чего от незнания в строении не учинилось б какой ошибки», необходимо подыскать на стороне «достойных и знающих мастеров». Однако ему отказали под предлогом, будто время для найма иногородних каменщиков упущено. Между тем знакомые нам «лутчие мастера Спиридон Редников с товарищи», будучи вызваны к архиерею, заверили, что берутся сделать своды «твердою и прочною работою». Присутствовавшему при этом Кутукову было затем предложено «оным каменщикам дать по архитектуреи ваше ясное наставление».

«Архитектуреи поручик» зорко надзирал за ходом работ. Случилось, что в 1763 г. тот же Редников, укладывая связи, «колышки на засов набивал чрезвычайно колотом и от того... снаружи между окнами средней пилястр разбил, отчего вниз по стене оказались разселины». Кутуков, к тому же опасаясь за свод, потребовал оштрафовать каменщика «и тот разбитой пилястр принудить его переделать немедленно».

Проведя на стройке пять сезонов, Кутуков осенью 1764 г., когда трапезная часть собора (теплая церковь) была закончена, покинул Хлынов. Отъезд мотивировался указом Сената, предписывавшим оставшимся за штатом «архитекторам и их командам явиться в Санкт-Петербург... в герольдмейстерской конторе». Но, зная требования Кутукова с заказчиками и подчиненными ему каменщиками, можно в этом усмотреть лишь удобный предлог¹. Во всяком случае, в Хлынов он больше не вернулся. Его место заступил в 1765 г. москвич С. И. Заикин, а в 1766-м — «архитектор Василий Ильин».

Окончание собора на два года задержала перекладка сводов холодного храма, что проделали под руководством Никиты Горынцева. На очередь встало сооружение колокольни. Как и для собора, архиерей мог воспользоваться чьими-то прежними проектами (существовала даже модель). Тем не менее он вступил в переписку с неким Алексеем Корнильевичем Шалагиным, который сделал планы фундамента колокольни и собирался «сочинить» остальные

---

¹ Вряд ли Кутуков мог, однако, пожаловаться на плохое содержание. Только за сезон 1760 г. оно, включая путевые расходы, вознаграждения «при закладе церкви», «при отъезде» и пр., обошлось архиерейской казне в 223 руб. 68 коп., тогда как лучшим каменщикам платили в месяц всего 3 руб.

чертежи. Однако в следующем, 1769 г., колокольню заложили по «планам и фасаде» и под присмотром еще одного ученика Ухтомского — «архитектурни сержанта» Алексея Бекарюкова. Как упоминалось, подряд на ее постройку получил Данило Тупицын, справившийся с работами уже без участия архитектора. В мае 1772 г. Кафедральный собор был освящен, вслед за чем состоялся торжественный обед в новом архиерейском доме.

Кафедральный собор (разобран в 1930-х гг.) напоминал в плане удлиненный крест. Основной объем завершался красиво скомпонованной группой из пяти восьмериков, несших купола с главками. Северный и южный фасады имели посередине увенчанные лучковыми фронтонами ризалиты, к которым примыкали паперти в виде портиков. Стены, прорезанные большими окнами с замками — рокайлями, были обработаны пилястрами и сочными картушами. В богато украшенной нижней части колокольни помещались церковь св. Симеона Столпника. Два яруса звона — прямоугольный и со слегка вогнутыми углами, декорированные по сторонам высоких пролетов колоннами, венчались вытянутым восьмигранником с часами и шпилем. Впоследствии колокольню, как и архиерейский дом, соединили с собором крытыми переходами, а весь комплекс обнесли оградой (фото 98).

Хлыновский Кафедральный собор может быть причислен к самым значительным барочным храмам, созданным в русской провинции.

Сооружение собора повысило мастерство местных каменщиков, способствовало усовершенствованию арочно-сводчатых конструкций, овладению лепными и штукатурными работами¹. Недаром строителям собора архиерей предоставил преимущественное право на получение заказов: «ибо оные находились здесь под смотрением архитектора и по указательству его дело производили порядочно».

Ну, а оказал ли Кафедральный собор воздействие на стилистику вятского зодчества? Только косвенное. Строители, бесспорно, расширили свой кругозор, непосредственно познакомившись с формами столичного барокко и будучи не прочь кое-что перенять. Тем более сказывалась привычка к «образцу». В колокольне церкви с. Быстрица, при всей наивности переработки, узнается прототип — колокольня Кафедрального собора. Но, естественно, особый интерес вызвала декоративная сторона. С тех пор внутри храмов

¹ Уже упоминавшийся Я. Пяткин и служитель архиерейского дома Никон Исаев подряжались в 1764 г. внутри теплой церкви «самою чистою и крепкою штукатурною работою подмазать и где подлежит протянуть тяги, также лепные промежду пилястры кронштейны и над окнами раки (рокайли? — А. К.) делать ... по сочиненному господином князем Ухтомским плану и показанию ... господина подпорутчика Заикина».

стены и своды стали украшаться «клеями» — алебастровыми картушами с причудливыми завитками, головками херувимов и т. п. Отличительные примеры и сейчас можно видеть в интерьерах церквей в селах Кстинино, Ошесть, Рябиново (фото 99). В отдельных случаях мотивы барочной лепнины выходят и на фасады. В наличниках Спасской церкви в с. Спасо-Талица (1765—1788)¹ верх рамок изогнут, вторя бровке — сандрику, а низ — как бы перевернутая бровка в сочетании с «ушами». Центральное окно вписано в мощный картуш, расширенный по сторонам наподобие того же «бровочного» изгиба. Нижняя часть обрамления вогнута, за счет чего приделан второй, малый картуш (фото 102).

В объемных построениях некоторых храмов (с. Вяз; переделанный в 1775 г. верх Иоанно-Предтеченской церкви в Хлынове) свод, прежде композиционно малоактивный, приобретает упругую кривую подъема. Заметно стремление превратить его в нечто вроде купола. Соответственно взамен обычных «полуглавий» — капризный излом всего завершения стены.

А. Ю. КАПТИКОВ

ПЕРЕХОД К СТРОИТЕЛЬСТВУ «ПО ПРОЖЕКТАМ АРХИТЕКТОРСКИМ»

Со второй половины 1770-х гг. духовные власти Вятки стали усиленно внедрять проектирование церковных и других, относившихся к их компетенции зданий. Это полностью отвечало правительственной политике в области строительства, стремившейся и на провинцию распространить принципы «регулярности» и «соблюдения во всем законного порядка». Но дело не в одном давлении свыше. К тому моменту возросли и запросы заказчиков. Показательно, что прихожане хлыновской Иоанно-Предтеченской церкви считали, что она «в прежния времена» построена низкой по недостатку средств, «а паче предвидится, что по незнанию архитектурских правил».

Назначенный в 1774 г. епископом Вятским и Великопермским Лаврентий Баранович, хотя и признавался, что «в архитектурском знании немного практики имел», начал активное вмешательство в организационную сторону строительства. В 1776 г. он приказал в переведенном из Уфы в Слободской Христорождественском

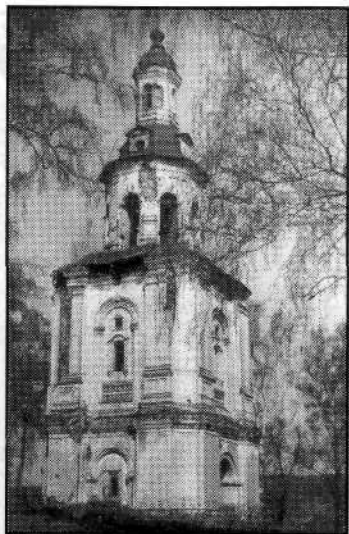
¹ Уже в 1777 г. эта церковь, как говорится в одном документе, «строением приходит в совершенство, также и колокольница», т. е. приближалась к окончанию.

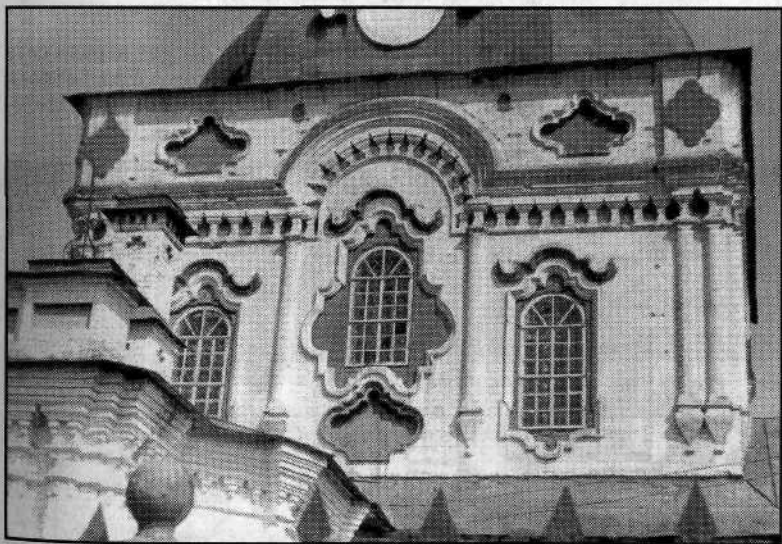
100. Деталь царских врат северного придела церкви села Чудинова. Резьба по дереву (1776—1776 гг.).

Снимок 1969 г.

101. Колокольня церкви села Ишлык, 1780—1784 гг. Архитектор В. Кафтырев. Снимок 1985 г.

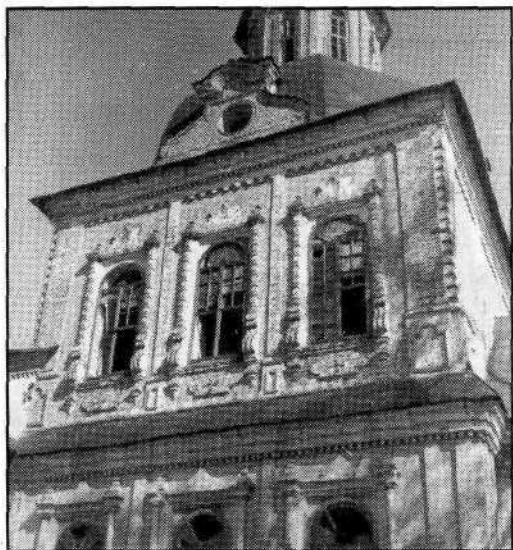
102. Фрагмент фасада Спасской церкви села Спасо-Талица, 1765—1788 гг.

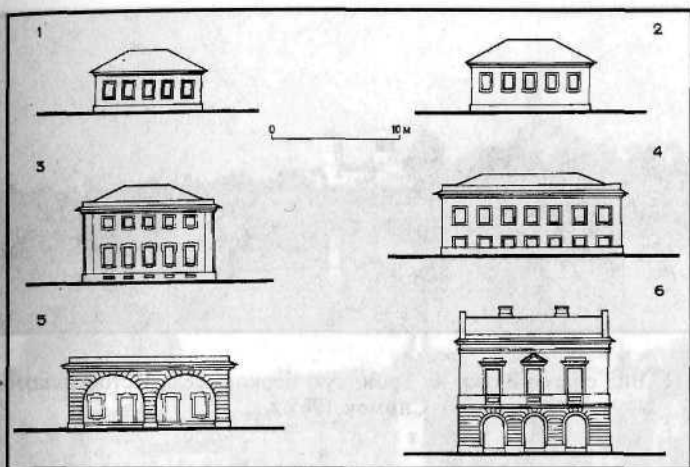
106. Спасская церковь села Архангельского, 1780—1791 гг.
Мастер М. Л. Злобин. Снимок 1970 г.

107. Петропавловская
церковь, 1786—1798 гг.
Построена мастером
Злобиным по образцу
и по рисунку Спас-
ской церкви села
Архангельского.

108. Троицкая церковь села
Сорвижи, 1773—1790-е гг.
Архитектор В. Кафтырев.
Снимок 1975 г.

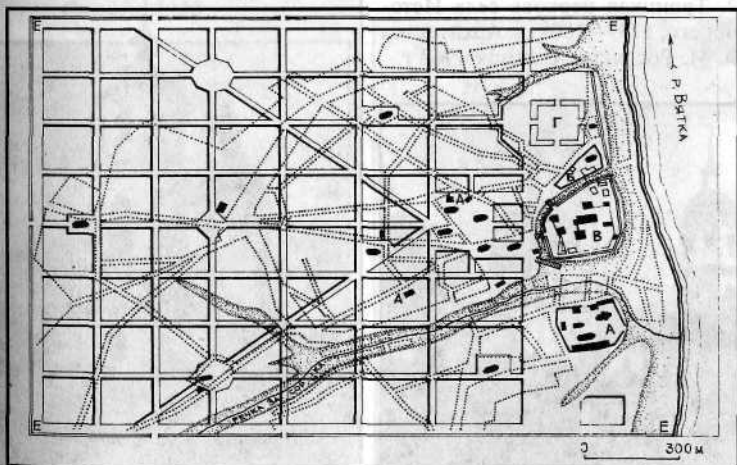

109. «Образцовые» проекты Комиссии о строении городов...» 1770-е гг.
Архитектор И. Лем.

1 — фасад № 5 «деревянными домам без каменных фундаментов в один этаж», 2 — фасад № 4 «деревянными домам на каменных фундаментах», 3 — фасад № 2 «каменным домам на погребах в один этаж с мезонином», 4 — «на каменных погребах в один этаж каменным или деревянным домам», 5 — фасад № 7 «торговым лавкам на первый случай в один этаж», 6 — «каменным домам с лавками».

110. «План Вятского наместничества городу Хлынову, назначенному быть губернским городом», 1784 г.

А — Успенский Трифонов монастырь, Б — девичий Преображенский монастырь, В — архиерейский дом, Г — место под строение казенного генерал-губернаторского дома и присутственных мест, Д — казенные строения, Е — вал и ров к ограничению города.

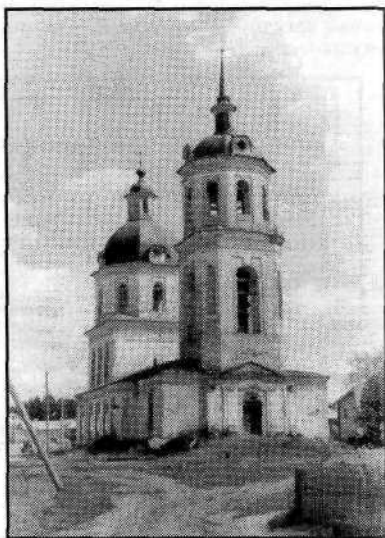

111. Вид с реки Вятки на Троицкую церковь села Истобенского.
Снимок 1965 г.

113. Ильинская церковь села Верховойского, 1800—1809 гг. Архитектор
Ф. М. Росляков. Снимок 1970 г.

112. Троицкая церковь села Истобенского, 1799—1808 гг. Архитектор
Ф. М. Росляков. Снимок 1969 г.

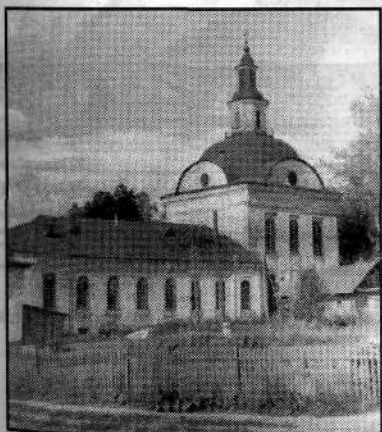

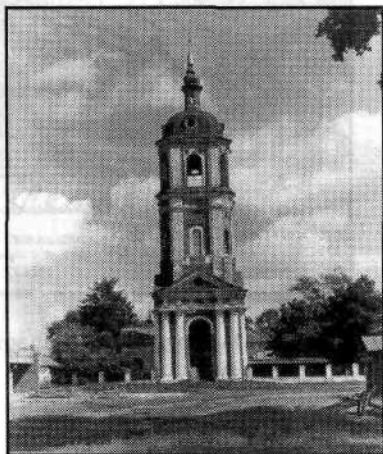

114. Благовещенская церковь села Васильевского (1795 — около 1803 г.).
Проект колокольни составлен Ф. М. Росляковым. Снимок 1970 г.

115. Богородицкая церковь села
Верхокосинского (Караул), 1790 г.
Архитектор Ф. М. Росляков.
Снимок 1970 г.

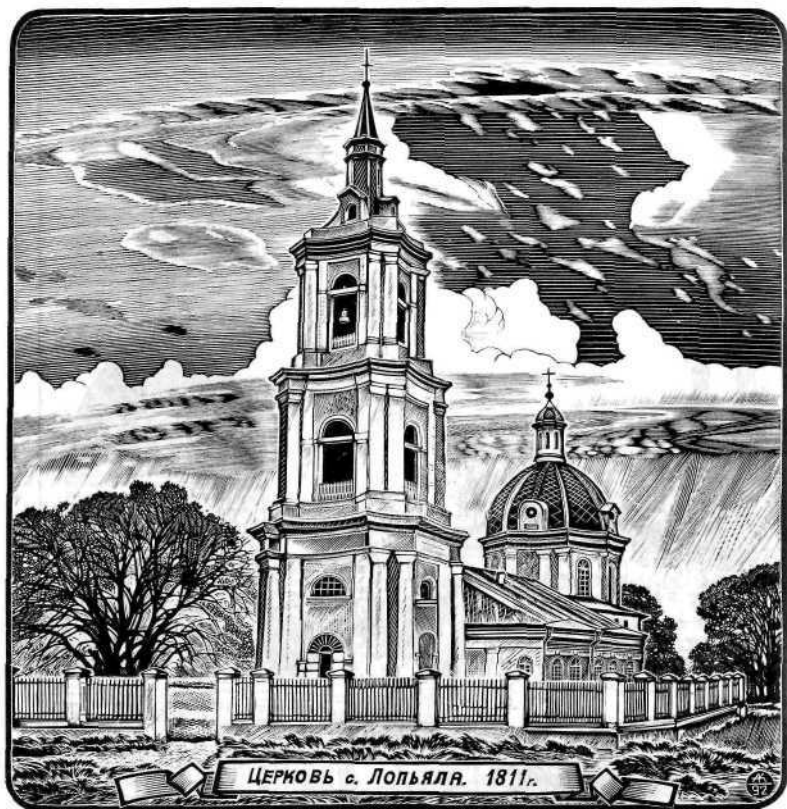

116. Колокольня (около 1796 г.)
церкви села Волково. Проект
архитектора Ф. М. Рослякова.
Снимок 1969 г.

117. Рисунок семинариста П. Анисимова «Вид зданий с главной торговой площади в г. Вятке». 1802 г. Реконструкция Л. Б. Безверховой.

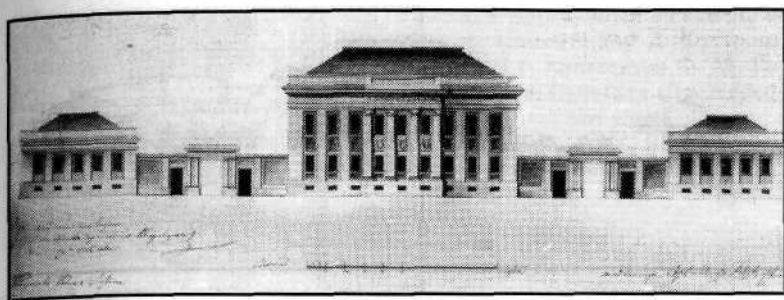

ЦЕРКОВЬ с. ЛОПЬЯЛ. 1811г.

118. Троицкая церковь села Лопьял, 1802—1811 гг. Архитектор Ф. М. Росляков. Гравюра А. М. Колчанова.

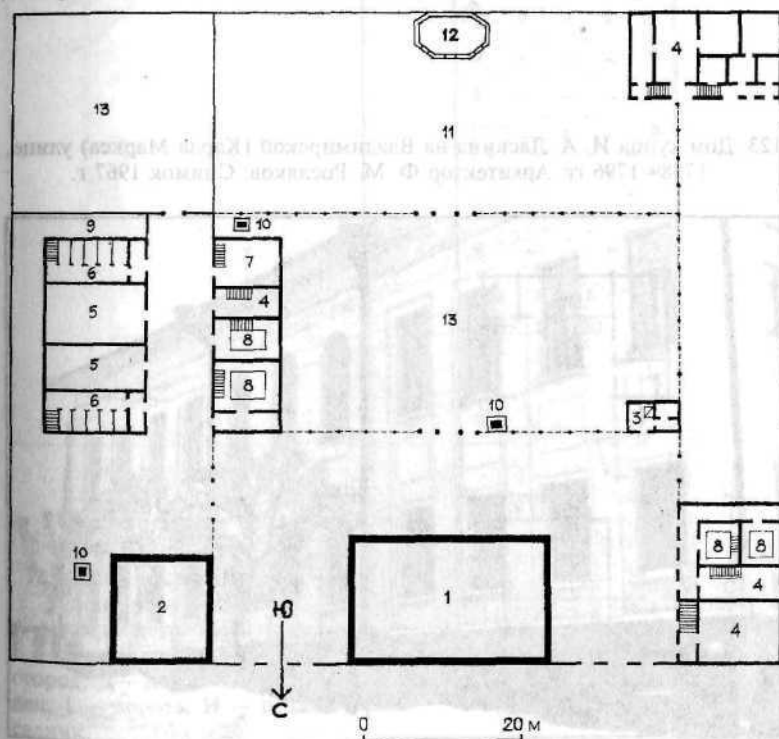
119. Одноэтажный корпус каменных лавок на Спасской (Дрелевского) улице, 1799 г. Архитектор Ф. М. Росляков. Снимок 1960-х гг.

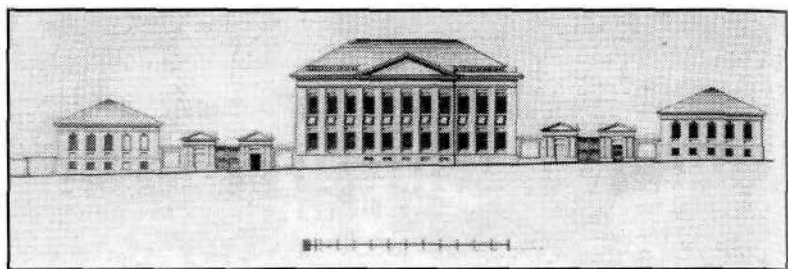

120. Дом и флигель купца Егора Хохрякова на Копанской (ныне улица Герцена, 50). 1792 г. Архитектор Ф. М. Росляков. Обмерный чертеж Н. А. Андреевского, 1816 г.

121. План усадьбы Е. Хохрякова на Копанской улице, 1792 г.
1 — двухэтажный каменный дом, 2 — флигель каменный, 3 — баня, 4 — амбары, 5 — каретник, 6 — конюшни, 7 — хлев, 8 — ледники, 9 — сарай для дров, 10 — колодец, 11 — сад, 12 — беседка, 13 — огород.

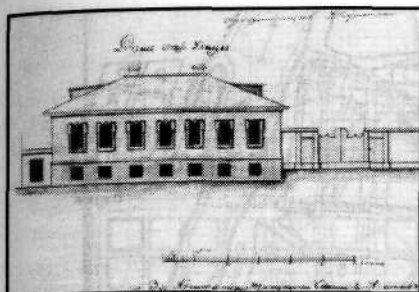

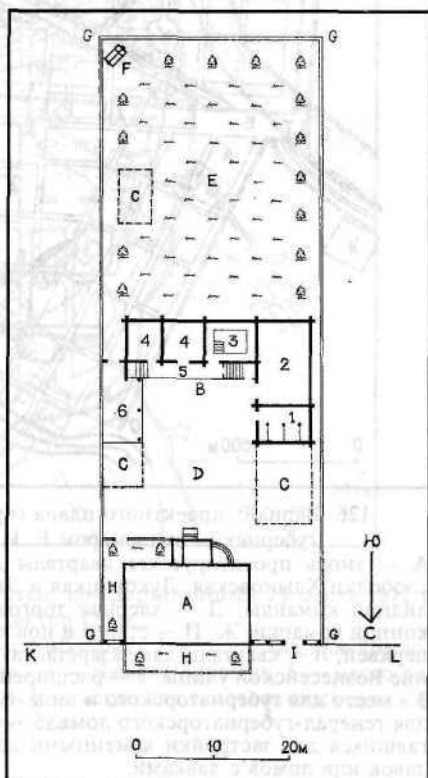
122. Усадьба Н. Л. и В. Л. Калининых, 1796 г. Фасад по Спасской улице (Дрелевского, 20). Архитектор Ф. М. Росляков. Обмерный чертеж архитектора А. Е. Тимофеева, 1834 г.

123. Дом купца И. А. Ласкина на Владимирской (Карла Маркса) улице, 1788—1796 гг. Архитектор Ф. М. Росляков. Снимок 1967 г.

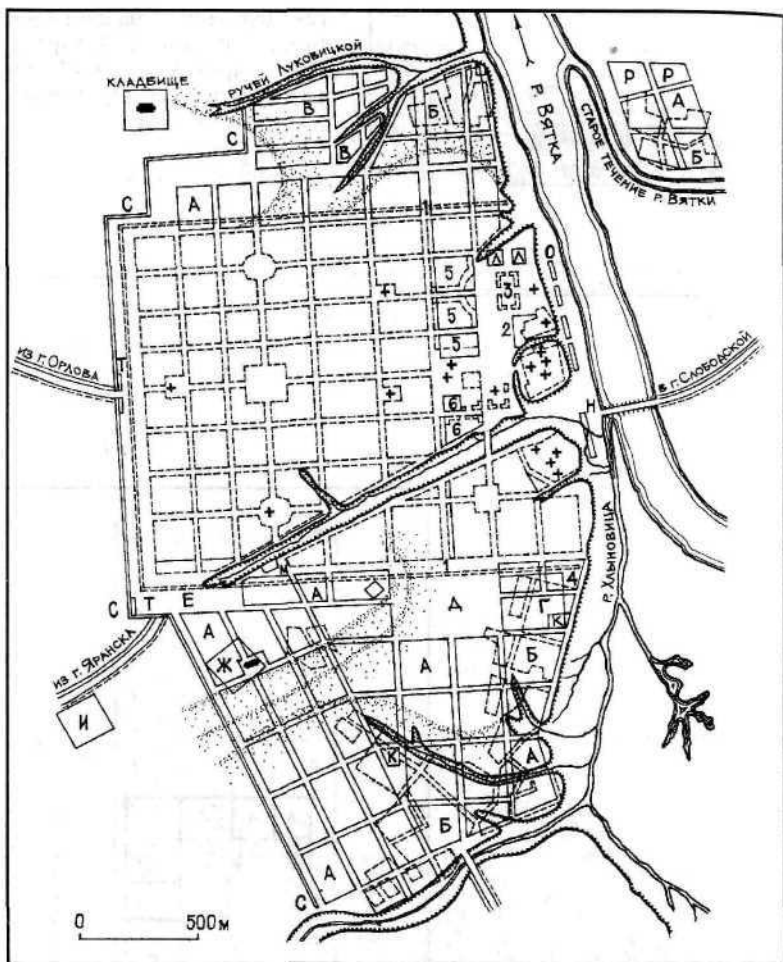

124. Деревянный на каменном фундаменте дом Д. Кочурова, 1798 г. Архитектор Ф. М. Росляков, Спасская (Дрелевско-го) улица.

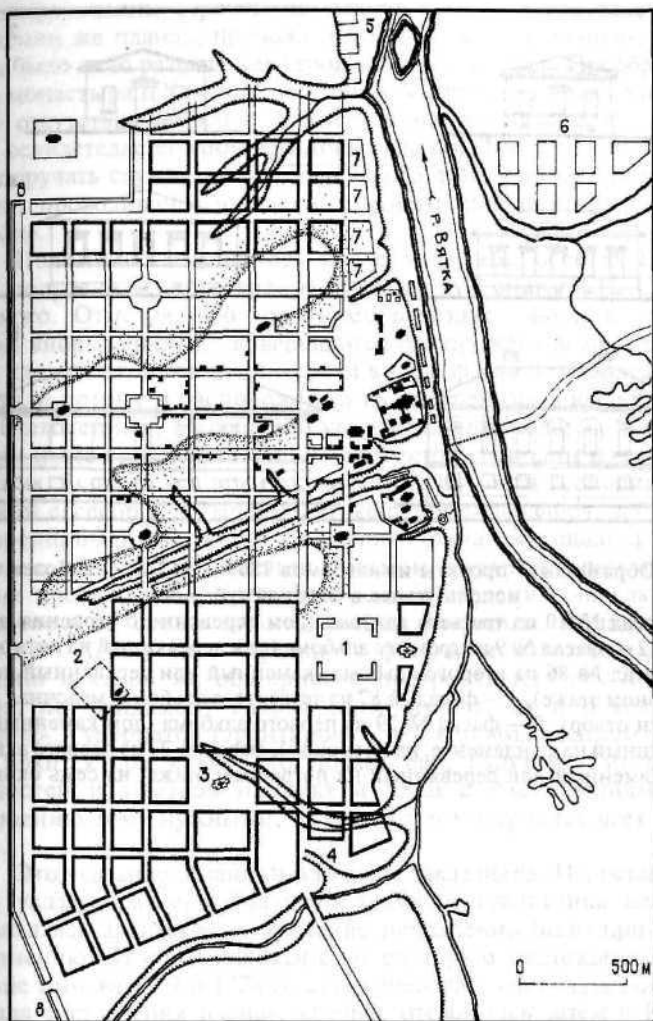
125. План места Кочурова по обмеру 1821 г.
 А — дом на погребном этаже,
 Б — службы деревянные, Е —
 огород, Д — двор, — — коло-
 дец, 1 — ворота, Н — пали-
 садник.

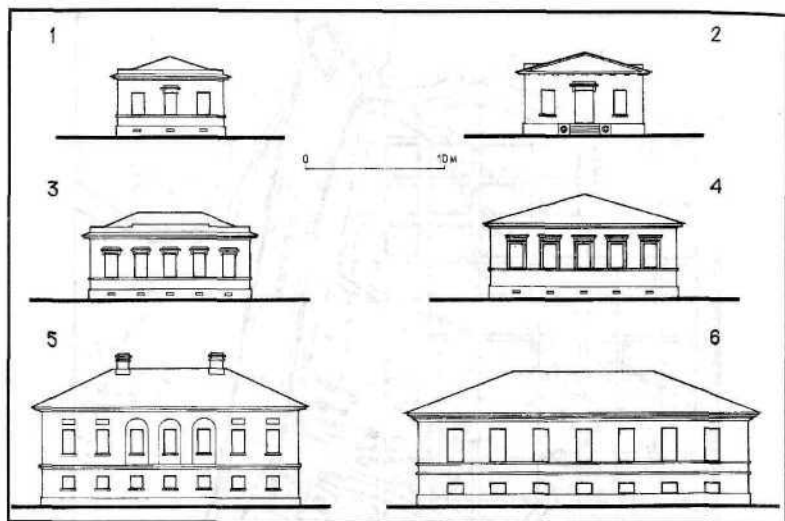
126. Вариант проектного плана города Вятки, предложенный губернским землемером Е. И. Родионовым в 1807 г.

А — вновь проектируемые кварталы для обывательских домов, Е — слободки Хлыновская, Луковичкая и Дымковская, С — кварталы инвалидной команды, Д — хлебная торговая площадь, Е — площадь для конной ярмарки, Ж, И — старое и новое место кладбища, К — места для церквей, Л — кварталы для лазарета, гаупвахты и острогов, 1 — расширение Вознесенской улицы, 2 — расширение Преображенского монастыря, 3 — место для губернаторского и вице-губернаторского домов, 4 — место для генерал-губернаторского дома, 5 — изменение кварталов, предполагавшихся для застройки каменными домами, 6 — места для каменных лавок или домов с лавками.

127. План губернского города Вятки, подтвержденный 23 марта 1812 г.
Архитектор Гесте.

1 — хлебная торговая площадь с амбарами, 2 — площадь для конной ярмарки, 3 — приходская площадь, 4 — Ямская площадь, 5 — место для кожевенных заводов и скотобоен, 6 — место для салотопенных заводов, 7 — места «для гошпиталей и прочего».

128. «Образцовые» проекты из альбомов 1809—1812 гг., наиболее часто используемые в Вятской губернии.

1 — фасад № 10 из третьего альбома (дом деревянного строения на три окна), 2 — фасад № 9 из третьего альбома (дом деревянный на пять окон), 3 — фасад № 86 из второго альбома (каменный или деревянный дом на погребном этаже), 4 — фасад № 87 из четвертого альбома (мелочная лавка на один отвор), 5 — фасад № 39 из первого альбома (дом каменный или деревянный на фундаменте, на пять окон), фасад № 23 из первого альбома (дом каменный или деревянный на погребном этаже, на семь окон).

монастыре «келии строить по плану, а не кто где захочет, о сочинении же плана... приложить всевозможное старание». Тогда же им было дано разрешение строить ворота и ограду Преображенского монастыря в Хлынове не иначе как «прежде зделав план». Но ввиду отсутствия связей с архитекторами составление планов и смет, освидетельствование культовых зданий Лаврентию приходилось поручать служителям архиерейского дома или членам консистории, проводившим это «с мастеровым каменного художества людьми».

Положение изменилось после того, как осенью 1777 г. было получено «сообщение» казанского губернатора П. С. Мещерского. Отмечая, что «не токмо в уездах... но и в городах здания вновь церквей... совершаются без прожектов архитектурских, следственно и к прочности и в виде фасад без надлежащих правил, а потому и расположении их внутренния в несоответствиях благолепию», Мещерский уведомлял епископа: «... в городе Казани ныне есть и настоящий архитектор господин надворный советник Яковлев и в архитектурской должности господин коллежский ассесор Кафтырев». Тут же рекомендовалось, дабы все, кто предпримет постройку каменного храма, обращались «персонально или чрез изъяснении письмом к архитекторам оным в Казане пребывание... имеющим», давая сведения, «в какой по возможностям своим длине, фасады широтою, общественно (вместе — А. К.) ли с церквию в фасады и колокольню, или отдельно и какой же обширности построить желают, и дикой камень на фундамент какова сорта имеют, да и о величине кирпича». Губернатор гарантировал, что «по объявлению тем от того архитектора коему кто подаст ево, будут без малейших трудностей и убытков прожект и план с наставлениями... к построению тому нужными, да и смету о материалах всех получать».

Это указание ограничивало волю заказчиков. Им оставалось лишь указать размеры будущего храма, а стилистика целиком доставлялась архитектору. Указание немедленно было принято к исполнению. От обратившихся в консисторию храмоздателей уже в конце того же 1777 и 1778 гг. стали требовать «прислать объяснение для составления плана», которое отсылалось затем в Казань воспитаннику все той же «команды» Ухтомского — Василию Кафтыреву. Жители с. Ишлыка сообщили о предполагаемых размерах колокольни, наличии камня и какой у них употребляется кирпич. Спустя девять месяцев в Кукарское духовное правление поступили «учиненныя господином... Кавтыревым сообразно правилам архитектуры гражданской план, фасад и смета материалам с наставлением надлежащим для отдачи благомыслителям» (фото 101). В некоторых случаях проект заказывался Кафтыреву и без посредства

духовных учреждений. Сорвижский диакон Федот Тимофеев просил в 1780 г. «для получения плана от находящегося в Казане главного архитектора в тот город... съездить дозволить».

Духовные власти не преминули воспользоваться услугами находившегося в 1780 г. в Хлынове «при строении наместнического дому» нижегородского архитектора Якова Ананьина (ранее — помощник прославленного И. В. Старова). Причтам и прихожанам сел Кумены и Суна, где намечалась перестройка храмов, указали пригласить его приехать и «учтивым образом о исправлении просить наставления, или плана... и по ево наставлению строение и производить». Ананьин побывал в Суне и дал необходимые консультации.

В этих условиях не могла не снизиться роль подрядчика. Достаточно почитать договор И. Коршунова в с. Бахта (1779). Он почти полностью сводится к чисто техническим вопросам. Не найти даже цифровых данных, поскольку, очевидно, имелся исполненный в масштабе архитектурский чертеж, которого надлежало неукоснительно придерживаться («по объявленному ему Коршунову рисунку размерять»).

Конечно, на деле бывало, что прихожане и нанятый мастер не следовали точно проекту, к тому же не совсем им понятному. Например, в 1783 г. до консистории дошло, что в Ишлыке «колокольня заложена не по рисунку, но пространнее с согласия всех того села священноцерковнослужителей с приходскими людьми, а не по одному... священника Ермила приказанию, какового... единому ему... и дать невозможно, ибо в рисунке силы он не знает, а положились они тогда... на подрядчика Данила Тупицына, и естли бы ширина и длина колокольни свыше рисунка ему Тупицыну была противна, то б он о том на них в то ж время мог просить где надлежит».

Отсутствие пока архитектурского надзора, малограмотность подрядчиков обернулись, как это ни парадоксально, лишь на пользу художественной стороне. Народные мастера многое переиначили на собственный лад. Имей мы возможность сравнить осуществленные постройки с проектами, разница, несомненно, оказалась бы довольно велика. Приведем целую группу памятников: Вознесенскую церковь (фото 95) в с. Русаново (1776—1791), Зосимо-Савватиевскую в с. Коршик (1777—1785), Николаевскую в с. Лобань (1780—1802), Спасскую в с. Архангельском (1780—1791), Петропавловскую в с. Петровском (1786—1798). В основе их, как и уже рассматривавшейся церкви с. Спасо-Талица, лежат, наверное, проектные чертежи. На это указывают рустованные углы четвериков, арочные, с плоскими «обводами» окна восьмериков и т. п. Но ряд деталей вряд ли мог так нарисовать даже провинциальный архитектор. Взять хотя бы пилястры церкви в Архангельском — «срощен-

ные» попарно по краям фасада и венчаемые миниатюрными лучковыми фронтонами средние (фото 106).

Изображенное на чертежах дало повод к очередной декоративной фантазии. К примеру, почти во всех перечисленных памятниках колонки наличников приобрели волютообразные консоли. У М. Злобина, на алтарях выстроенных им храмов в Архангельском и Петровском, эти элементы достигают подлинной скульптурности (фото 104, 105, 107). Существенно, что декор нового типа уживается с прежними мотивами — вплоть до жгутов — «кистей» в тимпанах наличников или уж вовсе архаичной аркатуры с гирьками (апсиды церкви с. Коршик). А в с. Петровском наличники четверика, несмотря на плоские завершения, имеют вместо колонок тяги из кирпичного набора, сто лет спустя близкого к тому, что делали И. Никонов и его друзья. Вот до чего крепки были корни самобытной вятской школы барочного зодчества!

Только в отдельных случаях строители придерживались «проектов архитектурских». Так было с Троицкой церковью (фото 108) с. Сорвижи (1782—1808). Этот очень вытянутый в длину храм и по своим размерам, и по архитектуре мог бы стоять в Москве, даже в Петербурге. Четверик холодной церкви, завершенный фронтонами и аттиком, несет восьмерик, перекрытый куполом с люкарнами. Западнее — огромная по площади, вмещавшая два придела, трапезная и притвор, соединяющий ее с колокольней. В оформлении фасадов главная роль отведена ордеру. Четверик, а также основной и придельные алтари, наделены тосканскими колоннами, «утопленными» в стене. Тонкие, вытянутые, они подчеркивают массивность колонн входных портиков. По сторонам притвора столь же тяжеловесные колонны образуют аркады — лоджии. На храмовом восьмерике колонны для большей эффектности расставлены по три. Пары колонн украшают верхние ярусы колокольни, в которых обыгран контраст выпуклого и вогнутого. Если этот прием, как и «сгущение» убранства на восьмерике — еще барочный, то использованные наряду с колоннами пилястры, суховатые карнизы с сухариками, наличники носят раннеклассицистический характер. В целом стиль сорвижского храма, прекрасного творения школы Д. В. Ухтомского на Вятке — переходный от барокко к классицизму.

Когда развertyвалась стройка в Сорвижах, духовные власти еще не возбраняли составление проектов, наряду с архитекторами, также и опытными подрядчиками. Известны многочисленные архиерейские резолюции 1783—1785 гг., позволявшие строить «по плану архитектурскому или искусных мастеров». Но затем эта компромиссная формулировка сменяется другой, четко разграничивающей функции архитектора и подрядчика: «...чтоб строение... производимо было по архитектурскому плану и фасаду и под

смотрением искусных в сем мастеров¹». А в 1786 г., после прибытия в Вятку первого губернского архитектора Ф. М. Рослякова, консистория издала указ, коим предписывалось «на строение каменных колоколен, церквей, иконостасов брать от архитектора планы и фасады... а подряды чинить с таковыми мастеровыми людьми, которые имеют в своем искусстве от архитектора надлежащее свидетельство, строение производить не иначе, как только по данным от архитектора чертежам и планам, а с неимеющими от архитектора свидетельства подрядов не чинить под опасением штрафа».

По мере того, как архитекторский контроль ужесточался, распространяясь не только на гражданские, но и на церковные здания, мастера окончательно теряли творческую инициативу, превращаясь в простых исполнителей росляковских проектов. Деятельность Рослякова ознаменовала уже принципиально новую страницу вятской архитектуры.

---

¹ Из резолюции епископа Лаврентия на прошении о постройке Покровской церкви в Сарапуле (1785).

А. Г. ТИНСКИЙ

ПРОЕКТЫ КОМИССИИ О СТРОЕНИИ ГОРОДОВ...

Имея уже почти полувековой опыт застройки городов, в первую очередь С.-Петербурга и Москвы, — по типовым проектам, во второй половине века правительство предприняло меры для его распространения на все прочие города России, перестраивая их по западному образцу на принципах «регулярного» строительства. Поводом послужила необходимость восстановления Твери, почти полностью уничтоженной пожаром 1763 года. Составление проектов регулярных планов городов, проектирование «образцовых» проектов и общее руководство перестройкой было возложено на годом раньше созданную Комиссию о строении городов С.-Петербурга и Москвы. Эта комиссия, исправно занимавшаяся делом до 1794 года, за 36 лет создала 416 планов губернских и уездных городов России, в том числе и для всех городов Вятской губернии. Сектор планировочно-архитектурных работ возглавлял архитектор Иван Лем (он же Лейм или Лемм). Им и были подписаны те «образцовые» фасады, которые присланы в Вятку вместе с конфирмованным в 1784 году планом города.

«Образцовые» проекты составляли только из фасада; к ним не прикладывались ни поэтажные планы строений, ни планы участков, как это было раньше, при застройке Твери. Надпись на проектах разрешала дворовые фасады домов и внутреннее расположение комнат устраивать «по воле хозяев, какие кто пожелает». Впервые все проекты приводились к одному модулю (равному половине сажени) по высоте; для вариантов каждого из проектов устанавливался свой модуль по длине здания. Комиссия уже не предписывала, в каких кварталах города строить тот или иной тип зданий — это определял на месте губернатор.

Три первых фасада были разработаны на основе проектов, выполненных ранее для Твери. Фасад № 1 — «каменным сплошным или несплошным домам»¹. Этот проект содержал несколько вари-

---

¹ «Сплошные» дома — дома, рассчитанные на сплошную, без разрывов застройку улиц.

антов фасадов — с центральным ризалитом, с треугольным фронтоном и арочным проездом во двор или без ризалита, без фронтона и без проезда. В вятских городах он не нашел применения.

Фасад № 2 — «каменным домам на погребях в один этаж с мезонином». Напомним, что мезонином тогда называли дополнительный верхний этаж неполной высоты, который в самые последние годы века получил доньше сохранившееся название «антресоли»; его окна пониженной высоты казались «лежачими». Выражение «на погребях» означало, что основной этаж стоит на цокольном этаже, на традиционной северной подьизбице, тоже с «лежачими» или «погребными» окнами. Практически такой дом имел три этажа: погребной, основной и антресольный. Этот проект лучше всего отвечал вкусам и привычкам вятчей, использовавшим его на протяжении многих лет очень охотно. Длину такого дома по желанию можно было изменять в широких пределах — от трех до семи и больше окон по фасаду.

Фасад № 3 — «на каменных погребях в один этаж каменным и деревянным домам» — позволял строить и полукаменные дома на 4, 5 и 6 окон, на жилом или нежилом подклете. Они обходились дешевле, да и жилось в деревянных стенах как-то способнее и привычнее. Дома по фасаду № 3 строили горожане среднего достатка.

Фасад № 4 — «деревянными домам на каменном фундаменте». Это одноэтажный дом на «низком» каменном фундаменте, по длине ограниченный пятью окнами. Два деревянных этажа противопожарные правила строить не разрешали, и, выдавая застройщику проект, архитектор напоминал об этом, — «а деревянна в два жила отнюдь не строить».

Фасад № 5 — «деревянными домам без каменных фундаментов» предназначался для беднейшего населения посадов и городских окраин. Однако и в губернской Вятке, и в городах уездных и этот проект по стоимости дома оказывался недоступным для многих. Правила требовали, чтобы дом был обшит тесом, а накладными деталями и цветом создавал впечатление каменного строения.

Завершающая серию «образцовых» фасадов группа проектов представляла возможные варианты лавок и лавок с домами и предназначалась для торговых людей. Фасад № 6 — «каменным домам с лавками» — вариант двухэтажных секций длиной 6 сажен (на три окна), в которой лавка занимала первый этаж, а жилье — второй. Из таких секций можно было выстраивать гостинные ряды. Из них — но уже в начале следующего века — и были выстроены двухэтажные торговые ряды на Спасской улице Вятки.

Фасад № 7 — «торговым лавкам на первый случай в один этаж». По этому фасаду строили одноэтажные торговые ряды с открытыми галереями на древней торговой площади Вятки; на его основе был составлен проект торговых рядов и для города Слободского.

Фасад № 8 — «со временем надстроить и второй этаж» — предусматривал возможность надстройки в будущем второго этажа с торговыми помещениями (черт. 109).

Восемь предложенных проектов домов и лавок полностью отвечали градостроительным требованиям XVIII века. Однако они не удовлетворяли «неимущих разночинцев» и тем более городскую бедноту — бобылей, вдов, ремесленников, безвестных канцеляристов. В 1791 году, когда перестройка в полной мере коснулась и уездных городов, губернский архитектор Филимон Росляков разработал и предложил губернатору «два вида» проектов для неимущих горожан, «а тем паче вдов, сирот маломощных, которые по «примерным» проектам выстраиваться не могут». Это было требованием века¹.

Период деятельности Комиссии о строении городов в истории русской архитектуры вообще и в застройке, по подтвержденному плану 1784 года губернского города Вятки в частности, сыграл важную роль. Проекты, отобранные Комиссией, стали основой перестройки городов Вятской земли. Наибольшим спросом пользовались фасад № 2 (дом с антресольным этажом), фасад № 3 (дом «на каменных погребках»), № 4 (деревянные дома на каменных фундаментах), № 7 (одноэтажные каменные лавки). Застройка Вятки и уездных городов по регулярным планам начиналась в период утверждения русского классицизма, и единственный тогда в губернии архитектор перерабатывал «образцовые» проекты 1770-х годов в соответствии с изменившимися художественными вкусами конца века: усиливал акцент на оси симметрии, вводил ризалит, колонный портик, фронтоны, нечетное число окон на главном фасаде. Сводя к минимуму и упрощая декор, Росляков раскрывал красоту архитектуры в центричной композиции городской усадьбы, в ее регулярности и простоте, немыслимой вне регулярного города. Так была подготовлена почва для следующего этапа развития архитектуры вятских городов, завершающему периоду русского классицизма в провинции.

---

¹ Казанский архитектор Василий Кафтырев, учитель Рослякова, еще в 1774 году создал четыре варианта домов «для убогих граждан».

ПЕРВЫЙ РЕГУЛЯРНЫЙ ПЛАН ГОРОДА ВЯТКИ 1784 ГОДА

13 августа 1784 года указом Екатерины II был подтвержден (утвержден) «План Вятского наместничества городу Хлынову, назначенному быть губернским городом» (черт. 110). По этому плану городу отводилась территория в границах от современного Октябрьского проспекта до берега Вятки и от улицы Мопра до прямой, параллельной Орловской улице и отстоящей от нее на 85 метров к северу. Это был первый проектный план Вятки, построенный на принципах регулярности, геометрически правильного порядка, не принимающего во внимание реального сложно-пересеченного рельефа местности, глубоких оврагов и холмов. Мало того, что сам город получал форму прямоугольника с окаймляющими его с трех сторон «рвом и валом к ограничению города» (с четвертой стороны была река). В прямоугольник города вписывались прямоугольники кварталов, в свою очередь заполненные прямоугольниками дворовых мест. Прямыми, перпендикулярными друг другу улицами город делился на кварталы, вне которых оставались Трифонов и Преображенский монастыри да кремль. Западнее его предусматривалось устройство торговой площади с Вознесенским, Спасским, Воскресенским и Покровским храмами. За Преображенским девичьим монастырем отводилось место для постройки двух служебных корпусов губернских присутственных мест и двух жилых корпусов, предназначенных для губернатора и вице-губернатора. Еще трем площадям — без указания их конкретного назначения — следовало быть на поперечной Спенчинской (ныне Карла Маркса) улице. Небольшие по размерам площади устраивались у приходских церквей на бывшем посаде: Всехсвятской, Владимирской, Предтеченской, Знаменской, Стефановской, Пятницкой.

План предусматривал зонирование городской территории. Он указывал, какие из кварталов (в центре) следовало застраивать только каменными домами, в каких можно строить деревянные дома (на окраинах), а где наряду с каменными можно строить и деревянные, но на каменных фундаментах. Вредные промышленные производства следовало располагать ниже города по течению реки (кожевенные, мыловаренные заводы, скотобойни), зона складов («кладовые магазейны и анбары») размещались внизу, у реки против города. Кладбища, уже выведенные из жилой зоны, должны были отстоять от домов не менее, чем на сто сажен, а торговые ряды располагаться «в нарочитом расстоянии от жила».

Указывалось место для кузниц — «при въездах в город». Конечно, ни из Петербурга, ни из Нижнего Новгорода нельзя было предусмотреть все, и отдельные решения по плану города мог принимать на месте гражданский губернатор: определить назначение каждой из площадей, назначить места для трактиров, для солдатских и инвалидных команд, не выходя при этом из высочайше утвержденного плана. Но не было у них права, сообразуясь с местностью, хотя бы частично изменить размеры квартала, расширить или сузить улицу, поставить здание вне очерченных планом кварталов — это считалось изменением плана.

План был составлен Комиссией о строении городов, работавшей с 1762 по 1796 год в Петербурге. Она использовала план Хлынова, снятый с натуры в 1759 году комиссией по межеванию земель, и более поздние материалы, уточняющие тот план, подготовленные по поручениям генерал-губернатора (нижегородского А. А. Ступишина, а затем казанского П. С. Мещерского) местными геодезистами. Планировочные работы возглавлял архитектор Иван Лейб — его подпись и стоит на планах губернского и уездных центров губернии. Имея ситуационные планы старого города, архитекторы смогли при соблюдении регулярности общего решения плана найти возможность сохранить все каменные здания, к тому времени уже построенные по старому плану. Кроме каменных храмов на плане показаны общественные и обывательские каменные здания заводчиков Г. Вяземского и И. Толмачева, казначея Кононова, бывшего секретаря провинциальной канцелярии А. Перминова и комиссара берг-коллегии И. Трапицына, питейная изба и общественная богадельня у кремлевского рва. Проектируя уличную сеть, они приняли за базисные Московскую и Стефановскую улицы. На оси первой оказались колокольня Кафедрального собора на востоке и Всехсвятская церковь на западе, а на второй — Стефановская и Владимирская церкви.

При регулярном плане и застройка должна быть регулярной, подчиненной определенным правилам. Если раньше жилой дом мог занимать любое положение в пределах отведенного места, то теперь дома следовало ставить только по красной линии главных улиц, какими считались продольные улицы, идущие с востока на запад; улицы поперечные не застраивались, и на них выходили фасады хозяйственных построек и ограды. Длина участков равнялась половине квартала, а его ширина — по главной улице — определялась размером фасада выбранного дома. Строить новые дома разрешалось только по утвержденным «образцовым» проектам, уже опробованным при застройке Твери и других городов. Рисунки фасадов были присланы в губернию вместе с планом города; здесь с них снимались копии для отсылки в уезды.

Застройка города по новому плану, по существу полная

перестройка, началась с указа губернского правления от 23 июня 1786 года, предписывающего губернскому архитектору Ф. Рослякову обозначить в натуре новые улицы и площади крепкими вехами и снести первые 17 обывательских дворов, которые мешали постройке двух корпусов присутственных мест. В мае следующего года они были заложены, а к 1790 году и построены. Для постройки «плановых» обывательских домов отведено поначалу 22 дворовых участка. Несмотря на почти двукратное увеличение городской территории застройка шла в крайне стесненных условиях и потому медленно. Старые, подлежащие сносу, дома мешали проезду по новым улицам, а сносить их было нельзя до постройки новых; но их сносили, занимая для временного жительства хозяйственные постройки. Поэтому в 1798 году в Вятке было всего 782 жилых дома — меньше, чем в год открытия наместничества. К концу века по плану на Московской улице было построено 9 каменных домов и флигелей, на Спасской (Дрелевского) — 8, на Копанской (Герцена) — 3, на Преображенской (Энгельса) — 3, а всего 27 каменных домов и флигелей. Главную торговую площадь против колокольни Кафедрального собора застроили несколькими корпусами деревянных лавок (они сгорели в 1798 году). Полностью обстроили деревянными купеческими лавками и амбарами Хлебную (Театральную) площадь. На пересечении Спасской и Казанской (Большевицкой) улиц в 1799 году по проекту Ф. Рослякова выстроили четыре одноэтажных корпуса каменных лавок, а в 1802-1803 годах — один корпус каменных лавок за алтарем Спасского собора и еще три корпуса по Спасской улице. К 1804 году в Вятке было уже 835 домов «разного звания людей» и 113 каменных лавок на месте древнего торгового.

В 1804 году специальным рескриптом на имя губернатора Руничя Александр I (после настойчивых ходатайств городского общества) упразднил две первоначально запроектированных диагональные улицы и разрешил перенести южную границу города на 40 сажен южнее — на то место, где ныне проходит Орловская улица. Эта мера несколько облегчила перестройку центра, но обстановки в целом не улучшила. Городское общество раз за разом возбуждало ходатайства о прибавлении к городу дополнительных селитебных земель. Осенью 1806 года приступивший к исполнению обязанностей губернского архитектора М. П. Кисельников составил реестр всех деревянных домов, построенных еще по старому плану и потому подлежащих сносу. «Неплановым» был 261 дом, из которых 110 считались ветхими и 102 — совсем непригодными для жилья. К своему ходатайству городская дума приложила составленный землемером Е. И. Родионовым план города и его окрестностей, включая Хлыновскую слободу, указывая на эти земли как на возможную и желательную прирезку их к городу. Продолжая дело,

начатое еще Ф. Росляковым, исполняющий обязанности губернского архитектора Е. И. Родионов к очередному ходатайству составил новый план города, который следовало рассматривать как возможное решение вопроса об увеличении территории города — на юг до речки Хлыновицы и на север до Луковицкого оврага. Дело затянулось еще на несколько лет.

А. Г. ТИНСКИЙ

ПЕРВЫЙ ВЯТСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ АРХИТЕКТОР ФИЛИМОН МЕРКУРЬЕВИЧ РОСЛЯКОВ

Начатая Петром I «европеизация» России продолжалась. Новые градостроительные идеалы, исходившие из общеевропейских принципов, были для России внове и потому в жизнь входили медленно. Большая часть российских городов сохраняла свой средневековый вид до самого конца XVIII века. Города бывшей Вятской провинции не составляли исключения. Только принудительные меры правительства Екатерины II: введение высочайше апробированных «образцовых» фасадов; новые, основанные на регулярных началах планы губернских и уездных городов; перестройка их при жесткой регламентации всех строительных процессов и постоянный контроль со стороны правительства — только эти меры и ускорили преобразования. В столицах же реформы шли быстрее: там, хотя и исподволь, но уже утверждалось негативное отношение общества к примелькавшейся вычурности и пышности барочных дворцов и храмов. Истинная красота виделась уже не в богатстве декора и архитектурных форм, а в строгости и простоте зданий древней Греции или древнего Рима, а «полезность и красота» городов — в их регулярной планировке — в прямых и широких улицах, в четкой шеренге зданий, выставленных из дворов на красную линию.

С большим опозданием (против Петербурга) новый архитектурный стиль — классицизм — пробивался в вятской провинции, здесь традиционно придерживались привычных норм и взглядов. «Образцовые» проекты, разработанные Комиссией о строении городов Санкт-Петербурга и Москвы в начале второй половины века, оказались предвестниками грядущих перемен. Можно утверждать, что появлению нового стиля в архитектуре Вятки помогла бурная и бескомпромиссная строительная деятельность Екатерины II, точнее — введение регулярных планов городов.

Осуществление их выпало на долю первого губернского архитектора Ф. М. Рослякова.

Мы знаем о нем не очень много. Родился в 1758 году. Учился в гарнизонной школе, откуда в возрасте четырнадцати лет «определен в архитектурскую науку» — в школу Василия Кафтырева, в свое время учившегося у Д. В. Ухтомского¹, в команде которого проходили науку архитекторы, геодезисты и землемеры. Особого штата в команде Кафтырева не было, и Росляков продолжал оставаться в Казанском батальоне² на должности и довольствии солдата. В июне 1776 года он получил чин «фуриера», через два года — сержанта, на седьмом году обучения стал старшим сержантом. Это последний и высший его воинский чин.

В связи с губернской реформой — в России было создано 20 новых губерний — новым городам потребовались штатные архитекторы. Вспомнили о школе Кафтырева. Трех наиболее способных учеников освободили от военной службы, которая тогда еще была бессрочной. Один из трех, двадцатисемилетний Филимон Меркурьев сын Росляков, больше других преуспевший в архитектурской науке, специальным указом 7 мая 1785 года «пожалован коллежским регистратором», и велено было ему продолжать службу статскую — архитектором новой Вятской губернии.

Перепланировка и застройка по новому плану начиналась с двух больших каменных зданий губернских присутственных мест, проект которых Росляков составил до отъезда из Казани, используя фасады, разработанные для восстановления Твери после пожара 1763 года. В мае 1787 года состоялась закладка южного корпуса, а к 1790 году оба здания были построены.

Первое лето (1786 год) Росляков был занят в Вятке перенесением плана города в натуру — обозначением улиц и площадей «крепко вкопанными вехами и канавками». А потом — отводы мест, составление проектов «плановых» домов для желающих строиться, надзор за их постройкой, а больше — за исправностью казенных зданий; казенные заводы, лазареты, «магазины», казармы и гауптвахта, винные и соляные склады, мосты и дороги, этапные тюрьмы, — словом, началась обыденная жизнь единственного на губернию архитектора. Проекты часовен, церквей, колоколен, «свидетельствование» и допуск к казенным и церковным подрядам подрядчиков были его делом. Вся центральная часть губернского города застроена по проектам одного

---

¹ В школе Д. В. Ухтомского, ведущего московского архитектора, начинал обучение архитектуре В. Баженов, получили архитектурное образование М. Казаков, А. Ф. Кокоринов, И. Е. Старов.

² Вятская провинция входила в состав Казанской губернии.

архитектора. В этот первый период по «образцовым» проектам строились преимущественно дома обывателей, да типовыми рядами лавок обстраивалась древняя торговая площадь. Для казенных нужд — для школы и аптеки, для почтового ведомства и Удельной канторы, для жилья губернаторов покупали уже построенные обывателями дома, а потом перестраивали их на свой лад. Или строили временные, деревянные — гауптвахту, ротный или работный дома, соляные магазины или хлебные амбары на площади. Прямо-таки необъятный объем работ ждал архитектора в уездах и селах. За восемь лет (с 1796 по 1804 год) в архиве сохранились книги регистрации выданных Росляковым проектов. За это время архитектор составил для церковного ведомства и приходов 128 проектов церквей, колоколен, множество рисунков иконостасов, оград и ворот. Для обывателей тогда же он составил 816 проектов жилых домов, в том числе по Вятке — 246, по Орлову — 120, по Котельничу — 148, по Яранску — 30, по Царево-Санчурску — 42, по Нолинску — 22, по Уржуму — 3, по Малмыжу — 38, по Елабуге — 36, по Сарапулу — 64, по Слободскому — 174, по Каю — 3.

По общей планировке и композиции храмы Ф. М. Рослякова принципиально не отличаются от предшественников, барочных храмов середины XVIII века. Это по-прежнему храмы «кораблем», составленные из четырех расположенных на одной оси объемов: алтарь — холодный храм — теплый храм (трапезная) — колокольня на паперти. Варианты объемно-пространственных композиций разнообразны. В их основе — выпестованные предыдущей практикой архитектурные формы алтарной апсиды (полукружие или половина «восьмерика»), холодного храма («четверик» или «восьмерик на четверике»), трапезной (параллелепипед) и колокольни (многоярусные башни из «четвериков», «восьмериков» или цилиндров). Архитектор настойчиво ищет вариант, наиболее полно отвечающий времени и вкусам заказчиков (как правило, это приходские сходы).

Устоявшейся издавна формой холодного храма был куб; название это условно, поскольку высота куба могла варьироваться — он мог быть и вытянутым, высоким или иметь меньшую высоту. Практика деревянного зодчества подсказала и другую форму — форму восьмерика от земли. Их комбинацию — «восьмерик на кубе» — восемнадцатый век, век барокко, сделал привычной, а на вятской земле даже любимой. Росляковский период в архитектуре на Вятке — конец XVIII и начало XIX века — характерен продолжающимися поисками художественной формы храма, устремленного ввысь, поисками пропорций отдельных частей и выразительной ярусности. Именно вертикализм является характерной чертой спроектированных Росляковым храмов. Устремленность к небу видится в первую очередь уже издавна у таких небольших

приходских храмов Ф. Рослякова, как Троицкая церковь села Истобенского (фото 111, 112), почти игрушечная по размерам, предельно четкая по композиции и, кажется, совершенно лишенная декоративности. В силуэтах храмов прежде всего глаз останавливается на вертикали колокольни. У Рослякова они обычно легки и напоминают стрелу, острие которой составляет высокий купол завершения яруса звонов, барабан-восьмигранник и венчающий его шпиль. По этому признаку можно безошибочно выделить «росляковские» колокольни. Тело такой «стрелы», ствол колокольни, состоит из двух, трех и даже четырех ступенчато уменьшающихся по высоте и диаметру ярусов, зрительно облегченных световыми проемами, нишами и реже — полуколонками или пилястрами у ребра граней (фото 113, 114, 115). Начинаясь с четверика, с высотой ствол изменяет профиль, становясь все более округлым; но совершенно гладкой, цилиндрической формы архитектор пока избегает, не решаясь, очевидно, противопоставить ее кубу холодного храма.

Сохраняя в общих чертах планировку и объемно-пространственную композицию середины XVIII века, приходские церкви последнего десятилетия разительно отличаются от них по декору фасадов. Рядом с пышно декорированными храмами они кажутся золушками. Это бросается в глаза, особенно в тех случаях, когда колокольни сооружаются на 10—15 лет позже постройки храма. Полтора десятка лет — и словно другая эпоха.

Храм в селе Верхокосинском (Караул) строился по храмозданной грамоте архиепископа Лаврентия от 1 июня 1790 года во имя Казанской Богородицы (фото 115). Проект губернского архитектора Ф. Рослякова. Круглый алтарный выступ — апсида. Двухсветный четверик холодной церкви; его фасад завершается простым, почти гладким карнизом с напуском нескольких рядов кирпича и мелкими городками в одном ряду. Крутой и высокий купол с «полуглавиями», отделенными от стены карнизом. Два последовательно поставленные на купол восьмигранных барабана (один со световыми проемами, второй глухой), которыми нарощен храмовый четверик, придают ему динамичность. Широкая одноэтажная трапезная — теплая церковь с престолами Николая Чудотворца и Филиппа, Митрополита Московского. Узкий проход из колокольни в теплый храм и вход с классическим двухколонным портиком. Наконец, высокая, в три яруса колокольня. Варианты храмов этого типа — с одним или двумя барабанами, с «полуглавиями» и высокими кровлями, напоминающими курму старинных вятских храмов, построены по чертежам Рослякова в селах Архангельском (Кырчаны), Верхосунье, Пустоши, Слудка, Роговское, Рябово, Ситьма, Васильевское и в ряде других сел в период между 1790 и 1803 годами.

К концу 1790-х годов наряду с храмами «четвериком» в творчестве архитектора все чаще встречаются — и тоже в вариантах — храмы типа «восьмерик на четверике», прототип которых восходит ко времени расцвета «вятского барокко». Такие храмы выстроены в селах Илгань, Игумново, Истобенское (Троицкий храм), при Залазнинском заводе Мосоловых, а в начале XIX века — в селах Лопьял (фото 118), Лудяна Экономическая (Монастырская), Верховойское, Пищалье, в городе Орлове (Казанский собор). Характерной чертой компоновочных решений этого типа храмов Рослякова тоже является вертикализм.

Можно утверждать, что Росляков в своем творчестве использовал планировочные и композиционные решения храмов, отобранные практикой предыдущих периодов. Другое дело — его излюбленные декоративные средства и приемы. Здесь он предшественников на вятской земле не имел. Палитра его декоративных средств, мало сказать, скромна — она аскетична. С фасадов полностью исчезла окраска, резные детали из белого камня, фасонного или тесаного кирпича, орнамент. Упрощены до предела карнизы, пояски, уменьшен их вынос. Все это мы можем увидеть в храме села Караул (фото 115). Плоскости стен на всю высоту двухсветного четверика прорезаны тремя вертикальными нишами — «кассетами», в которых размещены арочные оконные проемы нижнего и верхнего света, а между ними поместились выпуклые ширинки-филенки. Вот и вся декорация, если не считать легкого и едва выступающего из плоскости стены карниза под свесом железной кровли. Над стеной, отделенный от нее карнизом, появился полукруглый фронтон-«полуглавие». Такие же ниши-кассеты образуют ритмичный ряд на фасадной стене теплого храма. Входы в холодный храм и коридоры от колокольни к трапезной отмечены небольшими двухколонными портиками с треугольными фронтонами. Вот этими простейшими средствами архитектору удастся объединить все части храма в один архитектурный ансамбль. Они совсем не отвлекают внимание зрителя от главного, от самого храма, и уже холодный храм не кажется зрителю геометрической коробкой из кирпича, а трапезная приобретает те черты, которые присущи именно ей. Вот что такое умение архитектора самыми скудными средствами раскрыть сущность здания и показать работу его частей.

Гражданские здания, построенные Филимоном Росляковым, до сих пор можно видеть на улицах Кирова и бывших уездных городов. В его архиве сохранялись книги выдачи проектов по Нолинску и Слободскому с 1787 года, по Орлову, Котельничу, Сарапулу, Каю и Малмыжу — с 1790—1794 годов, по Яранску и Елабуге — с 1796 года. Но про него недостаточно сказать, что он строил только здания — он сделал неизмеримо больше — он строил

города. В Вятке по его проектам был застроен весь современный центр. И строил он не домами, а улицами. Совсем не случайно в мае 1791 года он подробно доносит губернатору о состоянии застройки Московской улицы по всей ее длине — от древнего торгового до новой Хлебной площади.

В регулярном городе правильным должно быть все — и дома, и усадьбы. Под застройку отводились участки прямоугольной формы; их длина по улице определялась по размерам строений, а глубина обычно равнялась половине квартала. Как и прежде, новая усадьба состояла из трех частей: переднего двора, заднего (хозяйственного) двора и сада (огорода). Передний двор, однако, располагался не перед домом (перед ним — улица), а сбоку или даже сзади дома (черт. 121). Дома ставились теперь по красной линии улицы с некоторым разрывом между ними, который определялся противопожарными правилами; сплошной (строчной) застройки тогда не было. На богатых усадьбах могло быть три здания: два флигеля и главный дом, место которого — в центре. Выделялся он и большими размерами, и небольшими выступами-ризалитами, обычно с треугольным фронтоном, а зачастую и дополнительными этажами уменьшенной высоты со стороны двора. С флигелями дом соединялся каменными оградами с воротами (черт. 120, 122). Ф. Росляков не увлекался декоративной стороной гражданской архитектуры. И здесь он размещал окна в неглубоких нишах, членил фасады гладкими лопатками или пилястрами, часто использовал квадратные или лежащие филенки. В карнизах он размещал ряд городков, причем центральный ризалит отмечал городками увеличенного размера. Нежилые деревянные флигели, если они ставились по красной линии главной улицы, обшивались тесом, и с помощью накладных деталей им придавали вид рустов каменной кладки. Для таких домов обязательным было устройство балюстрады или сплошной парапетной стенки над фасадной стеной.

Среди многих поручений, которые выполнял Росляков, было одно, стоявшее особняком, при жизни его не законченное и не списанное. В конце XVIII века Российское правительство принимает решение о создании Атласа генеральных карт империи, который должен был подвести итоги перестройки провинциальных и столичных городов на западный манер, — своеобразный итог более чем тридцатилетнего правления Екатерины II. В атлас должны быть сведены географические карты всех губерний России, планы и панорамные изображения всех ее городов, какими они стали после перестройки по высочайше утвержденным планам. На снятых с натуры «видах городов» следовало показать городские дома, храмы и особенно публичные строения и казенные здания. Указ о снятии планов и «видов» пришел и в Вятку, и губернское

правление предписало приступить к его исполнению человеку, который сам сочинял в свое время эти «планы и фасады», — губернскому архитектору Рослякову. В его штате не было архитекторов, не было и художников, да и землемеры находились в другой команде и подчинялись Е. И. Родионову. Тем не менее Росляков нашел человека, которому можно было поручить снятие планов и «видов», — учителя рисования и землемера Михаила Анкиндиновича Анисимова. Тогда, в 1790-х годах, дело это не было доведено до конца и на какое-то время забыто — скорее всего потому, что Петербург перестал о нем напоминать, а здесь и без того дел было невпроворот. Впрочем, в его делах в марте 1806 года нашли «белых планов городам Вятской губернии со всею отделкою, следующих для атласа, — 25, ...съемных черных видов городам — 13». Оставалось только перевести «черные виды» в требуемый формат, «обрисовать» принятым тогда антуражем и снять с них копии. 11 марта 1806 года Филимон Меркурьевич Росляков неожиданно для всех умер.

После него продолжали застройку вятских городов выпускники Петербургской Академии Художеств М. П. Кисельников, Н. А. Андреевский, И. Д. Дюссар де Невиль и другие, но вклад Ф. М. Рослякова в архитектуру вятских городов несравненно более весом.

А. Г. ТИНСКИЙ

ПЛАН ГОРОДА ВЯТКИ 1812 ГОДА

Через год после смерти Ф. М. Рослякова исполняющий обязанности губернского архитектора Е. И. Родионов представил на рассмотрение губернского правления план (черт. 126). Назывался он так: «План губернского города Вятки с показанием на оном Высочайше конфирмованного в 1784 году августа в 13 день прожекта в пунктирных линиях, с назначением к оному вновь такового же, просимого городским обществом по неимению по прежнему плану мест для построения обывательских и прочих домов, означается под желтую краскою». Одобрила этот план городская дума, рассмотрело и одобрило губернское правление. На это ушел год. 30 июля 1808 года план был передан и. о. губернского землемера Корельскому, чтобы он «сочинил с него вновь сообразно с предписанием Его Превосходительства и потом представил оной правлению как наискорее». Для истории города и его планировки сам проектный план и замечания к нему представляют большой интерес как свидетельство формирования общественного взгляда

на среду обитания общества, на городскую среду, создаваемую самим обществом с помощью архитекторов. Авторы предложений представили вариант решения не только сиюминутной задачи (облегчение условий перестройки города в условиях стесненности путем придания городу земель Денисовской и Хлыновской слободок). Они решали задачу развития города на перспективу в несколько десятков лет; собственно, это была попытка перспективного планирования. Авторы предложили и свой характер планировки города — «с учетом старого заведенного строения». Принцип регулярности плана 1784 года они не считали абсолютным и в условиях особо пересеченной местности в районе Луковицких оврагов фактически отказались от него, подчинив планировку рельефу. Вытекало ли такое решение из конкретной обстановки? По-видимому, да. Об этом говорит тот факт, что «регулярные» улицы в этой части города проложены напрямую через овраги только через полтора столетия с помощью мощной землеройной техники. В-третьих, проект Родионова предусматривал вынесение кожевенных и мыловаренных заводов значительно ниже по течению реки, с разрывом от жилой застройки на 400—500 метров, а салотопенных заводов — даже на другой берег реки, в слободу Дымково. Предусматривалось и множество других, менее принципиальных решений (расширение Вознесенской улицы до 15 сажен, застройка Казанской улицы в вершине Раздерихинского оврага «в прямую линию» и т. д.).

Министерство внутренних дел и его строительная комиссия весьма тщательно рассмотрели проектные предложения, многие пожелания были приняты. Исправленный петербургским архитектором Гесте план был подтвержден Александром I 23 марта 1812 года (черт. 127).

Чем отличался утвержденный план? Петербург согласился с включением новых участков до поймы речки Хлыновицы на юге и до Луковицкого оврага на севере в черту города, но не принял предложенного типа планировки. Он распространил принцип регулярной планировки, заложенный в план 1784 года, на всю территорию. Корректируя план Родионова, Гесте сделал еще несколько, уже менее существенных изменений. В окончательном варианте новая Хлебная площадь (у жителей позже она получит название Верхнего рынка) была передвинута на квартал к востоку, и ее осью стала прямая Казанская улица — к тому времени через Засорный овраг был устроен первый и пока единственный мост, соединивший обе части города. Гесте согласился с предложением о создании специальной площади для конских ярмарок, но увеличил ее почти в четыре раза. На продолжении Семеновской (Воровского) улицы к реке, восточнее Хлебной площади, он указал место для новой приходской

церкви¹. Гесте не принял предложение о выносе Ахтырского кладбища за городскую черту, что в конце века привело к утрате части селитебной территории.

По поручению строительного комитета министерства внутренних дел за год до утверждения плана Вятки Гесте разработал проекты типовой застройки кварталов, в каждом из которых должно быть от 4 до 20 домовладений в зависимости от их конфигурации и местоположения. По новому плану предписывалось застраивать кварталы по красным линиям не только «долгих», но и поперечных улиц. При этом глубину дворовых мест пришлось уменьшить, и в центре кварталов появилось место для зелени, для садов. На угловых участках, которые рекомендовалось застраивать каменными домами, на обе улицы должен был выходить парадный фасад. Такой порядок, безусловно, больше соответствовал типу городской застройки. Так принцип регулярности планировки получал логическое завершение.

Но в то же самое время начиналось и почти незаметное вначале разрушение принципа регулярности. Ощутимый удар был нанесен ему в начале второй половины века отменой «образцовых» проектов.

В понятие регулярности как-то не укладывалось существование на узкой полоске берега Вятки, не защищенной ни от ледоходов, ни от весенних паводков подгорных слободок. Такие поселения существовали издавна. Их нельзя было подчинить никаким правилам, они были «сами по себе». При проектировании города их «не заметили». С их жителей не брали налога, но о них и не заботились. В середине века просто отмахнуться от них уже было нельзя, и в 1855 году правительство «дозволило» вятскому губернатору признать Пятницкую слободу, поставив условием дать слободке «благовидное устройство». Только после этого жителям выдали документы на владение дворовыми местами. Это событие стало одним из первых в длинном ряду нарушений Высочайше подтвержденного регулярного плана Вятки. В конце концов необходимость пересмотра плана города была признана и министерством внутренних дел. Но еще больше двадцати лет прошло до утверждения «проектного плана урегулирования города Вятки», как назвал его автор, городской архитектор В. М. Дружинин². Этим планом «признаны» две слободки за рекой Вяткой, Дымковская и

---

¹ Оба эти решения оказались ненужными: площадь для конских ярмарок оказалась совсем не нужна, а церковь (Алекса́ндро-Невский собор, имевший свой приход) впоследствии выстроили в центре площади.

² Новый план города Вятки утвержден министерством внутренних дел 17 октября 1888 года.

Швивая (она же Чвивая), предписано вывести за город Ахтырское кладбище, не рекомендована постройка второй скотобоины в районе близ речки Хлыновицы, внесен ряд местных изменений. Застройка Дымковской и Швивой слободок вскоре была передана в ведение губернского правления, а Ахтырское кладбище оставлено на прежнем месте и даже с прибавлением к нему дополнительного участка с западной стороны.

С началом XX века городская дума вновь возбудила ходатайство о прирезке к городской территории крупного клина селитебных участков на северо-западной окраине города. В августе 1911 года решением министерства внутренних дел город получил 18 новых кварталов. Тогда же поставлен вопрос о включении в селитебные земли слободы Ежевки. На очереди было расширение Петроградской улицы, застройка Луковицкого лога. Назревала необходимость очередного изменения плана.

А. Г. ТИНСКИЙ

«ОБРАЗЦОВЫЕ» ПРОЕКТЫ 1809—1812 гг.

Комиссия о строении городов Санкт-Петербурга и Москвы к 1796 году свою задачу выполнила и была упразднена. Однако, отобранными ею «образцовыми» проектами домов и лавок продолжали пользоваться еще больше десяти лет. На их основе застраивал Вятку и уездные города Ф. М. Росляков. Жилые дома 1790-х годов и сегодня составляют еще компактные группы на Московской улице и поодиночке вкраплены в застройку центральной части улиц Карла Маркса, Дрелевского, Герцена, Большевиков. Одноэтажные каменные лавки тех лет когда-то оформляли все четыре угла перекрестка Спасской и Казанской (Дрелевского и Большевиков) улиц, заполняли южную часть древнего торгового пространства. Но всему когда-то приходит конец.

В начале второго десятилетия XIX века вчерашний еще достаточный набор «образцовых» проектов (дома да лавки) уже не удовлетворял горожан. В нем не было проектов казенных зданий, и застройка городских центров задерживалась. В Вятке за 25 лет после 1790 года не было построено ни одного капитального казенного здания, и для жительства губернаторов, для приказа общественного призрения, гимназии, аптеки, почтового ведомства приходилось покупать дома обывателей, а потом перестраивать их. Не было проектов двухэтажных лавок, мастерских, фабричных заведений, хозяйственных строений. Не было и дешевых домов, и крупных доходных домов, рассчитанных на отдачу в наем. Не имели доста-

точно широкого выбора архитекторы, а градоначальники и полицейские, ведавшие застройкой в уездных городах, где не полагалось архитекторов по штату, были недостаточно сведущи в архитектуре, чтобы помочь обывателю в выборе проекта по его достатку и вкусам. Им и широкому кругу обывателей нужна была помощь. И она пришла — в виде «Руководства к гражданской архитектуре или зодчеству», которое в 1804 вышло вторым изданием¹. Оно помогало застройщикам выбрать материалы и наиболее подходящие конструкции, грамотно составить план здания, да и построить с достаточной прочностью. Вторую задачу — разработку проектов зданий, какие настоятельно требовал новый век, призвана была решить созданная в 1806 году при МВД Строительная комиссия. Решать ее нужно было уже на новой основе. Предыдущий период, период зрелого классицизма привел в русской архитектуре к «триумфу колонн», и буквально «по всей России забелели колонки дворянских гнезд» (Игорь Грабарь). Теперь же, когда речь шла о массовой застройке сотен российских городов, ту же задачу — строить «в благородном, простом и величественном вкусе» — нужно было решать в предельно простых и выразительных формах, совсем не обязательно используя традиционный ордер: основание — колонна — балка. Наступал завершающий период классицизма — ампир.

В 1809 году архитекторы А. И. Руска и В. И. Гесте закончили проектирование и передали в гравировку два альбома с проектами «образцовых» фасадов жилых домов, в каждом по 50 фасадов. В 1811 году Л. И. Руска и В. П. Стасов закончили изготовление пятого альбома с проектами ворот и оград. Через год тот же Стасов выпустил третий и четвертый альбомы со 125 проектами фабричных зданий, ремесленных мастерских, больших доходных домов и домов для бедных (черт. 128). Оценивая их значение для планомерной застройки регулярных городов (для Вятки — по плану 1812 года), можно было утверждать, что они стали типовыми даже с современной точки зрения. При жесткой регламентации размеров (длина дома, высота стены и высота крыши, интервал между строениями) и пропорций фасадов, они оставляли большую свободу действий местному архитектору. Застройщик получал заказанный проект после утверждения в составе двух чертежей — плана участка со всеми строениями и фасада здания. Внутреннюю планировку он определял сам.

Авторы использовали два пути. С одной стороны, для фасадов одного и того же размера они предлагали несколько вариантов композиции и обработки архитектурными деталями, с другой стороны, для фасадов одинаковой композиции и с одним набором

---

¹ Федосеев А. В. СПб. 1804.

деталей предлагали несколько вариантов размеров здания. Такой подход позволял резко увеличить разнообразие фасадов при сохранении стилевого единства. Не допускались изменения, которые могли бы разрушить единый стиль и регулярность застройки города. Можно сказать, что рекомендованные фасады полностью соответствовали подтвержденным регулярным планам вятских городов, были «на одно лицо» с этими планами¹. С 1814 года правительство установило строжайшую отчетность губернаторов о постройке домов по «образцовым» проектам. Строить в городах помимо утвержденных фасадов было запрещено.

Как же на Вятке использовали рекомендации Строительной комиссии? Какие проекты использовали чаще? Каким материалам отдавали предпочтение? В архиве губернской канцелярии сохранились отчеты с 1814 по 1826 год (позже — сведения отрывочные). За первые 8 лет в первой части города Вятки было построено 20 каменных и 44 деревянных дома; во второй части, южнее Засорного оврага, — 9 каменных и 68 деревянных. Если в первой части быстрее увеличивалось число каменных домов (ее застраивали практически с 1790 года), то во второй части, где массовая застройка начиналась позже, число домов быстрее прирастало за счет деревянных строений.

В 1823 году в губернском центре насчитывали 81 каменный дом, в числе которых было и 6 старых, «неплановых», 42 дома полукаменных и 531 дом деревянный. Почти половина домов еще оставалась от старого города Хлынова. Город был деревянным. Как мы уже знаем, альбомы 1809—1812 годов предлагали 225 фасадов. Жители города использовали около сорока. Одни из них применялись многократно, другие — всего один-два раза. Чаще применялись проекты небольших домов со скромным архитектурным оформлением, по которым можно было построить и каменный, и деревянный дом. Явное предпочтение жители города отдавали альбому архитектора В. П. Стасова: по его фасадам № 9 и № 10 выстроили 142 дома (69% из числа учтенных строений). Это проекты одноэтажных домов на три и пять окон по главному фасаду и без особых «украшений». Такие деревянные дома предпочитали ремесленники, мелкие торговцы, низшее чиновничество. На втором месте шел проект № 86 из второго альбома, по которому выстроено 8% домов — каменных, на два этажа при семи фасадных окнах, с центром, выделенным тремя закругленными вверх окон-

---

¹ Застройка древнего города с его естественной, сливающейся с рельефом сеткой улиц выглядела бы, наверно, нелепо, если бы на этих извивающихся улицах поставить в одну линию современные дома-коробки. Но не менее абсурдна и застройка регулярного города с его прямолинейными улицами домами, совершенно лишенными регулярности (правильности).

ными нишами. Такие дома строили купцы средней руки. За ними по популярности у жителей шел проект № 23 из того же альбома — двухэтажный семиоконный каменный или полукаменный дом («на погребном этаже»); по этому проекту выстроено 7% домов.

А что же в уездных городах? Там за тринадцать лет, с 1814 по 1826 год, построено по «образцовым» фасадам значительно больше — 486 домов, в том числе 30 каменных (6,2%) и 426 деревянных (87,6%)¹. Меньше всего строил Санчурск — всего два каменных и три деревянных дома. Больше всего — Уржум (один каменный и 120 деревянных) и Слободской (9 каменных и 88 деревянных домов). Ни одного дома не построил за это время Кай. В городе Орлове построено больше всех каменных домов — 12. Как видно, большинство населения «малых вятских городов» предпочитало строить одноэтажные деревянные дома на три и пять окон. Трехоконным домам отдавали предпочтение жители Котельнича, где они составили две трети застройки тех лет (56 домов). Пятиоконные дома пришлось ко двору жителям Яранска, Орлова, Малмыжа и Слободского, где их доля достигала 85% (в Яранске, например). Проекты № 9, № 12 и № 87 из альбома Стасова и № 39 из первого альбома стали самыми «массовыми»: по ним было построено в те годы в уездных городах 290 жилых домов. В течение первых пяти лет после введения отчетности Вятская губерния по числу построенных по «образцовым» проектам домов среди 35 губерний занимала девятое место, совсем немного уступая Ярославской и соседней Нижегородской губерниям.

В течение первой половины века область применения типовых проектов все время расширялась. В 1819 году вышли «образцовые» проекты станционных домов, в 1824 году — проекты церквей, в 1828 — проекты тюремных зданий и присутственных мест. Последнее собрание обязательных фасадов растянулось на длительный период — с 1840 по 1856 год. Почти все эти издания — одни больше, другие меньше — коснулись и Вятской губернии. Жилые дома и почтовые станции, мосты и ледорезы, этапные тюрьмы на почтовых трактах и присутственные места в уездах. Со временем их обязательность становилась все более иллюзорной, и в 1858 году запрещение строить помимо «образцовых» проектов было окончательно снято. Отныне правительство перешло к негативной регламентации и уже не указывало, как строить, предпочитая указывать на то, что и как строить нельзя.

В середине века определяющим фактором общественного развития стал рост капиталистических отношений. Широкая регла-

---

¹ Эти цифры «не сходятся». Читатель уже усмотрел тут ошибку. Градоначальники не всегда указывали в отчетах материал, из которого дом построен. Так и получилось: дом построен, но не деревянный и не каменный.

ментация строительства и подчинение его интересам государства сковывали индивидуалистический характер нового общества. Единый стиль проектов начала века, обеспечивший единство архитектуры и застройки городов, был объявлен безвкусицей. Вот в каком виде преподнес эту мысль в конце сороковых годов один из апологетов нового («псевдо-русского») стиля архитектор Карл Тон: «фасады сии, составленные без соблюдения правил и вкуса, не соответствуют потребностям настоящего времени»¹.

Так заканчивался в Вятской губернии очередной период, оставивший в ее архитектуре глубокий след, оформивший «ампирный» характер застройки ее городов, сохранившийся в памяти многих поколений вятчан. Наступало новое время.

---

¹ По повторно использованному проекту этого столичного архитектора в Яранске в 1845—1857 гг. построена Троицкая церковь.

НОВЫЕ ВЕЯНИЯ В АРХИТЕКТУРЕ

А. Г. ТИНСКИЙ

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

А. Л. ВИТБЕРГА В ВЯТКЕ

Ноябрьским днем 1835 года среди лавочников прошел слух — «к нам в Вятку сослали знаменитого архитектора Витберга, Александра Лаврентьевича, который строил в Москве на Воробьевых горах храм». А через несколько дней уже наслышанному об этом Дмитрию Чарушину самому довелось увидеть ссыльного архитектора. Сидел он тогда в лавке, доставшейся от отца, в третьем фесе гостиного ряда на углу Спасской и Казанской улиц, что у Спасского собора. Вот как он описывает эту встречу в своем дневнике. «Слышу лавочников разговор: «от реки по Спасской улице губернатор с архитектором Витбергом идет». Я немедленно выскочил из лавки на галерею и вижу такого великого знаменитого человека, идущего посреди дороги. Приближаясь, поровнялись с лавками и шли, продолжая путь. Лавочники и народ раскланивались губернатору и великому архитектору. Кланялись и губернатор, и Витберг. Губернатор в черном пальто с тростью, а г. Витберг в пальто серого цвета, и фуражка серая же, и трость в левой руке. С выражением роста, осанкою и движением манеров, величием натуральным, природным, скромностью освященным мне показался Александр Лаврентьевич...». Не знал тогда автор записок, что именно этот человек откроет ему дорогу в мир искусства и будет ему «как отец». Не знал он и того, что оставит для будущих поколений воспоминания о своем учителе.

Эта мимолетная встреча состоялась, очевидно, когда Витберг уже нашел временное прибежище в компании с А. И. Герценом в доме З. Х. Леушиной на Московской улице; здесь он и оставался до второй половины марта 1836 года, до приезда семьи. Потом, соединившись с семьей и заняв — вместе с Герценом и семейством Прасковьи Петровны Медведевой — пустовавший бесхозный особняк Жмакина -Тиминцова-Евсюкова на Спасской, Александр Лаврентьевич погрузился в заботы по устройству семьи на новой квартире и несколько отвлекся от тягостных дум о печальной судьбе дела всей своей жизни, храма-памятника воинской доблести русского народа. Новая обстановка благотворно подействовала на

него, вновь проснулось желание творчества. Именно в этот период он написал один из лучших портретов А. И. Герцена. Тогда же принял предложение губернатора Тюфяева сделать проект портала и ограды парадной стороны Александровского сада, ныне парка имени Степана Халтурина.

Одновременно с Витбергом тот же проект выполнил молодой губернский архитектор А. Е. Тимофеев. Оба проекта были отосланы в министерство внутренних дел. Через четыре месяца губернатора уведомили, что проекты рассмотрены главным управлением путей сообщения и публичных зданий. Комиссия проектов и смет отдала предпочтение проекту Витберга (рис. 131). Однако, министр выразил сомнение в том, что в Вятке можно будет найти столь искусных мастеров, какие нужны «дабы привести в действие означенные проекты». Он рекомендовал построить типовую ограду по одному из «образцовых» проектов 1809—1812 годов. Если бы не Тюфяев, не видать бы нам витберговской ограды: он не принял рекомендации петербургского начальства. «Построение ограды будет производиться под руководством и наблюдением Витберга, и в искусных мастерах недостатка я не встречаю», — ответил он. По-видимому, убежденность губернатора подействовала, и проект ссыльного архитектора был одобрен с одним лишь замечанием: строить ограду без каменных столбов. Великолепную решетку отлили из чугуна умельцы Белохолуницкого завода. В 1838—1840-х годах поставил ее мастер из крепостных крестьян нижегородец Иван Павлов Смирнов. Он же выстроил и портал¹.

Не вдруг пришел к лаконичному окончательному решению портала автор. Академик по классу живописи, он не имел официального архитектурного образования. Одаренный «от бога», с упоением занимался архитектурой самостоятельно, и после 1813 года выполнил ряд архитектурных проектов усадебных домов, храмов, мостов. И всегда шел к лучшему варианту «от рисунка»: набрасывал эскиз за эскизом, сравнивал, подправлял. В. Л. Снегирев, первый исследователь творчества Витберга и автор монографии², привел в ней два варианта портала, два витберговских эскиза, в том числе и окончательный, выбранный Витбергом, — в строгом и даже суровом дорическом стиле. Именно такое решение полностью отвечало регулярному характеру первой части сада. Портал и садовая решетка стали органической частью сада, задуманного еще до появления

---

¹ Мастер настолько проникся замыслом архитектора, что Витберг именно ему без колебаний предложит позже принять на себя и постройку Александрово-Невского собора.

² Снегирев В. Л., А. Л. Витберг. Жизнь и творчество. Академия архитектуры. Москва—Ленинград, 1939.

Витберга в Вятке губернским землемером Михаилом Ивакиным и архитектором Александром Тимофеевым. Последний штрих в этом проекте был нанесен Александром Лаврентьевичем¹.

В марте 1837 года Вятка готовилась к приезду наследника престола, совершающего длительное путешествие для ознакомления с губерниями и с российским народом. Для постоя наследника и его свиты освобождались лучшие помещения, и губернатор предложил Витбергу съехать с квартиры в доме Евсюкова. Новую, третью по счету квартиру, Витберг нашел в доме наследников П. Г. Аршаулова на Владимирской улице (ныне улица Карла Маркса). Здесь его семья заняла весь первый этаж, «удобный для занятий художественных», как оценил его впоследствии ученик и бытописатель архитектора Д. Я. Чарушин. Все восемь белых покоев.

Никогда после упразднения Комиссии по постройке храма Христа Спасителя — даже после объявления о новом конкурсе на проект храма и приглашения в Москву его победителя, петербургского архитектора Карла Тона — Александра Лаврентьевича не покидала надежда, что о нем вспомнят, к его проекту вернуться. В известии о том, что при снятии креста с собора Алексеевского монастыря в Москве, на месте которого должен был строиться тоновский храм, упал и разбился верхолаз, Витберг увидел жест Провидения и продолжал работать над улучшением своего проекта московского храма. Варианты, варианты и варианты... Только они занимали его. Где-то в глубинах души сохранялась вера, что придет время... Городское общество пригласило его дать рисунок собора и для Вятки. Опальный художник принял приглашение и даже обрадовался ему: его талант еще был нужен народу. Сыграло свою роль и то, что храм посвящался Александру Первому. Витберг считал его своим крестным отцом: крестившись в тридцатилетнем возрасте в 1817 году, Карл Магнус Витберг принял православное имя Александра. «На-днях воскрес как-то его гений, — он набросал дивный проект; слезой поздравил я его и восторгом», — пишет Герцен 19 октября 1837 года Наташе Захарьиной. То был один из первых эскизов, карандашный набросок на небольшом клочке бумаги.

26 июля 1838 года Н. М. Мейер, вятский прокурор и сосед по дому, принес известие, что в Москве состоялась церемония переноса предметов, имеющих отношение к закладке храма на Воробьевых горах в 1817 году, на хранение в Успенский собор кремля. Она означала, что храм никогда уже не будет строиться на

---

¹ Бытует и пока еще имеет наибольшее распространение мнение о том, что автором проектов садовых беседок-ротонд является Витберг. Оно было высказано впервые в 1912—1914 гг. в вятских думских кругах и впоследствии поддержано, по-видимому, без достаточных оснований, А. В. Снегиревым.

прежнем месте. Витберг воспринял это как акт чудовищного вандализма. «Злодеи! Ничего уже нет для них святого», — пишет он А. И. Герцену в тот же день.

Лето 1838 года прогрессивная Вятка жила мечтой о новом и собственном здании для открытой в прошлом декабре публичной библиотеки. Александр Лаврентьевич выполнил его проект. Место определило общество на Хлебной площади, известной в тридцатые годы под названием Верхней. Ныне это Театральная площадь. Двухэтажное каменное здание вмещало и библиотеку, и музей, и даже благородное собрание с залом для празднеств, танцев и представлений. Два его парадных фасада могли бы украсить площадь (черт. 130). В сентябре 1838 года проект библиотеки был одобрен Советом путей сообщения и публичных зданий, но... губернатора А. А. Корнилова перевели в другую губернию, а без него нужной на постройку здания суммы не собрали.

Между тем, карандашный набросок Александровского храма обществу понравился, и 7 октября 1838 года городской голова обратился к Витбергу с просьбой принять на себя составление проекта храма — «эскиз этот переложить в настоящий план и фасад». «...все это время я очень занят проектом Александровского собора. Вы поймете очень хорошо, что я не могу быть равнодушным к памятнику Александра... хочется сделать что-нибудь порядочное», — сообщает Александр Лаврентьевич Герцену и Наташе в письме от 3 января 1839 года. Всю зиму, до ранней весны работал Витберг над проектом храма. 11 марта он пишет им же: «Причиною долгого моего молчания было... занятие мое для Александровского собора, ибо вы поймете, что я от души должен был трудиться для этого памятника Александра. Он кончен теперь и вчерашнего числа отправлен в Петербург».

Комиссия главного управления путей сообщения и публичных зданий «нашла оный (проект) вполне одобрительным как по соразмерности частей и красоте... так равно по удобству и правильности внутреннего расположения оного». «Такой церкви еще нет — вкус византийский, а формы новые», — отзывался о проекте министр императорского двора, выпросивший, кстати, лично для себя черновой карандашный эскиз собора. И сам Витберг оценил его: «отзыв этот мне приятен, потому что высказал сущность мысли», — пишет он Герцену (рис. 133).

В последних числах августа утвержденный проект вернулся в Вятку, и через три дня, 30 августа 1839 года состоялась торжественная церемония закладки храма. 5 сентября Витберг сообщает о ней Герцену и Наташе во Владимир: «Я ничего не описываю вам, любезнейшие друзья мои, о чувствах моих, о слезах радости при воспоминании о том, что Богу угодно было устроить все так дивно для того, чтобы мне же быть исполнителем вятского памятника

благожелателю моему и отцу крестному — Александру». Окончание работы над проектом Александровского собора и его одобрение вятским обществом; восторженная встреча проекта и его утверждение в Петербурге; торжество закладки собора, на котором присутствовал «можно сказать весь город»; удачное начало забутовки фундаментов 15 сентября, случайно совпавшее с днем коронации Александра Первого; известие об окончании ссылки в тот же день и сердечное поздравление губернатора — целая цепочка событий, как-будто подводивших итог вятского периода жизни Витберга. «Я пламенно желал, чтобы храм сей был достоин народа», — пишет А. Л. Витберг. «Подвиг Ваш не останется втуне, нет. Человечество имеет свою мерку великому, и Ваше место в истории искусства занято», — заключает Герцен.

Но обретенной свободой Витберг еще долго воспользоваться не мог — надо было «иметь способ на выезд».

Стояла осень 1839 года. Таяло, уменьшалось дружеское окружение великого архитектора. Полгода назад выехал из Вятки Г. К. Эрн, потом Прасковья Петровна Медведева, «радостно-дружески ко всему семейству Витберговых расположенная» (Д. Я. Чарушин). Покинул Вятку и молодой А. Е. Тимофеев, переведенный на должность губернского архитектора в Херсон. Это он по рисункам Витберга выполнял «практические чертежи» чугунной решетки и ворот Александровского сада, а потом и сметы на постройку публичной библиотеки. Поэтому и сблизился он с семьей Витберга, играл по вечерам в шахматы, слушал музыку Веры Александровны; уезжая, подарил ей на память комплект художественных красок. Все меньше оставалось близких знакомых, и все труднее заводились они. И только самые-самые близкие поддерживали Александра Лаврентьевича в теперь уже свободные, но все равно трудные дни. Среди них был Платон Иванович Репин, красавец-брюнет, всегда оживленный, умевший быстро знакомиться и сходиться с людьми, когда-то влюбленный в Веру Александровну. «Вятская академия» — так называл Александр Лаврентьевич и эту свою квартиру — была для семьи источником существования: государственная служба была для Витберга запрещена. Здесь Евдокия Викторовна и старшая дочь Вера давали уроки музыки, учили детей хорошим манерам и танцам, иностранным языкам и арифметике, а сам хозяин — рисунку и живописи. По вечерам приходили знакомые, играли в шахматы, обменивались новостями, музицировали. Только осенью следующего года семейство Витберга смогло покинуть Вятку.

Строительство и обустройство Александровского собора закончили через 25 лет после закладки. Освящение состоялось 20 октября 1864 года (рис. 132).

Без сомнения, проект Александровского собора был вкладом в архитектуру не только вятского масштаба. Архитектор был убеж-

ден, что русскую национальную идею можно выразить с помощью греческих архитектурных форм, и оценка собора разными слоями населения, от вятского городского общества до высшего петербургского света и до самого министра императорского двора, убеждает нас в том, что ему удалось. В основу пространственной композиции вятского собора положен мотив одного из вариантов проекта храма на Воробьевых горах, древнерусский пятикупольный храм в виде ротонды с четырьмя башенками-колоколенками, — пятиглавие, при котором главы ориентированы по сторонам света. Исследователи относят собор к архитектуре романтизма, точнее — к той ее ветви, которую современники называли византийским стилем. Сам Витберг в письме к Герцену стилиевые особенности храма в Вятке определил собственным словосочетанием — «египто-византо-готик»¹. Простым глазом можно увидеть в нем черты разных архитектурных стилей, и мы вправе считать автора проекта в числе первых архитекторов, в поисках более человеческих решений обратившихся к эклектике. Но главное в нем — все-таки одухотворенность. Подчеркнул это сам Витберг, назвав проект плодом девятнадцатого столетия, «в котором все одухотворяться должно». Необычайную притягательную силу увидели в проекте исследователи. «Александр-Невский собор оказался не просто казенным церковным зданием... — он воплотил в себе большее — идею человечности, идею радости жизни», — отметили Е. С. Москалец и Л. В. Пешнина².

С высочайшего разрешения Александровский собор построили не среди одноэтажной деревянной застройки на задворках большой торговой площади, а в ее центре, в перспективе Казанской и Семеновской улиц, и он стал важнейшей архитектурной доминантой южной части города. Его собранная масса на коромысле Казанской улицы уравнивала храмы и колокольни древнего Хлынова. Именно в этом качестве воспринимали собор жители города и его гости. Не случайно им любовались со всех окрестных холмов и из-за реки, а фотографии нескольких десятков лет снимали во всех ракурсах.

Александр Лаврентьевич Витберг в архитектурно-художественной жизни Вятки — звезда первой величины. И не потому только, что оставил о себе память в виде прекрасного памятника архитектуры. Он оставил глубокий след в сознании нескольких

¹ Будем иметь ввиду, что архитектурные термины со временем закономерно изменялись. В конце XVIII — начале XIX века готической называли любую средневековую архитектуру, будь то западная или древнерусская. В оценке Витберга, относящейся уже к другому времени, видится сочетание национальных традиций с архитектурой других направлений.

² Москалец Е. С., Пешнина Л. В. А. Л. Витберг в Вятке. Киров, 1975.

поколений творческой интеллигенции. Его знают, о нем спорят, к его творчеству возвращаются. А это не менее важно.

Александровский собор разрушен в 1938 году.

Б. В. ЗЫРИН

АРХИТЕКТУРНЫЕ СТИЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Русский классицизм возник в середине XVIII века и очень быстро — в последней трети века — стал господствующим в архитектуре России. Бурная строительная деятельность в эпоху Екатерины Второй означала возвращение к еще более ранним образцам Древней Греции и Древнего Рима. Строгость и благородство древних образцов воспринимались как мера истинной красоты. И красота города как единого целого уже не могла ощущаться без регулярности его улиц и площадей. Подчинение строительства государству, самая широкая регламентация архитектуры и застройки городов со стороны дворянского государства стали необходимым условием развития и укрепления классического направления архитектуры. Рост капиталистических отношений, в первой половине века еще достаточно скрытый, в середине века убыстряется и приводит к тому, что на первый план вместо общегосударственных принципов выступают интересы индивидуалистические, характерные для капиталистического общества. Расшатывается и, лишенная корней, в конце концов приходит к упадку, стилевая основа классицизма. Теперь уже совершенно иначе оценивается система «образцовых» проектов 1809—1812 годов. Она уже «не соответствует потребностям» середины века. Появляются новые серии проектов, рассчитанные на самостоятельные слои городского населения. В них уже исключено все то, что было непогрешимым и обязательным. В шестом десятилетии века все «образцовые» проекты отменяются. Их отмена была уже официальным отказом от классицизма.

На смену классицизму пришло смешение стилей прошлого, характерное для капиталистической формации. Оно носит специальное название — «эkleктика». Все архитекторы второй половины века знали этот стиль. Их обучали эkleктике, как и другим стилям, выдавая академические задания на проектирование объектов во всех стилях. Изучали его и архитекторы, работавшие в Вятской губернии — законы государства действовали на всей его территории.

Впервые начатки смешения стилей в вятской архитектуре применил находившийся здесь в ссылке академик А. Л. Витберг. Он запроектировал Александро-Невский собор для Вятки, где в

крестово-купольной системе во внешнем оформлении фасадов на барабане и на основных стенах применил удлинённые готические формы окон, завершая их треугольными кокошниками. Конечно, Витберг не копировал формы, взятые из других стилей, он их существенно перерабатывал. В конце XIX века при реконструкции женской гимназии в Вятке (ныне школа № 22 на Московской улице)¹ формы, взятые из византийского и барочного стилей, были использованы архитектором И. А. Чарушиным без какой-либо их переработки. Стремление к стилизаторству И. А. Чарушин привез в Вятку в качестве своего архитектурного багажа, полученного ещё в Академии Художеств; он пользовался им в течение всего дореволюционного периода своей деятельности. Помимо церкви женской гимназии, это стремление архитектора нашло отражение при архитектурной отделке банков на улице Дрелевского. Будучи крупным и творчески мыслящим архитектором, Чарушин не следовал здесь какому-то определенному образцу, и в стилевую характеристику своих работ вносил большое разнообразие. Банки² он выполнил в неогреческом и неоримском стилях. В оформлении построек в парке «Аполло»³ заметны отзвуки китайского и мавританского направлений. В особняке Т. Ф. Булычева, построенном в 1909—1911 годах (ул. Ленина, № 96) он обратился к английской готике, используя здесь же и ассирийско-вавилонские элементы. В магазине Клабукова и Ухова (ул. Дрелевского, 15, построен в 1909—1910 годах) Чарушин отдал должное чистому модерну его ранней поры (фото 148), вводя в обиход разнообразные детали специально нового их вида, трактованные, правда, субъективно, но весьма выразительно. Для обогащения впечатления он применил и использовал и новые отделочные материалы и приемы: цветную штукатурку и облицовку, бетон, гнутое железо, стекло и дерево. В этом здании Чарушин впервые применил полукруглое очертание угла с расположенным на нем главным входом. Такое решение применялось в модерне и до Чарушина (в московской и петербургской архитектуре); для него этот прием становится излюбленным и неоднократно используется и после революции.

Все вятские архитекторы после Чарушина испытывали его влияние и вполне естественно вносили в свои проекты все, что он поддерживал. Построенная по проекту Э. К. Нюквиста на Гласисе (ныне Октябрьский проспект) лютеранская кирха получила формы

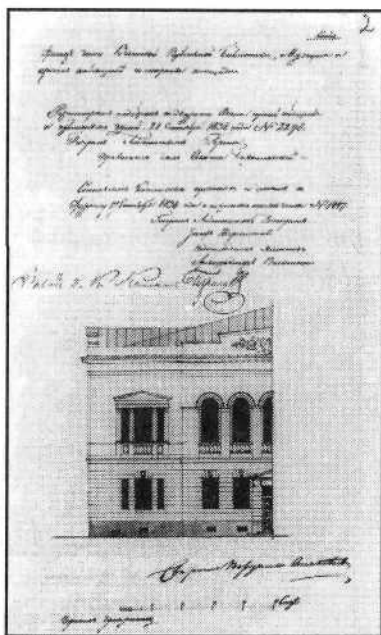
¹ К зданию конца XVIII века пристраивалась домовая церковь по проекту Чарушина в конце 1890-х гг.

² Банк Внешней торговли, ныне Госбанк, № 27, построен в 1911 г. Банк Ф. Веретенникова, ныне Дом офицеров, № 23, построен в 1913 г.

³ Деревянные здания летнего театра и эстрады. Не сохранились.

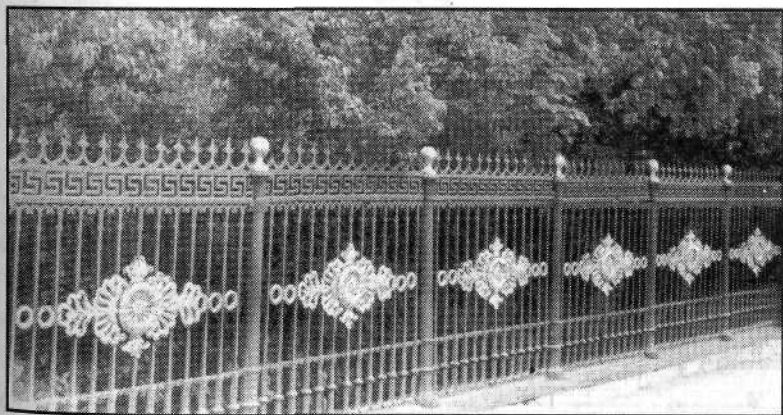

129. Александр Лаврентьевич
Витберг. Гравюра А. М. Колчанова.

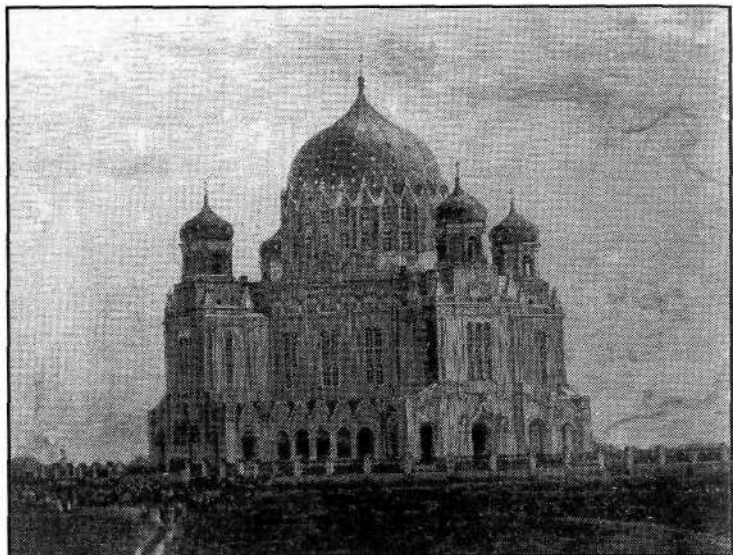

130. Проект здания музея и
библиотеки для города Вятки.
Архитектор А. Л. Витберг, 1838 г.
Проект не осуществлен.

131. Решетка Александровского сада в Вятке (ныне им. Степана
Халтурина). Архитектор А. Л. Витберг. Снимок 1958 г.

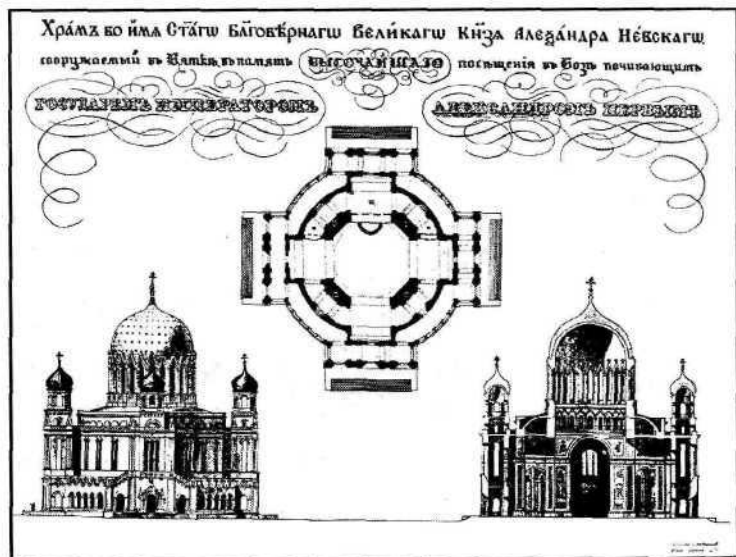

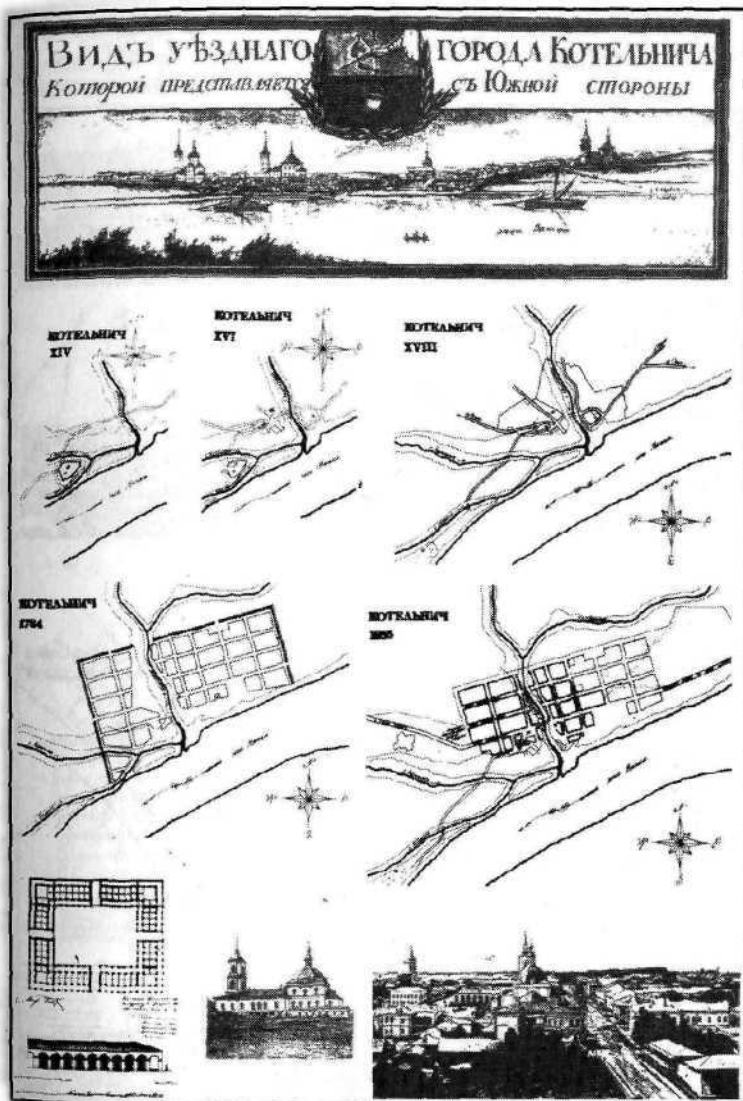

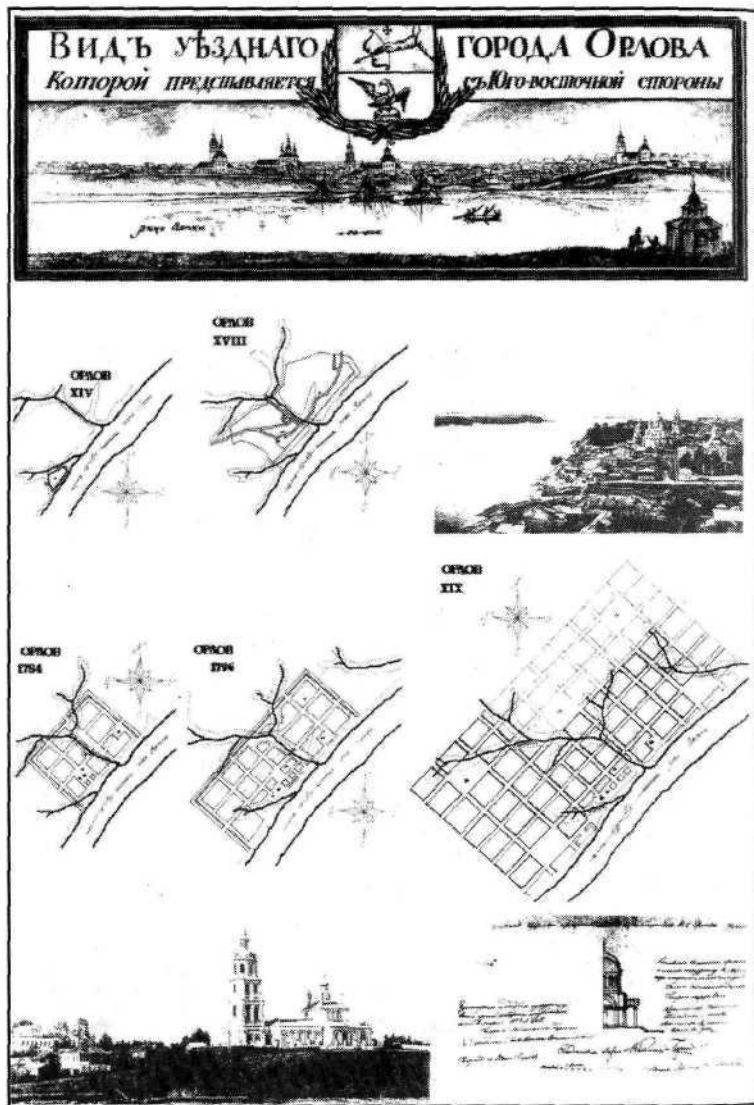
132. Проект Александровского собора в Вятке.
Архитектор А. Л. Витберг.

133. Александровский собор, 1839—1864 гг. Архитектор
А. Л. Витберг. Фото с гравюры неизвестного автора XIX в.

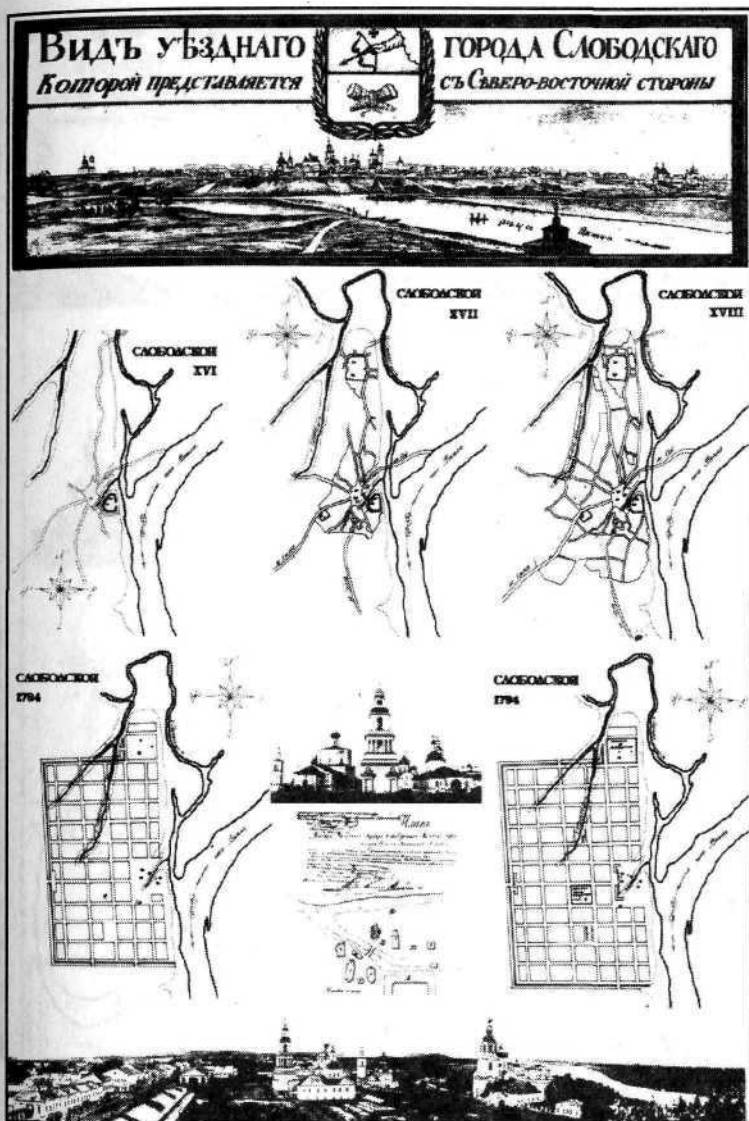

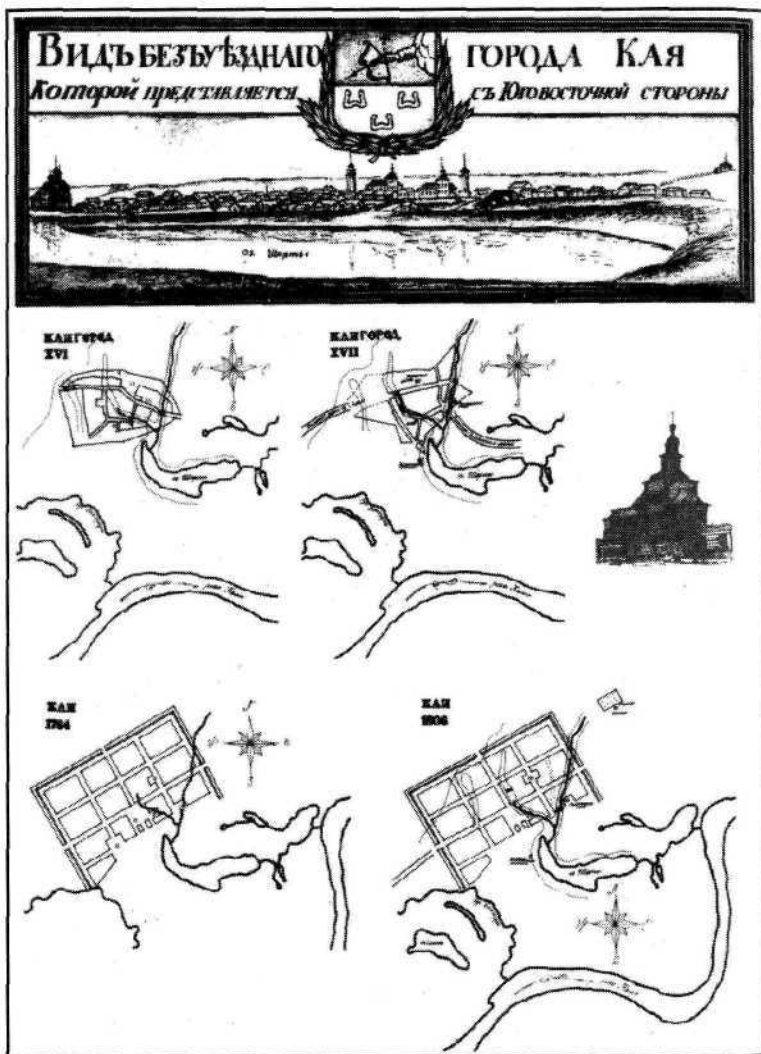
134. Котельнич. Панорама города. Схематические планы развития города XIV—XIX вв. Реконструкция Л. Б. Безверховой.

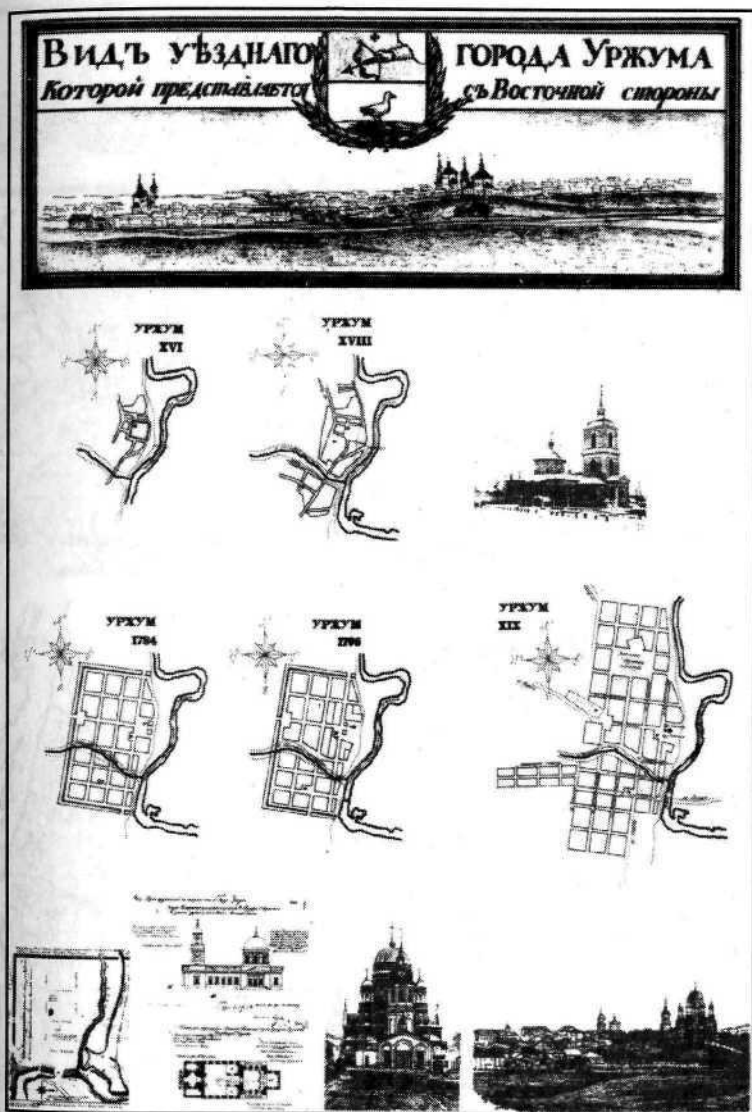
135. Орлов. Панорама города начала XIX в. Схемы планировки города. Вид главной площади. Реконструкция Л. Б. Безверховой.

136. Слободской. Панорама города начала XIX в. и планировка XIV—XIX вв. Реконструкция Л. Б. Безверховой.

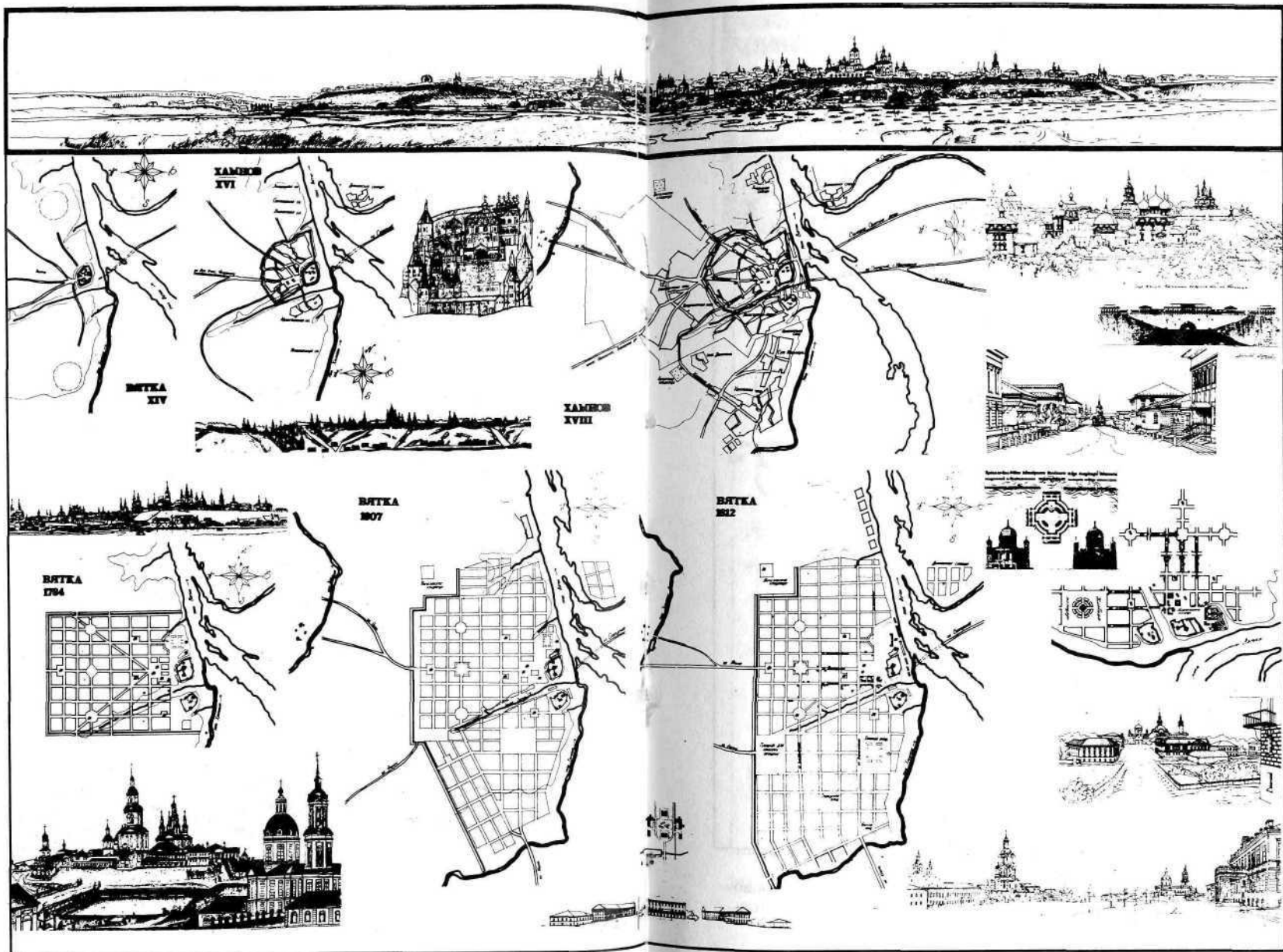

137. Кай. Панорама начала XIX в. Развитие планировочной структуры. Реконструкция Л. Б. Безверховой.

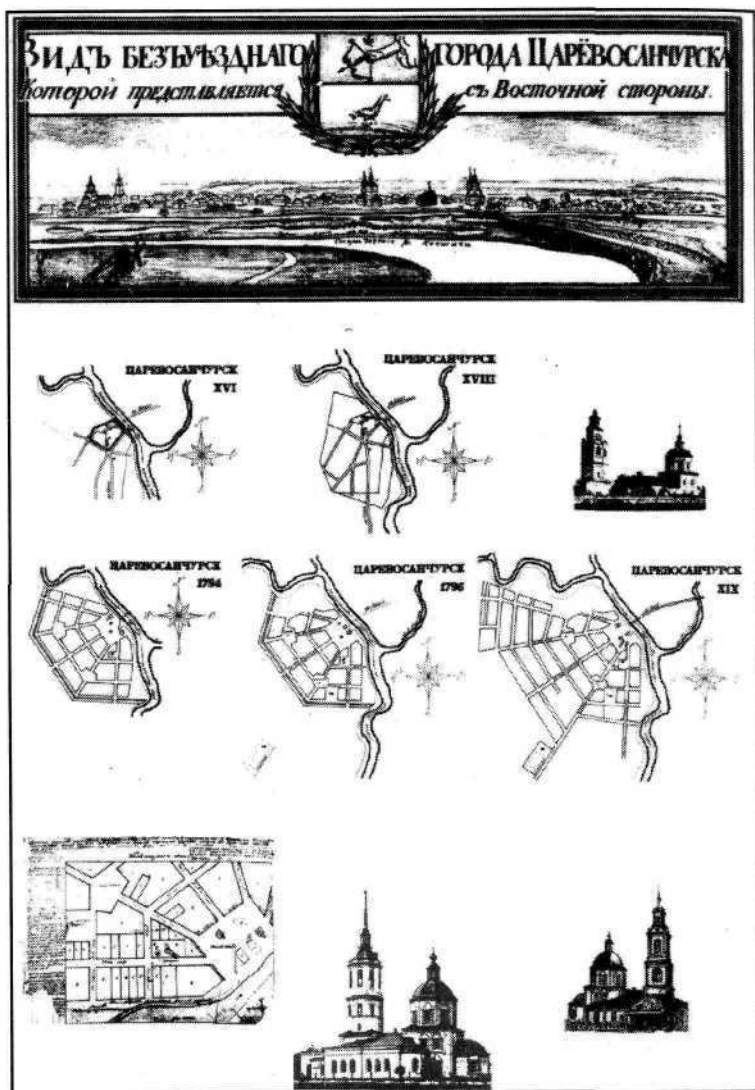

138. Уржум. Панорама начала XIX в. Схематические планы XVI—XIX вв. Реконструкция Л. Б. Безверховой.

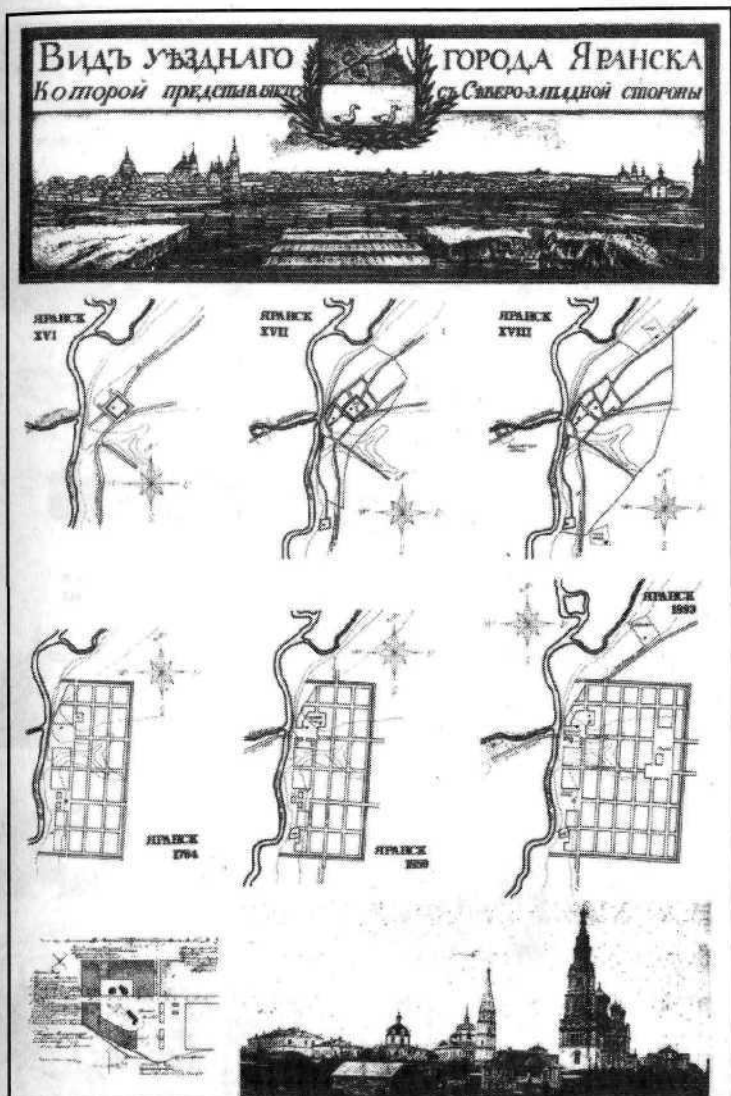

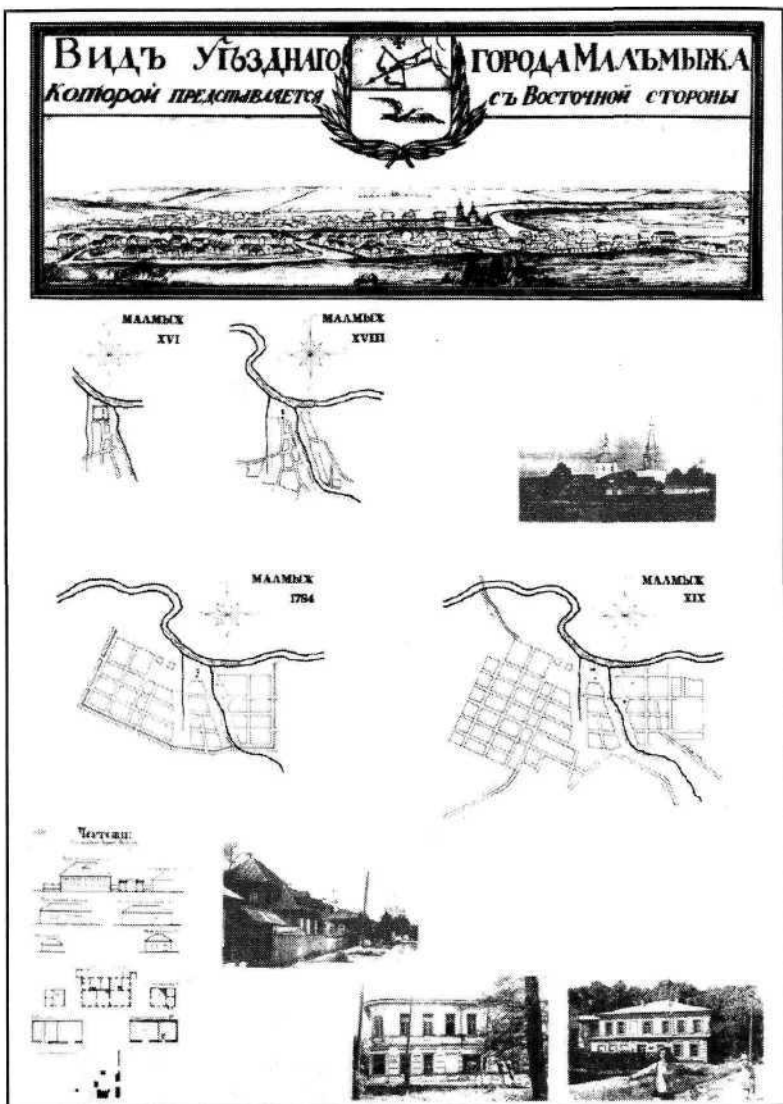
139. Вятка. Панорама города начала XIX в. Схематический план развития города XIV—XIX вв. Реконструкция Л. Б. Безверховой.

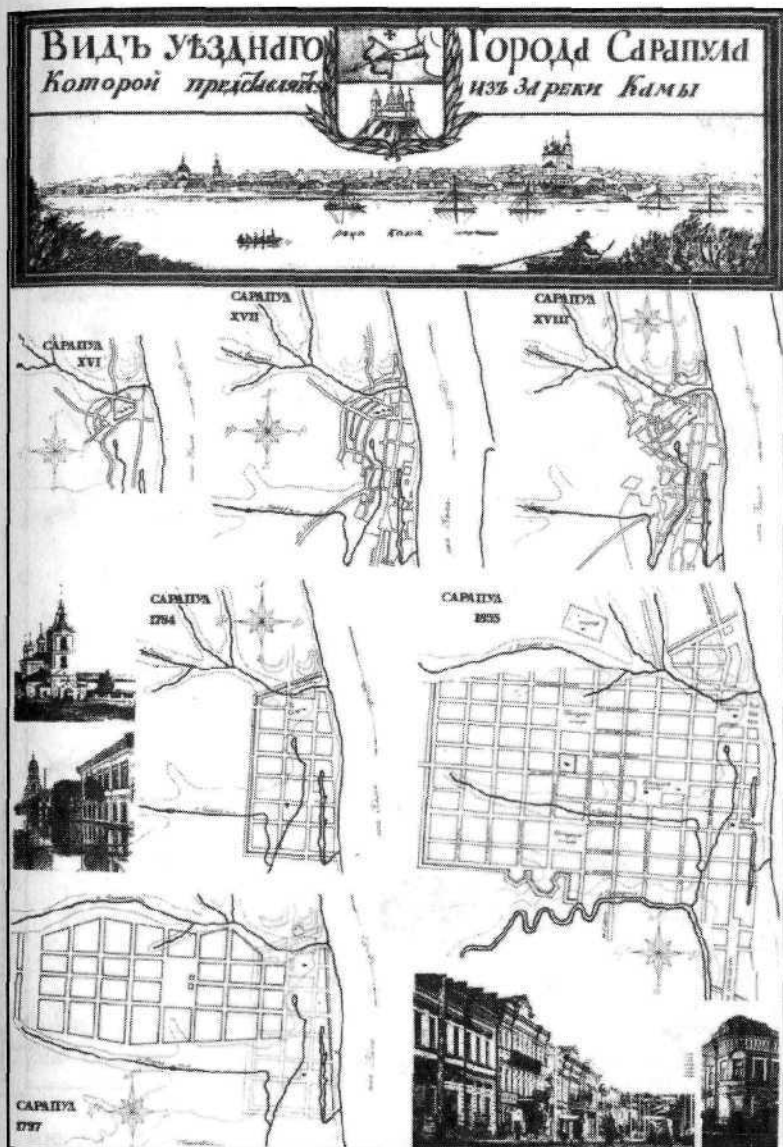
140. Царевосанчурск. Панорама начала XIX в. Развитие планировочной структуры в XVI—XIX вв. Реконструкция Л. Б. Безверховой.

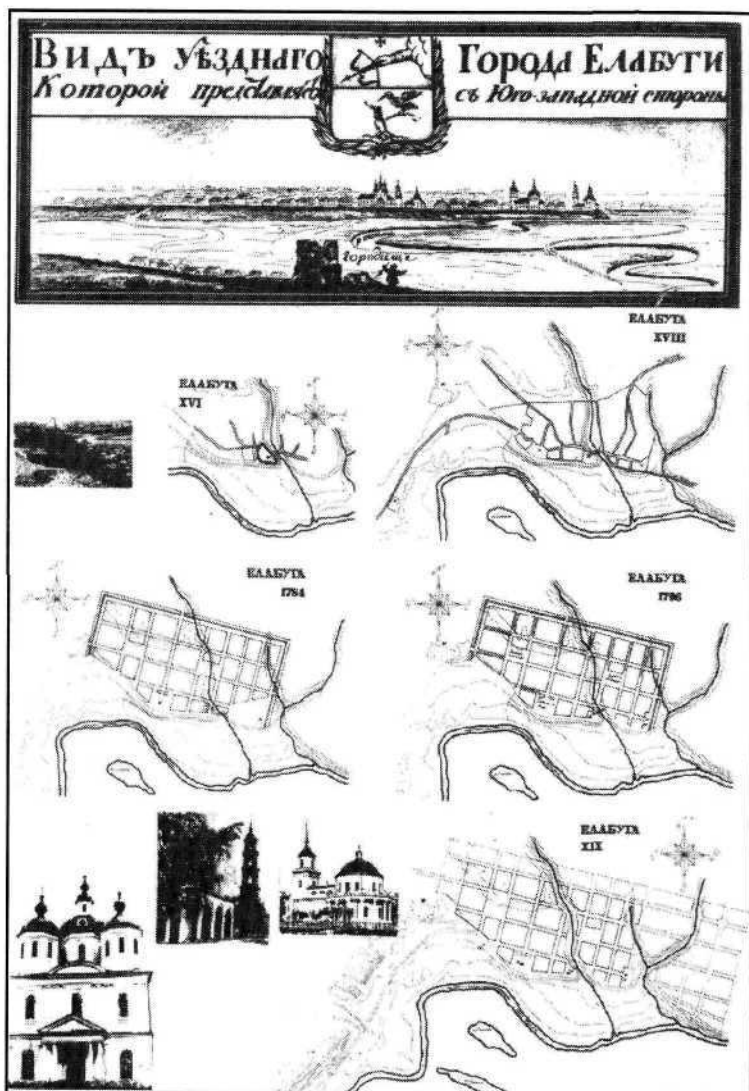
141. Яранск. Панорама города начала XIX в. Схематические планы XVI—XIX вв. Реконструкция Л. Б. Безверховой.

142. Малмыж. Панорама города начала XIX в. Схематические планы развития города. Реконструкция Л. Б. Безверховой.

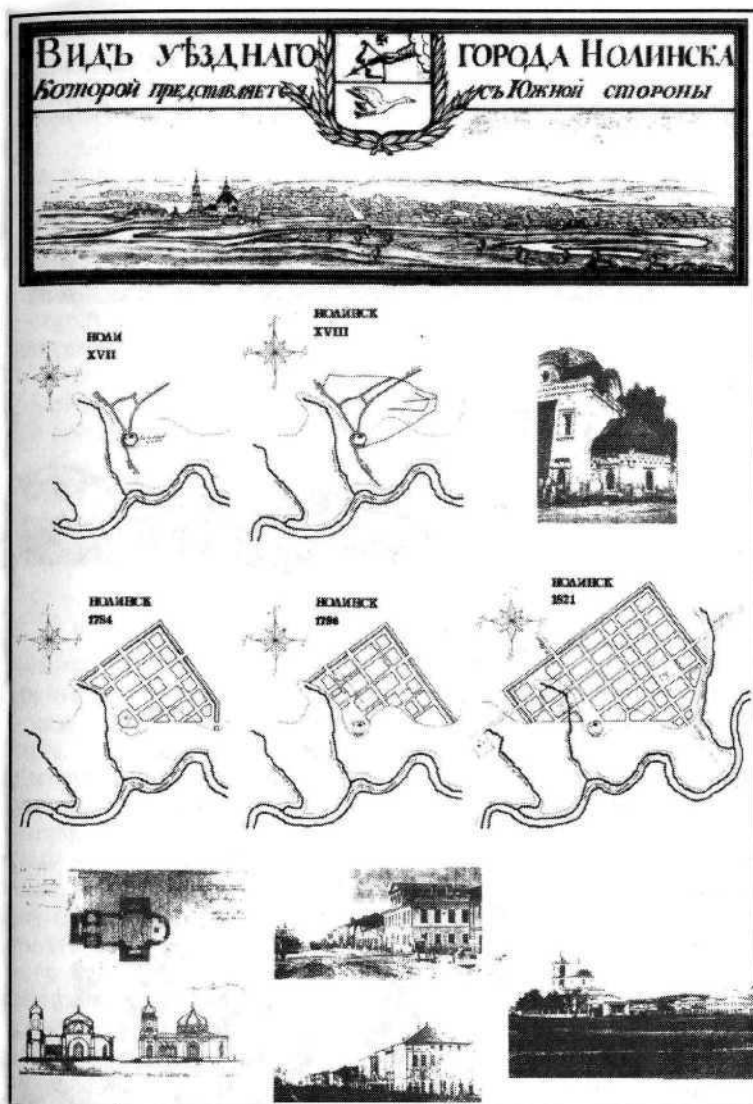

143. Сарапул. Панорама города начала XIX в. Схематические планы развития города в XVI—XIX вв. Реконструкция Л. Б. Безверховой.

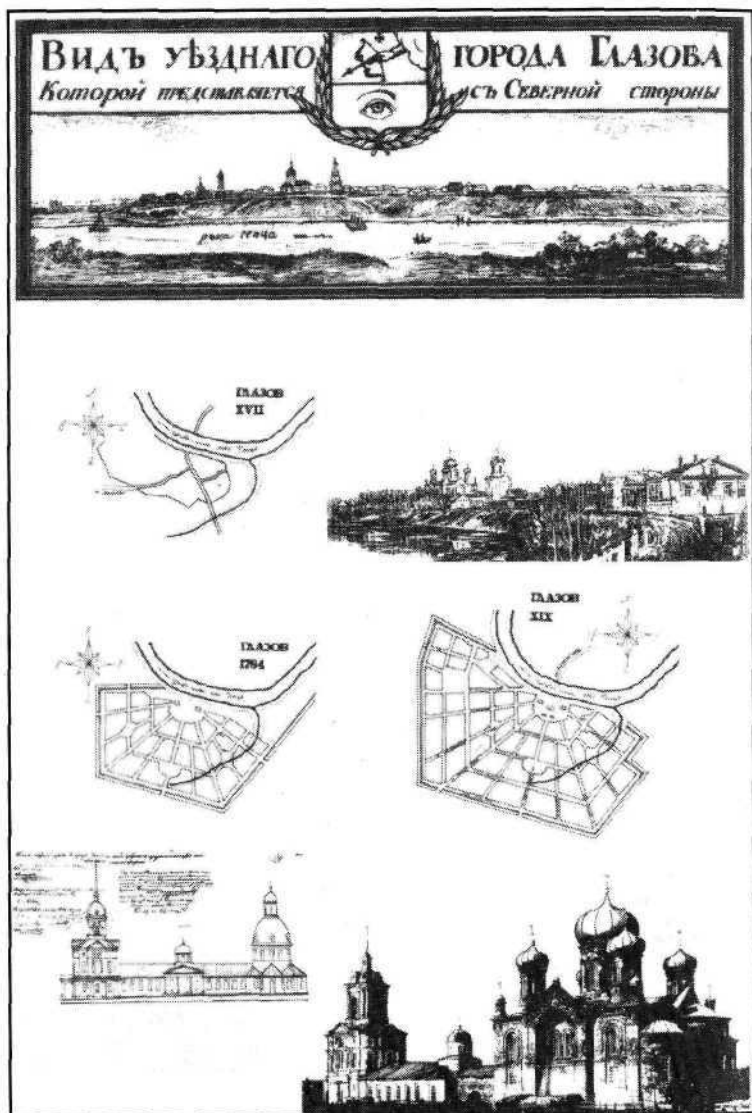

144. Елабуга. Панорама города начала XIX в. Схематические планы развития города в XVI—XIX вв. Реконструкция Л. Б. Безверховой.

145. Нолинск. Панорама начала XIX в. Схематические планы XVII—XIX вв. Реконструкция Л. Б. Безверховой.

146. Глазов. Панорама города начала XIX в. Схематические планы развития города в XVII—XIX вв. Реконструкция Л. Б. Безверховой.

Восточной Прибалтики, а татарская мечеть М. В. Дружинина — формы мусульманской архитектуры несомненно под влиянием И. А. Чарушина. Сам Чарушин к юбилею династии Романовых запроектировал Федоровскую церковь в формах, близких к стилю модного тогда столичного архитектора В. А. Покровского¹.

Стилизаторство и эклектика, появившиеся в середине XIX века, от всех других стилей отличались по своему существу тем, что были явлением подражательным. «Натуральным» же стилям соответствовали и свои материалы. Так, готические детали выполнялись из естественного камня, а в подражательных стилях второй половины XIX века они подделывались из кирпича; египетские формы в «натуральном» стиле выполнялись из естественного камня, а подделывались в конце века — из бетона.

В 1890 годах в русской архитектуре возникает особый этап. Его лозунг — отказ от подражательности и создание новых, созвучных времени форм.

Б. В. ЗЫРИН

«КИРПИЧНЫЙ» СТИЛЬ

В 1870-х гг. в русской архитектуре появилось течение, сторонники которого на первый план в архитектурном проектировании ставили рациональность: и здание, и каждая его часть в первую очередь должны удовлетворять своему назначению; именно назначение, а не желание архитектора, должно определять форму: она «определится сама из построения». Только таким образом «должны возникнуть формы здания, сообразные нашему климату, нашим материалам и нашим вещественным или нравственным потребностям», — учил архитекторов и гражданских инженеров Н. В. Султанов, один из основоположников нового направления, преподаватель Строительного училища в Петербурге. Эстетические вопросы при этом вполне сознательно почти полностью исключались. Тогда же, с началом массового земского строительства, новое течение появилось и в Вятской губернии. По существу, это был не стиль, а разновидность эклектического подхода к строительству, наиболее дешевая и экономичная. Каменные здания строились без наружной штукатурки, с применением облицовочного кирпича. Такой прием менял отношение к материалу. Вместо крупных классических деталей появилась мелкая, почти фактурная обработка поверхности, с

¹ Церковь построена в начале современной улицы Розы Люксембург. Разобрана в начале 1970-х гг.

существенной ролью цвета. Вместо скрытия облицовочного материала под штукатуркой выявлялся натуральный вид стенового материала.

Земство Вятской губернии весьма охотно начало внедрять новую систему в школьном, больничном и мелком административном строительстве. Качество и долговечность зданий повысились, возросла огнестойкость. Кирпичный стиль был более желательным для земства в связи с общедоступностью материала и упрощением строительных работ, что было немаловажно при строительстве в отдаленных местах и при примитивных внешних условиях.

Кирпичный стиль стал символом практических устремлений века. «Кирпичной» архитектуре принадлежит обширная будущность», — предсказывал в седьмом номере журнала «Зодчий» за 1876 год архитектор В. П. Куроедов. И в самой Вятке, и в уездных городах и селах в этом стиле строили начальные школы, общественные зерновые «магазинны» (склады посевного зерна), торговые помещения, мастерские, пожарные депо и жилые дома (фото 147).

Характерно, что кирпичный стиль использовали в своей архитектурной практике гражданские инженеры (выпускники Петербургского строительного училища), инженеры-технологи и экономисты, когда им по службе приходилось заниматься архитектурным проектированием (Э. К. Нюквист, И. А. Шмидт, И. В. Колачевич, Г. Г. Кутушев, И. И. Горбунов, Д. А. Охотников, А. Н. Шкляев, И. А. Шмаков и многие другие). Интерпретацией кирпичного стиля с введением местных материалов и деталей занимались и вятские губернские архитекторы А. С. Андреев, В. М. Дружинин, И. А. Чарушин, Я. П. Максимович.

Эклектика вообще и кирпичный стиль в частности по сей России сменили классицизм и явились предшественниками модерна.

Б. В. ЗЫРИН

СТИЛЬ «МОДЕРН»

Среди прочих архитектурных направлений в Вятке стиль «модерн» появился не вдруг; он пробивал себе дорогу и проявлялся исподволь. Признаки, предвещающие скорое появление модерна в вятской архитектуре, появились в 1901 году, когда на углу Владимирской и Луковицкой улиц (ныне улицы Карла Маркса и Профсоюзная) по проекту И. А. Чарушина было выстроено крупное краснокирпичное здание винного склада. В его облике появились особенности, раньше не встречавшиеся. Решенное в целом асим-

метрично, здание имело окна с пологими арками, очерченными «вялыми» кривыми, которые позже станут одним из характерных признаков стиля.

Являясь по существу преемником эклектики, модерн, в отличие от кирпичного стиля, претендовал на право решать вопросы развития архитектуры по-новому, согласно своей эпохе. Восприняв эклектику и продолжая ее, модерн отрицал ее существенную сторону — подражание стилям прошлого — и открывал дорогу ряду стилей новейшего времени (неоклассицизм и другие направления, для обозначения которых в русской архитектуре использовалась приставка «нео-»).

В каком же виде предстал модерн перед обществом? Здания в этом стиле не имели привычного главного фасада — все фасады были равнозначны, и их можно было рассматривать со всех точек, как бы проходя мимо здания или обходя его кругом. Прежней, одной-единственной точки восприятия не существовало. Новый стиль не признавал симметрично-осевых решений плана и объемно-пространственных композиций. Архитектурные формы приобрели изысканные очертания сложных и чаще всего «вялых» кривых. Фасады стали украшать разноцветной плиткой, цветной штукатуркой, деталями из бетона, опоки, гнутого железа. Одним из самых колоритных примеров раннего модерна в Вятке является здание магазина купца П. П. Клабукова (фото 148) на углу Спасской и Казанской улиц, построенное по проекту И. А. Чарушина в 1909—1910 годах (о нем — в статье «Архитектурные стили второй половины XIX века»). Кроме него Чарушиным выстроена в этом стиле целая вереница домов в различных городах бывшей Вятской губернии.

Л. Б. БЕЗВЕРХОВА

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО НА ВЯТСКОЙ ЗЕМЛЕ

Градостроительство Вятской земли долгое время оставалось белым пятном в общей истории русской архитектуры. Круг литературы, затрагивающей вопросы вятского градостроительства, узок. Не упоминалась Вятская земля в работах, посвященных градостроительству северо-восточного региона Европейской России. В фундаментальных трудах по теории и истории русского градостроительства сведения о городах Вятской земли отсутствуют вовсе. Да и вопрос о времени фактического появления русских поселений и возникновения первых городов на Вятке остается спорным.

По мнению видного историка архитектуры, члена корреспондента Российской Академии архитектуры и строительных наук, доктора архитектуры, профессора Н. Ф. Гуляницкого, заметным явлением стали градостроительные исследования, выполненные в последние годы известным специалистом по истории вятской архитектуры и строительства А. Г. Тинским. В его работах определены этапы развития планировочной структуры, последовательность и характер застройки средневековой Вятки-Хлынова. Впервые перепланировка городов Вятской губернии по регулярным планам показана как реализация целенаправленной государственной политики правительства, имеющая на Вятской земле свои особенности. В результате многолетних архивных изысканий и пристальных натуральных обследований, осмысленных благодаря большому практическому архитектурно-строительному опыту, была создана основа для изучения истории градостроительства на Вятке.

Являясь составной частью русского градостроительства, почти шесть веков градостроение на Вятской земле обрело своеобразные черты, подчиняясь общенациональным идеям, и опираясь в то же время на собственные традиции. Чтобы определить степень и характер взаимосвязей, выявить вятскую самобытность, необходимо понять саму суть градостроительства, обратиться к общему ходу развития русского градостроительного искусства.

Русское градостроительство — особое явление, впитавшее опыт тысячелетнего развития городов с уникальной исторической судьбой, которые формировались под влиянием объективных факторов в результате целенаправленной деятельности многих поколе-

ний зодчих-градостроителей. От их таланта и умения разумно, прочно, красиво устроить город зависели удобство, надежность, одухотворенность жизни в нем.

Строить город — значит решать во взаимосвязи множество функциональных, технических, эстетических, экологических задач. Всеобъемлюще охватить их, уловить специфику способен не каждый архитектор, а лишь мастер, наделенный тонким композиционным чутьем в сочетании с рациональным мышлением и особым даром чувства города — градостроитель. Это — архитектор иного масштаба, это — творец, одаренный видением своего произведения в пространстве и предвидением во времени.

Выдающимся качеством русского градостроительства являлось органическое слияние города с ландшафтом. Совершенства в этом достигли градостроители средневековья, которые не подчиняли природу, а «вписывали» в нее свои города, воспринимая их в единой гармонии как святыню — объект молитвенного поклонения. Религиозные понятия, правила, заимствованные из византийской теории градостроительства, рационалистические и эстетические представления, здравый смысл, наконец, подсказывали русским зодчим-градостроителям духовно-логическую направленность формирования архитектурной среды, определявшей не только характер жизни города, но и его архитектурный облик. Каждый город поэтому был своеобразен и неповторим.

Города строятся веками и на века, и потому зодчий-градостроитель должен ощущать себя «передающей инстанцией», постоянно ориентироваться на «генеральный» замысел, подчинять ему свое творчество, развивать и совершенствовать его идеи, очерчивая их для следующих поколений. Так издревле велось на Руси: каждое новое поколение зодчих, участвуя в длительном процессе созидания города, творчески развивали замыслы предшественников. Преемственность была главной чертой русского градостроительства.

Идеи возрождения преемственности закладывались уже в первые проекты реконструкции исторических городов нашей страны. В 1967 году был принят закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры». В 1970 году Госстрой и Совет Министров РСФСР 115 городов России отнесли к числу исторических. Для каждого исторического города предполагалось составление т. н. «опорного плана», с нанесением на него всех памятников истории, культуры, архитектуры, а в дальнейшем (1980 г.) была осуществлена систематизация исторических городов по величине и ценности архитектурно-градостроительного наследия¹. При разра-

¹ Руководство по планировке и застройке городов с памятниками истории и культуры (ЦНИИП градостроительства. — М.: Стройиздат, 1980. — 141 с.).

ботке генеральных планов исторических городов обязательным стало составление проектов зон охраны, призванных раскрыть индивидуальные особенности города и возродить для преемственного развития его первоначальный замысел. Проект охранных зон стал основой перспективного генерального плана каждого исторически сложившегося города.

К числу исторических были отнесены тогда два вятских города: Киров и Слободской. Проекты зон охраны для них были разработаны на кафедре архитектуры Кировского политехнического института, утверждены Министерством культуры РСФСР и Центральным Советом Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (1988—1990) и включены в генеральные планы. В 1990 году к историческим городам отнесены Котельнич, Малмыж, Нолинск, Орлов, Уржум, Яранск, для которых тоже разрабатывались проекты зон охраны. Предпроектные изыскания включали изучение архивных и библиографических материалов, натурные обследования, историко-градостроительный и графо-аналитический анализ, на основании которых определялись особенности формирования планировочной структуры, застройки города, выявлялись закономерности направления развития градостроительного процесса. Проекты зон охраны представили достоверную картину состояния города: археологически ценные территории, культурно-исторически ценную застройку (существующую и утраченную), ценный ландшафт. Проектами определены границы заповедных территорий, групповые охранные зоны, зоны регулирования застройки, зоны охраняемого культурного слоя, зоны охраняемого ландшафта, регламентировалась дальнейшая градостроительная деятельность. Составленные проекты зон охраны позволили существенно скорректировать градостроительную политику в исторических городах области и предотвратить грубые ошибки.

В то же время градостроительные исследования показали, что многолетнее игнорирование преемственности развития, отрицание индивидуальных особенностей застройки и, наконец, преднамеренные разрушения привели и к невосполнимым потерям. Вятские города Санчурск, Кай, Сарапул, Глазов по своим утратам не были отнесены к исторически ценным.

Исследования подтвердили и то, что изучение становления, определение исторического места и путей дальнейшего развития градостроительства на Вятской земле невозможно в отрыве от истории и многовекового опыта общерусского градостроительного искусства.

Русское градостроительство прошло два основных этапа¹.

---

¹ Русское градостроительное искусство. ВНИИТАГ. Под общ. ред. Н. Ф. Гуляницкого. — М.: Стройиздат, 1993.

Первый включает период с X до XVII века и характеризуется становлением целостной системы градостроительного искусства средневековой Руси. Второй этап — это XVIII в. и первая половина века XIX — отмечен внедрением в практику строительства городов регулярных принципов и беспримерной до того реконструкцией всех губернских и уездных городов России.

Первый этап градостроительства.

Возникновение городов на Вятке XIV—XV вв.

То было время, когда складывалась русская государственность, русская народность обретала черты социальной и культурной общности на основе единой идеологии — православия. Градостроение находилось в прямой зависимости от состояния общества и вместе с ним переживало перемежающиеся периоды подъема, умеренного развития, расцвета, упадка градостроительной культуры.

В конце IX века Киев становится политическим, культурным и торговым центром русских земель в составе Киевской Руси. Вместе с христианством Киев перенимает и византийскую градостроительную культуру. Под ее влиянием вырабатывается планировочная структура русских городов, определяются общие черты застройки и архитектурно-пространственной композиции. Долгое время — вплоть до XIII века — именно Киев оставался для всех прообразом города: ему подражают и Новгород, и вторая столица Руси — Владимир, и стольные города многочисленных удельных княжеств.

С началом опустошительного татаро-монгольского нашествия (1237—1240 гг.) в разоренных удельных княжествах градостроение приходит в упадок, люди бросают свои дома и устремляются в северные районы, менее доступные для татарской конницы и слабо заселенные финно-угорскими племенами. И если в XII — начале XIII века проникновение славян из новгородских земель по Северной Двине, Югу, Моломе, Волге, Унже, Ветлуге в район Средней Вятки было еще единичным явлением, то на рубеже XIII—XIV веков заселение бассейна Вятки выходцами из Нижегородско-Суздальского княжества стало массовым. Одним из первых русских протогородков на Вятке, по мнению А. В. Эммаусского, был Никулицын, основанный на месте поселения чуди¹. В его обустройстве пришли мастера — «жители» использовали приемы киевской традиции, бытовавшие на их родной земле. Ставшее на крутом берегу р. Вятки, на мысу, недалеко от устья Чепцы поселение было укреплено с напольной стороны тремя мощными земля-

¹ А. Эммаусский. Образование древневятских городов. — Спутник агитатора. Киров, 1980, № 1, 2.

ными валами и имело предпосылки превращения (со временем) в средневековый город мысового типа. Этого, однако, не произошло: достигнув своего расцвета, к середине XIV века поселок захирел и был покинут жителями.

На Руси с общим возрождением, последовавшим за славной победой в Куликовской битве (1380), после длительного упадка, начался новый подъем градостроительства. Пройдя в XIV—XV вв. период внутренней сосредоточенной подготовки, обратясь к домонгольским традициям, развивая и совершенствуя их, русское градостроительное искусство достигло небывалого расцвета в эпоху Московского централизованного государства. Именно в этот период возникают вятские города: Вятка, Орлов, Котельнич¹. Градостроительные исследования, основанные на изучении летописных сведений и археологических раскопок, гипотетические реконструкции позволяют судить о планировке, застройке, архитектурно-пространственном построении первых вятских городов. Города эти имели трехчастную структуру: крепость, посад и торг. Крепость и прилегающий к ней посад являлись главными структурными элементами. Функции административного и духовного центра сосредоточивались в основательно защищенной крепости, где размещались главные храмы. И в Вятке, и в Орлове, и в Котельниче крепость занимала мыс между сливающимися разновеликими реками, окруженный с трех сторон глубокими оврагами. Очертания мыса определяли секторный тип крепости. С незащищенной стороны мыса выкапывался ров, а по линии бровки холма насыпались валы и возводились стены, срубленные в два ряда из толстых бревен. По мере роста городов крепости переносились на новое место — город стремился занять ключевые позиции и взять под контроль водную дорогу, иметь возможность беспрепятственного развития. Так, в Котельниче и Орлове крепости «перешли» за северные овраги. Письменные источники XVII в. указывают на ветхость старых городских строений, башен, стен — в Орлове и о переносе крайне ветхих храмов в острог — в Котельниче, что свидетельствует об оставлении их на старых местах «до изгоя». На более поздних планах Орлова и Котельнича, составленных в XVIII в., следов тех крепостей уже нет. В Вятке древняя крепость стала ядром развивающегося города, а ее стены засыпал вал более позднего кремля, что очевидно по реконструкции А. Г. Тинского² и подтверждает археологическое заключение Л. Д. Макарова³.

В отличие от крепости посад ограждался легкими укрепле-

¹ Вятка — 1374, Котельнич — 1459 (перв. уп.), Орлов — 1459 (перв. уп.).

² А. Г. Тинский. Планировка и застройка города Вятки в XVII—XIX веках. Киров, 1976, с. 14.

³ Л. Д. Макаров. ЭЗВ, т. 1, с. 25.

ниями для защиты от диких зверей или кратковременных набегов враждебно настроенных к пришельцам местных племен. Типичной конструкцией была стена из вертикально поставленных бревен — острог.

Главный торг размещался возле главных ворот с внешней стороны крепости и служил связующим звеном между крепостным ядром и посадом. Торг был планировочным центром города: к нему и к главным воротам крепости стягивались улицы посада, шли главные дороги, здесь возводились храмы и храмовые комплексы.

Наличие типичных структурных элементов и их определенных сочетания, применяемые при строительстве первых вятских городов, убеждают в том, что первостроители обладали набором приемов и средств, проверенных временем, свободно применяли их, ориентируясь на некий собирательный градостроительный «образец». Так, в основе каждого вятского города была крепость секторно-мысового типа, наиболее распространенного на Руси еще в X—XIII вв. По характеру плана все вятские города являлись городами секторного типа, продиктованного мысовым расположением крепости. Однако, несомненно и то, что градостроительный «образец» воплощался осмысленно, подчиняясь конкретной ситуации. Об этом свидетельствует тот факт, что системы планировки вятских городов прошли последовательно несколько стадий, завершив свое развитие на различных ступенях. Планировка Вятки при первоначальной разбивке представляла линейную разновидность порядковой системы нецентричного типа. В процессе естественного роста она перешла в всерную систему центрического типа, а позднее, уже к началу XVIII в. — в ветвистую систему (табл. 139). Система планировки Котельнича, пройдя первую стадию, остановилась в своем развитии на начале второй — всерной системе центрического типа (табл. 134). Система планировки Орлова приостановила свое развитие на стадии порядковой системы нецентрического типа, представляя ее линейную разновидность (табл. 135).

Архитектурный облик вятских городов XIV—XV вв. не был зафиксирован какими-либо документами, и его можно представить по аналогам. Ведущее место в композиции города занимала крепость, архитектурное решение которой отличалось лаконизмом. Образ крепости определялся стеной, поставленной на валу, над которой возвышались малочисленные башни (их состав ограничивался воротной и дозорной, а иногда только воротной). Стена скрывала всю внутреннюю застройку крепости и даже храмы, имевшие небольшую высоту. Почти полное отсутствие вертикалей делало крепость слитной с рельефом. Торг, расположенный у въездных ворот, представлял открытое пространство, на котором размещались лавки, храмы. Существенной композиционной роли они играть не могли, так как всегда воспринимались на фоне крепости,

а с главной «улицы» — реки и вовсе были закрыты ею. И уж, конечно, не могла спорить с крепостью стелющаяся застройка посада, напоминая о себе не часто встречающимися острогами. Города развивались в гармоничной взаимосвязи с природой, как бы стараясь не проявлять себя внешне. Вокруг возникших вятских городов образовывалось постоянное оседлое русское население, представленное выходцами из Суздальско-Нижегородских, Новгородских земель, которые получили наименование вятчан¹. Пришельцы принесли на Вятскую землю образ жизни, культуру, в том числе и градостроительную.

Последовательно проводя политику создания единого централизованного государства, московские князья придавали большое значение организации системы обороны наиболее опасных границ. Южные границы укреплялись засечными чертами, под защитой которых население распространялось к югу, где на новых землях строились русские города. Восточные и северо-восточные рубежи призвана была защищать Вятская земля, обширные территории которой граничили с образовавшимся в 1436 году Казанским ханством. Однако Вятка не спешила подчиняться, здесь сильны были враждебные чувства к усиливающейся Москве и преобладали сепаратистские настроения. Формально присоединенная к Москве в составе Нижегородско-Суздальского княжества в 1393 году, присягнувшая великому князю в 1459 г., Вятка признала свою зависимость фактически после полувекового сопротивления. Отстаивая свою независимость, вятчане вынуждены были противостоять и Москве, и Казани одновременно. Опасение неминуемого столкновения с московскими силами, необходимость отражения агрессивных притязаний татарских ханов определили градостроительную политику на Вятской земле в XV веке. Основное внимание уделялось усилению главного города — Вятки. Здесь укрепляются острогом и рвом границы разросшегося посада междуречья — предградья. В середине XV в. перестраивается Вятская крепость: на земляном основании возводятся стены и башни нового кремля, названного Хлыновом.

Города Орлов и Котельнич замедляют свой рост и развитие, сконцентрировавшись исключительно на оборонительных функциях, они выполняли роль сторожевых постов на подступах к главному городу.

Прочно устроенные вятские города отражали удары противников вплоть до 1489 года, когда, в результате очередного похода, московское войско овладело Котельничем и Орловым. Хлынов, оставшись неприступным, сдался после переговоров. Вятка признала власть Москвы.

---

¹ Д. К. Зеленин. К вопросу о ходе древнейшей русской колонизации в Вятский край. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1994.

Города на Сибирском торговом пути. XVI в.

Окончательное присоединение к Русскому государству Вятской земли, активизировавшее многие жизненные процессы, повлияло и на развитие градостроительства. Приостановленное «разводом Вятки» строительство и развитие городов получило новый импульс.

Вятский край включался в формирующийся всероссийский рынок. Деятельное участие в развитии этого процесса сыграли могущественные купцы Строгановы, которые, реализуя политику правительства, начали освоение Приуралья и Западного Урала, не оставив без внимания и Вятскую землю. Благодаря их стараниям в северных районах Вятского края в конце первой половины XVI в. возникают городки и слободы различного назначения.

Одним из таких городков стал Кайгород, игравший значительную роль на торговом пути из Подвинья на Урал и Сибирь. Через Кайгород проходила и дорога на север, в Архангельск. Основан он был Строгановыми в 1558 г. как город-крепость для защиты от нерусских племен на месте существовавшего на левом берегу реки Камы у оз. Шарты вятского поселения и являлся опорным пунктом правительственной и строгановской администрации, центром бойкой торговли (табл. 137).

В начале 1540-х годов как промежуточный торговый центр с оборонительными функциями, был основан город Шестаков. Располагался он на правом берегу реки Вятки при впадении речки Артемовки и состоял из двух частей: укрепленного собственно города или кремля и неукрепленного посада. Кремль обосновался на мысу, ограниченном с севера и востока изгибом реки Вятки; с юга и запада его границу определили два параллельных ряда искусственных валов и рвов. На ближнем к кремлю валу были поставлены городни, прерывающиеся воротными и глухими башнями. Направление развития посада определяла топографическая ситуация.

Значительно раньше возникла Слобода Верхняя (Слободской), упоминаемая впервые в 1489 году, а к 1505 году уже имевшая все признаки города (табл. 136). Его основой являлась крепость секторно-мысового типа, размещенная на высоком мысу, ограниченном с востока правым берегом реки Вятки, с северо-запада крутым склоном оврага, с юга — болотом. Защищала крепость деревянная стена на валу, усиленная дозорными башнями. С запада к крепости примыкал посад с развитым торгом. Долгое время, сохраняя значение торгового центра на перепутье важных торговых связей Москвы с Уралом, Архангельска с Астраханью через Казань, Слободской продолжал развиваться как типичный средневековый город.

С 1598 года, когда Сибирский торговый путь стал проходить

по вновь присоединенным землям, через Казань и Кунгур, северные земли постепенно утрачивали свое значение, а вместе с этим «угасли» некогда важные города. Эта участь постигла Кайгород и Шестаков.

Города Вятского Понизовья. Конец XVI в.

В 1552 году, в результате знаменитого царского похода, разгромом Казани войсками Ивана IV, завершилась длительная борьба с Казанским ханством. Ханство было уничтожено, а земли его перешли в состав Русского государства. Возникла необходимость создания опорных центров для охраны новых юго-восточных границ, осуществления контроля на завоеванных территориях, христианизации местного населения. Именно для этих целей в конце XVI века в Вятском Понизовье, населенном мордвинами, чувашами, марийцами, удмуртами, были основаны русские города-крепости: Трехсвятское (Елабуга), Уржум, Царевосанчурск, Яранск, Малмыж, Вознесенское (Сарапул).

Елабуга возникает как русское укрепленное поселение слобода Трехсвятская (впоследствии дворцовое село) на возвышенном берегу реки Камы при впадении в нее реки Тоймы в 50-е годы XVI века. Предшественником слободы был городок, существовавший в Казанском ханстве XV—XVI вв., именовавшийся Алабуга. В начале XVII в. неподалеку был основан Троицкий Каменного городища монастырь, составивший вместе с Трехсвятской слободой единый форпост. В западном и восточном направлении от защищенной острогом крепости стал развиваться посад (табл. 144).

Уржум, как русский город-крепость, был основан в 1584 году на левом берегу реки Уржумки, на землях марийского племенного поселка. Крепость имела правильные геометрические очертания. Посад развивался в северном, западном и преимущественно в юго-западном направлении от крепости (табл. 138).

В том же 1584 году на правом берегу реки Кокшаги с целью защиты русской колонизации от луговых черемис был поставлен город-крепость Царевосанчурск. Крепость была обнесена деревянной стеной на валу геометрических очертаний. В южном направлении от торгового, разместившегося за пределами крепости, стал развиваться посад (табл. 140).

Активизировать градостроительство в конце XVI века в Вятском Понизовье русское правительство побудило татаро-марийское восстание 1584—1591 гг. Именно к этому периоду относится основание еще двух городов-крепостей: Малмыжа и Яранска.

Малмыж был основан как город-крепость, на месте черемисского городка. Крепость была поставлена на плато, ограниченном с севера правым берегом реки Шошмы, а с востока и запада реками

Засорой и Мокшей. Геометрические очертания крепости были отмечены четырьмя глухими угловыми башнями. Пятая башня — проезжая Спасекая соединяла крепость с торгом, от которого в единственном возможном из-за естественных преград, южном направлении стал развиваться посад (табл. 142).

Местом для строительства Яранска избрали высокий яр на правом берегу реки Ярани. Крепость правильных геометрических очертаний была традиционно обнесена деревянной стеной на валу, с севера и запада ее защищал ров, наполненный водой, с юга — овраг, с восточной — бор. Посад начал развиваться в северо-восточном направлении от крепости и одновременно в восточном и южном, но от торгового, разместившегося к юго-западу от крепости. В дальнейшем преимущественными стали северо-восточное и южное направления (табл. 141).

Сарапул был основан в конце XVI века как русское село Вознесенское. На месте прежнего чувашского поселения был срублен город-крепость, занявший на высоком правом берегу реки Камы плато, ограниченное с севера и юга оврагами. Посад развивался в западном направлении от крепости и в южном от торгового, образовавшегося у ее восточного подножия (табл. 143).

Во второй половине XVI века нижевятские города в административном отношении входили в состав Казанского края¹. Являясь уездными центрами, они непосредственно подчинялись государственным органам в области градостроительной политики. Потому в дальнейшем развитии этих городов преобладают общегосударственные градостроительные идеи, которые, однако, не исключали проявления национальной самобытности в решении элементов застройки, пространственной композиции.

Монастыри в структуре городов. Село Ноли

Важным структурным и образным элементом русских городов являлись монастыри, появившиеся на Руси вскоре после принятия христианства. Монастыри были духовными центрами. Монастыри строились как укрепленные пункты — по тем же градостроительным законам, что и города — со своими стенами, святыми воротами в них, башнями, лобным местом и храмами. «Только в отличие от мирского города, где соединялось мирское и духовное

¹ По губернской реформе 1708 г. нижевятские города были отнесены к Казанской губернии. По областной реформе вошли в состав Казанской провинции. В 1780 г. были переданы Вятскому наместничеству, преобразованному в 1787 г. в губернию.

начала жизни, в монастыре все было посвящено духовному началу»¹.

Монастыри выполняли различные функции — оборонную, экономическую, политическую, социальную, культурную. Активное проиикновение в средние и северные части Руси монашества произошло еще в XIV—XV вв., однако в период возвышения Москвы как столицы государства вся русская земля была расцвечена многочисленными монастырями. Церковные и светские власти придавали большое значение приумножению монастырей в малоллюдных и малокультурных краях, считая, что это должно было способствовать обращению в христианство языческих народов. Монастыри призваны были явиться базами дальнейшей колонизации, очагами культуры. Поэтому миссионерская деятельность монастырей по распространению идеалов православия на вновь присоединенных территориях всячески поощрялась правительством.

В конце XVI века при непосредственном содействии Строгановых возникают первые монастыри на Вятской земле. Большинство вятских монастырей было основано в городах, старых и новых, как, например, Успенский Трифонов и Преображенский в Хлынове, Спасский в Орлове, Предтеченский Христорождественский в Слободском, Троицкий на Каменном городище в Елабуге. Существовали на Вятке монастыри, возникшие как пригородные (позже они «вросли» в город и стали городскими). И те, и другие оказали значительное влияние на развитие планировочной структуры своих городов. Так, Крестовоздвиженский (Богоявленский) монастырь в Слободском определил преимущественное развитие Слободского посада в северном направлении, а Вознесенский в Яранске дал импульс развитию Яранского посада к югу от торгового центра. Ансамбли городских монастырей контрастно выделялись в городской застройке, существуя как самостоятельные комплексы, но одновременно активно входили и в композицию города, формировали его силуэт. Некоторые вятские монастыри и пустыни существовали как самостоятельные центры, вокруг которых образовывались и развивались поселения. К ним можно отнести Екатерининский (Верховятский), Вержочепецкий (Крестовоздвиженский).

Забегая вперед, следует напомнить, что к концу XVII века на Вятской земле существовало 18 монастырей. Правительство щедро наделяло их землей и к означенному времени самым крупным на Вятке частным землевладением стало монастырское. Многочисленными вотчинами владел Успенский Трифонов монастырь. В одной из них на берегу реки Вои монастырские старцы в 1653 г. основали погост Никольский с церковью святого Николая Чудотворца, съез-

¹ Протоиерей Лев Лебедев. Москва патриаршая. — М.: «Вече», 1995.

жей избой, хлебными амбарами и монастырским двором. Со временем погост стал планировочным и композиционным центром села Ноли, развивавшегося в северном и северо-восточном направлениях. Городом и уездным центром Нолинском село было определено в 1780 г. (табл. 145).

«Старые» и «новоземельные» города к началу XVII века

К началу XVII века на Вятской земле сложилось два типа городов: одни из них (назовем их условно «старыми») возникли до образования Московской Руси и находились в границах Руси XV века, другие (будем называть их «новоземельными») основаны на присоединенных территориях и на важных торговых путях.

Старые города имели уже устойчивую, последовательно развивающуюся планировку, застройку и архитектурно-пространственную организацию. Самым значительным в этой группе городов был Хлынов, постепенно сосредоточивающий в себе функции административного, культового и торгового центра обширного края. На месте Вятской крепости возвышался хорошо укрепленный кремль, который с середины XVI в. превращается в центр церковной жизни. За рвом, к юго-западу от городских укреплений образовался торг, от которого в северо-западном, западном и юго-западном направлениях развился укрепленный посад. У подножия кремлевского холма, на южном берегу Засорного оврага был основан Успенский монастырь (1580). Планировка города приняла характер веерной системы центрического типа и имела тенденцию развития в конкретно определившихся направлениях¹. Вдоль них возникали слободы, в результате роста которых намечались зачатки ветвистой системы планировки. Появились слободы и к югу от города, в том числе Монастырская, у стен монастыря. На правом берегу Вятки уже достаточно обосновалась возникшая в конце XV в., слобода Дымковская: город осваивал дальнее заречье. В архитектурно-пространственной организации города доминирующая роль принадлежала культовым зданиям, которые определяли планировочные центры и формировали городской силуэт.

Котельнич к началу XVII века разместился на мысу в междуречье Котлянки и Балакарицы, куда перенесены были храмы из ветшающего кремля. Здесь образовался торг, от которого в запад-

¹ Тинский А. Г. Планировка и застройка города Вятки в XVII—XIX веках. Киров, В-Вят. кн. изд., 1976, с. 14. План г. Хлынова начала XVII века. Реконструкция А. Г. Тинского.

ном, восточном и частично в северо-западном направлениях развивался открытый посад. Планировка города представляла начальную стадию всеобщей системы центрического типа (табл. 134).

Орлов перешел на мыс в междуречье Вятки и Воробьихи, где расположился торг. Открытый посад развивался от торгового вдоль р. Вятки в юго-западном и северо-восточном направлениях. Планировка г. Орлова в начале XVII века сохранила черты порядковой системы нецентрального типа. Архитектурно-пространственную организацию города акцентировали храмы, поставленные в главных планировочных узлах (табл. 135).

Новоземельные города Вятской земли, возникшие как города-крепости, в начале XVII в., под влиянием общегосударственных геополитических процессов¹, существенно «корректируют» характер дальнейшего развития. Елабуга, Уржум, Царевосанчурск, Малмыж, Яранск, Сарапул, постепенно утрачивая свои первоначальные функции, становятся торгово-промышленными центрами. А Слободской и Кай, основанные как торгово-промышленные пункты, многократно усиливают свои первоначальные функции. В дальнейшем новые города Вятской земли развивались, подчиняясь общерусским градостроительным традициям и отличались лишь очертаниями крепостных ядер — регулярных в городах-крепостях. За стены крепостей выносились торги, от которых начинали свой рост посады и слободы. В предградиях обосновывались монастыри, дающие жизнь своим слободам. Здесь возводились главные идейно-композиционные ориентиры — храмы, подчиняя себе окружающую застройку, организуя архитектурное пространство.

Вятские города в XVII и первой половине XVIII века

XVII век, отмеченный внутренними распрями и интервенцией, поколебавшими социальные и духовные устои феодальной Руси, завершал русское средневековье. Победа светской власти над церковной приводит к переориентации религиозного мировоззрения, к проникновению светского начала во все сферы жизни. Преодолевая последствия «смуты» и нашествия польско-шведских интервентов, нанесших тяжелый урон городам, страна возвращалась к созидательной градостроительной деятельности. Градостроительство разворачивается в небывалых до того масштабах и за короткое время достигает своей кульминации к середине века. Новый подъем российского градостроительства поражает размахом

¹ К концу XVI века, в связи с ликвидацией Сибирского ханства, Вятская земля перестает быть окраиной Русского государства. Она становится связующим звеном между центральными, поволжскими, поморскими и урало-сибирскими районами.

и темпами, не имеющими precedентов. Он стал возможен благодаря тому, что градостроительное дело полностью перешло в ведение государства. Руководство строительством и градостроительством в том числе осуществляли централизованные правительственные учреждения — Приказы, окончательно сформировавшиеся в XVII в. и действовавшие на всей территории страны от имени царя и боярской думы. Стратегию градостроительства диктовала необходимость освоения богатых земель Поволжья, Сибири, укрепления порубежных земель, заселения новых территорий на юге и в Малороссии, воссоединившейся с Россией. В основе новых городов строились по чертежам крепости регулярных очертаний с применением военно-инженерных достижений. Последующее развитие таких городов проходило в соответствии с русской градостроительной традицией. Созидательная деятельность распространялась и на многие старые города Руси, которые подвергались перестройке. В градостроительной практике наблюдается тяготение к геометрически правильным планировкам. Значительные преобразования коснулись застройки. Почетное место отводилось теперь в центрах городов зданиям светского назначения, однако роль культовых зданий продолжала оставаться доминирующей.

К концу XVII века завершалось становление древнерусских городов, формировавшихся под влиянием определенных закономерностей, сочетавших в себе обобщенный опыт и передовые идеи эпохи, национальные черты и региональные традиции.

О том, какими стали русские города (и вятские в том числе) на рубеже XVII—XVIII вв., что влияло на особенности структуры, характер планировки и застройки, как формировалась их архитектурно-пространственная композиция дают представление различные источники. Такими источниками являются сохранившиеся фрагменты планировки или застройки, подробные геодезические планы XVIII в., зафиксировавшие планировочную структуру, главные здания и сооружения. Дополняют картину летописные, экономико-географические, статистические, исторические, литературные сведения. Прямыми свидетельствами современников выступают изобразительные иконографические, графические материалы. Переосмысление информации позволяет со значительной степенью достоверности воссоздать архитектурный облик каждого города, выявить общенациональные черты русского средневекового градостроительного искусства.

Наиболее распространенными на Руси были города секторно-мысового типа, возникавшие на развилке двух разновеликих рек. Процесс эволюции города шел в определенной последовательности: зарождение, постепенное освоение территории возле ядра, обустройство ближнего заречья, переход в дальнее заречье. На следующих этапах осуществлялось укрепление освоенных участков

крепостными сооружениями, которые как бы фиксировали каждую стадию развития города.

Главной особенностью русских средневековых городов было развитое зонирование. Структурный костяк составляли крепость-кремль и торг у его стен, к которым сходились дороги-улицы с располагавшимися вдоль них посадами и слободами. Функциональным центром являлись кремль и торг. Сердце структуры — кремль — обычно возвышался, доминируя силуэтами стен, церквей, среди которых выделялся городской собор. В крупных городах торг мог иметь развитую систему торжков, отмеченных собственными храмами. Особое место в структуре городов занимали городские и пригородные монастыри, в замкнутом пространстве которых, подчиняя себе в определенной степени другие постройки, главенствовал монастырский собор. Планировка посадов и слобод развивалась в соответствии со всеми элементами города, центр каждой из них акцентировал свой храм. Постановка городских церквей на холмах вдоль рек и озер выразительно подчеркивала пластику ландшафта. В свою очередь характер ландшафта подсказывал приемы пространственной композиции: «стелющуюся по местности массовую деревянную застройку среди зелени, чередующуюся с огородами и выгонами; свободную архитеконику оборонных сооружений, прямолинейно строгих на равнинах и с живописными уступами на крутоярах; выразительную постановку высотных доминант»¹.

Многочисленные приходские храмы посадов и слобод, монастырские храмы, храмовые комплексы на торгах, в сочетании с рядовой застройкой, подчиняясь главному идейному и композиционному центру, — городскому собору, составляли многозвучный архитектурный ансамбль. Городской собор мыслился средоточием города: храмом в храме. Сам город, по средневековым представлениям, являлся просторным храмом среди нерукотворной, имеющей божественное начало природы. Город как бы «лепился по месту»², в гармонии с живой природой формировался его уникальный силуэт, рождался неповторимый зрительный образ русского средневекового города.

Вятские города таким же интенсивным развитием завершали свой средневековый период. К их числу прибавилось еще два новых города: упоминавшийся ранее Нолинск и возникший на левом берегу реки Чепцы как удмуртское село, Глазов.

Результаты градостроительных исследований, проведенных по всем городам Вятской земли, вниманию читателей представлены

---

¹ Цитируется по работе: Гуляницкий Н. Ф. Исторические уроки взаимодействия нового и традиционного в русском градостроительстве. ЦНИИП градостроительства. Сборник научных трудов. — М., 1986. С. 48.

² Там же, с. 51.

в форме таблиц. Их 13 — каждая посвящена одному городу и иллюстрирует последовательность развития его планировочной структуры, застройки, архитектурно-пространственной композиции. Для удобства все планы приведены к единому масштабу, одинаково сориентированы по странам света и размещены на листах в одном и том же порядке: в верхней части листа — планы дорегулярного периода, в нижней — регулярного. Информацию о застройке и градостроительной композиции дополняют прорисовки иконографических материалов, графические реконструкции (иногда гипотетические), фотографические документы, проекты известных архитекторов XIX века, графо-аналитические схемы. Венчают каждый лист виды городов, выполненные в конце XVIII — начале XIX века. Реконструкция выполнена автором в 1995 году.

Хлынов, являясь самым крупным и значительным городом Вятской земли, интенсивно рос, расширяя свои границы, изменяя внутренние функциональные взаимосвязи, усложняя планировочную структуру. После учреждения самостоятельной Вятской и Великопермской епархии (1656) Хлынов становится «стольным городом», а его кремль — исключительно культовым центром, включающим резиденцию епископа. В Хлынове начинается каменное строительство.

Кремль «освобождается» от приходских храмов, вынося их на посад и на расширившийся торг. К северу от кремля, за городской стеной располагается женский монастырь, основанный в 1624 г. Возводятся храмы в примкнувших к городу слободах, которые своим появлением усложняют систему планировки города, переводя ее из веерной в ветвистую центрического типа. С 1663 г., в соответствии с распоряжением правительства, в Хлынове начинается возведение новой оборонительной системы укреплений¹. Система эта состояла из двух линий: первая — кремль, вторая — «земляной город», окруживший посад по его новым границам. Новые укрепления, вместе с гражданскими и культовыми зданиями, в сочетании с ландшафтом, составили единый, гармоничный архитектурный ансамбль, определив «тему» градостроительной композиции города на далекую перспективу (табл. 139).

Котельнич и Орлов были важными торговыми центрами, что стимулировало их рост и развитие. Планировка Котельнича завершила стадию веерной системы центрического типа. Определились главные функциональные и композиционные центры. Развитый

¹ Тинский А. Г. Планировка и застройка города Вятки в XVII—XIX вв. Киров, — Волго-Вятское кн. изд., 1976, с. 30—36.

Изображение Хлыновского кремля в оправе новых укреплений присутствует на иконе «Богоматерь с Трифоном Вятским». 1692—1695. Научная реконструкция укреплений Хлынова XVII в. выполнена А. Г. Тинским и представлена в макетной форме в М 1:50. 1970-е — 90-е гг.

торг отмечали Архангельский и Троицкий соборы, несколько церквей¹ возвышались среди стелющейся застройки посада. Усиливал силуэт города главный храм Предтеченского мужского монастыря, расположенного за Балакарицей на высоком Вятском берегу. Храм этот во имя Святого предтечи Иоанна, ставший приходским после упразднения монастыря, и его деревянную колокольню мы можем увидеть на панораме г. Котельнича (табл. 134).

Орлов сохранял порядковую систему планировки нецентрического линейного типа. Торг, развиваясь вдоль реки, был открыт к ней своими храмами. Храмы торго (церковь Николая Чудотворца и Троицкий собор) словно нанизывались на нить главной магистрали, возглавляли череду храмов, акцентирующих важные планировочные узлы. Главный храм Спасского монастыря включался в композицию в обрамлении ограды. За речкой Воробыхой, замыкая череду, возвышалась посадская церковь Благовещения (табл. 135).

У стен Слободской крепости, за ручьем, активно развивался обращенный к посаду торгов. Храмы торго в созвучии с кремлевскими храмами создавали могучий композиционный аккорд, отмечая средоточие смысла и духа города. От торго в южном, юго-западном и северном направлениях развился посад. Преобладание северного направления развития было обусловлено как природными факторами (крутая излучина р. Спировки и протекающая почти параллельно ей р. Козулька делали единственно возможным развитие посада в узком перешейке), так и естественным тяготением к слиянию главного посада с монастырской слободкой, развившейся при Богоявленском монастыре. Город **Слободской** жестко закрепился на высоком правом берегу Вятки, веерной системой планировки центрического типа объединившей в единый организм главные планировочные узлы, отмеченные доминантами храмов. Глядя на панораму города с северо-восточной стороны, на реку, стремительно несущуюся на город и созвездие храмов, как бы «вышедших» ей навстречу, ощущаешь идею города как гармонию противопоставления двух стихий — божественной и рукотворной (табл. 136).

XVII век для города **Кая** — век угасания. Хотя и он являлся центром обширного уезда, входившего в состав теперь уже Пермской земли, но утрачивал главный смысл своего существования. Ветшали крепостные стены, застройка посада. Храмы, сохраняя печать бывшего могущества города, еще долго напоминали о нем. На панораме конца XVIII — начала XIX вв. зафиксированы Воскресенский собор, Николаевская церковь, Преображенский монастырь среди стелющейся застройки города, кладбищенская церковь в отдалении на холме (табл. 137).

¹ Цифра колеблется от 2 до 5 из-за частых пожаров, уничтожавших храмы.

Елабуга и Уржум завершали развитие порядковой системы планировки нецентрического линейного типа. Торги этих городов обратились к рекам, а посады развивались вдоль них. Главные планировочные узлы фиксировали храмы (табл. 144, 138).

Посад **Царевосанчурска**, развиваясь в Казанском направлении от торгового, разместившегося у стен крепости, определил городу полукруглую систему планировки веерно-центрического типа. Объемно-пространственную композицию города формировали храмы крепости и посада (табл. 140).

Развитие **Яранского** посада привело к завершению формирования сегментной системы планировки веерно-центрического типа. В южном направлении главный посад в процессе роста соединился со слободой Вознесенского монастыря. Развитая объемно-пространственная композиция города строилась на подчинении малых акцентов, представленных комплексами Знаменского-Мариинского и Вознесенского монастырей, главному ансамблю торгового и крепости, включающему Преображенский собор, Успенскую и Троицкую церкви (табл. 141).

Планировочная структура **Малмыжа** представляла секторно-замкнутую систему веерно-центрического типа. В объемно-пространственной композиции главными ориентирами являлись храмы крепости и открытого к посаду торгового, которые подчиняли себе стелющуюся рядовую застройку (табл. 142).

Сложное планировочное секторно-мысовое развитие **Сарапула** завершилось сочетанием порядковой нецентрической прямо-угольно-прямолинейной системы планировки в прибрежной, низинной части и веерной центрической системой планировки — в мысовой возвышенной части города. Главный холм венчали храмы крепости, подчиняя композиционно вертикали приходской Покровской церкви (табл. 143).

Нолинск и **Глазов** в XVII в. только лишь начинали свое планировочное развитие, но их веерно-центрическая планировка с храмами в качестве композиционных центров предопределялась достаточно ясно (табл. 145, 146).

Так заканчивался первый этап градостроительства на Вятской земле. Этап, когда живописные качества города, его художественный образ и слияние с природой ценились еще высоко.

Второй этап градостроительства. Внедрение регулярных начал и перестройка городов (XVIII и первая половина XIX века)

Это время формирования русской нации и образования империи. Россия вступила на путь петровских преобразований —

средневековая Русь превращалась в европеизированное «регулярное государство»¹. Отражение, а затем и наиболее яркое воплощение идеи регулярности получили в русской градостроительной культуре. Градостроительство в короткое время прошло путь интенсивного развития, резко изменив социально-экономический и архитектурно-планировочный облик российских городов.

Петровский период (до 30-х гг. XVIII века) — время суровых преобразований всего русского уклада, активных идеологических и социальных сдвигов, время начала промышленного развития страны. Целый комплекс сложных и ответственных задач должна была решить новая градостроительная политика, а ее олицетворял Петербург, новая столица России. Следовало выработать и в главном городе страны воплотить передовые планировочные и архитектурно-художественные принципы, создать и отработать систему организации и управления строительным делом.

Принцип регулярности в застройке городов включал в себя предварительное — до начала застройки — составление и «апробирование» плана застройки и проектов зданий, строгий учет отводов мест и надзор за ходом постройки со стороны архитектурного ведомства, государственное руководство проектированием застройки городов и разработкой проектов зданий. Всего этого раньше не было (исключая, правда, деятельность Приказа каменных дел). Организацию и контроль за строительством и проектированием в столице возложили на вновь созданную Комиссию о Санкт-Петербургском строении.

Накопленный опыт позволил в 1737—1740 гг. создать трактат-кодекс «Должность архитектурной экспедиции», определивший архитектурно-строительные нормы и правила и обязанности архитекторов.

Вятские города в первой трети XVIII века замедлили свое развитие вследствие отвлечения строительных сил в Петербург, Ново-Двинск, Азов, а затем в Москву. Однако, несмотря на указ о запрещении каменного строительства (1714 г.), в Хлынове и в епархии оно еще продолжалось (в какой-то степени негласно), а после отмены запрета (1729 г.) снова активизировалось особенно культовое строительство. Градостроительная деятельность велась в пределах сложившихся планировочных структур и ограничивалась обустройством планировочных центров: монастырей, торгов, крупных усадеб. Города сосредоточились на формировании архитектурной композиции. В структуре городов определялись архитектурные ориентиры, которые во взаимосвязи с ландшафтом и в композиционном взаимодействии друг с другом намечали архитектурный

---

¹ Архитектурное наследство. Вып. 33. Город и его застройка. М.: Стройиздат, 1985.

«каркас» каждого вятского города. Петровские преобразования коснулись Вятской земли, определив административные границы и состав наместничества (впоследствии губернии), новые органы управления, иерархическую соподчиненность городов и населенных мест, что обозначило перспективы их дальнейшего градостроительного развития.

Русское градостроительство конца XVIII столетия, в царствование Екатерины II, развивалось под идеей всеобщего административного переустройства русских городов и сопровождалось радикальными градостроительными мероприятиями по их реконструкции. С 1762 года, более 30 лет, централизованное руководство широкомасштабной архитектурной деятельностью осуществляла специально учрежденная Комиссия¹. Наиболее интенсивно Комиссия работала под руководством видного архитектора Ивана Лема. Были разработаны и утверждены планы более 400 городов, отработаны методы проектирования, выработаны и апробированы типичные схемы городских планировок. Для практикующих на местах архитекторов были составлены и изданы специальные пособия, разъясняющие многочисленные теоретические и практические вопросы. Подпись Ивана Лема стояла на первых регулярных планах-идеях всех тринадцати городов Вятской губернии. Осуществлению предложенных планов предшествовало изучение реальной градостроительной ситуации, проведение геодезической съемки, подготовка штатов исполнителей и многое другое. В вятских городах сложная предварительная работа продолжалась более 20 лет и проходила на фоне сопутствующих административных и законодательных нововведений государственного масштаба².

В 1760—1770 гг. в России произошла смена архитектурно-художественного стиля. На смену барокко пришел классицизм, принесший с собой в градостроительство геометрическую правильность планов, ясность регулярных композиций.

Идеи классицизма в полной мере воплотились в планах 13 городов Вятской губернии, подтвержденных 13 августа 1784 года императрицей Екатериной II. Проекты перепланирования вятских городов сводились к двум типам планировочных систем — прямо-

---

¹ Учрежденная в 1762 году как «Комиссия о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы», вскоре стала общегосударственным органом для руководства повсеместной градостроительной деятельностью. Функционировала до 1796 года.

² 1760-е гг. — геодезическая съемка территорий городов.

1765 г. — Манифест о генеральном межевании.

1775 г. — вторая губернская реформа.

1785 г. — городская реформа, приведшая к организации и усилению роли губернских архитектурно-строительных учреждений.

уольной и радиальной. Выбор того или иного решения определяли индивидуальные особенности и предпосылки средневекового развития, сложившиеся системы композиционных ориентиров.

В каждом городе были обозначены административные центры — главные площади, где предполагалось размещение присутственных мест. Рассредоточивались многообразные функции прежних торгов, превращаясь на новых планах в специализированные торговые площади: Хлебную, Сенную, Дровяную, Конную, для «привозу всякой живности». Определялись места для мясных рядов, хлебных лавок, питейных домов. В планах намечалось функциональное зонирование и градация застройки. Границы городов очерчивали валы и рвы (гласисы).

Предложенная планировочная структура **Вятки** представляла прямоугольную систему кварталов, вне которых оставались Кремль, Трифонов и Преображенский монастыри, которые сохранили значение центрального ядра города. Вокруг Казанской, Вознесенской, Покровской церквей и Воскресенского собора создавалась площадь, от которой лучами, повторяя трехлучие дорегулярной структуры, расходились поперечная Московская и две диагональные Казанская и Филейская улицы. На пересечении этих трех улиц с улицей Владимирской предлагалось размещение трех узловых площадей. Около существующих каменных храмов также проектировались площади. Севернее Преображенского монастыря отводилось место для нового административного центра, включившего присутственные места и плацпарадную площадь. План-идея упорядочивал ранее сложившиеся принципы городской структуры, сохранял широтную тенденцию дорегулярного развития (табл. 139).

Новый план **Котельнича**, «осмысливая» сложный рельеф, переносит городской центр с изрезанного рельефом мыса между речья за Балакарицу на высокий берег Вятки. Здесь размещается административный центр с присутственными местами. На месте прежнего торгового определялась Базарная площадь. Предложенная планировочная структура подчинялась дорегулярной направленности развития города (табл. 134).

Орлов по новому плану полностью сохранял характер сложившейся структуры и планировочные акценты, но в геометрически упорядоченном виде (табл. 135).

Новый план **Слободского** четко закрепил меридиальную тенденцию развития дорегулярной структуры, проигнорировав особенности пересеченного рельефа. Упорядочил границы Христорожественского и Богоявленского монастырей. Определил места для Хлебной, Дровяной и Сенной площадей, сохранив главенствующее положение за торговой площадью, значительно расширив ее теперь уже регулярные границы (табл. 136).

План **Кая** сохранил основные направления и акценты дорегулярной структуры, расширил границы города (табл. 137).

Регулярный план **Уржума** сохранил главные планировочные элементы, ориентацию развития планировочной структуры. Значение главной площади усиливалось поперечной улицей яранского направления (табл. 138).

Новый план **Яранска** прямоугольной системой планировки закреплял дорегулярную тенденцию развития города. Основные планировочные акценты рассредоточивались вдоль реки. Для размещения административной площади определялось место к югу от Торга, который сохранил прежние функции в регулярных очертаниях Хлебной площади (табл. 141).

Малмыж по новому плану должен был прямоугольной системой планировки «перейти» в восточном и западном направлениях за овраги, тем самым изменив меридиальное направление развития на широтное. За Засорой, на берегу Шошмы по оси Казанского направления назначалось размещение административной площади. Главная Торговая площадь сохраняла прежние позиции (табл. 142).

Планом **Сарапула** предполагалось освоение низинной части берега Камы, сохраняя в полной мере характер прямоугольно-прямолинейной системы планировки и определившиеся планировочные акценты. Место административной площади отводилось на возвышенном плато, что совпадало с исторически сложившимся главным ядром города (табл. 143).

Новый план **Елабуги** учитывал и сохранял дорегулярное направление развития планировочной структуры, планировочные и композиционные акценты (табл. 144).

Предлагаемая новая планировка **Нолинска** соответствовала северо-восточному направлению его дорегулярного развития. К северу от Никольского погоста определялось место для главной городской площади, по оси Вятского и Уржумского направлений намечались Хлебная и Дровяная площади (табл. 145).

Двум городам Вятской губернии: Царевосанчурску и Глазову предлагалась радиальная система планировки.

К главной площади **Царевосанчурска**, ориентируясь на храмы, сходились пять радиальных улиц, на пересечении которых с полукольцевыми располагались Конная и Хлебная площади сложных пятиугольных очертаний (табл. 140).

Система планировки **Глазова** также образована пятью основными радиальными улицами, направленными к главной площади пятиугольных очертаний. Однако, в отличие от Царевосанчурска, планировочная система усложнена четырьмя промежуточными радиальными проулками. На пересечении двух из них, а также центральной осевой улицы с полукольцевой расположены три площади сложных очертаний (табл. 146).

Сложность планировочных решений обоих городов вероятно можно объяснить желанием придать нарочитую живописность, некоторую неожиданность ракурсов, своеобразие, компенсировав скудность природной ситуации.

Как видим, кажущаяся на первый взгляд формальность планов таковою не является. Каждый из предложенных планов-идей реконструкции вятских городов не только не игнорировал, но в полной мере учитывал ранее сложившиеся иррегулярные принципы городской структуры, ее основополагающее ядро и многие важные постройки. За рамками проектного предложения оставались лишь некоторые детали.

Перенос планов городов на натуру занял более 20 лет и связан с именем первого губернского архитектора Ф. М. Рослякова. Осуществление планов встретило немало препятствий. Геометрическая планировка как бы накладывалась на совершенно непохожую на нее старую сеть улиц, и от того, насколько чутко архитектор улавливал идею города, насколько активно в новой системе удавалось ее сохранить, во многом зависело и новое качество города. Уникальность Ф. М. Рослякова состояла в том, что он обладал даром ощущения высшего — «генерального» — замысла города: он как бы видел город от зарождения до далекой перспективы. В основе философии его градостроительного метода прослеживается мысль И. Лема: «Архитектура... приведена в правильный порядок и получила другой вид: но можно ли думать, чтобы еще не было впредь приращения? ...один следуя стопам другого, всегда поступает далее»¹. Идеи преемственности пронизывали практическую деятельность Ф. М. Рослякова. Именно поэтому воплощению регулярных планов сопутствовала серьезная деятельность по предварительной и текущей корректировке, многочисленным уточнениям, изменениям с учетом условий реальной ситуации, на основании которых разрабатывались новые итоговые планы. Некоторые города по этим планам изменили детали планировки с учетом рельефа (Уржум, Елабуга, Кай), для других была уточнена ориентация (Яранск), для третьих — расширены границы (Слободской, Орлов), а город Сарапул радикально изменил планировочную структуру и направление развития. Изменениям подверглась и планировка Вятки. Первым шагом стало упразднение диагональных улиц, затем расширение границ. Вслед за этим последовала переориентация развития планировочной структуры с широтной на меридиальную и одновременно увеличение территории города (план, составленный Е. Родионовым в 1807 г. (см. черт. 126 и табл. 139). Несомненно,

---

¹ Лем И. Теоретические и практические предложения о гражданской архитектуре с объяснением правил Витрувия, Палладия, Виньолы, Блонделя и других. — СПб, 1792, ч. 1—3, Предисловие.

это была идея Ф. М. Рослякова. Она получила логическое завершение в начале XIX века, когда был разработан план Вятки, вобравший весь предыдущий градостроительный опыт и определивший перспективу застройки главного города губернии на целое столетие. Автором плана 1812 года был В. И. Гесте (табл. 139, черт. 127). Этим планом были намечены четыре новые площади. На пересечении улиц Казанской и Семеновской определено место новой Хлебной площади. Намечены площади Ямская и Ярмарочная и места постановки на них церквей.

Планы всех вятских городов постоянно дорабатывались, совершенствовались различными авторами, но лишь в деталях. Генеральный градостроительный замысел, заложенный И. Лемом, воплощенный и развитый Ф. М. Росляковым, выдерживал проверку временем.

Для вятского градостроительства творчество Ф. М. Рослякова имело основополагающее значение, потому второй этап русского градостроительства на Вятской земле можно назвать эпохой Рослякова.

Градостроительная деятельность послеросляковского времени сосредоточилась в основном на правильной застройке городских кварталов, формировании внутригородских ансамблей, городских и загородных комплексов, совершенствовании архитектурно-пространственной композиции. С деятельностью А. Витберга, Н. Андреевского, А. Глазырина, И. Соловкина, И. Дюссар де Невиля и многих других архитекторов XIX века связано формирование в этот период центров вятских городов, создание завершенных архитектурных ансамблей.

Ансамбль центра Вятки, включающий территорию кремля, Преображенского монастыря и главного Торга, новую административную площадь для присутственных мест и городского сада, а также территорию за Засорным оврагом — от ансамбля Трифонова монастыря и Стефановской церкви — до Александро-Невского собора, формировался под влиянием градостроительных предначертаний Ф. М. Рослякова (табл. 139). Древний Торг, рассредоточив свои второстепенные функции, преобразовывается в главную общественно-административную площадь. На северо-восточной ее оконечности с постройки Ф. Росляковым двух корпусов присутственных мест начинает формироваться административный центр. Торговый центр сосредоточивается у Спасского собора — здесь на пересечении улиц Казанской и Спасской Ф. Росляковым были построены первые каменные лавки (нижние торговые ряды). Закругленные на углах Г-образные в плане корпуса лавок своими очертаниями как бы направляли развитие торговых связей по двум осям. Преобладающим явилось южное направление: непрерывным пространством Казанской улицы через Стефановскую площадь

торговая зона переносилась в южную часть города, где на новой Хлебной площади стал развиваться важный опорный городской центр. Вятский кремль, освободившись от деревянных укреплений, в оправе изящной с декоративными башенками ограда «обратился» своими монументальными постройками к площади, взял на себя главенствующее положение в ее архитектурном ансамбле. Таким его изображает рисунок П. Анисимова, выполненный в 1802 году (рис. 117). В центре рисунка кремлевский ансамбль с главным кафедральным Троицким собором и торжественно выступающей колокольней, с архиерейским подворьем, отделенные от города старым рвом. Слева за рвом Преображенский девичий монастырь. На переднем плане справа главный собор Торга — Спасский. По этому рисунку можно судить о характере формирующейся городской площади в начале XIX века.

К середине XIX века площадь приобретает геометрические очертания. С северо-запада ее границы фиксируются фронтальной застройкой комплекса двух домов для служителей Спасского собора, построенных по проектам И. Дюссар де Невиля и И. Соловкина. Основное здание этого комплекса, поставленное на углу Преображенской и Казанской улиц, представляет собой типичный пример выстроенного в соответствии с «фасадами примерными» двухэтажного каменного дома «в 7 окон» с ризалитом, поддерживающим четырехколонный портик большого ордера, увенчанный классическим антаблементом с фронтоном. Второе здание комплекса по своему архитектурному решению созвучно главному подчеркнутой строгостью классических форм, трактовкой отдельных деталей. Объединяет два здания глухая рустованная ограда с симметрично решенными въездными воротами.

Административная часть городской площади, включающая здания присутственных мест и комплекс домов для служителей Спасского собора, формируется в классическом звучании, усиливает которое ансамбль городского сада. В планировочной структуре сада гармонично сочетались геометрическая строгость с естественностью живой природы. Включение изящных ордерных парковых сооружений — центральной и береговой ротонд, арочного мостика, входного портика, отвечало общему строю и стало завершающим аккордом в ансамбле городской площади, замыкая ее с севера живой зеленой стеной в обрамлении ажурной ограды.

Портик главного входа в сад и чутунная ограда выполнены по проекту А. Л. Витберга. Решение в дорическом ордере придает скромному по масштабам сооружению целостность и монументальность. Композиционно портик акцентирует главную ось центральной аллеи сада, вынося ее в городскую среду и преобразуя в новую видовую ось, пространственно связывающую два творения большого мастера и два композиционных центра: городскую площадь с

южной Хлебной, где в 1864 году был воздвигнут Александро-Невский собор. В этом произведении А. Л. Витберг показал себя талантливым градостроителем. Корректируя план, предполагавший размещение собора на бровке берегового откоса, автор определил местом его постановки пересечение важных улиц, издаലെка открывающих перспективу сооружения, Казанской и Семеновской. В результате собор стал не только организующим центром новой торговой площади, но и, включившись в сложившийся архитектурный каркас пространственной композиции, стал значительным объемно-планировочным акцентом города. Необходимость гармоничного единения нового собора с древними храмовыми комплексами задавала его автору масштаб и характер. Своей массой, пластично проработанным объемом, Александро-Невский собор, увенчав противоположный от кремля южный холм, уравнивал архитектурную композицию городского центра Вятки.

Последовательно проводилась работа по формированию «лица» города, и порой теоретические поиски оставались лишь проектами. Так произошло с архитектурной идеей архитектора Н. Андреевского, предложившего комплекс зданий Вятской городской больницы на берегу Вятки у Раздерихинского спуска.

Трудами многих мастеров складывались комплексы и формировались ансамбли, задуманные и начатые Ф. М. Росляковым. К их числу относится ансамбль Вятской духовной семинарии на реке Люльченке. Проект комплекса Вятской духовной семинарии был составлен Росляковым в 1789 году. К середине XIX века завершилось строительство и формирование ансамбля, включающего семь каменных одно- и двухэтажных зданий жилого и общественного назначения, водный канал и пруд регулярных очертаний. Ансамбль строится по принципу фронтально-осевой композиции, центром которой является двухэтажный дом архиерея. Два одноэтажных корпуса (библиотека и больница) расположены симметрично и, несколько выступая, образуют парадный двор перед ним. Пространственная композиция ансамбля развивается по оси восток-запад. Три двухэтажных здания — столовая и два Г-образных (южный и северный) учебных корпуса вместе с домом архиерея образуют замкнутое пространство внутреннего двора. Строгий лаконизм архитектурно-планировочного решения, осевые пространственные связи удивительным образом включают ансамбль Вятской духовной семинарии в единый ансамбль города.

Так же активно, как и в Вятке, преобразовывались центры уездных городов, формировались городские ансамбли, в соответствии с генеральными планами велась застройка.

Главная городская площадь Слободского (табл. 136) обстраивается гражданскими и общественными зданиями. В начале XIX века на южной ее оконечности сооружается гостиный двор. Запад-

ную границу площади очерчивает улица Анфилатовская, на которой возводится двухэтажное здание банка, а от него на север и на юг начинается формироваться ансамбль главной улицы города. С северной стороны городскую площадь замкнул Г-образный корпус торговых рядов. Древние храмы Торга вместе с церквями и колокольнями прибрежного комплекса активно и многозвучно включились в ансамбль новой городской площади. Ведущей архитектурной доминантой явилась колокольня, построенная в 1823 году по проекту архитектора Дюссар де Невиля. Стройная вертикаль многоярусной колокольни, построенной в формах поздней классики, приняла на себя главенствующее значение в пространственной композиции площади, объединив ее разрозненные постройки, являясь главным высотным и архитектурным ориентиром города.

В процессе преобразования центров городов в соответствии с регулярными принципами, новое неизбежно сталкивалось со старым. Каждый город к тому же выдвигал свои приоритеты. Так, Котельнич, Елабуга, Уржум большее внимание уделяют торговым рядам, Нолинск, Орлов, Глазов — храмам, Сарапул — улицам. И, несмотря на достаточно четкий порядок расположения новой застройки, подчеркнутое единство их стилевых черт, образ каждого города не терял ни свободы и живописности, ни индивидуальности. Каждый вятский город сохранял свою силуэтность, пространственность и пластичность форм, воспринимаемых в зрительном охвате города в целом и в его отдельных частях. Мы легко можем убедиться в этом, познакомившись с панорамами всех 13 городов, выполненными в конце XVIII — начале XIX веков под руководством Ф. М. Рослякова¹. По этим видам можно судить о характере массовой застройки и о той роли, которую играли в композиции города господствующие архитектурные ориентиры и элементы природного ландшафта.

Панорамы эти, представляющие нам с достоверностью вид каждого вятского города с его Поклонной горы в период золотого расцвета, — уникальный документ и назидание нам, потомкам. Они еще раз убеждают нас в том, что успех градостроительства XVIII — первой половины XIX века в следовании принципам преемственного развития, истоки которых лежат в древнерусском зодчестве.

Градостроительство — процесс последовательного, постепенного развития, не допускающий необдуманных и резких действий.

Коренные преобразования, проведенные в градостроительстве России в XX веке, ориентировались на вытеснение традицион-

---

¹ Предположительно рисовали «...виды всем городам здешней губернии» учитель рисования народного училища М. А. Анисимов и землемер Липатов. См.: Тинский А. Г. Вятская мозаика. — Киров, 1994. С. 53, 70.

ных представлений и насаждение инородных направлений, которые на чужой для почвы дали уродливые всходы. Результат такого подхода был предопределен. Потеря ориентиров привела градостроительство в тупиковое состояние, выход из которого в возрождении ярких самобытных идей, в поиске утраченных взаимосвязей. Сейчас в русском градостроительном искусстве, по сути дела, многое приходится открывать заново. Задача ответственная и очень сложная. Сложность усугубляется тем, что градостроительное искусство как особая сфера архитектурной деятельности до сих пор недооценивается. Все это сказывается на профессиональной культуре архитекторов-градостроителей и отражается на градостроительной практике, порождая болезненные проблемы в исторических городах.

Примером тому может служить город Киров.

Разрушения 30-х годов привели здесь к уничтожению основных планировочных центров (на исторической Главной (торговой) площади был размещен стадион, застроена Владимирская, Хлебная площади), градоформирующих ансамблей и композиционных ориентиров (снесены Кафедральный (Троицкий), Воскресенский и Александровский соборы, Покровская, Всехсвятская, Стефановская, Владимирская, Пятницкая и другие церкви), составлявшие систему функциональных и визуальных доминант, формировавших во взаимосвязи дальние и ближние перспективы, панорамы, силуэт города. Город безвозвратно утратил исторически сложившийся целостный архитектурно-художественный образ, сохранив лишь отдельные элементы планировки, обособленные памятники, фрагментарные пространственные связи.

Жилая застройка периода 40—50-х годов (двух-, трех, иногда четырехэтажная) была еще сомасштабна городу, его улицам и кварталам. Резкий диссонанс в облик города внесла массовая, в основном, пятиэтажная застройка 60—80-х годов.

Попытка исправить положение, предпринятая в конце 80-х — начале 90-х годов, путем активного внедрения, а затем стихийного распространения в центральной исторической части города, жилой застройки, выполненной по индивидуальным проектам, со всей очевидностью обнаружила поверхностный подход к решению проблемы. Кажущаяся легкость ее решения дезориентировала истинный поиск, заменив его погоней за «красивой» архитектурой, не учитывающей градостроительных традиций, архитектурной специфики сложившейся исторической городской среды. С дилетантской смелостью исторической части города был нанесен еще один сокрушительный удар.

К сожалению, пример Кирова не исключение, а скорее, правило.

Л. Б. БЕЗВЕРХОВА

АРХИТЕКТУРНЫЙ КОМПЛЕКС НА ВЕЛИКОЙ РЕКЕ

Уникальная достопримечательность Вятской земли, храмовый комплекс села Великорецкого, представлен рисунком художника прошлого века М. Чемоданова.

Взору нашему открывается величественная панорама. Торжественная череда монументальных храмов, возвышающихся на открытом холме за лощиной в окружении строгих зданий и изящной ограды. Отступившая лесная чаща, простирающаяся у подножия холма. Небольшая одинокая церквушка на пригорке. Дом на дальнем холме, за лесом. Часовня-ротонда, приютившаяся в низине. Гармония единения величия природы и архитектуры.

Художник любит творением вятских зодчих, талантливо соединивших свое произведение с живописным ландшафтом. Собрав в единую картину здания и сооружения разветвленного комплекса, он стремится показать нам все достоинства архитектурного ансамбля, хочет поразить нас грандиозным, столичным размахом архитектурного замысла Великорецкого чуда.

Каждый, кто побывает в этом замечательном уголке Вятской земли, убедится в искренности художника прошлого века. Поразит нас и масштабность мысли, и отточенность архитектурно-композиционного решения. Великорецкий ансамбль впечатляет даже теперь, после стольких утрат. И, конечно, захочется познакомиться с ним поближе. Хотя слово «познакомиться» звучит здесь как-то обидно и даже кощунственно. Ведь испокон веку о Великорецком знал каждый житель земли Вятской. Каждый православный стремился совершить Крестный ход на Великую реку, чтобы получить духовное озарение, утешение — исцеление от явленного здесь святого образа.

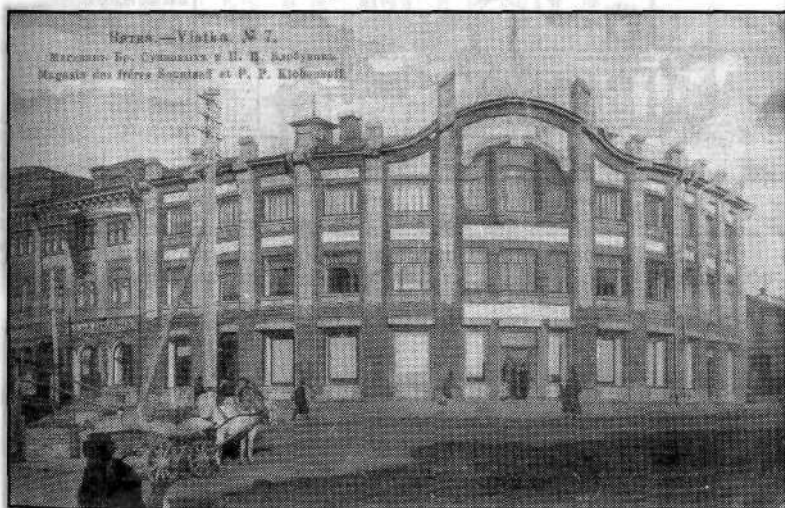
Так было почти шесть столетий.

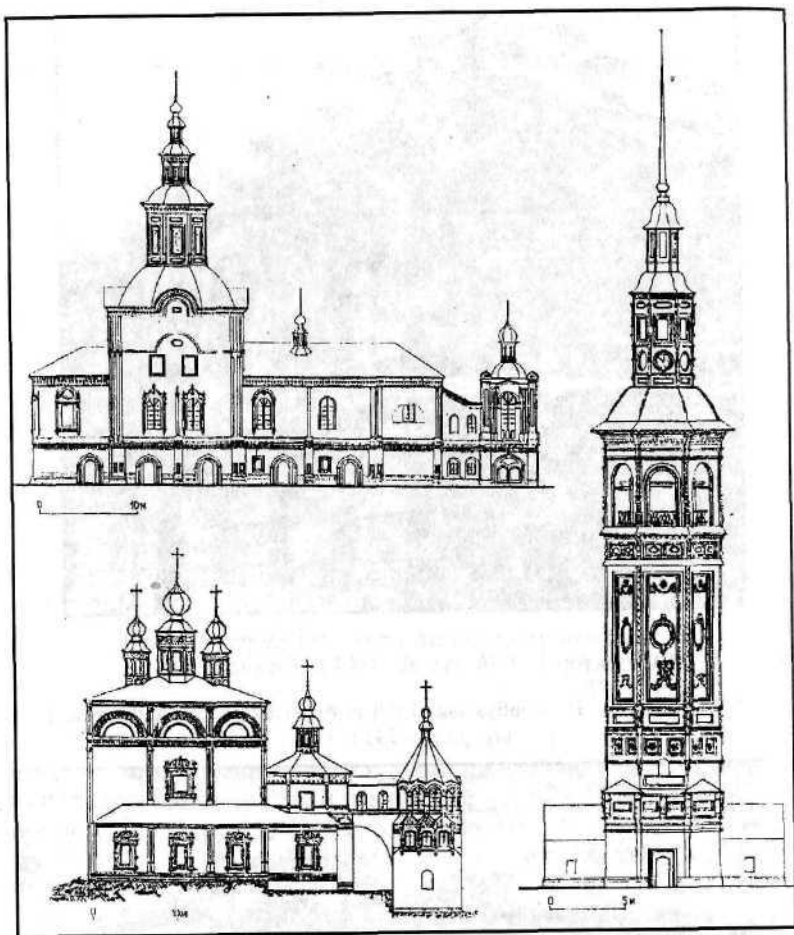
Благоустройство места паломничества являлось постоянной заботой церковных и светских властей, привлекавших для совершенствования комплекса лучших зодчих. Здесь воплощались передовые архитектурные, строительные идеи и замыслы, осененные именем святыни Вятской земли — образом Николы Великорецкого. О Николе Великорецком знали с давних времен в ближних и

147. Родовспомогательный приют (ныне роддом № 1).
Архитектор Г. Г. Кугушев. 1903 г. Снимок 1958 г.

148. Магазин П. П. Клабукова, 1909 г. Архитектор И. А. Чарушин.
Открытка 1910-х гг.

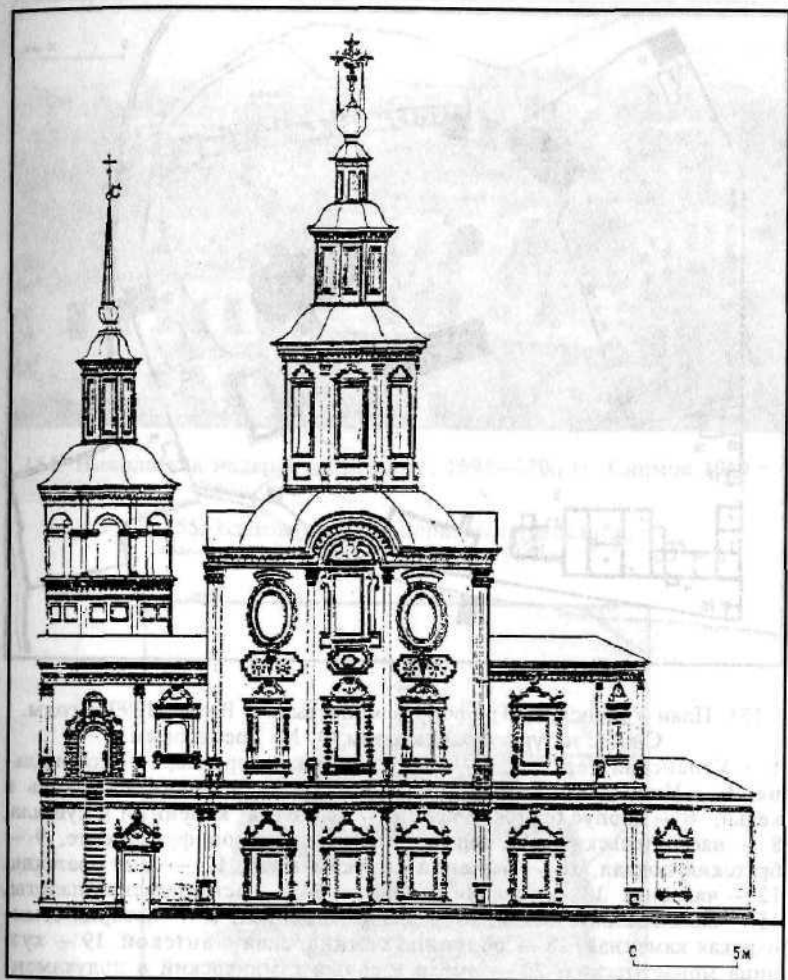

149. Воскресенский собор г. Лальска, 1698—1715 гг.

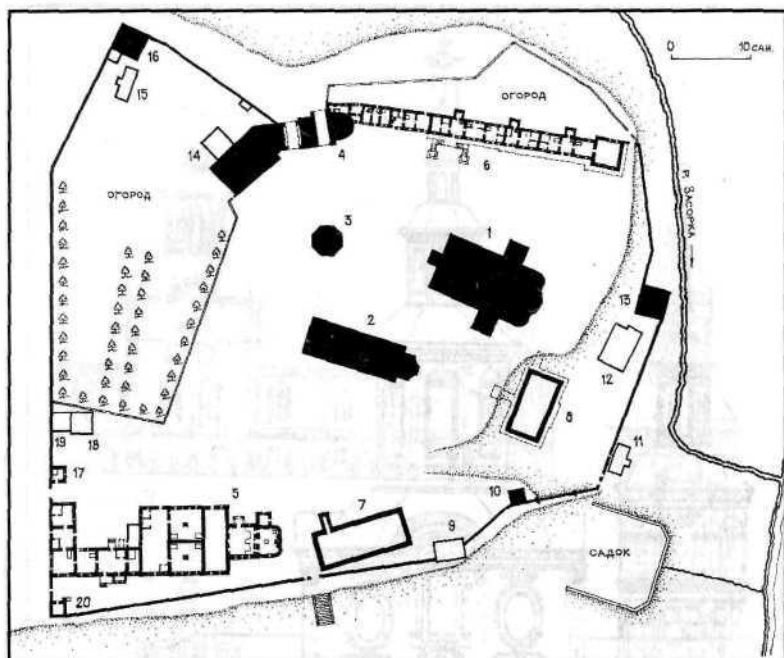
150. Благовещенская церковь на Соборной площади
Лальска, 1732—1762 гг.

151. Соборная колокольня в Лальске, 1729—1743 гг.

152. Покровская церковь на реке Лузе, 1729—1750 гг. Южный фасад.

153. План Успенского Трифонова монастыря в Вятке, 1790-е годы.

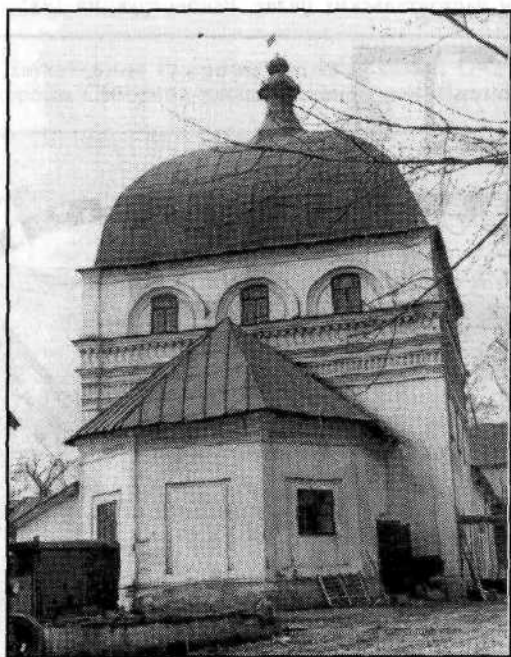
Снят с натуры архитектором Ф. М. Росляковым.

1 — Успенская церковь, 2 — Благовещенская церковь, 3 — колокольня, 4 — Никольская надвратная церковь, 5 — больничная церковь и кельи, 6 — корпус братских келий, 7 — подвал каменный и сушила, 8 — настоятельский дом деревянный на каменном фундаменте, 9 — братский подвал, 10 — башенка полукаменная, 11 — баня братская, 12 — часовня, 13 — поварня каменная, 14 — настоятельские палаты, 15 — баня настоятельская, 16 — башня каменная, 17 — поварня семинарская каменная, 18 — больница семинарская с аптекой, 19 — кузница монастырская, 20 — амбар хлебный семинарский в полукаменной башне.

154. Никольская надвратная церковь, 1692—1700 гг. Снимок 1969 г.

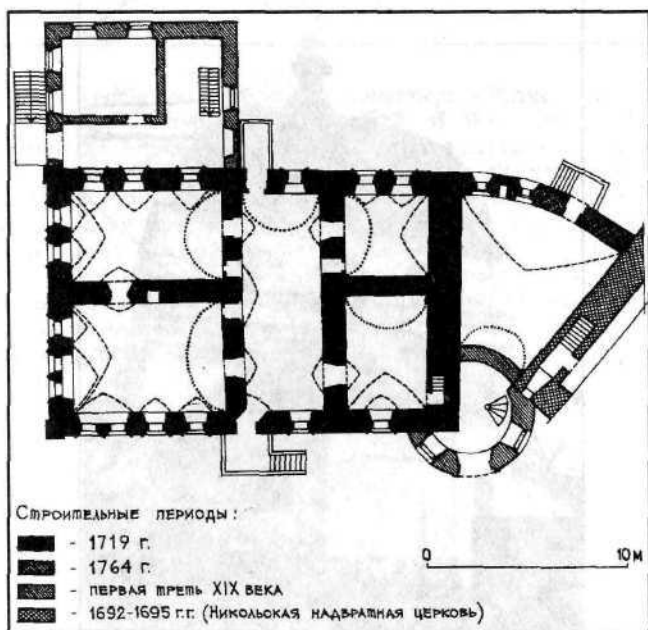
155. Благовещенская церковь с трапезной, 1726—1728 гг. Снимок 1969 г.

156. Настоятельские палаты, 1719 г. Реконструкция 1985—1995 гг.
Снимок 1990 г.

157. План настоятельских палат. Реконструкция 1985—1995 гг.

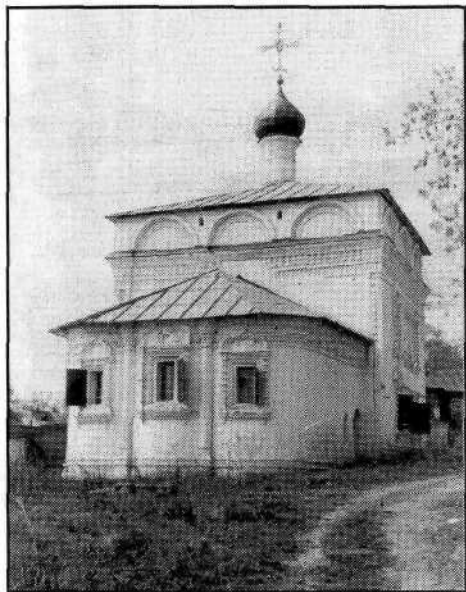

158. Каменные одноэтажные братские кельи, 1719—1725 гг.
Снимок 1990 г.

159. Двухэтажные каменные братские кельи, 1742 г.
Фасад со стороны Соборной площади монастыря. Снимок 1990 г.

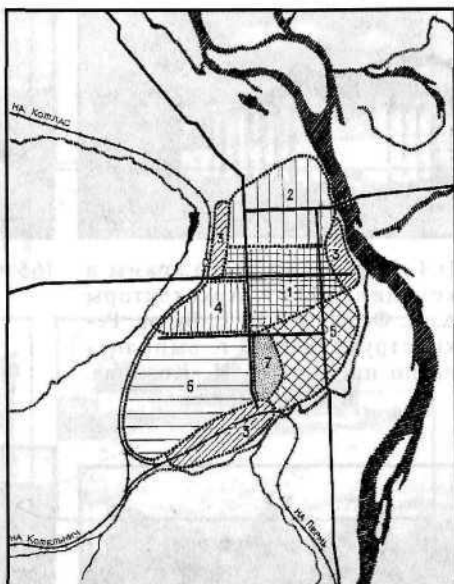
160. Трехсвятительская
больничная церковь
Трифонова монастыря
после реконструкции.
Снимок 1991 г.

161. Трехсвятительская церковь монастыря, 1710—1717 гг.
Вид от Монастырской слободки по Слободской улице. Снимок 1993 г.

162. Схематический проект генерального плана города Вятки. 1929 г. Бюро по проектированию городов при картоиздательстве. Руководитель группы Б. А. Коршунов.

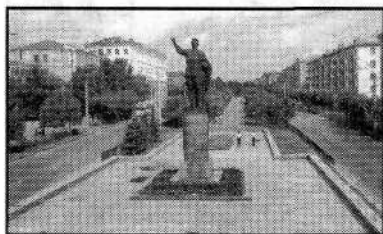
163. Схема размещения жилищного строительства в городе Кирове на 1958—1960-е гг. Ленгипрогор.

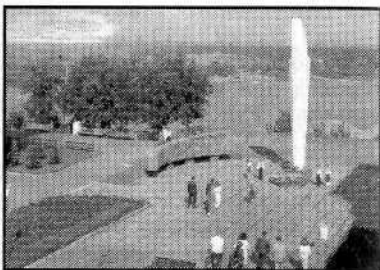
164. Кировский театр драмы и комедии. 1939 г. Архитекторы А. Н. Федоров и И. Г. Буров. Реконструкция 1958 г. выполнена по проекту Н. И. Козлова и Б. В. Зырина.

165. Автодорожный мост через р. Вятку, 1962 г.

166. Октябрьский проспект. Памятник С. М. Кирову. Скульптор Г. Е. Арапов, архитекторы Г. И. Газрилов и Е. И. Кутырев. 1967 г.

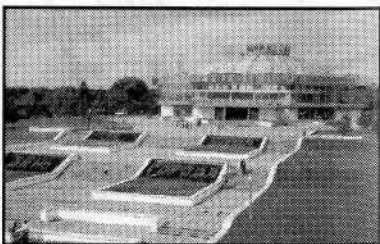

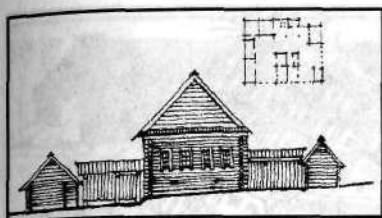
167. Памятник воинам-кировчанам, отдавшим жизнь за Родину. Скульпторы Ф. А. Шпак и В. С. Рязанцев, архитектор Ю. И. Кармазин. 1967 г.

168. Гостиница «Вятка» на Октябрьском проспекте. 1967 г.

169. Здание Кировского цирка на Октябрьском проспекте. 1977 г.

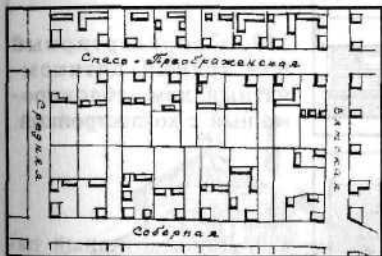

170. Дом С. А. Белобородова в с. Гужавино быв. Шурминского района.

172. Дом-усадьба в селе Большая Тушка быв. Шурминского района.

174. Фрагменты плана слободы Кукарки Яранского уезда по плану слободы 1859 г.

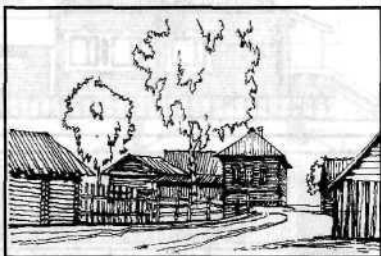
176. Село Большая Тушка бывшего Шурминского района.

171. Дом-усадьба северных районов области.

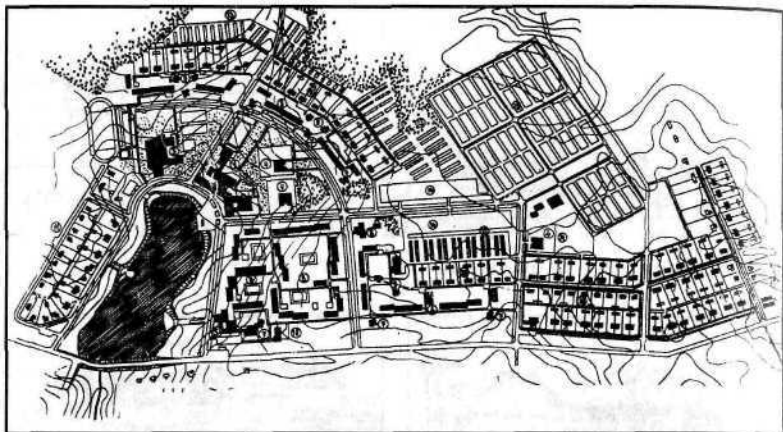
173. Дом-усадьба южных районов Кировской области.

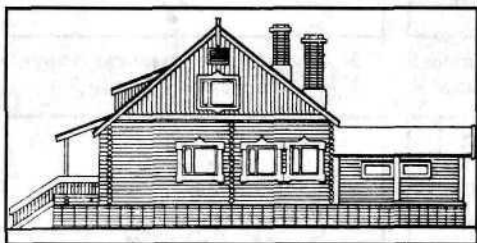
175. Вятские рубленые избы.

177. Общественный центр села Суна быв. Нолинского уезда.

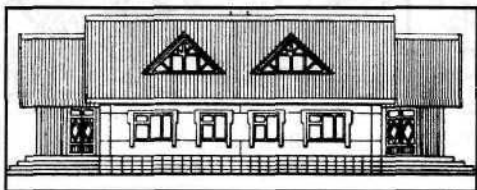

178. Схема застройки поселка Костино Кирово-Чепецкого района.

179. Одноквартирный мансардный пятикомнатный дом, сблокированный с хозяйстройкой.

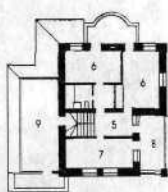
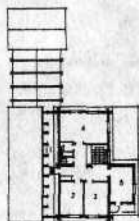
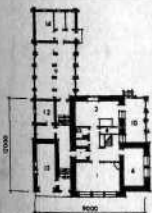
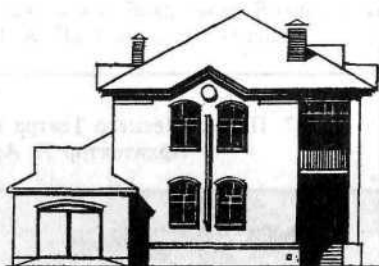
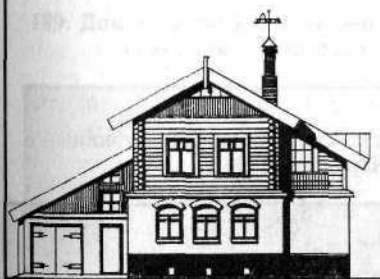
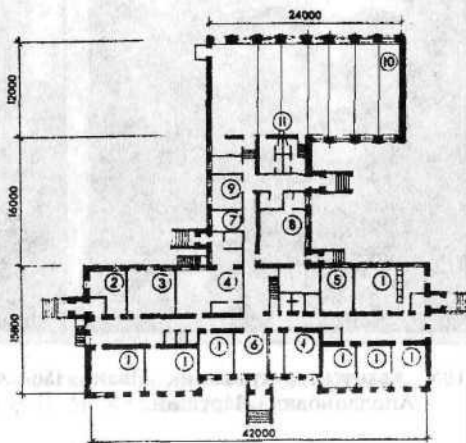
180. Двухквартирный панельный жилой дом с трехкомнатными квартирами.

181. Одноквартирный крупнопанельный двухэтажный жилой дом с четырьмя комнатами в блоке с хозяйстройкой и гаражом.

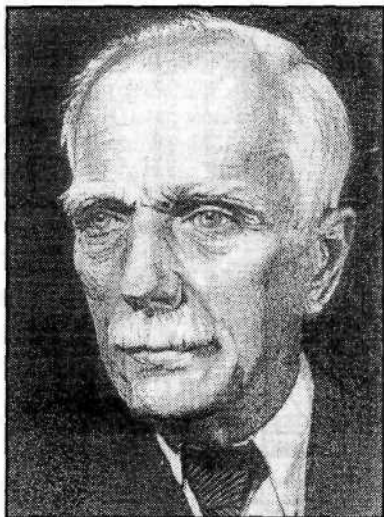

182. Индивидуальный проект средней школы на 72 ученика с автономным спортзалом размером 24 на 12 метров.

183. Двухэтажный пятикомнатный одноквартирный жилой дом с хозяйственными.

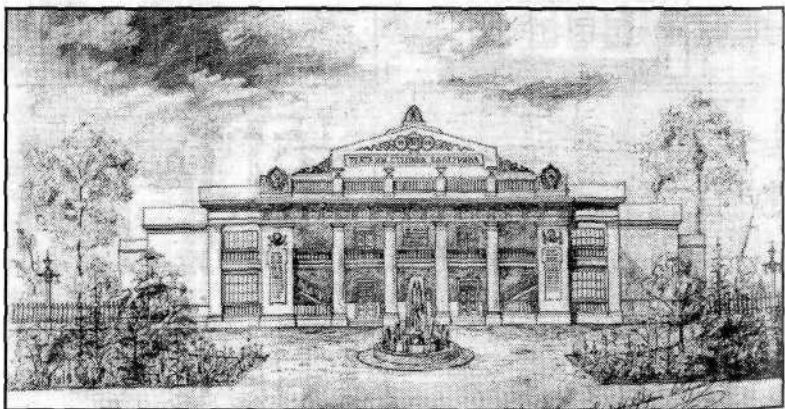
184. Двухэтажный пятикомнатный одноквартирный жилой дом с гаражом и русской баней.

185. Архитектор-художник Иван Аполлонович Чарушин.

186. Архитектор-художник Никита Иванович Козлов.

187. Проект Летнего Театра в саду им. Степана Халтурина.
Архитектор И. А. Чарушин, 1934 г.

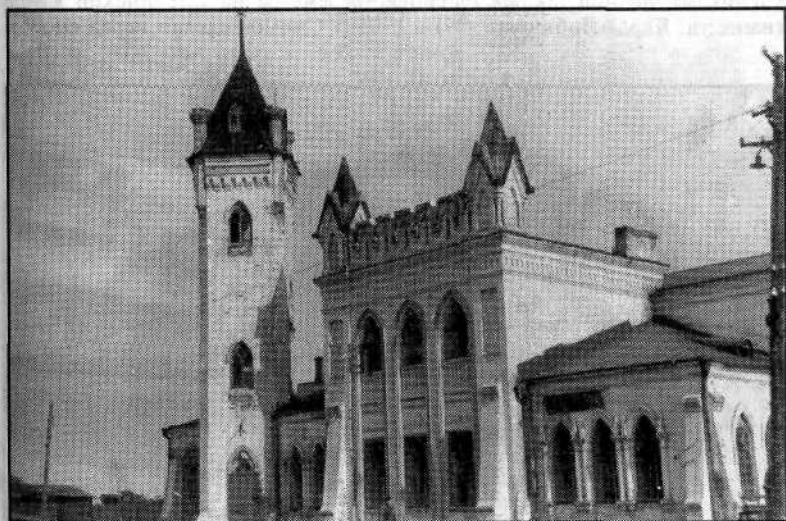

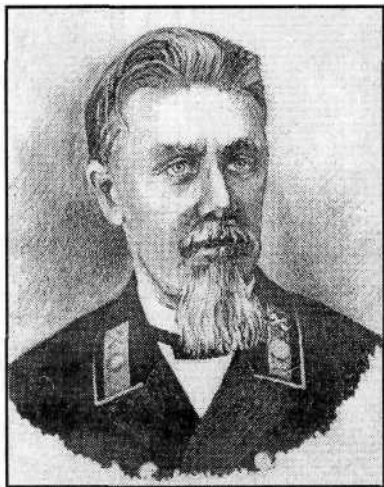

188. Застройка Октябрьского проспекта города Кирова.
Архитектор Н. И. Козлов, 1950-е гг.

189. Дом владельца кожевенного завода в с. Вахрушево-Вознесенское
(Вахруши). Архитектор И. А. Чарушин, 1900-е годы.

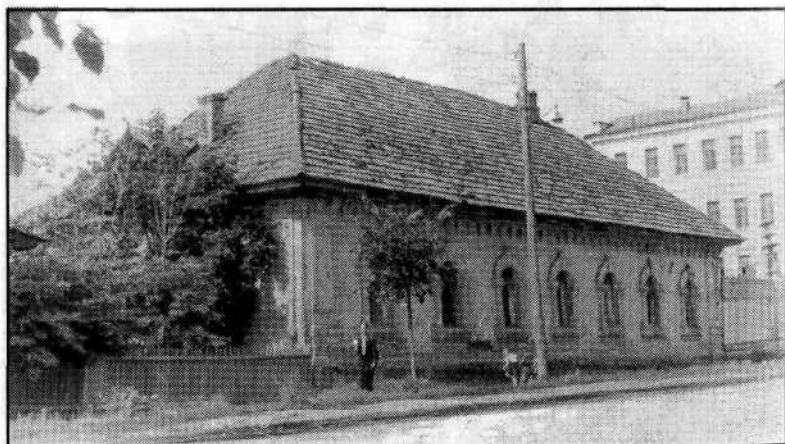

190. Инженер-архитектор Василий Михайлович Дружинин.

191. Троицкий собор в Уржуме, 1894—1900 гг. Архитектор В. М. Дружинин.

192. «Доказательный» саманный дом с черепичной кровлей. Выстроен учениками печной школы губернского земства на Спечинской улице (ныне ул. Карла Либкнехта, 79) в 1901 г. Снимок сделан перед сносом дома в 1960 г.

Панорама села Великорецкого. Рисунок художника М. Чесоданова, 1880 г.

дальних землях, ведали и в Москве. Издавна незримые духовные нити связывали уединенный уголок Вятской земли со столицей.

В 1561 году у Фроловских (Спасских) ворот Московского кремля торжественно и победно вознес к небу девять своих башен Покровский собор, «что на рву», названный в народе Василием Блаженным. Храму предназначено было, вопреки первоначальному замыслу, стать символом единения, свободного самостоятельного развития Руси, идейным центром не только Москвы — всей страны. Ликующая архитектура Покровского собора воплотила внутреннее содержание души русского народа XVI века на одном из кульминационных этапов его исторического развития.

Иван Грозный замыслил мемориал, увековечивающий знаменательный момент в русской истории — взятие русским войском в 1552 году Казани и покорение Казанского ханства. В день праздника Покрова Божией Матери были взорваны стены осажденной татарской столицы, потому, как гласит летопись: «...Царь и великий князь Иван Васильевич... повеле ставити храм Покрова с пределы о казанской победе, яко Бог покорил безсерманский род казанских татар царю...»¹. Поначалу решил он отметить «казанское взятие», поставив в центре большого торгового пространства Москвы семь деревянных храмов вокруг каменного восьмого. Центральным по идее и по архитектуре являлся главный храм Покрова; семь, окружавших его, посвящались святым, на чьи дни припали главные события похода. Через два года (1555) царь изменил свое решение, но лишь в выборе материала. «И... повеле» Постнику и Барме, приступившим к строительству собора, «...здати церкви *каменны*, заветные восемь престолов»².

Но появляется девятый престол в придельном южном столпе, и он единственный посвящается индивидуальному святому — Николе Великорецкому. Честь великая. Николай Чудотворец один из самых почитаемых русских святых, несомненно, входил в созвездие «великих столпов церковных». Однако предпочтение отдается именно Николе Великорецкому, и его именем называется один из главных приделов храма Покрова. Особо благоволил к чудотворному образу царь — может, наслышан был о вятской святыне от участвовавших в составе московской рати в царском походе (1555) вятчан; или свежи были в памяти их доблесть и отвага, так поддерживавшие его в недавних сражениях, и теперь все, что было связано с Вяткой, грело его душу? Неизвестно. Обращению вятских священников и лучших земских людей, пришедших к государю с

¹ Протоиерей Лев Лебедев. Москва патриаршая. — М.: «Вече», 1995, с. 301.

² Иконников А. В. Тысяча лет русской архитектуры. — М.: «Искусство», 1990, с. 173.

просьбой «обновити» чудотворный образ, так как он «от многих лет не поделыван», царь внял и немедленно велел доставить его в столицу. 29 июня 1555 года образ «от Вятцких сел Великоречья» прибыл в Москву. Здесь ему была устроена невиданной пышности царская встреча. Крестным ходом чудотворный образ Николы Великорецкого был внесен и поставлен в Успенском соборе Московского кремля для поклонения.

Покоренный исцеляющей силой образа Чудотворца Николы «...велел поставити благоверный царь и великий государь Иван Васильевич всеа Руси, с великой верою и многим желанием церковь *древяну* святого Чудотворца Николая Вятцкого, и с его образа таков же образ написать, и новописанный образ святого Чудотворца Николы поставити в новом поставленном храме у Покрова святой Богородицы надо рвом»¹. По своей значимости «новый поставленный» храм приравнивался царем к воздвигающимся в честь победы.

Покровский собор тогда уже начинали возводить из кирпича и камня по первоначально выполненной в натуральную величину из брусьев «схеме», определявшей размеры и членения будущего здания². Мастера, «яко по Бозе даровася им в размерении основания», вопреки указанному, измыслили храм о девяти приделах и девяти верхах³. Девятый придел, по преданию, обозначился сам собою, доведенный постройкой до той степени, до какой доведены были восемь ранее намеченных приделов. Молва поспешила приписать это чудо находившемуся в Москве образу Николы Великорецкого⁴. Когда девятый придел был возведен и самовольство Постника и Бармы обнаружилось, нарушение это почему-то не вызвало недовольства царя. Видимо, уже тогда он решил, что помещение Николы Великорецкого в деревянном храме, как было велено ранее, чудотворному образу не по чину⁵.

Царь и Митрополит посвятили «безоименный» придел Покровского собора вятскому чудотворцу и «нарекоса тот придел во имя святого Николы Великорецкого». Сюда перенесли «таков же

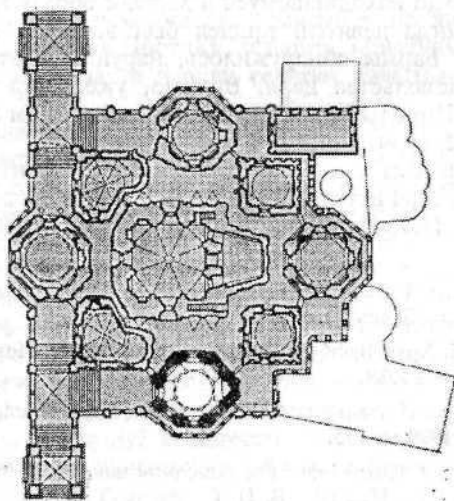
¹ Цит. по статье: Тинский А. Г. Успенская многошатровая церковь Трифонова монастыря. Здесь же.

² Брунов Н. И. Храм Василия Блаженного в Москве. Покровский собор. — М.: «Искусство», 1988.

³ Цит. по книге: Иконников А. В. Тысяча лет русской архитектуры. — М.: «Искусство», 1990, с. 175.

⁴ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга. Под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского. Т. 5. Урал и Приуралье. СПб, 1914.

⁵ Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1914 г. Вятка, 1913 с I—XIII (Почитание вятских святых русскими царями).

Покровский собор (храм Василия Блаженного) в Москве.
 Схема фасада и план. Придел во имя Николая Великорецкого.

образ», списанный самым митрополитом Макарием с чудотворной иконы¹. Придел этот предпочитался прочим.

Никола Великорецкий, щедро одаренный царем (золотой ризой, украшенной дорогими камнями и новым позолоченным с чернью окладом), обновленный Митрополитом, был с великой торжественностью «отпущен на Вятку» 3 августа 1556 года. И второй раз с осени 1614 до весны 1615 года, согласно воле царя Михаила Федоровича Романова, чудотворная икона вновь побывала в Москве и вновь, щедро одаренная царем «в привес» крестом золотым со святыми мощами, дорогими камнями и жемчугом, возвратилась в Хлынов, в свою обитель — Николаевскую церковь, построенную взамен сгоревшей «в самом городе». В эту церковь икона возвращалась из Москвы дважды, но может быть, и трижды. По указанию историка А. И. Вештомова на Вятке существовало предание (не подтвержденное), что в 1647 году, вместе с образом чудотворного Спаса, по велению царя Алексея Михайловича, в Москву был возим Никола Великорецкий².

Деревянная церковь Николая Чудотворца просуществовала до 1679 года и сгорела в опустошительном пожаре, который уничтожил все монастыри и церкви города. Спасенная вятская святыня не могла остаться без приюта. В то время третий год строился каменный Свято-Троицкий собор с Никольским приделом — сюда намеревались перенести чудотворный образ по окончании строительства. Стихия ускорила исполнение замысла. В том же году спешно закончили кладку и в освященный придел перенесли образ Николы Великорецкого. Таким образом придел «заработал» на четыре года раньше главного храма³. Изображение соборной каменной церкви «Живоначальная Троицы, у нее же с северной стороны церковь великая Николая Чудотворца с трапезою и с прочими приделы и палаты...» донесла до нас известная икона «Трифон Вятский перед Богоматерью»⁴.

Высоко чтимая чудотворная икона святителя Николая во все времена оставалась одной из самых драгоценных святынь Троицкого собора.

Ежегодно чудотворная икона святителя Николая покидала Вятский кафедральный собор и крестный ход сопровождал ее на место явления — берег реки Великой; таков был обет хлыновцев,

¹ Верещагин А. С. Повести о Великорецкой иконе святителя Николая «Памятники Вятской письменности XVII—XVIII века». Вятка, 1905.

² Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1914 г. Вятка, 1913 с I—XIII (Почитание вятских святых русскими царями).

³ Цит. по: Тинский А. Г. Соборный храм святой Троицы. Здесь же.

⁴ См. прорисовку иконы «Трифон Вятский перед Богоматерью». Здесь же.

данный в те далекие времена, когда беспокойство за Святую «побудило вятчей... перенести образ с берегов Великой реки в центр Вятского края, город Хлынов...»¹.

Великорецкий ход — самый древний, самый известный, многолюдный и величественный из всех крестных ходов Вятской земли. Существуют многочисленные восторженные описания его очевидцами, но, пожалуй, самое раннее изображение великолепно-го зрелища представлено на панораме Вятки начала XIX(?) века. Неизвестный автор вполне достоверно иллюстрирует слова другого очевидца, что «все пространство реки, в минуту отплытия образа, покрывается лодками, полными людей, следующими за процессией 25 верст. Стечение народа в разных одеждах, звон колоколов во время шествия представляет зрелище пленительное...»². До 1777 года крестный ход совершался водным путем по рекам Вятке и Великой на стругах или плотах, потом стал проходить по суше. Истовый богомолец всегда считал своим долгом идти на Великую сухим путем, вместе с иконою Святителя. Горожане с 1861 года предпочитали плыть из Вятки на пароходе до Медянской фабрики, а оттуда до села Великорецкого на лошадях или пешком по прямой дороге — бором, через села Медяны и Гороховское. А орловские паломники плыли по Вятке до устья реки Великой, далее — левым берегом пешком через села Цепели и Чудиново.

С 1840 года Священный Синод навсегда определил время хода: 21 мая выход из города Вятки и 28 мая встреча иконы в Вятке. Начинался крестный ход от Вятского кафедрального собора. Паломники переправлялись через Вятку и шли по тракту в село Макарье. В древности на месте села стояла часовня, в которой служили молебн. С 1658 года обряд совершали уже в деревянной церкви. В 1776 году была возведена каменная Троицкая церковь.

Далее путь паломников лежал в село Бобино, основание которого связано было с построением в 1603 году деревянной холодной церкви во имя Николая Чудотворца. В 1782 году была возведена каменная церковь. В 1835 году построили каменную колокольню. В 1867 году был перестроен и расширен храм.

Следующее село, встречавшее паломников, Загарье, было основано как Загарский погост, построением в 1623 году холодной церкви Михаила Архангела. Через пять лет здесь было уже две церкви, которые в 1789 году заменил каменный храм. В 1860-х годах церковь была расширена и построена в два этажа.

---

¹ Житие и чудеса святителя Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского. СПб, 1899.

² Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга. Под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского. Т. 5. Урал. Приуралье. СПб, 1914. С. 563.

Великоресцкий Крестный ход. Отплытие флотилии из Вятки. Фрагмент панорамы города. Начало XIX (?) века.

С древних времен крестный ход останавливался для совершения молебна в большой деревянной часовне. В 1857 году здесь были основаны приход и село Монастырское. Деревянная часовня была перестроена в церковь. Церковь через три года расширили. В 1893 году построили каменный храм, оставив деревянную колокольню. В 1907 году начали строить каменный храм в два престола и каменной колокольней.

Последнее село на главном пути паломников — село Гороховское. На месте села уже в 1580-е годы стояла деревянная часовня, где совершался молебен. В XVIII веке в селе было уже две деревянные церкви. В 1829 году была построена и освящена каменная церковь, в 1908 году ее заменила новая.

Как видим, Крестный ход способствовал процветанию сел, расположенных на пути движения паломников. Здесь строились храмы, в которых совершались попутные молебны. В XVII веке храмы интенсивно расширялись или возобновлялись. В XVIII веке в этих селах активно внедрялось каменное культовое и гражданское строительство. К концу XIX — началу XX века практически во всех селах Великоорецкого хода были возобновлены обширные каменные храмы.

Конечная цель паломников — совершение торжественной службы на месте обретения чудотворной иконы святителя Николая недалеко от села Великоорецкого.

Село Великоорецкое одно из древних поселений Вятского края. Русские колонисты, выходцы из Великого Новгорода, появились здесь еще в XIV веке. Предания донесли до нас повествования о мытарствах переселенцев «в глуши чужих стран» и об «утешении», посланном им в виде «дивного знамения» — явления чудотворного образа святителя Николая (1383). Потянулись к чудотворцу богомольцы. Образ становился святыней всего края. Для того, чтобы сделать его доступным увеличивающемуся количеству страждущих, решили местные крестьяне общими усилиями построить на месте явления часовню¹.

Вскоре замыслили ставить храм — более достойное помещение для чудотворного образа. Получив благословенную грамоту от Митрополита, приступили к строительству. Но каждый раз после закладки церкви на выбранном месте к утру не обнаруживали и следов своей работы «...бревна же ночью обреташася на ином месте, на горе, на болоте»². Трижды возвращали бревна, но они чудным

---

¹ С тех пор часовня неоднократно возобновлялась в деревянном исполнении. Дважды выстраивалась в камне. Но всегда на прежнем месте — месте явления чудотворного образа.

² Житие и чудеса святителя Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского. СПб, 1899.

образом оказывались почти в версте от места явления, на возвышенном месте. Строители увидели в происшествии проявление воли Чудотворца и повиновались ему. Храм был выстроен на «указанном» месте¹.

В этой церкви образ Николая Чудотворца находился до перенесения его в Хлынов в 1392 году².

Внимание царей к чудотворному образу способствовало возвышению значения его в глазах вятчан. Все большее число паломников отправлялись к Великой реке. Образ оберегали с еще большим тщанием, постоянно обновляли первую его обитель — храм Николая Чудотворца и часовню на месте явления. Вокруг того храма выросло селение, рядом вскоре появился еще один храм.

По переписи 1629 года, в селе Великорецком значились уже две деревянные церкви — теплая Преображенская и холодная Николая Чудотворца.

В XVII веке обе церкви были перестроены. В 1672 году преосвященным Александром дана храмозданная грамота на построение деревянной церкви во имя Преображения Господня вместо ветхой старой теплой церкви, по которой можно судить о ее архитектурном решении. Грамота гласит: «Верх бы у той церкви был не шатровый, и олтарь прирубной круглый, и в церкви во олтарь зделать трои двери: царские, южные и северные...»³. Через 10 лет архиепископ Иона дал изустный указ на построение новой деревянной Николаевской церкви «на том же месте, где стоит нынешняя ветхая церковь...»⁴. К 1690 году новая церковь была выстроена. Таким образом, к концу XVII века в селе Великорецком существовали две деревянные церкви и деревянная часовня у реки Великой. Тогда уже имелись специальные строения для приюта богомольцев и помещения для начинавшей сопровождать крестный ход ярмарки, о которых свидетельствует опись церковного имущества более позднего времени.

XVIII век отмечен началом каменного строительства. В 1727 году по прошению церковного старосты дана была храмозданная грамота на построение каменной церкви во имя Преображения Господня с приделом в северную сторону в честь св. Николая Чудотворца (вместо деревянной церкви). Надпись, сделанная под

¹ На этом месте храм дважды возобновлялся до перенесения его в 1846 на сельское кладбище.

² Памятная книжка Вятской губернии на 1870 год, отд. V. Вятка. 1870, с. 59.

³ Сборник храмозданных грамот на построение церквей в Вятской губернии. Вятка, 1914, с. 15.

⁴ Там же, с. 33.

карнизом первого яруса иконостаса, повествует, что церковь начали строить в 1731 году. В 1741 году окончен придел, в 1749 году — главный храм¹.

Спасо-Преображенская церковь одноглавая, бесстолпная, прямоугольная в плане, с пятигранной апсидой. Основной объем здания — высокий двусветный сводчатый четверик. К четверику церкви примыкает двустолпная трапезная с граненым алтарем северного придела. Апсиды имеют сомкнутые своды. Трапезная с приделом перекрыты системой цилиндрических сводов с распалубками, опирающихся на два опорных столба. Завершение храма — восьмигранная глухая lanterna с ребристой главкой, размещенная на своде, прорезанной четырьмя люкарнами. Композиция фасада церкви подчеркнута сдержанная, выразительное плоскостное убранство навеяно мотивами «петровского барокко» в самобытной вятской переработке. Оригинальное архитектурное решение церкви оказало существенное воздействие на храмовое строительство Вятской земли. Благодаря популярности своего местоположения храм долгое время являлся образцом для подражания.

Удачная постановка монументального здания церкви Преображения определила ей роль композиционного центра формирующегося ансамбля. В 1768 году к западу от церкви, «на отставе», была построена каменная колокольня, просуществовавшая 92 года. Опись церковного имущества, проведенная в 1810 году², извещает, что «...каменная колокольница со столбами раскрашенная, на которой 12 колоколов... На колокольнице крест железный, крыша местами находящаяся деревянная, ниже колокольная палатка с шестью окошками, в которых оконницы стеклянные... Внизу под колокольницей большой проход, в котором врата створчатые решетчатые на железных крюках». Колокольню связывал с храмом своеобразный подиум — «ход... выслан плитняком возвышенно от земли...» С южной и северной стороны к основному объему колокольни примыкали палатки на четыре окна, ограждая западную оконечность храмовой площади.

Из той же описи узнаем о существовании ограды, прорезанной воротами в четырех направлениях. Главные, восточные Святые ворота были каменными, «выстроены... со сводами, и на передней стене выложены в приличных местах искусным художеством столбы. На верху врат крест железный позлащенный. По обеим сторонам прикалитки две». На огражденной территории находились,

---

¹ По материалам обмеров Владимирской специальной научно-реставрационной производственной мастерской. 1951 г.

² ГАКО, ф. 412, оп. 1, д. 12. Опись церковного имущества, 1810 г. (Дела Преображенской церкви села Великорецкого).

кроме Преображенской церкви и ее колокольни, церковь деревянная Никольская, каменные и деревянные лавки, питейный дом («лицом извне церковной ограды»), амбары. За церковной оградой выстроены были деревянные жилые дома с подсобными постройками. От колокольни в западном направлении шла дорога к часовне, стоявшей в версте на берегу реки. «Сия дорога разделена на три проспекта. Средний в поперешнике 6 сажень, а боковые оба по четыре сажени. По сим проспектам от колокольницы в четыре ряда довольно часто посажены березы...».

Как видим, к концу XVIII века определился состав зданий и сооружений, установилось их размещение в соответствии с функциональной взаимосвязью, продиктованной ритуалом, проведено было благоустройство отдельных элементов комплекса. Однако уникальная значимость комплекса побуждала церковные власти постоянно заботиться об архитектурном и эстетическом его совершенствовании, каждый раз выдвигая идейно-художественные задачи более высокого порядка. Так, в основу активных преобразований, начавшихся в первой трети XIX века, были положены утвердившиеся в России идеалы классицизма, в соответствии с которыми планировка главной храмовой площади комплекса приобретает регулярную упорядоченность, застройка — классическое решение, архитектурная композиция подчиняется идее гармоничного звучания единого ансамбля. Осуществить столь сложную идею невозможно без предварительно разработанного генерального плана. В том, что он был, сомнений нет, но нет и фактических доказательств, а только косвенные. Есть авторитетное предположение, высказанное Е. Ф. Шумиловым, о том, что планировка всего Великоорецкого ансамбля принадлежала С. Е. Дудину¹.

Вероятно, в соответствии с планом преобразования комплекса было решено заменить деревянную церковь на его территории каменной, о чем свидетельствует храмозданная грамота о построении «каменной Николаевской церкви рядом со старой деревянной Никольской»². Автором проекта новой церкви стал архитектор Ижевского завода С. Е. Дудин. Тот факт, что консистория, вопреки заведенным правилам, поручила заводскому архитектору строить храм в столь ответственном месте — случай из ряда вон выходящий, но он подтверждает высокий авторитет мастера. В то время С. Е. Дудин был, пожалуй, единственным в Вятской губернии профессиональным представителем столичной архитектурной школы столь высокого уровня. Яркий ученик и последователь великого

¹ Шумилов Е. Ф. Первый зодчий Удмуртии. — Ижевск: Удмуртия, 1979.

² Сборник храмозданных грамот на построение церквей в Вятской губернии. — Вятка, 1914, с. 466.

русского зодчего А. Д. Захарова, после успешного окончания Академии Художеств С. Е. Дудин был поощрен стажировкой в Италию, где, кроме всего прочего, увлеченно занимался изучением промышленной архитектуры, градостроительства. По возвращении в Петербург участвовал в строительстве Казанского собора, а затем сам А. Д. Захаров рекомендовал его архитектором завода на Иже. Будучи архитектором завода, С. Е. Дудин активно участвовал в архитектурной жизни страны и губернии, где по его проектам построено много гражданских, культовых, промышленных зданий и комплексов. Современники с уважением называли его «художником с большим достоинством». Еще одно достоинство мастера — незаурядные градостроительные способности, проявившиеся в авторской разработке генерального плана Ижевска. Градостроительное видение было присуще всему творчеству С. Е. Дудина.

Николаевская церковь села Великорецкого является одной из последних работ зодчего. Автор предложил решение в своем «благородно сдержанном» дудинском стиле. Церковь однопрестольная. Здание крестообразное в плане, имеет продольно-осевую композицию. Средняя часть — четверик с барабаном, покоящимся на четырех подпружных арках, и куполом. Барабан прорезан двенадцатью прямоугольными окнами, купол дополнен lanternой. Крылья — порталы с четырехколонными портиками тосканского ордера. Алтарная апсида полуциркульная. Храм просторен и светел, не случайно богомольцы называли его собором. В Николаевской церкви служились молебны перед местной великорецкой иконой Святого Николая, именуемой «Жителем», которая чтится как и явленный образ. Отслужить молебен перед этими обоими иконами было первым долгом богомольца.

К строительству церкви приступили в 1824 году. Более 10 лет продолжалось возведение храма. Завершали его уже после смерти С. Е. Дудина под наблюдением губернских архитекторов. И. Д. Дюссар де Невиль, поначалу усмотревший «недостаточную торжественность», а затем и его преемник А. Е. Тимофеев, руководившие строительством по долгу службы, все же сумели сохранить и воплотить дух авторского замысла. Освящена Николаевская церковь была в 1839 году. Градостроительный подход автора ясно угадывается в выборе места для постановки новой церкви, ставшей мощным ориентиром, определившим идейное и композиционное направление развития всего ансамбля. Размещение Николаевской церкви на оси Преображенской церкви и Святых ворот закрепило доминирующее значение оси запад-восток, подчинив ей классическую упорядоченность регулярной планировки храмовой площади. Идея осевой симметрии стала основой композиционного замысла гипотетического генерального плана, обозначившего перспективу формирования архитектурного ансамбля Великорецкого ярмароч-

но-храмового комплекса. Целенаправленные архитектурно-планировочные преобразования комплекса продолжались в течение почти 30 лет.

Одновременно с Николаевской церковью возводилось протяженное здание гостиного двора, очертившего южную оконечность храмовой площади. Завершилось строительство 90-метрового корпуса в 1830 году. На первом этаже разместились обширные лавки, на втором — просторные комнаты ночлежного приюта для паломников. Архитектура здания, подчиняясь общему решению ансамбля, выдержана в классических формах. Подчеркнутое контрастное решение фасадов соответствует функциональному содержанию и учитывает внутреннее и внешнее восприятие. Северный фасад «открыт» торговой площади лоджиями, образованными протяженной арочной галереей, объединяющей многочисленные торговые помещения первого этажа, и легкой, на деревянных спаренных столбах галереей второго (жилого) этажа. Неприступной стеной воспринимается южный фасад, разработанный с учетом восприятия его с дальних подступов, с «поклонной горы». Здесь не придается значение детализовке, но усиленно подчеркиваются горизонтальные членения, чтобы придать протяженному корпусу характер объединяющего подножия — подиума храмового ансамбля.

Северные торговые ряды замкнули северную границу ансамбля. Одноэтажное протяженное здание северных торговых рядов также было обращено на церковную площадь лоджиями в виде арочной галереи.

Углы прямоугольника «закрепили» четыре двухэтажных каменных дома для причта и школы. В основу проекта домов был положен образцовый проект 2-этажного каменного дома, предназначенного «для жительства кому-либо из людей духовного звания»¹. Архитектура зданий выдержана в классических формах.

В 1846 году церковная площадь освободилась от старой деревянной Никольской церкви, которую перенесли на кладбище.

К середине XIX века формирование главной площади церковно-ярмарочного комплекса в основном завершилось. Четко определилось и ее функциональное зонирование: южная часть отдавалась торгово-ярмарочным предприятиям, северная — проведению крестных ходов.

Завершая намеченные архитектурно-планировочные преобразования, в 1860 году разобрали обветшавшую колокольню и приступили к строительству новой. Строительство велось с 1862 по 1874 год. 43-метровая четырехъярусная столпообразная колокольня, поставленная по оси комплекса, композиционно возглавила Вели-

---

¹ Исторический очерк села Богородского, рукопись ГАКО, 70-1-252.

корецкий ансамбль. Первоначально колокольня, как и ее предшественница, имела сквозной проезд, который из-за аварийного состояния, обнаруженного через два года после окончания строительства, был заложен. Намечались, очевидно, палатки с севера и юга (о чем говорят глухие стены и вертикальные штрабы, предполагавшие примыкание самостоятельных объемов).

Каменная ограда завершила замкнутую композицию ярмарочно-храмового ансамбля. Определив границы церковной площади в промежутках между зданиями, на восточной стороне она повторила циркульные очертания апсиды Николаевской церкви и примкнула к Святым воротам. Так был создан Великорецкий «град».

В единый архитектурный ансамбль включалась и часовня, расположенная в отдалении на берегу реки Великой.

После проведения положенных служб в Спасо-Преображенской и Николаевской церквях крестный ход от церковной площади, направлялся к часовне, чтобы отслужить там главный завершающий молебен. Выйдя за пределы церковной площади, богомольцы попадали в трехрядную березовую аллею, ведущую к часовне. Но прежде они посещали кладбищенскую церковь — место служения панихид. Кладбище лежало на юго-западе от села, слева от аллеи, в сосновом лесу. «Хорошо это кладбище: лес старый, не густой; как колонны, стоят прямые могучие сосны, сквозь зеленые шапки едва-едва синее небо, желтые иглы ковром покрывают землю. Здесь в лесу, на поляне стоит старинная деревянная церковь в два света, очень обширная» — церковь Всехсвятская, бывшая Никольская. В конце XIX — начале XX века к основному объему церкви была пристроена колокольня.

Северо-западное ответвление дороги вело к Великорецкой земской больнице, ставшей неотъемлемой частью комплекса. Основана она была С. И. Сычуговым, а построена по проекту известного вятского архитектора В. М. Дружинина в 1872 году. Расположилась больница на кромке крутого берегового откоса реки Великой, среди соснового бора — того самого, в котором, согласно преданию, крестьянину Агалакову явился чудотворный образ Николая Угодника.

У подножия прибрежного холма многие века, отмечая это событие, стояла Никольская часовня — главная цель Великорецкого крестного хода.

Паломникам часовня открывается из глубокой лощины, выводящей крестный ход на берег Великой реки. На протяжении своего долгого существования часовня неоднократно перестраивалась, обновлялась. В 1800 году по проекту Ф. М. Рослякова была построена первая каменная часовня. Описание, относящееся к 1810 году, повествует, что она «каменная, круглая, изнутри и извне оштукатурена, покрыта тесом со скалою. А лантирнин ее покрыт

железом и выкрашен зеленой краскою. Крест и небольшая маковница вызолочены. В часовне трои врата, два больших окошка, в которых оконницы стеклянные. В своде у часовни восемь круглых больших окон, а в лантинне четыре небольшие...»¹

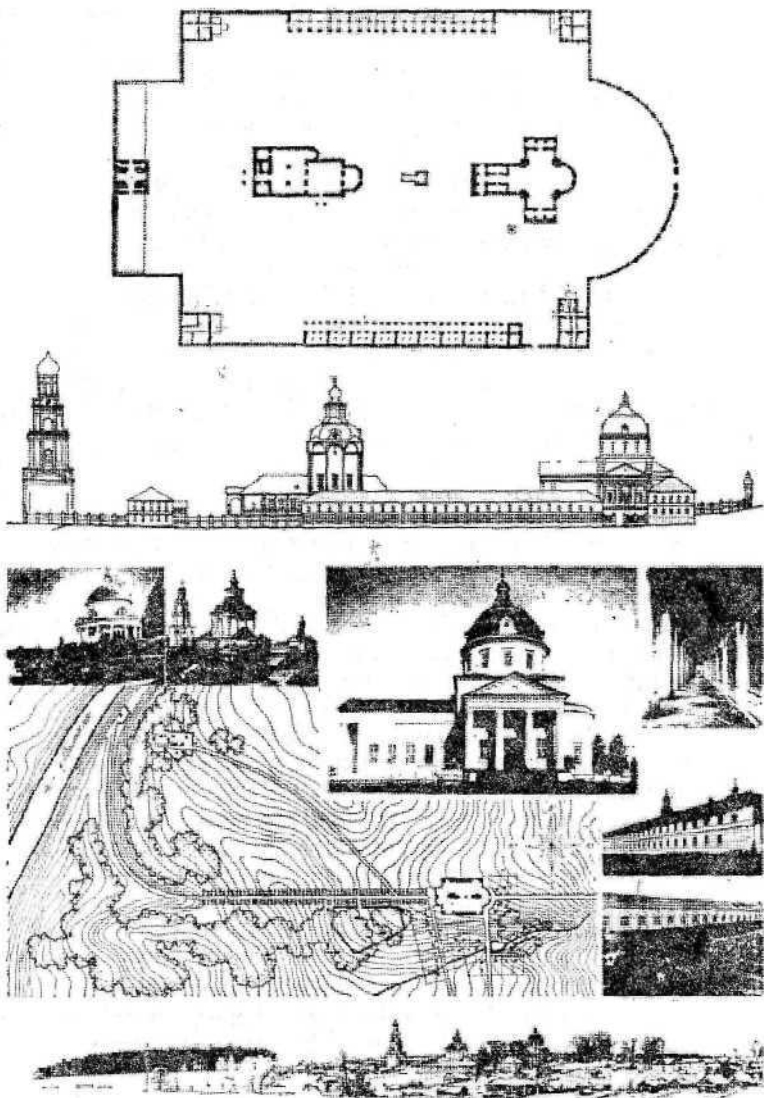
В 1813 году в Вятскую консисторию пришел рапорт, оповещающий, что «каменная часовня клонится к разрушению от неосновательной закладки фундамента...» После освидетельствования губернским архитектором часовня была разобрана и принято решение на ее месте поставить новую по проекту губернского архитектора Н. А. Андреевского. Планы и фасады новой часовни утверждены в 1819 г., а смета в 1821 г. Возводилась часовня в 1826—1828 гг. И. Д. Дюссар де Невилем. Решалась она в виде классической ротонды. И это понятно: законченная ордерная композиция, ясная «идеальная» форма ротонды, обладающая внутренней «активностью», более всего выражала идею кульминационного, завершающего акцента ансамбля.

Круглое здание с постепенно облегчающимися кверху формами раскрывалось к природе изысканной простотой колоннады дорического ордера, опоясывающей центральный цилиндрический объем, увенчанный куполом с изящной lanternой и шпилем с крестом. Масштаб колоннады очеловечен, в противовес главному замкнутому объему часовни, огражденному от внешнего мира стеной. С северной, западной и южной сторон вовнутрь вели три входа. Между дверными проемами размещались четыре окна первого яруса, над которыми во втором ярусе широкий барабан прорезали люнеты, наполняя камерный объем потоками света. Внутри — свой замкнутый микромир, наполненный светом; снаружи, напротив, открытое слияние с природой, широкое обозрение с разных сторон. Архитектурная идея созвучна традиционно русским доминантам — храмам, строившимся также в расчете на круговое обозрение, в органической связи с ландшафтом.

Крестный ход после совершения в часовне главного молебна возвращался на храмовую площадь. Число богомольцев заметно убывало. Богомолье сменялось небольшой сельской ярмаркой. Хотя на Великой реке соединялись богомолье и ярмарка, торгового ярмарочного оживления не было заметно, не материальное влекло сюда: «Люди шли на Великую, чтобы молитвенно вспомнить всю свою жизнь, поклоняться у иконы Святителя Николая, духовно возродить себя и укрепить свою душу и свое сердце».

Ярмарка продолжалась до прихода иконы обратно в город. Возвращалась икона через село Медянское, Филейскую часовню, село Филейское, Вятское Богословское кладбище. На седьмой день Вятскую святыню встречали в Кафедральном соборе.

¹ ГАКО, ф. 421, оп. 1, д. 12.

Великореский «град». План, ситуация, фрагменты.
Реконструкция Л. Б. Безверховой.

Великорецкий «град» вновь замирал в ожидании нового прихода чудотворного образа. Град тот был подобен храму и мыслился зодчим как некий аналог упорядоченности общего мироздания и «града небесного» по образу идеала: «Небесного Иерусалима». Обратите свой взор на Великорецкий град, и вы отчетливо увидите очертания Храма...

Л. Г. ХРИПУНОВА

АНСАМБЛЬ СОБОРНОЙ ПЛОЩАДИ ЛАЛЬСКА

Во второй половине XVI в. бежавшие от расправы Ивана Грозного новгородцы основали на правом берегу реки Лалы Никольский погост. Вместе с уже существовавшим рядом городком Ботище он положил начало Лальску.

Согласно писцовым книгам 1620 г. Лальский Никольский погост был обнесен деревянным острогом с восемью башнями и тремя воротами. Внутри острога, в восточной его части, выходившей на излучину Лалы при впадении речки Бычихи, стояли две деревянные холодные церкви: Николая Чудотворца (шатровая) и Флора и Лавра (клетского типа). Упоминается и третья — «Офанасия Александрийского», которая за год до переписи сгорела.

В течение первой половины XVIII в. взамен деревянных были сооружены два монументальных каменных храма — Воскресенский собор и Благовещенская церковь, а также соборная колокольня. Тем временем укрепления острога обветшали и в 1759 г. были разобраны.

В 1784 г. для Лальска, возведенного было в ранг уездного города, Комиссия о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы составила генеральный план. Разработанный на принципах регулярности, он, помимо строго прямоугольной сетки кварталов, предусматривал устройство нескольких площадей, в том числе соборной. Ось площади, вытянутой с севера на юг, оказалась параллельной проходящей по соседству главной улице города. К площади была «привязана» одна из вновь прокладываемых поперечных улиц (Соборная, ныне Красноармейская), ориентированная на Воскресенский собор и его колокольню¹. С восточной стороны площадь раскрывалась на реку Лалу и на заречные дали.

---

¹ На соборный ансамбль ориентирована еще одна короткая улица — Красная, параллельная Большой (ныне улица Ленина).

Ввиду начавшегося упадка Лальска (в 1796 г. обращен в заштатный город) осуществление генерального плана замедлилось, а некоторые его положения и вообще не были реализованы. В частности, храмы на соборной площади так и не получили достойного «обрамления». Более того, границы самой площади, поскольку застройка ее сторон была редкой или вовсе отсутствовала, остались довольно условными¹. Поэтому ее объемная композиция всецело определяется храмами. Зато в пространственном отношении цель, преследовавшаяся градостроителями, была достигнута: соборному ансамблю обеспечено превосходное восприятие с реки. Это легко почувствовать, встав напротив, когда оба храма выстраиваются в линию. Не менее хороши и другие видовые точки на противоположном берегу. У поворота реки из-за сложного многочастного Воскресенского собора выдвигаются более крупные, обобщенные массы Благовещенской церкви. Вниз по Лале они, наоборот, «наплывают» на собор, а левее выдвигается вертикаль колокольни. Оба храма объединяет «скульптурность» алтарей, ритм фасадных полу-кругий, и главное — устремленность ввысь. Ярусность завершений придает ансамблю островыразительный силуэт. Прекрасным дополнением являются группы деревьев, отражение в воде и тихий, идиллический ландшафт.

Воскресенский собор (черт. 149) построен в 1698—1717 гг. мастерами из Соли Галицкой Андреем Бросаловых и Ильей Новожиловых². Его сооружение началось с Никольского придела, преемника старого деревянного храма во имя Николая Чудотворца. Освященный шестью годами ранее самого собора, придел композиционно автономен. Это заранее предусматривалось храмозданной грамотой: «...и в придел двери учинить из паперти, а не из церкви». Действительно, он имеет особую небольшую паперть — продолжение галерей собора. Его объемное решение в виде широкого восьмерика на четверике для придела довольно необычно. Оно явно восходит к стоявшей на том же месте деревянной церкви. Сколько живописности внесено этим прилепившимся к северной стене собора одноглавым храмиком! Основной же объем церкви — кубический, с трехчастной апсидой, увенчанный пятиглавием. Своим ярко выраженным вертикализмом он контрастирует с пристроенной с запада и частично с севера низкой галереей. В галерею ведет традиционное крыльцо на массивных столбах-кубышках, с двойными арочками и гирьками.

¹ Один-два деревянных особняка с мезонинами, при всей солидности масштаба, имеют к площади лишь косвенное отношение.

² Они же с другими солигалическими каменщиками построили в Лальске Богоявленскую церковь (1711—1715).

Если композиция собора в целом и отдельных его частей (кроме разве что граненых барабанов глав) выдержана в духе зодчества середины XVII в., то богатый и разнообразный декор отражает уже барочные веяния. Данью традиции являются только кокошники. Даже в изразцовом убранстве, очень сходном с памятниками Устюга Великого (изображения сказочных птиц, «вазоны» с цветами) использован новый прием — широкий фриз (вместо дробления на ширинки) со вставками, еще раз употребленный на галерее. Примечательны тонкие спаренные, а на углах — тройные колонки. Они тянутся почти во всю высоту стен и в укороченном варианте повторены на уровне кокошников. Это начало освоения классического ордера. Достаточно взглянуть в капители, чтобы различить и оригинально исполненный валик — «эхин», и плиту — «абаку». А на восьмерике придела капители близки к ионическим. Сильнее всего мотивы барокко в обрамлениях окон. Витые колонки с теми же «ионическими» капителями (у одного наличника — даже «коринфскими») несут антаблемент и разрезной фронтончик, в верхнем ряду наличников заполненный орнаментальным узором. Заслуживает внимания и киот на восточной стене храма. Колонки заменены в нем пилястрочками, вопреки канонам суживающимся книзу. У всех этих деталей вполне определенный источник — Введенский собор в Сольвычегодске, чьим «пригородом» долго числился Лальск. Роскошной белокаменной резьбе названного памятника и подражали строители Воскресенского собора, правда, в ином материале — кирпиче. Так строгановская линия «московского барокко» нашла ответвление не только на Вычегде, но и на Лале.

В 1777 г. собор украсился внутри лепными картушами с росписью. Это проделали устюжане — штукатуры Петр и Михаил Червяковы, живописцы Иван и Борис Березины.

В 1835 г. был освящен выстроенный по заказу купца Сумкина придел св. Митрофания Воронежского. Будучи соединенным крытым переходом на арке с Никольским приделом, он «растянул» композицию собора, усилив ее асимметрию. Шатровый верх, наличники подражают древнерусскому зодчеству.

После того, как пожар 1725 г. уничтожил деревянную теплую церковь во имя Благовещения и Кирилла и Афанасия Александрийских, в 1732 г. было дано разрешение строить каменную, освященную лишь через тридцать лет, в 1762 г. (черт. 150). Ее композиция сжато и точно охарактеризована в старой описи: «Церковь с трапезою и папертью об одном крыльце, над двенадцатью палатками». Первый этаж — подклет и впрямь представлял собой разгороженный на отдельные «палатки» склад для купеческих товаров. Собственно храм дополнен просторной трапезной, к которой примыкает паперть, некогда — с двумя боковыми всходами. Алтарь

полуовальной формы, в нижней части особенно пластичных очертаний.

Увенчание храма очень эффектно: три энергично убывающих восьмерика. Однако оставшиеся на стенах контуры прежних «полуглавий» свидетельствуют, что современное завершение храма — результат позднейшей надстройки¹. Силуэт Благовещенской церкви и всего ансамбля от этого, разумеется, весьма выиграл.

Подклет расчленен лопатками в полном соответствии с внутренней планировкой. Не просто декоративны и колонки храма, и трапезной: они закрепляют углы объемов, фиксируют их поперечные оси. Пропорции колонок, «валиковые» капители и т. п. полвека спустя почти повторяют ордерные элементы Воскресенского собора. То же можно сказать и о большинстве наличников. Впрочем, убранство Благовещенской церкви более сдержано. Тут значительное место отведено гладкой стене, оттеняющей затейливость деталей. Стилистически Благовещенская церковь родственна современным ей устюжским памятникам, но выделяется своим пропорциональным строем, особой высотностью завершения. Заметим, что пристроенное к западному фасаду храма в 1887 году по проекту вологодского архитектора Федорова крыльцо-колокольня, весьма неуклюжее и сухое по формам, не улучшило архитектуры памятника.

Соборная колокольня начата в 1729 г. «иждивением» купцов Норицыных. На четверике, имевшем проход (соборный ансамбль был обнесен оградой, и колокольня являлась «надвратной») возведен стройный восьмигранный столп. Над арками звона имелись еще два восьмерика и шпиль — композиция, типичная для устюжской школы. С Устюгом перекликается и декорация лальской колокольни. Однако надо помнить, что многое привнесено при восстановлении колокольни после пожара 1763 г. Всевозможные кронштейны, ширинки основания и нижней части столпа, по всей видимости, изначальные, тогда как четкие прямоугольные обрамления граней с заполнением чем-то вроде рокайлей появились при «возобновлении» в 1765 г. Тогда же были установлены башенные часы, устроенные на средства посадского Ивана Рысева «и всего гражданства». Сделал их местный мастер Николай Попов.

Несмотря на понесенные утраты (сломан шпиль вместе с поддерживавшим его восьмериком, а о часах напоминают лишь круги-медальоны), колокольня остается высотной доминантой ансамбля и главной вертикалью всего Лальска (черт. 151).

¹ Это подтверждается и тем, что восьмерики не открыты вовнутрь храма. Дата надстройки документами не установлена. Предположительно — конец XVIII в.

АНСАМБЛЬ ОДНОГО ПАМЯТНИКА. ХРАМ ПОКРОВА НА ЛУЗЕ

Километрах в пятнадцати от Лальска и в трех от ближайшей деревни Заборье на побережье Лузы, возле ползаросшего лесом кладбища стремительно убегают к небу изысканные объемы храма. Это Покровский погост с одноименной церковью (черт. 152).

Скупые строки лальского летописца И. Пономарева повествуют, что в 1729 году епископом Лаврентием Горкой была дана грамота на построение каменной церкви «в Покровском приходе на реке Лузе». Тут же названы заказчики — лальские купцы Семен и Максим Пестовские. Под 1740 годом сообщается об освящении нижнего теплого храма Трех Святителей, а под 1750-м — и верхнего, холодного во имя Покрова Божией Матери.

Сведений о строителях и обстоятельствах сооружения пока не найдено¹. А ведь они могли бы объяснить феномен памятника, который один стоит целого ансамбля.

Нельзя сказать, что Покровская церковь вовсе не имеет аналогов. Сам тип двухэтажного культового здания со ступенчатым построением алтарной части, при котором храмовое помещение нижнего этажа находится под апсидой верхнего, появился в Великом Устюге ранее. Для этого региона характерно и завершение храмов малыми ярусными восьмериками — именно отсюда оно пришло на Вятку. Однако многие композиционные черты Покровской церкви индивидуальны. Во-первых, сочетание нижнего алтаря из двух полукружий с верхним пятигранным. Во-вторых, местоположение колокольни. Первоначально она, быть может, даже не предусматривалась. На это указывает западный фасад. Его великолепная декорация — где еще этот фасад так решался! — в случае пристройки оказалась бы заслоненной. Лишь ближе к концу VIII века колокольня была все же возведена, но прикомпонована к северо-западному углу здания через соединительный притвор². И, в-третьих, пропорции, особенно храмового завершения. Основной

¹ В Великоустюжском филиале госархива Вологодской области удалось обнаружить только договор на роспись верхнего храма у наперти с устюжскими мещанами Андрианом Протопоповым и псаломщиком Успенского собора Семеном Поповым (1779 г.). Проработав на Лузе «два лета», они, как жаловались заказчики, «работы... не окончили и теперь уже по третий год... не приехали да, может, и впредь... быть не намерены».

² В основании колокольни и притвора — лестница на второй этаж. До этого туда вели, очевидно, высокие деревянные крыльца, примыкавшие к обским сторонам трапезной: на ее стенах сохранились порталы.

восьмерик не только крупнее, но и удлиненное, чем в любом другом однотипном памятнике — потому и его взлет, продолженный еще двумя восьмериками, столь динамичен. Видимо, чтобы не спорить с верхом храма, и колокольню намеренно занизили.

Сложное впечатление производит и фасадное убранство Покровской церкви. С одной стороны, ко многим его слагаемым нетрудно подобрать параллели в лальском Воскресенском соборе, о связи которого с Введенским в Сольвычегодске уже говорилось. Нам знакомы капители в виде валиков, ордерные наличники с колонками, витыми или обработанными «под резьбу», тяжеловатые разорванные фронтоны и т. п.¹. Есть на фасадах и популярные в Устюге бровки. Тем не менее все это «аранжировано» или прямо переосмыслено. Например, бровки, как правило, отрывающиеся от обрамления, здесь прикреплены к антаблемам окон. Исключительна пластика деталей. Пожалуй, нигде на Севере не встретить в XVIII столетии такой сочности и чисто дворцовой пышности.

Далее выясняется, что характер убранства местами уже перерастает «московское барокко» и отмечен влиянием столичной послепетровской архитектуры. Оно сказалось на окнах верхнего ряда — центральном наличнике, относительно плоском и наделенном выступами-«ушами», овальных проемах и вторящих им обрамлениях боковых окон (с добавлением изогнутого сандрика). Где-нибудь в Петербурге мог быть и фронтон-сандрик, какой помещен над старозаветным «узорчатым» порталом трапезной второго этажа. Но и дошедшее до Лузы с берегов Невы воспринято самобытно. Хотя выведенные под верхними окнами картуши сродни барочной лепнине, их рисунок (комбинация уступчатых прямоугольников и еще что-то вроде коринфской капители с «гребнем», заключенное между розетками) отнюдь не подражателен. Перед нами та же прихотливая выдумка народных мастеров, только на новой основе.

Всем этим Покровская церковь блестяще соединяет формы строгановских построек, устюжской школы зодчества и ее лальского ареала, а также отдельные столичные формы. Равного ей нет ни в Устюге, ни в Лальске. Без преувеличения, для российского Севера XVIII века это такой же шедевр, каким для Древней Руси является храм Покрова на Нерли. Недопустимо и дальше оставлять «Покров на Лузе» в бедственном состоянии, грозящем полным разрушением. При всех издержках восстановление храма, способного и в глуши привлекать паломников, оправдывает себя и сохранит одну из ярчайших страниц северной каменной летописи.

¹ В наличниках нижнего алтаря употреблены и пилястрочки, суживающиеся книзу.

**АРХИТЕКТУРНЫЙ АНСАМБЛЬ СОБОРНОЙ
ПЛОЩАДИ УСПЕНСКОГО ТРИФОНОВА
МОНАСТЫРЯ. XVII—XIX вв.**

Мужской Успенский монастырь, основанный в Хлынове в 1580 году, в течение первого века своего существования оставался деревянным и полностью сохранил свою первоначальную планировку. В последующем столетии деревянные монастырские храмы, ограда, хозяйственные постройки и жилые здания постепенно были перестроены в камне. Последующее их восстановление после пожара середины XVIII века, расширение и реконструкция были, как правило, связаны с изменением внешнего вида и внутреннего устройства. И лишь планировка монастыря оставалась неизменной. Она оказалась самым долгоживущим, консервативным элементом архитектурного ансамбля. В этом легко убедиться читателю — стоит только сопоставить самое раннее изображение монастыря (на иконе «Трифон Вятский перед Богоматерью», рис. 17) с планом монастыря, снятом с натуры архитектором Ф. Росляковым (черт. 153) в конце XVIII века, и сравнить их с современным положением монастырских зданий. Не повторяя здесь общего описания плана, мы отсылаем читателя к статье «Монастырские комплексы XVII века».

Как правило, православные монастыри строились с расчетом обороны против возможных врагов, и потому имели мощные стены. И хлыновский монастырь по традиции — хотя ему ни разу не пришлось участвовать в военных действиях — был обнесен высокими стенами, до середины XVIII века деревянными, к активной обороне не приспособленными. Как в крепостях, где въездные ворота устраивались в нижнем этаже боевой башни и были защищены ею, монастырские Святые ворота защищала особая — надвратная — церковь. Надвратная церковь считалась божественным покровителем и защитой Святых врат, которые символически уподоблялись «тесным вратам спасения, через которые многие поищут войти, но не возмогут». Это была визитная карточка монастыря. Она встречала каждого, и на иконе Трифона Вятского очевидец-изограф написал ее такой, какой она была в последнем десятилетии XVII века — пятиглавой и каменной, уже тогда стоящей на каменных воротах, когда роскошь быть каменной разрешена была только главной монастырской церкви. О времени ее постройки литературные источники давали самые разноречивые сведения. «Построена при архимандрите Никоне — в 1756 году» («Вятские епархиальные ведомости» за 1906 год). «Когда построена Никольская церковь —

неизвестно, а освящена она в 1765 году» («Столетие Вятской губернии», том I, 1880 год). «Николаевская церковь построена в 1751 году» («Известия Императорской археологической комиссии», выпуск 44, 1912 год). Но так было только до тех пор, когда принялись за исторические документы. Подьячий Иван Остудин, в 1705 году посланный в Хлынов «для переписи нового монастырского строения», сообщал, что после пожара 1700 года было велено построить «погорелое строение на каменных церквах Успения... да Николая Чудотворца, что на вратах». Надо понимать, что Никольская надвратная церковь была уже каменной в 1700 году. Да и икона Трифона Вятского содержит такие подробности, которые позволяют утверждать, что каменная надвратная церковь заменила деревянную между 1692 и 1700-м годами (фото 154). Это была вторая каменная церковь мужского монастыря, построенная вскоре после Успенской. По-видимому, именно это обстоятельство, а не только изящество и светскость фасадного декора храма, навело авторов одной из первых публикаций по истории вятской архитектуры (мы имеем ввиду книгу «Дорогами земли Вятской») на мысль, что Никольскую церковь «строили те же приезжие мастера, которых вызвал в Хлынов архиепископ Иона». Не так уж много архитектурных деталей заимствовали строители у главного собора, разве что гладкие и с «дыньками» полуколонки обрамлений оконных проемов, да ступенчатые трехлопастные «бочки» в их завершении. Они переняли нечто большее, чем детали — обращение к вечности (гладкие плоскости стен) и вместе с тем праздничности (изысканность форм декора), подчеркнув ее заимствованием венецианских «раковин» в тимпанах закомар-кокошников у Архангельского собора XVI века в Московском кремле, увеличением высоты декора, появлением таких новых форм, как пластичные волюты, поребрик, полуколонки на всю высоту храма.

Третьим сооружением соборной монастырской площади стала каменная колокольня, поставленная на месте прежней, деревянной в 1714 году¹. Сложенная «накругло» — «восьмериком», она имела тогда три яруса. Все грани верхнего яруса были прорезаны проемами звонов, через которые можно было увидеть девять колоколов, подвешенных на дубовых балках. На сохранившихся фотографиях и рисунках колокольня предстает перед нами с небольшим по высоте и диаметру четвертым ярусом в виде «восьмерика», завершенного глухим барабаном и главкой. Это новое завершение колокольни получила в 1764 году, когда до нее дошла очередь восстановления после пожара 1752 года — «да на колокольне с

¹ И. В. Берова. «Ансамбль Вятского Успенского Трифонова монастыря». Киров, 1989. Дореволюционные источники называли другую дату, не подтвержденную источниками — 1695 год.

крышки и внутрь оной от четырех деревянных полов и лестниц больших и малых девять колоколов например слишком на пять тысяч рублей от сильного жару все растопились». И после надстройки колокольня производила впечатление монументальности, и только проемы звонов облегчали ее верх. Не высок и почти не заметен на гладких гранях декор обрамлений редких окон. Сама по себе эта простая колокольня никак не могла конкурировать ни с Никольской церковью, ни тем более с Успенским собором. Ее роль в ансамбле заключалась в другом. Входя во двор через Святые ворота, человек уже знал, что увидит слева главный храм, но взор его упирался в плоскую и ничем не украшенную грань «восьмерика» колокольни и... мгновенно отражался от нее, как от зеркала, и падал на монастырский собор, ради которого человек и вошел в ворота. Колокольня не была здесь ни композиционным, ни смысловым центром монастыря — это всего лишь второстепенный элемент, обслуживающий собор.

Такая планировка православных монастырей, когда Святые ворота ориентированы не на главный собор, а на колокольню, не является редким исключением. Автор одной из статей совсем недавно вышедшего из типографии совместного труда¹, в качестве примера приводит Флорищеву пустынь под Гороховцем. Подобная композиция двух храмов с поставленной между ними и зрительно объединяющей их колокольней резонно названа ею «схемой погоста» или «парных городских церквей». Древний погост на бывшей Семеновской пустоши под Хлыновым и стал ядром хлыновского мужского монастыря, определив его будущую планировку.

Вторым по времени постройки зданием общежительных монастырей обычно была трапезная: совместное принятие пищи было не только общепринятым явлением, но и канонизированным (возведенным в закон) действием, символизирующим Тайную вечерю. При трапезной для братии устраивали и особую церковь, располагая ее вблизи главного храма. Надо думать — прямых свидетельств этого нет — что в хлыновском мужском монастыре Благовещенская церковь, тогда еще деревянная, была при трапезной с самого начала². В 1727 году и церковь, и трапезная были уничтожены пожаром. Восстановили их быстро, и уже в 1728 году каменная церковь была освящена (фото 155). От деревянной она унаследовала

¹ Гуляницкий Н. Ф. (под редакцией). Древнерусское градостроительство X—XV веков. Москва, Стройиздат, 1993. Бусева-Давыдова И. Л. Монастырские комплексы.

² Первое из известных упоминаний о деревянной Благовещенской церкви, как о церкви с трапезной, содержится в «Дозоре» Ф. Рязанцева под 1601 годом, т. е. через двадцать лет после постройки.

не только объемно-пространственную композицию, но и оригинальную форму завершения. Вот как характеризовал ее в своих воспоминаниях «Мое ректорство в Вятке от 19 февраля 1835 по 26 мая 1838 года», написанных в 1844 году, архимандрит Никодим Казанский:

«Благовещенская церковь теплая, новой архитектуры, походит на немецкую кирху — потому, вероятно, что архитектор был немец». Что касается необычной формы завершения церковного здания, то она отнюдь не форма немецкой кирхи, а традиционная и даже любимая вятичами форма завершения деревянных храмов. Такого типа покрытие называли на Руси кубоватым, кубчатым, кубистым и очень часто — в народе — «курмой». Что же касается немецкой национальности архитектора, то сообщение Казанского представляется нечаянной ошибкой и, может быть, связано только с тем, что на целое столетие позже времени постройки церкви, в двадцатых годах XIX столетия, губернским архитектором Вятки был выпускник Императорской Академии Художеств И. Д. Дюссар де Невиль, по происхождению француз, действительно принимавший участие в реконструкции зданий Успенского Трифонова монастыря.

В 1719 году рядом с трапезной Никольской надвратной церкви, на месте деревянных настоятельских и казначейских келий выстроены каменные двухэтажные палаты — «кельи архимандричьи да казенные каменные», — указывает «Ведомость, что в том доме какого строения 1725 года. Позже, в описи поручика Мохова в 1764 году будет указано: «Кельи настоятельские, приделанные к Николаевской церкви о дву аппартаментях,верху две кельи да лакейская с кладовою и с сеньми... на 9 саженьх 2 аршинах, в ширину на 6 саженьх с аршином; под оными кельями монастырский приказ да казначейская келья с сеньми в 4 покоях... под вышеписанным приказом и казначейской келью небольшие три поставки харчевых припасов теплые подвалыцы, крыто тесом».

Конструктивную основу здания составляли капитальные поперечные стены (на «погребном подвале»); перекрытия сводчатые, лотковые и сомкнутые, с распалубками у оконных и дверных проемов. Погребной этаж перекрыт мощными деревянными балками, использованными, «возможно», в качестве затяжек. Кровля тесовая, большой высоты.

Крыльцо с рундуком для входа во второй этаж; в то же время в утолщенной стене была устроена и узкая внутренняя лестница из восточной кельи первого этажа.

В основе планового решения настоятельских палат — традиционная для рубленой избы трехчастная связь «изба-сени-клеть», несколько усложненная примыканием к трапезной надвратной церкви. Планировка почти одинакова в обоих надземных этажах.

Западное (от сеней) помещение, большее по размеру, восточное — меньшее (черт. 161).

Отопление печное — в покоях настоятеля «две печи муравленныя, две кирпичныя», а в кельях монастырского приказа «две печи кирпичныя», в казначейской «печь муравленая» (в 1764 году). Дымоходы в поперечных стенах.

Фасад палат разделен на две части междуэтажным пояском из поребрика и двух едва выступающих из плоскости стены валиков; такая же лента поребрика включена в состав карниза. Широкие двухэтажные лопатки устроены только на углах здания. Оконные проемы где одиночные, где сдвоенные, а иногда к ним приближено и третье окно; их обрамление составляют гладкие полуколонки, завершенные в нижнем этаже прямой полочкой-«бровкой», а в верхнем — сандриком в виде пятиугольной «бочки» (фото 156). Живописность фасадной композиции увеличивали пристройки деревянных лестниц, рундук и угловая галерея, впоследствии замененная балконом, от которого остались только «железные подмоги». Вся свободная от декора площадь стен была «вырвчена», то есть затерта кирпичом.

После пожара 1752 года основательно поврежденные палаты настоятеля были восстановлены; временно к ним пристроили еще деревянные кельи «на шести каменных столбах о дву покоях с сенями». В 1827 году вместо деревянных келий к палатам сделали каменную «прикладку» с западной стороны размером 4 на 3 сажени. В соответствии с временем ее стены были уже гладкими, а оконные проемы расположены с равным шагом. Тогда же по проекту Дюссар де Невиля изменили планировку первоначальных палат и расположение окон, заложив кирпичем одни и пробив другие проемы, заодно стесав и все кирпичные декоративные детали. Теперь, по выражению архитектора, дом получил «правильный вид».

Закончив постройку настоятельских палат в 1717 году, строители приступили к постройке одноэтажного братского корпуса у алтаря надвратной церкви. Их основу составляла та же привычная связь «келья-сени-келья»; такая же конструктивная схема, такая же композиция фасада, как у келий настоятеля. Постройка первых каменных братских келий была закончена в период до 1725 года. Реконструкция и расширение двухэтажного братского корпуса в 1831 году, когда он получил новый северный фасад, затронула и одноэтажные кельи; как и в настоятельском корпусе, все декоративные детали фасада здесь были стесаны. Перед глазами зрителей 1840-х годов оба здания предстали с фасадами, не соответствующими времени их постройки.

Кропотливая и растянувшаяся на годы работа кировских реставраторов (ее начали еще в восьмидесятые годы) позволила

установить первоначальный вид этих зданий, ровесников или даже предшественников питейной избы и палат купца Толмачева. Это старейшие (из сохранившихся) гражданских зданий на Вятской земле. Их постройка в начале XVIII века завершила формирование северо-западного участка ансамбля соборной площади Успенского монастыря (фото 158).

Оставалась еще не оформленной ее северная, обращенная к городу, сторона.

Северную сторону соборной площади — от алтаря Никольской церкви до восточного прясла монастырской ограды — занял каменный корпус братских келий: «Кельи братские каменные, от алтаря Николаевской церкви к реке Вятке состоящие, от алтаря об одном, в середине о дву, а при окончании о трех апартаментов, в длину на сорока пяти саженьях, поперег снизу от реки на пяти саженьях и пяти четвертях аршина, а сверху от Николаевской церкви на трех саженьях пяти четвертях аршина», — сообщает «Ведомость монастырского строения» 1768 года.

Двухэтажный корпус братских келий в том виде, который имел во второй половине XVIII века, показан на плане, снятом с натуры архитектором Ф. Росляковым (черт. 159). Его планировочную основу составляет традиционная трехчастная секция «келья-сени-келья», неоднократно повторяемая и на первом, и на втором этажах. Помещения подвального и первого этажей перекрыты сводами, второй этаж — балочными перекрытиями; кровля тесовая. Словом, по планировке и конструктивному решению братский корпус не отличается от гражданских зданий первой половины XVIII века — питейной избы и дома И. Г. Толмачева. Однако декоративная обработка фасадов отличается разительно.

Главным фасадом братский корпус обращен к соборной площади, и на этом лицевом фасаде самого значительного — по длине — жилого здания монастыря (28 сажень) декоративные детали почти незаметны. Вертикальные членения фасада — неширокие двухэтажные лопатки с шагом на 2 и 3 окна, отмечающие на фасаде положение внутренних поперечных стен, из-за низкой высоты рельефа обращают на себя внимание только при низком солнце, когда появляется тень. Вытянутые на всю длину корпуса полочки в одном ряду кирпичной кладки под окнами первого этажа, междуэтажный пояс с лентой поребрика в уровне пят сводов и скромный венчающий стену карниз — вот и все детали главного фасада (фото 163). Подчеркнутая аскетичность здесь уместна и оправдана самим укладом монастырской жизни, но она и функциональна, ибо отражает главенство собора, его особое положение не только идейного, но и архитектурного центра.

Только два двухмаршевых деревянных всхода на опоясывающую корпус галерею, да поднятые на высоту первого этажа крылеч-

ки постоянной игрой светотени несколько оживляли обращенный к храму фасад.

О фасаде, обращенном в сторону города, никаких сведений не сохранилось. Он был дворовым фасадом, фасадом «для себя», и потому еще более упрощенным. Хотя бы потому, что строители вынесли на него три двухэтажных каменных выступа (они видны на плане), разместив в них кладовые и, как издавна называли их в народе, «нужные места». Через много лет после постройки, в 1831 году братский корпус по всей длине был расширен вдвое новой пристройкой, фасад которой выдвинулся из глубины огорода на красную линию улицы и потому получил новый вид, характерный для архитектуры периода классицизма. Вятским губернским архитектором был в то время И. Д. Дюссар де Невиль. Проект пристройки выполнен именно им. С этого времени братский корпус имеет два разностильных фасада: один обращен к Успенскому собору (XVIII век), второй — в сторону города (XIX век).

Постройкой двухэтажного каменного корпуса братских келий и северо-восточной башни ограды в 1742 году было закончено формирование архитектурного ансамбля соборной площади монастыря. В него вошли здания и сооружения, объединенные по признаку единства функционального назначения. Они составили ближайшее окружение Успенского собора, идейного центра монастыря. Но он стал и архитектурным центром ансамбля соборной площади.

Ансамбль соборной площади Успенского Трифонова монастыря создавался более двухсот пятидесяти лет. Эти годы можно подразделить на несколько строительных периодов, отличающихся поставленной целью, средствами и методами ее достижения.

Первый период. Возникновение монастыря и постройка его храмов и всех необходимых зданий в дереве. 1580—1683 годы.

Второй период. Начало каменного строительства и создание ансамбля соборной площади в другом материале — в камне. 1684—1742 годы. На соборной площади за эти годы выстроены: Успенский собор (1689 год), Святые ворота и надвратная Никольская церковь (между 1692 и 1700 годами), колокольня (1714 год), двухэтажные настоятельские палаты (1719 год), одноэтажный корпус братских келий у алтаря Никольской церкви (1719—1725 годы), трапезная для братии и при ней Благовещенская церковь (1728 год), двухэтажный корпус братских келий на северной стороне площади и северо-восточная башня ограды (1742 год).

Третий период. Подготовка к следующему этапу строительства. Восстановление храмов, настоятельских и братских келий после пожара 1752 года (1743—1768 годы).

Четвертый период. Расширение и реконструкция ранее выстроенных объектов, приспособление их к изменившимся условиям

(в некоторых случаях с изменением ранее принятых планировочных решений, фасадных композиций и стилевой направленности). 1770—1830 годы.

Пятый период. Сохранение сложившегося архитектурного ансамбля. Строительные работы носят ремонтный характер, обеспечивающий эксплуатацию зданий и сооружений (1840 — нач. 1920-х гг.). В течение этого периода в Успенском соборе выполнена реставрация иконостаса по проекту архитектора И. А. Чарушина, реставрация икон и роспись интерьера артелью палехских иконописцев (1895—1896 годы).

Архитектурный ансамбль соборной площади рассчитан прежде всего на человека, который оказался на площади или постоянно находится здесь, воспринимая круговую панораму главных фасадов под меняющимися ракурсами как бы изнутри. Несколько иначе видит и оценивает его житель города, воспринимающий архитектуру монастыря извне. Иначе потому, что видит не только соборную площадь и ее храмы, но монастырь в целом, с его периферией, оградой, второстепенными обслуживающими постройками, которые и восстанавливали после пожаров во вторую или третью очередь, считая, что они не относятся к «самонужным», без которых «пробыть невозможно». «Самонужными» всегда оказывались те, что с самого начала поставлены лицом к главному собору, в котором видели прежде всего и д е й н ы й ц е н т р. На периферии, у ограды — другая, приземленная архитектура. Вот тут и преподносит нам сюрприз Успенский Трифонов монастырь.

В крупных и богатых монастырях — а именно таким и был мужской монастырь в Хлынове — обычно устраивали специальные больничные кельи, в них доживали свой век престарелые и больные иноки. Для них же выстраивали и особый храм. Место для него отводили тихое и спокойное, подальше от соборной церкви, у ограды. Была построена такая церковь с палатами и в Хлынове — на иконе деревянная церковь Афанасия и Кирилла Александрийских показана в дальнем монастырском углу, у самого обреза иконы. Она сгорела во время пожара 1700 года. Восстановили ее — уже в камне — между 1710 и 1717 годами (фото 160). Во время следующего крупного пожара 1752 года «церковь каменная Афанасия и Кирилла Александрийских с приделом и с двома болничными немалыми кельи» выгорела внутри со всей утварью и не восстанавливалась в течение более чем двадцати лет. Восстановлена коштом хлыновского публичного нотариуса Петра Савостьянова Пупырева и освящена в сентябре 1777 года во имя Петра, Алексея и Ионы, после всех других храмов: она не считалась «самонужной».

По планировочному решению, композиции и характеру декора Трехсвятительская церковь повторяет построенные ранее артелью хлыновских мастеров во главе с Никоновым Преображен-

скую церковь женского монастыря в Хлынове и Екатерининскую — в Слободском. Это их «родная сестра». Вот какую оценку дает этому монастырскому храму Б. В. Гнедовский: «Все здесь как будто бы привычно для подобного, очень простого по объемному построению небольшого бесстолпного храма, какие тогда во множестве строились на Руси. Но только безудержная фантазия очень талантливых народных умельцев могла бы породить это, казалось бы, бесконечное сочетание балясин, плетенки, жгутов, дынек, бусин, городков, из которых составлен рельефный декор стен. И все выполнено предельно сочно, так, что в яркий солнечный день играет ослепительными сочетаниями светотени. В памяти остается не храм в целом, а его детали, детали, детали...» Странно. Храм на монастырских задворках — и такая «безудержная фантазия», фантастический декор.

Ни один документ не называет имен строителей храма. И это не случайно. Шло второе десятилетие XVIII века, время петровских преобразований. Правительство требовало высылки каменщиков для работы в Петербурге. В конце 1710 года, как это было уже не раз, многим мастеровым пришлось расстаться с Вятской землей. «По нашему Великого государя указу велено взять с Сибирской губернии с посадов и уездов к адмиралтейству и к городовым делам мастеровых людей и выслать их в Санкт-Петербург на вечное житье с женами и детьми... И по тому Нашему Именному указу выслать с Вятки... 50 каменщиков... и выслать их вместе с провожатыми, с круговою друг по другу порукою, чтобы они, дорогой едучи, не разбежались», — требовал полученный в декабре указ от вятского воеводы Траханиотова.

Опасаясь мобилизации, каменщики скрывали свою профессию. Подобная практика, очевидно, была известна и светской, и духовной власти на местах, а в какой-то мере даже устраивала их. Ведь после царского указа от 9 октября 1714 года, повсеместно запретившего любое каменное строение¹, в далеком от Петербурга Хлынове строить каменные церкви не прекращали. Лишь бы не было огласки. И даже прославленные мастера каменного дела, мастера-зодчие Исаак Петров Москвитинов, Михайло Нефедьев Старков, Тихон Родионов Чернятев и Иван Иванов Никонов, как и прежде имевшие дворы в Хлынове и упомянутые в переписях 1710 и 1717 годов, свою профессию не назвали. И остались в своем Хлынове, и построили в годы запрета скромную по величине больничную церковь (тогда еще Афанасия и Кирилла), украсившую монастырскую периферию. Поставленная среди погребов, караульни, конюшен и одноэтажных келий, она органически вписалась в ансамбль Успенского Трифонова монастыря (фото 161).

¹ Запрет был отменен указом 3 февраля 1729 года.

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ПЛАНЫ И ЗАСТРОЙКА ГОРОДА КИРОВА

Б. В. ЗЫРИН

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГОРОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА И НАЧАЛО НОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА. ПЕРВАЯ ПЯТИЛЕТКА. (1918—1932 гг.)

Революция одной из своих целей имела улучшение жилищных условий трудового народа путем экспроприации излишков жилой площади у эксплуататоров и передачи их трудящимся. Прифронтовая обстановка в Вятке 1919 года не позволяла сделать это сразу же: помещения приходилось отводить прежде всего для нужд армии. И все же переселение семей рабочих производилось, причем жилплощадь предоставлялась им бесплатно.

Поиски новых форм быта с обобществлением жизни породили стремление к созданию домов-коммун и кварталов-коммун. Потребность в них появилась прежде других у работников городской электростанции, связанных с их коллективной работой на восстановлении и эксплуатации энергетического хозяйства города. В сентябре 1920 года они обратились с таким предложением, и коммуну создали. Одна из коммун — коммуна имени Степана Халтурина — существовала вплоть до 1926 года. Она занимала три дома по улице Дрелевского, в том числе здание бывших Сибирских номеров. Объединяла она 100 человек, в том числе 50 мужчин, 35 женщин и 15 детей. Семейные коммунары размещались в отдельных комнатах, холостые жили в общих. По договору с городским Советом коммуна находилась на самообслуживании.

В городе на одну душу населения приходилось жилья меньше всего в 1920 году (3,6 квадратных метра). В 1921 году обеспеченность жильем повысилась до 5,7 кв. метра, но к 1925 году уменьшилась до 5,5 кв. м. Старый жилой фонд в условиях ненормальной эксплуатации быстро разрушался, а новое строительство в предшествующие годы практически не велось. В период военного коммунизма сложилась чисто потребительская форма отношений между пользователями и владельцами жилья — ведь оно предоставлялось бесплатно. Характер отношений изменился после введения с 1 мая 1922 года квартирной платы и возложением ответственности за

состояние жилья на квартиросъемщиков. Идея домов-коммун, рассматривавшаяся раньше как способ полной перестройки быта на социалистических началах, во многих случаях заканчивалась лишь стандартизацией быта коммунаров. Коммунальные органы перешли к практике распределения жилья.

За время гражданской войны в полный упадок пришло городское коммунальное хозяйство. Городской Совет оценивал его как катастрофическое. Горздрав предупреждал, что во всем городе действует лишь одна общественная баня, безуспешно добиваясь строительства «хотя бы еще одной». Давно не освещались даже центральные улицы. Разрушились мостовые. С перебоями работали электростанция, водопровод.

В дореволюционной Вятке преобладала кожевенная промышленность. На ее восстановление наибольший упор был сделан и теперь. В июле 1921 года губернский Совет народного хозяйства признал первоочередность проведения ремонтных работ на кожезаводах Вятки. Предприятия восстанавливались и одновременно укрупнялись. Были созданы два кожевенных комбината (имени Коминтерна и имени Октябрьской революции). Восстанавливалась текстильная фабрика, получившая теперь название «Красный труд». Бывшая спичечная фабрика Сапожникова получила название «Красная звезда». Мастерские пожарных машин готовились к реконструкции и превращались в завод «Вятский металлист». В 1920 году было достроено главное здание мастерских учебных пособий бывшего земства, заложенное в начале империалистической войны, и мастерские возобновили выпуск продукции.

В 1923 года кожевенное производство было восстановлено, а к концу 1925 года вся вятская промышленность достигла довоенного уровня.

Новая экономическая политика внесла оживление в хозяйственную жизнь города. К началу 1923 года восстановилась довоенная численность населения. Разрешить жилищную проблему без нового строительства было невозможно. В городе было разрешено частное — в специально отведенных кварталах — строительство жилых домов. Однако преобладающей формой строительства жилья стало все же не частное, а кооперативное. Жилищная кооперация возникла уже на первых порах новой экономической политики. Организацией кооперативов занимались профсоюзы. Было создано три жилищных кооператива: общегородской, железнодорожный и кожевников. Постепенно кооперативное жилищное строительство расширялось и становилось ведущей формой привлечения средств жителей. В конце 1926 года жилищкооперация укрупнилась, был создан губернский жилищно-строительный союз — «Вятгубжилсоюз».

Постепенно налаживалось и городское коммунальное хозяй-

ство. Одним из первых законченных дел городского коммунального отдела стало наведение в 1921—1922 гг. наплавного моста через Вятку. С 1924 года город приступил и к ремонту уличных мостовых. Впервые был устроен вымощенный деревом подъезд к кожевенным заводам Берегового района и к бывшей фабрике Бульчева. В 1926 году восстановили электрическое освещение центра города (были освещены улицы Карла Маркса и Ленина).

В 1923 году перед губкомом РКП(б) — он занимал тогда здание бывшей духовной консистории — жители Вятки поставили памятник своему земляку-революционеру Степану Халтурину по проекту скульптора И. Н. Шильникова и архитектора И. А. Чарушина.

1925 год был встречен с оптимизмом. «Вятская правда» выходила с заголовками «Рабочая Вятка готовится строить», «Победа на жилищном фронте». Эта первая победа была совсем небольшой — кооператив железнодорожников выстроил в районе станции Вятка-2 четыре деревянных дома, пока на 12 семей. А всего он собирался построить 20 домов. Приступило к постройке четырех двухэтажных домов на улице Карла Маркса городское жилищное товарищество. В Береговом районе кожевники начали строить жилгородок из тридцати четырехквартирных домов для семейных. За год городской отдел коммунального хозяйства построил новые дома с жилой площадью 2500 квадратных саженей (около 11250 кв. метров), жилищная кооперация — 600 кв. саж. и частные застройщики — 919 кв. саж. Впервые в практике жилищного строительства была начата комплексная застройка массивами. В 1927 году жилкооперация по проекту Э. К. Нюквиста начала застраивать стосороковой квартал шестнадцатую двухэтажными четырехквартирными домами.

В 1926 году закончено восстановление бывшего дома Н. И. Клабукова на углу улиц Коммуны и Ленина (№ 6/71).

В 1927 году плановые органы с участием общественности выработали предложения к первому пятилетнему плану. Они предусматривали окончание начатых в предыдущем году работ по постройке нового лесозавода на берегу Вятки и производственного корпуса на «Красной звезде» (он закончен в 1927 году). В соответствии с этими предложениями в 1928—1929 гг. выполнена первая реконструкция завода «Вятский металлист» (построен новый механический цех), в 1929 году сдан беконный цех мясокомбината. Положено начало больничному и школьному строительству, постройке учреждений культуры. Годом раньше на земле бывшей дачи Лаптева выстроено деревянное здание клуба Октябрьской революции, почти тридцать последующих лет обслуживавшего железнодорожников и жителей прилегающего района. К зданию публичной библиотеки пристроен читальный зал на 400 мест. Проект зала,

предполагавший и расширение книгохранилища, составлен инженером П. Г. Погудиним в 1927 году; работы завершены в 1929 году.

Еще в 1927 году Совет Народных Комиссаров СССР предоставил губисполкомам право создания специальных фондов для выдачи ссуд на школьное строительство. В 1928 году 20 тысяч рублей было отпущено на строительство школы-девятилетки в Береговом районе. В 1930 году постройка первого в Вятке каменного школьного здания (проект архитектора А. А. Дубровского) на участке дома № 43 по улице Большевиков была завершена¹. В том же году в небольшом саду имени А. М. Горького, рядом с Владимирской церковью, построен летний кинотеатр. В 1932 году дошла очередь до стадиона «Динамо» — открыли новый стадион в северной части бывшей торговой площади; первая трибуна на 17 тысяч мест построена из дерева на восточной стороне стадиона.

В эти же годы начато строительство медицинских учреждений. Двухэтажное деревянное здание больницы построено в 1929 году в поселке комбината им. Коминтерна, в 1930 году по проекту А. А. Дубровского была выстроена и каменная Северная поликлиника, а в 1932 году — главное здание туберкулезного диспансера на улице Карла Маркса. Тогда же закончили строительство нескольких трехэтажных кирпичных жилых домов (№ 7-а по Орловской улице, № 2 по улице Степана Халтурина и № 107 по улице Ленина). Среди строек первой пятилетки нельзя не назвать здания клуба пивоваров, выстроенное в 1930 году из монолитного шлакобетона на современной улице Блюхера № 58-в. Это был уже второй вновь построенный рабочий клуб.

Б. В. ЗЫРИН

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАН ВЯТКИ НА ПЕРИОД 1928—1958 гг.

ПЛАН ГОРПРОГОРА (1941—1965 гг.)

Необходимость в составлении генерального плана города Вятки появилась уже в восстановительный период, но первые практические шаги в этом направлении были сделаны на несколько лет позднее. В 1927 году Картоиздательство наркомата внутренних дел по заказу Вятского городского совета выполнило топографическую съемку территории города, и 26 января 1928 года с Картоиздательством был заключен договор на проектирование перспективного плана Вятки. При нем тогда существовало Бюро по проекти-

¹ Школа эта была известна как Школа Октябрьской революции.

рованию городов, две планировочных группы, работавшие под руководством В. Н. Семенова и Б. А. Коршунова. Планом Вятки занималась группа Коршунова.

25 июня 1928 года Президиум ВЦИК принял решение о включении в городскую черту Вятки земель семнадцати пригородных деревень, села Хлыновского и слободы Стенинской. Застраиваемая территория города увеличивалась почти вдвое. Изыскания были закончены. 30 августа 1928 года президиум губисполкома утвердил исходные данные для проектирования генерального плана. Бюро по планировке городов должно было исходить из того, что

- город Вятка является губернским центром и по проекту районирования Госплана СССР должен стать краевым центром;

- расчет перспективы развития города ведется на два пятнадцатилетия, то есть на период с 1928 по 1958 год;

- численность населения принимается равной 59705 человек (по переписи 1926 года), а прирост рассчитывается исходя из 3-6% для первого периода и 2 % — для второго; к концу расчетного срока численность городского населения должна составить 152 тысячи человек;

- расчетная плотность принимается 80 человек на гектар, а существующая средняя норма жилой площади на одного человека равна 4,5 кв. метра.

В составе исходных данных губисполком приводил и список предприятий и сооружений, которые планировалось построить в первой пятилетке.

Советское градостроительство в те годы делало первые шаги, только-только набиралось опыта. Ни нормативов, ни четких теоретических установок для подобных работ, ни хотя бы общепринятого представления, каким должен быть город в новых условиях, еще не было. Составление генерального плана сопровождалось поэтому большими трудностями. Тем не менее группа Б. А. Коршунова работала увлеченно, и 25 июля 1929 года президиум губисполкома утвердил представленный ею проект планировки «в целом», но с замечаниями, которые проектная организация должна была учесть до передачи генплана на утверждение (черт. 162).

Что же представлял собой этот первый при советской власти проект планировки города Вятки? Под застройку отводилось, вместе с занятыми территориями, около 1900 гектаров. На западе городская черта отодвинулась за кирпичный завод, а между станциями Вятка-1 и Вятка-2 шла по линии железной дороги. На севере вошли в городскую черту земли деревни Богословской. Город разделен на ряд функциональных районов: административный, промышленный, складской, лечебно-больничный, культурно-просветительный. Административно-деловой район создавался около центральной площади, на перекрестке улиц Карла Маркса и Ком-

муны, и занимал территорию от улицы Труда до улицы Горбачева. Промышленному району отводилось место на севере, за Луковничким оврагом. Районы складского хозяйства находились при железнодорожных станциях и у пристани речного пароходства. Для лечебно-больничного района отводилась обширная территория, примыкавшая к бывшей губернской больнице. Около площади Революции создавался культурно-просветительный район, где сосредоточивались учебные заведения, музеи и библиотеки; он занимал место от улицы Горбачева до Красноармейской. Жилищное строительство велось во всех этих районах, а для малоэтажного индивидуального строительства отводились земли на юго-западной окраине города. Уличная сеть в основном сохранялась, но улицы Ленина, Карла Маркса, Коммуны, Дрелевского, Энгельса и Пролетарскую предлагалось расширить. На месте только что закрытого Ахтырского кладбища предполагалось было устроить Центральный парк культуры и отдыха.

В стране шла широкая дискуссия о том, какого типа города нам нужны, какое жилье следует проектировать и строить. Порой возникали и обсуждались совершенно фантастические идеи. Группы архитекторов многочисленных направлений предлагали проекты генеральных планов городов, основанные на разных планировочных идеях. Дискуссии были закрыты с выходом постановления ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта». Полуфантастические проекты мгновенной перестройки быта, не учитывающие реальных условий времени, были осуждены. К началу тридцатых годов в советском градостроительстве уже сложилась определенная система взглядов на планировку городов. Она предполагала, что все вопросы — архитектурно-художественные и исторические, экономические и транспортные, инженерно-технические и топографо-геологические, обслуживание населения и связь города с окружающей средой — должны быть решены в комплексе. Отражали эти взгляды созданные тогда планировочные нормы, которыми стали пользоваться все проектные организации. В Москве был организован государственный институт по проектированию городов (Гипрогор), имевший свои отделения в нескольких крупных городах.

С 1 октября 1929 года постановлением ВЦИК город Вятка стал окружным городом в составе Нижегородского края, а вскоре и вовсе центром одного из районов, порознь подчиненных Нижнему Новгороду. Конечно, вся выполненная группой Коршунова проектная работа пошла насмарку. Генплан города Вятки так и не был утвержден Министерством, а составление новой предварительной схемы планировки оказалось переданным Горьковскому отделению Гипрогора. В мае она была представлена на рассмотрение планировочной комиссии в Вятке и тогда же опубликована «Вятской правдой» для обсуждения. Административные преобразования, од-

нако, не кончились. В конце 1934 года Вятка стала краевым, а с 1936 года — областным центром. В который уже раз менялись исходные данные, и проектирование начиналось снова.

Горпрогор продолжал работу, не видя, наверное, ни конца, ни края. Прошло еще несколько лет, и только в 1938 году авторы проекта П. Геймансон и Крылов представили Кировскому горсовету два документа: схему распределения территорий города на 500 тысяч жителей и генеральный проект строительства ближайших лет на город с населением 300 тысяч человек. Схема расселения намечала освоение четырех новых жилых районов: юго-западного — в пределах железнодорожной линии на Котлас; северного — за подъездной веткой мясокомбината; хлыновского — предусматривающего вынос за его пределы селекционной станции, и южного — за железнодорожной линией на Котельнич. После освоения этих жилых районов дальнейшее развитие города до пятисот тысяч жителей проектировалось в западном направлении. Там, к северу и к югу от Московского тракта создавался пятый жилой район. Его положение на той стадии проектирования не уточнялось: все зависело от того, в какой части района будет развиваться промышленность, вдоль дороги на Котельнич или по ветке на Котлас. Это еще предстояло обосновать.

Город насыщался объектами общественной зелени, связанными между собой в единую систему озеленения.

Существующая старая уличная сеть сохранялась, но среди улиц по архитектурно-композиционным соображениям выделялись магистральные. В створе улицы Розы Люксембург предусматривалось сооружение моста через Вятку. Рассматривался и вопрос о связи района севернее Луковицкого оврага с городской застройкой путем продолжения улиц Ленина и Свободы на север, с переходом через овраг. В любом случае эти улицы расчленили новый промышленный район на мелкие участки, и от этого варианта отказались. Более целесообразным оказалось продолжить улицу Карла Маркса. Впоследствии на ее продолжении разместилось еще несколько предприятий, образовался крупный промышленный район города¹.

Окончательный проект планировки города Кирова проектная организация закончила к марту 1941 года. Проект был выставлен для ознакомления жителей в здании исполкома городского совета.

Через 25 лет (к 1965 году) население города — по проекту — увеличивалось до четырехсот тысяч человек. Территория увеличилась более чем в два раза. Пятно застройки с севера на юг

---

¹ На этой площадке строящийся подошвенно-полуважный завод в 1933 году был укрупнен в комбинат искусственных кож, первая очередь которого пущена в строй в 1934 году.

простиралось на 17 километров, с востока на запад — на 8 километров. Предусматривалось укрупнение городских кварталов до 6—9 гектаров с устройством в них современного социально-бытового обслуживания. К концу расчетного срока предполагалось иметь по 9 квадратных метров жилой площади на человека.

Проект генплана был рассмотрен и принят сессией Кировского горсовета в середине апреля 1941 года, он окончательного утверждения не получил: помешала война.

Снова и снова в проектирование генерального плана развития города врывались внешние, вполне объективные обстоятельства — и все сделанные расчеты, все планы теряли смысл. Новое проектирование занимало годы, а жизнь... шла по своим законам, и местные органы могли противопоставить им только одну тактику — проектировать город с учетом еще на законном основании не утвержденной перспективы, проектировать отдельными частями — по кварталам, по отдельным жилым или промышленным массивам, по рабочим поселкам, по улицам и площадям. Так еще в двадцатые годы проектировали кварталы индивидуальной застройки или промышленный массив к северу от Профсоюзной улицы, а в тридцатые — составляли проекты рабочего поселка кожевенного комбината им. Коминтерна и поселка горсовета на месте ипподрома. Так возникал конгломерат отдельных массивов, мало или никак не увязанных с градостроительной идеей. Во второй половине тридцатых годов, когда город вновь обрел статус столицы края и области, а его население увеличивалось за счет приезжих чуть ли не мгновенно, вынужденно и уже без всяких перспективных расчетов перешли к спешной постройке двухэтажных деревянных домов на всех мало-мальски свободных внутриквартальных территориях. Создавался прецедент, которым можно воспользоваться вопреки любому генеральному плану.

Такая практика все более и более усложняла положение, вызывая критику отношения городского совета к застройке города. Газета «Горьковская коммуна» в номере от 3 мая 1936 года писала, что разработанная проектной организацией и принятая городом Схема распределения территорий «с самого начала была превращена в ничего не значивший документ, и строительство города идет по-прежнему случайным и стихийным порядком... Участки под новые объекты горсовет отводит, не считаясь со схемой планировки». Газета приводила и примеры отвода мест вопреки схеме распределения городских территорий — под кондитерскую фабрику, под библиотечный техникум и другие. Архитектор А. В. Кузнецов указывал на то, что вопреки схеме новые деревянные дома «размещаются в центральных кварталах города» что все еще возникают и обсуждаются «всевозможные ведомственные варианты... устройства городского административного центра — на берегу, на

площади Степана Халтурина, на площади Революции и т. д., ничего общего не имеющие со схемой распределения территорий».

Озабоченный партизанщиной в застройке города, краевой отдел коммунального хозяйства в своем докладе крайисполкому в мае 1936 года просит принять решение — обязать горсовет положить в основу строительства и реконструкции города Кирова «генеральный проект». Крайисполком оставил это предложение без внимания.

Б. В. ЗЫРИН

ЗАСТРОЙКА ГОРОДА КИРОВА. 1930-е ГОДЫ

Так, без утвержденного в установленном порядке генерального плана и застраивался город Киров.

Центральная административная (ныне Театральная) площадь была предусмотрена планом 1928—1930 годов на месте Хлебной площади конца XVIII века. Последнее планировочное решение она получила в 1937 году в связи с проектированием здания областного Дома Советов. По проекту она занимала территорию 4,5 гектара. С западной стороны ее замыкало административное здание, с северной — жилой дом городского совета (впоследствии заменен учебным комбинатом областного земельного управления, а ныне принадлежит Вятскому техническому университету) и драматический театр. Длина площади по оси восток-запад составляла 275 метров, ширина — 165 метров. Для областного центра она была великовата, и длину ее впоследствии уменьшили, устроив два сквера. Застройка площади по периметру была начата в 1936 году закладкой фундамента областного драматического театра по проекту московских архитекторов А. Н. Федорова и И. Т. Бурова. В первых числах ноября 1939 года бесплатным спектаклем для строителей «Кировстройтреста» было отмечено окончание строительства и начало первого театрального сезона.

В августе 1937 года на западной стороне площади был заложен фундамент второго здания — областного Дома Советов (проект выполнен архитектором Е. И. Громаковским)¹. На западной стороне площади к концу 1940 года построили крупный четырехэтажный жилой дом с гастрономическим магазином на углу с улицей Энгельса, тоже по проекту Е. И. Громаковского. Застройка остальной части

¹ Это здание к 1941 г. закончить не успели, подведя «под крышу» только четырехэтажные крылья. Стройку возобновили после окончания Великой Отечественной войны и закончили в 1949 году.

периметра была отложена на послевоенное время¹. К числу центральных площадей относилась и площадь Революции, где ныне парк имени Гагарина. Генеральный план 1941 года, как и предыдущий, не утвержденный в установленном порядке, предлагал сузить ее до двухсот метров, обстроить многоэтажными домами, а существовавший на ней издавна городской рынок вынести на свободную площадь Железнодорожников. Эти предложения осуществлены после войны.

По-прежнему горожане испытывали трудности с жильем. К концу первой пятилетки фактическая обеспеченность жилой площадью была лишь немногим больше четырех квадратных метров на человека, принятая же норма, установленная Наркомздравом, равнялась семи с половиной метрам. После образования Кировского края в связи с быстрым ростом населения положение резко обострилось. Пошли на то, чтобы заселять старый жилой фонд, рассчитанный на посемейное заселение квартир, по комнатам, с общей для всех семей кухней и санитарным узлом. Переделывали под жилье подсобные помещения, некогда нежилые подвалы и даже веранды. Далеко не всегда это приводило к желаемому результату: устраивать коридоры и увеличивать кухни приходилось за счет комнат — и жилая площадь не росла. Под жилье переоборудовали купеческие амбары и склады. Новое же строительство зачастую выливалось в сооружение двухэтажных бараков и примитивных общежитий: над архитектурой довлела утилитарная цель — дать хотя бы крышу над головой.

Существенным моментом в жилищном строительстве тех лет стало введение в практику проектирования жилой секции как единицы жилого дома. Многоэтажный дом, составленный из секций, стал основным элементом городской жилой застройки. Повышалась этажность; в центральной, исторической части города каменные дома строили уже в четыре и пять этажей. Типовых проектов тогда еще не существовало, и кирпичные дома строили по индивидуальным проектам местных архитекторов И. А. Чарушина, Е. И. Громаковского, Г. М. Лихачева, Б. И. Александрова, В. А. Сергеева. Строительные организации уже начинали использовать типизированные строительные детали — столярные изделия, балки перекрытий с черепными брусками, накаты перекрытий, щиты перегородок. Тогда же на стройках появилась первая «бетоньерка» для механизированного приготовления бетонной смеси, автомашины стали теснить гужевой транспорт. В 1935 году город обзавелся первым асфальтосмесителем. В 1939 году на строительстве школь-

¹ Тогда еще на отведенной под площадь территории стояли одно-, двухэтажные дома; их снесли в два приема в начале пятидесятых и в середине шестидесятых годов.

ных зданий впервые и пока еще в виде опыта был применен так называемый «скоростной метод», для практического осуществления которого были привлечены облпроект (проектирование сборных деталей), древкомбинат и лесозавод № 2 (изготовление деталей из дерева). Для монтажа наружных и внутренних санитарно-технических систем тогда же — и тоже впервые — был создан специализированный участок, работавший на условиях субподряда, а строительный участок переведен на хозрасчет.

Центральная часть города постепенно меняла свой вид. С каждым годом на ее улицах все больше становилось каменных зданий. В большом и постоянном дефиците был основной материал — кирпич. И не без конкретной цели 4 февраля 1935 года президиум горсовета утвердил составленный горкомхозом «план разборки старых зданий и заборов на кирпич», предупредив строителей, что впредь до окончания разборки «новый кирпич этим организациям отпускаться не будет». Так планировали покрыть недостаток в 4380 тысяч штук кирпича. Большинство зданий даже в центре строилось еще из дерева. В 1936—1937 годах на месте бывшего ипподрома и казарм Свяжского полка (между улицами Карла Маркса и Октябрьской) был спешно построен поселок из 27 двухэтажных домов, известный под названием «поселка горсовета» (проект Е. И. Громаковского). Тогда же выстроен и поселок машиностроительного завода, рассчитанный на 339 семей, на месте бывшего Загородного сада. В 1935 году, после образования Кировской области и создания новых областных учреждений, контор и организаций, началась массовая застройка свободных от строений мест внутри кварталов. Она растянулась на несколько лет. И если к этому прибавить еще одноэтажные деревянные дома индивидуальных застройщиков (в 1935 году — 60, в 1936 — 179, в 1937 — 265), то станет ясно — городу Кирову предстояло оставаться деревянным городом еще много лет.

Тем не менее предпринятые усилия не улучшили обеспеченность жилой площадью: промышленность, а вместе с тем и численность населения росли быстрее. Вот какой была обеспеченность жилой площадью во второй половине 1930-х годов¹.

Год	Количество жителей (чел.)	Жилая площадь (тыс. квадр. метров)	
		всего	на одного человека
1936	117094	429,06	3,66 кв. метра
1939	143558	519,6	3,62 " "
1940	147721	536,6	3,63 " "

¹ Число жителей и жилая площадь названы здесь по статистическим сборникам «Районы Кировской области» за 1937 г., «Народное хозяйство Кировской области» (г. Горький, 1960 г.) и сборнику «История города Кирова» (Волго-Вятское издательство, 1974 г.)

В 1935 году ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР приняли специальное постановление о школьном строительстве, поставив общую задачу — в ближайшие три года ликвидировать в школах вторые смены. За пять лет в Кирове было построено 16 школьных зданий. Пик школьного строительства пришелся на 1936—1937 годы: в течение одного строительного сезона построили 4 школы на 880 учеников каждая: по улице Свободы (№ 53-а), на углу улиц Труда и Карла Маркса (№ 67-а), на углу улиц Карла Маркса и Воровского (№ 113) и на улице Воровского (№ 16). Все школы строились по типовым проектам, разработанным проектным бюро Наркомпроса. Названные здесь четыре здания (три из них поставлены на угловых участках кварталов) для города тех лет не были рядовыми, а имели градообразующее значение, определяя на будущее характер застройки улиц в ближайших кварталах. Остальные школы были меньшей вместимости, строились на свободных участках внутри кварталов и без сноса существующих зданий.

Наряду с жильем и школами строили и все то, что позднее стали называть словом «инфраструктура»: театры и больницы, клубы и гостиницы, магазины и детские сады, институты и родильные дома. Это не могло считаться комплексной застройкой — строили здания поодиночке, что нужнее в данный момент. Мы укажем здесь только несколько объектов, положение которых выбирали с учетом их неординарного значения в будущей застройке города.

Здание областного драматического театра (1939 год) замыкало перспективу улицы Карла Маркса и с северной, и с южной стороны. Именно оно, а не Дом Советов стало архитектурной доминантой центральной части города. Совсем не случайно уже после постройки театра было принято решение приподнять центральную часть административного здания, надстроив над ней пятый этаж: площадь все-таки считалась административной. В 1959 году при реконструкции театра и его фасада по проекту Н. И. Козлова и Б. В. Зырина, в свою очередь зрительно возвысили и здание театра, заменив на его обращенном к площади фасаде низкую парапетную стенку (аттик) высоким треугольным фронтоном.

Здание Центральной гостиницы. Построено по проекту И. А. Чарушина на месте площади Воскресенского собора и в 1959 году расширено в восточном направлении архитектором Б. И. Александровым. Это здание приняло на себя градообразующую роль двух зданий XVIII века — Воскресенского собора и Покровской церкви. В этом легко убедиться, стоит только бросить взгляд на гостиницу в перспективе улицы Ленина: именно оно подчиняет себе всю окружающую застройку, «держит» ее. Можно утверждать, что чарушинская гостиница выполняет эту роль лучше Воскресенского собора.

Рассказывая о построенных во второй половине тридцатых годов зданиях, нельзя умолчать о выполненной в 1937 году реконструкции бывшего спархнального училища на углу улиц Красноармейской и Ленина (ныне оно принадлежит Вятскому педагогическому университету). После реконструкции (по проекту Чарушина) это неприметное на старых фотографиях здание преобразилось. Надстроенная двумя этажами и снабженная декоративным колонным портиком его угловая часть стала восприниматься как фрагмент достойного обрамления площади Революции и потребовала повышения этажности других зданий на периметре площади. В частности, домов № 107 и 109 по улице Ленина. Построенные уже в шестидесятые годы протяженные пятиэтажные здания на восточной стороне улицы Ленина были не лучшим решением: они отрезали площадь от главной улицы, а парк «обогатили» своими дворовыми фасадами с неперменными их спутниками — мусорными ящиками. Современные пристройки к ним продолжают возникшую тогда тенденцию.

В самом начале улицы Коммуны (ныне Московской) в 1935—1937 годах были построены по проектам В. А. Сергеева и Б. И. Александрова два Г-образных жилых дома облисполкома. Их силуэт никак не мог заменить профиль Кафедрального собора в панораме города, но четко обозначил место древнего хлыновского кремля и начало улицы. Так на одной из исторически главных улиц оказалось несколько взаимно связанных и поддерживающих друг друга архитектурных акцентов: Дом Советов и театр, гостиница и два жилых дома. Не исключено, что продолжение Московской улицы на несколько километров к западу по последнему генеральному плану внесет в них некоторые коррективы.

А. Г. Тинский

ПРОЕКТ ПЛАНИРОВКИ ГОРОДА КИРОВА (ЛЕНГИПРОГОР, 1954 г.) ЗАСТРОЙКА 1950—1960-х гг.

В 1941 году город Киров оказался в числе тех российских городов, которые приняли перемещенные из прифронтовых или оккупированных фашистской армией районов промышленные предприятия, учебные и научно-исследовательские институты, театры, учреждения, тысячи и тысячи эвакуированных взрослых и детей. Свои кировские учреждения потеснились или уезжали в районы, освобождая место вновь прибывшим. Новые заводы в считанные месяцы и даже недели после прибытия должны были

налаживать выпуск продукции для фронта. Производственные корпуса строили спешно — из дерева: металл нужен фронту, в тылу использовать его даже для столь срочного строительства было стражайше запрещено. «Все для фронта!» — три этих слова определяли тогда жизнь тылового города.

Об одной из кировских строек народный комиссар по строительству С. З. Гинзбург через много лет напишет в книге, которую он посвятил героическим строителям:¹ «В Кирове, куда был эвакуирован Коломенский паровозостроительный завод, надо было всего за пятьдесят дней построить большой цех площадью 6 тысяч квадратных метров для обеспечения фронта легкими танками. Строительство этого цеха вело ОСМЧ—22² Наркомстроя непрерывно, днем и ночью. Работали поточным способом: один поток выполнял земляные работы и строил фундаменты; второй собирал каркас здания из деревянных конструкций, которые изготовляли в полевых условиях; третий поток выполнял общестроительные работы — возводил стены, фундаменты под оборудование и т. п... Только таким способом можно было построить корпус за 50 дней. И эта работа была выполнена».³

Каждая такая стройка являлась трудовым подвигом. Жилье для работников предприятия строили рядом, в рабочих поселках. Это были временные одноэтажные бараки каркасно-засыпной конструкции с «удобствами» во дворе. Строили их и на свободных местах в центре города. Кировчане постарше помнят бараки на Филейке, в поселке Кирсельмаша, на Октябрьском проспекте в районе современного Центрального универмага. Как все временное, бараки прослужили долго, около двадцати лет, но в конце концов все-таки уступили место благоустроенным каменным зданиям. Но уступили не скоро. Даже в 1967 году, через 22 года после Победы, 5% жилой площади города — 98 тысяч квадратных метров — приходилось на бараки, аварийные дома и подвалы⁴.

Внимательный читатель, может быть, в статье о первом генеральном плане Вятки обратил внимание на одну цифру — к концу расчетного срока генерального плана, в 1958 году, в Кирове,

¹ Гинзбург С. З. О прошлом для будущего. Политиздат. Москва, 1983.

² ОСМЧ — Отдельная строительно-монтажная часть в составе Народного комиссариата по строительству.

³ Так в военные годы были построены производственные корпуса и других заводов. В середине пятидесятых годов кировские строители начали постепенную их замену кирпичными зданиями.

⁴ Эти цифры были названы главным архитектором города на совместном заседании строительной и жилищной депутатских комиссий горсовета 11 ноября 1967 года.

по расчетам, должно было жить 152 тысячи человек. Под это количество населения проектировалось жилье, школы, детские сады и ясли, магазины, кинотеатры, больницы. Сейчас мы можем поставить рядом другое число — 252416. Столько жителей было в городе, судя по переписи 15 января 1959 года. На сто тысяч больше, чем планировали. Надо ли чем-то иным объяснять бедственное положение с жильем в 1958 году?¹

В последних числах ноября — начале декабря 1954 года в Москве было созвано всесоюзное совещание по строительству и архитектуре. Предполагалось обсудить и одобрить наметившиеся пути выхода из ахового положения и выработать основу для необходимых правительственных решений: «в верхах», даже чисто архитектурных, единого мнения не было.

Участники совещания отмечали, что около 60% городов РСФСР не имеют утвержденных проектов планировки. Во многих, даже крупных городах, все еще преобладает неэкономичная одноэтажная застройка. Новое строительство раскидано по рабочим поселкам. Жилье строится некомплексно, а социальбыт опаздывает. Каждое ведомство строит для себя, средства распыляются. Все это было и в Кирове, хотя ни в докладах, ни в выступлениях наш город не упоминался. Часть архитекторов стремится отойти от участия в массовом индустриальном строительстве жилищ, увлекается односторонним решением эстетических задач, иногда неверно понимаемых. Назывались многочисленные примеры, когда в архитектуре Москвы и некоторых других крупных городов фасады перегружаются декоративными деталями; в отдельных случаях стоимость отделки фасадов достигает 19—20% от сметной стоимости здания.

4 ноября 1955 года было принято постановление Совета Министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». Преследовалась цель удешевления строительства за счет отказа от ненужного украшения, непродуманных проектных решений, нерациональной «привязки» зданий. Кампания коснулась и Кирова, хотя таких разительных примеров, как в столице, здесь и не было. В уже строящихся зданиях исключали венчающие карнизы, башенки и шпили на общественных зданиях (здание сельхозинститута на Октябрьском проспекте, лесотехникума на улице Карла Маркса), балконы, казавшиеся лишними. В жилых помещениях, когда дело доходило до отделки, лепные «тянутые» карнизы заменяли паддугами, как называли мастера слегка закругленный переход от стены к потолку. Бетонные лестничные ступени делали уже без валиков, упрощенной формы. Трехслойную обычно

¹ К концу 1958 года на одного жителя в городе приходилось 5 квадратных метров жилой площади, различной по качеству, при норме 8 квадратных метров.

штукатурку стали заменять однослойной, а ее гладкий отделочный слой — грубым набрызгом. Словом, по всем линиям шло упрощение с целью экономии средств, необходимых, чтобы строить для всех и больше.

Основным направлением развития строительного дела в стране был провозглашен курс на индустриализацию — полную сборность, комплексную механизацию, поточную технологию. Правительство приняло обширное постановление о создании производственной базы строительной индустрии. По этому постановлению в стране следовало построить сто заводов сборных железобетонных конструкций. Один из них строился в Кирове¹, его мощность рассчитана на выпуск тридцати тысяч кубических метров сборных конструкций. Строил завод трест «Кировстрой». Это был первенец заводского, полностью механизированного изготовления железобетонных конструкций, с автоматизированным управлением процессов пропарки (до него строительные тресты и отделы капитального строительства крупных заводов имели довольно примитивные растворо-бетонные узлы в зданиях временного типа) и открытые, без навесов полигоны при них. Но именно они положили начало изготовлению сборных конструкций в области². За пять лет, с 1954 по 1958 год, полигоны в 8,7 раза увеличили выпуск сборного железобетона. Вот как росло производство изделий на полигонах:

Годы	1954	1955	1956	1957	1958
Изготовлено сборных железобетонных конструкций в тысячах кубических метров	3,0	4,8	12,2	17,6	26,2

Сам по себе сборный железобетон в виде изделий и готовых к монтажу конструкций, ставший основой сборного строительства, еще не мог характеризовать уровень сборности. Этот уровень более точно определял такой показатель, как количество сборных железобетонных конструкций (в кубических метрах), использованных на выполнение одного миллиона рублей строительно-монтажных работ (СМР). Судя по нему, область сильно отставала от средних величин по стране. В 1958 году на стройках Кировского управления строительства на миллион рублей СМР приходилось 730 кубометров сборного железобетона, по совнархозу в целом — 480, а в среднем по стране — 1440 кубических метров.

¹ Полигон завода выдал первую продукцию (балки и колонны) в 1959 году.

² Впервые сборные железобетонные конструкции (фундаменты грибовидной формы) изготовил и применил трест «Кировпрокатстрой» на строительстве завода по обработке цветных металлов в 1952 году для установки опор линии электропередачи в зимнее время.

В 1957 году Совмин СССР совместно с ЦК КПСС принял еще одно большое постановление — «О развитии жилищного строительства в СССР». Оно было необходимо, поскольку планы жилищного строительства повсеместно не выполнялись, и рост численности городского населения по-прежнему опрокидывал все прогнозы. Постановление ставило труднейшую задачу — в ближайшие 10—12 лет покончить с недостатком жилой площади.

На предприятиях города Кирова и области по примеру горьковчан-автозаводцев, куда специально выезжала делегация кировчан, распространилось строительство двухэтажных кирпичных домов методом «народной стройки» с трудовым участием будущих жильцов. Бесспорными пионерами в этом деле стали у нас рабочие и служащие дважды орденоносного завода (Авитек), выстроившие целый поселок «народных» домов по улице Свердлова. В чистом поле, в районе будущего мелкопрокомбината, закладывали свои дома строители треста «Кировстрой».

Удешевление государственного строительства за счет рационализации конструктивных решений и технологии возведения зданий становилось постоянной заботой строителей. Поощрялась пустотная облегченная кирпичная кладка, фундаменты на песчаной подушке, дощатые стропильные конструкции, расширялось применение местных материалов — извести, щебня-известняка, гравийно-песчаных смесей, пиломатериалов лиственных пород, цемянки; лаборатория «Кировстроя» постоянно вела эксперименты по использованию тонкомолотых добавок негашеной извести, шлака и «огарков» (остатки в обжиговых печах кирпичных заводов) для замены цемента в кладочных растворах.

В 1957 году ведущие проектные организации разработали типовые проекты с экономичными квартирами и квартирами для малосемейных. Эти дома имели несколько уменьшенную площадь комнат и кухонь, совмещенные санитарные узлы, пониженную сначала до 270, а позже до 250 сантиметров. В домах для малосемейных квартиры состояли из пяти-шести изолированных друг от друга комнат и общих обслуживающих помещений. Так одинокие люди или семьи из двух человек могли получить отдельную комнату площадью 9—10 или 14—15 квадратных метров, не претендуя какое-то время на большую жилую площадь. Жилая площадь квартир в домах для поквартирного заселения семьями составляла 23—29 квадратных метров, а площадь обслуживающих помещений уменьшена. В этой группе типовых проектов снижение стоимости строительства достигалось не только уменьшением полезной площади, но и упрощением конструктивных решений. Все изделия были стандартизированы, что позволяло ставить на поток изготовление перекрытий, перегородок, стропильных конструкций и столярных изделий.

Курс на индустриализацию строительства, использование «экономичных проектов», организационные меры в области упорядочения строительства, к числу которых относились и объединение строительных организаций и предприятий строительных материалов в пределах совнархоза, и создание службы единого заказчика в областном центре, повышение этажности городской застройки, поощрительные меры в отношении трудового участия населения в строительстве жилья, — все это вместе взятое помогло резко увеличить объемы жилищно-гражданского строительства. Проявились и первые результаты. Жилой фонд города с 1951 по 1960 год увеличился на 507 тысяч квадратных метров¹.

К 1958 году перед народным хозяйством встали проблемы, решение которых не укладывалось во временные рамки пятилетних планов, и правительство приняло решение о составлении семилетнего плана на 1959—1965 годы. В строительстве такой долговременной проблемой стало создание мощной строительной базы, которая позволила бы в перспективе перейти к полносборному строительству, когда строительная площадка стала бы площадкой сборочной, монтажной, на которой здания и сооружения можно было бы собирать из готовых деталей подобно тому, как на сборочном конвейере собираются автомобили. Управлением строительства совнархоза и государственным проектным институтом (ГПИ—2) были составлены технико-экономические обоснования (ТЭО), предусматривавшие такое развитие производственной базы, которое позволяло в 1965 году для всего экономического района 48% жилой площади строить в крупноблочном и крупнопанельном исполнении, а выпуск сборных железобетонных конструкций (кроме панелей) довести до 2080 кубических метров на миллион рублей СМР. ТЭО были утверждены в 1961 году, до упразднения Кировского совнархоза оставалось всего полтора года. Строительство базы растянулось на долгие годы. В 1965 году доля жилья из крупных панелей по области составила 9,7%.

Об уровне сборности зданий и сооружений можно судить по такому показателю, как выраженная в процентах от общей стоимости здания доля сборных конструкций «в деле» в тех же сметных ценах. В первой половине пятидесятых годов сборность строительства в тресте «Кировстрой», составлявшая в 1951 году 12,5%, росла медленно, но неуклонно, и в 1954 году достигла уровня 13,7%. В 1955 году, когда этим показателем стали оценивать состояние всего строительства, она увеличилась до 18,2%. В полукустарных условиях временных полигонов это было пределом возможного. Более интенсивно сборность стала расти в конце 1950-х годов, когда курс на

---

¹ Для сравнения: за предыдущие годы, начиная с 1923-го, жилой фонд вырос на 324 тысячи квадратных метров.

индустриализацию строительства был признан и принят всеми подрядными организациями. Об этом говорят отчетные данные по управлению строительства совнархоза.

Годы	1958	1959	1960	1961
Уровень сборности по стройкам управления строительства	15%	23%	32%	около 40% (оценка)

По области в целом сборность все еще оставалась низкой и оценивалась, включая сельское строительство, в 12%.

В августе 1960 года Кировский совнархоз с целью обмена опытом и пропаганды сборного строительства организовал выставку, показав на центральной площади города образцы серийно изготавливаемых сборных деталей и конструкций, средства механизации строительных и монтажных работ, новый инструмент и приспособления рационализаторов. Выставлялись уже не мелкие детали перекрытий и балочки таврового сечения, рассчитанные на монтаж вручную, а многократно увеличенные — от железобетонных труб большого диаметра и пустотных панелей перекрытий до пятнадцатитонных фундаментных блоков под колонны главного здания ТЭЦ—4, комплексные (в сборе) трансформаторные подстанции, стеновые кирпичные блоки Стрижевского завода, кирпичные панели размером «на комнату» завода № 1, лестничные марши с площадками, плиты перекрытий с предварительным напряжением. Всеобщий интерес жителей вызывали фиброцементные плиты Новоятского ДСК, щитовые двери и оконные блоки с двойным остеклением, фрагмент одноэтажного дома из виброкирпичных панелей. У этих экспонатов в любые часы можно было увидеть заинтригованных кировчан.

Выставка подтвердила правильность курса на увеличение сборности. Она же определила и направление дальнейших усилий — укрупнение деталей, повышение их заводской готовности с целью исключения или уменьшения, по крайней мере, послемотажных доводочных или отделочных работ. Плита перекрытия, стеновая панель — так «на комнату» или даже «на квартиру».

Практическую пользу укрупнения подтверждал и накапливаемый опыт. В 1961 году на строительстве механизированного прокатного стана «280» в Омутнинске строители СМУ—11 в полигонных условиях изготовили и установили железобетонные колонны весом более 20 тонн — максимально возможное укрупнение определяли лишь монтажные краны. На той же стройке за счет пакетирования трех панелей за один подъем перекрывали 21,6 квадратных метра площади цеха. На строительстве цеха кабельных бумаг фабрики «Красный курсант» впервые была построена целиком из сборных элементов и конструкций открытая силовая подстанция.

Здесь же вместо обычных монолитных железобетонных резервуаров для мазута по предложению начальника СМУ инженера Г. В. Николаева были выстроены резервуары с панельными стенами.

В соответствии с ТЭО в области создавались песчаные и гравийные карьеры, камнеразработки. Расширен и перепрофилирован на выпуск синтетических строительных материалов химический завод местной промышленности. В 1961 году был заложен завод крупнопанельного домостроения мощностью 70 тысяч квадратных метров жилой площади в год.

К концу планируемого семилетия завод и полигоны в Кирове, Омутнинске, Слободском, Вятских Полянах дали строителям сборных железобетонных конструкций в 5,8 раза больше, чем в 1958 году.

Годы	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965
Производство сборных железобетонных конструкций (тыс. куб. м.)	30,3	69,4	92,5	97,9	119	133	151

В 1963 году комбинат крупнопанельного домостроения был построен. Ввод его в строй действующих предприятий стройиндустрии означал ни много ни мало — начало полносборного жилищного строительства и в городе и на селе. В следующем году, еще только осваивая непривычную кассетную технологию изготовления поперечных несущих стен и столь же новую стендовую технологию трехслойных наружных стеновых панелей¹, комбинат построил 12 восьмидесятиквартирных домов с жилой площадью тридцать семь с половиной, а в 1965 году — сорок две тысячи квадратных метров.

За 1961—1965 годы государственные и кооперативные организации Кировской области выстроили жилые дома общей площадью 2113 тысяч квадратных метров, в среднем по 422,6 тысячи за каждый из этих пяти лет. За семилетие (с 1959 года) кировчане получили в благоустроенных квартирах свыше трех миллионов квадратных метров. 44% населения области улучшило за этот счет жилищные условия². Такого не было за всю историю области.

Взятый после 1954 года курс на индустриализацию строительства, специализацию строительных организаций, снижение стоимости строительства и экономию ресурсов, переход на новые

¹ Панель наружной стены состоит из трех слоев: первый, наружный — железобетонный, облицованный плиткой или каким-то другим способом обработанной внешней поверхностью; средний слой теплоизоляционный; третий слой — бетонный, на мелком заполнителе, с гладкой поверхностью, подготовленной под отделку.

² Пятьдесят советских лет. Кировская область. Волго-Вятское книжное издательство. Киров, 1967, с. 109.

серии проектов с экономичными квартирами, создание системы единого заказчика в крупных городах, метод «народной стройки» и другие меры, принятые после обсуждения на всесоюзных совещаниях по строительству, архитектуре и градостроительству в 1954, 1958 и 1960-х годах, оказались действенными и правильными.

С той поры прошло немало лет. Выросло новое поколение. Изменились оценки. Нет-нет, да и услышишь в разговоре или даже в газете прочитаешь в адрес тех домов: и прихожая тесна, и кухня мала, и санузлы совмещенные, и высота подкачала. И название главное придумано: «хрущобы», и все. Трущобы хрущевских времен. А мне вспоминаются одноэтажные бараки военных и послевоенных лет, как муравейники заполненные; вьюга свищет — шлаковая засыпка осела давным-давно. Холодные стены по утрам в «зайчиках», и надо отрывать волосы, за ночь примороженные к ним... «Удобства» во дворе. Мне приходилось строить те кирпичные пятиэтажные дома и ломать те бараки. Представьте себе состояние семьи, переселяющейся в благоустроенный дом — с водопроводом, с ванной или душем, с центральным отоплением, с собственной кухней, с собственным, пусть и совмещенным туалетом! Это был праздник, и никто, никто не мог сказать о новой квартире худого слова. А «хрущобы» — это у тех, кто не знал лиха, кто признает только все готовенькое. Спасибо скажем мы домам той поры, что помогли с бараками справиться.

А что дома на коробки похожи, то верно. Выстроились в шеренгу — один, второй, третий... Тут прорабы на помощь пришли. Возьмут да и пустят немудрящий орнамент из красного кирпича вместо карниза, да в простенках между окнами какой-нибудь ромбик выложат. «Прорабская архитектура», — пожимая плечами, скажет архитектор. И вправду — «прорабская». Только вот «шеренгу» архитектор придумал. Домов-то много, можно и иное придумать. Нет, не отказались от «коридорной» застройки улиц, хотя уже в середине пятидесятых годов на смену ей пробивалась «свободная» планировка. Есть все-таки вина архитекторов в унылости наших улиц.

Рассказ об этом примечательном периоде можно было бы и закончить, но осталась не выясненной еще одна страница — о генеральном плане города. Как сложился он в послевоенные годы? Помнится, в 1941 году его так и не удалось утвердить, а война перечеркнула все его конкретные решения.

В 1954 году Госстрой утвердил новые строительные нормы и правила, в которых содержались и указания по проектированию городов. Как выяснилось, этих указаний оказалось недостаточно для проектировщиков: слишком общими они были. Поэтому в 1957—1958 гг. Госстроем был составлен еще один документ — «Правила и нормы планировки и застройки городов», вобравшие в

себя и рекомендации СНиП и позднейшие указания из постановлений Совмина СССР и ЦК КПСС по строительству от 1955 и 1957 гг. Проект «Правил и норм» был вынесен на обсуждение всесоюзного совещания по строительству 1958 года.

Между тем проектный институт Ленгипрогор еще в 1952 году по договору с Кировским горсоветом приступил к разработке в сокращенном объеме проекта планировки и застройки г. Кирова и уже в 1954 году утвердил его в Совете Министров РСФСР. Составленный до выхода в свет строительных норм и правил, проект не соответствовал им. Надежд на возможность составления полноценных генеральных планов ни у горсовета города Кирова, ни у других больших городов просто не было: проектировщиков-градостроителей в стране не хватало, а из 845 городов в Российской Федерации генеральных планов не имели 300. В связи с постановлением правительства 1957 года план строительства жилищ на первые же годы семилетки был резко увеличен. Потребовалось срочно определить места для размещения добавленной в план жилой площади. Госстрой разрешил тогда облегченный вариант, предложив городам составить проекты размещения жилищного строительства на ближайшие три года, с 1958 по 1960. Разработанный для города Кирова «План размещения жилищного строительства», опубликованный в 1960 году, мы и приводим на черт. 163¹.

Это был, конечно, лишь выход из положения, который не мог заменить продуманного на годы вперед плана развития города. Ленгипрогор продолжал проектирование; эта работа заняла у него еще 10 лет. В июле 1970 года план для города Кирова был утвержден Советом Министров РСФСР. Все это время город продолжал развиваться — увы! — без утвержденного генплана, который трижды подвергался корректировке. Изменения вносились в 1954, 1965 и в 1969 годах. Объективно они превращали генплан во второстепенный документ, лишь фиксирующий изменения, происходящие в застройке областного центра.

---

¹ Академия строительства и архитектуры СССР, НИИ градостроительства. Размещение жилищного строительства в городах. Госстройиздат, М. 1960.

ПЛАНИРОВКА СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ

А. Г. ТИНСКИЙ

ОГНЕСТОЙКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО, РАСПЛАНИРОВКА СЕЛЕНИЙ И ВЯТСКОЕ ГУБЕРНСКОЕ ЗЕМСТВО

О памятниках деревянного зодчества мы говорим преимущественно в прошедшем времени: причиной тому предрасположенность древесины к гниению при неблагоприятных температурно-влажностных условиях, легкая возгораемость и горючесть. Из многих тысяч зданий только единицы сохранились до наших дней с семнадцатого-восемнадцатого века: остальные погибли — если не от пожаров, то от «изгноя», как говорили на Руси. Так было в городах, но особенно частыми и опустошительными были пожары сельских населенных пунктов, построенных без «проектов архитекторских» и целиком из дерева.

«В селениях Вятской губернии можно встретить как редкость кирпичную избу. Даже самые печи в домах крестьян большей частью не кирпичные, а глинобитные и нередко без труб, «по-черному», — писали «Вятские губернские ведомости» за 1874 год (№ 80). Во всех селениях, деревнях и починках было тогда 743 каменных и полукаменных жилых строения, ничтожная доля. В Вятском уезде, например, деревянных построек было в 130 раз больше, чем каменных, в Яранском уезде — в 80 раз, в Нолинском — в 486 раз. Одна треть крестьянских изб в губернии была покрыта тесом, вторая — дранью и соломой, третья — исключительно соломой.

В таких условиях пожары были большой бедой. В том же 1874 году в сельских поселениях губернии произошло 4527 пожаров, в том числе в Яранском уезде — 867, в Нолинском — 504. В них сгорело 12054 крестьянских двора. В Кукарке в одном пожаре сгорело 57 дворов; однако и этот пожар не стал «рекордным» — случались и более крупные. Так, в одном из пожаров полностью выгорело 69 крестьянских дворов. Земская статистика утверждала, что в течение двадцати лет выгорает и заново отстраивается вся деревянно-соломенная Русь.

Нельзя сказать, что сельское строительство во все времена полностью оставалось вне сферы интересов государственных орга-

нов. В 1797 году повелением императора Павла в Тверской губернии было учреждено «училище земляного строения» под управлением архитектора Н. А. Львова. 13 декабря 1817 года Александр Первый «по собственному опыту» составил и разослал для исполнения дополнительные статьи под названием «Примечания о дорогах, деревнях и городах». Вторая часть «Примечаний...» («О деревнях») излагала требования по планировке, пожарной безопасности и внешнему виду сел, через которые проходили государственные почтовые тракты; к прочим селениям эти требования не относились.

«Стесненное расположение домов и узкая улицы суть причины неминуемого бедствия в случае пожара. В отношении сего нужно исподволь заводить:

25. Дабы улицы в селах и деревнях имели по крайней мере от 20 до 15 сажен широты.

26. Дабы сплошного строения не допускать, а располагать дома так, чтобы между каждых двух был подлежащий проезд и чтобы всякое таковое гнездо разделялось огородом или пустым местом от 12 до 16 сажен, огораживая оное забором или таким частоколом, у которого верхи должны быть ровно обрублены, или же, что еще лучше и прочнее, засаживая сии прогалки деревьями, впереди коих с улицы иметь надолбы.

27. В таком селении, которое многолюдно, надобно, чтобы среди онаго была площадь, а в самых больших и торговых и более одной, смотря по нужде. Все сие учреждать по мере построения новых домов и особенно при переселении крестьян или после несчастных случаев пожара.

Остальные требования касались устройства колодцев (28), поддержания чистоты и осушения улиц (29—31), установки столбов-указателей (32, 33). Последние статьи устанавливали, что постройка почтовых станций в селах отдается «на особенное попечение начальников губерний», запрещали заводить церкви среди крестьянских дворов и предписывали исподволь переносить имеющиеся в селах кладбища за пределы населенных пунктов.

В силу ряда причин указания Александра Первого «О деревнях» не стали обязательными на всей необъятной российской территории, и глубинные деревни и села еще многие десятилетия строились без плана и из доступных крестьянину материалов. В 1847 году министр государственных имуществ граф Киселев распорядился о постройке нескольких глинобитных зданий на ферме министерства в Горках, а в губернии было послано «Руководство к возведению глинобитных построек и глиносоломенных крыш». На этом действия правительства и остановились — наступило время частной, а позже земской инициативы. Однако с этого времени застройке сел стала уделять некоторое внимание печать. В 1846 году

«Вятские губернские ведомости» в № 51 поместили статью «О предохранении соломенных крыш от огня», автор которой предлагал использовать французский опыт — «средство, изобретенное господином Ньюмореном и испытанное в Дзу». В седьмом номере за 1849 год «Ведомости...» поместили перепечатку статьи А. Лопухина из «Земской газеты» с изложением опыта устройства дерновой кровли крестьянами соседней Костромской губернии. Статья «О несгораемых крышах» впервые приводила сведения о стоимости: дерновые крыши обходились по 1 р. 19 к. за квадратную сажень, а тесовые — по 1 р. 63 к.

14 марта того же года департамент полиции циркулярно доводил до сведения губернаторов, что глино-соломенные крыши пока что в виде опыта в минувшем году были сделаны в Пензенской и в некоторых других губерниях; во время пожаров они оказались «весьма полезными». Препровождая описания таких крыш, департамент предложил губернаторам «употребить все свое внимание для распространения глино-соломенных крыш в селах». Получив соответствующее предписание, городничие Уржума, Слободского и Котельнича сослались на то, что крестьяне предпочитают более дешевые, благовидные и прочные тесовые кровли. Так ни одной глино-соломенной крыши в губернии тогда и не сделали.

Возможно, противопожарная безопасность вятской деревни так и осталась бы на привычном низком уровне, если бы не земская реформа 1864 года, по которой в 1867 году и в Вятке было учреждено губернское земство. Более «мужицкое» по своему составу (в первом составе земства было 55% крестьян), вятское земство было и более либеральным. С первых дней оно активно проводило линию на улучшение быта и условий жизни крестьянства. Большое и постоянное внимание оно оказывало повышению противопожарной безопасности больших и малых сел и деревень — повышению огнестойкости сельских жилых и хозяйственных построек, обязательному страхованию от огня, производству пожарных машин, составлению планов для перестройки селения с учетом противопожарных требований. Рассчитанную на длительный срок программу земство настойчиво осуществляло до начала империалистической войны 1914 года.

Чтобы избавиться от такого очевидного очага пожарной опасности, как овины для сушки снопов, губернское земское собрание в 1871 году принимает решение об опытной постройке двух несгораемых овинов в окрестностях Вятки, с тем чтобы потом распространить опыт на южные районы губернии. К 1874 году в Яранском районе было построено 50 таких овинов с глинобитными стенами; кроме того, строились хозяйственные помещения и жилые дома, из которых первые два были уже закончены.

В 1881 году с целью проверки состояния построенных ранее

глино-соломенных крыш земство направило в уезды своего контролера. Он доложил, что н и г д е не нашел глино-соломенных крыш, но видел несколько — очень мало — глинобитных изб и бань в Котельничском, Уржумском и Нолинском уездах; все они находились в плохом состоянии. Предложение земской управы о широкомасштабном опытным строительстве из самана губернское земское собрание тогда отвергло, предложив прежде выстроить в Вятке, при губернской больнице, одну саманную избу под руководством архитектора. Постройка ее продолжалась в течение двух последующих лет, причем крышу вместо глино-соломенной сделали тесовую. Израсходовали на постройку 377 руб. 17 коп. — больше, чем предполагалось. Специальная комиссия признала опыт неудачным, но от продолжения экспериментов земство не отказалось.

В Красноуфимском сельскохозяйственном училище соседней Пермской губернии был изобретен станок для плетения ковров из соломы и построено первое здание с глино-соломенной ковровой крышей. Когда через три года эксплуатации крыша выдержала испытание буквально «водой и огнем», из разных мест Вятской губернии посыпались просьбы прислать наставления к изготовлению ковровых крыш (так писали «Вятские губернские ведомости» в номерах 69, 93 за 1886 год и в номере 58 за 1887 год). Тогда же стало известно, что крестьянин деревни Гари Малорожжинской волости Малмыжского уезда Иван Демин изобрел и построил из глино-соломенной массы негоряемый овин для сушки снопов. По безопасности от огня, дешевизне постройки и в три раза меньшему расходу топлива овин системы Демина был признан лучшим и рекомендован губернским земством для постройки. Для обучения крестьян методам постройки овинов Демина и глино-соломенных ковровых крыш земство пригласило на службу трех «агрономических смотрителей» из выпускников Красноуфимского училища и направило их в южные уезды (Елабужский, Глазовский и Малмыжский). Тогда же в Вятке громадным тиражом в 20 тысяч экземпляров было издано описание овинов Демина. Летом 1887 года на молотильном сарае фермы при больнице для душевнобольных в Вятке была устроена, испытана и одобрена ковровая крыша. Агрономический смотритель Сукин, осмотрев в Гарях овин Демина, по его образцу тем же летом 1887 года построил два овина: первый для четырех крестьян деревни Культемас, второй — в Верхней Гоньбе. Крестьяне были довольны работой. Сушка продолжалась недолго и топлива расходовалось меньше обычного. Третий овин (в Нижней Гоньбе) мастер в то лето закончить не успел. Так в середине восьмидесятых годов прошлого века начинался второй этап кампании земства по внедрению огнестойких построек.

В 1889 году губернское собрание приняло решение о выдаче крестьянам премии за постройку негоряемых глино-соломенных

зданий, а вскоре и значительно расширило практику выдачи ссуд на огнестойкое строительство. В 1900 году выдано ссуд на постройку кирпичных домов 18643 р. 60 к., на устройство кирпичных заводов — 24054 р., на устройство железных крыш — 7865 р., на черепичные и глино-соломенные крыши — 1305 р. и на устройство улучшенных кирпичных печей — 257 р.

В 1899 году земство открывает в Вятке мастерскую для обучения печников, здесь же организует обучение мастеров по изготовлению саманного безобжигового кирпича и силами учащихся в 1901 году выстраивает — как образец — довольно крупный одноэтажный дом из самана с черепичной кровлей. Саманный дом на территории печной школы по бывшей Спенцынской, ныне улица Карла Либкнехта, стал прекрасным доказательством возможности использования — при определенных условиях — местных глин для малоэтажного строительства. Он был снесен в 1960 году, когда находился еще во вполне удовлетворительном состоянии. Это видно на снимке А. Г. Осокина, сделанном за два года до сноса (фото 192).

В 1902 году земство содержало в уездах одиннадцать саманных мастеров, обученных в Московской губернии; уездные земства направляли их в помощь тем крестьянам, которые брали ссуду на постройку саманных зданий. Всеми доступными ему средствами земство поощряло огнестойкое строительство на селе. Однако, по признанию губернатора, дело «продвинулось незначительно». За 1903 год в губернии было сложено только 37 жилых и 6 неотапливаемых зданий из самана, закончена постройка 11 глинобитных и покрыто глино-соломенными крышами 26 построек различного назначения. «Незначительно» — потому что тогда в состав губернии входили Глазовский, Сарапульский и Елабужский уезды, а огнеупорные кровли из тысячи жилых домов имел только один, а из надворных построек — одна на десять тысяч. В то же время под соломенной крышей стоял каждый четвертый дом. Такие данные приводил в официальной записке хорошо знающий дело страховой агент Н. А. Чарушин.

В 1908 году в Орловском уезде представителями земства осмотрено 8 саманных построек — все они оказались негодными для жилья. В Котельничском уезде из 17 домов нормальных условий не было ни в одном; везде сырость, по углам — плесень, а зимой постоянный угар. Около 75% саманных и глинобитных построек уже через 6—7 лет оказывались негодными, — фиксируют журналы губернского земского собрания за 1909—1910 годы.

Одна из причин этого заключается в том, что за короткое вятское лето глинобитные и саманные постройки не успевали просохнуть и окрепнуть, — такой вывод сделали архитекторы и многие земские деятели, авторы статей и небольших заметок в

периодической печати. Однако была и другая и, пожалуй, главная причина; на нее в 1903 году указывал Н. А. Чарушин. Он видел ее «в экономической необеспеченности весьма значительной части населения. Как некредитоспособная (она) не имеет даже возможности воспользоваться благодеяниями дешевого и льготного земского кредита». Завершая анализ положения с пожарностью, страховой агент указал и на выход: «для успешной борьбы с пожарностью... необходимо, прежде всего, принятие таких общих мер, которые способствовали бы подъему экономического уровня населения, расширению его кругозора, ...благодаря чему имело бы возможность развитие в этой области свое собственное народное творчество и энергия, одухотворенная сознанием».

Пожарную опасность в сельских населенных пунктах увеличивали теснота застройки, подчас беспорядочное расположение хозяйственных построек и летних надворных кухонь, отапливаемые по-черному избы и всегда пожароопасные овины. Губернское земское собрание в 1873 году приняло решение о постепенной перестройке всех населенных пунктов по проектным планам, которые проектировались с учетом противопожарных правил. Предполагалось, что по планам должны строиться все вновь возникающие селения, а существующие будут перестраиваться по частям, после стихийных бедствий, пожаров или естественного износа домов. По этим правилам одворицы не должны «загромождаться постройкой вторых и третьих изб» при семейных разделах, что издавна повелось в малоземельных деревнях; между постройками следовало оставлять узаконенные противопожарные разрывы, а овины и скирды хлеба относить от жилых и других хозяйственных построек не менее чем на 50 сажен. Составление планов губернское земство возложило на уездных землемеров, но поначалу — для примера — планы составлял земский губернский архитектор В. М. Дружинин; вместе с ним планировкой занимался и окончивший Межевой институт техник строительной комиссии Н. К. Копаччио, впоследствии возглавивший эту работу. Перестройке селений придавалось большое значение, и планы утверждал губернатор.

Составление планов продвигалось довольно быстро. В 1878 году по Вятскому уезду были составлены планы 114 селений, по Слободскому — 54, Орловскому — 64, Котельничскому — 210. В течение 1886 года по губернии было «распланировано» (принятый тогда термин, означавший составление плана, но никак не осуществление его в натуре) 581 селение, в 1888 году — 572, в 1889 году — 180. К 1900 году новые планы имели 42% больших и малых населенных пунктов.

Новые планы (и, соответственно, новые места) не очень-то устраивали крестьян. Газеты тех лет и даже официальные «Вятские губернские ведомости» не один раз отмечали, что погорельцы

обходили запрещение и новые дома ставили на старых одворицах, потому что после пожара на них что-то все-таки сохранялось — у кого погреб, у кого колодец. Архитектор В. М. Дружинин сообщал, что даже новые починки по планам строить не удастся: они возникают самовольно, без ведома администрации. «Распланировка» встречала скрытое сопротивление жителей. На многих дворах, как и раньше, возникали вторые и третьи избы, а правила этого не разрешали. Малоземелье и размеры усадеб в Вятском, Орловском и Котельничском уездах не позволяли и хлебные скирды ставить на одворицах дальше пятидесяти сажен и также далеко относить овины. Многие крестьяне по своим достаткам не могли и вместо «черных» изб строить «белые», как требовали правила и планы.

Более тридцати лет земской кампании по «распланировке» желаемых результатов не принесли. Поставленная земством цель была достигнута только частично.

По крайней мере дважды — и оба раза в трудные, переломные моменты своей истории — кировчане обращались к давней земской идее использования «подручного» материала (грунта, глины, хвороста) в качестве стенового материала. Первый раз — в 1933—1935 годах, когда молодые и неокрепшие еще колхозы ощутили острую нужду в новых животноводческих и других производственных помещениях.

В 1935 году стены половины вновь построенных зданий в Малмыжском районе были глинобитными. А 1936 году из грунтовых материалов в области было возведено 450 построек. Участвовали в этом строительстве не только южные, но и центральные районы: Санчурский, Пижанский, Малмыжский, Шарангский, Слободской, Верховинский. И на этот раз более успешно дело шло на юге области; на территории Малмыжского района в середине пятидесятых годов, почти через двадцать лет, можно было увидеть сохранившиеся с тридцатых постройки. Как и раньше, короткое лето не позволило в северных районах построить надежно.

Второй раз — в 1942 году, в связи с эвакуацией в Кировскую область ряда промышленных предприятий и учреждений. Тогда собрание Союза архитекторов решило экстренно оказать квалифицированную помощь предприятиям в опытной постройке двух жилых домов, одного глинолитного, другого — грунтоблочного. Глинолитный дом был построен на заводе п/я 266. Его стены, армированные хворостом, были возведены в передвижной опалубке в течение четырех дней. На заводе п/я 324 в приспособленной мастерской с помощью ленточного прессы в зиму 1942—1943 года из грунтовой массы изготавливали блоки 38x18x21 см, которые сушили затем в специальной сушилке (весной — на воздухе). Летом двухквартирный дом построили за один месяц (кладка стен из блоков заняла только 10 дней). При обсуждении завершенного уже

строительства архитекторы называли его «неопытным»: слишком много недостатков обнаружилось в это короткое время. Три прибавившиеся к жилому фонду квартиры нужду в жилье не разрешили и даже не уменьшили, а в спешке продолжать строительство не имело смысла: лето по-прежнему в Вятке было коротким.

Еще один раз сельские строители обратились к повышению огнестойкости и долговечности построек в середине пятидесятых годов, когда решался вопрос перестройки производственно-технической базы колхозов на основе новых типовых и современных (для того времени) средств механизации сельскохозяйственного производства. Ведь все еще 68,7% колхозных построек имели тесовые крыши, а 11,5% — временные, соломенные. Но теперь уже упор делался не на грунтовые материалы, а на использование более долговечных — кирпича, шлакобетона, крупнопористого бетона, природного камня, шифера, кровельного железа, цементно-песчаной черепицы. Государственная промышленность еще не могла дать колхозам эти материалы в полном объеме, и колхозы открывали свои собственные производства: каменные и гравийные карьеры, кирпичные заводы, столярные мастерские, ставили лесопилки, выпускали шлакоблоки. Опыт Вятского земства пригодился и в новых условиях.

Г. М. БЕЗВЕРХОВ

АРХИТЕКТУРА СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

История Вятской земли XVI века в территориальном развитии показывает, что Вятка была окружена нерусским населением (коми-зыряне, пермяки, удмурты, марийцы, татары, чуваши, мордва и др.) и являлась форпостом русского государства на Востоке. Русской территорией считалась земля по среднему течению р. Вятки и нижнему течению р. Чепцы, а русскими городами — Котельнич, Хлынов, Орлов, Слободской и Шестаков с их уездами. В 1546 году Иван IV в своей жалованной грамоте всем крестьянам, поселившимся у города Шестакова, разрешил «лес сечи, и пашню распахивати, и двory ставити».

Так образовались первые сельские поселения — «ряды», «починки», «рядки», как их называли в писцовых книгах XVI—XVII веков. Два-три двора и часовенка — это починок. Пять-семь дворов — деревня. Село — десяти-пятнадцати дворов. В центре поселения церковь, а чаще часовенка.

Поселения располагались по берегам рек и озер, по увалам и оврагам. В «Записках путешествия в Сибирь» А. И. Радищев в

1790 г. писал о Вятском расселении: «Татары, черемисы, чувашы селятся по увалам и долам. Русские по горе. У чуваш и черемис избы черные... У татар избы белые, впереди камелек». В расположении городских и сельских поселений складывался единый порядок. «Слободу Кукарку, например, окружало кольцо из 30 сел. Каждое село, в свою очередь, было центром округа из нескольких деревень. К деревне примыкало несколько починков»*.

Свободная и живописная планировка и гармоническое сочетание застройки с окружающей природой, характерные для вятских сельских поселений, подтверждаются описаниями Нижнего Починка (XVIII в.) современным вятским исследователем и ученым А. Г. Тинским: «Неторная дорога от моста через Молому поднималась по косогору на крутой правый берег, к храму. Добротные пятистенные избы на подклетах стояли свободно на одной стороне единственной улицы, всеми своими шестью окнами всматриваясь в примоломские луга и заречную даль. Ни один дом не мешал другому, не загораживал ни солнце, ни широкое приволье. Линия застройки извивалась, повторяя все извивы косогора»**.

Природная среда воспринималась народом-зодчим как важное начало формирования жизненной среды, где архитектура должна стать рукотворным продолжением природы. Эстетическая ценность природы, ее неповторимость отразилась на всем, чем окружал себя человек, на всем, что создавали его руки, — от ложки до тканного станка, от амбара до храма.

Основным и почти исключительным строительным материалом крестьянских изб, амбаров, часовен и храмов являлось дерево, благодаря доступности, простоте в обработке, а также хорошим теплотехническим свойствам. «Возле леса жить — голода не видеть», — говорила русская пословица.

Основной конструктивной формой сооружения являлся сруб, сложенный из горизонтальных рядов бревен — венцов, связанных по углам врубками с небольшими концами — «в обло» и без концов — «в лапу» или «в шип». Сруб (или по-старинному «стопа») с дверью, окнами, полом, потолком и крышей назывался «клетью». Клеть, которая предназначалась для жилья и имела печь, называлась избой или истопкой. Первые избы без дымоходов и труб назывались «шурными», или «черными» избами. К основной клетке при необходимости «прирубались» другие. Из двух помещений — избы и клетки состоял в XVI веке двор крестьянина. Несколько клетей,

---

* В. А. Бердинских. Советск (Кукарка) в книге Энциклопедия земли Вятской том 1. Города. Областная писательская организация, Киров, 1994, стр. 263.

** Тинский А. Г. Вятская мозаика. Кировское отделение Волго-Вятского книжного издательства, Киров, 1994., стр. 51.

связанных в одно целое, в зависимости от их числа, назывались «двойней», «тройней», «четвертной». В XVII веке жилище крестьянина развивается: между теплой и холодной клетями появляется третья клеть — сени. Этот тип жилища состоял из трех частей: изба — сени — клеть под одной крышей стал основным на длительный период и получил в дальнейшем отражение в каменной архитектуре жилых домов. Большие и богатые постройки из нескольких соединенных клеток назывались «хороминами».

В результате выделения некоторых групп крестьянства возникли и богатые хозяйства и крупные постройки — дома-усадьбы, где жилая часть, состоящая из ряда горниц, объединялась в один объем с хозяйственной частью — двором (рис. 170—173).

Рядом с избой строились теплые хлевы, омшанники, сарай и т. д., которые часто покрывались одной общей крышей с избой, что в целом имело своеобразную монументальную композицию.

Основной тип сельских построек был един при архитектурном разнообразии и это характерно не только для планировки сел, усадеб, изб, но также и для конструктивно-декоративных форм деревянных построек.

Исследователь русского деревянного зодчества Р. М. Габе, описывая и анализируя крестьянское жилище, отмечал: «Искренность и правдивость, присущие произведениям крестьянской архитектуры, сказываются и в рациональном использовании материала и в рациональном применении конструкций: никакой фальшивой конструкции, никаких без надобности строительных материалов, никаких форм, не вызванных необходимостью»*.

Крестьянин в своем доме не чувствовал себе инородным, все здесь было тщательно продумано, привычно, доступно, соответствовало назначению и настроению. Это и влекло человека к дому, будь он в поле или в дальнем промысле. Притягивал не просто дом, не сама по себе усадьба, а среда в этом доме, сложившийся эмоциональный климат, вызванный историей поселения, его культурой, коллективной памятью.

Русские поселения XVII в. строились скученно и тесно, без определенного порядка и плана. В петровское время впервые был поставлен вопрос о рациональной застройке сел и деревень. В деревнях, как и в городах, предписывалось ставить жилые строения «в линию» вдоль проезжей улицы. Это определяло регулярность и являлось средством борьбы с частыми и сокрушительными пожарами.

Известный публицист петровского времени И. Т. Посошков

---

* Габе Р. М. Архитектурные формы в деревянном зодчестве и возможность их применения в колхозном строительстве. — Проблемы архитектуры. Т. 2, кн. 1. М., 1937, с. 341.

пишет в трудах («О скудности и богатстве» и др.) о необходимости правильной организации крестьянского двора, новой планировки русских деревень и рекомендует ввести единообразную систему застройки деревенских дворов и хозяйственных участков. Одинаковые геометрически правильные участки с избами, поставленными торцом к улице, предлагалось располагать вдоль большой дороги: дворы размещались «гнездами» — по два смежных двора, отделенные пространством не менее 20 сажен друг от друга. Участки устанавливались определенных размеров (30 x 60 м).

В 1722 г. был издан первый правительственный Указ «О строении крестьянских дворов в погорелых и вновь строящихся селах и деревнях «по образцовому» чертежу. Указом устанавливалось располагать избы «в линию» и соблюдать разрывы между ними. Размещение построек и размеры дворов не регламентировались.

Несмотря на повторение указа в 1724 г. застройка сельских поселений велась крестьянами по старому народному обычаю. В первой половине XVIII века постепенно входило расположение изб вдоль улиц и дорог, но без учета разрывов и чертежа.

В середине XVIII века указанные приемы продолжали внедряться в строительстве сельских поселений. В 1753 г. был опубликован указ о регулярной застройке — по «образцовому» чертежу — «сгоревших и вновь отстраиваемых деревень», почти дословно повторявший указ 1722 г. Документ, направленный на пресечение частых пожаров и устранение тесноты в селах и деревнях, дважды опять издавался в 1754 и 1755 гг. Однако, несмотря на указы, традиционная планировка и застройка без разрывов продолжались, и крестьяне неохотно и мало строили по «образцовому» чертежу.

В 1817 году император Александр I самостоятельно составил дополнительные статьи по организации сельской застройки к своим замечаниям об устройстве городов. В Вятку этот документ «Примечания о дорогах, деревнях и городах» поступил в начале 1818 года. Во второй части «О деревнях» император предписал: «Стесненное расположение домов и узкие улицы суть причины неминуемого бедствия в случае пожара. В отражение сего нужно исподволь заводить:...

25) Дабы улицы в селах и деревнях имели по крайней мере от 10 до 15 сажен широты.

26) Дабы сплошного строения не позволять, а располагать дома так, чтобы между каждых двух был надлежащий проезд и чтобы всякое таковое гнездо разделялось огородом или пустым местом от 12 до 16 сажен, огораживая оное забором или таким частоколом у коего верхи должны быть равно обрублены...

27) В таком селении, которое многолюдно, надобно чтобы среди одного была площадь, а в самых больших и торговых и более одной, смотря по нужде...

32) При въезде в каждое селение иметь... столб с доскою, показывающей, как селение оно называется, кому принадлежит и какие имеет число душ...

35) Не позволять впредь заводить церквей в селениях иначе как на площадях, среди же обывательских домов построение оных строго воспрещается».

В статьях 28—31, 33—36 изложены требования по устройству колодцев, отводных каналов с мостиками. «Никакой нечистоты не позволять», «дабы каждый хозяин подметал и очищал улицу против своего дому, точно также как он очищает у себя избу», об устройстве почтовых станций и почтовых домов, «кладбищ среди селений не иметь, а места под оные избирать позади селения при построении новых церквей». В целом статьи части 2 «О деревнях» и части 3 «О городах» дополнили первые указы XVII в. по основам планировки, застройки и благоустройства сельских и городских поселений России и получили отражение в планах вятских поселений (рис. 174)

В XVIII веке до 60-х годов в Вятской губернии существовала «лядинная» система земледелия и крестьяне переходили с одного места на другое (как и при Иване IV «лес сечи, и пашню распахать, и дворы ставить»), производили посевы, а после истощения земли искали новые места для жилья и посева.

Вятские рубленые избы этого периода отличались от северных меньшими размерами, часто отсутствием подклета и самостоятельным покрытием расположенного сбоку двора (рис. 175). Фасады сохранили группировку малых окон и имели значительно скромный декор своих элементов (наличники, лобовые доски и т. д.).

Во второй половине XVIII в. было усилено внимание к планировке и перестройке сельских поселений. Введение генерального межевания по губерниям также активизировало работы по перепланировке деревень. Перестройка и регулярная планировка реализовались только в «экономических и казенных» селах, расположенных у больших дорог, почтовых трактов и речных пристаней, остальные же поселения продолжали иметь плотную застройку, традиционные рубленые избы — дворы и курные избы (рис. 176).

Каждая постройка селения, оставаясь глубоко индивидуальной, становилась частью единого целого, а само селение — единым ансамблем.

Важнейший компонент каждого селения — его общественный центр, которому была свойственна многофункциональность. В центре соединялось многое: и выделение в селении главных культовых сооружений, устремленных вверх, и необходимость устройства зрительных ориентиров в просторах ландшафта, по которым издали узнавалось селение (рис. 177). Основным общественным сооружением была приходская церковь (в деревнях — часовня).

Рост селений, образование крупных гнезд заставили выделить звонницу церкви в самостоятельное сооружение — колокольню.

Крестьянские избы, построенные в этот период, отличались обширными размерами, удобствами и прочностью. «Громадные крестьянские избы в два этажа или на две половины — «рабочую и чистую», обширный двор, крытый наглухо тесом, прочные, поместительные хозяйственные службы вблизи дома — все это указывает на прежнюю зажиточность крестьян и обилие леса в их распоряжении»*.

В конце XVIII в. крестьянская изба разделяется по планировке на отдельные помещения с выделением кухни и необходимых функциональных помещений, рубленый фронтон заменяется тесовым с карнизом, в конструкцию крыши внедряются стропила вместо традиционных самцовых крыш на слегах. Декоративная обработка изб, амбаров, часовен, церквей и храмов отличались строгим орнаментальным «убором» с прорезной и рельефной резьбой, «корабельной резью» или «глухой резьбой», которая получила широкое распространение в середине XIX столетия.

В 1864 году были запрещены самовольные расчистки казенного леса и строительство поселений. «Новые избы встречаются весьма редко; строения обыкновенно ветхи, с покосившимися стенами и разрушающимися углами. В Орловском, например, уезде встречаются такие убогие лачуги, которые более напоминают телятники, чем людское жилье. В Котельничском уезде крестьяне перерубают (перестраивают) избы из старых до трех раз. В северной части Яранского уезда строят избы всегда из старых, которые скупают у крестьян, перебирающихся на починки или переселяющихся в далекие края. Здесь начинают уже входить в употребление и мазанки, чего прежде никогда не бывало», — так описывает этот период в очерке «Вятский край» Матвей Песковский.

В 1873 году губернское земское собрание принимает решение о постепенной перестройке всех поселений по проектным планам, первые из которых составил земский губернский архитектор В. М. Дружинин и техник строительной комиссии Н. К. Копаччио.

Планы селений составляли уездные землемеры, утверждал губернатор и к 1900 году проектные планы имели 42% больших и малых поселений. Крестьяне не сразу принимали проектные планы и установленные требования к застройке. Архитектор В. М. Дружинин сообщал, что даже новые починки по планам строить не удастся: они возникают самовольно, без ведома администрации.

---

* Матвей Песковский. Очерк IV. Вятский край. Живописная Россия. Том 8. СПб., 1901.

Многие крестьяне по своим достаткам не могли вместо «черных» изб строить «белые», как требовали правила и планы.

На начало XX века, как отмечает в своем очерке «Вятский край» Матвей Песковский, территория Вятской губернии по величине составляла 13904020 десятин*, или 134537 квадратных верст*. Пахотные земли занимали 35,5% территории, лес — 57,3*, сенокос — 5%, под рудниками — 15 тыс. десятин, а остальное — неудобные земли.

Крестьян числилось около 2750000 человек и 83% сельского населения занималось исключительно земледелием на пахотной площади в 4800000 десятин. Население губернии в связи с природными условиями имело неравномерное расселение: удобные для заселения места имели большую скученность небольших по размерам селений, а огромные лесные и заболоченные площади не использовались. В административном отношении губерния была разделена на 12 уездов с 12 городами, 312 волостями, в которых 22818 селений и в них 456 тыс. крестьянских дворов*.

Последовательное осуществление ленинского плана преобразования сельского хозяйства привело к социально-экономическим изменениям в деревне, в том числе к трансформации исторически сложившегося сельского расселения. В сельском расселении четко выражается тенденция укрупнения сельских поселков за счет устранения самых мелких форм (хуторов, небольших деревень, сел). Организуются колхозы и начинают создаваться первые машинно-тракторные станции (МТС) и поселки при них, которые положили начало внедрению новых проектных решений.

В 1924 году Наркомземом и НКВД РСФСР были составлены «Обязательные правила о распланировании селений и их застройки», снабженные типовыми схемами планировки деревень. Характерной особенностью была рекомендация о размещении в центре сел площадей и новых типов общественных зданий (народный дом, сельсовет, правление кооперации, магазины и т. д.). На площади предусматривалось также устройство памятника и общественного колодца. Вводилась квартальная система застройки. Общественные здания (школа, детские ясли, бани и т. д.) располагались в жилой части села; производственные постройки — на периферии. Правила предписывали ряд противопожарных и санитарных мероприятий.

Заметную роль в деле дальнейшего развития сельской архитектуры сыграла Всесоюзная сельскохозяйственная выставка 1923

---

* Десятина = 2400 кв. саженей (1.09 га, т. н. казенная). В XIX в. употреблялась владельческая (хозяйственная) — 3200 кв. саженей (1.45 га).

* Верста = 500 саженей (1.0668 км). Сажень = 2.1336 м.

* Большая энциклопедия, том 5. 1902., С.-Петербург, стр. 756.

года, где были показаны новые возможности и пути рационализации существующих построек. Отдел «Деревня» на выставке состоял из трех частей: «Современная деревня», «Новая деревня» и «Общественные здания деревни».

К началу 30-х гг., кроме отдельных индивидуальных жилых домов и домов-комплексов сельскохозяйственных коммун, основной массой застройки села являются новые деревянные избы с усовершенствованной планировкой жилой части. Строились новые и реконструировались старые школьные здания. В Вятской губернии в 1926 г. строилось 50 новых школ.

«Колхозцентром» был выпущен альбом проектов для застройки колхозов, который явился методическим руководством проектирования различного типа зданий и сооружений. В альбоме представлены варианты генеральных планов застройки центра, проекты двух- и трехквартирных жилых домов, свинарников, двухрядных коровников и т. д. Однако новые проектные предложения не находили практического применения и, как отмечал М. И. Калинин, «коллективизация сельского хозяйства мало отразилась на планировке наших сел, а тем более на архитектурном оформлении общественных построек. МТС, колхозные фермы, сельские предприятия, школы, детские ясли и все это строилось в приспособлении к существующей деревне, иногда в ущерб себе, приравниваясь к уже имеющейся планировке села»*.

С 1934 года в Академии архитектуры начались научные исследования в области сельской архитектуры по созданию новых типов сооружений и комплексов. Сельское жилище рассматривалось не только как жилой дом, но как единый комплекс сооружений жилищно-бытового и производственного характера, включающий жилые помещения, хозяйственные постройки и всю усадьбу в целом с ее озеленением и благоустройством. Были разработаны типовые проекты центральных усадеб совхозов и их отделений — «экономий». Планировка поселков построена на прямоугольной сетке улиц с общественным центром вокруг площади, к которому примыкают жилые кварталы двухквартирных одноэтажных домов. На достаточном расстоянии от общественного центра размещалось производство: машинно-тракторный парк с ремонтными мастерскими и складской группой зданий. Новый силуэт села наряду с общественными зданиями определяли элеваторы и водонапорные башни. При формировании новых и реконструкции старых сел и их застройке проводилось функциональное зонирование территории, слабо выраженное в дореволюционных селах.

5 декабря 1938 года Кировский край преобразован в Киров-

---

*Калинин М. И. Большая общественная задача. Статьи и речи. 1941-1946. М., 1975, с. 329.

скую область; при этом из ее состава выделена Удмуртская АССР, а в нее в 1941 году включены три района Архангельской области (Опаринский, Лальский, с 1965 г. — Лузский и Подосиновский). В эти годы основными пользователями земель сельскохозяйственного назначения стали колхозы и совхозы. В 1940 году в области насчитывалось 10259 колхозов, 17 совхозов и 98 МТС. На один колхоз приходилось в среднем 34 колхозных двора.

За годы Великой Отечественной войны не поддерживаемые ремонтами жилые дома и особенно производственные здания колхозов обветшали и разрушились, и с первых послевоенных лет было начато их восстановление. Большое внимание уделялось энергетическому хозяйству колхозов, и в первые же годы было построено 154 сельских электростанции; 86 электростанций еще строились. При облизполкоме было создано управление по строительству в колхозах, в районах появились первые межколхозные строительные организации, особое внимание уделявшие огнестойкому строительству производственных и общественных зданий. «Многие колхозы занимаются благоустройством сел, помогают колхозникам строить жилые дома. В 1955 году в колхозах добыто бутового камня в три раза и обожжено кирпича в два с лишним раза больше, чем в 1954 году», — сообщала выпущенная Кировскими книжным издательством в помощь колхозным строителям книга¹. В ней давались рекомендации по выбору участка для строительства и составлению проектно-сметной документации. Укрупнение коллективных хозяйств и новые формы расселения существенно отразились на архитектуре села. Положено начало планированию сельскохозяйственных районов и разработке новых планировочных решений сельских населенных мест. Характерной особенностью сельской застройки Кировской области стал постепенный переход к строительству колхозов, совхозов и МТС на основе специально разработанных генеральных планов.

«Строительство без проекта планировки приводит к тому, что вновь возводимые дорогостоящие капитальные объекты располагаются непродуманно, на случайных участках, без учета перспектив развития хозяйства и селения, без учета технологий сельскохозяйственного производства, с нарушением санитарных и противопожарных требований застройки сельских населенных мест», — отмечают в начале своей работы «Как составить проект планировки колхозного села» в 1959 г. начальник строительного отдела конторы «Облпроект» Кировской области А. С. Казанский и главный инженер областного управления строительства в колхозах И. И. Чаузов. Авторы впервые в области рекомендуют специалистам села на месте составить простейшие схемы планировки, а проектировщикам на

¹ Тинский А. Г. О строительстве в колхозах. Киров, 1956.

научной основе разработать проекты планировки сельских населенных мест. Выбор местоположения хозяйственных центров укрупненных колхозов производится на основании перспективного плана развития колхоза и с учетом определения мест для переноса сельских поселений. В центральной усадьбе колхоза сосредоточивается основное производственное, жилищное и культурно-бытовое строительство, что предопределяло развитие поселений в крупные поселки.

В этот период впервые рекомендованы нормы площадей для производственных зон и размеры территорий жилых зон сельских населенных мест с целью упорядочения, увеличения плотности и экономичности застройки. В планировке села, направлении улиц и размещении зданий учитывается рельеф местности, наличие водоемов и природные особенности ландшафта. Этим требованиям отвечала одна из первых схем планировки центральных усадеб в колхозах им. Ленина Зуевского района и «Верный путь» Шабалинского района Кировской области.

Основным типом жилого дома продолжал оставаться одноэтажный многоквартирный дом с приусадебным участком. Традиционный жилой дом под одной крышей с хозяйственными постройками и хозяйственным двором не рекомендовался, так как считалось, что передача коров и скота личного пользования в колхозы снимает надобность в таком дворе. Получают применение двухквартирные дома, где стоимость одной квартиры при одинаковой средней жилой площади дешевле примерно на 9 процентов, а по расходу топлива экономичнее на 18 процентов. Строительство двухквартирных домов уменьшило ширину приусадебных участков, уплотнило застройку, сократило протяженность улиц до 30 процентов и снизило затраты на благоустройство до 10 процентов. Однако застройка типовыми двухквартирными домами привела к однообразию, безликости и лишила село индивидуального архитектурно-художественного облика.

Начало 60-х годов отмечается большим размером сельского строительства, внедрением железобетонных конструкций и промышленных изделий. Проектирование и строительство всех зданий в сельских населенных пунктах производилось только по типовым проектам Центрального института типовых проектов и Центральной экспедиции института «Гипросельхоз».

Планы проектных работ в 1961—1965 гг. предусматривали разработку около 300 проектов планировки и застройки сел Кировской области. Проекты разрабатывают местный «Облпроект», Свердловский институт «Уралгипросельхозстрой» и «Ленгипроводхоз». Решением Кировского облисполкома от 17.04.61 г. в г. Кирове была создана экспедиция института «Уралгипросельхозстрой». В эти годы экспедицией разработано 14 схем районных планировок и 185

проектов застройки, среди которых первыми были с. Зониха совхоза «Зоновский» Верхошижемского района, с. Татаурово совхоза «Татауровский» Нолинского района и др. Одновременно ведется проектирование и строительство новых производственных сельскохозяйственных зданий: Фаленской, Даровской и Вятскополянской птицефабрик и коровников в совхозах «Поломский» и «Пасеговский» Кирово-Чепецкого района.

В 1964 году экспедиция превращена в Кировский филиал института «Уралгипросельхозстрой», а через три года филиал влит в состав проектного института «Кировгражданпроект»; объединенная организация получила название института «Кировгипрогорсельстрой».

Архитекторы отдела генеральных планов Г. Д. Охапкина, М. М. Мамаева, В. И. Кропачев и руководитель группы В. В. Бакулев за проекты застройки п. Кстинино совхоза «Кстининский» Кирово-Чепецкого района, п. Спицыны колхоза «Искра» Котельничского района и с. Ильинское совхоза «Ильинский» Слободского района в 1967 году на ВДНХ СССР впервые награждены Дипломом III степени и бронзовыми медалями.

В период 1970—1975 гг. капитальные вложения в жилищное строительство возросли в 3 раза, в производственное строительство — в 2,8 раза, а в строительство объектов соцкультбыта — в 5,3 раза. Впервые в области начинается экспериментально-показательное строительство поселка Спицыно, села Ильинского и поселка Юбилейный колхоза «Путь Ленина» Котельничского района, проект застройки которого отмечен Дипломом II степени ВДНХ СССР и серебряной медалью. Проекты планировки и застройки поселка Октябрьский, совхоза «Мухинский» Зуевского района и поселка Коршик совхоза «50 лет СССР» Оричевского района отличаются дальнейшим развитием прогрессивных приемов планировки и применением современных проектов жилых и общественных зданий.

«Не узнать старинные деревни Пинегерь, Нижняя, Средняя и Верхняя Тойма. Исчезли жалкие лачуги, крытые соломой. Почти на 10 километров вдоль дороги тянутся добротные дома...», — так сообщала «Кировская правда» 7 ноября 1972 года о новом облике селений колхоза им. Мичурина Вятскополянского района.

Большая программа преобразования сел и деревень в благоустроенные поселки совхозов и колхозов определилась в 1974 г. постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР». Частью этой программы было сселение семей из «неперспективных» мелких сел и деревень в центральные усадьбы колхозов и совхозов. На первое января 1970 г. в области существовало 11250 сельских поселений (в них 786,6 тысячи жителей). Укрупнение привело к тому, что к началу 1975 г. осталось 10241

селение, а сельское население уменьшилось на 146,4 тысячи человек.

20 января 1975 г. Кировский облисполком принимает решение «О развитии и сселении сельских населенных пунктов и комплексной застройке центральных усадеб колхозов и совхозов области» на следующие пять лет. Все сельские поселения этим постановлением были разбиты на три группы: перспективные (с точки зрения их дальнейшего развития), ограниченно развивающиеся и неперспективные, то есть подлежащие сселению. К первой группе было отнесено 820 населенных пунктов, ко второй — 1646, к третьей — 6648. В селениях третьей группы всякое новое строительство было запрещено. Через три года — в марте 1978 г. — облисполком вернулся к этому вопросу, и седьмая сессия областного Совета 12 октября 1978 г. отметила, что в Арбажском, Кирово-Чепецком, Куменском, Мурашинском, Свечинском, Подосиновском, Советском, Сунском, Тужинском, Свечинском и Шабалинском районах сселение семей из мелких населенных пунктов проводится особенно неудовлетворительно, а застройка центральных усадеб колхозов и совхозов ведется некомплексно. Значительное число жилых домов строится без коммунальных удобств и не отвечает современным архитектурным требованиям. Резко отстает строительство инженерных сетей.

Отмечая сегодня экономические преимущества укрупнения сельских поселков, где проведена концентрация сельскохозяйственного производства и при этом значительно снижены удельные капиталовложения на жилищное и культурно-бытовое строительство и инженерное оборудование территории, необходимо указать и на отрицательные последствия сселения. Ликвидация огромного числа деревень коренным образом изменила уклад жизни жителей, разорвав психологические связи, традиции, привязанность к своему дому, селу, нарушила устойчивость и определенность родственных связей. Сейчас всем стало ясно, что в социально-психологическом плане ликвидация неперспективных сел без опережающего переустройства центральных поселков, на что требовалось 15—20 и более лет, стимулировала выезд населения, особенно молодежи и квалифицированных специалистов, из «неперспективных» сел в города, минуя села перспективные. В итоге к началу 1995 г. на территории области осталось 5019 сельских населенных пунктов, а с постоянно проживающим населением — 4333, из которых в 1641-м живет от 1 до 10 человек, а в 831-м — от 11 до 25, в основном престарелых и пенсионеров. Численность сельского населения составляет сейчас 498,8 тысячи человек при общей численности жителей области 1695,7 тысячи человек.

Попытки урегулировать процессы миграции в так называемых схемах сельскохозяйственной районной планировки, довольно

слабо увязанных с перспективой развития сельскохозяйственного производства и промышленности, имели незначительный успех.

Еще в 1950-х гг. основным на селе был традиционный многоквартирный дом. Его неблагоустроенность (она сохранилась и доньше у преобладающей доли жилого фонда на селе) порождала стремление повысить плотность застройки сел и обеспечить тем самым снижение стоимости инженерных сетей. Под влиянием этого и других факторов, в том числе и наличия производственной базы строительных организаций, рассчитанной на городское строительство, на селе получила довольно большое распространение многоэтажная жилая застройка. Она исключила возможность иметь при доме земельные участки и надворные постройки для личного подсобного хозяйства. Этот тип застройки вызывал многочисленные споры, но тем не менее распространение получил, что в определенной степени повлияло на отрыв части сельских труженников от земли, превратив их из производителей сельскохозяйственной продукции в потребителей.

К 1980 году все колхозы и совхозы области имели проекты планировки и застройки центральных усадеб, разработанные на основе нескольких основных принципов:

- общественный центр сельского поселения должен занимать господствующее положение по рельефу с тем, чтобы его здания в застройке выполняли роль архитектурных доминант;

- к общественному центру и площади от въезда в поселок должна вести главная улица, размеры которой и характер благоустройства должны придать ей особое значение в архитектурно-планировочной структуре поселка;

- должно быть обеспечено стилевое единство жилых и общественных зданий;

- требования функционального и строительного зонирования должны быть соблюдены при максимальном учете особенностей ландшафта;

- на каждом этапе застройки она должна быть комплексной с учетом всестороннего обслуживания населения.

Эти принципы нашли отражение в проектах планировки и застройки центральных усадеб ряда совхозов Кирово-Чепецкого района: «Филипповский» (с. Широковцы), «Кировский» (с. Бахта), «Поломский» (с. Малый Канып), как и многих других совхозов области. Архитектурно-планировочные решения комплексной застройки в проектах центральных усадеб обеспечили разнообразие объемно-пространственных композиций поселков и их общественных центров. За счет совершенствования планировочных решений и вариантности повышено качество фасадов проектов домов усадебного типа. В проектах общественных зданий учтены прогрессивные формы обслуживания сельского на-

селения. Повысился уровень экономических обоснований проектных решений сельскохозяйственных производственных объектов с учетом как единовременных, так и эксплуатационных затрат. Так были запроектированы крупные животноводческие комплексы в совхозах «Филипповский», «Перекоп», «Кировский», «Кстининский», «Поломский» Кирово-Чепецкого района, в совхозах «Татауровский» Нолинского района и «Шалеговский» Оричевского района, а также птицефабрика на три миллиона бройлеров в совхозе «Кстининский».

За годы 10-й пятилетки (1976—1980 гг.) на жилищное и культурно-бытовое строительство в сельской местности израсходовано 372,2 миллиона рублей капитальных вложений — в 1,9 раза больше, чем в 9-й пятилетке. Введены в эксплуатацию жилые дома общей площадью 1,5 миллиона квадратных метров, школ на 29,3 тысячи учеников. В колхозах и совхозах газифицировано 75 процентов жилых домов. Построено 354 километра сетей водопровода, 15 километров канализации. Строятся поселки, в которых создаются близкие к городским условия по благоустройству. В действие введено 1385 километров автомобильных дорог с твердым покрытием. Почти в три раза — до 195 тысяч квадратных метров жилья в год — возросли мощности панельного домостроения. Промышленные предприятия поставили колхозам и совхозам для жилищного строительства 25 тысяч деревянных домов и срубов.

В архитектуре сельских жилых и общественных зданий в этот период заметны три основных направления: традиционное деревянное зодчество, современное народное зодчество и индустриальное домостроение. Первые два направления характерны для индивидуального жилищного строительства; для строительства за счет средств колхозов или государства (в совхозах) типично и индустриальное, и традиционное строительство.

На протяжении целого ряда лет усадебному типу сельского жилища не уделялось должного внимания. С одной стороны, это объяснялось стремлением обеспечить село жильем, а этому отвечало строительство многоэтажных домов индустриального изготовления. С другой стороны, создание мощных животноводческих комплексов и птицефабрик порождало мнение, что в области нет уже крестьянина, а есть сельскохозяйственный рабочий, которому не нужно подсобное хозяйство. Результат — среди многоэтажной сельской застройки появились целые «городки» из сарайчиков весьма неприглядного вида: местные жители вопреки мнению специалистов из города продолжали держать скот и вокруг сарайчиков вскапывали землю под огороды. Создание уже в проекте условий для личного подсобного хозяйства стало очевидной необходимостью. Традиционный усадебный дом с хозяйственными постройками и садово-огородным участком оказался перспективным, и теперь

совершенствованию его объемно-пространственных решений и планировке архитектуры уделяют больше внимания.

Когда речь заходит о строительстве усадебных домов, часто встречается даже в специальной литературе термин «коттедж». Принципиально неверное употребление этого термина в значении сельского усадебного дома видно из определения, которое он получил в словаре русского языка С. И. Ожегова. Слово «коттедж» определяется здесь как «небольшой благоустроенный дом в пригороде, в рабочем поселке» — никакого отношения к сельскому укладу «коттедж» не имеет. И это понятно, ведь дом-усадьба — это не только жилье, но и целый комплекс хозяйственных и подсобных помещений, непосредственно связанных с сельскохозяйственным производством. Известный исследователь народного сельского жилища профессор В. Д. Мачинский отмечал, что «крестьянская постройка — это не столько жилье, сколько хозяйственное устройство, в ней изба — только часть единого целого, всей усадебной застройки, преследующей производственные цели, а не только жилищные. Поэтому характеризовать крестьянское строительство, значит, выяснить характер его усадебной застройки и планировки в целом, а не какой-либо постройки в отдельности, хотя бы это была сама изба»¹.

Удельный вес хозяйственных помещений современной усадьбы, безусловно, меньше, чем традиционной крестьянской, но роль, которую они играют в укладе сельской жизни, достаточно значительна, а следовательно, велико и их влияние на архитектурно-планировочную структуру сельского усадебного дома.

В конце семидесятых — начале восьмидесятых годов в области развевывалось строительство жилых домов индустриального изготовления — крупнопанельное строительство на основе легких бетонов и заводское домостроение на основе древесины. Наряду с этим ведущими направлениями развивалось и крупноблочное, и монолитное строительство. Появились новые архитектурные формы. Поиск выразительности архитектурного облика сельского жилища стал важнейшим: многие поселки уже были застроены безликими жилыми зданиями, их улицы выглядели уныло и однообразно. Проекты как типовые, так и индивидуальные в своей основе оказались неполноценными по художественному замыслу, архитектурные формы их не выражали тектоники крупнопанельной системы, а попытки улучшить впечатление вариантами фасадов, как правило, были обречены на неудачу. Традиционные формы народного жилища — крыльцо, четырехскатные крыши, нарядные наличники — уместны лишь для домов из дерева или кирпича. Искусст-

¹ Мачинский В. Д. Крестьянское строительство в России. М., 1924.

венное сохранение этих форм в панельных домах механистично и воспринимается, как стилизаторство и украшательство.

Крайне ограниченная номенклатура жилых домов и общественных зданий, освоенная сельскими домостроительными предприятиями, не позволяла вести комплексную застройку поселков в соответствии с утвержденными генпланами, вызывала многочисленные корректировки принятых планировочных решений и все-таки приводила к утрате архитектурного качества и выразительности застройки.

Под влиянием рекомендаций всесоюзного совещания-семинара по передовому опыту комплексной застройки поселков колхозов и совхозов (октябрь 1976 г., г. Горький) и придавая большое значение проверке проектных предложений практикой, Кировский облисполком 6 октября 1981 года принял решение об экспериментально-показательной застройке поселка Костино, центральной усадьбы совхоза «Красногорский» Октябрьского района г. Кирова. Практикой предстояло проверить предложенные архитектурно-планировочные решения поселка, типовые и индивидуальные проекты жилых домов из местных строительных материалов, различные типы хозяйственных построек для скота и птицы, разнообразные элементы отделки жилых домов и благоустройства поселка, а также и методы организации строительства.

По генеральному плану, разработанному институтом «Кировгипрогорсельстрой», поселок формируется вокруг пруда, к которому обращены фасады общественного центра: школы, дома культуры, торгового центра, детского сада, жилых 3-5-этажных домов, административного центра совхоза (рис. 178). С восточной стороны поселка на берегу пруда размещен экспериментальный квартал усадебных домов с хозяйственными постройками и земельными участками. Выбор оптимального варианта архитектурно-планировочного решения квартала, типов домов из различных материалов и их композиционное размещение определены научными исследованиями и крупномасштабным макетированием домов и застройки, выполненными сотрудниками кафедры архитектуры и студентами архитектурного бюро Кировского политехнического института. Рабочий проект застройки выполнили специалисты института «Кировгипрогорсельстрой» и Кировского центрального межколхозного проектного института В. И. Кропачев, В. И. Борцов, Г. П. Кузницын, А. Е. Шкледа и Т. П. Бобкова.

В поселке по типовым и индивидуальным проектам построен 21 дом, в том числе 16 многоквартирных и 5 двухквартирных. Каждый из них имеет свой индивидуальный архитектурно-художественный облик (рис. 179—181).

Итог эксперимента убедительно доказал преимущества комплексной застройки, ее экономическую и социальную эффектив-

ность. Проект застройки поселка Костино был удостоен Диплома I степени ВДНХ СССР, проектировщики института «Кировгипрогорсельстрой» награждены золотой, серебряной и бронзовой медалями, а авторский коллектив архитекторов и строителей выдвинут на соискание Государственной премии СССР. Архитектура поселка получила широкое признание, и в области была принята программа внедрения опыта комплексной застройки на 1986—1990 гг. во всех 39 районах. Лучшим следствием эксперимента стала комплексная застройка многих поселков в нескольких районах — поселков, ставших эталонами переустройства села: село Кочкино совхоза «Лесной» Верхнекамского района, деревни Марковцы совхоза «Киселевский» Кирово-Чепецкого района, поселка Краснооктябрьский колхоза «Красный Октябрь» Куменского района. В этот период большое внимание было уделено индивидуальному проектированию новых общественных и культурно-бытовых зданий на селе: домов культуры, детских садов с крытыми бассейнами, школ с универсальными залами на 50—75 мест, предприятий торговли и лечебно-профилактических учреждений. Один из индивидуальных проектов школы на 72 ученика с автономным спортзалом приведен на рис. 182.

В январе 1989 г. облисполком принял «Программу-50», программу ускорения развития пятидесяти колхозов и совхозов области. В проектировании комплексной застройки приняли участие восемь проектных институтов и главное управление архитектуры и градостроительства области. Дополнительно были выполнены индивидуальные проекты жилых домов усадебного типа с архитектурно-художественным решением их фасадов — одно- и двухквартирные, в один и два этажа, из бруса, арболита, газосиликатных блоков, крупноблочные, крупнопанельные и монолитные. Примеры их показаны на рис. 183, 184.

Наибольший эффект переустройства, реконструкции и обновления сельских поселений возникает тогда, когда переустройство производится на базе повышения эффективности сельскохозяйственного производства. Так производилось обновление центральных усадеб совхоза «Роговский» Слободского района, «Васичевский» Советского района, «Бельский» и «Россия» Фаленского района, «Прокопьевский» Белохолуницкого района, колхозов «Восход» Даровского района, «Нива» Оричевского района, «Новая жизнь» Яранского района. Планировка и застройка этих населенных пунктов — пример правильного подхода к комплексному решению архитектурно-планировочных и одновременно социально-экономических задач в сельском жилищно-гражданском строительстве. Однако эти положительные примеры перестройки и реконструкции сел при достаточно высоком уровне архитектуры и строительства по причине резкого снижения финансирования в последние годы

не получили, к сожалению, достойного завершения. Сегодня многие объекты: школы, детские сады, общественные и административные центры, жилые дома, дороги, благоустройство находятся в критическом состоянии, когда требуется либо срочное завершение строительства, либо консервация.

Новые экономические условия функционирования сельскохозяйственного производства требуют очередного переосмысления проектной практики и поиска других подходов к методологии проектно-планировочных решений и совершенствования архитектуры села.

Современное состояние экономики и строительства напоминает нам историю Вятской земли XIX века, отраженную Матвеем Песковским в 1901 году: «Теперь край этот находится под давлением «недорода» хлеба, убыли скота и других невзгод — и как бы заснул, оцепенел. Но зная историю края, все его прошлое с момента зарождения, мы имеем право сказать, что это не сон, а только легкая дремота: стоит только дать начальный толчок к проявлению жизни и деятельности, стоит только немного облегчить условия к проявлению общественного почина и самодеятельности — и край оживет».

АРХИТЕКТОРЫ

А. Г. ТИНСКИЙ

ИНЖЕНЕР-АРХИТЕКТОР В. М. ДРУЖИНИН

9 декабря 1840 года в Рязани в семье канцеляриста родился сын, по семейному обычаю названный в честь деда Василием. Когда ему исполнилось одиннадцать лет, отец Михаил Васильевич Дружинин в поисках места и сносного жалованья перевез семью в Вятку, где получил должность бухгалтера в строительном отделении губернского правления. В 1859 году, когда восемнадцатилетний Василий заканчивал пятый класс Вятской гимназии, в Петербургском строительном училище появилось вакансия¹, и отец обратился с прошением к губернатору: в семье подрастало еще четверо, и скромное жалованье бухгалтера не позволяло дать всем им приличное образование. Выдержав строгий экзамен, Василий поступил в училище — на казенный кошт, но за счет другой губернии. Это означало, что после окончания курса он должен будет отработать 6 лет в этой губернии. Через два года, правда, казеннокоштный воспитанник Василий Дружинин был переведен на открывшуюся вакансию Вятской губернии.

В июне 1864 года он окончил курс строительного училища главного управления путей сообщения и публичных зданий и был выпущен архитектурским помощником с чином X класса (губернским секретарем). Чин этот присваивался только при отличных успехах и давал право на получение в будущем звания инженер-архитектора. Молодой архитектурский помощник был отправлен в распоряжение заведующего строительной и дорожной частью Восточной Сибири на строительство Кругобайкальской железной дороги. Через четыре года работы Дружинин получил разрешение держать экзамен на звание инженер-архитектора. Выполнив конкурсный проект на заданную тему «Балочный металлический мост через Обводный канал на линии Царскосельской железной дороги» и отлично защитив его, архитектурский помощник стал инженер-архитектором. Полные двенадцать лет отслужил он в системе Техническо-строительного комитета министерства внутренних дел и за это время «построил Кругобайкальскую дорогу», как напишет позже «Юбилейный сборник о деятельности бывших воспитанников ин-

---

¹ За счет губернии в училище одновременно могло обучаться два кандидата.

ститута гражданских инженеров». Вернувшись в Вятку, он занял должность архитектора Вятского губернского земства и одновременно исполнял обязанности городского архитектора. В первые годы ему приходилось больше заниматься чисто инженерными делами — мосты, дренажи, дороги. Уже в конце семидесятых годов его время занимает архитектурное проектирование. Первым из дипломированных вятских архитекторов он начинал в 1874 году земскую кампанию по распланировке селений, растянувшуюся на долгие годы. Как городской архитектор, В. М. Дружинин в 1876 году «исправляет согласно правилам архитектуры» проект каменного дома на Спасской улице (ул. Дрелевского, 31) и проект дома братьев Ивановых на Вознесенской (ул. Ленина, 90). В 1880 году ведет надзор за постройкой домово́й церкви Епархиального женского училища (проект архитектора А. С. Андреева) и выполняет для нее рисунок иконостаса.

В 1883 году он оставляет службу в земстве и переходит в штат строительной комиссии губернского правления, исполняя поначалу обязанности младшего архитектора, младшего инженера. «Архитектору для производства работ» — так называли эту должность — редко удавалось что-либо проектировать самому. Обычно поручали небольшие и несложные постройки, и Василий Дружинин, а ему уже 42 года — тоже начинает с проектов часовен — для села Бахтинского, деревни Чемодановой и других дальних вятских деревень. Своеобразное испытание «малыми архитектурными формами», как сказали бы сейчас, продолжалось недолго, всего лишь год. Из Вятки уезжает автор проекта деревянного здания концертного зала-театра архитектор И. В. Нефедьев, и Дружинина утверждают в должности губернского инженера. Отныне он получает большую свободу и самостоятельность. В течение нескольких ближайших лет по его проектам было начато строительство и перестройка храмов в селах Арбаш (Котельничский уезд), Куршаково (Уржумский уезд), Елево, Чепца, Коса, Совье (Слободской уезд), Верхняя Просница. По его чертежам выстроен соборный храм в Глазове. К числу его лучших работ в этот период относится проект Троицкого собора в Уржуме, выполненный им в 1890 году (строительство собора велось с 1894 по 1900 год). После реставрации храм этот возвращен православной церкви и уже ряд лет используется по своему первоначальному назначению (фото 191). Безусловно интересной работой архитектора в этот период был проект церкви женского монастыря в Слободском, который сам он назвал «проектом внутренней отделки монастыря». Можно утверждать, что именно в нем наиболее полно раскрылись особенности творческого метода мастера, прекрасно чувствующего органическое единство функции и архитектурной формы, материала и конструкции.

В 1890 году по заказу владельца кожевенного завода

В. М. Дружинин закончил проектирование Вознесенского храма для села, которое по церкви и назвали Вахрушево-Вознесенским. Четверик холодного храма архитектор продолжает высоким восьмериком, характерным для ряда храмов второй половины восемнадцатого века, но завершает его трехступенчатой пирамидой килевидных закомар-кокошников и традиционным пятиглавием, сгруппированным настолько плотно, что кажется собранным «в горсть». Найденное еще в середине XVIII века строителями Преображенского храма на Великой реке и Троицкого на Быстрице решение позволило ему добиться поразительного эффекта устремленности вверх, как бы вознесения к «небу», ярко освещенному — среди темноты восьмерика — солнечным лучом через световые проемы центрального барабана. За постройку храма владелец завода получил в общей сложности пять золотых и две серебряных медали, надо полагать, что не только за примерную заботу о нравственности рабочих; чего-то стоила и работа архитектора. К сожалению, храм не сохранился; не обнаружены и его чертежи.

В начале девяностых годов в активе губернского архитектора уже была постройка новых и перестройка ранее построенных храмов в селах Бахта и Коршик, каменных церквей в Соломенском, Верхней Проснице и в селе Муши, деревянных церквей в Крестах, Турме, Ивановском (Яранский уезд). В 1894 году вышел в отставку губернский инженер А. С. Андреев, и в составе строительного отделения произошли изменения — освободившуюся должность губернского инженера занял Василий Михайлович Дружинин (фото 190), а губернским архитектором стал И. А. Чарушин. Повышение в должности статского советника Дружинина, к этому времени уже дважды награжденного за беспорочную длительную службу орденами Анны и Станислава второй степени, было признанием его заслуг. Ему 54 года, он еще полон энергии и сил. Должность губернского инженера более престижная, но в большей степени административная, и Дружинин проектирует все меньше и меньше. В 1896 году его неожиданно заменяют неизвестным в Вятке архитектором А. Х. Тиденом, значительно более старшим по возрасту; прослужив лишь год и не оставя никаких следов своей вятской деятельности, Тиден оставил службу. Его преемник К. А. Лешевич исчез с вятского горизонта так же быстро. Три года В. М. Дружинин исполнял должность вятского городского архитектора, не будучи даже утвержденным в этой должности. «Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1902 год» в разделе хроники поместила краткую заметку: «В городе Вятке 22 декабря 1900 года скончался вятский губернский инженер Василий Михайлович Дружинин». Некролог поместили не «Вятские...», а «Вологодские епархиальные ведомости». Как позже определили вятские старожилы, умер Дружинин от цирроза печени.

Потеряла Вятка талантливого гражданского инженера и ар-

хитектора. Кем же был он, отлично закончивший строительное училище и выпущенный в звании архитекторского помощника, а позже удостоенный звания инженер-архитектора? Получивший богатую и инженерную и архитектурскую практику? Думается, он был и тем, и другим. Но сначала — инженером. Конструкции его зданий и сооружений просты, видимы, ощутимы: вот столб (колонна), балка, свод. Глаз неискушенного зрителя видит, как передают они последовательно все возрастающую тяжесть — все дальше и дальше, до фундамента, до «грунта земли», как говорили тогда. В архитектуре есть такое понятие — архитектоника. Можно понимать его как выявление конструктивной схемы здания, взаимосвязи несомых и несущих частей.

В. М. Дружинин — мастер архитектоники. Он ничего не прячет, не маскирует, его замыслы открыты. Если А. Л. Витберг — художник в первую очередь — находил пространственное решение «от рисунка», то Дружинин идет к нему «от конструкции». И только потом он — архитектор — придает конструкции художественно воспринимаемую форму. Столб превращает в колонну.

В. М. Дружинин умел размышлять, анализировать, совершенствоваться. Его статьи появлялись в «Сибирском вестнике», их охотно печатал профессиональный и почитаемый архитекторами и гражданскими инженерами столичный журнал «Зодчий». На Руси не было слова «инженер»; по сути дела, означает оно только мастерство, высокое мастерство. На Руси в ходу было другое слово, более точно определяющее суть инженерной и архитектурской работы — «розмысл», умеющий размышлять. Дружинин и был розмыслом.

Б. В. ЗЫРИН

АРХИТЕКТОР-ХУДОЖНИК И. А. ЧАРУШИН

Иван Аполлонович Чарушин родился 24 февраля 1862 года в городе Орлове Вятской губернии. Закончив в Петербурге архитектурный факультет Академии Художеств, он на конкурсной основе выполнил академический проект для получения степени архитектора-художника первого класса. В Вятской губернии начал работать губернским архитектором с 1894 года. Еще в юношеском возрасте, познакомясь с архитектурой Вятки, он в какой-то степени проникся ею. Там, в Академии Художеств, он систематизировал свои юношеские впечатления, сопоставляя архитектуру провинциальной Вятки с архитектурой столичных и других российских городов. Вернувшись на родину, он уже имел представление о том,

что тут придется делать, что совершенствовать и что сохранять. Выполнял заказы Епархиального ведомства, купеческой верхушки и губернского земства. Ярким примером этого явились осуществленные им проекты реконструкции и расширения здания Вятской женской гимназии, строительство в городе Ижевске Михайло-Архангельского собора и множества других зданий.

Чарушин был вполне подготовлен к своей служебной деятельности академическими учебными программами. Он получил конкретную зарядку для укрепления своим архитектурным творчеством монархической государственности. Но следуя общественным идеалам своих старших братьев, он активно включился в выполнение земской программы роста народного благосостояния. Такая двойственность творческого подхода была характерна для дореволюционного периода его деятельности. В начальный период преобладает первая тенденция (к ней мы относим и сооружение памятника Александру Третьему в сквере собора (1896 год), и прямое участие в подготовке и праздновании трехсотлетия династии Романовых, проектирование юбилейной Федоровской церкви (1913—1915 гг.). В это же время Чарушин проектирует много земских школ по всей губернии, перестраивает и возводит новые православные приходские церкви. И. А. Чарушин после революции легко вступил в новую жизнь. Одним из первых прежних губернских чиновников включился он сначала в восстановление, потом в новое строительство зданий различного назначения, теперь уже для народа. Такой резкий переход не стал профессиональной неожиданностью. Чарушин никогда не был приверженцем ни одного какого-либо направления в строительстве, ни одного архитектурного стиля. Еще до революции он легко переходил от стилизаторства и эклектики к любому стилю вплоть до проб в стиле «модерн». Все это у него органически совмещалось и сосуществовало. Творчество Чарушина нельзя разбить на периоды, в которых он отдавал бы предпочтение одному стилю или одному только направлению строительства.

С 1 февраля 1918 года начинается служба И. А. Чарушина Советской власти — сначала в строительном отделе при Вятском губисполкоме, в губернском подотделе Комитета государственных сооружений, а после его упразднения — с 1922 по 1930 год — в Вятском кожевенном тресте по восстановлению и реконструкции кожевенных заводов губернии (фото 185). По его проектам выстроены заводской корпус, силовая подстанция и многоквартирный дом для рабочих кожевенного комбината в Вахрушах, реконструирован шубный завод, выстроен производственный корпус и контора первого кожзавода в Вятке, построены клуб и кинотеатр в поселке комбината им. Коминтерна. Тогда же по его проекту был благоустроен сад «Аполло», в котором выстроены летний театр, эстрада и летний ресторан. По отзывам современников, тогда сад «Аполло» стал лучшим в городе.

В тридцатых годах Чарушин возглавляет проектный сектор треста «Вяткомстрой», группу архитекторов в проектной конторе горсовета (с 1938 года — в конторе «Облпроект»). В 1934 году по его проекту в саду им. Степана Халтурина спешно, всего за три месяца выстроен летний деревянный театр (черт. 187), зал которого на 1200 мест имел великолепную акустику (разобрали его в 1962 году). Безусловной удачей архитектора был конкурсный проект Центральной гостиницы для города Кирова, выполненный в 1935 году. Построенная в 1937 году, она стала одним из самых значительных сооружений И. А. Чарушина за все годы его длительной архитектурной деятельности.

В 1935 году И. А. Чарушин во главе бригады проектировщиков выполняет конкурсный проект Дома Советов для города Кирова. Проект получил вторую премию, к производству не был принят. Можно утверждать, что этот проект был очень серьезной работой архитектора, имевший ряд несомненных достоинств.

Тогда же архитектор проектирует гостиницу в Воткинске, в Халтурине (Орлове) — Дом культуры¹, в Кирове надстраивает третий этаж над своим же зданием государственного банка, выполняет проект реконструкции помещений бывшего Народного дома, занятых тогда кинотеатром «Октябрь», приспособляя их для театра юного зрителя².

На протяжении многих лет Иван Аполлонович вел большую преподавательскую работу в школе десятников и в мелиоративном техникуме, где он читал курс «Строительное искусство»; тогда же написал учебник по курсу «Части зданий». Его статьи на злободневные для строительства темы появлялись в «Вятской правде», его лучшие проекты публиковались на страницах «Строительной газеты» и «Правды». Он первый из кировских архитекторов в сентябре 1936 года стал членом Союза архитекторов СССР и участвовал в первом съезде архитекторов страны. 11 сентября 1944 года на заседании президиума Кировской организации Союза архитекторов СССР восьмидесятидвухлетний архитектор сделал сообщение о начатой им большой литературной работе по истории архитектуры и строительства.

29 июля 1945 года Ивана Аполлоновича Чарушина не стало. Похоронен он на Лобановском кладбище города Кирова.

---

¹ Строительство Дома культуры было закончено после войны с некоторыми изменениями, внесенными в проект архитектором Г. М. Лихачевым, тогда главным областным архитектором.

² Впоследствии эти помещения подвергались перестройкам еще два раза — в 1960-х и в 1987-х г.

АРХИТЕКТОР-ХУДОЖНИК Н. И. КОЗЛОВ

Никита Иванович Козлов родился 16 апреля 1900 года в г. Иловой Тамбовской области. Окончил в Москве Всероссийский художественно-технический институт (Вхутеин) в 1928 году. Архитектор-художник. Работать по специальности начал в качестве инженера-проектировщика в тресте «Древстрой» в Москве, затем в должности главного архитектора проектного института «Гипролес-пром». Познакомившись с А. В. Щусевым, переходит в архитектурно-строительный отдел по проектированию зданий Академии Наук в Москве, под его начало. Работа под руководством такого мастера архитектуры, каким был Щусев, позволила Н. И. Козлову пройти хорошую школу, приобрести опыт и авторитет среди столичных архитекторов. По некоторым семейным обстоятельствам он в 1937 году оказался в Кирове в качестве руководителя архитектурной группы только что организованной областной конторы. С началом Великой Отечественной войны ушел на фронт архитектор Е. И. Громаковский, и Н. И. Козлов вступил в исполнение освободившейся должности главного архитектора города Кирова (фото 186). В этой должности он оставался до 1960 года. На его плечи легла послевоенная достройка Дома Советов, где по замыслу и чертежам Громаковского, где по собственным чертежам. Он выполнил намеченный в проекте своего предшественника четырехэтажный объем главного вестибюля с его лестницами, по своему проекту выстроил двухсветный зал заседаний с антресолями. Руководил сложными работами по окончательному решению планировки Театральной площади с устройством сквера перед драмтеатром. Это была сложная и ответственная работа — оформлялся административный центр областного города. Но главная заслуга Н. И. Козлова — развитие и застройка исторического города. За этим он следил всегда внимательно и строго, сохраняя историческую планировку, надлежащий вид улиц и их благоустройство, старался так организовать застройку зданиями по типовым проектам, чтобы она не вызывала чувства однообразия и унылости.

Продолжая обстройку Октябрьского проспекта к северу от улицы Розы Люксембург, он поднял существовавшую здесь малоэтажную застройку до четырех-пятиэтажной. Устроил бульвар по оси проспекта, разделив движение в противоположных направлениях (фото 138). На проходящей через центр города улице Карла Маркса Козлов в 1954 году надстроил здание редакции газеты «Кировская правда» и архитектурно оформил его фасад. На противоположной стороне улицы он построил два многоэтажных жилых дома (в одном из них ныне размещается общежитие Вятского

государственного технического университета). Надстроил выходящий на Театральную площадь фасад школы № 22. На углу с улицей Профсоюзной по его проекту поставлено крупное административное здание «Кировлеспрома». На улице Ленина по проектам Н. И. Козлова осуществлена реконструкция комплекса зданий бывшего «Кожполитехникума» (дом № 99).

Н. И. Козлов прибыл в Киров уже зрелым архитектором, имея большой опыт практической работы и весь этот опыт отдал городу.

Умер Никита Иванович Козлов 12 августа 1968 года и похоронен на почетном месте нового Макарьевского кладбища.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АРХИТЕКТОРАХ

АЛЕКСАНДРОВ БОРИС ИВАНОВИЧ (1896, Вятка — 1962, Киров), техник-архитектор. Учился во Всесоюзном заочном индустриальном институте (Москва) в 1934—1941 гг. Работал в строительстве с 1918 года, в проектных организациях с 1923 года. Член Союза архитекторов СССР с 1938 года, ответственный секретарь Кировского отделения в 1944—1952 гг. Автор проектов ряда жилых домов, школ, промышленных зданий, в том числе роддома № 2 в Кирове, Дома инвалидов в Малмыже, Дома художников в Кирове, расширения Центральной гостиницы.

АНАНЬИН ЯКОВ АНАНЬЕВИЧ (1740, Петербург — ?), архитектор. Обучался в команде архитектора В. В. Растрелли. С осени 1779 по 1794 г. губернский архитектор в Нижнем Новгороде. Автор проекта деревянного генерал-губернаторского дворца в Вятке (1780). В мае 1782 назначен на должность вятского губернского архитектора по совместительству. С 1794 — вольноопределяющийся архитектор в Нижнем Новгороде (до 1797) и в Торме.

АНДРЕЕВ АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ (1829, Ярославль — после 1905, Вятка), архитектор. Окончил Строительное училище в Петербурге в звании архитекторского помощника, в 1875 г. удостоен звания инженер-архитектора. В Вятке служил в должности архитекторского помощника (1851—1857), начальника искусственного стола (1857—1859), епархиального архитектора (1859), архитектора для производства работ (1860—1865), младшего архитектора губернской строительной и дорожной комиссии (1865—1867), губернского архитектора (1868—1884), губернского инженера (1876—1894). Вышел в отставку в 1894 г.

АНДРЕЕВСКИЙ НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ (1786—1821, Вятка), архитектор. Окончил Академию Художеств с почетной шпагой и аттестатом первой степени в 1806. Архитектор Воткинского, Ижевского, Гороблагодатского и Туринского заводов. Вятский губернский архитектор с 1813 по 1821. Автор проектов дома Жмакиной (ул. Дрелевского, 41-а), дома П. П. Москвитина (ул. Герцена, 1/79), комплекса зданий Вятской городской больницы (не осуществлен).

АНДРИЕВСКИЙ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1839, Полтавская губерния), архитектор. Окончил Петербургское Строительное училище в звании архитекторского помощника в 1860. В Вятке служил в должности

архитектора для производства работ (1860), младшего инженера Строительного отделения губернского правления (1860—1866), губернского земского архитектора и городского архитектора (1867—1877). Переведен в Петербург.

АНИСИМОВ МИХАИЛ АНКИДИНОВИЧ (около 1770, Глазов), учитель рисования, уездный землемер. Окончил Вятскую духовную семинарию в 1791. Неоднократно привлекался Ф. М. Росляковым «к деланию архитектурских планов и фасадов и составлению смет», снимал с натуры «виды» уездных городов. Исправлял должность губернского архитектора с 1810 по 1813 и в 1821.

БЕКАРЮКОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ, архитектор.

Ученик школы московского архитектора Д. В. Ухтомского с 1744, в 1752 — «гезель архитектуры». В 1769 в Вятке проектирует и строит по своему проекту колокольню Кафедрального собора.

БОГДАНОВ ИВАН, архитектор казенных зданий в Вятке. В журнале попечительского совета училища детей канцелярских служащих отмечен, как проявивший усердие в устройстве здания училища в 1830 (совр. медицинское училище, ул. Дрелевского, 40/79).

БУХГОЛЬЦ МАТВЕЙ АЛОНЗИЕВИЧ (1860, Вильно — после 1930, Слободской), гражданский инженер. Окончил Строительное училище (Петербург) в 1885. В Вятке служил в должности младшего архитектора строительного отделения при губернском правлении (некоторое время исполнял обязанности губернского архитектора) с 1891 по 1917 год, после революции — в Комгосооре (1918—1922) и в городе Слободском (управление строительного контроля, 1929). Автор более двухсот проектов.

ВЕДЯНИН ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ (1885, с. Кырчаны, Вят. губ. — 1950, Ленинград ?), архитектор-художник. В Вятке в должности губернского инженера (1924—1928), начальника управления строительного контроля (1929). Автор проекта расширения здания Госбанка (1927), соавтор нескольких проектов домов для рабочих (1925).

ВИТБЕРГ АЛЕКСАНДР ЛАВРЕНТЬЕВИЧ (1787, Петербург — 1855, там же), архитектор и художник. Окончил Академию Художеств по классу живописи в 1809, архитектуру изучал самостоятельно. Автор конкурсного проекта храма-памятника в честь победы в Отечественной войне 1812 (заложен в 1817 на Воробьевых горах в Москве, не выстроен). В 1835—1840 находился в вятской ссылке. Автор проекта Александрово-Невского собора в Вятке (1839—1864), ограды и портала Александровского (ныне Степана Халтурина) сада, нескольких выполненных в ссылке живописных работ и неосуществленного проекта музея и публичной библиотеки.

ВЕРТЯЧИХ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ, горный инженер. Заведующий кирпично-гончарным заводом губкоммунотдела в Вятке (1922), инженер отдела огнестойкого строительства губернского земельного управления (1925). Автор проекта жилого дома врача Никольского (около 1908) на ул. Карла Маркса, 105 в Вятке.

ГЛАЗЫРИН АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ (1829, Вятка — ?), архитектор. Окончил Строительное училище в Петербурге (1849). В 1851 переведен в Вятку из Калуги. В 1851—1860 служил в должности архитектора для производства работ и одновременно исполнял обязанности городского архитектора. В 1860—1864 исполняет обязанности губернского архитектора. Автор проекта дома Спасского собора (совр. № 67 по ул. Большевиков). Переведен в Полтаву.

ГОРБУНОВ ИВАН ИВАНОВИЧ, гражданский инженер. Архитектор Белохолуницкого завода, с ноября 1910 — вятский губернский земский архитектор. В начале 1920-х гг. представляет Вятскую техническо-строительную контору губсовнархоза в Омутнинске. Автор проектов ряда земских зданий: каменных мастерских реального училища в Вятке (1911), здания бактериологической лаборатории (1913).

ГОРНОСТАЕВ ДМИТРИЙ ЗАХАРОВИЧ, инженер-технолог, техник губернского земства (1881—1902), губернский дорожный инженер (1902—1915). Автор более двадцати опубликованных работ по повышению огнестойкости сельского строительства, распланированию селений, развитию кустарной промышленности.

ГОРЯЧИХ ИВАН ПАВЛОВИЧ (1888, с. Курчум Нолинского уезда), инженер-технолог по строительным материалам. Окончил Петроградский технологический институт. Сотрудник, заведующий секцией сельского строительства губернского земельного управления (1915) и губсовнархоза (1920).

ГРОМАКОВСКИЙ ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ (1906, г. Орел — 1945, действующая Советская Армия), архитектор. Окончил Ленинградский институт инженеров коммунального строительства в 1933. В г. Кирове работал с 1935: архитектор проектной мастерской горсовета, главный архитектор проектной мастерской (1935—1936), главный архитектор города с 1936. Автор осуществленных проектов жилого дома горсовета и больницы в Чебоксарах, жилого дома горсовета с магазином «Главрыбы» (угол улиц Большевиков/Московской, 1939), жилого дома облисполкома с магазином «Гастроном» на Театральной площади (1940), магазина «Обувьсыта» на улице Ленина, 95-а (1938), жилого дома жилищкооперации на ул. Володарского, 99-а (1940), Дома Советов (1937—1949). Автор проекта планировки Театральной площади.

ГУСЕВ ВАЛЕНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ, инженер-строитель. В 1909—1913 младший архитектор строительного отделения губернского правления. Соавтор (с Яголковским Ф. Ф.) проекта дома Г. К. Бока (Московская ул., 17, встроен в современный четырехэтажный дом).

ДВОРЖЕЦКИЙ ИВАН ФИЛИППОВИЧ (1834—?), архитектор. Окончил Строительное училище в Петербурге в 1858. В Вятке служил с 1858 по 1862 в должности архитекторского помощника. Переведен в Архангельск. С 1884 инженер-архитектор.

ДВУЖИЛЬНЫЙ Н. Г., инженер-гидротехник. В 1915 г. совместно с Горбуновым И. И. сделал проект освещения и водопровода в хирургическом корпусе Уржумской больницы. Инженер губернского управления землеустройства.

ДИК ЕВГЕНИЙ АБРАМОВИЧ (1907, Екатеринославская губерния), архитектор. Автор проекта перестройки стадиона «Динамо», спортпавильона (1952), проекта реконструкции тюза (1961) и ряда жилых домов в Кирове. Член Союза архитекторов с 1948. Пенсионер, живет в г. Кисе.

ДРУЖИНИН ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ (1840, Рязань — 1900, Вятка), архитектор. Окончил Строительное училище (Петербург) в 1864 архитекторским помощником с чином X класса и направлен на строительство Кругобайкальской дороги. В Вятке служил с 1874 по 1900. В 1869 году удостоен звания инженер-архитектора. Земский архитектор, с одновременным исполнением обязанностей городского архитектора (1874—1882), младший архитектор, младший инженер губернского строительного отделения

(1880—1884), губернский архитектор (1884—1893), губернский инженер (1894—1896).

ДУБРОВСКИЙ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1876, дер. Романово Ярославской губ. — ?), архитектор. В конце 1890-х годов окончил Художественную школу, работал у проф. Л. Н. Бенуа по проектированию и постройке Московского купеческого банка и Повивального института. В 1903—1907 слушал лекции вольноопределяющимся в Академии Художеств, в 1908—1909 учился в частной академии в Париже, в 1910—1911 работал в мастерской А. В. Шусева. В 1913—1918 служил в качестве архитектора в Петербурге. В 1918—1922 на административной работе в системе Уржумского и губернского Совета народного хозяйства. Возвратился в Вятку после пятилетней службы на Алтае в 1928 и работал в проектно-бюро треста «Вятстрой». Автор проектов Северной поликлиники, школы Октябрьской революции, клуба пивоваренного завода и др. объектов в Вятке.

ДУДИН СЕМЕН ЕМЕЛЬЯНОВИЧ (1779, Петербург — 1825, Ижевск), архитектор. Окончил Академию Художеств в 1798 с аттестатом первой степени и шлагой. В Вятской губернии работал с 1807 по 1824 на Ижевском оружейном заводе. Автор генерального плана и строитель города Ижевска. По его проекту построена Никольская церковь в селе Великорецком (построена в 1824—1839).

ДЮССАР ДЕ НЕВИЛЬ ИВАН ДЕНИСОВИЧ (около 1788, Петербург — ?), архитектор. Окончил Академию Художеств в 1814 со званием архитекторского помощника. После Академии определен на службу по ведомству Санкт-Петербургского генерал-губернатора, помощник архитектора Василия Стасова (1814—1818), находился в отставке (1818—1821). В Вятке служил в должности губернского архитектора с 1821 по 1831. В 1836 — архитектор Воспитательного дома в Гатчине. Автор проекта дома Спасского собора на Казанской (ул. Большевиков, № 71/1, ок. 1825), дома церковнослужителей Всесвятской церкви (Московская ул., 50), планировки Пятницкой слободы в Вятке, колокольни Благовещенской церкви в Слободском, яруса звон и завершения колокольни в селе Пасегово.

ЗАЙКИН СЕМЕН ИВАНОВИЧ, архитектор. Ученик школы московского архитектора Д. В. Ухтомского. В 1765 подпоручик архитектуры С. И. Зайкин находился в Хлынове при постройке Кафедрального собора.

ЗЫРИН БОРИС ВИКТОРОВИЧ (1913, Котельнич), архитектор-художник. Окончил архитектурный факультет Академии Художеств в 1940. Участник Великой Отечественной войны. После окончания ее работал в проектных организациях Ленинграда и Свердловска. С 1958 года работал главным архитектором проектов и главным специалистом проектной конторы «Кировоблпроект» (впоследствии институт «Кировгипрогорсельстрой»). Автор проекта многих жилых и общественных зданий города Кирова, в том числе 14-этажного дома на стрелке Октябрьского проспекта и Комсомольской улицы, гостиницы «Вятка». Автор монографии о вятском архитекторе И. А. Чарушине (1989). Член Союза архитекторов СССР.

ИЕВСКИЙ ТИХОН, архитектор. Ученик математической и навигационной школы, в 1733 направлен для обучения архитектуры в команду И. Ф. Мичурина. В 1744 гезель архитектуры, направлен Сенатом в Хлынов для осмотра Кафедрального собора и архиерейского дома, поврежденных пожаром, и сочинения сметы на их восстановление и на постройку новой

колокольни. Автор проекта Вятской духовной консистории (предположительно).

ИЛЬИН ВАСИЛИЙ, архитектор. По направлению Сената находился в Хлынове на работах по завершению постройки Кафедрального собора с мая по сентябрь 1767.

КАЗЕНИН АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ (1902, Архангельск), инженер-строитель. Окончил инженерно-строительный факультет Индустриального института (Ленинград) в 1930. После окончания института инженер-проектировщик в «Вяткомстрое», на комбинатах КУТШО, «Искоже», в проектной мастерской Кировского горсовета (1931—1937), в проектной конторе «Облпроект». Член Союза архитекторов СССР с 1943.

КАФТЫРЕВ ВАСИЛИЙ ИЛЬИЧ, архитектор. Изучал архитектуру в школе при команде Д. В. Ухтомского. В 1767 «архитектурный поручик», прислан Сенатом в Казань для составления плана города. Как губернский архитектор Казани обязан был «по прошением составлять планы и фасады каменных церквей» для всей губернии, о чем в 1777 году сообщил епископу Лаврентию генерал-губернатор П. С. Мещерский. Автор проекта церкви в селе Сорвижи. В 1779 дал церковнослужителям села Кумены «план и наставление» на увеличение высоты Спасской церкви, а для села Ишлык — проект постройки колокольни. Из гарнизонной архитектурной школы Кафтырева вышел Ф. М. Росляков.

КАШИРЕНИНОВ ЛЕОНИД ДМИТРИЕВИЧ (1838, Вятка — ?), гражданский инженер. Архитекторский помощник в вятском губернском строительном отделении, обследует построенный близ Троицкого собора бассейн (1861—1862).

КИСЕЛЬНИКОВ МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ (1754, Петербург — после 1810), архитектор. Окончил Академию Художеств в Петербурге. Вятский губернский архитектор с августа 1806 по апрель 1810. Автор проекта северного и южного портиков Успенского собора Трифонова монастыря в Вятке.

КОЗЛОВ НИКИТА ИВАНОВИЧ (1900, Тамбовская губерния — 1968, Киров), архитектор-художник. Окончил Академию Художеств в 1928. В г. Кирове работал с августа 1937: архитектор проектной мастерской горсовета, руководитель планировочно-архитектурной группы (1937—1938), архитектор проектной конторы «Облпроект» (1938—1943), главный архитектор города (1943—1953). Член Союза архитекторов СССР с 1933, председатель Кировского отделения Союза архитекторов (1943—1947). Автор премированного проекта памятника делегации Кировской области на Балтийский флот, погибшей на Волхове в 1942, автор проекта оформления кинотеатра «Победа», жилого дома на Театральной площади, соавтор памятника А. И. Герцену у библиотеки его имени (1948), планировки Театральной площади, благоустройства Засорного оврага и многих других проектов по г. Кирову.

КОЛАЧКЕВИЧ ИОСИФ ВОЙЦЕХОВИЧ, инженер-технолог. В Вятке работал с 1898 по 1918: техник губернского земства (1898—1902), надзиратель акцизного управления (1903—1905), городской архитектор (1913—1915), заведующий строительным и водопроводным отделением при городском самоуправлении (1918). Автор проекта 8-го и 14-го начальных училищ на Преображенской (ныне ул. Энгельса, 32), проектов планировки и мощения улиц, переоборудования гончарного завода, расширения водопровода и др.

КОРБУТОВСКИЙ ПЕТР СТЕПАНОВИЧ (род. около 1832), архи-

тектор. Окончил Строительное училище (Петербург) со званием архитекторского помощника в 1853. В Вятке с 1853—1860 в должности помощника архитектора губернской строительной комиссии. В 1854 выполнил проект перепланировки дома Н. Москвитиновой под публичную библиотеку (дом не сохранился).

КОРФ ВИКТОР АНДРЕЕВИЧ, архитектор. Окончил институт путей сообщения в С.-Петербурге. В 1864 архитекторский помощник в губернской строительной комиссии, ведет надзор за постройками обывательских домов в Вятке.

КОРШУНОВ БОРИС АНДРЕЕВИЧ, архитектор, профессор Московского Высшего Технического училища им. Баумана. Руководитель группы Бюро по проектированию городов Картоиздательства НКВД, разработавшей генеральный план города Вятки на тридцатилетие 1928—1958 гг. (1928—1930). Сотрудничал с Вятской технико-строительной конторой и трестом «Вятстрой» с 1926 по 1930. Автор проекта почтамта (1927), общежития и пяти жилых домов для рабочих подошвенно-полуважного завода, консультант группы по проектированию этого завода.

КРАУСПЕ ЭДУАРД АНТОНОВИЧ, архитектор. Автор проекта «переустройства» здания Вятской духовной семинарии (1888). Младший архитектор губернского правления (1887—1889).

КОСТРОМИТИНОВ МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ (1882, Яранск), архитектор-художник. Окончил архитектурное отделение Художественного училища при Академии Художеств (Петроград) в 1916. Архитектор и дорожный инженер Яранского уезда (1920). В 1926 детально обследовал памятник архитектуры — Благовещенскую церковь в Яранске и составил смету на ее ремонт. Инженер-строитель Яранского уездного отдела коммунального хозяйства.

КУГУШЕВ ГЕОРГИЙ ГЕОРГИЕВИЧ (1871, Тверь — 1926, Лондон), статистик. После реального училища прослушал два курса технологического института и четыре семестра в Мюнхенском и Шарлоттенбургском политехникумах. В Вятке на положении ссыльного с 1901. В должности исполняющего обязанности губернского земского архитектора (техника) с 1901 по 1906. Построил по своим проектам зал заседаний губернского земства (ныне кукольный театр), родовспомогательный приют (роддом № 1), книжный склад земства, несколько барачков земской больницы — в Вятке, инфекционный корпус больницы в Уржуме. В 1918—1921 работал в губотделе Комгоссоора по экономическому обоснованию дорожного строительства. Выехал из Вятки по вызову ВЦИК для работы в Наркомате внешней торговли.

КОСТАРЕВ ИВАН АНДРЕЕВИЧ (1793, Москва — после 1852), архитектор. Окончил архитектурную школу при Экспедиции кремлевского строения в 1810. В 1821 определен помощником архитектора в Комиссию о сооружении в Москве Храма во имя Христа Спасителя, в 1827 уволен «по случаю закрытия Комиссии». В феврале 1840 определен вятским губернским архитектором, в августе — уволен по болезни. В феврале 1842 снова определен на место губернского архитектора, уволен в 1846. Остался в Вятке и занимался частной практикой.

КУЗНЕЦОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ, архитектор. Заведует проектным сектором конторы «Вяткомстрой» (1931—1932). Переведен в Зооветинститут. В 1935—1936 архитектор Вятского краевого управления

коммунального хозяйства. Автор проекта стадиона «Динамо» с деревянной восточной трибуной на 17 тыс. человек (стадион открыт в июле 1932).

КУПИНСКИЙ МИХАИЛ СТАНИСЛАВОВИЧ (1829—1891), инженер-архитектор. Окончил Строительное училище (Петербург) в 1852. В Вятке служил в должности губернского инженера с 1869 по 1876 год. Звания инженер-архитектора удостоен в 1871. Автор проекта церкви села Космодамианского Орловского уезда (1872). В 1876 причислен к техническо-строительному комитету МВД.

КУРАНОВ ФЕДОР ТРОФИМОВИЧ (1854, Баку — после 1893), гражданский инженер. Окончил Строительное училище (Петербург) в 1885 в звании гражданского инженера. В Вятке служил с 1887 по 1892 младшим архитектором строительного отделения губернского правления и одновременно (в 1890) исполнял обязанности городского архитектора.

ЛАНСВАГЕН В., петербургский художник. В 1834 сделал эскизный проект церкви Казанской Богородицы для г. Уржума.

ЛЕГОСТЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ, техник-архитектор (Пермь). В 1917 заключает подрядный договор с Вятским губернским земством на проектирование и устройство в строящемся здании мастерской учебных пособий железобетонного перекрытия и колонны на три этажа.

ЛИХАЧЕВ ГРИГОРИЙ МИХАЙЛОВИЧ (1906, Вятка — 1980, Киров), техник-архитектор. Окончил 3 курса художественно-промышленного техникума в Ленинграде в 1929. С декабря 1929 техник-архитектор проектного бюро «Вятстрой» (1930). С апреля 1931 технический руководитель Омутнинского стройучастка. После Великой Отечественной войны — начальник отдела строительства и архитектуры при Кировском облисполкоме. Член Союза архитекторов СССР с 1938, в 1952 — председатель Кировского отделения Союза.

ЛЯЛИН АРДАМОН МИХАЙЛОВИЧ (1840), архитектор. Окончил Строительное училище (Петербург) в 1861 в звании архитектора и определен на службу в Вятскую строительную и дорожную комиссию архитекторским помощником. В 1863 переведен в Могилев и в апреле 1864 из Вятки выехал.

МАКСИМОВИЧ ЯКОВ ПЛАТОНОВИЧ, гражданский инженер. Служил в Вятке с 1895 в должности городского архитектора (1895—1896), младшего инженера строительного отделения губернского правления (1896—1898), губернского архитектора (1902, 1910). Автор проектов перестройки дома А. А. Прозорова (ныне ул. Энгельса, 22), пристройки домово́й церкви к духовному училищу (ул. Урицкого, 38) и др.

МАЛЫШЕВ Л. М., архитектор (Ленинград). Соавтор проектов трех- и четырехклассных школ, отмеченных первой и второй премиями на открытом конкурсе, объявленном Вятским губернским отделом народного образования через газету «Известия ВЦИК» в 1928.

МАРТЫНОВ ЕВГРАФИЙ ИВАНОВИЧ, архитектор. Окончил Академию Художеств. В 1869—71 спархальный архитектор в Вятке. Автор проектов расширения трапезной Вознесенской церкви в селе Русаново, ограды Христорождественской церкви в селе Пижанка и др.

МИЛЮТИН НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1889, Петербург — 1942, Москва), архитектор. Учился на архитектурном отделении Вольного политехникума в Петербурге (1908—1909), в Художественном училище Штиглица по классу рисования (1910). Окончил Московский архитектурный институт в 1940. Участник революционного движения, советский и партий-

ный работник, народный комиссар финансов РСФСР в 1925. В 1926 разрабатывает эскизный проект приспособления Александро-Невского собора в Вятке под клуб или театр. Крупный теоретик в области архитектуры, автор капитальных трудов, редактор журнала «Архитектура СССР».

МИРТОВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ (около 1815 — после 1869, Казань), архитектор. Окончил Академию Художеств в 1846 в звании архитекторского помощника. Служил в Вятке в должности губернского архитектора с октября 1846 по январь 1852, когда вследствие болезни вышел на пенсию.

МОЗЖЕЧКОВ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ (? — 1855, Вятка), архитектор. Помощник инженера Вятской Палаты государственных имуществ в 1849—1853.

МОСОЛОВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ, архитектор. Окончил архитектурно-строительное отделение Московского высшего технического училища им. Баумана в 1930 и направлен в Вятку. Инженер-проектировщик конструкторского бюро треста «Вятстрой», заведующий архитектурной группой (1930).

НЕФЕДЬЕВ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ (1834 ? — 1888, Казань), архитектор. Окончил Строительное училище (Петербург) в звании архитекторского помощника. В 1870 удостоен звания инженер-архитектора. Служил в Твери и Туле. В Вятке служил с 1876 по 1884 в должности губернского архитектора. Автор проекта деревянного здания концертного зала — театра, построенного в 1877.

НИКОЛОГОРСКИЙ АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1849 — ?), инженер-практик. Окончил четыре курса Харьковского технологического института в 1914 и экстерном окончил Вологодский политехникум, получив звание «инженера-практика по строительно-архитектурной специальности». В Вятке работал в системе губкоммунотдела (1923—1928), городского инженера (декабрь 1928—1929), техническим директором треста «Вяткомстрой» (1930—1931). Участник и лауреат нескольких конкурсов на лучшие проекты жилых домов и школ, автор проекта перепланировки молочного рынка.

НЮКВИСТ ЭМИЛЬ-ФЕОФИЛ КАРЛОВИЧ, инженер-технолог. Родился 26 июня 1873 года в семье провизора. В 1902 году окончил Казанский университет по механическому отделению. С 1902 года работает в должности городского техника-архитектора в Вятке по 1912 год. В последующие годы инженер чугуно-литейного завода, зав. строительным отделом Вятского горсовета, Вятского губернского отдела Комгоссоора, строительной конторы губсовнархоза, треста «Вятстрой» и его проектного бюро. Автор проектов жилого дома Ездакова Ф. Л. по Преображенской улице, городской электростанции (фасад), 12-го городского училища на Казанской улице и ряда других зданий в Вятке.

ОСТАНКОВИЧ СЕРГЕЙ ИГНАТЬЕВИЧ (1905—1942, на фронте), архитектор. Архитектор-планировщик проектной конторы «Кировоблпроект» (1937—1941). Участник Великой Отечественной войны. Член Союза архитекторов СССР с 1938. Соавтор проекта благоустройства Засорного оврага.

ОХОТНИКОВ ДМИТРИЙ АПОЛЛОНОВИЧ, гражданский инженер. Младший инженер Вятского губернского строительного отделения (1908—1910), архитектор губернского земства (1910), техник Уржумского

уездного земства (1910—1913). Автор проекта усыпальницы губернской больницы (1909), хирургического корпуса больницы в Уржуме.

ПАПКОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ (1842 — ?), архитектор. Окончил Строительное училище (Петербург) в 1863 в звании помощника архитектора. Определен помощником архитектора в Вятскую строительную комиссию в 1863 и в том же году откомандирован в Калугу.

ПЕТРОВ АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ (1821 — ?), архитектор. Окончил Строительное училище (Петербург) в 1843 в звании архитекторского помощника. По окончании направлен в Вятку, где служил помощником архитектора губернской Строительной комиссии с 1844 по 1849.

ПЕТРОВСКИЙ АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ, архитектор. Окончил Академию Художеств в 1801. В 1821 сменил С. Е. Дудина на посту архитектора Воткинского завода. В 1827 проектирует церковь при Черно-Холуницком заводе. В 1841 снимает с натуры планы и фасады архиерейского дома в Вятке (чертежи подписывает как «бывший архитектор Петровский»). В 1854—1855 подписывает чертежи как «чертежник Петровский».

ПЛОТНИКОВ ИВАН КАПИТОНОВИЧ, художник-архитектор 2-й степени. Вятский губернский архитектор в 1912—1916.

ПОГУДИН ПЕТР ГЕОРГИЕВИЧ (1892, с. Ржаной Полом Вятской губернии — 1965), инженер. Окончил институт гражданских инженеров (Петроград) в 1924. До института — служба в армии, командир взвода (1918—1921); архитектор и инженер строительной конторы Вятского губсовнархоза (1924—1929), технический руководитель «Вятстроя» (1930—1931). Автор проекта пристройки читального зала библиотеки им. Герцена, электроподстанции в Белой Холунице, лауреат конкурса на лучший проект трехкомнатной квартиры (1928).

ПОЛУМОРДВИНОВ АЛЕКСАНДР АПОЛЛОНОВИЧ (1874, Слободской — 1942, Киров), инженер-электрик и инженер-технолог. Окончил Харьковский технологический институт (1898) и Петроградский технологический институт (1903). Работал по специальности до отставки по болезни в 1911. С апреля 1914 по ноябрь 1915 помощник городского архитектора Вятки. Заведует городской электростанцией (1915—1918), отделом электрификации губотдела Комгосоора. Имел ряд патентов в области электротехники и связи. Изобрел механическую систему цветного телевидения в 1899 году, устройство для одновременной передачи изображения и звука — за 25 лет до появления звукового кино.

ПЯТКИН ГАВРИИЛ ТИМОФЕЕВИЧ (ок. 1801, Вятка — после 1855). После окончания Вятского народного училища — учитель рисования в Яранске (1822—1830). В 1834 по предложению Главноуправляющего путями сообщения губернская строительная комиссия учинила ему испытание и нашла, что архитектурную теорию он знает, а практику может приобрести. Определен помощником губ. архитектора (1834). Архитектор Вятской Казенной палаты (1837—1856).

РОДИОНОВ ЕВСТАФИЙ ИВАНОВИЧ, губернский землемер. В марте-августе 1806 исполнял обязанности губернского архитектора (после смерти Рослякова). В марте 1807 представил губернскому правлению план губернской Вятки с расширением ее границ до Луковицкого оврага на севере до речки Хлыновы на юге.

РОСЛЯКОВ ФИЛИМОН МЕРКУРЬЕВИЧ (1758, ? — 1806, Вятка), архитектор. Ученик архитектурной школы казанского губернского архитек-

тора Кафтырева В. И. В 1885 по именному указу Екатерины Второй получил офицерский чин, произведен в губернские архитекторы города Вятки. Работал в одной должности без перерывов до 1806.

РУССКО, архитектор. Автор проекта кладбищенской церкви в Уржуме (1841).

САВИЦКИЙ БОЛЕСЛАВ АНТОНОВИЧ (1863, ?), гражданский инженер. Окончил институт гражданских инженеров (Петербург) в 1885. В 1886 младший инженер строительного отделения в Вятке. Автор проектов церкви в с. Уни и «перекладки и укрепления» церкви на реке Великой. В 1887 переведен в Архангельск.

САПОЖНИКОВ Н. В мае 1839 исполнял обязанности вятского губернского архитектора.

СЕРГЕЕВ ВЛАДИСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1901, г. Орлов Вятской губернии — 1952, Киров), инженер-строитель. Окончил институт гражданских инженеров (Ленинград) в 1927. В Вятке работал с 1928 в строительных и проектных организациях; в 1952 — главный инженер проектной конторы «Кировоблпроект». Автор более пятидесяти проектов жилых домов, школ, бани, прачечной, реконструкция завода «Кировский металлист» и др. Член Союза архитекторов СССР с 1948.

СЕРЕБРЯКОВ АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ (1836), архитектор Министерства юстиции. Окончил Строительное училище (Петербург) в 1861, работал в Пскове, с 1867 — в Минюсте. Автор проекта перестройки быв. губернаторского дома на Спасской улице Вятки под окружной суд (ав. уст. 1868).

СОЛЕНОВ ГЕОРГИЙ (ЮРИЙ) ГЕОРГИЕВИЧ (1893, Ялта — 1957, Киров), инженер-строитель. Окончил институт гражданских инженеров (Ленинград) в 1924. В Вятке работал с 1926 в строительных и проектных организациях (производитель работ, главный инженер треста, проектировщик, главный инженер областной проектной конторы). Автор первого проекта подошвенного завода в Вятке (1929—1930). Один из самых известных руководителей строек первых пятилеток (фабрики «Красная звезда», «КУТШО», Дом Советов, драматический театр и др.). Член Союза архитекторов СССР с 1938, член правления Кировской организации с 1944, в 1948—1952 — председатель правления.

СОЛОВКИН ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ (1809, Рязанская губерния — после 1864, Вятка), архитектор. Окончил Академию Художеств (Петербург) в 1836 в звании архитекторского помощника. В Вятке служил с 1836: помощник губернского архитектора (1836—1842), исп. должность губернского архитектора (март 1837 — февраль 1840 и август 1840 — февраль 1842). В июле 1843 переведен архитектором в Удельное ведомство и служил здесь до октября 1851. С февраля 1852 по 1860 — вятский губернский архитектор. В 1839—1842 и в 1847—1848 находился «при производстве работ» на строительстве Александро-Невского собора.

СТАРЖИНСКИЙ АЛЕКСАНДР ГАВРИЛОВИЧ (1850, Минск —?), архитектор. Окончил Строительное училище в Петербурге (1872) в звании архитекторского помощника. После двухлетней службы в Харькове в 1874 назначен младшим архитектором в Вятку. Служил младшим архитектором строительного отделения при губернском правлении в Вятке в 1880—1884 гг. Удостоен звания инженер-архитектора. Переведен в Пензу.

СУХИХ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (1903, Пермь — 1952, Киров),

техник. Окончил отделение градостроительства Ленинградского строительного техникума (1930) и два курса института коммунального хозяйства в Новочеркасске (1932). После окончания техникума заведует конструкторско-чертежным бюро треста «Вятстрой» (1930), проектным отделом треста «Вяткомстрой» (1932—1935), проектной мастерской горсовета (1935—1938). С 1938 — сотрудник объединенной областной проектной конторы «Облпроект».

ТАРТАКОВСКИЙ ЯКОВ ДМИТРИЕВИЧ. Вступил в должность главного архитектора г. Кирова в январе 1937.

ТИМОФЕЕВ АЛЕКСАНДР ЕГОРОВИЧ (1809, Москва — после 1840), архитектор. Учился в архитектурной школе при Московской кремлевской экспедиции. В мае 1825 сдал экзамены на архитектурского помощника третьего класса и в августе назначен на эту должность. После четырехлетней отставки в апреле 1832 направлен в Вятку, где до июня 1833 исправлял обязанности губернского архитектора. Губернский архитектор с 1833. В 1839 переведен в Херсон.

УХТОМСКИЙ ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1719—1775), архитектор. Первоначальное образование получил в школе математических и навигационных наук. С начала 1730-х гг. изучал архитектуру в школе архитектора И. Ф. Мичурина, с 1741 — у И. К. Коробова. В 1745 получил звание архитектора и принимает под свое начало команду и школу Ивана Бланка, а в 1747 — и команду Мичурина и становится по сути дела главным архитектором Москвы. В Хлынове при его участии и его учениками построен Кафедральный собор (1760—1772) и архиерейский дом (1774).

ЧАРУШИН ИВАН АПОЛЛОНОВИЧ (1862, г. Орлов — 1945, Киров), архитектор-художник первой степени. Окончил Академию Художеств (Петербург) в 1888, в течение следующих двух лет выполнил два конкурсных проекта и получил звание архитектора-художника первой степени. С 1894 работал в Вятке в должности губернского архитектора, губернского инженера, после революции — в различных строительных и проектных организациях по специальности. Автор более пятисот проектов зданий различного назначения. Член Союза архитекторов СССР с 1933 г.

ШЕСТАКОВ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ, советник губернского правления. Автор проекта паперти с двумя палатками для Успенского собора Трифонова монастыря (около 1808). Автор проекта каменной колокольни Преображенского монастыря в Вятке (построена в 1821).

ШКЛЯЕВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ, инженер-технолог. В Вятке служил с 1880 по 1903 в должности техника губернского (уездного) земства, одновременно исполняя обязанности архитектора города. Автор проекта здания приюта Императрицы Марии (1891), общины сестер милосердия Красного Креста (1899). После 1903 его деятельность не была связана с архитектурой и строительством.

ШМАКОВ ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ (1842, ? — 1893, Казань), архитектор. Окончил Строительное училище (Петербург). Служил уездным земским архитектором в Яранске, затем архитектором губернского земства. Автор проекта трехэтажного каменного дома купца А. А. Клабукова на Московской улице, № 25-а (1880). Занимался литературной деятельностью, автор нескольких книг. Из Вятки выехал около 1885 года, уездный земский архитектор в Яранске (1886—1887).

ШМИДТ ИВАН АВГУСТОВИЧ, инженер-механик. Вятский город-

ской архитектор в 1911—1912 гг. Автор проекта перестройки и надстройки третьего этажа лавки купца А. А. Хлебникова на восточной стороне Гостиного двора.

ШУПЛЕЦОВ ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ (1879—1930 гг.), инженер-технолог. Окончил Харьковский технологический институт в 1907. В Вятке служил с 1907 по 1925 по оценке фабрик и заводов при земстве, дорожным инженером, заведующим дорожным отделом губсовнархоза, подотделом в губернском отделе коммунального хозяйства. Автор проекта деревянного здания кинотеатра «Коллизей» (построен в 1913).

ЯГОЛКОВСКИЙ ФЕЛИКС ФИЛИППОВИЧ (1873, Гродненская губерния — после 1926, Вятка), гражданский инженер. Окончил институт гражданских инженеров (Петербург) в 1906. Службу в Вятке начал в должности губернского земского дорожного инженера (1907—1913). Младший инженер губернского строительного отделения (1914—1918), заведующий секцией промышленного строительства губкомгоссоора (1918—1922), инженер «Спичтреста» (1923—1926). С 1926 — инженер по сельскому благоустройству губкоммунотдела. Автор проекта дома Клабукова (1913), ныне ул. Московская/Ленина № 6/71, соавтор проекта дома владельца аптеки Г. К. Бока на Московской (впоследствии встроен в дом № 17).

ЯГОЛКОВСКИЙ ФИЛИПП КИПРИЯНОВИЧ (1831, г. Слоним Гродненской губернии — после 1901, Вятка), архитектор. Окончил Строительное училище (Петербург) в 1853 в звании архитекторского помощника. В 1853—1858 служил в Вятке начальником искусственного стола Строительной комиссии, после 1859 — в Гродно и Полтаве. За проект моста системы ГАУ удостоен звания инженер-архитектора. После возвращения в Вятку — техник по гражданским сооружениям на железной дороге Пермь-Котлас (1896—1897), губернский инженер (1898—1901).

ЯКОВЛЕВ АЛЕКСАНДР АРТЕМЬЕВИЧ, гражданский инженер. В 1907 — младший инженер строительного отделения губернского правления, построил полукаменное здание 3-й пожарной части на углу Морозовской и Казанской (ул. Розы Люксембург/Большевицков) по своему проекту. Соавтор проекта дома Г. К. Бока на Московской улице.

ЯКУБОВСКИЙ НИКОЛАЙ МАРКОВИЧ (1807, ?), инженер, воспитанник военно-строительного училища путей сообщения. В 1823 командирован к институту путей сообщения для продолжения курса наук. Служил по водным путям сообщения (река Бут, Маринская система). С 1838 член Строительной комиссии Вятского губернского правления. В 1839 принял дела губернского архитектора Тимофеева, уезжавшего в Херсон. Автор проекта надстройки 2-го этажа дома первой части на Московской улице.

**С АРХИВНОЙ ПОЛКИ
ПИСЬМО ЕПИСКОПА ВЯТСКОГО
И ВЕЛИКОПЕРМСКОГО ВАРФОЛОМЕЯ
АРХИТЕКТОРУ Д. В. УХТОМСКОМУ
С СООБЩЕНИЕМ О ВЫСЫЛКЕ ПРОЕКТА
КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА**

4 марта 1760 г.

Сиятелнейший князь

Прешедшаго генваря 27 числа с нарочным моим канцеляристом Иваном Богдановым послал до вашего сиятельства план и фасад соборной церкви и положению места окуратной план для разсмотрения, которой уповаю ваше сиятельство получить изволили. Ныне еще ваше сиятельство покорною моею прозбою утруждаю, чтоб ваше сиятельство в первом моем случае одолжит и рассмотря (когда ваше сиятельство изволите переменить тот рисунок, то покорно прошу, чтоб той церкви быть в два апортамента, а колокольне при оной церкви быть по мнению моему не подлежит)* прислать ко мне обратно оныя планы и фасад. Присланной от вашего сиятельства поручик к тому строению сего марта 3 числа приехал, и ожидая от вашего сиятельства милостивой резолюции пребуду**.

ГАКО. Ф.237. Оп.76. Д.168. Л.23. Отпуск.

**ПИСЬМО АРХИТЕКТОРА Д. В. УХТОМСКОГО
ЕПИСКОПУ ВЯТСКОМУ И ВЕЛИКОПЕРМСКОМУ
ВАРФОЛОМЕЮ ПО ВОПРОСУ О СОСТАВЛЕНИИ
СМЕТЫ НА СТРОИТЕЛЬСТВО КАФЕДРАЛЬНОГО
СОБОРА г. ХЛЫНОВА И АРХИЕРЕЙСКОГО ДОМА**

4 сентября 1763 г.
г. Москва

Преосвященнейши[й] владыко
милостивой государь мой

Вашего преосвященства милостиваго государя моего минувшаго мая без датум [письмо] ко мне писанное я оное с ыстинным моим почтением имел честь получить, в котором между прочим писать изволите, что потребно известие, коликое число по опробованным и данным от меня для стросния катедрателного вашего собора и дому планам и фасадам потребно предопределить сумм, требуйте тем от меня, чтоб я находящемуся при произведени[и] оных строени[й] архитектуры поручику Ивану Кутукову приказал смету зделать, ибо оной без дозволения моего того учинить

* Вставка сделана автором письма.

** Подпись отсутствует.

опасен, но как объявленной архитектуры поручик Кутуков для означенных строений определен указом правительствующаго сената, где и находится, которой должность имеет по всем требованиям от вашего преосвященства, чтоб ни принадлежало до те[х] ему порученных строений исполнени[е] чинить, а о невозможном представлять куда по указом надлежит. Я ж о произведени[и] объявленных строени[й] от правительствующаго сената указов никаких не имея, и в разсуждени[и] того о требусмом от вашего преосвященства тому архитектуры поручику Кутукову и повеления дать не могу. И тем заключая з глубочайшим моим почтением состоя, пребуду всегда вашего преосвященства милостиваго государя моего всепокорнейши[й] и вернейши[й] слуга

Князь Дмитрий Ухтомский

ГАКО. Ф.237. Оп.76. Д.193. Л.100, 100 об. Подлинник. Подпись-автограф.

ПОДРЯДНЫЙ ДОГОВОР НА ИЗГОТОВЛЕНИЕ СЛЮДЯНЫХ ОКОНЧИН ДЛЯ КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА г. ХЛЫНОВА

18 апреля 1765 г.

В домово́й преосвященнейшаго Варфоломея епископа Вятского и Великопермского казначейской канторе жительствующия в Хлыновской слободке ведомства коллегии экономии крестьяне Минсей, Ефрем Поварнищны, Филип Балхозин учинили сей договор в том, что им Поварнищным и Балхозину сделать из казенного товару в строящуюся Катедральную Святотроицкую и Николаевскую церковь в окна слудяныя з белом железом самым чистым и искусным мастерством пятнадцать окончин, а при том делании товар употреблять в самую препорцию и платы подбирать по материи толщиною ровныя, их сшивать же по усмотрению оных пластов по образцам и те окончины все наготово сделать и обрезать в длину и ширину по железным рамам конечно в нынешнем же лете неотменно, а рядили они Поварнищны и Балхозин с каждой окончины по рублю по девятисту копеек и при сем договоре взяли наперед в задаток три рубли, а оставшия получать им по усмотрению работы, в чем друг по друге ручаемся и сим договором обязуемся.

Апреля 18-го дня 1765 году. К сему договору прошением вышеписанных крестьян Минсея, Ефрема Поварнищных, Филипа Балхозина Василий Крехнин руку приложил.

Помета: Еще выдано им к задаточным три рубли и оставшия по сему договору денги выданы по расчету сполна.

ГАКО. Ф.237. Оп.76. Д.235. Л.28-28 об. Копия.

ДОГОВОР НА ПОСТРОЙКУ КОЛОКОЛЬНИ КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА В г. ХЛЫНОВЕ

24 марта 1770 г.

1770 года марта 24 дня в домово́й преосвященнаго Варфоломея Епископа Вятского и Великопермского казначейской канторе с ведома и

позволения Его преосвященства дому Его преосвященства с економом иеромонахом Иосифом да Свято Троицкого и Николаевского большого собора протопопом Лукою бывшими при строении оного Свято Троицкого собора каменщики города Хлынова посадские и разных станом и волостей крестьяне Игнатей Непеин, Иван Балезин, Андрей Жданов, Перфилю Местелев, Федор Белых, Алексей Сагадаков, Михаил Мезрин, Родион Деветьяров, Степан Редников, Федор Сутормин, Петр Глухих, Андрей Безсолицын, Наум Анфилатов, Василий Потанин, Петр Спилов, Прокопей Малых, Максим Опалев, Ефрем Чепурных, Осип Кошкарев, Григорей Бакулев, Максим Баранов, Григорей Ваганов, Наум Смирных, Пантелей Устюжанин, Осип Гуселников, Ефим Родитин, Егор Гасников, Данило Ветошкин, Алексей Коршунов, Пантелей Скорняков, Аверки[ий] Тимин, Родион [и] Козьма Золотухины, Иван Шихов, Миней Коршунов, Артемей Пушкарев, Петр [и] Алексей Окуловы, Петр Тупасов малой, Яков Черных, Михайло Зубарев, Анкидин Малышев, Софрон Грязев, Прокопей Новиков, Трофим Маслеников, Осип Краев, Иван Койков, Василий Кошкарев, Никита Малцов, Никифор Бабинов, Александр Грязев, Козма Коршунов, Моисей Шатров, Николай Фоминых, Петр Елпашев, Роман Киприянов, Елисей Рогачов, Яков Сенов, Антон Созонцов, Естеефей Праздников, Иван Суходоев, Артемей Бабинцов, Осип Худербин, Артемей Лебедев, Яким Калемениев, Филат Деншин, Мартемьян Сандаков, Петр Шихалев, Иван Князев, Данило Леушин, всего 70 человек, учинили сей договор о нижеследующем: 1. Недобученой под ту колокольную фундамент бутовым камнем в силу учиненного прошлого [1]769 года июля 11-го дня договору, не упуская удобного времени добудить, а потом с того фундамента предписанную колокольную класть начать и во окончание, егда нынешним летним временем недопустить, достроить, то неотменно в будущем [1]771 году наготово под крышку привести по объявленным планам и фасаде, и по показанию в деле и теске мастера государственного чернососного крестьянина Данила Тупицына, коему нам, каменщиком, во всем быть послушным; 2. Во время строения оной колокольной из кирпичных сараев кирпич принимать новой и старой, ширинчатой и одинарной с половинщиком шестом, как оной кирпич, так извеску, воду на дело носить и оную, и песок в творила возить, воду в чаны и творила лить, льяла выпочинить, желобы уставить и сколько потребно будет из казенного лесу творила и желобы сделать и в творила извеску, песку класть в пропорцию и вымешивать порядочно; 3. Под своды кружала¹ и полубку делать, и около строения внутри и наружную сторону леса ставить, и черемухами перевязывать, и подполы и колокола брусью класть и все оное исправлять нам, каменщиком, собою и работными людьми одним словом заключаем (кроме одних материалов и инструментов железных, и варовых и лычных снастей, и деревянной посуды и подошвенных на насосы кож, от дому Его преосвященства ничего не требовать), только для подвозу песку, извески и под буд половинщика четырех, а по окончании того бута под извеску и песок две лошадей с конскою збруею и роспусками; 4. Принятой нами на строение кирпич класть порядочно и твердо изнутри и снаружи, на край класть и притирать доброй, а в середине употреблять старой и большую часть половинщика и всегда класть сызвесью, а на сухе отнюдь не подливать и между целым кирпичем, где потребен будет половинщик, щебень, то целого кирпича напрасно не разбивать (и если в том окажутся виновные, таковых при собрании наказывать), а брать на те места половинщику или

щебень и считать две половины и за один кирпич, а щебень на щет не класть; 5. Сколко в то строение потребно будет из белого камня, из кирпича тески, оную всю заблаговременно вытесывать самою чистою работою по показанию мастера, и в надлежащая при строении места от сараев сносить, положить и подлить порядочно и ту каменную теску и оной кладку в особливую цену и щет не ставить, а считать только цену за один простой кирпич, ис коего теску тесать безденежно, а цену считать ту ж, как и за простой кирпич и когда строение окончится, то нам, каменщиком, ис под сводов и перемычек кружала выбрать и покласть на леса и все оное строение, доколе во окончание приведено не будет, от зимняго времени прикрывать и раскрывать нам казенным материалом, а по совершении то строение паки прикрыть нам же порядочно; 6. Рядили мы, каменщики, за оное строение, сколько во оное сначала и во окончание употреблено будет на своей пище с каждой тысячи кирпича по 2 рубли по 25 копеек и при заключении сего договора получили в задаток на каждого человека по 3 тысячи кирпича, считая на тысячу по 2 рубли по 25 копеек, итого по 6 рублей по 75 копеек, всего 472 рубли 50 копеек, и покамест оныя денги заработаны не будут, по то время нам не требовать, а по зарабатывании тех денег впредь выдовать на число положенных в строение тысячей кирпича по рассмотрению, ибо с первого апартамента в строение кирпича больше и дешевле обходится будет на тысячу кирпича, нежели под верх, в таком случае за положенныя снизу тысячи кирпича некоторое число впредь на черноделцов денег в казне нам, каменщиком, оставлять, а в принятии денег вверяем из нас же, каменщиков, Максиму Баранову, Родиону Девятьярову, в прочем же обязуемся мы, каменщики, показанное колоколенное строение сначала и во окончание привести твердо и прочно и самою доброю работою и во всем, кто при том строении определен будет, быть послушным и во исправлении работы отговорок никаких отнюдь не чинить; 7. Принятой нами, каменщиками, на дело ис сараев кирпич, как выше значит, отнюдь, кроме единого строения напрасно никуда не тратить, не бросать и не разбивать, а содержать завсегда на лесах в кледках и во всякой чистоте, а к ночам в случае непогоды тот кирпич и строение накрывать, чем пристойно и к тому строению нам, каменщикам, и с черноделцами приходить среди лета в начале пятого, а с работы сходить пополудни в девятом часех всем до единого, а естли из нас, каменщиков, противно сему поступать и в расчете и в разделке денег между собою обиды происходить будут, таковых при собрании своей братии, каменщиков, наказывать, смотря пи вине, нещадно; 8. Свер[х] же того мы, каменщики, паки обязуемся сей добровольной договор содержать свято и нерушимо и исполнение чинить, как выше писано, чего ради во всем вышеписанном, ручаясь друг по друге, сим договором и обязуемся. К сему договору каменщик Андрей Жданов пр[о]шением Игната Непейна, Ивана Балезина, Перфила Метелева, Алексея Сагадакова, Михаила Мезрина, Родиона Девятьярова... по их велению руку приложил
К сему договору Роман Киприянов прощением Наума Смирных, Петра Окулова, Петра Тупасова... руку приложил
К сему договору Данило Ветошкин руку приложил

* Всего 28 фамилий.

** Всего 28 фамилий.

К сему договору Моисей Шатров прошением Петра Шихалева, Ивана Князева руку приложил
К сему договору экономической крестьянин Николай Моломин прошением Ефима Кропанева руку приложил
К сему договору Данило Леушин руку приложил
Помета: По сему договору вышеозначенное число 472 рубли 50 копеек выдан[o].

ГАКО. Ф.237. Оп.76. Д.315. Л.3-6 об. Подлинник. Предложено А. Ю. Каптиковым.

¹ Кружала — приспособление в виде дуги из досок, предназначенное для кладки каменных сводов.

ИЗ КНИГИ «ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ МЕТОДИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ...» — О ВЯТСКИХ ГОРОДАХ

1776 г.*

Вятская провинция, подле Свияжской над Казанскою к северу лежащая, в которой

1. Провинциальный город

Хлынов, изрядный купеческий город, стоящий при устье реки Хлыновицы, впадающей в Вятку, расстоянием от Казани с лишком в 400 верстах. По просторечию сей город называется Вяткою по реке Вятке и Вотякам, около нея живущим; а у Татар и Черемис известен он под именем Наукрада или Науграда, и сие чаятельно потому, что жители сюда переселились из великаго Новагорода, как по летописям явствует, в исходе XII века, т. е. около 1181 года, следовательно с лишком за 50 лет до нашествия Батыева. В сем городе Вятские Архиереи имеют свое пребывание. Купечества здесь около полуторы тысячи душ, которое, по причине весьма хлебородной тамошней страны, отпуском хлеба, сала, меду, воску, масла и тому подобного к городу Архангельскому производит великой торг.

2. Из приписных к Хлынову городов к северу лежат:

1. Слободской и Шестаков, небольшие купеческие города, стоящие оба при Вятке: первый в 26, как в Академическом атласе означено, против устья Холуницы, а другой в 51 версте от Хлынова при устье реки Летки.

2. Кайгород, также небольшой купеческий город, от Хлынова в 258 верстах, стоящий при Каме, в котором купечества не с большим 300 человек: тамошние жители пропитание свое имеют частию от хлебопашества, а частию от рыбных промыслов, которые здесь весьма прибыточны.

3. А к западу стоят:

Орлов и Котельнич, равным образом небольшие города, оба при Вятке, от Хлынова первый в 46, а последний в 97 верстах.

Казанская провинция

...Над Казанью к северу лежат...

2. Уржум, город посредственной величины, стоящий при речке

* Датируется годом издания книги.

Уржумке, текущей в Вятку, в котором купечества только полтора ста человек.

...От Казани к востоку находятся следующие пригороды:

1. Малмыш, стоящий при реке Вятке во 140 верстах от ее втечения в Каму.

...5. Сарапул, из пригородов Казанской провинции к востоку самый дальний, от Казани в 347 верстах стоящий на правом берегу реки Камы, в весьма плодородной и рыбою изобильной стране. Сей пригород построен в 1707 году во время тогдашняго Башкирского бунта; он состоит из деревяннаго рубленаго города, построеннаго на горе, в котором 2 церкви деревянныя ж и не много обывательских дворов. Большая же часть тамошних поселян, которые все земледельцы, живут под горою по берегу реки Камы.

Свияжская провинция

...Над Свияжским к северу стоят:...

2. Царево-Санчурск, или просто Санчурск, пригород стоящий при реке большой Кокшаге.

3. Еранск, или Яранск, изрядный купеческий город, повыше Царево-Санчурска к северу стоящий при речке Либере, текущей в речку ж Шешму, которая соединяется с рекою Межде, а сия с западной стороны впадает в Вятку.

Географическое методическое описание Российской империи с надлежащим введением к основательному познанию земного шара и Европы вообще для наставления обучающегося при Императорском Московском университете юношества из лучших новейших и достоверных писателей, собранное трудами университетского питомца Харитона Чеботарева. Москва, 1776. С. 233—234, 236, 240—241. (Хранится в фонде рукописных и старопечатных книг ГАКО. Оп.1. Д.41).

ПАСПОРТ КАМЕНЩИКА Я. Н. КУДРЯВЦЕВА

не позднее 2 апреля 1778 г.

**ПО УКАЗУ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ САМОДЕРЖИЦЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ и прочая, и прочая, и прочая**

Опубликованному в народ плакату отпущен нижеподписанной в работу для прокормления по покормежной¹, которая явлена и оставлена в Яранско[й] воеводской канцеляри[и], в книгу записана под номером 13-м, и с сим отпуском волно ево до срочнаго от означеннаго в сем пропуску числа в наймах и в работах держать, а по сроке явится в доме своем, и более нигде не жить и никому не держать под таким подтверждением, как в плакате изображено, сия покормежная за подписью присутствующаго и за печатью той же канцеляри[и] дана марта 6-го дня 1778 году, города Яранска содержащей ландмилицию, Яков Никитин сын Кудрявцов, сорока трех лет, ростом дву аршин пяти вершков с половиною, волосом и бородою темнорус, лицом чист, глаза серые, у левой руки три перста не гнутся, до городов Казани, Хлынова, Москвы и оных в уезды и до Соловецкого монастыря до срока будущаго [1]779 году марта до 1-го числа.

Подлинной скреплен тако: воевода Никита Миллер, в секретарской должности канцелярист Алексей Карцов, подканцелярист Иван Зверев, печать красного сургуча.

ГАКО. Ф.240. Оп.1. Д.441. Л.46. Заверенная копия. Предложено А. Ю. Каптиковым.

¹ Покормежная — отпуск (записка) от общины, от деревни, необходимый для получения паспорта

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ПРИСУТСТВИЯ ВЯТСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ — ДОГОВОР НА ПОСТРОЙКУ ПРИДЕЛА ПОКРОВСКОЙ ЦЕРКВИ В сл. КУКАРКЕ

14 июля 1781 г.

1779 года ноября 11-го дня Казанского уезда Алацкой дороги дворцовой Кукарской волости села Ильинского крестьянин Ефим Емельянов сын Кошкин договорился Кукарской Покровской церкви со священником Тимофеем Ивановым, старостою церковным Евдокимом Козминым и с приходскими людьми строить вновь заведенной при настоящей Покровской церкви по правую руку придел каменной же во имя Святителя и Чудотворца Николая, во первых, в будущем 1780 году мая с 1ых числ в выкопанных приходскими людьми рвах каменной бут забутить ему, Кошкину, своими работными людьми в ширину две аршин с половиною, а в глубину смотря по крепости земли и утвердить оной самым крепким фундаментом без всякой фальшивости пространством длиною в церкви и в олтаре со стенами всего на осми саженьях трех аршинных, кроме поперешника, сверх буту стеновым камнем вверх выкласть между окнами во всю стену два аршина, в толщину в полтора аршина, снизу с уступом против настоящей церкви, оной стеновой камень с лица на обеих сторонах сделать тесаной гладкой, а между скважнями вмещать каменным же бутом сверх две аршин кймня, стену выкладывать кирпичом до свода толщиною в пять четвертей, между стенами в церкви пространства девять аршин, в олтаре в ширину семь аршин, в длину шесть аршин, от полу до замку пять аршин, своды утвердить, вырубить пяты в старой трапезной стене и связи пробить, стену связать со старыми трапезными связями, а з западной стороны связь утвердить концом чрез полатку до колоколни, разобрав сколько надлежит на полатке стен и паки закласть попржнему, из старой трапезы в пределе из одного передняго окна сделать дверь вышиною два аршина с половиною, другое заднее окно пробить и сделать против прежняго выше и шире, а на сводах сделать на перемычках осмерик, в длину и ширину со стенами шесть аршин, а стены толщиною три четверти, в высоту до свода семь аршин, на нем главу и под ней шею сделать по препорции, крест поставя с надлежащим укреплением, в предельной церкви сделать три окна мерою в высоту трех аршин, в ширину полтора аршина, в олтаре два окна две аршин, в ширину в аршин, восмерик три окна вышиною два аршина, шириною в аршин, в западной стене дверь по препорции, и около окон и дверей сделать для красы фигуры тесаные

из опоки таким манером, каковы у старой церкви, и в олтаре горные окна да западная в трапезу дверь искусным мастерством с тумбами, в церкви и в олтаре полы наслать из готового опоченного шиленаго камня, отлича олтарной от церковнаго полу выше на две степени, и притом амвонец небольшой и старатся, чтоб пол наслан был везде равен и гладок, без больших скважин, на бывшем престольном Николаевском месте сделать часовню каменную в подобие Кукарской соборной часовни в церкви и в олтаре внутри и во внешней стороне стен и главу выбелить и все, что принадлежит к лучшему в строении порядку, исправлять ему, подрядчику, без упущения и фалшивства, на оное строение материалы, то есть камень бутовой и стеной кирпич, песок, железо связное и в окна решетки все казенное, а воду припасать, тако ж кади, шайки, лотки и ведра, лопатки, кирки и протчую к строению надобность иметь ему, подрядчику, свое, и стойки делать ему из казенного лесу, точию квартира казенная, а топить оную подрядчику дровами своими, а не казенными, а рядил он, мастер, за всю церковную в совершенство работу казенных денег 181 рубль 50 копеек, взадаток взял 41 рубль 50 копеек, по совершении ж церковного и олтарного сводов взять 50 рублей, а оставшие получить смотря по работе, а понеже имеется у него, Кошкина, подряд в селе Красной Изголови класти церковь же, то сначала будущего [1]780 года с весны наперед работать у Покровской церкви, и когда приготовленной ныне кирпич, сорок тысяч, весь в строение придела употребится, тогда волен он отлучиться в село Красное, а егда при Покровской церкви в будущем лете новой кирпич постое, тогда ему в то ж лето возвратится к достройке здешняго при Покровской церкви придела, и кончать то строение в совершенство, тогда имеет получить и оставшие заработанные денги 90 рублей, при оном строении во всю ево бытность с работниками ево содержатся им и пропитанием довольствоваться ево подрядчиковым коштом, а из казны более рядных денег ничего не требовать и не домогаться, и будучи при той ему, подрядчику, работе, вести себя добропорядочно, не пьянствовать, ни с кем не ссорится и не бранится, худых и противных христианскому закону поступок не чинить и в строении церковном никакой фалши и остановки и обманов не делать, а естли в том строении сделает он, какой обман или в строении фалшивство, отчего может быть вредность, то все взыскивать на нем, подрядчике и на поручителях, а естли, паче чаяния, стеноваго камня в дву аршинную меру сколько не достанет, то вместо онаго недостаточнаго камня класть стену кирпичем без остановки, а в отправе всего того строения и добропорядочнаго состояния одобрили ево и поруюко по нем обязались нижеподписавшиися...

Договор писал по прошению подрядчика Ефима Кошкина села Ильинского Вознесенской церкви дьячек Федор Сергеев. К сему договору подрядчик Ефим Кошкин задаточные денги 41 рубль 50 копеек принял, и что в сем договоре какое каменное строение прописано точно работою своею исправлять обязуюсь, в том и подписуюсь свое-ручно...

ГАКО. Ф.237. Оп.2. Д.45. Л.732 об. — 734. Подлинник. Предложено А. Ю. Каптиковым.

**ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ ПРИСУТСТВИЯ
ВЯТСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ О
ПОСТРОЙКЕ КОЛОКОЛЬНИ В с. ИШЛЫК
КУКАРСКОГО ДУХОВНОГО ПРАВЛЕНИЯ И
ДОПУЩЕННЫХ ОТКЛОНЕНИЯХ ОТ
АРХИТЕКТОРСКОГО ПРОЕКТА**

8 декабря 1783 г.

По указу Ея Императорскаго Величества духовная Преосвященного Лаврентия епископа Вятского и Великопермского консистория, слушав присланного в консисторию сего [1]783 года сентября 28-го из Кукарского духовнаго правления доношения, коим представлено: июня де 7-го числ[а] поданным в Кукарское духовное правление ведомства того правления села Ишлыка Петропавловской церкви священно и церковно служители доношением объявля, что в прошлом 1779 году порядили они с приходскими людми бывшего Хлыновского уезда Великорещкаго оброчного стану черно-сошнаго крестьянина Данила Денисова сына Тупицына за поручительством по нем вятских мещан Петра Уткина и Козмы Коршунова построить ему во оном селе при церкви колоколню каменную вышиною 17 сажен, по учиненному архитекторскому рисунку, из казенных материялов, ценою за 600 рублей, притом же отдать ему, подрядчику, от приходских людей хлеба ржи 150 осмин, мяса 40 пуд, рыбы 30 пуд, и оныя хлеб, мясо и рыба в 1779, [1]780, [1]781 годех все ему отданы, а колоколня им подрядчиком с работными людми построена вышиною толко еще 10 сажен, а что подлежало отдать ему, подрядчику, за все то колоколенное строение денег, оныя по дороговизне работных людей и покупаемых для них съясных припасов все ему из казны уже выданы соизлишеством на наем работников, а в [1]782 и нынешнем [1]783 годех и на покупку хлеба, мяса, рыбы, круп и толокна, колоколню ж недостроено в вышину еще семь сажен, и естли ему, подрядчику, на строение колоколни сверх договорной цены из казны денег не выдавать, то достраивать колоколню ему нечем, просили о том резолюции, а по произведенному обо оном следствии оказалось: реченной подрядчик Данилу Тупицын в допросе своем изъяснил, что на достройку той колоколни, коя в нынешнем лете приходится уже ко окончанию, сверх договорной платы вышло из церковной казны на работных людей с лишком полтораста рублей, потому что против договора и плану заложено якоб по приказанию священника Ермила Лаврентиева колоколеннаго фундамента и вверх ведено в одну сторону ширины на полсажени, да по договору значится под колоколню проезд, а вместо того, как и по свидетельству оказалось, под колоколню с одной стороны ведено стеной, а проезду не зделано, да четыре клейма зделаны из опоченаго камня сверх договору, отчего излишество денег и употреблено, а священник Ермил Лаврентиев в своем ответе и на очных с подрядчиком ставках показал, что в том селе Ишлыке колоколня заложена не по рисунку, но пространнее согласия всех того села священно и церковно служителей с приходскими людми, а не по одному сво, священника Ермила, приказанию, каковаго приказания одному ему, священнику, и дать невозможно, ибо в рисунке силы он не знает, а положились они тогда в том колоколенном строении по рисунку на помянутаго подрядчика Данила Тупицына и естли бы ширина и длина колоколни свыше рисунка ему, Тупицыну, была противна, то бы он о том на них в то ж время мог просить,

где надлежит, и как он об оном нигде и ни никому не объявлял, то о пространстве колоколни не по рисунку донныне они и не знали, а подрядчик Тупицын на очных ставках сказал, что при закладке колоколни того села старшой священник Емельян Миронов и священник Ермил с причетники и церковной староста Сидор Кошкин со многими приходскими людьми имелись, а по согласию ль всех их та колоколня заложена, о том он, подрядчик, не знает, а по освидетельствовании и по мере той колоколни явствует: фундаменту с обрезу поперешника шесть сажень с вершком, длины пять сажень с половиной, а по рисунку квадратно длины и ширины пять сажень и два аршина, а как помянутому подрядчику Данилу Тупицыну на достройку колоколни сверх договору выдано казенных церковных денег с лишком полтора ста рублей, то оныя денги яко казенныя церковныя, по излишеству колоколеннаго строения против рисунку, оставить ему, Тупицыну, или с него и с поручителей по нем те сверх договору переданныя денги взыскивать, требовано о том разсмотрения и резолюции, а как по вышеписанному представлению того села некоторые священно и церковно служители в подлежащем не допрошены, а многие потребные к делу обстоятельства не собраны, а потому консистории ко окончанию сего дела приступить неможно. Того ради определили учинить следующее: 1. Сколко точно ныне всей колоколни построено, какая ей длина, ширина и вышина с фундаменту, освидетельствовать и что по свидетельству окажется, с архитекторским рисунком сообразить, какая имянно сверх того рисунка имеется в той колоколне излишность или что по тому рисунку упущено, и много ли еще той колоколни недостроено, означить имянно; 2. Для чего колоколня не по архитекторскому рисунку строена, и кто сему точно причиною; 3. При начале основания и при закладке оной колоколни сверх учиненнаго договора подрядчик сам был ли согласен сей несходственной против рисунку перемене, и с каким условием он приступал к сему делу, и учиненной договор о кладке оной колоколни в присутственном месте, где засвидетельствован ли; 4. Для чего священно и церковно служители и староста церковной, видя еще колоколню недостроену по договору все денги и прочее без всякаго разсмотрения, да еще и сверх договору денег более полутора ста рублей передавали, не представя первее о недостройке подрядчиком колоколни, и о всем том произведя указным порядком следствие и что по тому окажется, также и подлинной договор и при нем когда, сколько за строение колоколни денег выдавано было, велеть прислать в консисторию подлинныя росписки в оригинале, и о том в Кукарское духовное правление послать указ. Свято-Троицкий протопоп Евсигний

Свято-Троицкий ключарь иерей Иоанн

Резолюция: Быть по сему. Дек[абря] 9 дня 1783 года*.

ГАКО. Ф.237. Оп.2. Д.52. Л.1261-1263. Подлинник. Предложено А. Ю. Каптиковым.

ПРАВИЛА О ПОСТРОЙКЕ ДОМОВ

Не ранее 1784 г.

Казенным каменным домам фасады и планы внутренним расположениям по сведению о всех принадлежащих к тем строениям надобностей.

* Подпись отсутствует.

Не соизволите ли Ваше Императорское Величество Всевысочайше повелеть сочинить и к Высочайшей конфирмации представить господину в должности генерал-губернатора.

Партикулярные каменные дома могут строить против прочих вновь строящихся городов по представляемым при сем примерным фасадам под №№ 1-м, 2-м и 3-м, какие в которых кварталах господин в должности генерал-губернатор по состоянию тамошних граждан назначит, а купеческия с лавками дома по фасаду под № 6-м по желанию хозяев дозволить строить и выше сих фасадов и с лучшим украшением, но как у сплошных и в отделенных корпусах каменных домов для предосторожности от пожарнаго случая делать брантмауры¹ от кровли не ниже аршина, а стоков с кровель на соседниа дворя не делать. Деревянные дома в кварталах, прикрытых желтою краскою, строить по фасадам под №№ 3-м, 4-м и 5-м, на каменных жилых погребях, на каменных фундаментах и без каменных фундаментов, кто какие пожелает; но чтобы всякое деревянное одно от другаго не ближе пяти сажен, не выше шести аршин и не далее каждый деревянный корпус строить двенадцати сажен, а в два жила² деревяннаго строить не допускать, ежели же и в сих местах кто пожелает вместо деревяннаго строить каменное, то оно не только против выше предписанных каменных домов, но против деревянных по фасадам №№ 3-м, 4-м и 5-м строить допускать с брантмаурами ж.

Кровли крыть на каменных железом или черепицею, а доколе черепичные заводы размножатся — тесом и гонтом³, на деревянных строениях тесом и гонтом же, а дранью и хворостом и соломою крыть не допускать.

Под строение торговых лавок, соляных и винных магазейнов, кладовых амбаров, для поклажи хлебных припасов, пеньки и прочих сему подобных товаров, для сальных, купоросных, кожевенных и прочих заводов, естли оныя потребны будут, для пивоварен, питейных домов, рыбных и мясных рядов, скотских боен и для других городских и публичных строений места назначать господину в должности генерал-губернатора, где по пристойности способнее усмотрены будут; кладовые, магазейны и анбары по близости реки, ряды в нарочитом разстоянии от жила, кожевенныа и прочия заводы и скотския бойни по течению реки ниже города, в таких местах, дабы от них в городе не происходило нечистоты и дурнова воздуха; пивоварни при реке выше скотских боен и тех заводов, кузницы при въезде в город у больших дорог, и все сии строения строить в таком разстоянии от жила, чтоб не угрожали опасностию от пожара.

У которых обывателей имеющия строения ни придут в линии, оставить до такова времени, когда сами собою обветшают, повалятся и другим каким случаем уничтожатся, или хозяева сами добровольно и прежде того перестроить по плану пожелают, дабы обыватели не претерпели убытка от сломки дворов, еще к житию годных, а у которых дворовые места разделять будут улицы и площади и затем на старых местах строиться не могут, в таком случае тем обывателям отводить другия порозжия места под каменныа или деревянныа дома, где б каждый по своему состоянию построиться мог по обветшанию и по уничтожении нынешних их строений, а прежния их разделяющия улицами и площадми места придавать к соседним дворам, как способно покажется.

Кладбища чтоб были за городом разстоянием от жила, как узаконено.

Если чего в натуре исполнить будет не можно и востребуется надобность сверх сего расположения что поправить, предоставить господину в должности генерал-губернатора, однако ж не выходя из настоящего основания сего плана. На копии писано так: Граф Андрей Шувалов, Архитектор Иван Лейм, Секретарь Яков Мак[симов].

ГАКО. Ф.712. Оп.3. Д.4112. Л.7, 7 об. Заверенная копия*.

¹ Брандмауэр — глухая стена из огнеупорного материала, обычно каменная, разделяющая два дома или проведенная внутри большого дома в противопожарных целях.

² Жило — селение, дом, изба, комнаты, покой, квартиры, а также этаж.

³ Гонт — короткая дранка, иногда с закругленным концом, для покрытия кровель в виде чешуи.

ПОДРЯДНЫЙ ДОГОВОР НА МОЩЕНИЕ СПАССКОЙ УЛИЦЫ г. ВЯТКИ

23 марта 1798 г.

Тысяща семь сот девяносто осмага года марта дватцать третьего дня. В Вятской казенной палате Вятской округи Усть Чепецкого тяглова стана Никольской волости из черносошных крестьян Илья Васильев сын Ермаков, Егор Прокопьев сын Ляпунов и Назар Афанасьев сын Бровцын постановили сей договор в нижеследующем.

1-е

В губернском городе Вятке против казенного дома, в коем господин губернатор жительство имеет, в улице Спасской, выровняв местоположение, сделать нам из приготовленных от себя бревен в половине той улицы длиною на дватцати четырех саженьях шириною противу прочих жителей, а от сей к показанному дому длиною на тритцати пяти саженьях, шириною на четырех саженьях мосты самую прочною работою. Для чего следующие к тем мостам бревна, кои б были не менее пяти и шести вершков веснодельные¹ и не трупелые, обтесав с верхней стороны и по бокам так, чтоб были оные мосты везде ровны и без ростесей, и наслать те мосты на переводах с нужным и надлежащим во всем укреплении. К тому по улице вырыть для стоку воды канавы противу прочих жителей порядочно, которые канавы и выслатъ приуготовленным от себя дерном, прикрепя оной деревянными сшицами так, чтоб ни мало повреждения быть не могло, а выброшенную из канав землю разровнять по местоположению куда следовать и приказано будет. Против же сих канав обнести из приуготовленных жердей надолобами, то есть загородкою в столбы самую чистою и прочною работою, почему и врыть столбы до самага материка земли, утвердя их землею и к переводам мостов по надлежащему, и оные столбы, равно и надолбы, то есть загородку обелить и выгладить скобелями, и все то произвести нам чрез собственных и наемных от себя мастеровых и рабочих людей, а буде потребуются к разровнению земли лошади, и их своими подлежащими ко всему инструментами под смотрением экспедиции домостроительной по указанию губернского архи-

* Копия снята в 1840-е гг. и заверена Орловским уездным землемером И. Потуловым.

тектора, а кончить все то в течении мая и июня месяцев сего 1798 года, и для того иметь мастеровых и рабочих людей при работах всегда достаточно.

2-е

Когда при осмотрах экспедиции домостроительной с губернским архитектором окажется неуспешность в работах или будет лес употребляем в дело непрочной, или же будет сделано что либо из мостов, канавы, надолоб и прочаго не против вышеписанного, то нам по приказанию от экспедиции к успешности в работах прибавить мастеровых и рабочих людей, вместо непрочнаго леса доставить к строению прочной, сделанное не против условия переделать без всяких отговорок, а в противном случае оное, равно ежели мы всего, что описано, не выполним, произвести² от казны нащет договорной цене, по недостатку ж оной и на наш кошт², а употребленные денги принять к зачету и заплатить нам в полности непременно.

3-е

За сделание мостов с надолобами, то есть с загородкою и за канавы получить нам из казны чetyреста семдесят пять рублей, из которых при произведении всего того нами в точности надобное число выдавать нам по мере работ от экспедиции домостроительной с разсмотрения ее, а оставшие затем причитающиеся денги выдать от оной же экспедиции по приеме от нас мостов и прочаго описаннаго в ведение свое неудержно.

4-е

Сей договор сохранить нам в точной силе свято и ненарушимо, а во верность казне представили данное из нас Бровцыну от волости за свидетельством нижнего земскаго суда одобрение, и сверх того, друг по друге ручаемся.

К сему договору прошением крестьян Ильи Ермакова, Егора Ляпунова и Назара Бровцына вятской купец Федор Казанцов руку приложил.

ГАКО. Ф.176. Оп.6. Д.396. Л.46-46 об. Подлинник.

¹ Веснодельные — рубленные весной.

² Кошт — здесь издержки, расход.

ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОК О СЛУЖБЕ ВЯТСКОГО ГУБЕРНСКОГО АРХИТЕКТОРА Ф. М. РОСЛЯКОВА ЗА 1802 г.

1809 г.

Чин, имя, фамилия и
должность

Губернский архитектор титулярный совет-
ник Филимон Меркурьев сын Росляков

Из какого звания проис-
ходит и сколько ныне от
роду лет

Из солдатских детей,
44 лет

Сколько имеет во владен-
ии мужеска пола душ
людей и крестьян, в ко-
торых уездах и в каких
именно селениях

Мужеска пола имеет одну душу при доме

Когда в службу вступил и в оной какими чинами, когда и в каких должностях и где происходил

Из Казанской гарнизонной школы в архитектурскую науку определен в Казани в 1772 году марта 1-го дня, а по неимению особого штата в 1775 году в феврале м[еся]це причислен в Казанский батальон, находясь при той же должности архитектурской в Казанской губернии, чинами происходил фурьером [1]776 июня 29-го, сержантом [1]778-го в феврале м-це, старшим сержантом [1]779 января 1-го числа, в [1]785 году мая 7-го числа по именному указу блаженной и вечно достойной памяти императрицы Екатерины II пожалован коллежским регистратором и велено службу продолжать статскую, и потому в том же 1785 году декабря в 16-й день определен в Вятскую губернию губернским архитектором, губернским секретарем [1]791 года декабря 31-го дня, титулярным советником 1795 года декабря 31-го дня.

В походах против неприятеля и в самых сражениях был ли, когда или нет

Не бывал

Не был ли в штрафах и под судом, если был, то за что именно, когда и чем дело кончено

Не бывал

К продолжению статской службы способен и к повышению чина достоин или нет, и зачем

Начальству в рассмотрение п[е]редаю

Не был ли в отставке с награждением чина или без оного, также не находится ли в отлучках, сколько времени и когда

Не бывал

Женат ли, имеет ли детей, кого именно, сколько лет и где они находятся

Женат, мужска пола детей не имеет*.

ГАКО. Ф.582. Оп.6. Д.711. Л.3-Зоб., 10. Заверенная копия.

¹ Фурьер — заготовщик съестных припасов, фуража, квартир для войска.

* Далее следуют заверительные подписи.

**ОДОБИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО, ВЫДАННОЕ
ЧЕПЕЦКИМ ВОЛОСТНЫМ ПРАВЛЕНИЕМ
ПОДРЯДЧИКУ У. Л. ДЕРИШЕВУ**

12 августа 1809 г.

1809 года августа 12-го дня Вятской округи Чепецкого волостного правления дано сие одобрительное письмо ведомства онного правления крестьянину Увару Лукину сыну Деришеву в том, что уволен он по его желанию во обязательство договором в плотничную топорную работу, где заспособно отыщет и с кем договор заключит, то и благоволенно б было в даче денег суммою до ста пятидесяти рублей, который крестьянин состояния и поведения совсем хорошего, в штрафах и под судом не бывал и в оной работе по договорной цене исправным быть может, а в случае какой-либо неисправности, то обязуется за него сие правление обще с поручителями мирскими людьми во всем соответствовать, в чем сие дано.

К сему одобрение подписал голова Иван Малюгин, у коего и печать волостная приложена, справил пищик Самоил Логинов

Помета: Подлинное одобрение крестьянин Увар Деришев получил генваря 10 дня 1811 года с тем, когда что нам по договору на погоревшем 2-м корпусе¹ какие недоделки окажутся, то оные должны исправить. По неумению его грамоте по личной его просьбе расписался подканцелярист Скорняков.

ГАКО. Ф.583. Оп.602. Д.160. Л.100-100 об. Копия.

¹ Имеется в виду договор «о постройке на втором корпусе присутственных мест, поврежденном пожаром, под железную крышу стропил», заключенный Вятским губернским правлением с крестьянами С. Ф. Лебедевым и У. Л. Лукиным 11 сентября 1809 г. (Ф.583. Оп.602. Д.160. Л.93-94 об.).

**СЧЕТ КАМЕНЩИКА Я. ГОРБУШИНА ЗА
ПРОВЕДЕННЫЕ ИМ РАБОТЫ В ДОМЕ
ГУБЕРНАТОРА Ф. И. ФОН-БРАДКЕ**

10 февраля 1816 г.

Его превосходительству господину Федору Ивановичу от каменщика Якова Горбушина счет.

1815 [г.]. Работано мною у Вашего превосходительства в доме: в строящей избе печь поправлял, в караульне голландскую печь поправлял, в кухне очаг и борова¹ починивал, в кабинете Вашем то ж печь поправлял, в прачной котел медный вкладывал.

Материалы глину и песок свой употребил.

За всю вышеписанную работу следует от Вашего превосходительства получить двадцать рублей (20).

Помета: Деньги выданы 18 апреля 1816 г.

ГАКО. Ф.582. Оп.46. Д.143. Л.2. Подлинник.

¹ Боров — часть дымохода, идущая от печки к дымовой трубе.

**ПИСЬМО АРХИТЕКТОРА А. Л. ВИТБЕРГА
В КОМИТЕТ ПО ПОСТРОЙКЕ
АЛЕКСАНДРОВСКОГО СОБОРА С СООБЩЕНИЕМ
О СОСТАВЛЕНИИ ПРОЕКТА СОБОРА**

28 февраля 1839 г.

Письмом от 20 октября минувшего 1838 года комитет сей от лица Вятского градского общества просил моего содействия в данном им обете на построение Александровского собора — сочинением приличного для сего важного предмета плана и фасада. Обществу понравился эскиз мой в византийском стиле составленный. Вследствие чего, обработав по нем проект, состоящий из плана, фасада и разреза, ныне в приятную себе поставляю обязанность уведомить Вятское градское общество о принятии от меня оного для надлежащего куда следует представления.

Академик, надворный советник и кавалер Александр Витберг

ГАКО. Ф.582. Оп.138. Д.6. Л.35. Подлинник. Автограф.

**УКАЗАНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВЦИК
М. И. КАЛИНИНА ЗАВЕДУЮЩЕМУ ВЯТСКИМ
ГУБЕРНСКИМ КОМИТЕТОМ ПО ДЕЛАМ МУЗЕЕВ
И. А. ЧАРУШИНУ О СОБЛЮДЕНИИ ПОРЯДКА
ИЗЪЯТИЯ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ**

22 марта 1922 г.

Требую неукоснительного исполнения 6 пункта инструкции о порядке изъятия церковных ценностей, опубликованной в «Известиях» за № 47/1486 от 28 февраля 1922 г. Производить работу при обязательном участии экспертов Губмузея. Не изымать и не вывозить в центр предметы музейного, художественного, историко-археологического значения. Предметы, взятые на учет Главмузеем или Губмузеем, изъятию не под[лежат и] поступают в местный музей.

Председатель ВЦИК М. Калинин

ГАКО. Ф.Р-1163. Оп.1. Д.29. Л.60. Телеграф. бланк.

**ЗАПИСКА ПРОТОПОПА ВОСКРЕСЕНСКОГО
СОБОРА г. ЛАЛЬСКА ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ
М. К. ШВЕЦОВА ОБ ОТДЕЛКЕ ИНТЕРЬЕРА СОБОРА**

не позднее 1796 г.*

От рождения Иисус Христов
Воскресенский храм украшен бысть снова
Тысяча седмсот текущего света
Седьмдесятаго и седмаго лета¹.
Иконописцы два устюжан братьей
Срядились кроме вымосток полатей,
Леса крестьянам в церкви поставляти,
Вынестъ вон из ней, посадским спущати,
Давати дрова, так же и квартиры,
Причем в праздники были б им и пиры.
С сими выгоды контракт заключили,
Налицо триста рублей получили,
Иван с Васильем Березины званны
Из масла живо писать преизбранны.
Устюжские же и манифактуры
Червяковых два хитры штукатуры
Петр и Михаил в соборе трудились,
Резать алебастр во клеймах потщились,
Едино лето они работали,
Двести пятьдесят рублей себе взяли.
Между церквами на ограде пламень
В россыпь разжигал алебаstra камень.
Кирпич от окон плиты в пол носили,
Различных людей попы упростили,

* Документ датирован по исповедным росписям Воскресенского собора, подписанным в 1780—1796 гг. протопопом Матвеем Кузьмичом Швецовым.

ТАКО. Ф.1310. Оп.1. Д.35. Л.46-46 об. Подлинник.

¹ В «Церковной летописи Лальского Воскресенского собора» об этом событии записано: «В 1777 г. холодный Воскресенский храм внутри был отштукатурен и украшен стенною живописью» (Ф.1310. Оп.1. Д.32. Л.2.). Внутренняя отделка сохранялась в течение 100 лет. Главная и ризничная опись собора за 1868 г. свидетельствует, что «внутри сих храмов стены убраны алебастром и штукатуром и в клеймах позолоченных украшены приличною живописью... В Воскресенском храме пол чугунный, а в алтаре из белых шлифованных четверугольных плит» (Ф.1310. Оп.1. Д.33. Л.2об.). В 1877 г. в летописи сделана такая запись: «Холодный Воскресенский храм, построенный в период времени от 1689 по 1715 г. и освященный в 1717 г., в такое продолжительное время как внутри, так и вне во многом изменился и требовал неотложного возобновления. Вследствие такого состояния храма, по дозволению епархиального начальства с мая месяца прошедшего 1876 г. по июль настоящего 1877 г. произведены в оном следующие поправки и перемены: ... 3. Штукатурка как в алтаре, так в храме и паперти, где она попортилась, исправлена, стены и своды в означенных частях храма выкрашены приличною краскою на масле. 4. В паперти настлан новый из белой плиты пол...» (Ф.1310. Оп.1. Д.32. Л.18, 18об.).

Было прихожан тпание немало,
Труда старосты более всех стало,
И служители храма всесвятого
Старались сего дела преблагаго.
Доски по церкви чюгунного полу
Юрьевых дому насланы по долу.
Много держано денежек казенных
И Максимовых немало вложенных.
Как достроилась церковь сего града,
Вся чернь явилась, о том весьма рада,
Се свято место светло красотою,
Всяк любуйся тем, зрящи пред собою.
Любящих церкви, лепоту к потребе,
Боже, прими в царство твое в небе!

Документы подготовлены к публикации в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990 г.). Все источники снабжены заголовками, имеются также сведения о их разновидности, авторе, адресате и дате составления. Документы, составленные до 1 февраля 1918 г., датированы по старому стилю, после — по новому стилю. Тексты документов до конца XVIII в. переданы с сохранением их орфографических особенностей как являющихся нормой, так и не соответствующих принятым для того времени нормам орфографии. Части текстов и даты, установленные архивистами, заключены в квадратные скобки или оговорены в подстрочных примечаниях. Опушенные части текста документов обозначены отточиями. В конце каждого источника дана ссылка на его местонахождение в архиве.

Архивные документы для тома «Архитектура» подготовили научные сотрудники Государственного архива Кировской области Г. А. Земцова, М. С. Судовиков, Р. С. Шилияса.

Г. В. ТИТОВА

ПАСПОРТИЗАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

23 сентября 1924 года в Вятский губмузей пришло письмо из Уржума. «Столярный мастер» Иван Васильевич Кулешин сообщал, что в селе Буйском по распоряжению коммунального отдела разрушается усадьба помещиков Мосоловых: двухэтажный каменный дом — в нем до семидесяти комнат, колонные залы, хоры; сад — «насыпной несколькими террасами», обнесенный каменной оградой с чугунной решеткой; по углам башни «с бойницами и подземными ходами». Старожилы «относят постройку дома к концу XVIII столетия», — сообщал автор письма. «Еще в 1922 году», — отписался уездный исполком, — здание охранялось, но за неимением денег «караул был снят, а за два последующих года «населением растащены все части, какие только можно было унести; на две трети раскрыта железная крыша, повалились стропила, накаты, и сейчас остались только стены, которые тоже начали разваливаться». Последняя треть крыши была увезена уже с разрешения исполкома.

Мы рассказываем об этом факте не потому, что расхищение помещичьих усадеб было явлением из ряда вон выходящих, нет. Оно было вполне заурядным. И не потому, что исполком пришел к поразительному выводу — «мер к охране дома (теперь) принимать нет смысла». Гораздо важнее был поступок уржумского столяра, показавший, что уже тогда рядовые граждане стали задумываться о сохранении памятников российской духовной и материальной культуры.

Лишь через много-много лет, в 1968 году правительство России и Академия Наук СССР смогли принять решение о создании уникального своей всеохватностью «Свода памятников истории и культуры Российской Федерации» — многотомного научно-энциклопедического труда, в котором памятникам каждой области отводился специальный том. Такая задача никогда раньше не ставилась и требовалось в каждом регионе выполнить громадный объем подготовительных работ, особенно сложных и ответственных для тех областей, где систематическое выявление и изучение памятников не проводилось.

Подготовка материалов к изданию «Свода...» по Кировской области начиналась с выявления и обследования сохранившихся памятников, с архивно-исторических изысканий и инвентаризации. На каждый объект составлялась первичная учетная документация — паспорт, включающий конкретные сведения о памятнике: исторические факты, фотографии, графические материалы, описание, техническую и конструктивную характеристику, заключение о его значении в общем культурно-историческом наследии.

Первые паспорта на памятники архитектуры в нашей области составлены были в 1969 году группой московских студентов-архитекторов, а с 1970 года работу продолжили местные специалисты: научный сотрудник Кировского художественного музея Г. Г. Киселева, архитекторы Б. В. Зырин и

Ю. М. Корепин, группа студентов Кировского политехнического института (В. Дьячкин, Г. Бизяев, Ю. Ивонин) под руководством доцента А. Г. Тинского, а с 1980 года — старшего преподавателя института архитектора Л. Б. Безверховой — О. В. Делимарская, И. А. Солодовникова, В. Я. Ступникова, Л. Н. Куделя, В. В. Чехлова, С. А. Гребенкин. В 1982 году в работу по паспортизации памятников архитектуры включились сотрудники Кировской специальной научно-реставрационной мастерской Е. Г. Рупасов, Г. В. Титова, И. Г. Носков, С. В. Васильева, А. К. Шуклин, выпускники политехнического института, а затем Е. Л. Скопин и И. В. Борова.

За весьма казенным словом «паспортизация» для ее непосредственных исполнителей стоит незабываемый — по отзывам ее участников — и полный очарования отрезок жизни: романтика поездок по области, общение с архитектурными творениями наших предков, боль за их осквернение, ностальгия по безвременно утраченному, обработка зимними вечерами отснятого полевого материала.

Архитектура многолика, и ее памятники подразделяются по функциональному признаку на объекты жилой, гражданской, культовой, промышленной архитектуры. В подготовительный период не был забыт и прародитель этих архитектурных типов — деревянное народное зодчество, исследованием которого в Кировской области с 1979 года занимается московский институт «Спецпроектреставрация» (реставраторы И. Г. Семёнова и О. П. Шаповалюк) и сотрудник Кировского объединенного историко-архитектурного и литературного музея В. А. Любимов; по результатам исследований разрабатываются программы сохранения культурно-исторического наследия, создается проект музея деревянного зодчества.

Как и прежде, сведения о новых, требующих внимания исторических объектов или о недопустимых по отношению к памятникам действиях поступают от простых граждан, даже не увлекающихся историей края, но болеющих душой за землю, на которой они родились и которую считают своей родиной. Обычно с такими сообщениями обращаются в областное отделение охраны памятников истории и культуры. Общую координацию всех работ по выявлению, учету, паспортизации памятников и реставрации их осуществляет созданный при областной администрации научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры (в составе департамента культуры и искусства).

Натурные и архивно-исторические исследования памятников во второй половине семидесятых годов позволили приступить к изданию подготавливаемых к «Своду...» материалов. Были опубликованы три работы¹. В подготовке статей для них принимали участие в качестве авторов больше пятидесяти научных работников кировских политехнического и педагогического институтов, художественного и объединенного краеведческого музеев, областной научной библиотеки им. Герцена, сотрудников

¹ «Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР: Кировская область». Москва, 1978 г. (составитель О. П. Точеный).

«Памятники истории и культуры Кировской области». Каталог. Киров, 1984 г. (составитель М. Н. Бойчук).

«Памятники истории и культуры города Кирова». Справочник. Горький, 1986 г. (составитель М. Н. Бойчук).

государственного архива Кировской области, корреспондентов местных газет, краеведов.

В 1970 году городам Кирову и Слободскому, а в 1990 году — Котельничу, Малмыжу, Нолинску, Орлову, Советску, Уржуму, Яранску, поселку Лальск, селам Великоорецкое и Рябово как крупным комплексным памятникам культуры, имеющим исторически сложившуюся планировочную структуру и застройку, сохранившим ценные памятники архитектуры, градостроительные ансамбли, природный ландшафт и древний археологический слой, присвоен статус «Историческое населенное место России».

В соответствии с постановлением Верховного Совета РСФСР от 25 декабря 1990 года в области проведены инвентаризация уже известных и выявление ранее не учтенных памятников архитектуры и градостроительства. В настоящее время на государственной охране состоят 240 памятников архитектуры, в числе которых 157 федерального и 83 областного значения. Кроме того, взято на учет еще 930 объектов.

Река времени неудержима, и то, что вчера еще казалось заурядным, сегодня становится единичным. Сейчас уже не найти самую привычную для наших прадедов курную избу; стремительно, на наших глазах исчезают целые кварталы домов XIX века — такие уютные и близкие для нас, но уже неведомые нашим детям. И само понятие «памятник архитектуры» лишь относительно: сегодня это рядовая застройка, а завтра — памятник, свидетель истории. Но и сохранившийся сам по себе, но потерявший окружающую застройку, лишенный родной среды памятник утрачивает львиную долю своего обаяния, лишается достоверности. «Живет» памятник архитектуры только в привычной среде. Прием, когда памятник сначала вполне сознательно лишают среды, чтобы потом легко справиться и с ним, становится распространенным в практике наших городов. Потому так важно оберегать не только «титулованные» памятники, но и их ближайшее окружение, а при обследовании застройки исторических городов и населенных мест как можно тщательнее фиксировать и все особенности так называемой рядовой застройки.

Мы заканчиваем тем, с чего начали: во все времена обязательно находятся люди, чувствующие ответственность перед потомками за жизнь островков общечеловеческой культуры, характеризующих уходящую эпоху. Великие энтузиасты, мудро названные емким словом «краеведы», ведут кропотливый поиск и постоянно пополняет список объектов, достойных названия «памятник культуры». История не прерывается. Памятник — это п а м я т ь.

Е. Л. СКОПИН

ИЗ ИСТОРИИ РЕСТАВРАЦИИ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Реставрация памятников архитектуры на территории области в послевоенные годы была начата под руководством архитекторов Владимирской специальной научно-реставрационной мастерской (СНРПМ) Е. А.

Архипова и М. А. Фирсова при участии А. М. Кузнецова и О. А. Кашинцевой. Тогда, в пятидесятые годы, были выполнены обмеры и архитектурные чертежи частичной реставрации кладбищенских ворот в г. Слободском (1770-е гг.), Никольской надвратной церкви (1690-е гг.), собора Успения Богородицы (1689 г.) и церкви Трех Святителей (1717 г.) Успенского Трифонова монастыря в г. Кирове. Эти работы, представляющие большую научную и художественную ценность, отличали подробности и тщательность проработки деталей, высокий уровень чертежной графики. Однако вопросы реставрации памятника в целом тогда не ставились и не решались. Проект реставрации храма Николы затрагивал, например, только планировку и декор его нижнего яруса и восстановление утраченной главы. А ведь это лишь часть сложного комплекса, включавшего в себя и настоятельские палаты, которые оставались вне внимания авторов. В Успенском соборе реставрации подверглись только портики, без увязки со зданием в целом. Тут же — реставрация наличников двух во многом схожих храмов — Преображенского и Трехсвятительского, работы по последнему из которых так и не были выполнены. В основном же проектные предложения были осуществлены, и работа тех лет до сих пор служит образцом добросовестного подхода к реставрации памятников архитектуры.

Весной 1963 года в бывшем Мурашинском районе работала экспедиция ЦНРМ Госстроя РСФСР в составе Е. А. Черникова, Л. А. Ткаченко и Жигуленковой. Был выполнен архитектурно-археологический обмер очень интересного памятника деревянного зодчества — церкви Николы в Нижнем Починке (1717 г.). Это достаточно известный храм, история ремонта которого в начале XX века получила отражение на страницах «Известий Императорской археологической комиссии». Тогда кровля храма была покрыта железом, а на главах появились декоративные звезды. В целом облик здания несколько не пострадал (в том числе и интерьер), и в таком виде памятник сохраняется и до сих пор. Единственная утрата — односходовое крыльцо «на отлете». Оно было восстановлено в начале 1970-х гг. Кировской научно-реставрационной производственной мастерской по проекту архитектора Е. А. Черникова, выполненному им сразу после проведения обмеров. В этой работе исходными для воссоздания полностью утраченной части памятника послужили, вероятно, архивные материалы археологической комиссии, находящиеся в фондах Института истории материальной культуры (г. Санкт-Петербург), хотя в проектной документации это не нашло никакого отражения. На обмерных чертежах тоже не зафиксировано никаких следов утраченного крыльца. Во всяком случае, даже если проект и был частично стилизаторским, то это очень техничная и мастерская стилизация, качественное осуществление которой хорошо дополнило памятник.

Наиболее ярким и поучительным примером может послужить история с уникальным памятником культового и оборонного зодчества — проездной башней Верхнечепецкого Крестовоздвиженского монастыря с надвратной часовней Михаила Архангела в г. Слободском. Часовня была срублена в 1610—1614 годах на окраине города в небольшом монастыре. Она сохранилась, но дошла до наших дней в сильно искаженном виде: сруб был обшит тесом, проезд в нижнем ярусе заделан, к зданию пристроена трапезная. Другие деревянные постройки обители постепенно ветшали, и их сносили. Часовню же берегли еще и потому, что ее судьба была как-то связана с именем Преподобного Трифона, местночтимого вятского Чудо-

творца. Памятник же на задворках монастыря был забыт. Вновь открыл его Б. В. Гнедовский в начале 1960-х годов, когда он просматривал в министерстве культуры списки церквей, присланных с мест, чтобы получить «добро» на их разборку. Тогда памятник был обмерен и исследован. Первый проект его реставрации появился в 1964 году (авторы Б. В. Гнедовский и Е. А. Черников), но почему-то «лег на полку». Другой проект, доработанный, в нескольких вариантах был выпущен в 1971 году одним Б. В. Гнедовским. Он предусматривал проведение реставрации на период первой половины XVII века и возвращение зданию его первоначального вида. Предлагалось удалить тесовую обшивку, разобрать поздний тамбур, восстановить утраченную галерею с одним выходом, покрыть лемехом главку и устроить восьми-скатную кровлю с выносными потоками. Правильность принятого решения с восьмискатной кровлей до сих пор вызывает сомнение. Прежде она имела обычное четырехскатное покрытие — такой же облик запечатлен на старых фотографиях. Идея восьмискатной кровли родилась только потому, что на чердаке часовни были обнаружены три верхних самцовых бревна с врубками под коньковые слезы. Вероятно, спорное решение могло быть более аргументированным при наличии хоть какой-нибудь документальной подосновы.

Сразу после реставрации этот сравнительно небольшой и компактный объект был разобран, перевезен в Париж и на некоторое время стал главным экспонатом выставки «Русская деревянная пластика от древнейших времен до наших дней». А дальнейшая судьба часовни может стать примером того, как не следует пропагандировать и охранять отреставрированные памятники. После возвращения памятника его снова собрали; в дороге была утеряна часть сруба, и ее пришлось спешно срубить заново. Но главное — башню-часовню поставили не на прежнем месте, а в центре города, на площади, и она оказалась в абсолютно чуждой для нее среде. Сделано это было как будто из лучших побуждений: тот участок монастыря, где стояла башня с Михайло-Архангельской часовней, до сих пор находится на закрытой территории действующей фабрики. На своем месте она смотрелась бы как нельзя лучше — там и привязка к особенностям рельефа, оправдывающая ее фортификационное назначение, и видовые точки, и память о полностью утраченной деревянной обители. Но там ее не могли бы увидеть многочисленные посетители. Власти города решили разместить в часовне филиал краеведческого музея и устроили наверху экспозицию древнерусского искусства, а в нижнем ярусе, где был проезд, парк сельскохозяйственной техники времен коллективизации. Такой, среди чуждой застройки, скрытая разросшимися деревьями, часовня выглядит и сейчас.

В конце 1950-х и 1960-х годах в Кирове работал участок Пермской СНРПМ. За эти годы были частично осуществлены проекты архитекторов из Владимира, проводилась исследовательская работа. К наиболее значительным следует отнести архитектурно-археологический обмер старейшего каменного памятника Кировской области — собора Успения Богородицы Трифонова монастыря. На основании этого обмера был составлен эскизный проект реставрации собора с восстановлением его позакомарного покрытия (автор проекта Г. Л. Кацко, 1960 г.). К сожалению, проект не был осуществлен.

В 1969 году Пермский участок был преобразован в Кировскую специальную научно-реставрационную мастерскую, которая на сегодняшний день сохранила свою подчиненность местной администрации.

Кроме слободской часовни, другим важным объектом на первом этапе существования новой организации являлась приказная изба в г. Кирове. Приказная изба (а по архивным источникам — питейный дом) — одно из наиболее старых сохранившихся каменных гражданских зданий в городе. Точная дата этой постройки неизвестна. Авторы проекта (архитекторы Б. В. Гнедовский и Л. Д. Лапина) сопоставляли питейный дом с такими известными памятниками как «дом Коробова в Калуге, дом Иванова в Ярославле, дом Сапожникова в Гороховце, Земский приказ в Москве и другие», полагая, что «вятский памятник является ярким примером жилого и гражданского здания провинциальной русской архитектуры конца XVII — начала XVIII вв». Отсюда в проекте реставрации появились архитектурные атрибуты, присущие зданию того периода — высокая дощатая вальмовая кровля с полицами и охлупнем и «ростовские» дымоходы, не выполненные при осуществлении проекта. Реставрационные работы по этому памятнику были закончены в 1974 году к 600-летию города. Здание вывели из тяжелейшего технического состояния (в нем размещался квасной цех), возвратили ему художественную привлекательность, после чего передали новому хозяину — краеведческому музею. При благоустройстве территории для лучшего обзора этого памятника был снесен другой, более поздний памятник — полукруглый корпус каменных лавок (архитектор Ф. М. Росляков, 1803 г.), который являлся частью архитектурного ансамбля торговой площади на перекрестке Спасской и Казанской улиц.

Частичная реставрация церкви Троицы в Макарье в черте города — другая важная работа Кировской СНРПМ. Она выполнялась в 1975 году. Троицкая церковь (1768—1775 гг.) — редкий по сохранности памятник «вятского барокко»; строила его артель хлыновских мастеров под руководством Никиты и Даниила Горынцевых. Храм отличался цельностью композиции, сочной декорировкой и полихромной окраской фасадов. Проведенные архитектором Л. Д. Лапкиной обследования показали, что под слоями поздних известковых побелок сохранились следы первоначальной расколеровки фасадного декора. Сочетанием всего трех красок — «яри», «киновари» и «вохры» — достигалась богатая гамма красочного звучания, ярко выделявшаяся на фоне беленых стен. Церковь тогда использовалась как клуб, и реставрация ограничилась расколеровкой фасадов. С северной стороны здания еще оставались поздние тамбуры, сохранилась и искаженная планировка помещений. Работы по фасаду были выполнены качественно, на строго документальной основе по проекту Л. Д. Лапкиной и Л. К. Россова.

В конце 1987 года церковь была передана приходской общине, и летом следующего года ее по настоянию общины перекрасили, фасад получил охристую окраску. В то же время под надзором специалистов кировских СНРПМ были выполнены и реставрационные работы, в результате которых церковь была освобождена от всех поздних пристроек, восполнены утраты фасадного декора и интерьеров, восстановлены полностью утраченные церковные ворота и ограда. Храм получил тот вид, который сохраняется и доныне.

Реставрация храма в Макарье заканчивала первый этап деятельности Кировской специальной научно-реставрационной мастерской. Впереди открывалась перспектива реставрации такого крупного комплекса, как Успенский Трифонов монастырь.

ХРОНОЛОГИЯ ВЯТСКИХ ГУБЕРНСКИХ АРХИТЕКТОРОВ (с 1780 по 1917 год)

Утверждение штата Вятского наместничества и должности губернского архитектора	1780 г. 17 сентября
АНАНЬИН ЯКОВ АНАНЬЕВИЧ, нижегородской губернский архитектор	1782 г., по совместительству
РОСЛЯКОВ ФИЛИМОН МЕРКУРЬЕВИЧ, архитектор. Определен на должность 16 декабря 1785 г.	7 апреля 1786 г. — 11 марта 1806 г.
РОДИОНОВ ЕВСТАФИЙ ИВАНОВИЧ, губернский землемер	11 марта 1806 г. — 29 августа 1806 г. (исп. должн.)
КИСЕЛЬНИКОВ МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ, архитектор	29 августа 1806 г. — 21 апреля 1810 г.
ИВАКИН МИХАИЛ, губернский землемер	(по 8 июня 1810 г.)
АНИСИМОВ МИХАИЛ АНКИНДИНОВИЧ, уездный землемер	8 июня 1810 г. (по другим данным, с 4 мая 1810 г.) — 1 августа 1813 г.
АНДРЕЕВСКИЙ НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ, архитектор	1 августа 1813 г. — 12 апреля 1820 г.
БАРДИН ФИЛИПП ГЕРАСИМОВИЧ, губернский землемер	17 апреля 1820 г. — 7 октября 1821 г.
АНИСИМОВ МИХАИЛ АНКИНДИНОВИЧ, заседатель уголовного суда	24 октября 1821 г. — 28 ноября 1821 г.
ДЮССАР ДЕ НЕВИЛЬ ИВАН ДЕНИСОВИЧ, архитектор	11 декабря 1821 г. — 1831 г.
ТИМОФЕЕВ АЛЕКСАНДР ЕГОРОВИЧ, архитектор	7 апреля 1832 г. — июнь 1833 г. (исп. должн.), 21 июня 1833 г. — 17 мая 1839 г. — губ. архитектор
СОЛОВКИН ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ, архитектор	1 марта 1837 г. — 19 февраля 1840 г. (исп. должн.)
КОСТАРЕВ ИВАН АНДРЕЕВИЧ, архитектор	19 февраля 1840 г. — 21 августа 1840 г.

СОЛОВКИН ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ, архитектор	21 августа 1840 г. — 7 февраля 1842 г. (исп. должн.)
КОСТАРЕВ ИВАН АНДРЕЕВИЧ, архитектор	7 февраля 1842 г. — 24 июля 1846 г.
МИРТОВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ, архитектор	22 октября 1846 г. — 16 июня 1851 г.
СОЛОВКИН ИВАН ТИМОФЕЕВИЧ, архитектор	июнь 1851 г. — 12 февраля 1852 г. (исп. должн.), 12 февраля 1852 г. — до 1859 г. — губ. архитектор
ГЛАЗЫРИН АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ, архитектор	1860—1864 гг. (исп. должн.)
АНДРЕЕВ АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ, инженер-архитектор	1868—1876 гг.
НЕФЕДЬЕВ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ, инженер-архитектор	1876 г. — декабрь 1883 г.
ДРУЖИНИН ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ, инженер-архитектор	10 октября 1884 г. — август 1893 г.
ЧАРУШИН ИВАН АПОЛЛОНОВИЧ, архитектор-художник 1-го класса	август 1893 г. — июль 1901 г.
МАКСИМОВИЧ ЯКОВ ПЛАТОНОВИЧ, архитектор	1902—1912 гг.
ПЛОТНИКОВ ИВАН КАПИТОНОВИЧ, архитектор-художник 2-й степени	1912—1915 гг.

СПИСОК ПАМЯТНИКОВ ЦЕРКОВНОГО ЗОДЧЕСТВА ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ, СОСТОЯЩИХ НА УЧЕТЕ ОТДЕЛА ПО ДЕЛАМ МУЗЕЕВ ГЛАВНАУКИ¹ НАРКОМПРОСА РСФСР

18 октября 1924 г.

Вятская губерния

г. Вятка

Церкви	Троицкий Кафедральный собор 1761—72 гг., * , Александровский собор, Спасский собор 1767 г., Воскресенский собор 1700 г., Покрова 1709 г., Сретенья 1709 г., Всех Святых 1723 г., Стефана 1763 г., Владимирской Б[ожьей] М[атери] 1727 г., Знаменья (Царевская) 1778 г., Предтеченская 1723 г., Бого- явления 1698 г.
Монастыри	Преображенский женский 1624 г., Трифонов мужской XVII в.

Вятский уезд

Села	Вяз	Спасская церковь 1760 г.
	Пасеговское	Рождества Пр[есвятой] Б[огородицы] 1778 г.

г. Слободск[ой]

Церкви	Вознесенский собор 1699 г., Сретенья 1699 г., Преображения 1699 г., Архангельская 1610 г., Введенская 1690—1698 гг., Предтеченская часовня.
Монастыри	Христорождественский XVII в., Верхнечепецкий Крестовозд- виженский.

Слободской уезд

Села	Екатерининское	Трифопова часовня XVI в.
	Великопольское	Казанской Б[ожьей] М[атери], деревян- ная XVIII в.
	Вохма	Воскресения, деревянная 1777—1782 гг.
	Гидаево, у деревни Монастырка	деревянная
	[Гидаево, у деревни] Ольковской	деревянная
	Елево	Петропавловская, деревянная

* Названия церквей и даты — так в документе.

Шестаково	Благовещения 1776 г.
Кайгородское	Воскресенья XVIII в.
Сырьянско-Никольское	св. Николая XV в.
Кирсинский завод	Покрова, деревянная 1797 г.

г. Уржум

Троицкий собор 1812—24 гг.

Уржумский уезд

Села	Сернур	дер[евянная] кладбищенская церковь
	Тактай-Беляк	Троицкая церковь 1821 г.
	Петровское	Петропавловская церковь 1796—1800 гг.
	Цепочкино	Преображения 1700—1711 гг.
	Шурма	деревянная церковь

г. Яранск

Благовещенья XVIII в., колокольня Троицкой церкви 1694 г.

Яранский уезд

Села	Кукарка	Покрова XVIII в.
	Муша	деревянная
	Часовня близ с. Тамаковки	
	г. Царевосанчурск	Тихвинская церковь 1761 г. Владимирская 1784 г.

г. Котельнич

Троицкий собор 1813 г., Предтеченская церковь 1808 г.

Котельничский уезд

Села	Макарьев	Введенская церковь 1766 г.
	Рыковское	часовня, деревянная XVIII в.

г. Малмыж

Богоявленский собор 1802 г.

Малмыжский уезд

Села	Зятцы	Введенская, деревянная 1752 г.
	Селты	деревянная

Суши   Михаила Архангела, деревянная 1733 г.

г. Нолинск

Николаевский собор 1722—24 гг.

Нолинский уезд

Села   Ошеть   Спасская церковь 1747 г.

г. Орлов

Казанский собор 1805 г., Благовещенская церковь 1812 г.

Орловский уезд

Села	Быстрица	Троицкая церковь 1754 г.
	Верхораменье	Богоявленская церковь, деревянная
	Истобенское	Николаевская 1765—68 гг.
	Чудиново	Троицкая 1766 г.

ГАКО. Ф.Р-875. Оп.1. Д.544. Л.137-142, 149. Подлинник. Подготовили Р. С. Шиляева, М. С. Судовиков.

¹ Главнаука — главное управление научными, научно-художественными, музейными и по охране природы учреждениями Народного Комиссариата просвещения РСФСР.

**ИЗ ТЕХНИЧЕСКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗАПИСКИ
К ПРОЕКТУ ПЛАНИРОВКИ г. ВЯТКИ — СПИСОК
ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ**

[1929] г.

Главнаукой взяты на учет и охрану в г. Вятке следующие памятники:

1. Гражданские

Улица	№№ домов	Примечание
Сад им. [Ст.] Халтурина	—	С планировкой, воротами и 2-мя деревянн[ыми] павильонами
Ул. Ст. Халтурина	157/4 ¹	
Ул. Троцкого	122/67 ²	С 2-мя воротами
Площ[адь] Ст. Халтурина	49/69 ³	
	47 ⁴	На углу улицы Энгельса
На берегу р. Вятки	— ⁵	2 здания бывш[их] правит. мест*
Ул. Энгельса	80/12 ⁶	

* Должно быть — присутственных мест.

	20 ⁷	
	176/43 ⁸	С 2-мя воротами
Ул. Карла Маркса	25/14 ⁹	
Ул. Коммуны	1/32 ¹⁰	С каменн[ым] флигелем и 2 ворот[ами]
	193/31 ¹¹	С 2-мя воротами
Ул. Карла Маркса	15 и 70 ¹²	Здание музея
Ул. Дрелевского	52/74 ¹³	
	215/26 ¹⁴	Дом УИКа
	— ¹⁵	
	213/39 ¹⁶	
	12 ¹⁷	
	— ¹⁸	Дом государственного банка
	— ¹⁹	Дом сельскохозяйств[енно-] го банка
	— ²⁰	Дом коммунистич[еского] просвещения и Музей рево- люции
Ул. Троцкого	— ²¹	Бывш[ая] военная гауптвах- та.

[II.] Памятники культа

Александровский собор, Воскресенский²², Спасский²³, Троицкий Кафедральный собор, Богоявленская церковь, Владимирская, Всехсвятская, Знамения, Покровская²⁴, Предтеченская²⁵, Стефановская, Сретенская (Пятницкая) церковь²⁶, Пресображенский женский монастырь в целом²⁷, Трифоновский мужской монастырь в целом²⁸.

Учитывая значительную культурную, историческую и т. д. ценность, которую все эти памятники собой представляют, при составлении проекта планировки необходимо, во-первых, учесть архитектурные особенности сооружений и, во-вторых, принять такое направление уличных магистралей, при котором продолжение их не затронет перечисленных выше памятников.

Картоиздательство НКВД

Бюро планировки городов

Руководитель проекта планировки г. Вятки проф. Коршунов

ГАКО. Ф.Р-897. Оп.1. Д.522. Л.63-64. Подлинник. Подготовили Р. С. Шиляева, М. С. Судовиков.

¹ Совр. ул. Ст. Халтурина, 4.

² Совр. ул. Большевиков/Ст. Халтурина, 67.

³ Совр. ул. Большевиков, 69.

⁴ Совр. ул. Большевиков/Энгельса, 71/1.

⁵ Совр. Динамовский проезд, 2, 4.

⁶ Совр. ул. Ленина/Энгельса, 63/12.

- ⁷ Совр. ул. Энгельса, 20.
- ⁸ Совр. ул. Энгельса, 43.
- ⁹ Совр. ул. К. Маркса/Московская, 50/35. Снесен после постройки театра.
- ¹⁰ Совр. ул. Московская, 32.
- ¹¹ Совр. ул. Московская, 33 (флигель — 31/101).
- ¹² Совр. ул. К. Маркса, 70.
- ¹³ Совр. ул. Дрелевского/К. Маркса, 32/74.
- ¹⁴ Совр. ул. Дрелевского/Володарского, 41/102.
- ¹⁵ Совр. ул. Дрелевского, 41-а.
- ¹⁶ Совр. ул. Дрелевского, 39.
- ¹⁷ Совр. ул. Дрелевского, 12.
- ¹⁸ Совр. ул. Дрелевского, 27.
- ¹⁹ Совр. ул. Дрелевского, ?
- ²⁰ Совр. ул. Дрелевского, 17.
- ²¹ Совр. ул. Большевиков/Дрелевского, 46.
- ²² Эти соборы снесены.
- ²³ Совр. ул. Большевиков, 50.
- ²⁴ Эти соборы и церкви снесены.
- ²⁵ Совр. ул. Ст. Халтурина/Свободы, 19/54-в.
- ²⁶ Эти церкви снесены.
- ²⁷ Совр. Динамовский проезд, 12.
- ²⁸ Совр. ул. Горбачева, 4.

СПИСОК ПАМЯТНИКОВ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА И АРХИТЕКТУРЫ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ, СОСТОЯЩИХ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЕ на 1995 год

Наименование памятника, автор	Датировка	Местонахождение
----------------------------------	-----------	-----------------

г. Киров

Спасский собор с двумя палатками на паперти	кон. XVIII в.	ул. Большевиков, 50
Дом М. Т. Окулова, арх. Росляков Ф. М.	1795 г.	ул. Большевиков, 52

1	2	3
Комплекс домов служителей Спасского собора, арх. Дюссар де Невиль, Соловкин И. Т., Глазырин А. Ф.	1825, 1842, 1853 г.	ул. Большевиков, 67, 69, 71
Дом Я. Ф. Гусева, арх. Анисимов М. А.	1812 г.	ул. Большевиков, 73
Дом П. П. Москвитина, арх. Андреевский Н. А.	1816—1817 гг.	ул. Герцена, 1
Ансамбль Успенского Трифонов монастыря:	XVII—XX вв.	ул. Горбачева, 4
Успенский собор	1684—1689 гг.	
Никольская надвратная церковь	1692—1695 гг.	
Трехсвятительская церковь	1711—1717 гг.	
Благовещенская церковь	1728 г.	
Настоятельские палаты	1719 г., 1818 г.	
Братский корпус	1742 г., 1831 г.	
Юго-восточная угловая башня и ограда	2-я пол. XVIII в.	
Монастырская поварня	2-я пол. XVIII в.	
Монастырская караульня	1740-е годы	
Братские кельи	1764 г.	
Летний дом настоятеля	1849 г.	
Деревянная часовня	1990 г.	
Северо-западная башня	1993 г.	
Юго-западная башня	1994 г.	
Колокольня	1994—1995 гг.	
Комплекс домов служителей Кафедрального собора, арх. Росляков Ф. М.	1804 г.	наб. Грина, 15, 17, 19, 21
Александровский костел, арх. Войцеховский К.	1899—1903 гг.	ул. Дерендяева, 46
Корпуса губернских присутственных мест, арх. Росляков Ф. М.	1787—1790 гг.	Динамовский проезд, 2, 4
Ансамбль Преображенского женского монастыря:	XVII—XX вв.	Динамовский проезд, 6—12

1	2	3
Спасо-Преображенская церковь	1696 г.	
Церковь Тихвинской Божьей Матери	1838 г.	
Кельи настоятельницы и казначей	1839 г.	
Монашеские деревянные кельи	1830-е годы	
Монастырская пекарня	сер. XIX в.	
Полукаменный дом Ольги и Елизаветы	1860-е годы	
Северо-западный корпус монашеских келий	1870—1883 гг.	
Церковь Божьей Матери «Утоли скорбь и печали» и южный корпус келий	1883 г.	
Сторожка	2-я пол. XIX в.	
Питейный дом	нач. XVIII в.	ул. Дрелевского, 46
Дом И. С. Репина, арх. Андреевский Н. А.	1817 г.	ул. Дрелевского, 6
Дом И. И. Татаурова, арх. Росляков Ф. М.	1795 г.	ул. Дрелевского, 8
Дом Аверкия Перминова	ок. 1755 г.	ул. Дрелевского, 10а
Усадьба С. Я. Машковцева, арх. Росляков Ф. М.	1792—1796 гг.	ул. Дрелевского, 12
Комплекс торговых лавок	кон. XVIII — нач. XIX вв.	ул. Дрелевского, 6, 11а, 15а
Здание Волжско-Камского банка	1879 г.	ул. Дрелевского, 19
Усадьба В. и Н. Калининых, арх. Росляков Ф. М.	1792—1795 гг.	ул. Дрелевского, 20
Общественный банк им. Ф. Веретенникова, арх. Чарушин И. А.	1913 г.	ул. Дрелевского, 23
Дом Ф. В. Веретенникова, арх. Андреевский Н. А.	1816 г.	ул. Дрелевского, 26
Дом Д. Ф. Бабиной, арх. Росляков Ф. М.	1804—1806 гг.	ул. Дрелевского, 31
Усадьба В. Я. Жмакиной, арх. Андреевский Н. А.	1815 г.	ул. Дрелевского, 41а, 41б, 41в

1	2	3
Дом связи, арх. Коршунов Б. А.	1930 г.	ул. Дрелевского, 43
Здание земского и Александров- ского реального училища, арх. Андреевский Н. А.	1869 г.	ул. Дрелевского, 67
Дом И. С. Репина, арх. Анисимов М. А.	1815 г.	ул. К. Маркса, 70
Дом П. Г. Аршаулова, арх. Росляков Ф. М., Кутушев Г. Г.	1799—1802 гг. 1903 г.	ул. К. Маркса, 73
Ансамбль Вятской духовной семинарии:	XVIII—XIX вв.	ул. Кирпичная
Архиерейский дом, арх. Росляков Ф. М.	1795 г.	
Северный учебный корпус, арх. Росляков Ф. М.	кон. XVIII в.	
Южный учебный корпус, арх. Росляков Ф. М.	1795 г.	
Семинарская поварня, арх. Дюссар де Невиль	1827 г.	
Семинарская библиотека, арх. Дюссар де Невиль	1831 г.	
Семинарская больница	сер. XIX в.	
Семинарская баня	1799 г.	
Дом П. Г. Аршаулова (Народный дом), арх. Анисимов М. А.	1812 г.	Кооперативный переулок, 4
Центральная гостиница, арх. Чарушин И. А.	1937 г.	ул. Ленина, 80
Дом П. Г. Аршаулова (Благородное собрание)	1813—1816 гг.	ул. Ленина, 82
Особняк Т. Ф. Булычева, арх. Чарушин И. А.	1908—1911 гг.	ул. Ленина, 96
Дом Н. В. Рязанцева, арх. Андреевский Н. А. арх. Яголковский Ф. Ф.	1820 г. 1912—1913 гг.	ул. Ленина, 97
Особняк Я. А. Прозорова, арх. Андреев А. С.	1872 г.	ул. Ленина, 104
Здание женского епархиального училища,	1862 г. 1864—1865 гг.	ул. Ленина, 111

1	2	3
арх. Андреев А. С., Чарушин И. А.	1871—1874 гг. 1934—1937 гг.	
Архиерейский дом	1774 г.	ул. Московская, 2-а
Дом А. И. Хохрякова	ок. 1860 г.	ул. Московская, 12
Дом Ф. М. Рязанцева, арх. Росляков Ф. М.	1792 г.	ул. Московская, 26
Дом А. Е. Калашникова, арх. Росляков Ф. М., Колачевич И. В.	1798 г. 1912 г.	ул. Московская, 27
Дом Ф. М. Рязанцева, арх. Росляков Ф. М.	1799 г.	ул. Московская, 28
Дом Я. Караваева	1820-е годы	ул. Московская, 29-а
Усадьба И. С. Колошина, арх. Росляков Ф. М.	1795 г., 1822 г., 1895 г.	ул. Московская, 30, 32
Здание Вятской женской гимназии, арх. Росляков Ф. М., Чарушин И. А., Козлов Н. И.	1799 г. 1899 г. 1954 г.	ул. Московская, 35
Здание Вятского сельскохозяйственного технического училища, арх. Бечко-Друзин В. К.	1902—1904 гг.	Октябрьский проспект, 12
Дом Гусева П. П.	нач. XIX в.	ул. Орловская, 17-а
Комплекс парковых сооружений:	1835—1840 гг.	Пионерский переулок
Входной портик и чугунная ограда, арх. Витберг А. Л.	1838—1840 гг.	
Центральный павильон, арх. Тимофеев А. Е.	1835 г.	
Береговая ротонда, арх. Тимофеев А. Е.	1835 г.	
Троицкая церковь	1768—1772 гг.	ул. Проезжая, 27
Церковь Иоанна Предтечи	1717 г.	ул. Свободы, 54-в
Вторая Вятская мужская гимназия, арх. Чарушин И. А.	1906 г.	ул. Свободы, 76
Городская пожарная часть, арх. Андреев А. С.	1867 г.	ул. Свободы, 113

1	2	3
Здание епархиальной богадельни арх. Чарушин И. А.	1900 г.	ул. Свободы, 124
Дом И. А. Чарушина	1-я пол. XIX в.	ул. Ст. Халтурина, 16
Дом Советов, арх. Громаковский Е. И., Козлов Н. И. Зянкин В. П.	1937—1949 гг., 1980 г.	Театральная площадь
Драматический театр, арх. Буров И. Г., Федоров А. Н. Козлов Н. И., Зырин Б. В.	1939 г., 1959 г.	Театральная площадь
Серафимовская церковь, арх. Чарушин И. А.	1904—1907 гг.	ул. Урицкого, 25
Особняк А. П. Долгушина	1900 г.	ул. Энгельса, 7
Дом Н. Н. Ухова, арх. Яголковский Ф. К.	1856 г.	ул. Энгельса, 15

Арбажский район

Троицкая церковь, арх. Кафтырев В. И.	1782—1808 гг.	с. Сорвижи
--	---------------	------------

Белохолуницкий район

Всехсвятская церковь	1767 г.	с. Всехсвятское
Колокольня Всехсвятской церкви	2-я пол. XVIII в.	с. Всехсвятское
Дмитриевская церковь	1777 г.	с. Пантыл
Никольская церковь с воротами	1747 г.	с. Сырьяны
Колокольня Никольской церкви	1773 г.	с. Сырьяны

Богородский район

Николаевская церковь	1780 г.	с. Лобань
----------------------	---------	-----------

Верхошижемский район

Преображенская церковь	1790 г.	с. Косино
------------------------	---------	-----------

Вятскополянский район

Деревянная мечеть	1848 г.	д. Старый Пинигерь
-------------------	---------	--------------------

1	2	3
---	---	---

Михайло-Архангельская (деревянная) церковь	1733 г.	с. Суши
---	---------	---------

Кирово-Чепецкий район

Спасская церковь	1776 г.	с. Вяз
Троицкая церковь	нач. XVIII в.	с. Кстинино
Церковь Знамения Богородицы	1726 г.	с. Пасегово

Котельничский район

Дом жилой	1-я пол. XIX в.	г. Котельнич, ул. Советская, 82
Николаевская церковь	XIX в.	г. Котельнич, ул. Шмидта, 22
Троицкая церковь	1775 г.	с. Екатерина
Ильинская церковь	1767 г.	с. Юрьево

Куменский район

Сретенская церковь	1772 г.	с. Березник
Церковь Владимирской Богоматери	1771 г.	с. Верхнекумены
Богородская церковь	1776—1785 гг.	к. п. Нижнеивкино

Лузский район

Михайло-Архангельская церковь	1896—1908 гг.	с. Верхне-Лалье
Покровская церковь	1740 г.	д. Заборье
Устьнедумская Богородицкая церковь	1763 г.	д. Зеленики
Богоявленская церковь с воспитательным домом	1711—1712 гг.	п. Лальск
Церковь Иоанна Предтечи	1714 г.	п. Лальск
Благовещенский собор	1732 г.	п. Лальск
Воскресенский собор	1698 г.	п. Лальск
Колокольня Воскресенского собора	1743 г.	п. Лальск
Спасская церковь	1730 г.	п. Лальск
Успенская кладбищенская церковь	1791—1796 гг.	п. Лальск

1	2	3
Кладбищенские ворота и ограда	кон. XIX в.	п. Лальск
Преображенская церковь	1748—1754 гг.	д. Слобода
Рождественская церковь	1773 г.	с. Учка
Малмыжский район		
Богоявленский собор	1788—1802 гг.	г. Малмыж, ул. Красноармейская, 79
Владими́ро-Богороди́цкая церковь	1761 г.	с. Старый Бурец
Нагорский район		
Успенская церковь	1898 г.	с. Николаево
Немский район		
Спасская церковь	1780 г.	с. Архангельское
Введенская церковь	1794—1800 гг.	с. Ильинское
Нолинский район		
Дом жилой	1-я пол. XIX в.	г. Нолинск, ул. Ленина, 24
Ансамбль Никольского собора с фрагментами ограды и башен	1724 г. XVIII—XIX вв.	г. Нолинск, ул. Ленина, 33-а
Успенская церковь	1843 г.	г. Нолинск, ул. К. Либкнехта
Колокольня Троицкой церкви	1761 г.	с. Кырчаны
Опаринский район		
Никольская (деревянная) церковь	1717 г.	поч. Нижний
Оричевский район		
Троицкая церковь	1763 г.	е. Быстрица
Никольская церковь	1768 г.	с. Истобенск
Троицкая церковь, арх. Росляков Ф. М.	1808 г.	с. Истобенск
Зосимо-Савватиевская церковь	1777 г.	с. Коршик
Спасская церковь	1778 г.	с. Спас-Талица

1	2	3
---	---	---

Орловский район

Троицкая церковь	1783—1789 гг.	г. Орлов, ул. Капустина, 2
Колокольня Троицкой церкви	1789 г.	г. Орлов, ул. Капустина, 4
Усадьба купца Кузнецова	XIX в.	г. Орлов, ул. К. Маркса, 60
Ильинская церковь	1776 г.	с. Колково
Вознесенская церковь	1776 г.	с. Русаново
Преображенская церковь	1797—1807 гг.	с. Тохтино
Ансамбль Троицкой церкви:	XVIII—XIX вв.	с. Чудиново
Троицкая церковь	1766—1776 гг.	
Дом священника	1-я пол. XIX в.	
Ворота и ограда церкви	нач. XIX в.	

Подосиновский район

Троицкая церковь	1792 г.	с. Шолга
Богоявленская церковь	1760—1774 гг.	с. Яхреньга

Слободской район

Ансамбль Христорождественского женского монастыря	XIX	г. Слободской, ул. Большевиков, Вятская, Гоголя, Ленина
Христорождественская церковь	1827 г.	
Колокольня	1897—1898 гг.	
Угловые башни, ворота и ограда	XIX в.	
Екатерининская церковь	1699 г.	г. Слободской, ул. Володарского, 54
Дом Анфилатова	XVIII в.	г. Слободской, ул. Ленина, 61
Благовещенская церковь	1784 г.	г. Слободской, пл. Революции
Колокольня Спасо-Преображенской церкви, арх. Дюссар де Невиль	1823 г.	г. Слободской, пл. Революции

1	2	3
Михайло-Архангельская надвратная (деревянная) часовня Богоявленского монастыря	1610 г.	г. Слободской, пл. Революции
Торговые ряды	1876—1896 гг.	г. Слободской, ул. Советская, 64
Комплекс гостиного двора	XIX в.	г. Слободской, ул. Советская, 66
Здание банка Анфилатова	1809 г.	г. Слободской, ул. Советская, 69
Дом Платунова	сер. XIX в.	г. Слободской, ул. Советская, 75
Усадьба Плюснина с воротами и оградой	нач. XIX в.	г. Слободской, ул. Советская, 80
Усадьба Гусева с воротами и оградой	сер. XIX в.	г. Слободской, ул. Советская, 82
Усадьба с воротами и оградой	сер. XIX в.	г. Слободской, ул. Советская, 84
Усадьба Гусева	сер. XIX в.	г. Слободской, ул. Советская, 92, 94
Часовня-ротонда Иоанна Предтечи	сер. XIX в.	г. Слободской, ул. Советская, 98
Кладбищенские ворота	1772—1775 гг.	г. Слободской, ул. Советская, 98
Дом культуры им. Горького	1937 г.	г. Слободской, ул. Советская, 100
Особняк Вахрушева	1908 г.	п. Вахруши
Троицкая церковь, ворота и ограда	1773 г.	с. Волково
Ильинская церковь	1772 г.	с. Ильинское
Спасская церковь	1765 г.	с. Совье
Никольская церковь	1765 г.	с. Шестаково
Советский район		
Здание пожарного депо	XIX в.	г. Советск, ул. Энгельса, 43
Покровская церковь	1700 г.	г. Советск, кладбище

1	2	3
Казанская церковь, арх. Росляков Ф. М.	1788—1794 гг.	с. Васильково
Троицкая церковь	кон. XIX в.	с. Завертная
Ансамбль Преображенской церкви	XIX в.	с. Зашижемье
Сунский район		
Ансамбль Вознесенской церкви:	XVIII—XIX вв.	п. Суна
Вознесенская церковь	1754—1830 гг.	
Южный и северный дома причта	нач. XIX в.	
Спасская церковь	1774 г.	с. Ошеть
Унинский район		
Богородская церковь	1859—1877 гг.	с. Порез
Уржумский район		
Усадьба Бушковых	сер. XIX в.	г. Уржум, ул. Советская, 9
Дом жилой	XIX в.	г. Уржум, ул. Советская, 11
Дом жилой	1-я пол. XIX в.	г. Уржум, ул. Советская, 16
Дом жилой	XIX в.	г. Уржум, ул. Советская, 17
Дом жилой с воротами	сер. XIX в.	г. Уржум, ул. Советская, 18
Воскресенская церковь	1761—1846 гг.	г. Уржум, ул. Советская, 19
Здание городской управы	XIX в.	г. Уржум, ул. Советская, 22
Здание почты	XIX в.	г. Уржум, ул. Советская, 25
Дом жилой	1-я пол. XIX в.	г. Уржум, ул. Советская, 26
Здание лавок	кон. XIX- нач. XX вв.	г. Уржум, ул. Советская, 30
Усадьба с воротами и оградой	XIX—XX вв.	г. Уржум, ул. Советская, 31

1	2	3
Троицкий собор	1812—1824 гг. 1895—1900 гг.	г. Уржум, ул. Советская, 34
Здание театра	кон. XIX в.	г. Уржум, ул. Советская, 36
Здание Дворянского собрания	нач. XIX в.	г. Уржум, ул. Советская, 38
Дом жилой	сер. XIX в.	г. Уржум, ул. Советская, 39
Дом жилой	сер. XIX в.	г. Уржум, ул. Советская, 40
Дом жилой	XIX в.	г. Уржум, ул. Советская, 42
Дом жилой	1901 г.	г. Уржум, ул. Советская, 44
Дом жилой	сер. XIX в.	г. Уржум, ул. Советская, 46
Дом жилой	сер. XIX в.	г. Уржум, ул. Советская, 50
Дом жилой	1-я пол. XIX в.	г. Уржум, ул. Советская, 52
Дом жилой	1-я пол. XIX в.	г. Уржум, ул. Советская, 56
Здание кинематографа	нач. XX в.	г. Уржум, ул. Советская, 58
Дом жилой	сер. XIX в.	г. Уржум, ул. Советская, 60
Часовня	1907 г.	с. Архангельское
Петропавловская церковь	1786 г.	с. Петровское
Крестовоздвиженская церковь	1871—1872 гг.	с. Пустополье
Вознесенская церковь, арх. Росляков Ф. М.	1820 г.	с. Рождественское
Фаленский район		
Богородицкая церковь	1797 г.	с. Белая
Троицкая церковь	1796 г.	с. Верхосунье
Юрьянский район		
Великорецкий церковно-	XVIII—XIX вв.	с. Великорецкое

1	2	3
---	---	---

ярмарочный ансамбль:

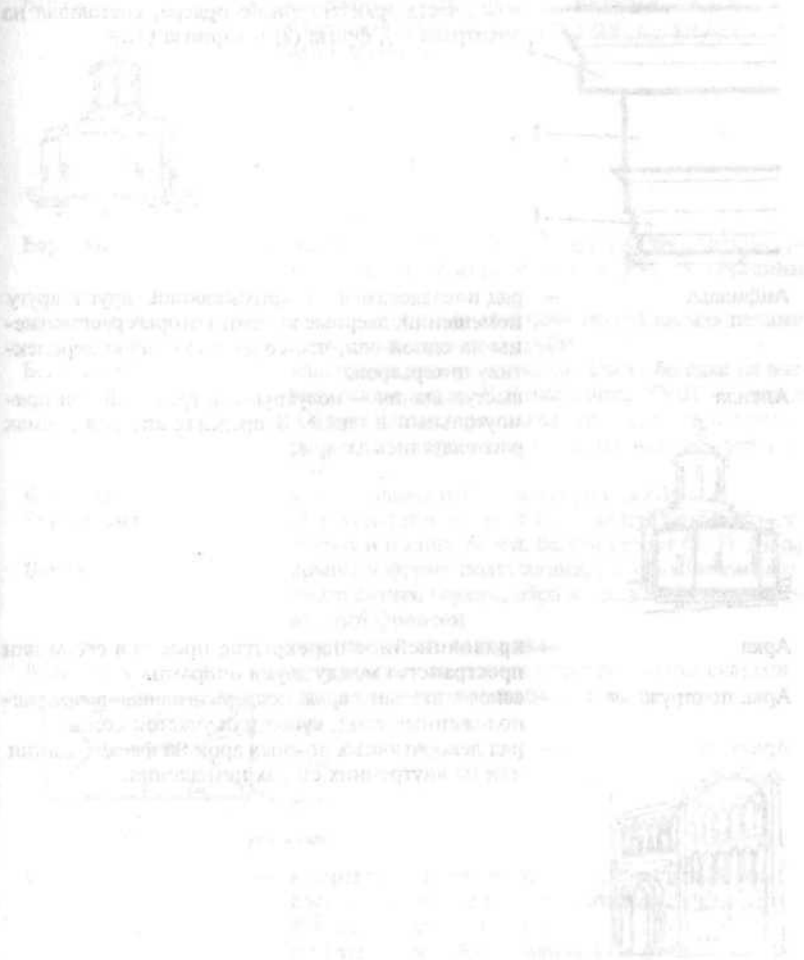
Преображенская церковь	1739 г.
Никольская церковь	1822—1839 гг.
Колокольня	1860 г.
Северные торговые ряды	2-я пол. XIX в.
Южные торговые ряды	1820—1830 гг.
Северо-восточный каменный дом	XIX в.
Северо-западный каменный дом	XIX в.
Юго-восточный каменный дом	XIX в.
Юго-западный каменный дом	XIX в.

Яранский район

Успенский собор, арх. Росляков Ф. М.	1970 г.	г. Яранск, ул. К. Маркса, 15
Ансамбль Троицкого собора:	XVII—XIX вв.	г. Яранск, ул. К. Маркса, 20
Троицкий собор, арх. Тон К. А.	1857 г.	
Колокольня Старо-Троицкого собора	1689 г.	
Усадьба Семенова	кон. XVIII в.	г. Яранск, ул. К. Маркса, 37
Корпус торговых рядов	сер. XIX в.	г. Яранск, ул. К. Маркса
Почтамт	1930—1931 гг.	г. Яранск, ул. Радина, 14
Городская усадьба	сер. XIX в.	г. Яранск, ул. Радина, 23
Богоявленская церковь	кон. XVII в.	г. Яранск, городской сад
Церковь Рождества Богородицы	1724 г.	с. Рождественское

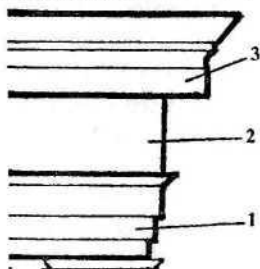
В 1990 году совместным Постановлением коллегии Министерства культуры РСФСР, Госстроя РСФСР и президиума Центрального совета ВООПИК в список исторических населенных мест Российской Федерации, имеющих ценные архитектурные памятники, градостроительные ансамбли и комплексы, являющиеся памятниками национальной культуры, а также сохранившиеся природные ландшафты и древний культурный слой земли, представляющий археологическую и историческую ценность, по Кировской области включены города Киров, Котельнич, Малмыж, Нолинск, Орлов, Слободской, Советск, Уржум, Яранск, поселок Лальск и села Великорепное Юрьянского района и Рябово Зуевского района.

Подготовил М. Н. Бойчук.

КРАТКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СЛОВАРЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

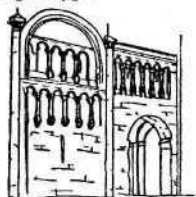
- Алтарь** — восточная часть храма, отделенная алтарной преградой, в православных храмах с XV в. — иконостасом.
- Амвон** — возвышенная площадка перед так называемыми царскими вратами.
- Ампир** — стиль в архитектуре и искусстве трех первых десятилетий XIX века. По характеру и времени распространения соответствует позднему классицизму.
- Антаблемент** — верхняя горизонтальная, поддерживаемая колоннами часть архитектурного ордера, состоящая из архитрава (1), фриза (2) и карниза (3).

- Анфилада** — ряд последовательно примыкающих друг к другу помещений, дверные проемы которых расположены на одной оси, что создает сквозную перспективу интерьеров.
- Апсида** — выступ здания — полукруглый, граненый или прямоугольный в плане. В пределах апсид в храмах располагались алтари.

- Арка** — криволинейное перекрытие проема в стене или пространства между двумя опорами.
- Арка подпружная** — вспомогательная арка, поддерживающая выше расположенный свод, купол или участок стены.
- Аркатура** — ряд декоративных ложных арок на фасаде здания или на внутренних стенах помещения.

Архитрав

— в архитектурных ордерах — балка, нижняя из трех горизонтальных частей антаблемента, обычно лежащая на капителях колонн (см. «антаблемент»).

Аттик

— стенка над венчающим архитектурное сооружение карнизом, часто украшенная рельефами и надписями.

База

— основание, подножие колонны или столба.

Балюстрада

— сквозное ограждение (в виде перил) балконов, галерей, лестниц, крыш.

Балясины

— невысокие фигурные столбики, поддерживающие перила ограждений балконов, лестниц и т. п.

Барабан

— опирающаяся на своды цилиндрическая или многогранная верхняя часть здания, служащая основанием купола.

Барокко

— один из главенствующих стилей в европейской архитектуре и искусстве конца XVI — середины XVIII вв.

«Белая» изба

— изба, в отличие от «черной» отапливаемая печами, имеющими дымовые трубы.

Бельведер

— надстройка над зданием; павильон, беседка на возвышенном месте. В Вятке конца XVIII — начале XX века бельведером называли мезонин, все четыре стены которого возвышались над кровлей здания.

Бельэтаж

— второй, парадный этаж дворца, особняка.

Богадельня

— до революции — заведение для призора увечных, старых и нищих людей, божий приют (В. И. Даль).

Бочка

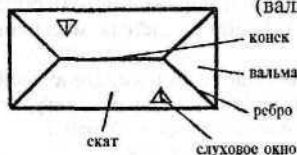
— крыша в форме полуцилиндра с повышенным и заостренным верхом, образующая на фасаде килевидный фронтон.

Бровка

— род изогнутого сандрика.

Вальмовая крыша

— четырехскатная крыша с треугольными скатами (вальмами) по торцевым сторонам.

Венец

— в деревянном строительстве бревна или брусья, составляющие один горизонтальный ряд сруба. Рубится «в лапу» и «в обло».

Вершок

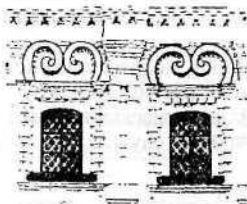
— русская мера длины, равная $1 \frac{3}{4}$ дюйма (4,45 см).

«Волоковое окно»

— Первоначально равнялась длине фаланги указательного пальца. 4 вершка = 1 пяди.
— окно в избе, отапливаемой «по-черному», без окончины, служащее для выпуска дыма; закрывается задвижкой («заволакивается»). См. рис. к «Деревянной архитектуре».

Волюта

— архитектурно-декоративная деталь в форме завитка. Один из излюбленных вятскими мастерами-зодчими конца XVII — начала XVIII в. декоративных элементов.

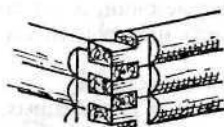
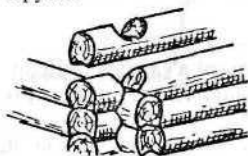

Восьмерик

— восьмиугольное в плане сооружение или часть сооружения.

Врубка

— вид связи бревен или брусьев между собой. Врубки могут быть сделаны в «обло» («в чашу») или «в лапу».

Галерея

— длинное крытое светлое помещение, в котором одну из продольных стен заменяют колонны, столбы или балюстрада.

Генплан

— генеральный план. Общий проектный план города или отдельных его частей, а также участков местности со схематическими изображениями (в определенном масштабе) зданий, зеленых массивов, магистралей и т. д.

Гирька

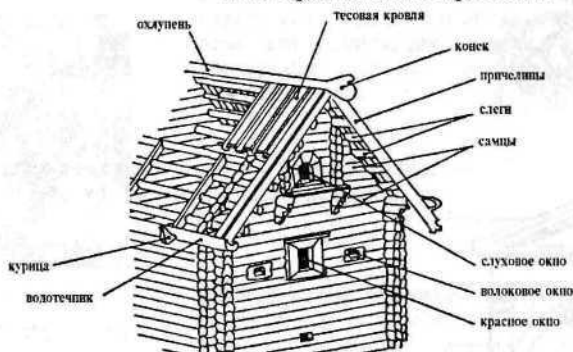
— фигурный камень, подвешенный посередине двойной арочки (встречается и в фасадных аркатурах).

Глава, главка

— наружное декоративное завершение барабанов церквей и мечетей в форме луковицы, шлема, конуса.

- Город** — система оборонительных сооружений населенного пункта (городовая стена, башни, выходы); населенный пункт, защищенный городской стеной. Крепость, укрепленное место внутри поселения, кремль.
- Городни** — бревенчатые срубы, поставленные вплотную друг к другу и образующие основание городской стены; использовались для размещения обороняющихся или засыпались землей (камнем).
- Гульбище** — в древнерусской архитектуре наружная открытая терраса или закрытая галерея, окружающая здание на уровне перекрытий подклета.
- Двоетес** — кровля из двух слоев теса.
- Декор** — система украшений сооружения или изделия.
- Деревянная архитектура** — область архитектуры, обладающая особой спецификой, определяемой характером материала и строительными приемами.

- Десятина** — основная дометрическая русская мера площади, равная 2400 кв. саженей (1,09 га, т. н. казенная).
- Длинник** — размер, протяженность (участка, дома), длина.
- Драница** — длинная сосновая дощечка для крыши, получаемая отщеплением от бревна. «Купили сто драниц дву сажен на монастырском дворе хоромы крыть» (1598 г.). Для крыши работного дома в Хлынове куплена дрань длиною от трех до шести аршин (1781 г.).
- Дымник** — деревянная труба в избах, которые топились по-черному, для вытяжки дыма.
- Дынька** — декоративная деталь в русской архитектуре XIII—XVII вв.; утолщение на столбах, колонках, в наличниках окон и дверных порталах; украшение стволов колонн, напоминающее по форме дыню.

Жгут

— декоративные элементы фасадов каменных храмов на рубеже XVII—XVIII веков.

Жило (в «два жила») — ярус, этаж.

Займище

— участок земли, занятый каким-либо владельцем под пашню, сенокос или другое «угодье» с легкими, чаще временными постройками, зачаток поселения (починка). Термин XVII века.

Закомара

— в русской архитектуре полукруглое или килевидное завершение участка стены, повторяющее очертание расположенного за ним свода. В архитектуре Вятки не сохранилась. Ложные закомары со сводом не связаны и имеют только декоративное значение.

Замок

— килеобразный камень или кирпич в вершине свода или арки, расклинивающий их.

Затяжка

— железный прут круглого или квадратного сечения, воспринимающий горизонтальное усилие (распор), возникающее при загрузке свода или арки.

Звонница

— колокольня в древнерусской архитектуре; в более раннее время строилась в виде массивной стены со сквозными проемами, в которых подвешивались колокола. В деревянном зодчестве — два столба с перекладиной для подвески колоколов, позже — двух-трехъярусная рубленая постройка.

Зодчий

— архитектор, строитель (В. И. Даль. Толковый словарь).

Иконостас

— перегородка с иконами и резными дверями в православном храме, отделяющая алтарную часть от основной части интерьера. Русский тип высокого иконостаса с рядами икон сложился в к. XIV — н. XV вв.

Интерьер

— внутреннее пространство здания или какого-либо помещения (вестибюль, фойе, зал).

«Камешница»

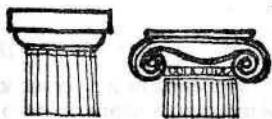
— печь для приготовления пищи, сложенная из камня во дворе (термин XVIII века).

Каннелюры

— вертикальные желоба на стволе колонны или пилястры.

Капитель

— художественно обработанная верхняя часть вертикальной опоры (колонны, пилястры).

Карниз

— выступающий край крыши, предназначенный для защиты стен от дождя. Верхняя часть антаблемента (см.)

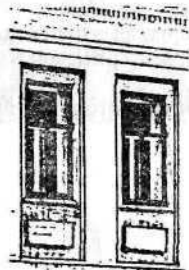
Картуш

— декоративная деталь в виде щита или не до конца развернутого свитка с изображением герба, эмблемы или надписи; декоративный элемент в виде обрамленного завитка поля, нередко со скульптурным заполнением.

Кассета

— прямоугольное или квадратное углубление в стене, в котором размещены оконные проемы. То же, что и кессоны (см.). Один из излюбленных элементов декора в зданиях Ф. М. Рослякова.

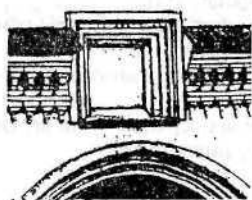
Келья

— жилое помещение в монастыре, комната инока.

Кессоны

— квадратные углубления на потолке или на внутренней поверхности арки, сводов (см. «кассеты»).

Киот

- 1) шкафчик (обычно остекленный) для икон. «Над вороты Спасов Нерукотворенный образ в киоте» (описание Спасской башни хлыновского кремля, 1678 г.);
- 2) профилированная рамка, в которую помещается икона или фреска.

Классицизм

- художественный стиль в европейском искусстве к XVII — н. XIX вв., одной из важных черт которого было обращение к формам античного искусства как к идеальному эстетическому эталону.

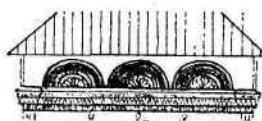
Клетский храм

- один из типов деревянных православных храмов, в котором основное помещение размещено в клети, перекрытой двускатной крышей.

Клеть (сруб)

- простейшая срубная конструкция в деревянном строительстве, образованная положенными друг на друга венцами бревен.

Кокошники

- ложные закомары, имеющие только декоративное значение. Располагаются в верхней части стен храмовых зданий или в основании барабанов глав (в несколько ярусов). Типичны для архитектуры XVI—XVII вв.

Колокольня

- башня с открытым ярусом для колоколов, стоящая рядом с храмом или включенная в его композицию.

Колонна

- архитектурно обработанная, круглая в поперечном сечении вертикальная опора, стержневой элемент здания (см. «ордера»).

Колоннада

- ряд или ряды колонн, объединенных горизонтальным перекрытием.

Конек

- (конь, князь, князек) — в русском деревянном зодчестве скульптурное завершение венчающего крышу бревна — охлупня в виде изображения коня или птицы. В современном словоупотреблении конек — верхнее ребро двускатной или четырехскатной крыши. См. «Деревянная архитектура».

Консоль

- выступ в стене или заделанная одним концом в

Красная линия

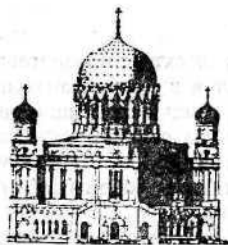
- стену балка, поддерживающая карниз, балкон или какие-либо фигуры (см. кронштейн).
- в градостроительстве обозначает условную границу, отделяющую магистрали, улицы, проезды и площади от застройки.

Кремль-город

- одно из трех названий хлыновского кремля и его укреплений: город, кремль, Малый город (вторую полосу обороны, укрепления посада в конце XVII в. называли Большим или Земляным городом).

Крестово-купольный храм

- тип христианского храма, сложившийся в зодчестве Византии. В центре круглое помещение для молящихся, перекрытое куполом, а от него — крестом — отходят четыре пониженной высоты придела, перекрытые цилиндрическими сводами.

Кронштейн
Кубышка

- (см. консоль).
- часть столба или колонны в виде широкого округлого сосуда.

Купол

- пространственное покрытие зданий и сооружений, перекрывающее круглые, многоугольные, эллиптические в плане помещения.

Курма

- одна из форм завершения деревянных и каменных православных храмов.

Лантерна

— световой фонарик, служащий завершением купола.

Лемех

— в русской деревянной архитектуре продолговатые, слегка изогнутые дощечки в форме лопатки или плоской уступчатой пирамидки, служащие для покрытия глав, барабанов, шатров.

Лоджия

— помещение, открытое с одной или нескольких сторон. Обычно представляет собой балкон, заглубленный в объем здания.

Лопатка

— плоская вертикальная полоса, выступающая на поверхности стены здания. В отличие от пилястры не имеет базы и капители. В русской архитектуре одно из основных средств ритмического членения стены.

Люкарна

— оконный проем в чердачной крыше или купольном покрытии.

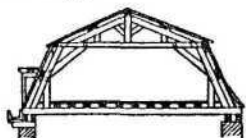
Люнет

— (люнетта), арочный проем в своде или стене, ограниченный снизу горизонтально, «глухой» или остекленный.

Мансарда

— помещение на чердаке здания.

Мезонин

— надстройка над средней частью жилого дома. В русской архитектуре стал применяться с конца XVIII века.

«Модерн»

— стиль в европейском искусстве конца XIX — нач. XX вв.

Мост

— перекрытие этажа здания; уличная мостовая из дерева; гать через болотистое место. (Сл. русс. яз. XI—XVII вв.).

Муравлёные печи

— изразцовые печи.

«Настоящая» церковь

— термин XVIII века, означавший основную часть храма, холодную церковь, в отличие от приделов, размещенных в трапезной.

Неф

— вытянутое помещение, часть интерьера храма, ограниченная с одной или с обеих продольных сторон рядом колонн или столбов.

Новоселёбный

— вновь построившийся и поселившийся владелец места.

«Обло», рубить
«в обло»

— один из способов углового соединения бревен одного венца; рубить «в обло с остатком» или «в чашу». «Облый» — круглый, кругловатый (см. «врубка»).

Обломы
архитектурные

— декоративные элементы, различные по своему поперечному сечению (профилю), преимущественно протяженные, горизонтальные (полочка, валик, каблучок, выкружка и др.).

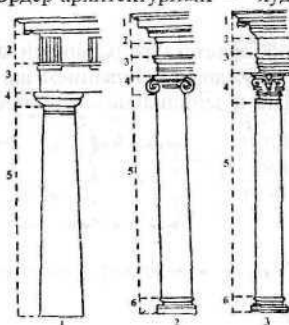
Окончина

— оконная рама, остекленная или заполненная слюдой. «Зделать из казенного товару в строящуюся церковь в окна слюдяные з белом железом... пятнадцать окончин...» (подрядный договор, 1765 г.)

Ордер архитектурный

— художественно осмысленная система рациональных соотношений между несомыми и несущими частями здания.

Основные ордера: дорический (1), ионический (2), коринфский (3).

Палаты

- в русской средневековой архитектуре богатое жилое здание.

Пандус

- прямоугольная или криволинейная в плане наклонная площадка, служащая для въезда к парадному входу.

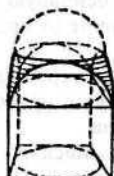

Паперть

- помещение перед входом в церковь, имеющее вид небольшой галереи, иногда — открытая площадка, крыльцо.

Паруса

- элементы купольной конструкции, обеспечивающие переход от квадратного в плане подкупольного пространства к окружности купола или его барабана.

Пилон

- массивные столбы, служащие опорой арок, перекрытий, мостов либо стоящие по сторонам входов или въездов.

Пилястра

- плоский вертикальный выступ прямоугольного сечения на поверхности стены или столба, повторяющий все части и пропорции ордерной колонны.

План

- выполненное в определенном масштабе графическое изображение горизонтальной проекции здания, этажа, комплекса зданий, усадьбы.

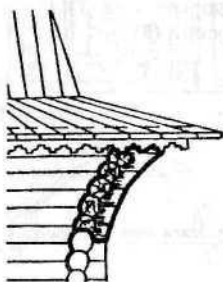
Плетенка

- декоративные элементы фасадов каменных храмов на рубеже XVII—XVIII веков.

Повал

- в русской деревянной архитектуре расширенная верхняя часть сруба, служащая основанием шатровых и скатных крыш и защищающая стены от дождя.

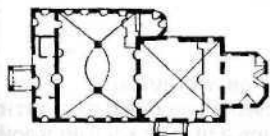
- Погост** — административно-территориальный центр, церковь с кладбищем и домами причта, сельское кладбище.
- Подклет, подызбица** — нижний этаж жилого дома или храма, обычно имеющий служебно-хозяйственное назначение.
- Полица** — в русской деревянной архитектуре нижняя, пологая часть крутой двускатной или шатровой крыши, отводящая дождевые воды от стен.

- Полуглавие** — полукруглый выступ-шипец по середине завершения стены.
- Полуколонка** — колонна, выступающая из стены по всей своей высоте на половину диаметра (декоративный элемент).
- Поребрик** — вид орнаментальной кирпичной кладки, при которой один или несколько рядов кирпича укладываются под углом к наружной поверхности стены.
- Портал** — архитектурно оформленный вход в здание.
- Портик** — часть здания, открытая на одну или три стороны и образуемая колоннами (реже столбами) или арками, несущими перекрытие; завершается фронтоном или аттиком.

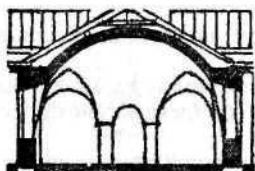

- Посад** — торгово-ремесленная часть русских городов, расположенная вне крепости.
- Починок** — новое поселение, деревенька на вновь расчищенном участке.
- Престол** — в православном храме: высокий четырехугольный столик, стоящий посредине алтаря.
- Придел** — в православном храме небольшая бесстолпная пристройка с южной или северной стороны фасада или специально выделенная часть основного здания, имеющая алтарь с самостоятельным престолом.

- Приказчик городской** — в XVII—XVIII вв. должностное лицо, ведающее строительством и содержанием городских укреплений.

- Приходская церковь** — церковь, имеющая свой приход (округ), жители которого являются прихожанами церкви.
- Причелина** — в русской деревянной архитектуре доска на фасаде избы (обычно резная), защищающая торцы слег (см. «Деревянная архитектура»).
- Прясло** — звено изгороди от столба до столба; крепостная стена между двумя башнями.
- Пята** — нижняя, опорная часть арки, свода.
- Пятиглавие** — канонизированное (узаконенное) церковью завершение храма пятью главами. Объяснение заключалось в том, что глава церкви — Спаситель, а о нем писали четыре евангелиста.
- Раскреповка** — выступ из плоскости фасада, антаблемента, карниза, обогащающий пластическое решение.
- Распалубка** — криволинейная поверхность, образующая при пересечении двух взаимноперпендикулярных цилиндрических сводов — например, в том случае, когда часть оконного или дверного проема в стене находится выше пяты сводчатого перекрытия помещения.

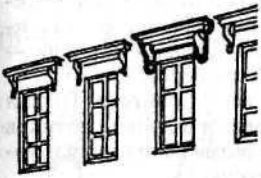
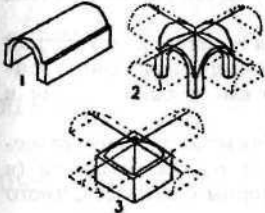

- Распор** — горизонтальная сила, возникающая при загрузке сводчатой конструкции.
- Ревчение** — технологический прием заглаживания поверхности кирпичной стены путем затирки ее кирпичом.
- Ризалит** — выступающая часть здания, идущая во всю его высоту.
- Ризница** — помещение в церкви для хранения риз, церковной утвари.
- Розетка** — орнаментальный мотив в виде стилизованного распустившегося цветка.
- Ротонда** — центрическое сооружение, круглая в плане постройка, обычно увенчанная куполом.

- Рундук** — крытая площадка наружной лестницы.
- Рустика** — рельефная кирпичная кладка или облицовка стен камнями с грубо отесанной или выпуклой лицевой поверхностью (т. н. рустами). При оштукатуренной поверхности рустика имитируется разбивкой стены на прямоугольники.

- Ряж** — сруб из бревен в виде клетки, используемый в качестве опоры (мостов, плотин, мачт и пр.).
- Сажень** — старая русская мера длины. Здесь имеется ввиду сажень трехаршинная, введенная в обиход Соборным уложением 1649 года. Она равна 213,36 м.
- Сандрик** — декоративная архитектурная деталь в виде небольшого карниза, расположенного над проемом окна или двери на фасадах зданий, в интерьерах. Иногда опирается на консоли и завершается фронтоном.
-
- Свод** — конструкция перекрытий сооружений, имеющая выпуклую криволинейную форму. Своды могут быть сомкнутые (3), цилиндрические (1), крестовые (2), купольные, зеркальные (коробовые).
-
- Связи контурные** — железные (из кованого бруса) связи, уложенные в кирпичную кладку наружных и капитальных внутренних стен, соединенные между собой с помощью чеки и проушины. В XIX веке практически не применялись. Иное название — стеновые связи.
- Скала** — береста, издавна используемая в строительстве в качестве гидроизоляционного материала.
- Смета** — расчет потребного для постройки количества строительных материалов, рабочих и денежных средств.
- Стиль (в архитектуре)** — устойчивые признаки характерных особенностей архитектуры зданий и сооружений, которые определяются их функциональной и пространственной организацией (взаимосвязь и соразмерность несущих и несомых частей, их пропорции и ритмический строй), а также средствами украшения фасадов и интерьеров (фактура, орнамент, скульптура, цвет).
- Стопа** — неизвестная ныне мера длины, применявшаяся в Византии; упоминается в Кормчей книге.
- Стулья** — опорная конструкция для рубленого или щиткового одноэтажного дома без каменного фундамента в виде стоек из бревна, опирающегося на крестовину.

- Тарасы** — две параллельные рубленые стены, связанные между собой поперечными бревенчатыми стенками или отдельными бревнами. Засыпанные землей, они составляли основу городской стены.
- Тес** — историческое название доски, дошедшее до нас с того времени, когда ее получали не распиливанием, а раскалыванием бревна и последующим отесыванием специальным топором — теслом. «Тесина» — толще и шире, для полов. «Тесница» — тоньше и уже, для кровли и заборов.
- Тимпан** — треугольное внутреннее поле фронтона. Поле в пределах фронтона, закомар, сандриков, аттиков и т. д., используемое для размещения скульптурного или живописного декора.
- Трапезная** — 1) в христианских монастырях специальное здание с церковью и залом для совместной трапезы монахов;
2) просторная, невысокая пристройка с западной стороны храма, служившая первоначально для общественных нужд прихожан и богослужения в зимнее время.
- Триглифы** — прямоугольные плиты с тремя желобками, размещенные на фризе (см.) дорического ордера (в камне они изображают торцы балок невидимого зрителем перекрытия).
- Туры** — плетеные из ивняка и заполненные землей корзины диаметром и высотой по одному аршину. Поставленные в линию на дерево-земляной городской стене Хлынова, они защищали обороняющихся.
- Тягло** — система денежных и натуральных государственных повинностей крестьян и посадских людей. С введением подушной подати (XVIII в.) термин «тягло» заменен словом «подать».
- Ужище** — устар. вервь, вервие, веревка, канат.
- Филенка** — небольшой участок стены, двери, пилястры, обведенный рамкой.
- Фонарь** — остекленная часть кровельного перекрытия или венчающий купол выступ (барабан) с большими окнами для освещения верхней части храма.
- Фриз** — 1) в архитектурных ордерах средняя горизонтальная часть антаблемента (см. «антаблемент»);
2) сплошная полоса декоративных, скульптурных, живописных и др. изображений, окаймляющая верх стен.
- Фронтон** — завершение (обычно треугольное, реже лучковое) фасада здания, портика, колоннады, ограниченное двумя скатами по бокам и карнизом у основания.

Цоколь
«Черная изба»

- подножие здания, памятника или колонны.
- изба, отапливаемая «по-черному» — печью без дымовой трубы, когда дым удаляется из помещения через волоковые окна или через дымник.

Четверик

- четырехугольное в плане сооружение или составная часть композиции шатровых и ярусных храмов.

Шатер

- (шатровое покрытие) — завершение центрических в плане построек в виде высокой четырехгранной пирамиды.

Шипец

- верхняя часть стены треугольного или фигурного очертаний, в отличие от аттика не отделенная карнизом.

Ширинка

- небольшая квадратная или прямоугольная в плане выемка в стене каменного здания, парапета, окаймленная профилированной рамкой, может иметь заполнение в виде изразца или розетки.

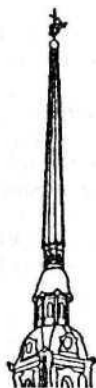

Шпалеры

- здесь штофные (тканевые) обои для стен и мебели.

Шпиль

- вертикальное остроконечное завершение зданий в виде сильно вытянутых вверх конуса или пирамиды, увенчанных флагом, скульптурным или резным изображением.

Эклектика

- направление в архитектуре, для которого характерно смешение разнородных художественных элементов, провозглашение равнозначности разных архитектурных стиливых форм («все красиво, все допустимо, все хороши»), измешеченность декора и его приоритет над архитектурными формами.

Эркер

- полукруглый, треугольный или многогранный остекленный выступ в стене здания.

БИБЛИОГРАФИЯ

Искусство стран и народов мира. Архитектура. Живопись. Скульптура. Графика. Декоративное искусство: Краткая художественная энциклопедия: В 5-ти т. М., 1962—1981.

Мастера советской архитектуры об архитектуре: Избранные отрывки из писем, статей, выступлений и трактатов: В 2-х т. М., 1975.

Иконников А. В. Тысяча лет русской архитектуры. М., 1990. 384 с.: ил.

История русской архитектуры. 2-е изд., испр. и доп. М., 1956. 614 с.: ил.

Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 8, ч. 2. Приуральский край. СПб, 1901. 314 с.: ил.

Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: Настольная и дорожная книга. Т. 5. Урал и Приуралье / Под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского. СПб, 1914. 669 с.: ил.

Гнедовский Б. В. Русский Север: Фотоальбом. М., 1972. 317 с.: ил. (Память России. Кн. 3).

Гнедовский Б. В., Добровольская Э. Д. Дорогами земли Вятской. М., 1971. 135 с.: ил. (Дороги к прекрасному).

Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура. М., 1970. 143 с.: ил.

Древнерусское искусство: Произведения, входящие в экспозицию музея /Обл. худож. музеев; Сост. Г. Киселева, С. Ямщиков. Киров, 1971. 71 с.: ил.

Древнерусское искусство. Живопись Хлынова XVII в.: Каталог произведений древнерусского искусства, включенных в экспозицию музея /Обл. худож. музеев; Сост. Г. Г. Киселева. Киров, 1978. 35 с.: ил.

Вятский временник: Памятник вятской письменности конца XVII в. /Публ. А. С. Верещагина. Вятка, 1905. 98 с.

Летописец старых лет: Памятник вятской письменности XVII—XVIII вв. / Публ. А. С. Верещагина. Вятка, 1905. 97 с.

Повесть о стране Вятской /Вятский летописец/: Памятник вятской письменности XVII—XVIII вв. / Публ. А. С. Верещагина. Вятка, 1905. 97 с.

Сказания русских летописцев о Вятке /Публ. А. С. Верещагина. Вятка, 1905. 122 с.

Столетие Вятской губернии: Сборник материалов к истории Вятского края: В 2-х т. Вятка, 1880—1881.

Древние акты, относящиеся к истории Вятского края: Прил. ко 2-му т. сб. «Столетие Вятской губернии». Вятка, 1881. 270 с.

Сборник храмозданных грамот на построение церквей в Вятской губернии / Сост. В. И. Шабалин. Вятка, 1914. 513 с.

Вятская епархия: Историко-географическое и статистическое описание / Сост. Н. В. Кибардин, В. И. Шабалин. Вятка, 1912. 673 с.

Энциклопедия земли Вятской: Откуда мы родом?: В 10-ти т. Т. 4. История / Сост. В. А. Бердинских. Киров, 1995. 524 с.: ил.

Очерки истории Кировской области / Науч. ред. А. В. Эммаусский, Е. И. Кирюхина. Киров, 1972. 455 с.: ил., историогр. обзор.

Лушпов П. Н. История города Вятки. Киров, 1958. 238 с.: ил.

История и культура Вятского края. (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии): Тез. докладов и сообщений к межрегион. конференции / Киров. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена. Киров, 1994. 569 с.

Петряев Е. Д. Вятские книголюбы. Киров, 1986. 223 с.: ил.

Петряев Е. Д. Записки книголюбца. Киров, 1978. 279 с.: ил.

Петряев Е. Д. Литературные находки: Очерки культурного прошлого Вятской земли. 2-е изд., доп. Киров, 1981. 288 с.: ил.

Эммаусский А. В. Очерк истории Вятской земли в XVI — начале XVII в. Киров, 1951. 72 с.

Эммаусский А. В. Исторический очерк Вятского края XVII—XVIII веков. Киров, 1956. 243 с.: ил.

Вятка: Материалы для истории города XVII—XVIII столетий. М., 1887. 311 с.

Юрьев В. П. Вятская старина: Материалы для истории Вятского края первой четверти XVIII в. Вятка, 1888. 154 с.

Тинский А. Г. Вятская мозаика. Киров, 1994. 192 с.: ил.

Тинский А. Г. Планировка и застройка Вятки в XVII—XIX вв. Киров, 1976. 228 с.: ил.

Каптиков А. Ю. Архитектурные памятники Урала XVIII века: Барокко в уральской архитектуре: Автореферат канд. дис. М., 1976. 31 с.

Каптиков А. Ю. Каменное зодчество русского Севера, Вятки и Урала XVIII в.: Проблема региональных школ. Свердловск, 1990. 181 с.: ил.

Каптиков А. Ю. Народные мастера-каменщики в русской архитектуре XVIII века (на примере Вятки и Урала): Учебное пособие. М., 1988. 104 с.: ил.

Каптиков А. Ю. Региональное многообразие архитектуры русского барокко: Учебное пособие. М., 1986. 115 с.: ил.

«Образцовые» проекты в жилой застройке русских городов XVIII—XIX вв. / Под ред. В. Н. Иванова. М., 1961. 206 с.: ил.

Размещение жилищного строительства в городах: Сборник статей. М., 1960. 181 с.: ил.

Берова И. В. Архитектура Вятки последней четверти XVIII — начала XIX веков и творчество Ф. М. Рослякова: Автореферат канд. дис. М., 1993. 24 с.

Снегирев В. Л. Архитектор А. Л. Витберг: Жизнь и творчество. М.: Л., 1939. 108 с.: ил.

Москалец Е. С., Пешнина Л. В. А. Л. Витберг в Вятке. Киров, 1975. 63 с.: ил. (Выдающиеся деятели и уроженцы Вятского края).

Зырин Б. В. Архитектор Чарушин /1862—1945/. Киров, 1989. 96 с.: ил.

Быкова Е. А. Творчество И. А. Чарушина и архитектура Прикамья конца XIX — начала XX века: Автореферат канд. дис. Л., 1987. 18 с.

Художники Чарушины: Материалы конференции /Киров, обл. худож. музей; Сост. И. Любимова. Киров, 1992. 80 с.

Всесоюзный 4-й смотр творчества молодых архитекторов. Архитектура. Графика. Живопись: Каталог (выставки творчества молодых архитекторов г. Кирова). Киров, 1973. 1 л. слож. в 9 с.

* * *

Памятники истории и культуры Кировской области: Каталог /Сост. М. Н. Бойчук. Киров, 1984. 152 с.

Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР: Кировская область/ Ред.-сост. О. П. Точеный. М., 1978. 187 с.: ил., библиогр.

Памятники истории и культуры города Кирова: Справочник /Сост. М. Н. Бойчук; Науч. ред. Е. И. Кирюхина. Горький, 1986. 174 с.: ил., библиогр.

Милорадович Г. А. Вятка и ее достопримечательности. Вятка, 1874. 31 с.: ил.

Берова И. В. Прогулки по старой Вятке: Книга для учителя /Рис. Т. Дедовой. Киров, 1995. 148 с.: ил.

Берова И. В. Ансамбль Вятского Успенского Трифонова монастыря: История, архитектура, живопись в свете последних исследований. Киров, 1989. 64 с.: ил.

Селивановский К. История Вятского Успенского Трифонова монастыря от его основания до настоящего времени. Вятка, 1912. 133 с.

Успенский Трифонов монастырь в гор. Вятке. Вятка, 1905. 35 с.: ил.

Александро-Невский собор в городе Вятке. 2-е изд. Вятка, 1903. 26 с.: ил.

Александровская церковь. Киров: Хойсвейлер, 1993. 16 с.: ил.

Воскресенский собор в Вятке. Вятка, 1916. 14 с.

Никитников Г. Историко-статистическое описание Воскресенского собора в Вятке. Вятка, 1869. 185 с.: Прил. 99 с.

Любимов В. А. Вглядываясь в лица домов (г. Вятки-Кирова): Опусы краеведческой публицистики. Киров, 1995. 224 с.: ил.

Архитектура старой Вятки/Киров, гор. отд-ние Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры. Киров, 1974. 1 л. слож. в 7 с.: ил.

Зырин Б. В. Архитектура города Кирова (советский период)/Киров, гор. отд-ние Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры. Киров, 1974. 1 л. слож. в 3 с.: ил.

Ардашев М. А. Дорогие памяти места. Киров, 1974. 20 с.: ил. (О городе Кирове и кировчанах).

Киров /Авт. текста А. Иванов; Фотогр. О. Листопадова. М., 1979. 14 с.: ил.

Семь холмов над рекой: Фотоповесть о городе Кирове /Сост. А. А. Лиханов; Худож. А. Буркатовский; Фотогр. Д. Германа. М., 1976. 184 с.: ил.

Ордена Ленина Кировская область: Фотоальбом /Сост. С. К. Абатуров; Фотогр. А. Скурихина, Ю. Шишкина, А. Тинского; Текст О. Любовикова; Худож. В. Мошаков. Горький, 1975. 223 с.: ил.

Описание памятников русской архитектуры по уездам Вятской губернии // Известия имп. археологической комиссии. СПб, 1912—1913. Вып. 44, 46, 48.

Маковецкий И. В. Архитектура русского народного жилища. Север и Верхнее Поволжье. М., 1962. 338 с.: ил.

Мачинский В. Д. Крестьянское строительство в России. М., 1924. 112 с.: ил.

Тинский А. Г. О строительстве в колхозах. Киров, 1956. 69 с.: ил.

Порошин И. В. Белая Холуница. Киров, 1991. 153 с.: ил.

По памятным местам Белохолуницкого района /Район. отд-ние Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры; Сост. И. В. Порошин. Белая Холуница, 1970. 1 л. слож. в 31 с.: ил.

Шнайдер С. С. Город Вятские Поляны. Киров, 1968. 41 с.: ил.

Вятские Поляны /Автор текста А. Гильмутдинова. М., 1987. 12 с.: ил.

Кирово-Чепецк /Авт. текста А. Лашукова. М., 1987. 12 с.: ил.

Котельнич: Годы и люди /Сост. А. Д. Вылегжанин. Котельнич, 1993. 96 с.: ил.

Котельнич /Авт. текста Ю. Волосков. М., 1981. 6 с.: ил.

Сборник материалов для истории города Лальска Вологодской губернии /Сост. И. Пономарев. Великий Устюг, 1897. 260 с.

Худяков М. Г. Исторический очерк города Малмыжа. Вятка, 1916. 72 с.

Стародубцев П. И. Земля свечинская. Киров, 1992. 232 с.: ил.

Вятский край. Сб. № 2 (об архитектуре церквей г. Слободского). Слободской, 1921. 75 с.

Слободской /Авт. текста А. Кузьмин. М., 1987. 12 с.: ил.

Город Советск. 1594—1994 гг. /Сост. А. Н. Смехова. Советск, 1994. 20 с.: ил.

Слобода Кукарка: Советск. 1594—1994 гг. Советск, 1994. 175 с.: ил.

Бельтюков Н. Ф. Памятники земли Унинской. Уни, 1993. 35 с.: ил.

Помещиков В. И., Карпов В. Б. Уржум. Киров, 1987. 109 с.: ил.

Верхотин К. В. Кировские места в Уржуме /Худож. А. М. Колчанов. Горький, 1977. 111 с.: ил.

Кутюков М. М. Яранск. Киров, 1984. 128 с.: ил.

Памятные места города Яранска/Район. отд-ние Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры; Сост. М. М. Кутюков. Яранск, 1978. 1 л. слож. в 6 с.: ил.

Кудрявцев В. Ф. Старина, памятники и легенды Прикамского края: В 4-х вып. Вятка, 1896—1906.

Архитектурные памятники Удмуртии /Сост. Е. Ф. Шумилов. Ижевск, 1975. 1 л. слож. в 12 с.: ил.

Вопросы искусства Удмуртии: Сборник статей. Ижевск, 1976. 159 с.: ил.

Памятники истории и культуры Удмуртии: Каталог. 2-е изд., перераб. Ижевск, 1990. 156 с.

Памятники истории и культуры в произведениях кировских художников. Живопись. Графика. Скульптура. Плакат. Декоративно-прикладное искусство. Архитектурное проектирование: Каталог /Сост. Л. Б. Горюнова. Киров, 1984. 33 с.: ил.

* * *

Вятские епархиальные ведомости. Вятка, 1863—1917.

Памятная книжка и календарь Вятской губернии. Вятка, 1854—1916.

Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1905—1917.

Чудова Г. Ф., Колупасва В. Н. Указатель содержания «Трудов Вятской ученой архивной комиссии» 1905—1917 гг. /Киров. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена. Киров, 1993. 114 с.

Литература о Кировской области: Текущий указатель /Киров. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена. Киров, 1969—1995—.

Составитель С. П. КОКУРИНА

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

С. П. Кокурина

- 1374 — закладывается первый на Вятке русский город — поставленные вплотную друг к другу, задними стенами ко рву и крутостям берега, однокамерные рубленые жилища первых поселенцев.
- около
1455 — на высоком берегу р. Вятки воздвигнут кремль с земляным валом, рвом, деревянными стенами с башнями, названный Хлыновом. При воеводе Г. А. Козловском 17 сентября 1663 г. началась коренная перестройка оборонительных сооружений. Вокруг посада был вырыт ров и насыпан высокий земляной вал, на котором выстроена деревянная стена с башнями и проездными воротами. Перестройка укреплений кремля, постройка второго пояса обороны по границам нового посада — создание двухвальной системы обороны Хлынова продолжалось до 1692 г.
- 1459 — первые упоминания в летописях о городах-крепостях Котельниче и Орлове, в 1489 г. — о Слободе Верхней (ныне г. Слободской). Первые сообщения об Уржуме относятся к 1554 г., о Кикнуре — к 1555 г. Крепость Кайгород основана Строгановыми в 1558 г., слобода Трехсвятская (ныне г. Елабута) — в 1550-е гг. Царевосанчурская и Яранская крепости основаны в 1584 г. Во второй половине XVI в. возникают города Малмыж, Вятские Поляны, Лальск, слобода Кукарка (ныне Советск) и русское с. Вознесенское (ныне г. Сарапул). В XVII в. старцами Успенского монастыря основан погост Никольский, положивший начало с. Ноли (ныне г. Нолинск) и возникло с. Глазово (ныне г. Глазов).
- 1579 — срублена деревянная церковь-часовня, по преданию, монахом Трифоном у с. Екатерининского (около Слободского). Была построена в виде клетки крестьянского дома. В XIX в. как памятник древнего зодчества помещена в сруб-футляр. До наших дней не сохранилась.
- 1580 — 2 июня получена грамота Ивана Грозного на построение монастыря в Хлынове. Архитектурный ансамбль соборной площади Вятского Успенского Трифонова мужского монастыря создавался более 250 лет, сохранив свою первоначальную планировку.

После 1918 г. монастырь был закрыт и утратил ряд своих памятников. Реставрационные работы начались в 1950-х гг., а с 1970-х гг. — планомерная реконструкция монастыря. После передачи памятника в ведение Вятской епархии, монастырь вновь стал действующим, реставрация его продолжается.

- 1589 — осуществлена постройка деревянного шестипатрового Успенского храма Трифонова монастыря, отражающего единение вятских городов. Разобран в 1664 г. В 1684 г. при епископе Ионе Баранове начались работы по строительству каменного храма. Успенский собор был освящен 31 мая 1689 г. В 1745 г. на соборе сменили кровлю, в 1808—1809 гг. были перестроены северный и южный входы и паперть. Реставрация икон и роспись интерьера проведена артелью палехских иконописцев в 1895—1896 гг. Реставрация иконостаса выполнена по проекту И. А. Чарушина. В 1990 г. над восстановлением живописи собора трудились вятские художники во главе с ярославским реставратором Ю. Ф. Медведевым.
- 1610 — в Слободском Богоявленском мужском монастыре заложена проездная крепостная деревянная башня с надвратной часовней, посвященной покровителю русского воинства Михаилу Архангелу. Предание связывает строительство с именем Трифона Вятского. Освящена часовня в 1614 г. После реставрации в феврале 1973 г. Михайло-Архангельская башня-часовня была представлена на выставке «Русская деревянная декоративная пластика от древнейших времен до наших дней» в Париже. Это самое раннее деревянное крепостное сооружение, сохранившееся в России.
- 1624 — в Хлынове основан Ново-девичий монастырь. Преображенский каменный храм освящен 12 сентября 1696 г. Домовая церковь Божьей Матери «Утоли скорбь и печали» построена в 1883 г. Монастырь функционировал до 1920-х гг. Ныне монастырский комплекс возвращен епархии.
- 1630 — на Вятке в Хлынове, Слободском, Орлове, Шестакове и Котельниче сыскано 118 кирпичников (кирпичиков, каменщиков) и гончаров для отправки к «городовому делу» в Можайск и Вязьму. В 1653—1659 гг. вятские обжигальщики кирпича работали на строительстве Валдайско-Иверского монастыря. По указу Петра I на государевых работах в Таганроге, на Северной Двине и в Петербурге трудились кирпичники вятской земли.
- 1667 — в верховьях р. Моломы в с. Нижний Починок (ныне Опаринский район) была построена деревянная Никольская церковь. Этот шедевр русского деревянного зодчества перестраивался в 1717 г. Памятник архитектуры.
- 1668 — в Хлынове родился Иван Иванов сын Никонов, будущий глава замечательной артели местных мастеров-каменщиков.

- 1670 — в сентябре в Хлыновском кремле было отведено место для постройки архиерейского дома. Через шесть лет приглашенная Ионой Барановым московская артель начала строить первый каменный жилой дом на Вятке. Поврежденный пожарами 1700 и 1752 гг., он быстро разрушался. В 1760 г. был разобран. Новые архиерейские палаты построены в 1774 г.
- 1676 — начало каменного строительства на Вятке. 10 апреля началось строительство первого каменного храма в Хлынове. Свято-Троицкий и Николаевский кафедральный собор был освящен в июле 1683 г., разобран в 1759 г. В 1760—1772 гг. шло строительство нового Кафедрального собора при участии московского архитектора Д. В. Ухтомского и под руководством его учеников. Это был один из значительных барочных храмов России. Разрушен в 1930-х гг.
- 1693 — в Хлынове была закончена постройка каменной Спасской церкви, поврежденной пожаром 1752 г. Восстановлен собор в 1760 г., в 1769—1797 гг. он перестраивался, шли строительные и отделочные работы. Решен собор в духе раннего классицизма. Колокольня и восьмерик его разобраны в 1930-х гг. Ныне предстоят работы по реставрации памятника.
- 1695 — 12 марта выдана грамота на пострсение в Хлынове Воскресенского собора. В марте 1700 гг. мастера региональной школы каменного зодчества во главе с И. И. Никоновым начали кирпичную кладку храма. Разрушен в 1930-х гг.
- 1697 — 31 мая в Хлынове прошла торжественная закладка Царево-Константиновской церкви. Строила ее известная артель каменщиков во главе с И. И. Никоновым на средства купца Г. П. Машковцева. Построена в 1699 г. В дальнейшем храм перестраивался. Закрыта церковь в 1928 г. Памятник относится к ярусному типу храмов.
- 1698 — началось строительство первого каменного храма в г. Лальске. Возводили Воскресенский собор мастера из Соли Галицкой. Освящен храм в 1717 г., а в 1729 г. заложена колокольня. Церковь Благовещения построена в 1732 г. Это основные здания известной соборной площади города.
- 1702 — хлыновские мастера принимают участие в строительстве Ново-Двинской крепости.
- начало XVIII в. — в Хлынове построен каменный питейный дом (известный под ошибочным названием «Приказная изба»). Один из ранних сохранившихся памятников гражданской архитектуры представляет собой небольшое одноэтажное здание на высоком подклете. Все помещения перекрыты лотковыми сводами. В 1973—1975 гг. проведена реставрация памятника по проекту архитекторов

Б. В. Гнедовского и Л. Д. Липкиной (г. Москва). В здании открыт музей «Вятские народные художественные промыслы»;

— в Хлынове выстроен двухэтажный каменный дом купца И. Г. Толмачева. Он имел трехчастную планировку. В 1899 г. при перестройке здания установили водонапорный бак и пожарную каланчу по проекту архитектора В. М. Дружинина. Дом снесен после постройки в 1939 г. драмтеатра.

- 1717 — построена в Хлынове, заложенная по заказу посадских людей в 1714 г., Иоанно-Предтеченская церковь в «виде восьмигранной башни», как раньше строились деревянные храмы. Церковь, покрытая великолепным каменным кружесом, несколько раз перестраивалась. Закрыта в 1930-х гг. Ныне ее восстанавливает Вятская епархия.
- 1719 — в Успенском Трифоновом монастыре выстроены каменные настоятельские и казначейские палаты, одно из первых гражданских каменных зданий XVIII в. в Хлынове. Памятник архитектуры.
- 1722 — издан правительственный указ «О строении крестьянских дворов в погорелых и вновь строящихся селах и деревнях «по образцовому чертежу».
- 1729 — епископом Лаврентием Горкой дана грамота на построение каменной церкви в Покровском приходе на р. Лузе. Заказчики — лальские купцы Пестовские. Храм Покрова — это тип двухэтажного культового здания. Нижний теплый храм освящен в 1740 г., холодный верхний, в 1750 г.
- 1731 — родился Иван Дмитриев сын Коршунов, один из лучших хлыновских каменных дел мастеров XVIII в.
- 1739 — в центре с. Великорецкое (ныне Юрьянский район) была освящена Преображенская церковь. По образцу этого храма построены: Спасская церковь в с. Кумены (1745), Николаевская в с. Сырьяны (1747), Троицкая в с. Чудинове (1776) и многие другие.
- 1742 — плотники Р. Лихачев и С. Вахрушев построили деревянную церковь в «Еловской деревне» (ныне с. Елово в Удмуртии) «по выданному рисунку» (проектному чертежу).
- 1744 — первый приезд в Хлынов московского специалиста-архитектора Тихона Иевского.
- 1752 — выстроены каменные палаты Вятской духовной консистории. В последующие годы к зданию делали пристройки, надстройки, частично перестраивали, увеличив его втрое. Построено оно из старого большемерного кирпича от разборки архиерейских палат XVII в. Ныне эта самая старая постройка на территории Хлыновского кремля.

— в Хлынове построен один из первых после пожара 1752 г. каменный двухэтажный жилой дом секретаря Вятской провинциальной канцелярии Аверкия Перминова. Для декоративной отделки его применена кукарская опока. По проекту инженера Э. К. Ньюквиста в 1904 г. к зданию пристроены два трехэтажных крыла. После перехода в 1780 г. дома в казну в нем до 1801 г. жили вятские губернаторы, а с 1815 по 1841 гг. здание занимала Вятская мужская гимназия. Памятник архитектуры.

1759 — комиссией о межевании земель впервые снят с натуры геодезически точный план г. Хлынова и его окрестностей, известный как «план П. И. Шувалова».

1763 — начало работ на Вятке семейства устюжских каменщиков Горынцевых.

1767 — в с. Юрьеве над р. Моломой (ныне Котельничский район) на месте древней церкви Ильи Пророка построен основной храм Ильинской церкви. Трапезная и колокольня построены позднее.

1768 — 31 июня получена грамота на строительство Макарьевской церкви Троицы «за Вяткою рекой» (ныне в черте г. Кирова). Построена в 1775 г. мастерами Горынцевыми. Это памятник «Вятского барокко» с характерным богатым и рельефным декором. В 1975 г. проведена частичная реставрация церкви. В 1987 г. храм был передан церковной приходской общине;

— мастерами Горынцевыми сооружена Николаевская церковь в с. Истобенском.

1772 — начало строительства кладбищенских ворот с Троицкой церковью в г. Слободском. Построены в 1775 г. на средства купца Платунова. Ворота и калитки объединены в причудливо изогнутую стену. Композиция напоминает полуоткрытый старообрядческий складень.

1775 — в г. Слободском выстроен дом купцов Анфилатовых — двухэтажный каменный особняк. Первый в России городской общественный Анфилатовский банк, постройки 1809 г., является памятником архитектуры.

1777 — предписание казанского губернатора П. С. Мещерского (Вятская земля входила в Казанскую губернию) за составлением проектов церковных зданий обращаться к архитектору В. Кафтыреву в Казани. 11 ноября Вятская духовная консистория запретила строить церкви и колокольни «без проектов архитекторских».

1780 — в декабре образовано Вятское наместничество с центром в г. Вятке. В 1796 г. наместничество было преобразовано в Вятскую губернию.

- 1782 — начало строительства Троицкой церкви в с. Сорвижи (ныне Арбайский район) по архитектурному проекту В. И. Кафтырева школы Д. В. Ухтомского. Построена в 1808 г.
- 1784 — высочайше подтверждены (утверждены) регулярные проектные планы тринадцати вятских городов: Вятки, Елабуги, Орлова, Кая, Царевосанчурска, Слободского, Сарапула, Уржума, Малмыжа, Котельнича, Нолинска, Глазова, Яранска. Застройка по новым планам началась согласно решению губернского правления от 23 июня 1786 г.
- 1785 — в г. Вятку направлен первым губернским архитектором Ф. М. Росляков, ученик В. И. Кафтырева, казанского губернского архитектора.
- 1786 — началась застройка губернского и уездных городов по «примерным» проектам Комиссии о строении городов и проектам Рослякова. С 1809 г. застройка продолжалась по «образцовым» проектам архитекторов Л. И. Руска и В. П. Стасова. Только в 1858 г. в России было разрешено строить жилые здания по фасадам, отличающимся от утвержденных. На Вятке стали появляться дома, построенные по индивидуальным проектам местных архитекторов.
- 1787 — в мае состоялась закладка первого корпуса губернских присутственных мест. Постройка двух корпусов по проекту Ф. М. Рослякова закончена в 1790 г. В 1797 г. в южном корпусе открылась типография (ныне областная типография), где с 1838 г. печатались «Вятские губернские ведомости».
- 1789 — Ф. М. Росляков составил проект ансамбля Вятской духовной семинарии. К 1831 г. строительство ансамбля в районе Филимоновской архиерейской дачи на берегу р. Люльченки было закончено. После пожара 1819 г. реконструкция и строительство архиерейского дома, учебных корпусов, библиотеки, поварни, больницы, бани выполнены по проектам И. Д. Дюссар де Невилля. Архитектурный комплекс дошел до наших дней с незначительными перестройками (ныне здесь военное авиационно-техническое училище).
- 1792 — начало строительства в г. Вятке усадьбы купцов В. и Н. Калининных (архитектор Ф. М. Росляков). Работы закончены в 1795 г. В дальнейшем это губернаторский дом. В 1855 г. начался ремонт здания. В 1868 г. А. К. Серебряков разработал проект перестройки дома под окружной суд (ныне областной суд).
- 1796 — построен двухэтажный каменный особняк Е. Хохрякова по проекту Ф. М. Рослякова. Флигель построен в 1799 г. В 1863 г. в здании разместились Вятская губернская публичная библиотека, которой в 1917 г. присвоено имя А. И. Герцена. По проекту инженера П. Г. Погудина в 1929 г. сделан пристрой для читального зала, а в 1959 г. осуществлена по проекту архитектора

Б. И. Александрова реконструкция здания, построено новое книгохранилище;

— по проекту губернского архитектора Ф. М. Рослякова построена усадьба купцов Машковцевых. К дому примыкал сад с оранжереями, беседками, четырьмя прудами. В мае 1837 г. здесь останавливался В. А. Жуковский. В 1841 г. дом был куплен казной, перестроен, и в 1844 г. его заняла Вятская мужская гимназия — единственное среднее учебное заведение губернии (ныне Дом культуры профтехобразования).

1798 — впервые через р. Вятку в губернском центре по проекту Ф. М. Рослякова был выстроен деревянный сборно-разборный мост, который в зимнее время убирали. В 1806 г. вновь решили строить плавучий мост. Наведение наплавного моста было в 1821, 1839, 1921 гг. Постоянный автодорожный мост построен только в 1962 г.

1799 — по проекту Ф. М. Рослякова построено двухэтажное каменное здание для купцов Федора и Афанасия Машковцевых. В 1867 г. в нем разместились Вятская женская гимназия. В 1899 г. по проекту И. А. Чарушина к зданию пристроены актовый зал и домовая церковь. В 1950-х гг. архитектор Н. И. Козлов произвел реконструкцию и надстроил два этажа (ныне средняя школа № 22);

— на Спасской улице г. Вятки построены первые каменные торговые лавки. Проект выполнил Ф. М. Росляков. Современный архитектурный комплекс создавался до 1899 г.

1806 — в г. Воткинске Вятской губернии выстроен одноэтажный деревянный дом с садом и надворными постройками для горного начальника Камско-Воткинского железоделательного завода. Авторы проекта — архитекторы Н. А. Андреевский и В. Н. Петенкин. После реставрации здания в 1968—1970 гг. здесь открыт Дом-музей П. И. Чайковского.

1807 — на Ижевском оружейном заводе Вятской губернии начал работать архитектор С. Е. Дудин, автор генерального плана и строитель г. Ижевска;

— начало строительства по проекту С. Е. Дудина главного корпуса (башни с высоким шпилем) Ижевского оружейного завода. Построен в 1815 г. Строительство завода закончилось в 1844 г.

1812 — 23 марта Александром I утвержден новый перспективный план г. Вятки, предложенный в 1807 г. архитектором Е. И. Родионовым и откорректируемый петербургским архитектором В. И. Гесте. Следующий план города был утвержден Министерством внутренних дел в октябре 1888 г. В 1911 г. город получил разрешение на строительство 18 новых кварталов;

— в г. Уржуме заложен каменный храм, который простоял до конца XIX в. В 1890 г. архитектор В. М. Дружинин выполнил проект нового Троицкого собора. Строительство закончено в 1900 г. Ныне храм возвращен православной церкви.

1815 — в г. Вятке по проекту архитектора Н. А. Андреевского выстроен деревянный одноэтажный особняк Жмакиных с мезонином и каменным цокольным этажом. Вторые этажи над крыльями построены Вятским уездным земством в 1914 г. Дом стоит не на красной линии улицы, а в глубине двора. В этой усадьбе в 1836—1837 гг. жили ссыльные А. Л. Витберг и А. И. Герцен, с 1861 по 1867 гг. размещалась Вятская женская гимназия, до 1917 г. находилась земская управа. После реставрации в январе 1990 г. дом стал Домом творческих союзов, здесь расположены Главное управление архитектуры и градостроительства области, областная писательская организация.

— на основе «образцового» проекта в стиле «ампирной» архитектуры М. А. Анисимов построил дом вятского купца И. С. Репина. В 1918 г. здесь был открыт музей искусства и старины (ныне областной художественный музей имени В. М. и А. М. Васнецовых). В здании сохранилась первоначальная планировка и парадная межэтажная лестница. В 1992 г. были закончены работы по строительству рядом нового большого специализированного здания музея, соединенного с первым внутренним переходом. 28 мая около музея открыт памятник художникам — братьям Васнецовым. В 1826 г. по тому же «образцовому» видоизмененному проекту архитектором И. Д. Дюссар де Невилем был построен дом для служителей Спасского собора в г. Вятке.

1816 — закончено строительство дома П. Г. Аршаулова в г. Вятке по проекту архитектора М. А. Анисимова. В 1826 г. в здании разместился клуб «Благородное собрание», где в декабре 1837 г. А. И. Герцен произнес речь по поводу открытия публичной библиотеки. В начале 1920-х гг. здесь был открыт музей (ныне областной краеведческий музей).

1823 — Вятское городское общество построило первое деревянное здание больницы Приказа общественного призрения. Новая больница в камне была построена в 1854 г.

1824 — постройка Преображенской церкви положила начало формированию архитектурного ансамбля на р. Великой в с. Велико-рецком (ныне Юрьянский район) по проекту архитектора С. Е. Дудина. В последующие годы в строительстве ансамбля приняли участие архитекторы И. Д. Дюссар де Невиль и А. Е. Тимофеев.

1825 — в сентябре получено разрешение на устройство в губернском центре публичного сада. Землемер М. Ивакин и архитектор

А. Тимофеев составили план сада и чертежи беседок-ротонд. Были произведены посадки деревьев. Проекты ограды и каменных ворот главного входа выполнены А. Витбергом. Решетку из чугуна отлили умельцы Белохолуницкого завода. В 1838—1840-х гг. ее поставил и выстроил портал мастер И. П. Смирнов. Для публики Александровский сад был открыт в 1835 г. (ныне Центральный парк культуры и отдыха им. Ст. Халтурина).

- 1820-е — построен двухэтажный каменный дом купцов Репиных. В 1874 г. архитектор А. С. Андреев приспособил частный дом под епархиальное женское училище, сделав две пристройки и выстроив в 1879 г. домовую церковь. С мая 1924 г. здесь разместился пединститут (ныне Вятский государственный педагогический университет). В 1937 г. И. А. Чарушин провел реконструкцию и надстроил здание на два этажа.
- 1835 — в октябре в г. Вятку сослан талантливый архитектор и художник А. Л. Витберг. Здесь им созданы проекты Александро-Невского собора, публичной библиотеки, входа и решетки городского сада. Уехал в Петербург в 1840 г.
- 1838 — А. Л. Витбергом составлен проект **храма во имя Александра I**, посетившего г. Вятку в 1824 г. Торжественная закладка Александро-Невского собора прошла в 1839 г. Закончено строительство монументального, необычного храма, нарушившего устоявшиеся каноны построения русских православных церквей, в 1864 г. Собор нес в себе черты эклектики — смешения архитектурных стилей разных эпох, но воспринимался как единое и соразмерное целое. Взорван в июне 1937 г.
- 1845 — в г. Яранске по повторно использованному проекту столичного архитектора К. А. Тона была заложена Троицкая церковь, построенная в 1857 г. Ныне сохранилась и колокольня Старо-Троицкого собора постройки 1689 г.
- 1856 — создан Гостинный двор — место проведения знаменитой Алексеевской ярмарки (торговые ряды г. Котельнича). Памятник архитектуры — торговые ряды г. Слободского — строился в 1876—1896 гг.
- 1867 — по проекту архитектора А. С. Андреева построена Вятская городская пожарная часть. Это двухэтажное здание с выходящей на главный фасад пятиярусной каланчой. Перестройка здания с заменой деревянных перекрытий железобетонными производилась в 1913 г. Надстройка двух этажей выполнена в 1950-е гг.
- 1871 — купцом первой гильдии, щедрым благотворителем Я. А. Прозоровым по проекту архитектора А. С. Андреева выстроен двухэтажный каменный особняк — «красный замок». Декор фасада выполнен из кукарской опоки. Дом был завещан епархиальному женскому училищу (ныне фабрика музыкальных инструментов).

— Вятское губернское земство начинает широкую кампанию повышения огнестойкости сельскохозяйственных построек и распланировки селений. В 1873 г. земское собрание принимает решение о постепенной перестройке всех сельских населенных пунктов по проектным планам. Составление планов было возложено на уездных землемеров, но вначале их составлял земский губернский архитектор В. М. Дружинин. Утверждал планы губернатор. К 1900 г. новые планы имели 42% населенных пунктов губернии.

- 1874 — Орловское уездное земство по настоянию и личном участии известного врача С. И. Сычугова по проекту В. М. Дружинина построило в с. Великорецком деревянную больницу. При приемке здания специальная комиссия особо отметила значительную экономию средств и высокое качество работ.
- 1875 — у Раздерихинского оврага г. Вятки на месте ветхой деревянной часовни, поставленной в память о битве 1418 г. вятчан с устюжанами, была достроена по проекту Н. А. Андреевского в камне часовня-памятник «в честь убиенных». Разрушена в 1925 г. В мае 1995 г. прошла закладка первого камня восстанавливаемой часовни.
- 1877 — в октябре на старой Хлебной площади по проекту архитектора И. В. Нефедьева выстроено деревянное здание Вятского зрительного зала. Современное здание театра драмы и комедии построено в 1939 г. по проекту московских архитекторов А. Н. Федорова и И. Г. Бутова. Отделка зрительного зала осуществлена по проекту Е. И. Громаковского. В 1959 и 1985 гг. проведены реконструкция здания (проекты Н. И. Козлова и Б. В. Зырина) и капитальный ремонт.
- 1885 — в с. Подосиновце на территории больницы построен деревянный дом для врача. В нем долгие годы работал и жил (до 1940 г.) известный врач, общественный деятель, Герой Труда Н. В. Отроков. В октябре 1988 г. около дома-памятника конца XIX в. открыт бюст врача-героя (скульптор Л. Д. Леденцова);
- в слободе Пятницкой г. Вятки построен первый кирпичный дом-контора пароходовладельца Я. Ф. Тарышкина (ныне УРС Вятского речного пароходства).
- 1894 — вятским губернским архитектором стал И. А. Чарушин. По его проектам в губернии построено огромное количество зданий. Родился в 1862 г. в г. Орлове, умер в 1945 г., похоронен на Лобановском кладбище г. Кирова, на могиле установлен бюст И. А. Чарушина (скульптор М. М. Кошкин).
- 1895 — 19 августа состоялась закладка здания вокзала железнодорожной станции Пермь-Котласской железной дороги, которое сохранилось до наших дней. В 1903 г. был заложен вокзал железной дороги на Петербург. В 1962 г. на станции Киров

вошел в строй новый пассажирский вокзал. Здание построено по проекту архитектора М. Готлиба.

- 1899 — Вятское губернское земство открыло первую школу для подготовки строительных рабочих. Это учебная печная мастерская, готовившая печников для сельского строительства. Обучалось в ней до 40 человек. В 1901 г. земство, проводя кампанию за повышение огнестойкости сельских построек, в центре г. Вятки построило одноэтажный дом из самана с черепичной кровлей, простоявшей в хорошем состоянии около 60 лет.
- 1901 — по проекту И. А. Чарушина построено одно из первых зданий в стиле чистого модерна — здание спирто-очистительного склада в г. Вятке (ныне завод «Красный инструментальщик»).
- 1903 — 31 августа в г. Вятке открыт католический храм во имя Александра III. Построен на собственные средства поляков-католиков, наблюдение за производственными работами вел И. А. Чарушин. Закрыт Александровский костел в 1933 г. В 1991 г. начались работы по реставрации храма, в 1993 г. здесь создан органный зал;
- по проекту земского архитектора Г. Г. Кутушева в г. Вятке построено здание родовспомогательного отделения губернской больницы (ныне роддом № 1). Характерный памятник «кирпичного стиля».
- 1907 — в г. Вятке выстроено здание единоверческой Серафимовской церкви по проекту И. А. Чарушина. Художественный образ памятника навеян русской архитектурой XVII в.
- 1909 — построена магометанская мечеть в г. Вятке по проекту архитектора М. В. Дружинина. Памятник архитектуры.
- 1910 — в духе романтического модерна в г. Вятке выстроен магазин Клабукова и Ухова (ныне училище искусств). И. А. Чарушин использовал новые отделочные материалы: цветную штукатурку, бетон, гнутое железо, стекло, дерево. Впервые применил полукруглое очертание угла с расположенным на нем главным входом. В этом стиле архитектором созданы многие дома в различных городах губернии.
- 1911 — выстроен особняк известного пароходовладельца, купца Т. Ф. Булычева. И. А. Чарушин выполнил проект в стиле английской готики с ассирио-вавилонскими элементами. Здание было пожертвовано городу, в нем разместился «Дом инвалидов и сирот» первой мировой войны, а с 1919 г. здесь органы госбезопасности.
- 1912 — в мае по инициативе А. А. Истомина начались работы по созданию в г. Вятке ботанического сада. План и проект сада разработаны петербургскими специалистами. С 1923 г. он принадлежит Вятскому государственному педагогическому университету.

- 1913 — 1 августа открыт деревянный кинотеатр «Колизей», рассчитанный на 800 мест. Построен на средства Н. В. Рязанцева по проекту инженера губернского земства П. К. Шуплецова. Закрыт в январе 1978 г., разобран. В январе 1988 г. новый широкоформатный кинотеатр г. Кирова по желанию жителей назван «Колизеем».
- 1915 — на берегу Вятки в губернском центре заложена Федоровская церковь как памятник царствующего дома Романовых (архитектор И. А. Чарушин). Снесена в 1962 г.
- 1919 — 7 февраля при Вятском губернском отделе народного образования организуется подотдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины — губмузей. В губмузей были избраны архитектор И. А. Чарушин, художник М. А. Демидов и музейный работник А. С. Лебедев.
- 1920 — в г. Вятке достроено главное здание мастерских учебных пособий, заложенное губернским земством в начале первой мировой войны (ныне завод «Физприбор»).
- 1922 — создана первая государственная подрядная строительная организация — технико-строительная контора при Вятском губернском Совете народного хозяйства.
- 1923 — 7 ноября в г. Вятке открыт памятник народнику-земляку С. Н. Халтурину. Авторы монумента: скульптор Н. И. Шильников, архитектор И. А. Чарушин, художник М. А. Демидов. Бетонные работы по установке памятника выполнены мастерами Владимировыми.
- 1924 — народный комиссариат земледелия страны утверждает «Обязательные правила о распланировании селений и их застройке».
- 1925 — жилищный кооператив станции Вятка-2 построил четыре первых деревянных жилых дома на 12 семей.
- 1928 — под руководством профессора Б. А. Коршунова Бюро по планировке городов при картоиздательстве НКВД приступило к проектированию генерального плана развития Вятки на тридцатилетний период с 1928 по 1958 гг. В июле 1929 г. президиум губисполкома утвердил проект в целом, но в связи с созданием Нижегородского края, куда вошла Вятская губерния, генплан окончательно утвержден не был. Проектирование второго генплана Вятки-Кирова было в 1932—1941 гг.;
- на земле бывшей дачи Лаптева было выстроено деревянное здание клуба железнодорожников им. Октябрьской революции. В 1987 г. на этом месте открыт новый современный Дворец культуры железнодорожников. В этом же году в г. Кирове был открыт Дворец культуры завода им. Лепсе.
- 1930 — по проекту архитектора Б. А. Коршунова в г. Вятке был по-

строен почтамт (ныне Дом связи). Разработку чертежей и строительство производила строительная контора Вятского губсовнархоза. Руководили работами инженеры М. В. Хлебников и П. Г. Погудин;

— в г. Вятке построено каменное школьное здание по проекту архитектора А. А. Дубровского (ныне школа-лицей № 24);

— выстроена в г. Вятке каменная Северная поликлиника (архитектор А. А. Дубровский);

— из монолитного бетона построен клуб пищевиков г. Вятки.

1934 — в Вятском городском саду им. Ст. Халтурина был выстроен по проекту И. А. Чарушина летний деревянный театр, зал которого на 1200 мест имел великолепную акустику. Разобран в 1962 г.

1937 — состоялся первый съезд архитекторов страны. В его работе принял участие И. А. Чарушин — первый из кировчан член Союза архитекторов. В декабре 1938 г. была создана Кировская организация Союза архитекторов;

— заложен фундамент областного Дома Советов. Проект выполнил архитектор Е. И. Громаковский. Стройка была закончена после Великой Отечественной войны в 1949 г. архитектором Н. И. Козловым. По его проекту выстроен двухсветный зал заседаний. Ныне в здании располагается областная администрация;

— в г. Вятке построено здание Центральной гостиницы по проекту И. А. Чарушина. Пристройка восточного крыла выполнена в 1957 г. архитектором Б. А. Александровым. В 1994 г. началась реконструкция здания.

1938 — в областном центре построено первое каменное специализированное здание кинотеатра «Октябрь». Архитектор В. Калмыков.

1941 — в апреле сессией Кировского горсовета принят новый проект генплана города на 1941—1965 гг., генплан не был утвержден: началась Великая Отечественная война;

— в кратчайший срок в области было сделано все, чтобы реорганизовать местную промышленность, разместить предприятия, эвакуированные из западных районов страны (выбрать место, построить новые производственные здания, провести монтаж оборудования и т. д.), начать выпуск военной продукции. Например, Кировский МСЗ им. 1 мая принял гиганта — Коломенский машиностроительный завод, и вскоре появились и пошли на фронт танки;

— в ноябре с Вятскополянского МСЗ, развернутого на базе шпульно-катушечной фабрики, была направлена на фронт

первая партия нового автоматического оружия — ППШ. Автоматом автомата был талантливый конструктор Г. С. Шлагин, удостоенный в годы войны званий Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии. В 1982 г. в г. Вятские Поляны открыт скульптурный портрет и дом-музей Г. С. Шлагина;

— Государственный Комитет Оборона принял решение о строительстве шинного завода в г. Кирове. Для оборудования предлагалось использовать часть машин Ярославского завода. Базой для развертывания строительства послужили построенные в конце 20-х гг., деревянные здания завода «Дубитель». Первыми строителями завода стали старики, подростки, женщины. По 12 часов в сутки они вручную долбили мерзлую землю, таскали бревна, возводили стены. Летом 1943 г. из Ярославля приехала первая партия рабочих и специалистов. 6 ноября 1943 г. была выпущена первая шина. Кировский шинный завод неоднократно расширялся, реконструировался, перестраивался. Ныне это крупное, современное предприятие.

1943 — 31 декабря создан Кировский областной отдел по делам архитектуры. Постепенно возникла сеть специальных управлений по сельскому и колхозному строительству и проектных организаций.

1948 — сдан в эксплуатацию Стрижевский завод силикатного кирпича;

— 31 октября открыт памятник А. И. Герцену (чугунный бюст на круглом постаменте) у областной научной библиотеки. Скульптор В. С. Рязанцев, архитектор Н. И. Козлов.

1951 — в январе в областном центре построен один из крупнейших в стране лыжный трамплин спортивного общества «Спартак». Проектировал его А. В. Казенин.

1952 — проектный институт «Ленгипрогор» по договору с Кировским горсоветом приступил к разработке проекта планировки и застройки г. Кирова. В 1954 г. он был утвержден Советом Министров России. Изменения вносились в 1954, 1965, 1969 гг. Окончательно генплан утвержден в 1970 г.

1956 — 1 января вступил в строй Кировский завод по обработке цветных металлов. В создании завода ОЦМ участвовал архитектор А. Г. Тинский, которому в 1993 г. присвоено высокое звание «Почетный гражданин города Кирова».

1957 — в г. Кирове и районах области начато строительство жилья с трудовым участием населения — методом «народной стройки».

1959 — в составе Кировского совнархоза создано Управление строительства и промышленности строительных материалов;

— взят курс на индустриализацию строительства. Первую продукцию выдал полигон строящегося завода железобетонных изделий.

1961 — на строительстве крупнейшего цеха кабельных бумаг в п. Мурыгино впервые в области выстроена открытая электроподстанция при полной сборности всех конструкций.

1963 — вошел в число действующих предприятий завод крупнопанельного домостроения в г. Кирове;

— в Кировском политехническом институте (ныне Вятский государственный технический университет) начата подготовка по специальности «инженер-строитель промышленного и гражданского строительства».

1966 — 25 января организовано областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры с секцией архитектуры;

— 5 ноября в областном центре открыт бронзовый памятник С. М. Кирову работы московского скульптора Г. Е. Арапова, архитекторов Г. И. Гаврилова и Е. И. Кутырева.

1967 — 29 мая в г. Кирове состоялось открытие обелиска в память воинов-кировчан, погибших в годы Великой Отечественной войны. Авторы памятника: скульпторы Ф. А. Шпак, В. С. Рязанцев и архитектор Ю. И. Кармазин;

— в г. Кирове установлен памятник героическому труду «Кировчане — фронту» танк Т-34, дошедший до Берлина. Авторы памятника: скульптор А. И. Веселов, архитектор Ю. И. Кармазин;

— в областном центре построена гостиница «Вятка» по проекту архитектора Б. В. Зырина;

— на базе проектных организаций создан институт «Кировгипрогорсельстрой»;

— группа кировских архитекторов награждена медалями и дипломами ВДНХ СССР за проекты застройки поселков Кстинино Кирово-Чепецкого района, Спицыны Котельничского района и села Ильинского Слободского района.

1968 — Правительство и Академия Наук России приняли решение о создании «Свода памятников истории и культуры Российской Федерации». В г. Кирове началась работа по выявлению и обследованию сохранившихся архитектурных памятников.

1969 — в ноябре закончено строительство нового аэровокзала в Кировском аэропорту;

— созданы Кировские специальные научно-реставрационные производственные мастерские, начавшие реставрацию и реконструкцию многочисленных архитектурных памятников области.

1970

— 4 сентября в г. Кирове открыт памятник В. И. Ленину. Авторы памятника: скульпторы Ф. А. Шпак, М. М. Кошкин, архитектор И. М. Синица;

— городам Кирову и Слободскому присвоен статус «Историческое населенное место России». В 1990 г. этот статус был присвоен городам Котельничу, Малмыжу, Нолинску, Орлову, Советску, Уржуму, Яранску, поселку Лальск, селам Великорецкое и Рябово.

1971

— в январе в г. Кирове состоялось открытие Центрального универмага — самого крупного предприятия торговли области;

— в ноябре в г. Кирове был создан Зал архитектуры. В сентябре 1973 г. в нем была открыта выставка творчества молодых архитекторов.

1972

— в июле построен Нижнеивкинский курорт, который в августе принял первых пациентов;

— в декабре п. Юбилейный Котельничского района стал победителем Всесоюзного смотра-конкурса на лучшую застройку и благоустройство сел.

1974

— 17 августа состоялось открытие Дворца-мемориала юных — уникального памятника воинам-землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Мемориальный комплекс сооружен на средства жителей области, в строительстве участвовало более 80 предприятий и учреждений. Главный архитектор проекта А. В. Щеглов;

— началось сселение мелких сел и деревень области и комплексная застройка центральных усадеб совхозов и колхозов. На 1 января 1970 г. существовало 11250 сельских поселений, к началу 1995 г. их осталось 5019.

1975

— в сентябре сдан в эксплуатацию областной Дом радио. В нем расположены редакции радиовещания и телевидения, технические службы и кинопроизводство.

1977

— 23 декабря открыт историко-революционный мемориал — диорама. В 1981 г. архитектору А. П. Павлову, живописцу Н. Н. Соломину и скульптору В. А. Сонину за архитектурно-художественное решение диорамы в г. Кирове присуждена Государственная премия республики;

— 24 декабря в г. Кирове открыт государственный цирк со зрительным залом на 1600 мест. Цирк, диорама и гостиница «Вятка» составили ансамбль парковых сооружений.

1981

— 6 октября Кировский облисполком принял решение «Об эк-

спериментально-показательной застройке п. Костино — центральной усадьбе совхоза «Красногорский» Октябрьского района г. Кирова». Генплан поселка был разработан институтом «Кировгипрогорсельстрой». Квартал застройки в Костино стал образцом сельского зодчества области.

- 1983 — 18 апреля в соответствии с рекомендацией ЮНЕСКО установлен Международный день памятников и достопримечательных мест. С 1989 г. праздник отмечается и в России.
- 1984 — 2 ноября открылось постоянное движение по автодорожному мосту через р. Вятку у д. Буйский перевоз в Уржумском районе.
- 1987 — 24 апреля архитектурная и художественная общественность областного центра отметила двухсотлетие со дня рождения А. Л. Витберга. В художественном музее открылась выставка академических рисунков Витберга, его живописных и архитектурных работ. В выставке участвовали музеи и хранилища Москвы, Ленинграда, Кирова.
- 1988 — Министерство культуры России утвердило проект охранных зон при застройке исторической части г. Кирова и включение его в генеральный план;
- закончено строительство Дома печати, в котором разместились редакция газеты «Кировская правда» и современный типографский комплекс.
- 1990 — 25 декабря принято Постановление Верховного Совета России о проведении инвентаризации всех памятников архитектуры и градостроительства. В настоящее время в Кировской области на государственной охране состоит 240 памятников архитектуры: 157 федерального и 83 областного значения. Взято на учет еще 930 строений.
- 1992 — вышло Постановление Совета Национальностей Верховного Совета России о реализации Программы возрождения исторических мест России «Вятское Васнецовское кольцо». «Васнецовское кольцо» включает в себя восстановление памятников истории и культуры в селах Зуевского, Уржумского, Сунского, Богородского, Кирово-Чепецкого районов, а также в самой Вятке (Кирове), восстановление памятных мест, связанных с именем художников-земляков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ (ГАКО)

- 152 Вятский приказ общественного призрения.
176 Вятская губернская казенная палата.
237 Вятская духовная консистория.
240 Кукарское духовное правление.
246 Вятский Преображенский девичий монастырь.
247 Вятский Успенский мужской Трифонов монастырь.
412 Преображенская церковь с. Великорецкого.
582 Канцелярия вятского губернатора.
583 Вятское губернское правление.
619 Вятская губернская строительная и дорожная комиссия.
628 Вятская городская управа.
630 Вятская городская Дума.
712 Вятская губернская чертежная.
1310 Воскресенский собор г. Лальска.
1404 Рукописные и старопечатные книги (коллекция).
Р-606 Вятский губернский отдел профессионального союза строительных рабочих.
Р-801 Комитет государственных сооружений при Вятском губсовнархозе (Губкомгоссоор).
Р-875 Вятский губисполком.
Р-897 Кировский горисполком.
Р-1123 Вятский губернский коммунальный отдел.
Р-1125 Вятский городской коммунальный отдел.
Р-1137 Вятский губернский отдел народного образования.
Р-1163 Комитет по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы при Вятском ГубОНО.
Р-1241 Вятский государственный строительный трест Нижегородского краевого объединения строительной индустрии и промышленности строительных материалов (трест «Вятстрой»)
Р-1248 Кировский областной промышленно-строительный трест («Кировпромстрой») Кировского управления строительства «Главволговятстрой».
Р-1249 Управление строительного контроля при Вятском губисполкоме.
Р-2047 Кировский областной строительный трест («Кировстрой») управления строительства Волго-Вятского совнархоза.
Р-2168 Кировский крайисполком.

- P-2169 Кировский облисполком.
- P-2298 Кировский государственный институт по проектированию городского и сельского строительства («Кировгипрогорсельстрой»).
- P-2304 Отдел по делам искусств Кировского облисполкома.
- P-3126 Плановая комиссия Кировского горисполкома.
- P-3782 Кировское отделение Союза архитекторов СССР.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ, С.-ПЕТЕРБУРГ

- 218 Департамент искусственных дел Главного управления путей сообщения и публичных зданий.
- 733 Департамент народного просвещения.
- 796 Канцелярия Синода.
- 797 Канцелярия обер-прокурора Синода.
- 835 Строительные планы и фотографии Синода (коллекция).
- 1293 Техничко-строительный комитет министерства внутренних дел.
- 1350 Межевой департамент Сената.
- 1399 Карты, планы и чертежи Петербургского сенатного архива (коллекция).
- 1488 Планы и чертежи гражданской архитектуры (коллекция).

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ДРЕВНИХ АКТОВ, МОСКВА

- 137 Боярские и городовые книги.
- 141 Приказные дела старых лет.
- 297 Канцелярия архитекторов кн. Д. Ухтомского, П. Никитина и И. Жукова.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Бежит время, и вот уже книга в руках читателя. Он увидит в ней более двухсот фотографий, рисунков, чертежей. В книге использованы фотографии М. Н. Бойчука, Б. В. Зырина, В. Игнатьева, Ю. Ивонина, А. Ю. Каптикова, И. В. Маковецкого, А. Г. Осокина, А. Г. Тинского, Е. Л. Скопина и Ю. К. Фавстова. Гравюры выполнены А. М. Колчановым, рисунки - М. Чемодановым, Н. Макаренко, Л. Б. и Г. М. Безверховыми. Все чертежи подготовила к печати Г. В. Титова.

Особую благодарность авторский коллектив выражает Главному управлению архитектуры и градостроительства администрации Кировской области за участие в составлении плана издания, содействие в подготовке материалов и консультирование.

Авторы благодарят сотрудников акционерного общества «Кировпроект», которые помогли подготовить к печати графические листы исследований по градостроительству на Вятской земле и застройке ее городов; преподавателя кафедры архитектуры Тамару Викторовну Богословскую, взявшую на себя труд по составлению словаря архитектурных терминов; Ольгу и Игоря Шульгиных, распечатавших как всегда срочные материалы авторов, и тех безымянных и бескорыстных помощников, которые пожелали остаться неизвестными.

Каждая книга выходит потому, что ее ждут. Огромная благодарность тем, кто «ожиданием своим» воодушевлял авторов.

За время работы над книгой на восемьдесят втором году ушел из жизни член авторского коллектива, архитектор-художник Борис Викторович Зырин. Участник Великой Отечественной войны. Один из победителей, больше пятидесяти лет отдал он архитектуре Ленинграда, Свердловска и Кировской области, откуда он родом. Автор монографии об Иване Аполлоновиче Чарушине, он написал и шесть статей для тома «Архитектура», работая до тех пор, пока рука еще держала перо. Эта книга, как и построенные по его проектам здания, будет памятью о нем, сыне Вятской земли.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ГАКО — Государственный архив Кировской области.
ГИАЛ — Государственный исторический архив Ленинграда (ныне Центральный государственный исторический архив. С.-Петербург).
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов, Москва.
ВГВ — «Вятские губернские ведомости».
ТВУАК — Труды Вятской ученой архивной комиссии.
ЖВГД — Журналы Вятской городской думы.
ККВГ — Календарь и памятная книжка Вятской губернии.
На форзаце — фрагмент колокольни Троицкой церкви «за Вяткой рекой» и записка протопопа Воскресенского собора Лальска М. К. Швецова «В потомки для сведения...»

ОГЛАВЛЕНИЕ

О чем эта книга (от составителя)	5
ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО НА ВЯТСКОЙ ЗЕМЛЕ	
Однокамерные жилые постройки первых насельников нового города. А. Г. Тинский	13
Жилище и усадьба горожан XVII—XVIII вв. А. Г. Тинский	15
Планировка и застройка города Хлынова в XVI—XVII вв. А. Г. Тинский ..	22
Крепостная архитектура Хлынова XVII в. А. Г. Тинский	28
Деревянные клетские и шатровые церкви А. Г. Тинский	35
Монастырские ансамбли XVII в. А. Г. Тинский	43
Успенская шатровая церковь Успенского Трифонова монастыря. А. Г. Тинский	47
Административное здание конца XVII в. Хлыновская приказная изба. А. Г. Тинский	52
Архитектурная резьба по дереву. А. Г. Тинский	55
НАЧАЛО КАМЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА	
Соборный храм Святой Троицы. А. Г. Тинский	64
Успенский собор Трифонова монастыря. А. Г. Тинский	69
КАМЕННОЕ ЗОДЧЕСТВО XVIII в.	
Народные мастера-каменщики. А. Ю. Каптиков	73
Взаимоотношения с заказчиками и условия труда. А. Ю. Каптиков	83
Словесное описание, «образец» и чертеж. А. Ю. Каптиков	93
Архитектурные формы храмов 1680—1720 гг. А. Ю. Каптиков	97
Архитектурные формы храмов 1730—1770 гг. А. Ю. Каптиков	103
Архитектура гражданских зданий конца XVII и половины XVIII в. А. Г. Тинский	111
Архитектура гражданских зданий середины XVIII в. А. Г. Тинский	117
Кафедральный собор в Хлынове. А. Ю. Каптиков	123
Переход к строительству «по проектам архитекторским». А. Ю. Каптиков	128
ОТ «БАРОККО» К КЛАССИЦИЗМУ	
Проекты Комиссии о строении городов. А. Г. Тинский	133
Первый регулярный план города Вятки 1784 г. А. Г. Тинский	136
Первый Вятский губернский архитектор Филимон Меркурьевич Росляков. А. Г. Тинский	139
План города Вятки 1812 г. А. Г. Тинский	145
«Образцовые» проекты 1809—1812 гг. А. Г. Тинский	148
НОВЫЕ ВЕЯНИЯ В АРХИТЕКТУРЕ	
Архитектурное наследие А. Л. Витберга в Вятке. А. Г. Тинский	153

Архитектурные стили второй половины XIX в. Б. В. Зырин	159
«Кирпичный» стиль. Б. В. Зырин	161
Стиль «модерн». Б. В. Зырин	162
ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО	
Градостроительство на Вятской земле. Л. Б. Безверхова	164
Первый этап градостроительства. Возникновение городов на Вятке	
XIV—XV вв. Л. Б. Безверхова	167
Города на Сибирском торговом пути. XVI в. Л. Б. Безверхова	171
Города Вятского понизовья. Конец XVI в. Л. Б. Безверхова	172
Монастыри в структуре городов. Село Ноли. Л. Б. Безверхова	173
«Старые» и «новоземельные» города к началу XVII в. Л. Б. Безверхова ..	175
Вятские города в XVII и в первой половине XVIII в. Л. Б. Безверхова ..	176
Второй этап градостроительства. Внедрение регулярных начал	
и перестройка городов. Л. Б. Безверхова	181
АРХИТЕКТУРНЫЕ АНСАМБЛИ	
Архитектурный комплекс на Великой реке. Л. Б. Безверхова	192
Ансамбль Соборной площади Лальска. Л. Г. Хрипунова	209
Ансамбль одного памятника. Храм Покрова на Лузе. А. Ю. Каптиков,	
Л. Г. Хрипунова	213
Архитектурный ансамбль Соборной площади Успенского Трифонова	
монастыря XVII—XIX вв. А. Г. Тинский, А. К. Шуклин	215
ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ПЛАНЫ И ЗАСТРОЙКА ГОРОДА КИРОВА	
Восстановление городского хозяйства и начало нового	
строительства. Первая пятилетка. 1918—1932 гг. Б. В. Зырин	224
Генеральный план Вятки на период 1928—1958 гг. План Горпрогора	
(1941—1965 гг.). Б. В. Зырин	227
Застройка города Кирова. 1930-е гг. Б. В. Зырин	232
Проект планировки города Кирова (Ленгипрогор, 1954 г.).	
Застройка 1950—1960-х гг. А. Г. Тинский	236
ПЛАНИРОВКА СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ	
Огнестойкое строительство. Распланировка селений и Вятское	
губернское земство. А. Г. Тинский	246
Архитектура сельских поселений. Г. М. Безверхов	253
АРХИТЕКТОРЫ	
Инженер-архитектор В. М. Дружинин. А. Г. Тинский	271
Архитектор-художник И. А. Чарушин. Б. В. Зырин	274
Архитектор-художник Н. И. Козлов. Б. В. Зырин	277
Краткие сведения об архитекторах. А. Г. Тинский	278
С АРХИВНОЙ ПОЛКИ	
1. Письмо епископа Вятского и Великопермского Варфоломея	
архитектору Д. В. Ухтомскому с сообщением о высылке проекта	
Кафедрального собора	290
2. Письмо архитектора Д. В. Ухтомского епископу Вятскому	
и Великопермскому Варфоломею по вопросу о составлении сметы	
на строительство Кафедрального собора г. Хлынова и архиерейского	
дома	290

3. Подрядный договор на изготовление слюдяных окончин для Кафедрального собора г. Хлынова	291
4. Договор на постройку колокольни Кафедрального собора в г. Хлынове	291
5. Выписка из книги «Географическое и методическое описание Российской империи...» — о вятских городах	294
6. Паспорт каменщика Я. Н. Кудрявцева	295
7. Из протокола заседаний присутствия Вятской духовной консистории — договор на постройку придела Покровской церкви в слободе Кукарке	296
8. Протокол заседания присутствия Вятской духовной консистории о постройке колокольни в селе Ишлык Кукарского духовного правления и допущенных отклонениях от архитектурского проекта	298
9. Правила о постройке домов	299
10. Подрядный договор о мощении Спасской улицы г. Вятки	301
11. Формулярный список о службе вятского губернского архитектора Ф. М. Рослякова за 1802 г.	302
12. Одобрительное письмо, выданное Чепецким волостным правлением подрядчику У. Л. Деришеву	304
13. Счет каменщика Я. Горбушина за проведенные им работы в доме губернатора Ф. И. фон-Брадке	304
14. Письмо архитектора А. Л. Витберга в комитет по постройке Александровского собора с сообщением о составлении проекта собора	305
15. Указание председателя ВЦИК М. И. Калинина заведующему Вятским губернским комитетом по делам музеев И. А. Чарушину о соблюдении порядка изъятия церковных ценностей	305
16. Записка протопопа Воскресенского собора города Лальска Вологодской губернии М. К. Швецова об отделке интерьера собора	305

ПРИЛОЖЕНИЯ

Паспортизация памятников истории и культуры Г. В. Титова	308
Из истории реставрации памятников архитектуры Кировской области. Е. Л. Скопин	310
Хронологическая справка о вятских губернских архитекторах (1780—1917 гг.). А. Г. Тинский	314
Список памятников церковного зодчества Вятской губернии, состоящих на учете отдела по делам музеев Главнауки Наркомпроса РСФСР. 1924 г. (Справка ГАКО)	316
Из технико-экономической записки к проекту планировки города Вятки — список памятников старины. 1929 г. (ГАКО)	318
Список памятников градостроительства и архитектуры Кировской области, состоящих на государственной охране на 1955 г. М. Н. Бойчук	320
Краткий иллюстрированный словарь специальных терминов. Л. Б. Безверхова	334
Библиография. С. П. Кокурина	351
Хроника событий. С. П. Кокурина	356
Список использованных архивных фондов	373
Послесловие	375
Принятые сокращения	376

СЕРДЕЧНО БЛАГОДАРИМ!

С чувством сердечной признательности называем имена руководителей организаций, учреждений, внесших свой вклад в поддержку издания пятого тома Энциклопедии Земли Вятской «Архитектура».

Администрация города Кирова, городское управление культуры. Мэр **Евгений Анатольевич Клевачкин**, начальник управления **Луиза Борисовна Волохова**;

Федерация профсоюзных организаций Кировской области, Председатель **Олег Иванович Выдрин**;

Кировское региональное отделение фонда социального страхования РФ. Управляющий **Александр Николаевич Стрельников**, начальник отдела **Капитон Филиппович Ивонин**;

Акционерный банк «Кировсоцбанк». Председатель правления **Валентина Дмитриевна Ентальцева**;

Кировский банк Сбербанка Российской Федерации. Председатель **Петр Иванович Юферов**;

Отделение пенсионного фонда России по Кировской области. Управляющий **Владимир Михайлович Никитин**

ДОРОГИЕ ЗЕМЛЯКИ!

От всей души рекомендуем Вам поспешить с приобретением Энциклопедии Земли Вятской.

Вас уже ждут первый том — «Города», второй — «Литература», третий — «Ратные подвиги», четвертый — «История», пятый — «Архитектура».

Последующие тома будут посвящены этнографии и фольклору, культуре и искусству, самобытным ремеслам и природе, известным землякам, родословной сел и деревень.

К созданию ЭЗВ привлечены ученые, краеведы, искусствоведы, писатели и журналисты нашей области, Москвы, Санкт-Петербурга, Ижевска, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода и других мест.

Энциклопедия — очень ценный и содержательный подарок для людей всех возрастов, к любому юбилею или торжественному событию в жизни выпускника школы, колледжа, института, к свадьбе и дню рождения, для друзей, живущих на чужбине.

Удобнее всего с энциклопедии начать сбор своей собственной библиотеки.

Без ЭЗВ не обойтись никому, кто интересуется историей, культурой, этнографией и другими сторонами жизни родного края.

Не за горами день, когда ЭЗВ станет библиографической редкостью. Спешите!

За книгами обращаться в писательскую организацию: 610000, г. Киров, ул. Дрелевского (Спасская), 41-а, тел. 62-25-79, 62-53-73.

Ответственный за выпуск *В. Ситников*
Технический редактор *Н. Первозникова*
Корректоры *Т. Смертина, Т. Крючкова*

Сдано в набор 30.01.96. Подписано к печати 01.03.96.
Формат 84×108/32. Гарнитура «Таймс». Бумага типографская.
Усл. печ. л. 25, 20. Тираж 15000. Заказ 230.

Государственное издательско-полиграфическое предприятие «Вятка».
610044, г. Киров, ул. Московская, 122.